

XX
век

С. М. Алнев

ИСТОРИЯ ИРАНА

XX век

ИСТОРИЯ ИРАНА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

Р. Б. Рыбаков (главный редактор),
В. М. Алпатов, А. З. Егорин (отв. редактор тома), В. А. Исаев,
В. Я. Белокреницкий, А. М. Хазанов,
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)

Алиев Салех Мамедоглы

ИСТОРИЯ ИРАНА XX ВЕК

**Москва
ИВ РАН - Крафт+
2004**

УДК 94(55)"19"
ББК 63.3(5) (Ирн)
А 50

Отв. редактор тома
А.З. Егорин

Редактор издания
Г.В. Миронова

А 50 Алиев, Салех Мамедоглы

История Ирана. XX век / Алиев Салех Мамедоглы;
Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. — М.: Ин-т
востоковедения РАН: Крафт+, 2004. — 648 с.
Агентство СІР РГБ

ISBN 5-93675-075-2 (Крафт+)
ISBN 5-89282-184-6 (ИБ РАН)

Это первое в научной и учебной литературе исследование истории Ирана XX века. Общественно-политическая история страны в новой интерпретации, проведенная на основе многих не публиковавшихся ранее архивных и документальных материалов России, Ирана, ряда европейских и арабских стран.

Книга рассчитана на специалистов, изучающих процессы, происходящие в мусульманском мире, и на широкий круг читателей, следящих за событиями в этой стране.

Работа может быть использована в качестве пособия в высших и средних учебных заведениях.

ISBN 5-93675-075-2 (Крафт+)
ISBN 5-89282-184-6 (ИБ РАН)

9 785936 750755

© Институт востоковедения РАН, 2004
© Алиев С.М., 2004
© Издательство «Крафт+», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8
ВВЕДЕНИЕ	9
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИРАНЕ	19
ГЛАВА I	
ИРАН В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА	29
1.1. Формирование современных границ Ирана	30
1.2. Иран в сфере влияния европейских государств	39
1.3. Превращение Ирана в полуколонию	42
1.4. Конституционная революция	57
1.5. Иран накануне и в годы Первой мировой войны	71
1.6. Грезы дипломата	88
1.7. Британский план на Среднем Востоке	95
ГЛАВА II	
КРИЗИС ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ КАДЖАРОВ, ПЕРЕВОРОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1921 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (1920–1925 гг.)	106
2.1. Тебризское восстание	108
2.2. Дженгелийское движение	114
2.3. Советско-иранский договор 1921 г.	128
2.4. События в Хорасане	131
2.5. Перемены в английской политике. переворот 1921 г. Низложение династии Каджаров	136
2.6. Политические перемены в Иране после переворота 1921 года	152
ГЛАВА III	
ГОДЫ ДИКТАТУРЫ РЕЗА ШАХА (1925–1941)	164
3.1. Спор между иранским правительством и руководством АПНК. Дело А. Теймурташа	165
3.2. Реза шах Пехлеви как политик и правитель	174
3.3. Денонсация концессии, выданной д'Арси, и заключение нового соглашения. Значение доходов от нефти	179
3.4. Резашахская диктатура	189
3.5. Тяготение к Германии. Желания и возможности	195

ГЛАВА IV

НОВЫЕ СИЛОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ. СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ (1941–1949)..... 202

- 4.1. Экономическое положение и общественно-политическая ситуация 203
- 4.2. Советский Союз и «вопрос о северной нефти» 210
- 4.3. Движение азербайджанских тюрок и курдов за автономию 215
- 4.4. Проблема южной нефти 230

ГЛАВА V

ДВИЖЕНИЕ ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ

ИРАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И

РОЛЬ д-ра МОСАДДЫКА 250

- 5.1. Д-р Мосаддык – глава нового правительства..... 251
- 5.2. Пятидневное премьерство Ахмеда Кавама..... 266
- 5.3. Возвращение Мосаддыка к власти в результате восстания 21 июля 1952 г..... 268
- 5.4. Углубление раскола внутри Национального фронта..... 276
- 5.5. Обострение политических противоречий и августовский переворот 1953 г..... 280

ГЛАВА VI

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШАХА МОХАММЕД-РЕЗА

ПЕХЛЕВИ (1953–1977)..... 297

- 6.1. Реставрация авторитарного шахского правления.
Начало американской эры. 297
- 6.2. Хрущевская инициатива 307
- 6.3. Реорганизация силовых структур 311
- 6.4. Реформа как средство в политике манипулирования и усиление личной диктатуры шаха 314
- 6.5. Американское вмешательство и аграрная реформа 320
- 6.6. Июньское восстание 329
- 6.7. Хомейни в Ираке. Усиление его антимонархической деятельности 334
- 6.8. Курс шахского правительства на индустриализацию страны 340
- 6.9. Нефтяная политика Ирана в контексте изменения геополитической ситуации в зоне Персидского залива..... 349

6.10. Борьба Ирана с западными монополиями за восстановление своих прав	356
6.11. Деятельность Ирана в рамках ОПЕК и новое соглашение с МНК.....	375
6.12. Влияние «нефтяного бума» на иранскую политику и экономику	385
6.13. Возрождение абсолютной монархии и серия реформ	392
6.14. Модернизация вооруженных сил и изменения во внешнеполитическом курсе Ирана.....	408

ГЛАВА VII

АНТИМОНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1978–1979 гг. И ОБРАЗОВАНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН.

ЭРА ХОМЕЙНИ	421
7.1. Предпосылки народной революции	427
7.2. Начало и ход революционных выступлений	436
7.2. Становление Исламской Республики Иран	450

ГЛАВА VIII

ВОЙНА С ИРАКОМ. УПРОЧЕНИЕ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....

8.1. Ирако-иранская война.....	502
8.2. Иран после Хомейни. Политика экономической либерализации А. Хашеми-Расфанджани.....	514
8.3. Начало диалога «двух цивилизаций»	520
8.4. Ирано-российские отношения	525
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	534

Источники и примечания по главам	552
Приложения	600
Краткая историческая хронология	611
Краткая библиография.....	623
Указатель имен собственных	629
Указатель географических названий.....	639
Summary	644

От автора

Завершая данную монографию, я вспоминаю о тех трудностях, которые мне пришлось преодолеть в ходе разработке ее концепции, написания и подготовки к печати. В связи с этим невольно пришли на память коллеги, друзья, близкие родственники, оказавшие существенную помощь в моей работе.

Хочу выразить благодарность руководству Института востоковедения и отдела Среднего Востока, проявившим внимание и благосклонность к моему труду. Я испытываю чувство признательности к сотрудникам Института и отдела, которые помогли мне конкретными советами и моральной поддержкой.

Во время обсуждения монографии я получил целый ряд ценных рекомендаций от коллег, в частности от проф. А. З. Егорина, проф. А. М. Хазанова, проф. Дж. Дорри, к. и. н. Л. М. Кулагиной, к. и. н. С. Ф. Орешковой, к. филол. н. В. Б. Кляшториной.

Прекрасная традиция, издавна существующая среди «людей пера», позволяет мне выразить искреннюю благодарность всем тем иностранным ученым, которые оказывали мне поддержку во время поездок и участия в научных и научно-практических конференциях, проводимых зарубежными университетами и исследовательскими центрами. Из них, прежде всего назову проф. Турхана Гянджен, проф. Кемала Карпата, проф. Фуада Сезгина, проф. Турана Язгана, проф. Берта Фрагнера, проф. Э. Бастани-Паризи, проф. Джавада Хей'ата, проф. Фуада Т. Алиева, проф. Голам-Реза Сабри-Табризи, д-ра Кавуси-Эраки М.-Х., д-ра Оливера Баста.

Приношу благодарность моему другу и коллеге проф. Тофику Меликли, руководителю Общества азербайджанской культуры «Оджак» в Москве, за поддержку.

В процессе работы над рукописью всестороннюю помощь я получал от членов моей семьи – жены Натальи, сыновей Арслана и Ильяса.

Большое спасибо моему редактору Г. В. Мироновой и Н. В. Соколовой, которые помогли мне подготовить текст рукописи к печати.

Особая благодарность – Физули Фарадлиеву – генеральному директору фирмы «Техносвар» (филиала Тушинского машиностроительного завода), видному общественному деятелю азербайджанской диаспоры в России, оказавшему автору большую помощь и поддержку в процессе подготовки книги к печати.

Причины, вызвавшие у историка желание обратиться к теме, по которой в недавнем прошлом опубликовано немало работ, имеют весьма различный характер. Особенно, если речь идет о столетней истории такой значительной страны, как Иран. Общеизвестно, что в течение прошлого века иранское общество не один раз удивляло мир своими, на первый взгляд, непредсказуемыми сюрпризами.

Самое ошеломляющее, неожиданное событие произошло на пороге XXI в., когда в результате революции 1978–1979 гг. здесь потерпела сокрушение монархия. Парадоксален тот факт, что накануне этого развала шахская диктатура по формальным признакам находилась на вершине своего могущества. В качестве главного довода незыблемости своей власти последний шах Мохаммед-Реза Пехлеви ссылался на факт существования института монархии в Иране еще в глубокой древности [1]. Не менее неожиданным явился итог революции – полная политическая победа аятоллы Хомейни и его соратников, представителей шиитского духовенства, а также их союзников из числа светских политиков-исламистов. Они стали основателями нового государства – Исламской Республики Иран (ИРИ). Крах монархии Пехлеви и особенно – образование Исламской республики в Иране – оказали огромное воздействие на рост исламских политических движений и течений в глобальном масштабе. Еще одной неожиданностью исторического характера явилось то, что теократические воззрения Хомейни стали идейно-политическим фундаментом иранского государства.

Видимо поэтому, словно по команде, большое число исследователей и политологов приступили к изучению ислама, пытались вскрыть «тайные элементы» этого учения, на которых будто бы покоились причины успеха иранского духовенства. Что касается усиления интереса академических и политических центров Запада и Востока к изучению ислама, его истории, его эзотерических сторон, то это было связано с намерением предугадать наиболее

вероятные повороты в политике новых иранских лидеров, а также обозначить возможные пути сотрудничества с этими лидерами. Одновременно встал вопрос о необходимости исследования просматривающихся контуров нового исламского возрождения [2].

Но каковы бы ни были мотивы и причины возрастания интереса к изучению ислама, они вызвали ощутимый прорыв в области исламоведческих и исламо-шиитских исследований. Это произошло прежде всего в таких странах, где в этой области был накоплен серьезный научный потенциал. Ирановедческая литература обогатилась изданием ценных первоисточников и по истории имамитского шиизма. Заметно расширился объем знаний о шиитском исламе, об общественно-политической деятельности представителей имамитского шиизма в Иране и Ираке за последние два столетия [3].

Смена политической системы в стране открыла в целом новые горизонты для развития исторической литературы в Иране. В результате снятия существовавших при шахском режиме запретов и ограничений стало возможным обнародование документальных материалов, касающихся восхождения к верховной власти Реза хана. Новые иранские власти, движимые желанием изобличить антинародную, диктаторскую и «антиисламскую» сущность шахского режима и деятельность придворных правящих слоев, всячески содействовали публикациям секретных материалов, извлеченных из государственных и ведомственных архивов (тайной полиции, жандармерии). Широкой общественности стали доступны документы и свидетельства, дающие возможность получить представление о моральном и политическом облике крупнейших деятелей эпохи правления Мохаммеда-Резы Пехлеви (1941–1979 гг.).

Уже одно это обстоятельство могло стать побудительной причиной для написания новой истории Ирана XX столетия. Большое количество архивных и документальных материалов разнообразных по тематике, еще в недавнем прошлом недоступных, ныне стало открыто для использования. При этом некоторые из этих фондов содержат материалы, имеющие исключительную ценность и для изучения ряда вопросов, которые относятся к внешнеполитической истории страны. К ним, в частности, относятся секретные документы из посольства США в Тегеране. Большинство из них были опубликованы относительно недавно. Эти документы оказались в руках иранских студентов, «сторонников

политической линии Хомейни», когда в 1979 г. они захватили здание американского посольства.

За последние годы в ИРИ появился ряд центров по изучению современной истории. Сотрудники этих центров систематизировали и опубликовали солидные тематические документальные сборники, касающиеся истории страны XX в. Большую и полезную работу в данной области осуществляет Институт по исследованию современной истории Ирана. Институт выпускает журнал «Тарих-е моасер-е Иран» («Современная история Ирана»). Журнал регулярно печатает документальные материалы (включая фотографии, мемуары, беседы с бывшими политическими и государственными деятелями).

Начал работать целый ряд общественных и частных фондов, занятых публикациями представляющих историческую ценность рукописей, хроник, писем и т. д.

Значительную ценность представляет мемуарная литература, принадлежащая перу иранских государственных и политических деятелей. Впервые такие издания осуществляются не только на английском, но и на персидском языке как в Западной Европе, так и в США.

Послереволюционные годы в целом оказались временем бурного расцвета иранской (персидской) историографии. Еще никогда за столь короткий период не было издано такого количества книг и статей по истории страны. Характерно, что большая часть опубликованных книг касается истории XIX–XX вв. Среди них наибольший интерес вызывают работы по социально-политическим проблемам и издания, представляющие собой документальные расследования отдельных малоизученных явлений и событий иранской истории ушедшего века.

Следует принять во внимание, что в течение последних семидесяти лет не только книги по истории, но и публикации, относящиеся к другим областям знаний, выдержали пять–десять изданий. Этот иранский феномен связан, конечно, со значительным увеличением численности читателей и ростом их интереса к прошлому своей страны и современным проблемам. Впервые в Иране книга стала товаром, приносящим издательствам значительную прибыль.

Своей содержательностью и богатством ранее не привлеченных документальных материалов отличаются исследования Хома

Натег, Хосрова Мо'тазеда и доктора Багера Агели. Для понимания некоторых недостаточно изученных обстоятельств первых пятидесяти лет иранской истории XX столетия особую ценность представляют книги Б. Агели, посвященные жизни и деятельности трех, в некотором смысле, загадочных, но, несомненно, выдающихся фигур иранской политической сцены: А. Теймурташа, Носрет од-Доуле Фируз Мирзы и Ахмед хана Кавам ос-Салтане. Заметный вклад в изучение истории иранского общества внесли известные исследователи Рахим Раисния, Эттехадийе Мансуре, Каве Баят и другие. Вышли интересные монографии по темам, которые при шахском режиме были запрещены, например по этно-национальному вопросу в Иране, по истории иранской коммунистической партии, о полукочевых племенах Фарса, Хорасана, о курдах, бахтиарах и т. д.

Заметную научно-литературную активность проявляют иранские мигранты в США и западноевропейских странах. В число опубликованных ими мемуаров, исследований по истории и экономике входят такие работы, без учета которых невозможно нарисовать полноценную картину истории общественно-политического и экономического развития Ирана.

Прежде всего речь идет о двух монографиях Мохаммед-Али Катузиана. Одна из них посвящена политической деятельности доктора М. Мосаддыка. Большой интерес вызывает вторая монография «Политическая экономика современного Ирана. Деспотизм и псевдомодернизм (1926–1979)». Обе они первоначально были опубликованы на английском языке, а потом – на персидском. Немало ценных научных исследований по истории финансов и экономики, по вопросам иранской нефти опубликовал Джахангир Амузегар – бывший министр шахского правительства и высокопоставленный сотрудник МВФ. Его монографии «Движущие силы (или динамика) иранской революции» (1991 г.) и, особенно, – «Иранская экономика под властью исламской республики» (1997 г.) являются фундаментальными исследованиями по современным проблемам Ирана.

Крах прозападной монархии, избрание клерикалами республиканской системы правления, сочетающейся с шиитско-исламскими идеями о власти, и другие парадоксы и зигзаги Ирана привели к значительному развитию иранистики на Западе, и особенно в США. В ряде стран Западной Европы и Северной Аме-

рики открылись университетские кафедры и исследовательские центры по изучению ислама, Ирана и Среднего Востока. Иранистика обогатилась новыми именами, внесшими в изучение истории иранского общества и иранской культуры заметный вклад.

К расширению документальной базы исторических исследований иранской истории XX в. привели и события конца прошлого века в Советском Союзе.

Большое значение для позитивных сдвигов в области исторических исследований имели демократические процессы, происходившие в Российской Федерации, а также обретение суверенитета бывшими союзными социалистическими республиками. Была отменена политическая цензура, сняты ограничения и запреты на исследование определенных тем. Кардинальные изменения произошли в области статуса государственных и ведомственных архивов, специальных книжных хранилищ и т. д. Был либерализован доступ к архивам, секретным фондам и пр. Однако перестройка в этой области временами встречала серьезное сопротивление со стороны чиновников. В то же время многие отрицательные советские традиции, препятствующие углублению процесса демократизации, были отменены или изжиты. Со стороны властей прекратилось грубое давление и вмешательство в работу исследовательских учреждений в области общественных наук и издательств.

В советскую эпоху почти все более или менее значительные монографии и сборники статей по истории, подготовленные к публикации, кроме обычной цензуры, фактически должны были иметь также санкцию представителя соответствующего отдела ЦК КПСС и МИД СССР. Случаи преднамеренного искажения истории дипломатических отношений, которые существовали у советского правительства с иностранными государствами, стали достоянием гласности благодаря открытию многих секретных архивных фондов СССР, в частности тех, которые находились под эгидой ЦК КПСС. Такая историческая фальсификация оказалась возможной вследствие сокрытия важнейших документов и целых фондов. Это касалось, в частности, некоторых, оставшихся до недавнего времени тайными, сторон деятельности советских лидеров в годы, которые предшествовали заключению советско-иранского договора 1921 г., периода советско-иранского кризиса 1946–1947 гг., вызванного экспансионистскими притязан-

ниями правительства СССР в отношении Ирана, и другие. В секретных фондах оказалось большое количество документов об участии российских большевиков в образовании Советской республики в Гиляне, о прямом вмешательстве руководителей советского правительства и КПСС во внутренние дела Ирана до и после Второй мировой войны и т. д.

Введенные в научный оборот рассекреченные документальные материалы дают возможность по-новому осветить ряд важных страниц иранской истории 20-х годов прошлого века.

Заметным импульсом, подтолкнувшим автора к написанию общественно-политической истории Ирана в прошлом столетии, стало и желание вновь (с учетом появившихся за последнее время публикаций) осмыслить события и явления, связанные с заключительным периодом правления шахского режима и с революцией 1978–1979 гг.

В результате антишахской революции, политическим и экономическим интересам США и их союзникам в Западной Европе был нанесен существенный урон. Отсюда – стремление ведущих западных средств массовой информации (СМИ) интерпретировать иранскую революцию преимущественно как реакцию консервативного шиитского духовенства на осуществляемую шахским режимом политику «модернизации».

До сих пор в некоторых научных изданиях подобному одностороннему объяснению причин иранской революции придается первостепенное значение. В то же время еще лет двадцать тому назад среди западных востоковедов были ученые, в том числе и американские, решительно отвергавшие такой односторонний подход к причинам революции 1978–1979 гг. Американский профессор Никки Кедди объясняла такую характеристику причин революции недостаточной информированностью некоторых западных авторов. Касаясь сущности шахских реформ, она подчеркивала, что шахская модернизация осуществлялась в интересах монархистски настроенной иранской элиты и «новой буржуазии» и в то же время вела к ухудшению материального и социального положения большей части иранского общества.

Уникальность и своеобразие иранской революции прослеживается в том, что институт монархии, уходящий по своему происхождению к глубокой древности, уступил верховенство оппозиции, возглавляемой шиитскими религиозно-политическими

деятелями. Марксистов-теоретиков этот факт привел в недоумение. По теоретическим курсам исторического материализма, где рассматривались типы и характеры «социальных революций», однозначно идентифицировать иранскую революцию не удавалось. Причин, не позволявших многим представителям советско-марксистской исторической школы объективно и непредвзято оценить значение иранской революции, было две. Первая – исламизм занимал ведущее место в идеологии революции 1978–1979 гг. (роль которого никак не рассматривалась в курсе исторического материализма), вторая – во главе народной революции встали аятолла Хомейни и его сторонники, разделявшие традиционные фундаменталистско-шиитские воззрения.

В советской научной литературе по иранской революции, именно вследствие такого подхода, делались попытки ее дискредитации. Причем действительно выдвигались «неординарные» теоретические подходы. Утверждалось, будто фатальной неизбежности антишахской революции не было. Развитие этого взгляда нашло свое отражение как в «Предисловии», так и в «Заключении» коллективной работы по иранской революции, изданной под заголовком «Причины и Уроки» [4].

Попытаемся обратить внимание на доводы сторонников такого тезиса. Если следовать логике их суждений, то проводимая шахским режимом экономическая политика была нацелена на развитие капиталистических отношений в стране. В то время приход к власти религиозно-политических деятелей мог отбросить общественное развитие Ирана лишь назад. Здесь совершенно обойдены вопросы о социально-политической сущности верховной власти шаха и реальные результаты осуществлявшихся режимом реформ. Сам шах, как показано в шестой главе данной монографии, препятствовал полнокровному развитию капиталистических отношений в стране. Он прекрасно понимал, что подобный процесс приведет к значительному усилению позиций иранской буржуазии, в частности национальной. А это противоречило, конечно, его интересам как сторонника упрочения монархической диктатуры.

Сама по себе идея об отсутствии фатальной неизбежности революции в Иране отличается заметной алогичностью. Без фатальной неизбежности революция не происходит.

В целом бо́льшая часть иранского населения оставалась при

шахе за пределами положительного воздействия огромного потока нефтедолларов. Драматическое противоречие иранской ситуации в политэкономическом аспекте состояло в том, что возвращенный на нефтедолларах госсектор, с одной стороны, стимулировал процесс капиталистической эволюции, а с другой – препятствовал развитию рыночных отношений. Отсутствие демократии и всевластие шахской диктатуры оставались главнейшими препятствиями на пути превращения Ирана в капиталистическое государство. Утверждение английского автора Ф. Холлидея о том, что в шахском Иране существовали все условия «для воспроизводства капиталистических отношений собственности и способа производства» [5], представляется малообоснованным.

Представители нового поколения ирановедов в России в своем полном неприятии революции 1978–1979 гг. пошли еще дальше. Посредством искажения хода революционных событий была сделана попытка представить ситуацию таким образом, как будто бы в 1978–1979 гг. сначала произошла революция, а затем контрреволюция. В действительности роль левodemократических организаций, как в начале оппозиционного антиправительственного движения, так и в тегеранском февральском восстании 1979 г., была весьма ощутима. Фактически зачинателями февральского вооруженного восстания явились леворадикальные молодежные организации. Однако неопровержимым фактом является и то, что уже на начальном этапе руководство массовым оппозиционным движением против шахских властей, которое вскоре переросло в революцию, оказалось в руках хомейнистов. И это было не случайно. Происламски настроенные слои во время кумского и тебризского восстания играли роль ударной силы антишахского движения. И хомейнисты ревностно охраняли свою позицию как от посягательств левых организаций, так и от влияния либерально-буржуазных группировок. Точка зрения религиозно-политической оппозиции по данному вопросу была открыто выражена в заявлении, сделанном аятоллой Хомейни еще 27 июля 1978 г. В нем, в частности, говорилось: «Нынешнее святое иранское движение, которое восходит к событиям 5 июня 1963 года, является полностью исламским и его основа заложена могучей рукой духовенства («руханият» по-персидски) при поддержке великого мусульманского народа Ирана» [6].

Расширение и обогащение информативной базы иранской

историографии XX в. продолжается. Благодаря этому процессу многие окутанные таинственностью страницы политической истории Ирана нередко приобретают ясные очертания. Так, несмотря на усилия историков и публицистов (в частности, и в Советском Союзе), не удавалось высветить роль английских властей в организации правительственного переворота 1921 г. в Тегеране. Ни к чему не привел и развернувшийся в конце 60-х годов «диспут» по поводу попытки «социализации» переворота, предпринятый некоторыми учеными. Но неожиданно, в изданных в начале 70-х и 80-х годах двух мемуарах (соответственно в Лондоне и Тегеране), появились достоверные сведения относительно участия британских военных властей в организации указанного переворота и той роли, которую они отвели в его осуществлении офицеру казачьей бригады Реза хану. Это «случайное» открытие дало возможность по-иному рассмотреть или откорректировать целый ряд моментов во взаимоотношениях Реза хана (впоследствии шаха) с английскими властями.

Если принять во внимание то, что как раз в последние годы поток документальных материалов и новых публикаций, касающихся иранской истории XX столетия, постоянно увеличивался, то понятно, что автору оказалось неимоверно трудно собрать всю эту разнообразную и богатую информацию на страницах своей книги.

В то же время растущий поток новых сведений подтолкнул автора к выдвижению целого ряда новых оценок и интерпретаций в отношении ключевых проблем иранской истории прошлого столетия. Автору представляется, что этот новый подход сделал изложение иранской истории более адекватным действительности. Большие усилия были приложены для объективного рассмотрения деятельности выдающихся исторических личностей иранской политической сцены XX столетия. Была сделана попытка избежать альтернативной оценки событий и роли исторических деятелей по схеме «прогрессивный – реакционный», характерной для советской историографии.

Автору представляется, что подзаголовок «Новая интерпретация» в данной монографии вызывает необходимость некоторого разъяснения. Как уже было отмечено, глобальные потрясения, имевшие место в Иране, в России, включая входившие в СССР страны Кавказа и Центральной Азии, оказали сильное воздей-

ствие на развитие иранистики. Прежде всего это объясняется тем, что хранившиеся за семью печатями документальные материалы в этих странах стали доступны для историков и публицистов. Во-вторых, в современных условиях, при новых политических режимах исследователи получили широкую свободу для толкования исторических событий и явлений. Наряду с этим у них появилась возможность давать характеристики историческим личностям в соответствии с собственными воззрениями.

Понятно, что если ставшие ныне доступными документы и факты не подтверждают прежних оценок событий, явлений и характеристик, то это вызывает необходимость их новой интерпретации. Приходится «отрицать», отвергать те толкования и оценки, которые несут в себе надуманность, субъективность, а порою и преднамеренную фальсификацию.

Иран (официальное название Исламская Республика Иран) расположен в юго-западной части Азиатского материка. Площадь страны – 1 648 195 кв. км. По величине площади занимает 16-е место в мире. Регионально относится к странам Среднего Востока.

На западе государственные границы с Иракской Республикой составляют 1 609 км, с Турецкой Республикой – 486 км.

На севере Иран граничит с Республикой Армения, Азербайджанской Республикой и Туркменистаном. Протяженность границы с Республикой Армения – 40 км, с Азербайджанской Республикой – 767 км. Ирано-Туркменистанская граница – 1206 км. Морские рубежи Ирана по Каспийскому морю (от иранской Астры до залива Хосейн-Коли) – 657 км. По береговой линии 740 км. На востоке проходят границы с Афганистаном (945 км) и Пакистаном (978 км). На юге граница по Оманскому заливу (от залива Геватер до Бендер-Аббаса) – 784 км, по Персидскому заливу (от Бендер-Аббаса до устьев реки Шатт-эль-Араб, ее иранское название Арванруд) 1 259 км.

Общая протяженность иранских границ составляет около 7 870 км. Из них приблизительно одна третья часть приходится на морские рубежи [1].

Примерно 90% иранской территории расположено в западной части Иранского нагорья. Горы занимают более половины страны. Более 52% территории страны – пустыни и заброшенные земли. По последним статистическим данным, площадь пахотных земель равняется 17,8 млн. га, из которых 5,4 млн. га остается под паром. Из пахотных земель 10,5 млн. га составляют неорошаемые, а 7,3 млн. га – орошаемые земли. На севере страны, в широтном направлении, протянулись горы Эльбрус. Их главные вершины – Демавенд (5 671 м) и Барир (4 805 м) – самые высокие в Иране. Низменности – Прикаспийская, Горганская на севере и узкая полоса на юго-западе страны, занимают в иранском рельефе небольшую площадь.

Реки Ирана отличаются маловодностью и в большинстве

своем относятся к внутренним замкнутым бассейнам. Самое большое озеро – Урмия расположено на высоте 1 275 м над уровнем океана, его длина – 130 км, ширина – от 15 до 50 км. Соленость озера очень высокая – 30%.

Иран богат полезными ископаемыми. По запасам нефти и природного газа страна занимает одно из первых мест в мире.

Население Ирана в течение XX в. увеличилось в шесть раз: с 10–11 млн. до 65 млн. человек.

Еще в 1956 г. удельный вес сельского населения страны (включая полукочевое) составлял почти 70% жителей Ирана, а к началу 1992 г. он снизился до 42,97%. К этому времени городское население составило свыше 57%. За прошедшее столетие большая часть полукочевого населения страны стала оседлой.

С точки зрения плотности населения чрезвычайно высокое место занимает столица Ирана – Тегеран. За сто лет население города увеличилось в 40 раз и составляет теперь около 12 млн. человек.

Этнический состав. Иран – один из древнейших очагов мировой цивилизации, и это нашло свое отражение в его этническом составе. В глубокой древности на просторах страны проживали этносы и племена иранского происхождения. Самыми ранними государственными образованиями на иранском плоскогорье были Элам и Мана (Манна). Накануне миграции первых племен иранского происхождения на Средний Восток значительная часть территории современного Ирана была завоевана древними ассирийцами. В самом конце II – начале I тысячелетия до н. э. здесь поселились предки древних иранцев.

Первым государством, образованным ираноязычными племенами, было царство Мидии. В 673 г. до н. э. мидийские племена, объединенные одним из вождей, Каштарити, восстали против господства Ассирии. Вскоре царство Мидии стало крупным государством Среднего Востока. Новый царь Мидии, Киаксар (с 625 г. до н. э.) разгромил скифов, подчинил персов и создал единую державу со столицей в Экбатанах [2].

Второе государство на территории современного Ирана было основано древними персами, точнее – персидским родом Ахеменидов. Глава рода Куруш в 558 г. до н. э. поднял восстание и завоевал Мидию (550 г. до н. э.). В результате завоеваний Ахемениды превратили свое государство в крупнейшую империю древ-

ности. Во время войны с греками, которая началась весной 334 г. до н. э., государство Ахеменидов было сокрушено Александром Македонским. В январе 330 г. до н. э. Александр достиг Персеполя, исторической столицы Персии.

После нескольких столетий иранская государственность была возрождена. Основателями нового крупного иранского государства (250 г. до н. э.) стали парны, первоначально обитавшие на юго-востоке Каспийского моря. В 224 г. до н. э. на смену Парфянскому царству пришли их бывшие вассалы – предводители царствующего рода Сасан во главе с Ардаширом Папаком. В период правления рода Сасан преобладание персов в политической жизни Ирана и входивших в состав образованной ими могущественной Сасанидской империи стало еще более значительным. В обширном географическом регионе, находившемся под властью Сасанидов, шел процесс становления новой цивилизации. Однако сокрушительное поражение, которое Сасаниды потерпели от арабов-мусульман в 637–642 гг., привело к исламизации большей части населения и внесло весьма значительные и существенные перемены в этноязыковой облик входивших в империю стран и земель.

На некоторые завоеванные арабами-мусульманами территории в VII–X вв. переселилось большое число арабских родов и племен. Крупные арабские племена – таглиб, абд ал-кайс, бакр б. ваил – были расселены в южных областях державы Сасанидов – в Хузестане, Парсе и Кермане еще при царствовании Шапура II (309–379 гг.) [3]. Это переселение народов оказало сильное воздействие на характер происходивших этноязыковых процессов в Иране, Средней Азии, на Кавказе и других соседних регионах. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в эру становления исламской цивилизации в иранском мире на исторической арене появились новые народы с новыми языками, письменностью (основой для которых стал арабский алфавит), религией, с новым менталитетом и, в целом, с новой культурой [4]. Среди новых языков в Иране преобладающим стал персидский язык, носителем которого явились персы (тазики) в Иране, Средней Азии, Афганистане и некоторых других регионах.

Среднеиранские языки (пехлеви, согдийский, хорезмийский и другие) постепенно вышли из употребления. Переселенные в Азербайджан, Хорасан, Центральный Иран [5] и другие земли

арабские племена, со временем смешавшись с местным населением, ассимилировались и лишились не только родного языка, но и первоначальной идентичности. Но влияние арабского языка, арабо-исламской науки и культуры было весьма существенным для формирования языка и культуры народов и этнических общностей Среднего Востока, принявших ислам. Огромную часть лексикона новоиранских и новотюркских языков, становление которых началось почти одновременно с новоиранскими, составляют слова арабского происхождения. Столь же существенную роль арабский язык сыграл в фонетической структуре новых иранских языков. Неарабскими и новомусульманскими народами были приняты и развиты размеры арабского стихосложения и музыкальные формы. После распада в XIII в. Аббасидского халифата арабский язык как язык науки и исламского учения еще долго сохранял свое значение в Иране и других неарабских мусульманских регионах.

Борьба за освобождение от власти арабского халифата, которая развернулась во второй половине VIII – начале IX вв. в Иране и ряде соседних стран, привела к возникновению зависимых от Аббасидского халифата государств. Во многих случаях руководителями этих политических образований в Иране были представители иранских народов. Однако эта тенденция иранского политического возрождения не стала преобладающей и длительной. Тюркская экспансия [6], которая еще в период Сасанидов до арабского вторжения, была важной внешнеполитической проблемой для империи, вновь приобрела для иранского мира характер постоянно растущей угрозы. На этот раз движение тюрков на иранскую и соседние с ней территории (в частности, в Анатолию, Египет, Сирию, Кавказ) осуществлялось под флагом воинствующего ислама. Миграция и завоевания тюрков в Иране, Ираке, Анатолии, на Кавказе, в Афганистане и Индии приобрели широкие масштабы при Великих Сельджукидах. В последующие века продолжали увеличиваться миграция и вторжения тюркских племен (главным образом – Огузских, Кыпчакских), переселившихся в Иран и Анатолию. В сфере этноязыковых сдвигов известным этапом стали монгольские завоевания и существование государства Ильханидов – XIII–XIV вв. Однако сами монголы почти никаких следов на этнической карте страны не оставили. Произошло увеличение в некоторых регионах восточных тюрков,

составляющих значительную часть монгольских войск [7].

Начавшееся в эпоху Великих Сельджукидов политическое преобладание тюрок в собственном Иране, в целом, не стало фактором, препятствовавшим дальнейшему развитию языка, культуры и художественной литературы новоперсидской народности. Это было связано с тем, что к началу тюркских миграций и завоевательных походов на Запад язык новоперсидской народности (после арабского) уже был наиболее распространенным языком в области культуры, науки, исламской теологии и политической жизни по всей восточной части мусульманского мира.

Политической опорой основателя государства Сефевидов Исмаила I в конце XV – начале XVI вв. были огузско-тюркские племена – кызылбаши из Анатолии и Азербайджана. В то же время при нем, а еще больше при его преемниках, при сефевидском дворе важные позиции занимали персоязычные чиновники, богословы и историки. Сам шах Исмаил писал свои художественные произведения на тюркском (азербайджанском) языке. Значительная часть его стихов посвящена прославлению Али и его одиннадцати преемников из числа почитаемых иранцами имамов. По инициативе шаха Исмаила I имамитский шиизм в 1501 г. был объявлен государственной религией Ирана, следствием чего стало значительное усиление перехода большинства населения в лоно имамитского шиизма [8]. Именно в период правления первых Сефевидов в основном сложилась и ныне существующая этноязыковая и конфессиональная композиция населения Ирана.

В настоящее время, по иранским данным, мусульмане составляют 98% населения страны. Из них 91% – шииты-имамиты. Остальные мусульмане – последователи четырех основных суннитских мазхабов и шииты-зейдиты. Есть также последователи бехаизма. К религиозным меньшинствам относятся и христиане* – 0,7% населения, евреи – 0,3%, зороастрийцы – 0,1% и другие – 0,1% [9].

Официальных или достоверных данных относительно численности иранского населения по этно-национальным и языковым признакам нет. Имеющиеся по этим показателям сведения в различных справочниках и научных изданиях сильно отличаются. Тем не менее, некоторые из них близки к действительности, если

* Большую часть (почти 90%) христиан составляют армяне, проживающие в Иране с древнейших времен.

они выведены на базе основательного и систематического изучения определенной народности или этнической общности. В то же время данные о численности той или иной народности даже в специальных исследованиях иногда резко расходятся. Так, согласно Мехрдаду Р. Изади, в Иране в течение всего XX в. курды составляли 12% населения (в некоторые годы несколько больше). По его подсчетам, в 1990 г., например, в стране проживало 6,6 млн. курдов (12,4% общего населения страны) [10]. Однако по данным журнала «Экономист» в Западном Иране, в основном в останах Курдистан и Керманшах, в начале нового века проживало 4,5 млн. курдов [11].

По традиции специалисты делят население Ирана на три основные группы: ираноязычная, тюркоязычная и арабоязычная. Среди ираноязычных народов по своей численности, по своим общественно-политическим позициям и по вкладу в культурную жизнь страны преобладающее место занимают персы (около 50% населения). Часто понятие иранская литература употребляется как синоним персидской литературы, поскольку принеся иранской культуре мировую славу в средние века художественная литература создана на персидском языке. Второй по численности народностью ираноязычной группы населения являются курды. Лидеры большинства национальных организаций курдов выступают за предоставление им права на самоуправление. Курдская проблема существует и в ряде других стран Среднего Востока. Согласно некоторым авторитетам (Д. Мак-Дауолл [12] и др.), отсутствие единого литературного языка, единого территориального пространства, «запоздалость» процесса национальной консолидации и другие культурно-политические факторы препятствовали окончательному сложению курдов в нацию. Верность данного положения многими курдскими учеными отрицается. Они рассматривают его как догматическое, не учитывающее высокий уровень национального самовыражения курдов, населяющих страны региона.

Основная часть курдов Ирана населяет останы (провинции) Керманшах, Курдистан и приграничную с Турцией полосу Западного Азербайджана. Курды проживают также в остане Хамадан и в северо-восточном Хорасане. Курды живут и в центральном остане, Бирджанде, а также в Мазандаране, Гиляне и других останах [13]. Большая часть курдов Ирана – сунниты (65%).

Гиляки, мазандаранцы, талыши, таты, проживающие на

южном побережье Каспия, луры, бахтиары, живущие на юго-западе Центрального Ирана, относятся к числу бесписьменных в принципе ираноязычных народностей, хотя численность некоторых из них весьма значительна. В связи с развитием и расширением системы школьного образования, СМИ и культуры в целом за последние четыре-пять десятилетий ассимиляция этих народностей, главным образом персами, усилилась. На языках некоторых из этих народов имеется художественная литература, в основном поэзия. В известной степени ассимиляции подвергаются и иранские белуджи, населяющие Белуджистан (Иранский) и Систан. Как правило, они исповедуют суннизм. В Афганистане и, особенно, в Пакистане, где проживает значительная часть белуджей, на их языке издается художественная литература, выходят газеты и журналы, работает радиовещание. Определенная, в основном образованная, часть иранских белуджей выражают известную солидарность с культурной деятельностью зарубежных белуджей.

Азербайджанские тюрки являются ядром тюркской группы. По нашим подсчетам, они составляют 26–28% населения страны. По данным некоторых специалистов, азербайджанские тюрки по численности образуют одну треть иранского населения. Согласно официальному справочнику по Ирану, после фарси (персидского) тюркский язык является наиболее распространенным языком в Иране [14]. Большинство азербайджанских тюрок проживают в останах Западный Азербайджан, Восточный Зенджан, Ардебиль и Тегеран. Туркмены, населяющие некоторые шахрестаны Мазендерана и Хорасана; кашкайцы (проживающие в Фарсе); халаджи (в центральном остане), язык которых относится к южной (огузской) группе тюркских языков, вместе взятые составляют примерно 3–4% населения страны.

Основная часть арабов проживает в останах Хузестан, Бушир и Хормозган. Крупным городом, большинство населения которого состоит из арабов, является Ахваз. К началу ХХI в. — свыше 900 тыс. человек.

Экономика. Сельскохозяйственное производство остается важной областью иранской экономики. В нем занято 28% самодеятельного населения. В стране выращивается пшеница (валовой сбор в 1978–1979 гг. — 5 517 тыс. т, в 1991–1992 гг. — 8 758 тыс. т), ячмень (соответственно — 1 230 тыс. т и 3 196 тыс. т), сахарная

свекла, сахарный тростник, рис, масличные культуры, хлопок, табак, виноград, финики, фисташки и т. д.

Значительное место в сельскохозяйственном производстве занимает животноводство. Основные центры скотоводства находятся в Иранском Азербайджане, Хорасане, Курдистане, Лурестане и Фарсе. К концу прошлого века в стране насчитывалось: овец – 40 665 тыс., коз – 21 759 тыс., крупного рогатого скота – 6 368 тыс.

Современная иранская промышленность, за исключением нефтяной, текстильной, цементной и сахарной, появилась за последние 4 десятилетия. Ее формирование в значительной степени происходило под воздействием радикальных перемен в области цен на сырую нефть и нефтепродукты на мировом рынке. Добыча и экспорт нефти продолжает оставаться ключевой областью экономики страны. Международное агентство по энергетике (ЕА) полагает, что нефтяные запасы Ирана составляют 89 млрд. баррелей, или приблизительно 9% всех мировых запасов. По официальным иранским данным, страна располагает 96 млрд. баррелей запасов нефти и 21 трилл. куб. м природного газа.

Согласно данным департамента энергетики США, почти две трети нефтяных месторождений Ирана расположено на суше. Большинство же морских месторождений находятся в Персидском заливе. Более половины из 40 разрабатываемых нефтяных месторождений Ирана содержат более 1 млрд. баррелей нефти. Расположенные на суше месторождения Ахваз, Марун, Гячсаран, Агаджари, Биби Хакиме и Парс дают приблизительно половину объема добычи нефти. Большинство из этих месторождений содержат легкую (светлую) нефть с низким содержанием серы.

Нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ), газоочистительные установки, нефтехимические комплексы, нефте- и газопроводы, продуктоводы, нефтяные терминалы и другие, связанные с транспортировкой и экспортом гидрокарбонатов, промышленно-транспортные объекты, включая специальные портовые сооружения, танкерный флот, электронно-вычислительные центры – вместе взятые представляют собой один из важнейших по своему экономическому значению и передовых по научно-технологическому уровню секторов иранской промышленности. Во время ирано-иракской войны многие крупнейшие комплексы этой отрасли были разрушены или сильно повреждены. Одновре-

менно с восстановлением значительной части этих предприятий ряд новых крупных комплексов нефтегазового сектора был построен в центральных и северных регионах страны.

Главное место в ненефтяной тяжелой промышленности занимает металлургия. К наиболее значительным предприятиям этого сектора относятся Исфаханский металлургический комбинат; сталелитейные, листопрокатные, трубопрокатные станы и заводы в Ахвазе; медеплавильные заводы в Сарчешме; алюминиевый завод в Араке; металлургический комплекс в Мобараке (в 75 км к югу от Исфахана).

Мобаракский комплекс станет крупнейшим современным металлургическим предприятием страны. В его состав войдет один из мощнейших в мире прокатных станов. В сентябре 1991 г. вступила в строй первая очередь комплекса.

Крупные предприятия иранского машиностроения, вступившие в строй в Тебризе и Араке до революции, за последние два десятилетия продолжали расширяться. За этот период проводились работы по расширению и техническому усовершенствованию предприятий иранского автомобилестроения, тракторного завода, объектов судостроения, моторостроения, вагоностроения и т. д.

Значительное внимание уделяется развитию военной промышленности. Большая часть этой отрасли передана под контроль Организации оборонной промышленности, в частности объекты самолетостроения, вертолетостроения, часть электронной промышленности. С мая 1998 г. Иран приступил к производству собственных вертолетов. Согласно заявлению иранских руководителей, военная промышленность в настоящее время в основном обеспечивает потребности вооруженных сил страны в вооружении, военной технике и амуниции.

Около 80% электроэнергии производится генераторами, находящимися в ведении министерства энергетики. В 1980–1981 гг. в стране было произведено около 20 млн. квт-ч электроэнергии, в 1991–1992 гг. ее производство составило 64,1 млн. квт-ч (из них 57 млн. квт-ч приходилось на долю министерства энергетики). К 1992–1993 гг. из 66 тыс. существующих в стране деревень было электрифицировано 12 тыс. (До революции было электрифицировано всего 4500 деревень.) Промышленный сектор потребляет примерно 38% произведенной министерством энергетики электричества. В сотрудничестве с Российской Федерацией продолжается

строительство атомной электростанции в районе Бушира.

Идет процесс расширения и модернизации строительной, пищевой, легкой, полиграфической, обувной, ковровой (как ручной, так и машинной) отраслей промышленности.

Транспорт. Строительство первой железной дороги общенационального значения было завершено в 1939 г. Ее протяженность составляла 1 392 км. Она соединяет южное побережье Персидского залива с Тегераном и далее – с Бендер-Торкменом на южном берегу Каспийского моря. К концу XX в. общая длина железных дорог страны равнялась 5 967 км. Из них 4 732 км относились к основным. Иранские железные дороги связывают столицу страны с портами на берегу Персидского залива, с Анкарой, Баку, Москвой и со Средней Азией (через иранские города Мешхед и Серахс).

По автомобильным дорогам осуществляется преобладающая часть перевозок пассажиров и грузов внутри страны. Этими перевозками занимаются более 2 тыс. дорожных компаний. Лишь менее 6% из них принадлежат государственному сектору. К началу 90-х годов протяженность автомобильных дорог составляла 170 тыс. км. Из них 860 км относились к разряду четырехполосных скоростных автострад, 25 тыс. – к основным дорогам и 41 тыс. км – к второстепенным дорогам.

Около 80% импорта поступает в страну через морские порты. В основном они расположены в зоне Персидского залива. Однако до недавнего времени из них напрямую с железными дорогами были связаны лишь Бендер-Хомейни (бывш. Бендер-Шапур) и Хорремшехр. Главные терминалы, предназначенные для экспорта сырой нефти, размещены на островах Харк и Лаван, а для вывоза нефтепродуктов – в Абадане и Бендер-Махшахре.

Сеть иранских гражданских авиалиний начала свою деятельность в 1926 г. В стране функционирует пять авиакомпаний. Самая крупная из них – Иранская национальная авиакомпания («Хома»), которая осуществляет рейсы на внутренних и внешних линиях. Еще четыре компании заняты перевозкой пассажиров и грузов внутри страны. Из действующих аэропортов пять оборудованы для международных полетов (в Тегеране, Исфахане, Мешхеде, Ширазе и Бендер-Аббасе). В число 21 строящихся аэропортов входит новый международный аэропорт в Тегеране [15].

ИРАН В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В результате ожесточенных длительных междоусобных войн, начавшихся после смерти Карим-хана Занда (1779 г.), Иран оказался под властью знати полукочевого племени Каджар [1].

Каджары принадлежали к числу тюркских (азербайджанских) племен, сыгравших важную роль в образовании государства Сефевидов (в конце XV – начале XVI вв.). Они обитали в основном в Гянджинском, Карабахском и Эриванском ханствах Азербайджана, Мазендеране и Мерве. Основателем нового государства был один из предводителей Каджаров из Мазендерана Ага Мохаммед-хан (1778–1797). Ему удалось утвердить свою власть первоначально в Центральном и Северном Иране, Азербайджане и на Восточном Кавказе, а потом и в Кермане, Западном Белуджистане, Сеистане, а также в Мешхеде. Ага Мохаммед-хан в 1786 г. избрал своей столицей небольшой город на севере страны – Тегеран [2].

Каджары были представителями кочевой знати, но проявляли большие усилия к созданию централизованного государства. Им удалось преодолеть сопротивление племенных объединений на собственно иранских землях, что оказалось сложнее осуществить в отношении Дагестана, Грузии, Северного Азербайджана и на восточных окраинах страны. В этих странах и регионах местные феодалы активно выступали за упрочение своего полуавтономного существования.

В этих условиях конец XVII – начало XIX вв. оказались периодом, когда отсталое феодальное государство Каджаров вошло в орбиту политики колониальных держав Европы.

Желая помешать Наполеону Бонапарту использовать территорию Ирана в его планах нападения на британские владения в Индии, в Тегеран еще в 1800 г. прибыл представитель английских властей в Индии капитан Джон Малькольм, который от имени

Англии подписал договор с иранским правительством (январь 1801 г.). Каджары обещали начать войну с Афганистаном, если его правитель совершит нападение на Индию, и впредь не пропускать французов в Иран. В договоре также говорилось, что если французская армия высадится в зоне Персидского залива, то «оба договаривающихся государства будут действовать совместно, чтобы изгнать и истребить французские войска» [3].

1.1. Формирование современных границ Ирана

Присоединение Грузии к России (1801 г.), начало (1804 г.) новой русско-иранской войны за влияние в Закавказье вынудили шаха и правителя Азербайджана, наследника престола Аббаса Мирзу (1789–1833), обратиться за помощью к Англии. Однако англичане действенной помощи Ирану не оказали. Тем временем наполеоновская дипломатия оживила свою деятельность, пытаясь использовать Иран в своей антироссийской и антианглийской политике. В 1807 г. в Финкенштейне был заключен договор, по которому Франция обещала содействовать установлению иранской власти над всем Южным Кавказом и оказывать Каджарам активную помощь в реорганизации армии. Шах обязался порвать с Англией [4]. В Тегеран было направлено посольство во главе с генералом Гарданом. Однако после заключения с Россией и Пруссией Тильзитского мира (1807 г.) Франция в значительной мере потеряла интерес к Ирану, а английское правительство, наоборот, усилило свое внимание к иранским делам. 15 марта 1809 г. был заключен предварительный ирано-английский союзнический договор. По этому договору «в случае вторжения вооруженных сил какой-либо европейской державы на территорию Ирана Англия обязывалась предоставить шаху свои вооруженные силы или вместо них субсидию и оружие – пушки, ружья и т. п., а также своих офицеров в количестве, достаточном для изгнания вторгшихся сил» [5]. В той же статье подчеркивалось, что «в случае нападения афганцев или другой державы на английские владения в Индии шах Ирана должен направить свои войска для защиты этих владений». Англичане обязались выплачивать шахскому правительству ежегодную субсидию в размере 100 тыс. ф. ст., пока Иран продолжает войну с европейской державой, т. е. с Россией. Одновременно Англия

обещала прислать в Иран миссию военных инструкторов для обучения пехотной части, состоявшей из 16 тыс. сарбазов (солдат), а также снаряжать указанную воинскую часть необходимым вооружением [6].

В 1810 г. англичане увеличили размер этой субсидии. В 1810–1812 гг. Малькольмом и заменившим его на посту посланника Узли в Иран для шахских войск были привезены пушки, ружья, патроны и т. д. Английские военные инструкторы оказывали содействие Аббасу Мирзе в частичной реорганизации (создании регулярных частей) иранской армии и сооружении фортификаций. Однако ни эта помощь, ни нападение Наполеона на Россию не спасли Иран от поражения в ирано-русской войне. Антикаджарские выступления народов Южного Кавказа имели определенное значение в исходе этой войны. В конце 1813 г. Иран был вынужден подписать с Россией так называемый Гулистанский мирный договор, по которому каджары официально подтвердили свой отказ от власти над Грузией (включая Шурагельский округ, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию), Дагестаном и северозаказербайджанскими ханствами – Карабахским, Гянджинским, Шекинским, Ширванским, Дербентским, Кубинским, Бакинским и, частично, Талышским (за исключением Нахичеванского ханства и Эриванского ханства) [7].

Иранская сторона, однако, вскоре стала выражать недовольство условиями Гулистанского договора. Аббас Мирза, правитель Южного Азербайджана и наследник престола, не без поддержки англичан приступил к активной дипломатической деятельности, добиваясь возвращения некоторых отошедших к России провинций Южного Кавказа [8]. Прежде всего речь шла о Карабахе, где позиции царствующего рода Каджаров усилились еще со второй половины XVIII в. [9]. Одновременно Аббас Мирза при помощи англичан продолжал создавать регулярные воинские части по европейскому типу [10]. Генерал А. П. Ермолов, назначенный рескриптом императора Александра I в апреле 1816 г. наместником на Кавказе и «чрезвычайным и полномочным послом ко двору Фатали-шаха» [11], решительно отказался от каких-либо территориальных уступок Ирану. По этой причине за время шестимесячного пребывания в Иране, куда он выехал в апреле 1817 г., ему не удалось выполнить порученную миссию «проведения... разграничения земель между Ираном и Россией согласно

Гулистанскому договору 1813 года» [12]. Тем временем вспыхнула ирано-турецкая война (1821–1823 гг.), вызванная пограничным конфликтом. Реорганизованные войска Аббас Мирзы в ходе военных действий продемонстрировали явное преимущество. За короткое время иранцам удалось оккупировать значительную территорию противника. После заключения мира с Османской Турцией Аббас Мирза и его «партия», воодушевленные своими успехами, решили вернуть утраченные на Южном Кавказе земли посредством военной операции. При этом каджарский наследник и его сторонники возлагали большую надежду на англичан и на своих союзников из числа местных ханов в Северном (Кавказском) Азербайджане.

Летом 1826 г. иранская армия под командованием Аббас Мирзы вторглась в Карабах, за короткое время дошла до Гянджи и заняла его. Однако в начале сентября 1826 г. каджарские войска были разбиты в боях при Шамхоре и Гянджи 12-тысячным русским отрядом при поддержке ополчения из местного населения [13]. Вскоре, весной 1827 г., генерал Ермолов был освобожден ото всех своих должностей и отозван в Россию. Начались новые мирные переговоры, которые завершились в начале 1828 г. По заключенному Туркманчайскому трактату, который предоставил России капитуляционные права, к ней отошли территории Нахичеванского ханства, Ордубадского округа и Эриванского ханства. По договору Иран обязывался уплатить огромную военную контрибуцию в размере 20 млн. руб. серебром. Было подтверждено исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море [14].

В последние годы в связи с распадом Советского Союза и образованием суверенных республик на Южном Кавказе вопросы истории вхождения указанного региона в состав Российской империи стали вызывать немалый интерес. Как известно, каспийская торговля приобрела большое значение для России в XVIII в., и уже Петр I предпринял попытку завладеть восточным и южным побережьем Каспийского моря. Его «персидский поход» состоялся в 1722–1723 гг., когда Иран переживал время внутрисполитической смуты. Поэтому россиянам без особого труда удалось захватить Дербент, Баку, иранские провинции на южном побережье Каспия. Но через 10 лет Надир шах добился возвращения Ирану всех завоеванных ранее территорий. Начатая Петром I политика в

отношении Южного Кавказа при Екатерине II нашла свое продолжение. Она осуществлялась в этот период под руководством Г. Потемкина, фактического правителя вновь завоеванных земель на юге империи. Фельдмаршал Г. Потемкин при участии видных грузинских и армянских политических деятелей вынашивал идею воссоздания на Южном Кавказе Грузинского, Армянского и Агванского (Албанского) царств под протекторатом России. Причем возглавить Армянское царство намеревался сам фаворит императрицы. Однако в результате политических перемен в Иране и ряда других причин идея о создании вассальных царств была предана забвению. Точнее, она была заменена планом аннексии территории Южного Кавказа и ее непосредственного включения в состав империи.

Экономические и политические факторы, побудившие царизм установить свое владычество над Южным Кавказом наиболее обстоятельно и четко были разработаны товарищем министра финансов графом Д. А. Гурьевым (1751–1825), вскоре, в 1810 г., занявшим пост министра. В своей записке он указывал, что главной причиной застоя каспийской торговли «являются смуты в Персии». И для того, чтобы исправить положение, ему представлялось, что у России нет другого средства «...как занять все восточное побережье Каспийского моря». В принципе, он выступал за перенесение государственных границ Российской империи к южным «естественным пределам Кавказа». Он утверждал, что они, помимо всего, «создают значительные преимущества для русской армии».

Как известно, в результате войны с Турцией и Ираном в начале XIX в. границы Российской империи оказались именно в тех естественных пределах, на которые указывал Д. А. Гурьев. В связи с этим мысли о существовании какого-то «заговора» (о чем пишут некоторые бакинские историки и публицисты), направленного на превращение азербайджанской нации в «разделенную», представляются надуманными. Тем более что у нас нет никаких данных относительно того, что в тот период среди азербайджанских турок, включая предводителей полунезависимых ханств, жили идеи о тюркской народности или росло стремление к созданию объединенного азербайджанского государства.

В ходе войны Ирана с Россией, в середине марта 1812 г., Англия заключила с шахом новый «окончательный» договор. В нем

подтверждался ряд статей предварительного договора 1809 г. относительно помощи и поддержки Каджаров со стороны англичан. Однако в связи с подписанием мирного договора между Ираном и Россией (октябрь 1813 г.) и желанием сократить размер субсидий, предоставляемых Каджарам, англичане в апреле 1814 г. добились заключения нового ирано-английского договора. Фактически в нем речь шла о пересмотре ряда условий «окончательного» договора [15].

В первой статье договора оговаривались обязательства шахского государства перед Англией в случае вторжения «какой-либо европейской армии в пределы Индии». В случае «вторжения какого-либо европейского государства в пределы Персии генерал-губернатор Индии от имени Великобритании» должен был оказать Каджарам необходимую военную помощь, или вместо этого правительство Англии должно было предоставлять Ирану ежегодно 200 тыс. туманов (150 тыс. ф. ст.). А в случае военного столкновения Афганистана с Англией шах обещал направить против Афганистана свои войска. Расходы на их содержание брала на себя Великобритания. Договор предусматривал военное сотрудничество между двумя сторонами также в зоне Персидского залива [16].

В новой редакции из текста была исключена статья договора 1812 г. о помощи Англии в строительстве военных кораблей. Это было связано с условием Гулистанского договора, запрещавшего Ирану иметь на Каспии военную флотилию. Также была исключена статья о признании английским правительством в качестве законного преемника Фатали-шаха правителя Азербайджана Аббас Мирзы и т. д. [17].

В целом в эпоху французской революции и наполеоновских войн Великобритании удалось весомо упрочить свои позиции в иранской политике. Поскольку англичане стремились по возможности сдерживать русскую экспансию на Кавказе, то Фатали-шах и Аббас Мирза в 1798–1828 гг. относились к англичанам весьма благоприятно.

Английские власти, которые как на юге, в зоне Персидского залива, так и на востоке, в Индостане, фактически являлись в данный период соседями Ирана, предполагали установить с Каджарами подлинно союзнические отношения. Однако от этой идеи им пришлось отказаться. Объяснялось это тем, что, несмотря на все

усилия, Англия не смогла создать в Иране воинские части, способные противостоять войскам царской России. Как отмечали английские специалисты, боевую эффективность в ходе войн с Россией демонстрировала лишь конница полукочевых ополчений [18].

С начала XIX в. ирано-английские связи оказались переплетенными с ирано-российскими отношениями. Вопреки интерпретации ряда историков сталинской эпохи [19], в рассматриваемый период давали о себе знать не только соперничество и вражда между Россией и Англией, но и явное взаимодействие и даже сотрудничество. Ведь это было время противостояния двух империй и наполеоновской Франции. Не случайно за активное участие в заключении мирного договора с Ираном в 1813 г. император Александр I в Петербурге лично поблагодарил английского дипломата Г. Узли [20]. Он также был награжден российским орденом Александра Невского. Следует упомянуть, что в 1812 г. между Россией и Англией был заключен союз. Известно, что после заключения Гулистанского договора английская дипломатия прилагала усилия, чтобы помешать дальнейшим продвижениям России на Южном Кавказе. По этой причине российские власти, особенно военные, всеми силами стремились отстранить англичан от участия в российско-иранских переговорах. Однако в конечном итоге России этого сделать не удалось. Англичане приняли еще более активное участие в ирано-российских переговорах, которые в конце войны 1826–1828 гг. привели к заключению Туркманчайского мирного трактата. Согласно современному английскому исследователю Э. Инграму, «между 1798 г. и 1828 г. Британия пыталась установить русско-персидские границы в согласии с Россией, а не вопреки ее желаниям» [21].

В ходе заключения Туркманчайского договора английский резидент в Тегеране Джон Макдональд посредством предоставления Ирану крупной суммы (200 тыс. ф. ст.) и с согласия Лондона добился исключения статей III и IV ирано-английского договора 1814 г. Они касались военной помощи Ирану. Шах нуждался в этой сумме, поскольку у него не хватало средств для выплаты России военной контрибуции по условиям Туркманчайского договора. Англичане же добивались ее своевременной выплаты, опасаясь, что Россия может начать новые военные действия против Ирана [22].

Неудачные войны с Россией оказали сильное воздействие на

политическую обстановку в Иране. Правящие круги были вынуждены считаться с фактом превращения Ирана в страну, ставшую объектом соперничества между колониальными державами. Тем не менее, иранский двор предпринял еще один шаг в направлении восстановления своей власти в утерянных странах, на этот раз на востоке.

Образовавшееся после гибели Надира шаха Афшара (1747 г.) афганское государство Дуррани в первой четверти XIX в. переживало период феодальной междоусобицы. В то же время Каджары вынуждены были согласиться с тем, что они навсегда лишились верховной власти над собственно афганскими землями. Но они возлагали большую надежду на присоединение Гератского ханства, экономически и исторически тесно связанного с Ираном. После завершения ирано-русской войны Фатх Али-шах решил направить свои усилия на завоевание Гератского ханства. Его армия осадила Герат. Однако, узнав о смерти Аббас Мирзы и Фатх-Али шаха, командующий иранскими войсками Мохаммед Мирза, удовлетворившись словесным признанием Камран Мирзы – правителем Герата – о вассальной зависимости от Каджаров, поспешил в Тегеран, чтобы не упустить возможности участвовать в борьбе за шахский трон.

В 1837 г. Мохаммед шах Каджар (1834–1848) предпринял новый поход в Герат, но в результате открытой угрозы Англии иранцы вынуждены были осенью 1838 г. снять осаду. Глава английского правительства Пальмерстон поддерживал афганских амиров против Ирана.

Предпринятый в конце 1851 – начале 1852 гг. новый поход иранских войск в направлении Герата вызвал грубое вмешательство Англии, которая, захватив остров Харк в Персидском заливе, потребовала отхода иранских войск. Английским дипломатам удалось заставить иранского садр-азама подписать договор, по которому шахское правительство давало обязательство не вмешиваться впредь во внутренние дела Гератского ханства, если этого не сделает английское правительство.

В начале 1856 г. Насер ад-Дин шах (1848–1896), узнав о притязаниях поддерживаемого в тот период англичанами афганского амира Дост-Мохаммед хана в отношении Герата, решил отправить свои войска в Герат под видом помощи независимому правителю Мохаммеду Юсифу. Это событие было использовано

английским правительством для нового вмешательства. 1 ноября 1856 г. генерал-губернатор Британской Индии объявил войну Ирану. Английский экспедиционный корпус оккупировал о. Харк, города Бушир, Мохаммера, Ахваз и другие пункты. Иранские войска потерпели поражение [23]. 4 марта 1857 г. в Париже иранский посланник Фаррох хан подписал с представителем Англии мирный договор. По этому договору Иран отказывался от всех притязаний на суверенитет территории Герата и других афганских провинций. Иранский шах официально признавал независимость Герата и всего Афганистана [24].

В результате захвата туркменских земель в Средней Азии во второй половине XIX в., в частности юго-восточного побережья Каспия, Россия стала непосредственной соседкой Ирана. Заметно укрепив свои военно-политические позиции в регионе, российское правительство вынудило Тегеран подписать в 1881 г. Ахал-Хорасанскую пограничную конвенцию. Она узаконила границу между Ираном и Россией по реке Атрек [25].

Вместе с тем по условиям конвенции вопрос о принадлежности соседних с Ахал-Текинским оазисом туркменских территорий не был разрешен. Не были определены правовые отношения туркменского населения к России и Ирану. Оставался запутанным статус Мервского оазиса и земель, расположенных между ним и Ахал-Теке [26]. Туркменские предводители в Мерве временами проявляли склонность к воссоединению с Ираном. С другой стороны, Россия настойчиво добивалась присоединения этих земель, прибегая к военной силе. В 80-х годах XIX в. все эти вопросы были «разрешены» в результате присоединения Мерва, Серахса и других туркменских земель Южного Туркестана к России [27].

Воспользовавшись восстанием систанцев против афганских правителей, Каджары в 1802 г. присоединили к своим владениям большую часть Систана. Однако разграничение в регионе, приведшее к разделу Систана между Ираном и Афганистаном, было осуществлено в 1872 г. В ходе демаркации в качестве арбитров впервые участвовали представители Великобритании [28].

Впоследствии, в 1896 г., вновь возникли пограничные споры между Ираном и Афганистаном. Исходя из положений мирного договора 1857 г. с Британией, Иран обратился с предложением о посредничестве к английскому правительству. С целью выполнения функции арбитра в регион был командирован полковник

Мак-Магон. В течение ряда лет он занимался вопросами демаркации ирано-афганской границы в провинции Систан. Новая демаркация была завершена в 1903 г. В общей сложности в 1871–1903 гг. государственные границы были установлены на протяжении всех восточных рубежей Ирана – от Серахса на севере до побережья залива Геватер в Аравийском море на юге. В четырех из пяти участков восточной границы демаркация проводилась с участием главных арбитров, официальных представителей Британии: Гоулдсмита, Мак-Магона, Маклина и Хоулдика [29]. На пятом участке, где территория иранской провинции (ханства) Каинат граничила с Афганистаном, окончательная демаркация была проведена лишь в 1935 г. В качестве арбитра в ней участвовал турецкий генерал Ф. Алтаи. Спор вокруг водных ресурсов приграничной реки Хирманд, обострившийся в 1929 г., разрешился в результате двухсторонних переговоров. По этому вопросу в 1939 г. было заключено ирано-афганское соглашение. Оно предусматривало равное разделение вод Хирманда у плотины «Банд-е Кемал хан» [30].

Опубликованные в 90-х годах Институтом современных исторических исследований (Тегеран) документальные материалы и научные работы по истории формирования восточных границ страны представляют немалый интерес. Они свидетельствуют, что представители британских владений в Индии и в целом Британская дипломатия в конце XIX – начале XX вв. осуществляли в Хорасане, Систане, Белуджистане и Мекране политику, направленную на ослабление власти Тегерана на Востоке. При этом англичане, в интересах упрочения своих политических и торговых позиций в регионе, опирались на могущественные феодальные роды, знать крупных племен, на эмиров, ханов и сардаров. Некоторым из них Британия выплачивала денежные субсидии [31]. В некоторых случаях проводимая официальными британскими властями и Ост-Индийской компанией торговая политика в восточных окраинах Ирана вела к экономическому упадку. Это явление четко прослеживается на примере бывшей житницы Систан, расположенной в низовьях реки Хирманд. О том, что она пришла в полный упадок в результате английской политики «выжженной земли», свидетельствуют проводимые иранскими учеными исследования [32]. Из-за происков англичан в этот период Иран лишился ряда своих территорий. Эти потери оказались особенно значительными в Белуджистане и Систане.

Государственные границы Ирана с Османской империей к началу XIX в. во многом сохраняли свои очертания, установленные в 1639 г. Зохабским договором. В период правления Каджаров, однако, в отношении принадлежности той или иной приграничной территории между властями двух государств возникали серьезные споры, временами перераставшие в вооруженные конфликты, а порой они являлись причиной войны, как это произошло в 1821 г. Ирано-турецкая война завершилась лишь в 1823 г., когда в Эрзеруме был заключен мирный договор. Серьезные враждебные акции, такие как поджог османцами порта Мухаммары и временная оккупация Ираном г. Сулеймание, вновь привели два государства на грань войны. В 1843 г. оба государства приняли совместное предложение правительств Англии и России о посредничестве. Однако второй мирный договор был подписан в Эрзеруме лишь 31 мая 1847 г. По нему гористая часть Зохаба была передана Ирану, а равнинная – Османской империи [33]. Но окончательное соглашение относительно разграничения между двумя государствами было заключено лишь незадолго до вступления Османской Турции в Первую мировую войну в 1914 г. Тем не менее, некоторые спорные вопросы в зоне реки Шатт-эль-Араб и после этого оставались неурегулированными [34]. Таким образом, существующие к концу XX столетия государственные границы Ирана в основном сложились в XIX и в начале XX вв.

Впоследствии иранские границы на суше потерпели лишь незначительные изменения. Они были проведены в итоге двухсторонних соглашений. Однако в зоне Персидского залива морские границы Ирана впервые были определены в соответствии с достигнутыми договорами (вторая половина XX в.) с Саудовской Аравией, Иракской Республикой и другими арабскими странами.

1.2. Иран в сфере влияния европейских государств

Государство Каджаров, образованное в конце XVIII в., не по своей воле вскоре оказалось подключенным к борьбе великих держав Европы – Франции, Великобритании и России. Пытаясь сохранить подвластные им территории, Каджары решились на войну с двумя могущественными государствами: Россией и Англией. В результате развязанных колониальных войн эти страны продвинулись к государственным границам Ирана. Каджарам

стало не по плечу продолжать историю завоеваний великого воина Надир-шаха и продолжить начатое при нем успешное противодействие экспансии со стороны России и Англии. Хотя и они не прочь были в торжественных случаях воспользоваться привезенными им из похода в Индию военными трофеями – великолепными государственными символами власти (драгоценной короной, тронном и т. д.). Иран отныне стал страной, переживающей прелюдию «большой игры» [35], которая вскоре развернулась между Россией и Англией на просторах Среднего Востока и Центральной Азии.

В целом поражения, которые потерпел Иран в ирано-русских и ирано-английских войнах в XIX в., привели к значительному сокращению входящих в состав иранского государства земель. В результате этих войн и ряда других конфликтов земли, преимущественно заселенные азербайджанскими тюрками, арабами, курдами, туркменами и белуджами, оказались разделенными между Ираном и соседними государствами. Во многих случаях это было вызвано тем, что во время определения пограничной линии первостепенное значение придавалось экономическим, военно-политическим и географическим факторам, а этнические особенности населения региона, как правило, во внимание не принимались [36].

Одновременно войны с Россией и Англией ознаменовали собой конец того периода, после которого страна все больше становилась объектом торговой экспансии европейских держав, постепенно превратившись для них в рынок сбыта. Колониальным державам, прежде всего Англии и России, при помощи подкупов и других средств временами удавалось превратить многих представителей феодальной верхушки, видных авторитетов из числа мусульманского духовенства Ирана в орудие своей политики.

В то же время под воздействием военных неудач, нанесших Каджарскому шахству кроме значительных территориальных потерь огромный финансово-экономический урон и моральный ущерб, ряд просвещенных сановников (Аббас Мирза, Мирза Таги хан Амир-Незам, Мирза Хосейн хан Сепасалар и др.) посредством реформ пытались содействовать выходу иранского общества из полосы продолжавшегося кризиса и социально-экономической отсталости. Основные замыслы сторонников реформ, однако, в конечном итоге не воплощались в жизнь. Их усилия встречали решительное противодействие со стороны большинства господ-

ствующего феодального класса, и прежде всего пользовавшегося огромным влиянием крупного шиитского духовенства. Последние не оставляли в покое даже наследника престола, видного государственного деятеля и сторонника модернизации, принца Аббаса Мирзу, обвиняя его в симпатиях к «гяурам-франкам». В монографии, посвященной общественно-политической деятельности Мирзы Хосейн хана (1827–1881), Г. Нашат пытается выявить причины того, почему усилия главы его правительства, направленные на упрочение государственной власти, на частичную секуляризацию судебной системы, или идеи о строительстве железных дорог в стране, вызвали резкое недовольство многих близких к шахскому двору сановников и религиозных авторитетов. Одни объявляли его «зындыком» (еретиком), а другие даже требовали его казни. Все это происходило в условиях, когда сам шах Насер ад-Дин относился к Мирзе Хосейн хану весьма благосклонно. Молодой шах назначил его министром юстиции. А в ноябре 1871 г. шах утвердил его «садр-е азамом», т. е. великим везиром (главой правительства). Через два года он, однако, был смещен. Под сильным давлением представителей высшего шиитского духовенства шах вынужден был отправить в отставку своего великого везира [37].

В общей сложности в течение XIX в. ни одна существенная реформа в стране полностью не была воплощена в жизнь. В то же время в политико-административном устройстве государства Каджаров, в финансовой системе, дипломатической и таможенной службах, в области культуры и образования страны и ряде других сфер были проведены мероприятия, которые содействовали известной модернизации Ирана. Преувеличивать значение осуществленных нововведений не следует, но нельзя также приносить их место в развитии иранской государственности и общества. Когда весной 1796 г. основатель Каджарского государства вззошел на трон и был официально коронован [38], его «центральная администрация» (кроме «садр азама») включала в себя двух везиров (министров) и группу писарей [39].

Расширение торгово-экономических связей с европейскими государствами, а также с их колониальными владениями оказало сильное воздействие на экономическую и социальную ситуацию в стране. Увеличение импорта из колониальных стран приводило к упадку значительной части ремесленного и кустарного произ-

водства, что весьма отрицательно сказывалось на материальном положении широких масс. Именно этим объясняется то активное участие, которое принимали ремесленники и мелкие торговцы в бабидском движении, охватившим Иран в середине XIX в. [40].

Соприкосновение с колониальными державами имело для иранского общества, однако, и ряд положительных последствий. Уже само по себе вовлечение Ирана в мировой рынок привело к усилению развития товарного земледелия, особенно в последние десятилетия XIX в. В некоторых регионах стали превалировать посевы экспортных технических культур, таких как хлопок, кле-щевина, опиум и, особенно, табак. В течение XIX в. внешняя торговля в постоянных ценах выросла в восемь раз. По стоимости импорт страны в 1830 г. равнялся 2 млн. фунтов стерлингов, а в 1900 г. составлял свыше 5 млн. ф. ст. Иранский экспорт (хлопок-сырец, шелк, пшеница, рис, табак, выделанная кожа, ковры) за тот же период с 2 млн. ф. ст. по стоимости увеличился до 3,8 млн. ф. ст. Под воздействием Англии и России иранское шахство пошло на запрещение работоторговли в зоне Персидского залива и на юго-восточном побережье Каспийского моря [41].

1.3. Превращение Ирана в полуколонию

Иран, как было сказано, еще в начале XIX в. попал в сферу интересов европейских держав, добывавшихся политического и экономического преобладания на Ближнем и Среднем Востоке. К концу столетия экспансия колониальных держав, прежде всего Англии и царской России, в этом регионе резко усилилась. Объективно это соперничество давало Ирану возможность сохранить свою государственную и формальную независимость, что не помешало, однако, его превращению в последней четверти XIX – начале XX вв. в полуколонию. Если в доимпериалистическую эпоху европейские государства боролись за расширение в Иране торговой экспансии и своего политического влияния, то в период становления монополистического капитализма проникновение Запада в эту страну приобрело качественно иной характер. Наряду с торговой экспансией огромное значение приобрел вывоз финансового капитала. Значительную роль в закабалении Ирана и превращения его в полуколонию сыграли иностранные концессии.

Кстати, многие видные общественно-политические деятели эпохи, в частности Мирза Фатхали Ахундаде (Ахундов), Маль-

ком хан, Мирза Юсиф Мосташар од-Доуле, Мирза Хосейн хан и другие, рассматривали выдачу концессий иностранцам как важное средство для прогресса страны.

Предпринятая на основе выданных иностранцам концессий (исключительных прав) финансово-хозяйственная деятельность (учреждение банков, строительство и эксплуатация дорог, каналов, промышленных предприятий и т. д.) сама по себе не представляла Ирану политической или экономической угрозы. Но просветители и сторонники реформ не учитывали одно важное обстоятельство. Стоящие у власти шах, солидная прослойка сановников (шахзаде, ханы, шейхи, сардары), а также верхушка мусульманского шиитского духовенства, отличающаяся в большинстве своем жадной личной наживы и власти, меньше всего думали о благе государства и народа. Многие из них за получение традиционных подношений и взяток были готовы фактически за бесценок уступить чужестранцам значительные привилегии и права.

Иностранцы же, пользуясь предоставленными им правами, направляли свою деятельность прежде всего на извлечение прибылей. При этом они злоупотребляли невежеством и безответственностью иранских чиновников, избегали какого-либо контроля со стороны иранских властей. В результате от деятельности иностранцев существенный урон потерпели как иранское государство, так и значительная часть иранцев-землевладельцев, ремесленников, торговцев, купцов, саррафов (менял), выполнявших функции банковских учреждений.

Конечно, учреждение Английского и Русского банков явилось заметным шагом в модернизации денежных отношений в Иране. Но в то же время эти новшества нанесли сильный удар по позициям иранских саррафов, одновременно став важным средством для обеспечения финансово-экономического доминирования Англии и России в Иране. Такая ситуация, способствовавшая расширению торговой экспансии двух стран, вела к распаду целых отраслей иранского производства. К ним относилось прежде всего одно из наиболее развитых – производство тканей. Конечно, эти негативные стороны иностранного проникновения могли быть смягчены, если бы правящий класс страны не так легко поддавался развращению, которое провоцировали представители колониальных держав.

В борьбе, развернувшейся за получение концессий, наиболь-

ший успех сопутствовал Англии [42]. Самой значительной была концессия, выданная 25 июля 1872 г. барону Юлиусу Рейтеру (1816–1899), крупному финансисту, основателю известного информационного агентства. Согласно ст. 11 концессионного соглашения, Рейтеру предоставлялось монопольное право на прокладку по всей стране железнодорожных и трамвайных линий, сооружение каналов, использование лесов и освоение целинных земель, на разработку всех полезных ископаемых, за исключением золота, серебра и драгоценных камней, добыча которых сохранялась за государством. В ст. 12 отмечалось, что иранское государство будет получать от 15 до 20% чистой прибыли созданных на основе этой концессии компаний или предприятий [43].

Иранский историк Ибрахим Теймури опубликовал документ, представляющий собой заключение влиятельнейших государственных деятелей того времени относительно этой концессии. Сановники, обращаясь к Насер ад-Дин шаху, уверяли его, что предоставление концессии приведет к «возрождению всей страны», и если шах скрепит ее «своим августейшим благословенным именем», то одним росчерком пера «этой земле и ее обитателям будут дарованы милость, благополучие и счастье, более значительные, чем все те благодеяния, которые были оказаны иранскими шахами народу в продолжение нескольких тысяч лет» [44].

Выдача концессии, беспрецедентной даже для той эпохи, вызвала резкое осуждение со стороны многих представителей правящих кругов и шиитского духовенства, заявивших, что она грозит закабалением Ирана «неверными». Концессия была опротестована правительством России. И Насер ад-Дин шах «вскоре нашел предлог, чтобы аннулировать слишком щедрую концессию». Это произошло в 1873 г. [45]

После отмены концессии Рейтер стал настойчиво требовать компенсации за убытки. Иранский двор отказывался выдавать новую концессию. Но в 1889 г. положение изменилось. Шах готовился к третьей поездке в Европу, а казна была не в состоянии ее финансировать. Этим воспользовались Рейтер и стоявший за ним глава английской миссии в Тегеране Генри Друммонд Вольф. За согласие дать в долг иранскому двору 40 тыс. ф. ст. Рейтер получил то, чего добивался: новая концессия предоставила ему исключительное право на учреждение банка и эмиссию банкнот

Ирана. Статья 11 нового концессионного соглашения фактически дала банку те же права на эксплуатацию полезных ископаемых Ирана, которые были даны Рейтеру по аннулированному концессионному соглашению 1872 г. Статья 13 гласила, что банк обязан выплачивать иранскому правительству 16% ежегодно чистого дохода от всех предприятий, созданных для эксплуатации полезных ископаемых страны.

Учрежденный Рейтером Шахиншахский (или Имперский) банк приступил к деятельности в Тегеране в том же 1889 г. Он фактически исполнял роль государственного банка Ирана. Его экономическая и финансовая политика вырабатывалась англичанами. По словам английского исследователя К. Дж. Роббинза, «Имперский банк Персии с 1889 г., т. е. с момента своего создания, при поддержке британского правительства, действовал как прямой проводник английской официальной политики в Тегеране» [46].

В 80-х годах Британский департамент индоевропейского телеграфа совместно с английской индоевропейской компанией получил контракт на строительство на иранской территории целого ряда телеграфных линий, соединяющих Великобританию с зоной Персидского залива и Индией. Строительство этих линий осуществлялось за счет иранского правительства, а их обслуживание находилось в руках английских властей. Несмотря на это, появление указанных линий имело существенное значение для модернизации внутренних коммуникаций Ирана. Тезис видного советского ираниста М. С. Иванова (1909–1986) о том, что «английские телеграфные линии, посты и станции превратились в широко разветвленную сеть шпионажа в Иране», не лишен оснований [47]. Тем не менее, он представляет собой весьма одностороннее утверждение. Активное использование телеграфных линий либеральными, продемократическими силами подтверждается достоверными фактами иранской революции 1905–1911 гг. Телеграфные линии создали широкие возможности для торговли, включая внешнюю, и содействовали развитию иранской прессы, в том числе либерально-демократического направления.

Активное проникновение русских в Иран началось в конце 70-х годов XIX в. В 1879 г. в Тегеране по просьбе иранского шаха был сформирован полк иранских казаков под командованием русских офицеров. Позднее он превратился в казачью бригаду. Основной контингент рядового состава бригады «персидских

казаков» первоначально состоял почти исключительно из жителей Южного Кавказа (Северного Азербайджана) [48].

Русское командование бригады регулярно направляло в Петербург отчеты, в которых подробно анализировалась внутриполитическая ситуация в Иране. Выполняя задачу придворной гвардии шаха, бригада «персидских казаков» одновременно являлась важным военно-политическим орудием царизма в Каджарском шахстве. В том же 1879 г. русские капиталисты получили концессию на постройку телеграфной линии между городами Астрабад и Чикишляр, на севере Ирана. Чтобы уменьшить угрозу своим позициям со стороны европейских соперников, царское правительство вынудило шаха Насер ад-Дина в 1889 г. подписать соглашение относительно отказа от строительства в Иране железных дорог вплоть до 1900 г. Впоследствии подобное соглашение, запрещавшее строительство железных дорог на территории Ирана вплоть до 1910 г., было заключено между Россией и Англией [49]. Следует отметить, что в тот период у тегеранских правителей не было средств для реализации подобных проектов.

Первыми видными концессионерами в Иране из России стали братья Поляковы. В 1890 г. А. С. Поляков приобрел концессию у иранского правительства на устройство в стране банка с правом заниматься ссудными операциями. Созданный в следующем году банк был приобретен в апреле 1894 г. Российским министерством финансов. Он получил новое название: Ссудный банк Персии [50]. (В 1902 г. был переименован в Учетно-ссудный банк Персии). Российское правительство возложило на банк прежде всего задачу активизации экономической политики в Иране, направленной на завоевание местного рынка и на «вытеснение из Персии английских произведений» (т. е. промышленных товаров, – С. А.). Как показало проведенное советским историком Б.В. Ананьичом обстоятельное исследование, деятельность Учетно-ссудного банка Персии в целом в начальный период оказалась успешной. В течение 1895–1900 гг. Россия достигла «значительных успехов в освоении персидского рынка, быстро догнала Англию в объеме торгового оборота с Персией и заняла монопольное положение на северных рынках страны. На протяжении этих лет самодержавие добилось также исключительного права финансировать персидское правительство и установило через Учетно-ссудный банк контроль над персидскими финансами» [51].

Российские капиталисты большое внимание уделяли и эксплуатации рыбных ресурсов иранских вод Каспия. К середине 50-х годов XIX в. все иранское побережье от г. Астары (иранского) до Горгана было занято российскими рыбопромыслами. В 1908 г. «Товарищество Южно-Каспийских рыболовных промыслов Г. С. Лианозова» было крупнейшим промышленным предприятием на территории Ирана, принадлежавшим российскому капиталу. В его подразделениях работало около 800 подданных России и свыше трех тысяч иранцев. Сумма инвестиций товарищества в годы Первой мировой войны составляла 9 млн. руб. [52]

Первое массовое движение, направленное против шахской власти и роста иностранного засилья, имело непосредственную связь с предоставлением концессий. 20 марта 1890 г. Насер ад-Дин шах Каджар предоставил английскому подданному Дж. Тальботу монопольное право на скупку, переработку и продажу, включая экспорт, табака на 50 лет на всей иранской территории. Взамен «табачное управление», учрежденное Тальботом, обязалось ежегодно вносить в шахскую казну 15 000 ф. ст. и 25% чистых прибылей компании после вычета концессионерами дивиденда в размере 5% их основного капитала. При подписании концессионного договора глава правительства Амин ос-Солтан вручил шаху от имени Тальбота «комиссионные» в размере 25 тыс. ф. ст.

Это был не первый «пикшеш» («подношение»), врученный шаху от имени руководителя табачной компании М. Дж. Тальбота. Относительно табачной концессии он приступил к переговорам с иранскими сановниками еще во время пребывания Насер ад-Дина шаха и членов его свиты летом 1889 г. в Вене и Париже. Затем они отправились в Лондон. Руководитель табачной фирмы тогда исполнял обязанности представителя Великобритании по организации приема иранских гостей. Уже в Париже шах поручил Тальботу в течение пяти недель подготовить и направить ему текст концессионного соглашения. Во время поездки иранской делегации Тальботу пришлось израсходовать на гостей изрядную сумму. Все эти сведения стали известны после выхода в свет книги Х. Натег. Ей же удалось выявить значительную роль британского посланника в Тегеране Г. Д. Вольфа в выдаче табачной концессии именно английской фирме. По какой-то причине известный английский иранист проф. Ламбтон в статье, впервые опубликованной в 1965 г., пыталась отрицать активное

участие официального Лондона в этой сделке. При этом она допустила явную фактическую ошибку [53].

Сделка табачной концессии приобрела широкую огласку в стране после появления о ней критической статьи на страницах персидской свободной газеты «Ахтар», издававшейся в Стамбуле [54]. Действия шаха и садр-азама вызвало резкое недовольство по всей стране. Во многих крупных городах и населенных пунктах прокатилась волна антиправительственных выступлений. Их участники требовали отмены концессии. Защитниками подобных выступлений стали представители зарождавшейся буржуазии, в частности торговцы табаком, ремесленники, а также видные представители духовенства [55].

Табак (кальянный) был одной из важнейших культур иранского растениеводства. По некоторым данным, в 90-х годах XIX в. примерно 2 млн. иранцев из 8–9-миллионного населения страны входили в число его потребителей. В этот период табак стал одной из главных статей иранской внешней торговли. В Стамбуле численность иранских торговцев, занятых продажей табака, составляла не менее 500 человек [56].

Особого накала выступления против предоставления чужестранцу табачной монополии достигли в начале декабря 1890 г., когда в стране от имени главного муджтехида тех дней Хаджи Мирза Мохаммеда Хасана Ширази была распространена фетва [57], в которой потребление мусульманами табака было объявлено «харамом» (запрещенным). Этот запрет сразу стал соблюдаться большинством иранцев. Согласно свидетельству личного врача шаха, все торгующие табаком лавки были закрыты, все кальяны были оставлены. Никто больше не курил ни в Тегеране, «ни в окружении шаха, ни даже в его андаруне» (во внутренних покоях шахского дворца) [58].

Весьма активная, порой ведущая роль в развертывании движения за аннулирование табачной концессии крупных религиозных шиитских авторитетов, в частности, объяснялась тем, что во многих регионах, например в Ширазском, в окрестностях оз. Урмия в Азербайджане и др., на вакуфных землях, принадлежащих, как известно, мусульманским учреждениям, было широко распространено возделывание табака [59].

После решительных и широких тебризских выступлений конца 1891 г. движение против табачной концессии достигло наивысшей точки.

высшего этапа во время тегеранского восстания – в начале января 1892 г. Оно было вызвано действием шаха, который приказал ведущему муджтехиду столицы Мирза Хасан Аштияни отменить запрет на курение. В противном случае Аштияни угрожала немедленная высылка из Тегерана. Восстание в столице началось утром 4 января 1892 г., когда «возглавляемая экзальтированным сеидом в голубом тюрбане» толпа горожан пыталась проникнуть в здания шахского дворца в саду Голестан. Большинство вызванных для охраны дворца сарбазов отказалось открыть огонь по толпе. Но прибывший на место событий отряд специального полка начал стрелять в людей, в результате чего было убито семь манифестантов. После этого преследуемая солдатами толпа восставших обратилась в бегство. Но выступления за отмену концессии продолжались [60].

6 января шах созвал совет, на котором было принято решение об аннулировании табачной монополии. Во время дебатов в английском парламенте табачная концессия была названа «ужасным обманом». А тем временем, в марте того же года, между представителями «табачного управления» и иранским правительством было подписано соглашение относительно размера неустойки, которую Иран согласился выплатить компании. Эту сумму, 500 000 ф. ст., в качестве займа, по существу по условиям кабального, правительство шаха заняло у Шахиншахского английского банка. Это был первый крупный заем, полученный иранским государством у иностранного учреждения. «Постоянно возрастающая с годами алчность шаха к деньгам», о которой писал русский посланник в Тегеране Г. Бюцов, дорого обошлась и самому иранскому деспоту. Во время церемонии празднования пятидесятилетия царствования Насер ад-Дин шаха Каджара он был убит (1 мая 1896 г.) духовным последователем видного мусульманского политического деятеля Сейида Джамал ад-Дина Асадабади (Афгани) – Мирза-Резой Кермани [61].

Иранская исследовательница Хома Натег в 1992 г. в Париже опубликовала книгу по истории табачной концессии и Шахиншахского банка. Опираясь на документы, она внесла много нового и в раскрытие позиций представителей иранской буржуазии в ходе движения против табачной монополии. Будучи одним из богатейших людей Ирана и имея доступ к шахскому двору, Амин-ол-Зарб, другие видные представители торгового капитала, а так-

же шиитского духовенства активно содействовали выступлениям против закабаления Ирана Великобританией и Россией.

Движение против табачной концессии формально завершилось победой. В этом его историческое значение. Однако оно не предотвратило расширения экономической и политической экспансии колониальных держав в Иране. В то же время оно явилось предвестником иранской конституционной революции 1905-1911 гг. Вполне можно согласиться с Э. Ламбтон в том, что указанное движение явилось началом формирования в Иране общественного мнения [62].

Погибшего шаха на троне заменил Мозаффар ад-Дин шах (царствовал в 1896—1906 гг.). В основном он продолжал политическую линию своего отца. При нем расходы шахского двора имели тенденцию к увеличению. Одновременно росла общая сумма, выплачиваемая в качестве пенсий и специальных пособий принцам из рода Каджаров. Слабый и болезненный Мозаффар ад-Дин, подобно своему отцу, трижды (в 1900, 1902 и 1905 гг.) совершал расточительные поездки в страны Европы. Все эти обстоятельства вынуждали его правительство обращаться за займами к России, и, разумеется, к английскому Шахиншахскому банку.

Тем временем свое право на разработку полезных ископаемых в Иране Шахиншахский банк уступил за 150 тыс. ф. ст. фирме «Першн Майнинг Корпорейшн», учрежденной для разработки иранских нефтяных месторождений. Фирма не сумела в оговоренный срок организовать добычу нефти и была расформирована. В то же время существование промышленных запасов нефти было подтверждено новыми изысканиями. В 1900 г. в Париже бывший секретарь Ю. Рейтера Э. Котт обратил внимание на эти сведения Антуана Китабчи-хана, занимавшего с 1894 г. пост советника иранской дипломатической миссии в Бельгии, бывшего главного директора иранских таможен.

Китабчи-хан, грузин по национальности, мигрировавший в Иран в молодости, сделал карьеру при помощи англичан. В качестве маклера он оказал большое содействие Ю. Рейтеру и М. Тальботу в получении концессий у шаха. Получив информацию об иранской нефти, он решил испытать свои шансы в поисках клиента, желающего приобрести концессию у Мозаффар ад-Дин шаха. При посредничестве бывшего английского посланника Д. Вольфа, к которому он обратился за помощью, в 1900 г. он

был приглашен в Лондон. Там его познакомили с крупным финансистом Уильямом Ноксом д'Арси. В апреле 1901 г. д'Арси вместе со своими поверенными А. Мариоттом и Э. Коттом отправил А. Китабчи-хана для заключения с шахом концессионного соглашения об иранской нефти [63].

Английский посланник в Иране А. Гардинг оказал большую услугу представителям д'Арси. Однако когда А. Мариотт представил шаху подготовленный им вариант текста концессионного соглашения, тот отказался подписать документ. Главным образом шах опасался негативной реакции России.

По вопросу концессии А. Гардинг встретился с главой правительства садр-азамом Амин ос-Солтаном (он же Атабак-е Азам). За обещанную крупную сумму последний обещал свою помощь, хотя и слыл русофилом. Сообщив шаху, что со стороны российской миссии никаких возражений относительно концессионного соглашения не поступило, он добился его официального утверждения. От имени д'Арси соглашение подписал А. Мариотт. После этого представитель садр-азама явился в российскую миссию и официально сообщил о состоявшейся сделке [64]. Позднее, в феврале 1902 г., когда от российского финансового агента в Тегеране Э. К. Грубе в МИД России поступило сообщение о том, что д'Арси уплатил за концессию взятку в размере 50 тыс. туманов, стало ясно, почему садр-азам так легко уступил давлению англичан и не только не искал помощи у русских, но скрыл от них факт переговоров с представителями английского концессионера.

Вместе с тем выступление России против концессии не было настойчивым. Это объясняется главным образом тем, что царское правительство не желало в тот период идти на ухудшение отношений с Великобританией. В то же время английской дипломатией были предприняты шаги, призванные смягчить негативную реакцию России. Так, при разработке текста концессионного соглашения А. Гардинг посоветовал А. Мариотту исключить из сферы действия концессии области и провинции, граничащие с Россией. Поэтому ст. 6 концессионного соглашения предоставляла д'Арси монопольное право разрабатывать и эксплуатировать в течение 60 лет месторождения нефти, природного газа, асфальта и битума по всей территории Ирана, кроме пяти северных областей и провинций: (Иранского) Азербайджана, Гиляна, Мазендерана, Астрабада и Хорасана [65].

Для изыскательских работ У. д'Арси в 1903 г. учредил «Ферст Эксплотэйшн Компани» с первоначальным акционерным капиталом в 600 тыс. ф. ст. Стоимость каждой акции была определена в 1 ф. ст. Разведочными работами руководил опытный специалист Джордж Бернард Рейнольдс. Первые скважины, пробуренные в ноябре 1902 г. недалеко от ирано-турецкой границы, западнее города Керманшаха, дали неудовлетворительный результат [66].

К тому времени д'Арси истратил уже около 2 млн. ф. ст. Желая избежать дальнейших убытков, он решил продать свои концессионные права. Слухи о том, что д'Арси начал вести переговоры с неанглийскими компаниями, сильно обеспокоили руководство британского адмиралтейства во главе с лордом Джоном Фишером. Убеденный сторонник перевода английского флота с каменного угля на жидкое топливо, лорд Фишер немедленно приступил к переговорам с лордом Страктона и руководителями английской «Бирма Ойл Компани».

В 1905 г. лорд Страктона и «Бирма Ойл Компани» создали совместную компанию – «Консешнс Синдикэйт Лимитед» с достаточным для продолжения разведочных работ капиталом. Директором этой компании стал д'Арси [67].

В 1905 г. изыскатели во главе с Рейнольдсом перенесли свою деятельность южнее, в район зимовок полукочевых бахтиарских племен. Первая скважина, к бурению которой приступил Рейнольдс в новом районе, сначала не дала ожидаемых результатов. Так продолжалось два с лишним года. Весной 1908 г. руководство «Консешнс Синдикэйт Лимитед» решило приостановить деятельность компании. Рейнольдс, однако, решил продолжать работу до прибытия официального письменного документа. Его упорство было вознаграждено. 26 мая 1908 г. в районе Месджед-Солеймана (позже этот район стали называть также Майдане-Нафтун) из скважины глубиной около 340 м забил нефтяной фонтан. Это событие и положило начало промышленной добыче нефти в Иране [68].

14 апреля 1909 г. в Лондоне для эксплуатации нефтяных месторождений в концессионной зоне была учреждена Англо-персидская нефтяная компания (АПНК). Ее первоначальный капитал был равен 2 млн. ф. ст., большую часть которого составляла доля «Бирма Ойл Компани» [69]. АПНК купила все акции ранее действовавших в Иране английских компаний и стала единоличным

обладателем концессионных прав, в свое время полученных д'Арси.

В начале XX в. Иран представлял собой страну, около трети населения которой состояла из кочевых и полукочевых племен. Как правило, эти племена проживали в окраинных провинциях (особенно на юге, юго-западе и юго-востоке), малоразвитых в экономическом и социальном отношении, слабо связанных с центром государства.

В зоне племен господствовали патриархально-родовые и феодалные отношения. Вся полнота власти там, как правило, принадлежала местным феодалам, подчинение которых центральным властям носило временами номинальный характер. В таком положении находились, в частности, Лурестан, Бахтиария, Арабиستان (Хузестан), где АПНК приступила к изыскательским работам.

Среди полукочевых племен Юго-Западного Ирана выделялись бахтиары, которые при необходимости могли выставить несколько десятков тысяч вооруженных всадников. В 1897 г. центральное правительство, поддавшись давлению бахтиарских ханов, согласилось на включение в состав контролируемых их предводителем Эсфендияр ханом земель значительной части Хузестана [70].

Первые официальные контакты англичан с бахтиарскими предводителями были установлены еще в XIX в. Так, 23 апреля 1897 г. компания «Линч Бразерс» получила у иранского правительства концессию на строительство шоссейной дороги между Ахвазом и Исфаханом через территорию Бахтиарии. В марте 1898 г. между бахтиарскими ханами и компанией было подписано соглашение, касавшееся условий прокладки этой дороги. В обмен на участие рядовых членов племен и оседлых крестьян в сооружении дороги компания предоставила ханам ссуду в размере 5,5 тыс. ф. ст. на 25 лет из расчета 6% годовых [71].

Деятельности английских компаний активно содействовали британская дипломатическая миссия в Тегеране, английские консульства в Южном Иране и английский резидент в зоне Персидского залива, подчинявшиеся Форин офису и правительству Британской Индии.

Еще до учреждения АПНК, когда в 1905 г. Рейнольдс принял решение приступить к бурению разведывательных скважин в районе Месджеде-Солеймана, ему пришлось иметь дело с бахтиарскими ханами. 15 ноября 1905 г. ильхан [72] Самсам ос-Салтане и ильбеги [73] Шахаб ос-Салтане, с одной стороны, и пред-

ставители «Консешнс Синдикэйт Лимитед» – с другой, подписали соглашение, в соответствии с которым компания получила право бурить скважины на территории, которую контролировали бахтиары. За ежегодную плату в 2 тыс. ф. ст. ханы согласились обеспечивать безопасность буровиков и охранять имущество компании. В конце октября 1906 г. при активном участии английского посланника в Иране Сесила Спринг-Райса представители «Консешнс Синдикэйт» заключили с ханами бахтиар новое соглашение, предусматривавшее увеличение ежегодной платы за охрану имущества компании за 500 ф. ст., а в случае строительства нефтепровода – за 1000 ф. ст. [74] Тем не менее, английская миссия в Тегеране вскоре добилась смещения Самсам ос-Салтане и Шахаб ос-Салтане и назначения на занимаемые ими посты более лояльных к Великобритании ханов.

Желая отомстить англичанам, Самсам ос-Салтане организовал нападение племен на промыслы «Консешнс Синдикэйт»; имуществу компании был нанесен ущерб. В июне 1907 г. тегеранское правительство, не без согласия английской миссии, вновь утвердило Самсам ос-Салтане и Шахаб ос-Салтане на прежних постах.

Вместе с тем английские власти, использовав нападение бахтиар как повод, в ноябре 1907 г. направили в распоряжение своего консульства в г. Ахвазе (Хузестан) 20 уланов из Бенгалии во главе с лейтенантом Арнольдом Вильсоном. Это подразделение, присутствие которого в Хузестане было явным нарушением иранского суверенитета, призвано было охранять сотрудников и имущество компании.

Тем временем английская дипломатия продолжала добиваться укрепления связей с вождями бахтиарских племен. В июле 1908 г. один из влиятельных бахтиарских ханов Сардар Асад вместе со своим дядей и младшим братом вел в Лондоне переговоры с ответственными сотрудниками Форин офиса относительно деятельности «Консешнс Синдикэйт» в Бахтиарии. Активным участником переговоров был А. Гардинг, бывший глава английской миссии в Тегеране [75]. Этот факт приобретает особый смысл, если вспомнить, что через год после этих переговоров, летом 1909 г., Сардар Асад возглавил поход бахтиар на Тегеран. Бахтиары сыграли видную роль в низложении Мохаммеда Али шаха Каджара и во втором введении конституционного правления.

13 апреля 1909 г., за день до учреждения АПНК, в Лондоне была образована «Бахтиар Ойл Компани» с капиталом 300 тыс. ф. ст. Скоро эта компания стала филиалом АПНК. Согласно договоренности, 3% акций «Бахтиар Ойл» было передано бахтиарским родам Ильхани и Хаджи Ильхани.

Английские власти стремились развивать «дружеские» отношения с аристократией бахтиарских племен, чтобы воспользоваться в случае необходимости их могуществом для давления на центральное правительство, на шахский двор. Однако это не означало, что вся бахтиарская верхушка неизменно играла роль орудия чужеземцев. Английским властям и АПНК не всегда удавалось сохранять свое политическое влияние в Бахтиарии и в других землях, находившихся под властью бахтиарской знати. Дело в том, что в отличие от родов Ильхани и Хаджи Ильхани многие бахтиарские роды, занимавшие в политической и социальной иерархии более низкое положение, враждебно относились к расширению деятельности АПНК.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с утверждением индийского ученого Иштиака Ахмада, будто бахтиарские ханы в период учреждения АПНК «отказались быть орудием в руках компании» [76].

Некоторые противоречия, действительно возникавшие между АПНК и бахтиарской верхушкой в первые годы деятельности компании (именно на них обратил внимание И. Ахмад), были вызваны тем, что в соперничестве бахтиарской знати с правителем Мохаммеры (ныне Хорремшехр) в Хузестане англичане часто поддерживали последнего. Правителем Мохаммеры был в то время глава конфедерации арабских племен Бани Кааб шейх Хазаль. До него с 1881 г. оба эти поста занимал его старший брат – шейх Мазаль. Он получил это назначение при активной поддержке англичан. В начале Мазаль полностью придерживался про-английской ориентации. Однако когда англичане прибрали к рукам судоходство по реке Карун, шейх изменил свою позицию. Он стал выражать открытое недовольство английской политикой в Хузестане и в зоне Персидского залива. Особое беспокойство у него вызвало настойчивое стремление англичан добиться контроля над всей торговлей в северной части залива. 2 июня 1896 г. шейх Мазаль был вероломно убит бандитами [77], подосланными Хазалем. В краткой характеристике шейха Хазалья, составленной

английскими дипломатами (впоследствии она попала в руки иранских властей), подчеркивалось, что шейх уведомил англичан о готовящемся заговоре против Мазая. Он обещал, захватив власть в Мохаммере, во всем содействовать упрочению позиций Великобритании [78].

Взяв в руки власть, Хазаль установил с английскими представителями в зоне залива самые тесные отношения. Шейх Хазаль признавал де-юре верховную власть иранского шаха. Фрезер, посетивший в начале XX в. зону Персидского залива, замечал: «Однако он взимает свои налоги, содержит собственные войска и на деле является более чем полунезависимым правителем... Он — искренний друг Великобритании».

В период учреждения АПНК английские власти стали проявлять еще большую заинтересованность в установлении особых отношений с шейхом, как и с некоторыми другими влиятельными деятелями в Юго-Западном Иране. С этого времени английская политика опоры на местных правителей на юге Ирана, сформулированная лордом Керзоном в его бытность вице-королем Индии, приобрела более четкие контуры.

6 мая 1909 г. сэр Перси Кокс (1864–1937), занимавший пост политического резидента Великобритании в зоне Персидского залива, от имени АПНК заключил с Хазалем официальное соглашение. Шейх дал согласие на строительство нефтепровода через находившуюся под его контролем территорию. Он согласился также на строительство нефтеперегонного завода на острове Эль-Хадар (впоследствии Абадан). В обмен на это Перси Кокс от имени британского правительства дал шейху Хазалю гарантию, что «Англия не позволит иранскому правительству нарушить статус-кво его владений ни при нем самом, ни при его наследниках или преемниках». Через два месяца стороны оговорили финансовые условия сделки. АПНК получила в аренду территорию площадью в одну квадратную милю (примерно 1 кв. км.) на упомянутом острове за ежегодную плату в 650 ф. ст. в течение первых десяти лет. Впоследствии сумма должна была увеличиться до 1500 ф. ст. Одновременно английское правительство предоставило Хазалю заем в 10 тыс. ф. ст. [79]

В октябре 1910 г. шейх получил от представителей британского правительства заверение в том, что Англия «не только будет защищать его по мере возможности от не спровоцированных

нападений со стороны иностранного государства, но и будет ему оказывать необходимую поддержку для удовлетворительного разрешения инцидента в случае покушения на подведомственную ему область или признанные права или на его имущество в Иране со стороны иранского правительства» [80].

Созданный на иранской территории промышленный центр по добыче и переработке нефти стал одним из выдающихся достижений Британской империи накануне Первой мировой войны. Английская компания принесла огромные доходы правительству Великобритании и английскому частному монополистическому капиталу. Вместе с тем, как впоследствии с огромным удовлетворением писал У. Черчилль, в целом эти доходы «оказались более чем достаточны не только для оплаты топлива, потребляемого кораблями адмиралтейства, но и для строительства большого британского военно-морского флота, причем без единого пенни, полученного от налогоплательщиков» [81].

1.4. Конституционная революция

Конец 1905 г. стал началом конституционной революции в Иране. По истории первой иранской революции имеется обширная научная литература на персидском, английском и русском языках. По данной теме на этих языках опубликовано немало документов. Наиболее ранняя публикация появилась еще в ходе конституционного движения. Революция 1978–1979 гг., приведшая к крушению иранской монархии, вызвала возрождение интереса к истории конституционной революции 1905–1911 гг. Посредством сопоставления характера, предпосылок и других черт этих двух революций, и особенно активного участия крупного шиитского духовенства, историки пытались обнаружить и обосновать схожесть этих явлений. Сопоставительный метод, однако, в данном случае оказался, как и можно было ожидать, не вполне подходящим. Вторая иранская революция – событие уникальное. Она с самого начала протекала под лозунгом замены конституционной монархии исламскими формами правления. В то же время революция 1905–1911 гг. развивалась в русле национально-демократических движений Азии начала XX в., направленных на упрочение национального суверенитета и модернизации существующей общественно-политической системы.

В идеологическом плане она была в известной степени

порождением западного влияния. Ряд видных идеологов конституционного движения в принципе были сторонниками секуляризма. Они утверждали, что «политика веры не касается». Согласно уставу столичного либерального «Тайного общества», основатели которого обсуждали вопросы реформирования общественно-политического строя Ирана, в него могли вступать все иранцы по рождению, включая тех, кто исповедует христианство, иудейство или зороастризм. Кстати, в руководство указанного общества входили ряд шиитских авторитетов. В этой связи характерно, что, несмотря на все усилия садр-азама Мошир од-Доуле, который настаивал на том, чтобы нижняя палата будущего иранского парламента была названа «исламским собранием», конституционалистам из числа купечества удалось отстоять название палаты «маджлес-е мелли», т. е. «национальное собрание». В документах, распространяемых от имени упомянутого либерального «Тайного общества», говорилось о необходимости уравнивания в правах всех граждан страны, включая шаха и самого бедного члена общества. В то же время утверждалось, что революционное движение должно опираться на самые бедные слои и неимущих, так как ханы, принцы (шахзаде) и дети богатых духовных лиц (агазаде) никогда не станут подлинными сторонниками реформ, равноправия. Лидеры «Тайного общества» и других подобных организаций одновременно утверждали, что выдвигаемые ими идеи о равноправии и свободе составляют основу исламского учения [82].

В целом оппозиционное выступление иранцев в 1905 г. было вызвано ростом произвола и гнета со стороны господствующих слоев, а также нарастанием закабаления страны колониальными державами, прежде всего Россией и Англией. Непосредственным поводом антиправительственного выступления послужили события 12 декабря 1905 г. в Тегеране, когда по указанию правителя города группе известных купцов, отказавшихся снизить цену на импортируемый сахар, было применено грубое традиционное наказание – их били по пяткам. 13 декабря, в знак протеста против бесчинства властей, были закрыты все торговые лавки и производственные мастерские столицы. В пятничной мечети «Шах» собрались видные духовные лица и представители базара – центра экономической и финансовой жизни города. Один из известных религиозных проповедников (ваизов) Сейид Джамал ад-Дин в своем выступлении, обращаясь к присутствующим, сказал:

«Если его величество шах Ирана – мусульманин, то он поддержит выдающихся улем и будет прислушиваться к их беспристрастным призывам...» Эти дерзкие слова Сейид Джамала вызвали резкую реакцию со стороны близкого к властям настоятеля мечети, который, обращаясь к своим слугам (нукерам), крикнул: «Стащите этого сеида-бабиды с минбара, побейте, убейте его!» Но Сейид Джамалу удалось избежать ареста [83].

На следующий день большая группа духовенства и «людей базара» в знак протеста во главе с муджтехидами Сейидом Мохаммедом Табатабаи и Сейидом Абдолла Бехбехани направилась в расположенную в окрестности столицы мечеть Шах Абдоль-Азим. Они разместились в покоях и внутренних дворах, избрав их в качестве убежища (согласно традиционному праву убежища, называемому «бест» [84]). Было принято решение покинуть Шах Абдоль-Азим лишь после удовлетворительного ответа шаха. Они предложили шаху немедленную отставку главы правительства Эйн од-Доуле, увольнение главы таможенного управления бельгийца Науса, а также учреждения «Адалатхане» («Дома справедливости») для разбора жалоб представителей населения. В январе 1906 г. Мозаффар ад-Дин шах выпустил указ с обещанием учредить «Адалатхане». Однако требование не выполнялось. В результате начались новые выступления, «бесты». Забастовки и демонстрации охватили многие крупные города страны. Вслед за «малой миграцией» состоялась вторая, «большая миграция», когда большая группа недовольных тегеранцев отправилась в почитаемый шиитами как «священный город» Кум, который находился на значительном расстоянии от столицы. Шах издал новый указ относительно учреждения меджлиса (собрания, палаты), в который должны были войти представители различных слоев населения. Этот указ тоже не удовлетворил участников «беста» в Тегеране и Куме. Тогда появился дополнительный указ на имя сменившего принца Эйн од-Доуле, нового садр-азама – Мошир од-Доуле. В нем четко указывалось, что члены меджлиса будут избраны народом, и его деятельность будет проходить под руководством самих депутатов.

После появления нового указа участники Кумской миграции вернулись в Тегеран. Борьба за реформирование политической системы не только не ослабла, но и усилилась.

Большое значение для дальнейшего развития конституцион-

ного движения имели сентябрьские события 1906 г. в Азербайджане. В Тебризе была объявлена всеобщая забастовка, во время которой был создан первый в стране революционный энджумен (совет, общество), куда вошли представители купечества, «новой» интеллигенции, духовенства (в том числе главный тебризский муджтехид Мирза Хасан [85]), либеральных помещиков и ремесленников. В городе функционировали первые иранские социал-демократические группы. Здесь были созданы вооруженные отряды моджахидов и федаев, защищавшие революционный город от вооруженных банд полукочевников, возглавляемых феодалами края. Всеобщая забастовка закончилась лишь после того, когда появились шахские указы относительно созыва парламента (меджлиса) и о предстоящем утверждении иранской конституции.

9 сентября шах утвердил положение о выборах от сословий в меджлис, а в декабре 1906 г. приступил к работе меджлис первого созыва в Тегеране. К концу 1906 г. был утвержден Основной закон иранского шахства. Иран объявлялся конституционной монархией. Согласно ст. 16 Конституции, все основные законы, «необходимые для укрепления основ государства и высочайшей власти, а также для ведения дел в стране и устройства правительственных учреждений», должны были получать одобрение со стороны членов меджлиса. В Конституции отмечалось, что иранские газеты «могут печатать ход всех прений меджлиса, но при условии – не изменять и не извращать их смысла». Без одобрения меджлиса правительство не имело права предоставлять концессии, соглашаться на учреждение частных компаний. Соглашения о государственных займах, как внутренних, так и внешних, должны были заключаться лишь «с ведома и одобрения меджлиса» (ст. 25) [86]. Вскоре после ратификации Конституции тяжелобольной Мозаффар ад-Дин шах умер (8 января 1907 г.). Новым шахом стал правитель Азербайджана, его сын Мохаммед-Али. Он находился под сильным влиянием контрреволюционеров и представителей царской России, в частности своего учителя (караима по национальности – С. А.), Шапшала [87]. Опираясь на моральную поддержку представителей России, Мохаммед-Али шах сразу попытался предотвратить дальнейшее развитие конституционного движения. Однако его действия не увенчались успехом. Скорее они вызвали резкое недовольство сторонников политических реформ. Началась новая волна массовых выступлений,

направленных на упрочение статуса парламента и в целом на усовершенствование текста Конституции, на усиление ее демократических черт. После включения в деятельность меджлиса прибывших из Азербайджана депутатов эти вопросы приобрели первостепенное значение. Демократически настроенные лидеры парламента подготовили проект Дополнений к Основному закону. «Меджлис ультимативно потребовал от шаха и правительства принять дополнения к Основному закону и объявить форму правления строго конституционной (чего шах и правительство до тех пор избегали); объявить министров ответственными перед меджлисом, а не перед шахом, как это было раньше; запретить иностранцам (имелся в виду бельгиец Наус. – С. А.) занимать министерские посты; признать созданные в провинциях и других городах энджумены; сместить Науса и Прима с постов министра таможен и генерального директора таможен и т. д.» [88].

Шахский двор, правительство и реакционная часть депутатов, однако, не спешили выполнять требование продемократических сил и утверждать Дополнение к Конституции. Они продолжали свою политику, направленную на консолидацию реакции. После убийства 18 (31) августа главы правительства Амин-ос-Солтана (Атабека Азама) политическая ситуация вновь резко изменилась. Как шах, так и виднейшие предводители реакции вынуждены были отступить. Они стали лицемерно демонстрировать свою лояльность меджлису. Явившись в меджлис, они поклялись в верности Конституции. В начале октября 1907 г. меджлис большинством голосов утвердил Дополнения, и шах подписал их.

Новая часть Основного закона содержала целый ряд демократических положений. Декларировались равные права всем иранцам перед законом. В ст. 9 говорилось, что «жизнь, имущество и честь всех граждан обеспечиваются и защищаются законом». Дополнения предоставляли свободу печатным изданиям «за исключением тех, которые противоречат исламу». Согласно Дополнениям, право разъяснения и толкования законов предоставлялось только меджлису [89].

В то же время благодаря давлению правого крыла шиитских богословов, среди которых большим авторитетом пользовался шейх Фазлолла, в Дополнения был включен ряд положений, ущемляющих права иранских граждан, не исповедующих ислам

джафаритского толка (имамитский шиизм). Последний был объявлен официальной верой Ирана. Законы, принятые меджлисом, должны были соответствовать «основам исламского учения».

Под давлением демократически настроенных депутатов меджлиса первого созыва принял целый ряд прогрессивных постановлений. К их числу относились: отмена откупной системы, феодального института тиула, сокращение огромной пенсии членам царствующего рода племени Каджар и т. п.

Происходившие в стране процессы, особенно рост антифеодальных выступлений и расширение продемократического движения, вызвали сильное беспокойство не только Мохаммед-Али шаха и его окружения, но и правящих кругов России и Великобритании. Экспансия Германии в страны Ближнего Востока, включая Иран, толкала Англию и Россию, ради сохранения своих преобладающих позиций в регионе, на ослабление существовавшего между ними острого соперничества. В 1907 г. они заключили конвенцию «по делам Персии, Афганистана и Тибета». По этому договору территория Ирана к северу от линии Касре-Ширин – Исфахан – Йезд – Зульфугар объявлялась сферой влияния царской России, а часть страны к юго-востоку от линии Бендер-Аббас – Керман – Бирджанд – Газик – британской сферой влияния. Расположенные между этими зонами территории приобрели «нейтральный» статус. Соглашение это вызвало большое недовольство в Иране, особенно среди тех иранских националистов, которые на начальном этапе конституционного движения считали английские власти своими сторонниками в борьбе за введение конституции. Э. К. Ламбтон в этой связи подчеркивает, что весть об этом соглашении поколебала веру конституционалистов в отношении англичан [90]. М. С. Иванов обращает внимание на то, что «после его подписания вмешательство Англии и царской России в дела Ирана с целью удушения революции стало более активным» [91].

В действительности Мохаммед-Али шах, опираясь на поддержку англичан и русских, предпринял усилия, чтобы осуществить государственный переворот, цель которого – «покончить с революцией». Но решительные действия тебризского энджумена вынудили шаха отказаться от своих намерений. 9 декабря 1907 г. он на заседании меджлиса поклялся на Коране, что будет «соблюдать и подчиняться... конституции и Основному закону и никоим

образом не уклоняться от исполнения их положений» [92].

От своих враждебных намерений в отношении революционеров-конституционалистов, однако, он не отказался. В начале июня 1908 г. разногласия шаха и его приближенных с лидерами меджлиса и руководством демократических энджуменов столицы вновь резко обострились. 2 июня английская и российская дипломатические миссии вмешались в этот кризис. Они направили руководству меджлиса совместную ноту. В ней говорилось, что в случае отстранения шаха от верховной власти они предпримут вооруженное вторжение на иранскую территорию. Эта акция воодушевила шаха. Вскоре он под охраной казачьей бригады из Тегерана переехал в загородную резиденцию Багешах. 22 июня шах ввел в столице военное положение, назначив командира персидской казачьей бригады российского полковника В. П. Ляхова начальником всех находившихся в городе войск и полицейских. Ляхову было приказано на следующий день занять мечеть Сепехсалара и разоружить находившихся там революционных федаев и муджахидов-добровольцев. На следующий день здание меджлиса, мечеть и энджумен азербайджанцев подверглись артиллерийскому обстрелу. Вооруженная стычка между муджахидами и персидскими казаками продолжалась несколько часов. Особенно сильное сопротивление казакам оказали защитники энджумена азербайджанцев. Во время этого конфликта потери сторонников шахских войск составили около ста человек, включая раненых. По официальным данным, было убито свыше 300 конституционалистов.

В день переворота большая группа руководителей конституционного движения была арестована, многие из них были закованы в кандалы, избиты и доставлены в ставку шаха. На следующий день по приказу Мохаммед-Али шаха были повешены оратор-проповедник Малек оль-Мотекаллимин, редактор газеты «Рух оль-Кодс» Султан оль-Улема, издатель газеты «Суре Эсрафиль» Мирза Джахангир хан и другие. Известнейший ваиз Сейид Джамал, которому удалось 23 июня бежать из столицы в г. Хамадан, был арестован и удушен в тюрьме г. Боруджерд. Многие депутаты укрылись на территориях посольств иностранных

дипломатических миссий*, воспользовавшись правом «беста». Богословы муджтехид Абдолла Бехбехани под конвоем был выслан в Кербелу, а муджтехид Мохаммед Табатабаи сослан в свое имение в Хорасане [93].

Меджлис и энджумены по указу шаха были временно распущены. Выпуск большинства газет прекратился. В столице было введено осадное положение. Во многих городах энджумены были разогнаны. Губернаторами аялатов (областей) и вилайатов (провинций) были утверждены близкие к шаху реакционеры. В качестве губернатора в Иранский Азербайджан был направлен принц Эйн од-Доуле, отстраненный от должности садр-азама в начальный период конституционного движения.

Эйн од-Доуле, сопровождаемый многочисленной челядью, сарбазами и вооруженными отрядами полукочевников, войти в Тебриз не смог. В городе в течение нескольких месяцев между сторонниками конституции и монархистами шла настоящая гражданская война. К началу октября 1908 г. легендарному вождю восставших азербайджанцев Саттар-хану и его соратникам удалось изгнать из города правительственные войска и ополчения азербайджанских феодалов. В этой связи русский дипломат телеграфировал в Петербург: «После сдачи квартала Давачи, единственного, с которым Эйн од-Доуле имел сношения, Саттар-хан немедленно приступил к серьезному укреплению его внешних и внутренних выходов... В настоящее время Тавриз (Тебриз) совершенно непроникаем для шахских всадников и крестьянского сброда в сербазских костюмах...» [94]

При поддержке тебризских повстанцев и прибывших им на помощь из России членов и сторонников социал-демократических организаций, во многих городах Азербайджана – в Маранде, Мараге, Салмасе, Хое и других – была установлена власть демократических энджуменов.

Азербайджанские события, особенно успех тебризского восстания, оказали сильное воздействие на внутривнутриполитическое развитие. В Мешхеде, Исфахане, Бушире, Реште и ряде других городов власть перешла в руки оппозиционных Мохаммед-Али шаху конституционалистов.

* Большинство участников нашли свое убежище в саду дипломатической миссии Великобритании в Тегеране.

8 февраля 1909 г. произошло антишахское восстание в г. Реште, в центре провинции Гилян. В его подготовке и развитии ведущую роль сыграли прибывшие на помощь иранским конституционалистам профессиональные революционеры-кавказцы. Многие из них были членами РСДРП. Особой активностью среди них отличалась группа грузин. Во время восстания к его участникам присоединилось большое число живущих в Реште азербайджанских тюрок – ремесленников и торговцев. В восстании приняли участие либеральный деятель Сардар Мохи и его приближенные, а также местные армяне. В ходе продолжавшегося не менее четырех часов боя между восставшими и правительственными войсками было убито 56 сарбазов (солдат). В упор были расстреляны губернатор Гиляна, два чиновника, персидский казак-охранник и т. д. [95]

Уже на следующий день после восстания, «несмотря на недоверие» кавказских революционеров, бывший шахский сановник Сепакдар был провозглашен правителем Гиляна и предводителем вооруженных сил конституционалистов. Вскоре рештские конституционалисты одержали победу над сторонниками правительства в г. Казвине. В районе Казвина к рештским повстанцам присоединилась значительная группа крестьян. Предводители конфедерации бахтиарских племен Сардар Асад и Самсам ос-Салтане [96] обратились к конституционалистам Гиляна и Казвина с предложением о совместном походе на столицу. 3 июля объединенные силы федаев и бахтиарской конницы вошли в Тегеран. После небольших стычек со сторонниками Мохаммед Али шаха столица была занята. Шах со своими приближенными укрылся в летней резиденции российской дипломатической миссии в Зергенде (предместье Тегерана).

Созванный чрезвычайный высший совет, в который вошли кадjarский принц, депутаты разогнанного меджлиса, бывшие министры, религиозные авторитеты (муджтехиды), крупные купцы и саррафы (менялы), вынес решение о низложении Мохаммед Али шаха. Новым шахом был провозглашен его несовершеннолетний сын Ахмед. Регентом стал предводитель (ильхан) царствующего племени Каджар, либерально настроенный Мирза Али-Реза хан Азуд оль-Мольк [97].

В то же время при новом правительстве вновь обострился вопрос о федайских ополчениях, образованных в ходе революции. Он возник в апреле 1910 г., после того как в столицу прибы-

ли удаленные из Тебриза «по настоянию царского правительства» руководители азербайджанского восстания Саттар хан и Багир хан со своими отрядами. Они расположились в тегеранском парке Атабек. Согласно решению меджлиса, правительство приступило к расформированию федайских отрядов. Но сдать оружие удалось уговорить лишь их небольшую часть. Премьер Мостоуфи понимал, что присутствие вооруженных федаев усиливало позиции демократов в меджлисе. Поэтому он принял решение об их насильственном разоружении.

Организация этой операции была возложена на члена партии дашнакштян Ефрема Давидянца, главу столичной полиции. Утром 10 августа 1910 г. правительственные силы окружили парк Атабек, подвезли пушки, установили пулеметы. По приказу Ефрема начался обстрел позиций федаев из пушек, а затем превосходящие силы бахтияр и полицейских ворвались в парк. После боя, который завершился победой правительственных войск, «Саттар хан был найден с раздробленной ногой. Багир хана жестоко избили... Не обошлось, конечно, без грабежей» [98]. Эти слова из обзора российской дипломатической миссии о том, как правительство организовало избиение федаев в столице. В нем, в частности, делается следующее заключение: «Раздавив федайский бунт, правительство сильно окрепло: нет теперь никого в стране, кто решился бы открыто с ним бороться... Сильное негодование вызывает Ефрем, которому по справедливости приписывается главная роль в этом усмирении» [99]. Автор обзора, конечно, не подчеркивает того, что тогда это «сильно окрепшее» правительство находилось в полном подчинении России и Великобритании. Не отмечалось также, что Ефрем и его подручные исполнили роль беспринципных предателей, подняв оружие против своих недавних соратников в борьбе с Мохаммедом-Али шахом.

Деятельность образованного (после низложения Мохаммед-Али шаха) правительства, который возглавлял крупный гилянский помещик Сепакдар, оказалось малоэффективным. Однако, в составе созданного в ноябре 1909 г. меджлиса второго созыва появилась небольшая группа новой интеллигенции, которая открыто выступала против имперской политики России и Англии в Иране. Они призвали к расширению экономических и политических связей страны с другими ведущими державами Запада – с Германией и, отчасти, с США. В программу, созданную этой националисти-

ческой группой Демократической партии, был включен целый ряд положений, восходящих к программам социал-демократических организаций России. Фракцию демократической партии в меджлисе возглавлял Солейман мирза (1863–1944) – каджарский принц. В качестве идеологов-демократов большую политическую активность развернули депутат меджлиса из Тебриза Хасан Тагизаде и журналист из кавказского Азербайджана Мохаммед Амин Расулзаде [100].

В июле 1910 г., когда политически обанкротившемуся правительству Сепадхара пришлось подать в отставку, главой нового кабинета, при активной поддержке фракции демократов, был избран мирза Хасан хан Мостоуфи оль-Мамалек. Он отличался своими умеренными националистическими взглядами и был сторонником расширения связей Ирана с Германией и США. Для реформирования финансовой и налоговой системы страны по инициативе его правительства в Иран был приглашен американский эксперт Морган Шустер [101].

Возглавляемая М. Шустером финансовая миссия прибыла в Тегеран в мае 1911 г., когда иранское правительство вновь возглавлялось Сепадхаром. Первоначально Россия и Англия относились к деятельности М. Шустера, назначенного иранским правительством главным казначеем страны, более или менее терпимо. Российский посол в Лондоне Бенкендорф подчеркивал, что Шустер – «американец, но не Америка» и что «Америка не бросает так далеко своих жадных взоров» [102]. Однако отношение официальных представителей этих государств, особенно России, стало явно отрицательным, когда Шустер взялся за организацию специальной «финансовой жандармерии». Она предназначалась для выполнения специальных миссий главного казначея, связанных с взиманием недоимок и т. д. Более того, произошел инцидент, в связи с которым Шустер оказался вовлеченным в политическую борьбу.

Это было связано с действиями экс-шаха Мохаммеда-Али. Прибыв на корабле из России, он в июле 1911 г. при «тайном» содействии царских властей организовал в Астрабаде вооруженный мятеж с целью реставрации своей верховной власти [103]. После краха этого мятежа руководитель правительства, бахтиарский хан Самсам ос-Салтане, поручил Шустеру конфисковать недвижимость всех причастных к мятежу лиц. Но решительные действия

казначей, по указанию которого финансовая жандармерия заняла одно из имений принца Шоа ос-Салтане в столице, заставили вмешаться российского посланника. Поводом для этого послужило то, что одно из имений принца находилось на аренде у российского подданного, а другое, в частности пригородное имение Доулетбад, было заложено в российском Учетно-ссудном банке. Но главной причиной грубых действий российской стороны было другое. Российские власти опасались того, что союз М. Шустера с патриотически настроенными демократами может прямо содействовать росту патриотического течения в общественно-политической жизни Ирана.

По этой причине российский посланник от имени императорского правительства 5 ноября заявил, что он «прекращает сношения с нынешним кабинетом (иранским. – С.А.) и что в Казвин посылается отряд русских войск». Хотя через 6 дней новый иранский министр иностранных дел Восуг од-Доуле принес российскому посланнику официальные извинения, Петербург 16 ноября через своего посланника предъявил Ирану беспрецедентную по своей грубости ноту-ультиматум. В документе выдвигались следующие требования: немедленно уволить М. Шустера и еще сотрудника ведомства, Лекофра; вперед не принимать на иранскую службу иностранцев без предварительного согласия российской и английской миссий в Тегеране, возместить расходы, вызванные нынешней экспедицией российского вооруженного отряда в Иран [104].

18 ноября 1911 г. подавляющим большинством голосов иранский меджлис отклонил поддерживаемый Англией российский ультиматум. Вечером того же дня в столице страны начались манифестации и митинги, участники которых выкрикивали лозунги «смерть или свобода», «умрем за свободу», «смерть или независимость». Началось бойкотирование российских товаров. В тот же день двумя федаями у своего дома был расстрелян видный государственный деятель Ала од-Доуле, известный своими связями с Российской миссией [105]. 7–8 декабря русские воинские части и учреждения в Тебризе, Реште и Энзели подверглись вооруженным нападением со стороны федаев (вооруженных конституционалистов-добровольцев). В дипломатическом отчете говорилось об участии в нападении «местной черни и разных кавказских выходцев, причем в первом из перечисленных городов

эти нападения приняли весьма напряженный характер...» [106] (речь идет о Тебризе. – С.А.). В Мешхеде известный муджтехид Агазаде «открыто призывал народ на борьбу и на смерть с неверными» [107]. Выступления против английских учреждений произошли в Бушире, Ширазе и ряде других городов Южного Ирана.

По распоряжению председателя российского правительства, в Азербайджан, Гилян и Мешхед были направлены крупные воинские и военно-морские части, которые не только разгромили нападавших на российские учреждения и гарнизоны иранцев, но и учинили жестокую расправу над демократическими энджуменами, отрядами федаев и моджахидов. Под давлением представителей России и Англии 8 декабря 1911 г. регент Ахмед шаха Насер оль-Мольк подписал указы о роспуске меджлиса второго созыва и о назначении новых выборов. Императорскому посланнику от имени иранского правительства была вручена нота о принятии всех трех пунктов российского ультиматума. Левая газета «Иран-е ноу» была запрещена [108].

При направленных в Тебриз, Решт и Энзели российских военных отрядах были учреждены военно-полевые суды для рассмотрения дел иранцев и российскоподданных, активно участвовавших в вооруженных выступлениях против русских войск. В числе пятнадцати иранских революционеров, казненных по приговору военно-полевого суда в Тебризе, были глава секты Шейхитов Сиккат оль-Ислам, оратор Салим, Садык оль-Мольк, Зия оль-Хокама, Хадж Али Давафуруш, племянник Саттар хана – Мохаммед хан и другие [109].

Иранское правительство, помимо выдвинутых в российском ультиматуме требований, приняло на себя ряд других обязательств. Оно официально обещало в будущем «согласовывать свою политику с принципами соглашения 1907 г.», т. е. Конвенции, заключенной между Россией и Великобританией относительно Ирана, Афганистана и Тибета. Одновременно правительство Самсам ос-Салтане посредством полиции и бахтиярских ополченцев начало широкую кампанию репрессий против устойчивых националистов и, особенно, демократов. Руководители и активисты Демократической партии были высланы из Тегерана, почти все газеты закрыты, а энджумены распущены.

В своем письме к регенту, в котором Самсам обосновывал необходимость принятия российского ультиматума, он делал

особое ударение на антиправительственную позицию фракции демократов в межджисе. Он подчеркивал, что именно по наущению членов Демократической партии депутаты отвергли ультиматум и призывали народ взяться за оружие для отражения русской интервенции.

К числу событий, свидетельствующих о расшатывании основ центральной власти при одновременном расширении вмешательства России и Великобритании во внутренние дела Ирана, относился также Мешхедский кризис 1912 г. Он был связан с мятежом экс-шаха Мохаммеда-Али и его сторонников. Но своей кульминационной точки мешхедский кризис достиг тогда, когда движение за реставрацию бывшего режима уже провалилось и Мохаммед Али со своими приближенными на российском военном корабле 26 февраля 1912 г. покинул иранскую территорию [110].

Начало кризиса было связано с российской нотой по делу М. Шустера. В знак протеста против русского ультиматума в Хорасане, как и в Тегеране, имели место враждебные в отношении России выступления. После настойчивых просьб российского генконсула, князя Дабижы, из Туркестана в Хорасан был отправлен отряд царских войск с артиллерией. Он должен был в случае необходимости защитить жизнь и имущество русских от посягательств иранцев.

Во время мятежа экс-шаха Мохаммеда-Али в Астрабаде в Мешхеде произошли восстания роялистов (шахистов). Они установили свою власть на территории города, где находилась гробница-мечеть восьмого шиитского имама Резы и примыкающие к ней торговые ряды. Шахисты игнорировали власть хорасанского губернатора и совершали рейды в другие части города, в том числе на находившиеся под покровительством России торговые центры и дома.

24 февраля 1912 г. Дабижа предложил командующему российским военным отрядом в Мешхеде генерал-майору Редько «вступить в начальство над Мешхедом». 17 марта (по старому стилю) артиллерийским огнем и штурмом территория, занятая восставшими, была отбита. Восставшие, оказав незначительное сопротивление, сдались. По сведениям Дабижы, среди иранцев было 39 убитых и 26 раненых, которым оказали помощь русские врачи [111]. Характерно, что тегеранские власти не предприняли никаких решительных шагов для предотвращения или пресечения

жестокой карательной акции российского военного отряда с использованием артиллерии против иранцев. Во время штурма территории «беста» от артиллерийской бомбардировки, по словам П. Сайкса, был нанесен серьезный ущерб гробнице – святыне имама Резы [112].

Подобные действия, ставшие возможными в результате вооруженного вмешательства России и Великобритании в Иране, привели к реставрации в полном объеме верховной власти феодальной аристократии. Эта перемена притормозила начавшуюся в конце 1909 г. новую демократическую тенденцию в развитии конституционной революции. Во время реакционного переворота был разогнан меджлис, были распущены энджумены, запрещена деятельность леводемократических организаций и приостановлен выпуск газет.

Однако утверждение о полном поражении конституционного движения в этот период, широко распространенное в исторической литературе по Ирану, действительности полностью не соответствует. Произошедшие в период революции в политическом и общественном строе Ирана позитивные сдвиги не исчезли.

Несмотря на возрождение реакционной верховной власти, многие прогрессивные нововведения не были упразднены полностью. К их числу относились: введение конституции, конституционной формы правления, учреждение парламента, реформа образования и упорядочение деятельности партий, профсоюзов, выпуска частных газет, выход на политическую арену новых общественных сил (в частности, новой интеллигенции, профессиональных революционеров и др.) и, наконец, не были восстановлены некоторые отмененные средневековые общественные институты.

1.5. Иран накануне и в годы Первой мировой войны

Выполнение требований, выдвинутых в российском ультиматуме, и признание условий англо-русской конвенции 1907 г. обусловили значительное ослабление позиций шахского двора и консервативной феодальной аристократии. Регент Ахмед шаха Насер оль-Мольк и вновь назначенное правительство проявляли покорность в отношении англо-русского диктата. В декабре 1911 г. официально был распущен меджлис второго созыва, члены

которого отклонили указанный ультиматум. Депутаты меджлиса предприняли попытку продолжить свою деятельность. Но, когда 22 декабря 1911 г. группа депутатов решила провести заседание парламента, полицейские отряды во главе с Ефремом насильственно выдворили их из здания меджлиса и разогнали [113].

После этого события почти три года в стране сохранялось внепарламентское состояние. Большую часть данного времени (до середины января 1913 г.) правительство возглавлялось одним из «старших» ханов бахтиярских племен Самсам ос-Салтаной.

Наиболее характерными чертами указанного периода стали ослабление государственного суверенитета и ухудшение финансово-экономической ситуации страны. Упрочился полукOLONиальный статус Ирана. Политическими центрами, от воли которых нередко зависел состав правительственных кабинетов в Тегеране, стали английские и российские власти. Они действовали через свои дипломатические миссии, а нередко – и посредством введенных на иранскую территорию вооруженных частей. Займы, предоставляемые Россией и Англией иранскому правительству, превратились в важнейшую часть финансово-экономических связей Тегерана с двумя ведущими на иранской сцене державами. Выдача этих займов стала инструментом политического давления на Иран. В годы, предшествующие Первой мировой войне, невиданные ранее масштабы приняло применение в стране новых форм капитуляционного режима. Это находило свое выражение в заключение договоров и соглашений (без согласия тегеранского правительства) между официальными представителями Великобритании и предводителями крупных полукочевых обществ на юге и юго-западе страны. На севере, в зоне присутствия российских воинских частей, участились случаи, когда русские и английские дипломаты брали под свое прямое покровительство иранских граждан, демонстрировавших открытое неповиновение шахским властям.

В начале августа 1914 г. российский вице-консул в Казвине обратился к начальнику расположенного там отряда русских казаков со следующим прошением: «По приказанию гос. Императорского посланника имею честь просить Ваше Высочочество назначить разъезд казаков для поездки в Аламут...

В Аламуте находится около 45 деревень и имений живущего в Тегеране принца Изз од-Доуле...

По высочайшему повелению Государя Императора, принц Изз од-Доуле находится под русским покровительством и пользуется всеми правами, преимуществами и привилегиями русско-подданных в Персии.

Проживающий в Казвине принц Эйн ос-Салтане, управляющий аламутскими владениями своего отца и состоящий его доверенным, тоже пользуется русским покровительством.

Около двух месяцев тому назад персидские власти незаконно выселили принца Эйн ос-Салтане из Аламута, конфисковали его посевы, зерно и другое имущество.

Разъезду надлежит:

1. Сопровождать принца Эйн ос-Салтане в Аламут и, если понадобится, обратно в Казвин;

2. Арестовать и доставить в Вице-консульство, по указанию принца Эйн ос-Салтане, находящихся в Аламуте персидских финансовых чиновников;

3. Арестовать и доставить в Вице-консульство следующих аламутских жителей (всего десять имен. – С.А.)...».

Как далее следует из хранящихся документов Военно-исторического архива (г. Москва), вскоре отряд российских казаков, по выражению казвинского вице-консула, «блестяще» исполнил приказ императорского посланника в Тегеране [114].

Дело дошло до того, что для разрешения важнейших политических вопросов страны группировки, входившие в правящие круги, обращались прямо в Лондон и Петербург. Так, составленное от имени влиятельных тебризских купцов и религиозных авторитетов обращение, в котором говорилось о необходимости отставки правительства бахтиарского хана Самсам ос-Салтане, было направлено в шахский дворец (Тегеран) и правительствам Великобритании и России [115].

Любопытен результат данного обращения. Английский посланник в Тегеране Тоунлей, принимая во внимание резкое падение популярности правительства бахтиарского хана, «дружески» советовал ему подать прошение об отставке [116]. 17 января 1913 г. правительство Самсама ушло в отставку. Вообще, английские дипломаты с некоторой опаской относились к усилению политической позиции бахтиарских родов Ильхани и Хаджи Ильхани. После тегеранского похода 1909 г. представители этих родов помимо столицы сумели значительно укрепить свое

влияние также в ряде южных провинций.

В действиях английского посланника в данном случае нашел свое выражение и новый акцент в политической линии главы Форин офиса Э. Грэя. Он стал сторонником проведения в Иране по возможности согласованной с Россией политики, что предусматривалось англо-русской конвенцией 1907 г. Разумеется, такая линия была обусловлена нарастающей угрозой Германии позициям Антанты на Среднем Востоке.

Еще задолго до начала Первой мировой войны Средний Восток превратился в объект острого англо-германского соперничества. В 1898 г. Вильгельм II совершил государственный визит в Османскую Турцию, во время которого два монарха одобрили проект строительства берлино-багдадской железнодорожной магистрали протяженностью свыше 5 тыс. км [117].

8 ноября в Дамаске на банкете, устроенном в его честь, на котором присутствовали многие видные мусульманские деятели, Вильгельм II заявил: «Его величество Султан и проживающие в различных уголках мира 300 миллионов мусульман, которые почитают его как своего Халифа, могут быть уверены в том, что германский император является и навсегда останется их другом». В борьбе за «место под солнцем» германские политики особое значение, наряду с панисламизмом, придавали поддержке националистических течений – пантюркизма, арабского, персидского (иранского) и индийского национализма. Они предполагали, что усиление упомянутых течений будет содействовать росту враждебных отношений народов мусульманского Востока против Англии и России. Тем самым будут расширены возможности проникновения Германии в Малую Азию, Кавказ, Центральную Азию и Индию. Идеологи пангерманизма выступали за «осуществление Германией программы колониальных приобретений» [118]. В Иране активная экспансия Германии началась в 1907 г. Руководители Германии открыто говорили о своих правах на участие «в новом разделе земного шара». Накануне Первой мировой войны по объему торговли с Ираном Германия уже занимала третье место (после России и Англии). Германский посланник в Тегеране принц Рейс, военный атташе граф Канниц, консулы, другие дипломатические представители в различных иранских городах развернули энергичную деятельность. Она была направлена на установление прямых политических контактов с иранцами, особенно,

с предводителями полукочевых племен и представителями оппозиции из числа националистически настроенных деятелей. В свою очередь — новые буржуазные и левые политики, в частности члены Демократической партии Ирана, проявляли усиленный интерес к Германии, рассматривая ее как силу, способную оказать им финансовую помощь и поддержку в борьбе с правящей группировкой феодальной аристократии. Эта тенденция общественно-политической жизни Ирана приобрела более четкие очертания после 4 декабря 1914 г., когда приступил к работе меджлис третьего созыва. В нем развернули активную деятельность образованной в период деятельности меджлиса второго созыва члены Демократической партии, враждебно настроенные по отношению к России и Англии [119].

Опасение, которое у России и Англии вызвало проникновение Германии в регион, имело своим результатом заключение двух крупных политических соглашений: Англо-русской конвенции 1907 г. о разделе сфер влияния в Азии и Потсдамское соглашение 1911 г. между Германией и Россией. Но если первое соглашение стало документом, составившим базу для расширения сотрудничества между двумя колониальными державами в Иране и Азии, то второе оказалось в принципе актом на бумаге. Объективные условия для улучшения германо-русских отношений отсутствовали.

Непосредственно перед Первой мировой войной над Ираном фактически было установлено совместное англо-русское политическое господство. Показателем действенности этого явления стало полное взаимодействие двух держав в связи с делом М. Шустера. Хотя иранское руководство выполнило все требования, предъявленные в русской ноте-ультиматуме, направленные в Иран российские воинские подразделения полностью не были выведены из страны. Когда в конце октября 1914 г. между Турцией и Россией началась война, они продолжали находиться на иранской территории. Еще в августе 1914 г. Россия сформировала Кавказскую армию под командованием наместника на Кавказе генерала Воронцова-Дашкова.

До начала турецко-русской войны Иран обращался к России с настойчивым предложением вывести свои воинские части. Но российские власти отвечали отказом.

Несмотря на эти обстоятельства, 1 ноября 1914 г. был обна-

родован фирман Ахмед шаха о нейтралитете Ирана. Одновременно была опубликована инструкция правителям областей и провинций, в которой центральное правительство призывало их строго придерживаться нейтралитета во взаимоотношениях с представителями воюющих держав [120].

В то же время было очевидно, что иранские власти и вооруженные силы не в состоянии предотвратить нарушение рубежей своей страны иностранными вооруженными формированиями. Личный состав иранской казачьей бригады и жандармерии, предназначенный обеспечивать правопорядок и безопасность за пределами городов [121], в целом составлял не более 15 тыс. человек. Сарбазы (солдаты), набранные по традиционной системе, служащие полиции (назмие), дорожной полиции (амнийе), другие силы были плохо вооружены. Новое для периода Первой мировой войны вооружение в воинских частях страны в принципе отсутствовало.

Вследствие этих обстоятельств иностранные державы – Англия, Россия, Германия и Османская империя – получили возможность не только направлять на иранскую территорию эмиссаров и свои регулярные воинские части, но и формировать из иранцев вооруженные ополчения для выполнения определенных военно-политических задач. Иранское правительство же, переживавшее не только политический, но и хронический финансовый кризис, в это время имело мало шансов на использование кочевых обществ в качестве военной силы.

Уже в самом начале военных действий на Кавказском фронте шахские власти показали, что они не в состоянии предотвратить распространения пожара войны на иранской территории. Осенью 1914 г. живший в Тифлисе бывший правитель Азербайджана, предводитель иррегулярного полка конницы Самед хан Шоджа од-Доуле, без разрешения иранской стороны, вернулся в Марагу [122]. Он тут же приступил к формированию кавалерийского отряда из представителей племени мукаддам. Стало известно, что во взаимодействии с российскими войсками, он намерен принимать участие в отражении наступления вторгшихся в Юго-Западный Азербайджан из Османской Турции курдских племен и регулярных частей турецкой армии. Когда иранские власти обратились к представителям России с требованиями выдворить Самед хана из Иранского Азербайджана, то получили ответ, что хан поехал в

Иран для осмотра своих имений [123]. Приблизительно в то же время в Иранском Азербайджане сторонниками прогерманской ориентации под командованием шведских офицеров была организована дивизия иранских жандармов с целью противодействия русским войскам. В эту акцию также были привлечены проживавшие в регионе полукучевые курдские племена. (Шведские офицеры, первая группа которых прибыла в Иран в 1911–1912 гг., были приглашены по решению меджлиса второго созыва [124].) За сравнительно короткое время российские части, однако, нанесли им серьезный урон.

В военных приготовлениях Великобритании значительное место отводилось Ирану, его людским и природным ресурсам. 23 октября 1911 г. главой военно-морского ведомства стал У. Черчилль. Еще в бытность министром внутренних дел, он всесторонне изучил развитие международных отношений в Европе и пришел к выводу о неизбежности военного столкновения Англии с Германией. Важнейшим проектом, над осуществлением которого деятельно работал Черчилль после этого назначения вместе с адмиралом Фишером, был план перевода английского военно-морского флота с угля на нефть.

Летом 1912 г. по предложению Черчилля была образована специальная королевская комиссия для изучения вопросов о поставках иранской нефти для британского военно-морского флота. Представитель АПНК Гринуэй настойчиво добивался заключения подобного контракта со своей компанией. При этом он обуславливал подписание соглашения с предоставлением АПНК финансовой помощи британским правительством. Позиция компании получила поддержку руководства военно-морского ведомства Англии, ибо, по мнению Черчилля, компания «Шелл» поставляла адмиралтейству нефть по высокой цене. Королевская комиссия высказалась в пользу контракта с АПНК.

20 мая 1914 г. между британским министерством финансов и адмиралтейством, с одной стороны, и АПНК – с другой, было заключено соглашение, в соответствии с которым английское правительство приобрело 51% акций компании, внося за это в основной капитал АПНК 22 млн. ф. ст. Правительство Соединенного Королевства получило право назначать двух директоров компании для наблюдения за общей политикой АПНК [125].

В правящих кругах России и в русской печати сообщение об

этой сделке было встречено с некоторой тревогой. 6 июля 1914 г. министр финансов России П. Л. Барк писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Не могу, однако, не отметить, что к заявлениям английских министров в палате общин, будто данная мера имеет единственной своей целью обеспечение английского военного флота жидким топливом и непосредственно не затрагивает задач английской политики в Персии, необходимо относиться с большой осторожностью ввиду обнаруженных великобританским правительством в других случаях стремлений к распространению английского влияния за пределы, намеченные конвенцией 1907 г.» [126].

Превращение АПНК в государственно-частную монополию и увеличение ее основного капитала на 120% имели чрезвычайно важные последствия: активная поддержка британского правительства открыла перед компанией перспективу расширения ее промышленной и коммерческой деятельности.

Характерно, что такое важное изменение статуса АПНК совершилось без ведома иранского правительства.

С началом Первой мировой войны Великобритания расширила свое военное присутствие в зоне Персидского залива и в Иране. Нарушив иранский суверенитет, английские войска 10 октября 1914 г. оккупировали остров Абадан и иранское побережье реки Шатт-эль-Араб. Еще раньше англо-индийские войска оккупировали форт Фао в Месопотамии. В иранском порту Бушир был высажен пехотный батальон. Свои действия англичане мотивировали необходимостью охранять нефтепромыслы и предприятия АПНК.

В формировании и проведении новой политики в отношении иранского юга большую роль сыграл английский политический резидент в зоне Персидского залива сэр Перси Кокс. Резиденция Кокса находилась на иранской территории, в Бушире. В 1915 г. она временно была перенесена в Басру. Кокс настойчиво добивался упрочения английского влияния на юге Ирана и ослабления связей этого района с тегеранским правительством. В беседе с российским посланником в Тегеране Коростовцем в январе 1915 г. Тоунлей сетовал на то, что Кокс действует «почти самостоятельно». Тем не менее, глава английской миссии предложил России осуществлять в северных провинциях Ирана такую же «децентрализацию», какую проводил в отношении Юго-Западного Ирана П. Кокс [127].

Английские дипломаты в период войны открыто говорили своим русским коллегам о плане фактического отторжения юга Ирана. В связи с этим, значительный интерес представляет обстоятельная телеграмма российского посланника из Тегерана, в которой излагаются взгляды Тоунлея на послевоенный Иран. В документе имелись явные указания на то, что английские власти к концу войны намеревались положить конец иранской государственности. Указывая на признаки разложения верховной власти в Иране, английский посланник советовал своему коллеге не пытаться предотвратить этот процесс. Далее он говорил о «неизбежности англо-русского контроля, как только события в Европе позволят лондонскому и петроградскому правительствам уделять больше внимания персидским делам...». «Вообще, – заключал Коростовец – в воззрениях моего английского товарища за последнее время произошла радикальная перемена: он перестал говорить о возрождении Персии, о поддержании ее суверенитета и самостоятельности» [128].

То, что удалось заметить опытному дипломату, действительно свидетельствовало об эволюции английской внешнеполитической концепции в отношении Ирана. Если в XIX в. английская дипломатия ратовала за сохранение Ирана в качестве буферного государства между Россией и британской колониальной империей ради «безопасности Индии», то в период войны у правительства Великобритании зародилась идея раздела Ирана с Россией. И в значительной степени это было связано с иранской нефтью.

Желая подготовить почву для отторжения Южного и даже Центрального Ирана в послевоенный период, британское правительство стало добиваться пересмотра условий англо-русской конвенции 1907 г. Английский план был изложен в меморандуме, врученном министерству иностранных дел России 12 марта (27 февраля по ст. стилю) 1915 г. В этом документе, в частности, отмечалось, что министр иностранных дел Англии Э. Грэй предлагает пересмотреть «касающуюся Персии часть англо-русского соглашения 1907 г. в смысле признания нынешней нейтральной сферы как сферы английской» [129]. Уже 20 марта российское правительство дало согласие на изменение прежней договоренности о разделе сфер влияния на Среднем Востоке. «Нейтральная зона» (по определению англо-русской конвенции 1907 г.) в Иране была отнесена к английской сфере влияния, а России, в случае

успешного окончания войны и удовлетворения территориальных притязаний Великобритании и Франции, предоставлялось право установить свой контроль над Стамбулом и черноморскими проливами [130].

В то же время усиление совместного русско-английского засилья вызвало накануне Первой мировой войны ответную реакцию со стороны центральных держав, прежде всего Германии и Османской Турции. Одновременно чрезмерное политическое и финансово-экономическое давление на иранское правительство привело к негативной реакции. Некоторые феодальные аристократы, издавна связанные с Англией и Россией, в новых условиях решились на сближение с Германией и Османской Турцией. Так, Эйн од-Доуле, впервые возглавивший шахское правительство в апреле 1915 г., искал содействия германского посланника для получения крупного займа у Османской Турции. Он же, рассчитывая на поддержку центральных держав, 27 мая 1915 г. направил России и Англии ноту, в которой выдвигалось требование о выводе с иранской территории российских воинских частей. В ноте также содержались пункты об отмене капитуляционного режима и практики незаконных сборов малиата (поземельного налога) российскими чиновниками в Иранском Азербайджане. Серьезной реакции на иранскую ноту не было. Но вскоре правительство Эйн од-Доуле оказалось вынужденным уйти в отставку (август 1915 г.) [131].

Тем не менее, в 1915 г. деятельность сотрудников германо-турецких разведывательных служб и эмиссаров в Иране приняла угрожающие для интересов Антанты масштабы. Их успехи имели прямую связь с ростом националистическо-патриотических настроений в стране. В выступлениях против англичан на территории Юго-Западного и Центрального Ирана активное участие принимали как оседлые жители, так и племена, в том числе частично бахтиары. Исключение составляла часть арабского населения побережья Персидского залива, которая находилась под влиянием шейха Хазала, верного союзника Англии.

Германия и Османская империя, а также их союзники в борьбе против Англии и России особое внимание обращали на пропаганду панисламизма. Разжигание антианглийских и антирусских настроений под флагом ислама вызывало сильное беспокойство у правящих кругов Великобритании. Английские

дипломаты полагали, что призыв к джихаду, т. е. к священной войне против иноверцев, в определенных условиях может вызвать широкое движение не только в Иране, но и в соседних странах, в частности в Афганистане и Индии. Тоунлей утверждал, что в России «недостаточно считаются с возможностью взрыва панисламизма со всеми его последствиями для английских интересов в Азии» [132]. Идеи панисламизма и джихада находили поддержку как у религиозных кругов, так и у широкой общественности, включая отдельных буржуазных демократов и националистов. Эти идеи также вызвали симпатию у ряда видных представителей правящих кругов, стремившихся с помощью одной группировки империалистических держав содействовать ослаблению позиций другой.

Дипломаты и эмиссары Германии и Османской империи к осени 1915 г. сумели привлечь на свою сторону и коронованного в 1914 г. самого юного и слабовольного Ахмед шаха Каджара. Представители центральных держав достигли серьезного взаимопонимания и с премьером Мостоуфи оль-Мамалеком. Глава правительства в конце ноября тайно сообщил им о готовности подписать с дипломатами указанных государств договор о политическом сотрудничестве. В ноябре 1915 г. Мостоуфи сделал официальное предложение посланнику, принцу Рейсу заключить с Германией договор о союзе. В ответ германское правительство обязано было гарантировать территориальную целостность и независимость страны, оказать иранскому правительству финансовую и военную помощь. Вскоре германский посланник получил из Берлина инструкцию относительно предполагаемого союзнического договора. В принципе германское правительство согласилось с предложениями Мостоуфи оль-Мамалека, но с одним условием: Ирану необходимо было заявить о своем вступлении в войну на стороне Германии и ее союзников [133].

Тем временем передовые части русских войск к середине ноября передислоцировались в район небольшого города Кередж, что давало им возможность непосредственно угрожать Тегерану. Принимая это во внимание, большая группа политиков из числа сторонников правительства (депутаты меджлиса, журналисты, чиновники и т. д.) начали покидать столицу. Руководители германской миссии настойчиво уговаривали Ахмед шаха вместе с близкими покинуть Тегеран. Германский посланник подписал

текст предварительного союзнического договора с Ираном. В здании миссии Османской Турции прошло совещание дипломатов Германии, Ирана, Османской Турции и Австро-Венгрии.

Утром 15 ноября было распространено официальное сообщение об отъезде иранского шаха из столицы. Несколько позже распространилась информация, что столицу покинут также члены правительства и депутаты меджлиса. По указанию шаха один жандармский полк должен был сопровождать его кортеж до Исфахана, куда предполагалось перенести столицу государства. Дядя шаха Камран мирза, Сепакдар, принцы А. Фарманфарма, Шоа ос-Салтане и ряд других сановников из числа сторонников Англии и России развернули лихорадочную деятельность, чтобы отговорить шаха от отъезда. Одновременно на монарха сильное давление оказывали дипломатические миссии Англии и России, обещая добиться согласия Петербурга на возвращение российских войск к своему прежнему месторасположению в окрестностях Казвина. К полудню шах заявил о своем отказе переезжать в Исфахан.

Таким образом, конфликт в столице был разрешен в пользу Англии и России. После этой пиковой ситуации, в ноябре 1915 г., влияние центральных держав (прежде всего Германии) на иранской территории не сошло на нет. Оно переместилось в различные окрестные регионы.

Германские эмиссары в борьбе против Британии и России особенно заметных успехов достигли в центральных и юго-западных провинциях Ирана. Этот успех в известной степени был связан с особенностями политической обстановки в указанных регионах, где обитало немало полукучевых обществ. С одной стороны, здесь сравнительно слаба была власть центрального правительства. Временами она носила номинальный характер. С другой – активная поддержка англичанами одних племен, например бахтиар, подталкивала соперников последних, кашкайцев, к сотрудничеству с немцами и их союзниками. Другой пример: враждебное отношение полукучевых племен Тенгистана [134] к английским властям в районе Бушира было обусловлено тем, что последние в территориальных спорах и других разногласиях, как правило, поддерживали их соседей – бахтиарские и арабские племена. Немцы оказывали тенгистанцам активную помощь в организации и проведении вооруженного выступления против англичан. Осо-

бенной популярностью у местного населения отличался неуловимый В. Васмус, заслуженно прозванный «немецким Лоуренсом» [135]. Командование британских вооруженных сил провело широкие карательные операции против тенгистанцев. В результате пострадало много мирных жителей. Полностью были разрушены многие жилища и оборонительные сооружения тенгистанцев.

В течение 1915 г. серьезные антианглийские выступления происходили в Южном и Центральном Иране. В феврале 1915 г. сторонники германо-турецкой ориентации вывели из строя нефтепровод АПНК на юге страны. По сведениям российского посланника, летом 1915 г. в Исфахане активно действовали 300 германских агентов, а в Ширазе – 70 [136]. Российский консул в Исфахане в августе 1915 г. сообщал об усилении выступлений духовенства, поддерживаемого бахтиярами, против Англии и России. «Германцы, – телеграфировал он, – дают им (бахтиярам. – С.А.) несколько миллионов туманов и оружие и обещают полную помощь при осуществлении бахтиярами проектируемого выступления на защиту родины от иноземного захвата» [137].

В конце декабря 1915 г. губернатор Кермана бахтиарский хан Сардар Зафар открыто поддерживал антианглийское движение. В своей диверсионной и пропагандистской деятельности против представителей Британии и России германские эмиссары большое внимание уделяли провинции Фарс и ее главному городу, важному торговому центру – Ширазу. Острое соперничество, существовавшее между вождем конфедерации племен Хамсе в провинции Фарс Кавам оль-Молька Ширази и предводителями кашкайских племен, давало германским эмиссарам широкие возможности для привлечения последних в вооруженные выступления против сторонников Великобритании. В декабре 1915 г. ополчение Хамсе потерпели жестокое поражение от кашкайцев и прогермански настроенной группировки жандармов. Кавам оль-Мольк вынужден был бежать из своей резиденции в Ширазе. В 1915 г. в Ширазе был образован «Комитет защиты независимости Ирана». В его создании активное участие приняли члены Демократической партии и политические деятели прогерманской ориентации. 10 ноября 1915 г. под руководством Васмуса в Ширазе началось антианглийское восстание. Был арестован английский консул и все подданные Великобритании. В Исфахане отрядом бахтиар и муджахидов (ополченцы из сторонников национа-

листов) было разгромлено отделение английского Шахиншахского банка [138].

В г. Куме в конце 1915 г. членами Демократической партии был создан «Комитет национальной защиты». Он получил поддержку из Кашана и Исфахана. В результате наступления русских войск вооруженные отряды националистов отступили в Исфахан, а затем ушли в Керманшах. Там они под руководством губернатора Лурестана (Пошткуха) Незам ос-Салтане сформировали оппозиционное «национальное правительство». Формально оно существовало почти до конца войны. В Керманшахе находился лидер Демократической партии Солейман Мирза. Еще раньше на сторону буржуазных националистов перешла значительная часть местной иранской жандармерии во главе со шведскими офицерами.

В этих условиях Великобритания развернула активную деятельность, направленную на подавление антианглийских выступлений. Английские дипломаты путем подкупа и методами грубого давления добивались санкций центрального правительства против германских и турецких эмиссаров. Особую надежду они при этом возлагали на «старших» бахтиарских ханов, живших в Тегеране. Английский посланник передал им 200 тыс. туманов. Российский посланник сообщал в МИД, что «под предлогом урегулирования некоторых тяжёбных дел Сардар Асада и Самсам ос-Салтане глава английской миссии вчера вручил каждому из них по три тысячи фунтов стерлингов» [139].

Подобными мерами англичане пытались организовать вооруженное выступление бахтиар против сторонников германо-турецкой ориентации. Однако ильхану Сардару Джангу, английскому ставленнику, никак не удавалось утвердить свое политическое влияние над находившимися под властью бахтиар районами в Юго-Западном Иране. Тем не менее, официальные представители Великобритании оказывали финансовую поддержку Сардару Джангу и ильбеги бахтиар Бахадуру Дженгу. Кокс, встретившись с этими ханами летом 1915 г., вручил каждому из них по 1000 ф. ст. Он безуспешно пытался получить у них письменное или устное обязательство поддержать Англию в случае вступления Ирана в войну на стороне центральных держав. «Свой отказ дать такое обязательство ханы мотивировали тем, что, будучи подданными иранского шаха, они вынуждены следовать в вопросе войны и мира политике Тегерана [140].

Английских дипломатов столь неустойчивая позиция правителей Бахтиарии, возвысившихся с их помощью, разумеется, не устраивала. Осенью 1915 г. Сардар Джанг был смещен, новым ильханом при содействии англичан был утвержден Голам Хосейн хан (Сардар Мохташем). 13 декабря 1915 г. английские представители заключили с ним весьма выгодное для Великобритании и АПНК соглашение. (За это ильхан Бахтиарии получил от англичан 1500 ф. ст., а ильбеги – 1000 ф. ст.) Через два месяца соглашение было подтверждено старшими бахтиарскими ханами, жившими в Тегеране [141].

В соответствии с новым англо-бахтиарским соглашением ханы обязались: защищать нефтяные промыслы АПНК, не перекочевывать в районы, примыкающие к южным границам бахтиарских владений, «за исключением тех случаев, когда это придется совершить по указанию иранского правительства»; поддерживать дружественные отношения с шейхом Хазалем и не предоставлять убежища его «беглым подданным»; пресекать антианглийскую агитацию и волнения в Бахтиарии; не поднимать оружие против Великобритании и ее союзников, «пока между Англией и Ираном сохранится мир»; в случае расширения антианглийских выступлений в Иране препятствовать участию в них членов подвластных им племен; защищать жизнь английских подданных и охранять их имущество и т. д. В случае нарушения условий соглашения ханами, подписавшими его, их доля в АПНК подлежала конфискации английским правительством [142].

В годы войны разведслужбы Германии и Османской Турции подготовили и осуществили с территории Ирана ряд диверсионных операций. Их целью было вовлечение в войну против Англии и России афганского эмира. В них главную роль сыграли германские офицеры. По одной из таких операций, носивших в полном смысле авантюристический характер, имеется обстоятельная историческая литература. В архивах сохранились любопытные материалы относительно их героев, одним из которых был видный знаток Ирана капитан Оскар фон Нидермайер. Проникнув на иранскую территорию в районе города Керманшаха, Нидермайер за короткое время подготовил многонациональную диверсионную группу, которая сумела преодолеть огромное расстояние – от западных рубежей Ирана до его восточных границ. Перейдя через афганскую границу, группа установила непосред-

ственную связь с эмиром Хабибуллой. Нидермайер приложил немало усилий, чтобы, пользуясь именами турецкого султана-халифа и германского императора, склонить эмира на вступление в войну против Антанты. Однако крупные денежные средства и партия оружия, которые он обещал эмиру, в Афганистан так и не поступили. В результате, проведя 10 месяцев в стране эмира, германский офицер не сумел выполнить задание. Ему ничего не оставалось делать, как вернуться в Иран [143].

Но это оказалось весьма опасной задачей, поскольку к 1916 г. британским военным властям удалось при поддержке России укрепить так называемый «восточно-персидский кордон». Он представлял собой заслон на западных подступах Афганистана и служил средством, препятствующим проникновению германо-турецкой агентуры в Афганистан и Британскую Индию. Эту военную функцию выполняли англо-индийские военные подразделения совместно с наемными ополченцами из местных племен, набранных в Хорасане, Систане и Белуджистане. Несмотря на все трудности и препятствия, группа Нидермайера сумела вернуться в Юго-Западный Иран через территорию Туркестана (Средняя Азия) [144].

К этому времени здесь уже функционировало сформированное в начале 1916 г. английскими военными властями особое вооруженное подразделение иранских наемников – «Южноперсидские стрелки» («South Persian Rifles»). Ими руководил генерал сэр Перси Сайкс. Одной из главных задач подразделения, которым командовали британские офицеры, была зачистка юго-западных и центральных провинций Ирана от действовавших там германских и турецких эмиссаров и пропагандистов. Одновременно «стрелки» вели военные действия против иранских полукочевых племен, совершавших вооруженные рейды против английских учреждений и предприятий в упомянутых районах и в соседних провинциях. Эта операция в основном была завершена лишь к январю 1917 г. Нам удалось обнаружить в бывшем Военно-историческом архиве в Москве документ, отправленный из дипломатической миссии в Тегеране на имя российского посланника в Иране.

В нем сообщается, что из Шираза в Исфахан была выслана «партия вражеских агитаторов, задержанных в разное время в Южной Персии... для передачи их в Исфахане русским войскам и выдворения в Россию в качестве военнопленных». Указанная

«партия» пленных состояла из 66 человек, в числе которых были такие известные разведчики, как уже упомянутый Нидермайер, а также Цугмайер, Шредер, австрийцы, турки, иранцы (бывшие иранские жандармы, перешедшие в начале Первой мировой войны на сторону германо-турецкого блока). Вся группа была передана русским военным властям. Под российским конвоем пленные были отправлены в Баку, далее — в лагерь для военнопленных, расположенный на небольшом острове в Каспийском море — Наргин [145].

Один из главных участников германской авантюры в Иране в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг., капитан Оскар фон Нидермайер после своего освобождения из плена, в том же 1917 г., был отозван в Берлин, где ему были оказаны почести, как герою. Он был приглашен во дворец с тем, чтобы лично рассказать императору Вильгельму о своих злоключениях. В годы Второй мировой войны Нидермайер вновь оказался в плену, но на этот раз у советских войск. Есть сведения, что он не одобрял планы Гитлера о походе на Восток. Его осудили на Лубянке как военного преступника и отправили в один из сибирских концлагерей для военнопленных. Осужденный на двадцать лет заключения, Нидермайер скончался от болезни в концлагере в августе 1948 г. В это время ему было 63 года [146].

К началу 1917 г. английские воинские части контролировали почти все южные провинции Ирана. На северо-западе страны все еще продолжались военные действия между русскими и турецкими войсками. В августе 1916 г. части русского экспедиционного корпуса, отправленного в Иран в 1915 г. под командованием генерала Баратова, были вынуждены уступить турецким войскам город Хамадан и занять оборону у Султанбулакского перевала. Однако к концу 1916 г. экспедиционный корпус получил значительное подкрепление из России. Это дало возможность русским войскам весной 1917 г. приступить к наступательным операциям и захватить в начале марта 1917 г. город Хамадан.

Как раз в эти дни, в начале марта 1917 г., в Тегеране было получено известие из России о Февральской революции, об отречении императора. Политические перемены в Петрограде громким эхом откликнулись в политических кругах Ирана. Патриотически настроенные иранские деятели полагали, что события в России помогут им приступить к восстановлению правопорядка и

возрождению деятельности органов государственной власти в стране. Руководитель Русской дипломатической миссии, указывая на эти настроения, писал в Петроград: «Лозунг “Без аннексий и самоопределение народностей” зародил в сердцах персов большие надежды, и главная цель их ныне, как видно, состоит в стремлении отделаться от англо-русской опеки, убедить нас отказаться от соглашения 1907 г. – от разделения Персии на зоны влияния» [147].

1.6. Грезы дипломата

В то же время Временное правительство России в принципе не собиралось отказываться от проводимой царизмом в Иране экспансионистской политики. Русская буржуазия намеревалась не только сохранить завоеванные в Иране позиции, но и расширить их. Надежды иранцев на кардинальное изменение политики России в отношении их страны не оправдывались. В телеграмме от 17 марта 1917 г., отправленной министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюковым Временному поверенному в делах в Тегеране В. Ф. Минорскому, говорилось: «Считаем ... полезным довести до сведения шахского правительства, что Россия по-прежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах и ... политика России не претерпит никакого изменения. Имейте, однако, в виду, что при новом нашем строе нам нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии». Несколько иные ноты, однако, звучали в телеграмме-инструкции, направленной Минорскому чуть позже преемником П. Н. Милюкова на посту министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко. В ней, в частности, указывалось: «Общее направление нашей политики в Персии, оставаясь на прежней почве полного взаимодействия с Англией, должно, тем не менее, принять более демократический характер, чем было прежде. В частности, надо по возможности сократить покровительство разным отдельным личностям и, сближаясь с местными либеральными элементами, способствовать отстаиванию прав и интересов народа» [148].

В конце марта, обращаясь к Милюкову, В. Ф. Минорский высказал ряд соображений относительно обновления русской политики в Иране: «...я искренне верю, что новый режим изменит многое в способах нашей политики: умерит наши вмешательства

в частные дела наших бесчисленных и, в большинстве, не заслуживающих доверия покровительствуемых; прекратит третирование всего, что похоже у персов на национальное сознание; уменьшит жалобы на тяжелое бремя, которым для мирного населения является пребывание здесь русских войск; наконец, положит предел произволу отдельных лиц, будь то консулы, действующие наподобие сатрапов, или ничтожные проходимцы, свивающие себе гнезда около доверчивых военных...

Думается, однако, что основные наши политические и экономические интересы в Персии: *права землевладения, колонизация, проведение железных дорог, телеграфов и т.д. не смогут измениться от перемены образа правления* (разрядка наша. — С.А.). *В Персии мы тесно связаны соглашениями с Англией и вряд ли сможем уклоняться от тех целей, которые мы ставили себе совместно с нашей союзницей. Как приобретение проливов является задачей неизменной при всяких обстоятельствах, так неизбежно и закрепление хотя бы экономического положения великой державы России в слабой, дряхлой стране, которой является Персия. Итак, пусть цели останутся теми же, но пусть мы усвоим себе методы Франции в Марокко и Англии в Индии и Египте...»*. В другой своей депеше в Петроград посланник, давая характеристику правящим кругам Ирана, предлагал ориентироваться на средние классы, представители которых вели борьбу за места в меджлисе: «Сближение с Персией должно быть, как мне кажется, по преимуществу общественным. Высшие персидские классы, хотя и представляющие собою почти сплошную гниль, нельзя игнорировать в деловом отношении, пока они стоят у власти. Сближение же должно вестись преимущественно со средними классами, группирующимися около меджлиса. Наиболее организованной персидской партией, которой будет принадлежать, вероятно, большинство Собрания (т. е. меджлиса нового созыва. — С.А.), являются демократы. Предлагаемая программа этой партии кажется, конечно, весьма безобидной по нашим современным русским меркам, но в Персии, еще не вышедшей из феодально-крепостного быта, не имеющей ни фабрик, ни удобных путей сообщения, программа эта носит очень передовой характер и способна сплотить лучшие элементы» [149].

Принимая во внимание дух времени, опытный дипломат предлагал Временному правительству в интересах России воспользо-

ваться ростом национального сознания у иранских турок и курдов.

В июне 1917 г. в письме-депеше к М. И. Терещенко Минорский высказал свои идеи о предоставлении автономии Иранскому Азербайджану. Он писал: «...имею честь сообщить, что записка об автономии Азербайджана была составлена мною, сколько помню, зимою 1908—09 года. Копий было сделано всего 5—6, из них одна была передана г. Персиани, другая, сколько помню, бар. Нольде. У меня сейчас копий нет.

Возникла записка по поводу заявлений группы азербайджанских депутатов меджлиса.

Я указывал на особую историю Азербайджана, на этнографические и языковые особенности его населения и на резкое отличие характера решительных и более прямых азербайджанских турок от более тонких, но более мягких и слабых персов.

Я указывал на связи Азербайджана с Закавказьем, невозможность сразу реформировать всю Персию и на предпочтительность избрать Азербайджан своего рода опытным полем реформ, откуда они могли бы распространиться и далее...

В мысли у меня было переименование Генерального Консульства в Азербайджане, по крайней мере, в сношениях с Кавказом, в резиденции, как это имеет место у англичан в Бушире, подчинение ему других консулов Азербайджана, командирование в провинции русских советников, создание азербайджанцами провинциального собрания с правом реформировать, прежде всего податную систему и суд и т. д.

В настоящее время лозунг “национального самоопределения” особенно силен, и ввиду исключения мысли о завоевательных намерениях России его, вероятно, легче было бы провести в жизнь при нашем содействии. “Автономия Азербайджана” упоминалась уже не раз на мусульманских собраниях в России (например, в Елизаветполе*) и, по упорным слухам, также в Тавризе.

Каковы же были бы цели подобной политической тенденции? Для самих азербайджанских турок выгоды объединения и самоуправления ясны. Среди персидского государственного организма эта национальная группа составляет самое крепкое и здоровое ядро.

Для России выделение Азербайджана означало бы более тес-

* Речь идет о городе Гянджа.

ное сближение его с Закавказьем и могло бы быть использовано для проведения реформ и улучшений. До настоящего времени мы о них много говорили, но фактическое осуществление их всегда отклоняли от себя и поручали то бельгийцам, то французам и т. д. Мы как будто не доверяли своим силам и боялись прямого вмешательства. Между тем нельзя же сравнивать Закавказье с положением Персии, которая еще через много лет не получит ничего подобного; при таком порядке мы могли бы дать немало добрых советов, тем более что наибольшие аналогии для Азербайджана дает именно Закавказье, а не Алжир, Конго или Куба.

Что касается боязни “вмешательства”, то раз мы широко допускали его с нашими покровительствуемыми и т. д., нечего было опасаться его и в интересах реформ и справедливости.

Наконец, если прежде мы естественно прятались за “нейтральных”, а в конце концов тормозили их работу, то теперь, если нам действительно удастся сблизиться с персидским народом, мы можем открыто выступать в качестве советчиков. Не добиваясь сразу прямого участия в реформах, мы могли бы прикомандировать к нашим консульствам опытных людей, знающих административные и земельные вопросы, для известной агитации и для направления общественной мысли. Мы действовали бы не прямо, преподнося реформу сверху, а снизу, стремясь пробудить интерес к реформам и требование их. Если бы наши агенты приобрели к себе такое доверие, какое приобрели некоторые немецкие агенты вроде Шюнемана, вероятно, не было бы препятствий к принятию их и формально на персидскую службу.

По отношению к России имеется еще немало предрассудков, и сразу их не победить, но если персы убедятся, что мы действительно за реформы, что мы знаем больше их, что мы хотим не благодетельствовать, а помочь, что мы не набираем спекулятивных концессий, а хотим поднятия экономической жизни страны, не исключая из нее участия населения, многое станет осуществляться гораздо легче.

Я повторяю лишь свою старую формулу: “Азербайджан должен быть опытным полем”, на котором мы можем произвести первые опыты нашей новой политики» [150].

Секретную телеграмму в Петроград с предложением об автономии для курдов Ирана и Сулеймании (Азиатской Турции) В. Минорский отправил в феврале 1917 г. В ней, в частности,

говорилось: «Сулеймания – главный очаг курдской письменности. Сулейманийцы языком и происхождением тесно связаны с курдами Соуджбулага (ныне Мехабад в Иранском Курдистане. – С.А.). Было бы достойно наших усилий создать сепаратистское движение, обещая курдам Сулеймании независимость или полунезависимость под суверенитетом Персии... Кадры эмиссаров можно образовать из наших пленных сулейманийцев... Изложенный план представляется практичным, особенно с точки зрения нашего контроля над железнодорожными подходами из Месопотамии к нашей персидской зоне...» [151].

Представители Временного правительства проявляли заметную политическую активность в отношении населения и других северных провинций Ирана. Так, при Временном правительстве по Туркменскому вопросу была создана специальная Гюрганская комиссия. «Ей вменялось в обязанность предупредить среди иранских туркмен возможность вооруженных выступлений; с политической точки зрения следовало доказать туркменам все выгоды от их сближения с нами (имеется в виду Временное правительство России. – С.А.) и таким образом парализовать попытки персов закрепить почти совсем уже порванную связь между степью (Туркменской. – С.А.) и Тегераном, и тем затормозить на долгий срок национальное и культурное развитие туркмен». Таким образом, ставился вопрос о создании в Туркменской степи некоей Туркменской автономной области под эгидой России, что означало бы «округление ее границ по реке Горган».

Все разрабатываемые в конце Первой мировой войны царскими властями, а после Февральской революции 1917 г. Временным правительством, экономико-политические проекты свидетельствовали о нарастающих интересах российской буржуазии в отношении Ирана. Надвигающаяся новая волна большевистской революции оказалась той силой, которая в один миг опрокинула эти притязания и надежды на имперское наследие.

Октябрьская революция 1917 г. оказала большое воздействие на внутрисполитическую обстановку в Иране. Первоначально Советская Республика официально отказалась от экспансионистских планов российской буржуазии и заявила о готовности оказывать Ирану всестороннюю поддержку в укреплении государственной самостоятельности.

Одним из первых внешнеполитических актов Советской Рос-

сии стало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г., определившее официальные принципы внешней политики советского правительства в отношении Ирана. «Мы заявляем, — отмечалось в нем, — что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы» [152]. С одной стороны, иранское правительство выразило «свою полную готовность вступить в переговоры» с советским правительством «для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов». С другой стороны, оно отказалось признать официального представителя советского правительства [153].

Поведение правящих кругов Ирана, конечно, было связано с антисоветской деятельностью английских властей. К весне 1918 г. вывод русских войск из Ирана был в принципе завершен. Воспользовавшись уходом русских войск, правительство Великобритании расширило свое военное присутствие в Иране. Оно распространило британское влияние на Северный Иран и использовало его территорию в качестве плацдарма для вооруженной интервенции в Закавказье и район Закаспия. Направляя в марте 1918 г. в Северо-Западный Иран из Месопотамии англо-индийские части под командованием генерала Денстервиля, одновременно увеличивая численность своих войск в Хорасане, которыми руководил генерал Маллесон, английские власти пытались получить на это согласие иранского правительства. В ноте, врученной 12 марта 1918 г. английским посланником в Тегеране иранскому правительству, британское правительство заявляло о своем намерении временно ввести в Северо-Западный Иран подразделения английских вооруженных сил с целью «сохранения порядка» и «защиты интересов союзников». Далее оно испрашивало согласие иранского правительства на установление английской военной власти в приграничных районах Северо-Западного и Северо-Восточного Ирана, а также на сохранение подразделений «Южноперсидских стрелков» «до прекращения враждебных выступлений» против англичан [154].

В ответной ноте правительство мирзы Хасан-хана Мостоуфи оль-Мамалека квалифицировало введение новых английских частей на иранскую территорию и сохранение подразделений

«Южноперсидских стрелков» как серьезную угрозу независимости и территориальной целостности Ирана. Оно потребовало немедленного вывода английских войск и расформирования частей «Южноперсидских стрелков» [155].

Тем временем, несмотря на враждебные действия англичан и представителей дипломатической миссии царской России в Тегеране, прибывший 18 января 1918 г. в иранскую столицу временный представитель Российской Советской Социалистической Республики К. Бравин сумел установить контакт с некоторыми патриотически настроенными иранскими государственными и политическими деятелями. Он ознакомил их с внешнеполитическими заявлениями большевистского правительства. Сильное впечатление в Иране произвели опубликованные в Петрограде советским правительством рассекреченные документы из архива царского и Временного правительства. В их число входили документы, раскрывающие захватнический характер политики России, Англии и других империалистических держав в отношении Ирана.

Патриотически и демократически настроенные иранские политические деятели проявили склонность к установлению официальных отношений с большевистским правительством. При их содействии Бравину удалось распространить в иранской столице следующее заявление: «В Тегеран я прибыл несколько дней тому назад и уже имел ряд встреч. Этим заявлением сообщаю, что я готов приступить к переговорам с членами иранского правительства относительно аннулирования всех незаконных договоров и соглашений, на которые свергнутое царское правительство силой заставило пойти слабое иранское государство. После отмены концессий, как представитель революционного правительства России, я готов от его имени подписать почетный договор с иранским правительством» [156].

Опираясь на заявление Бравина и на внешнеполитические акты советского правительства как на правовые документы международного значения, иранское правительство, возглавляемое Самсам-ос-Салтане (Наджаф Кули-ханом Бахтияром), 30 июля 1918 г. опубликовало официальную декларацию об аннулировании капитуляционного режима и всех неравноправных договоров, заключенных Ираном с иностранными государствами. В этом документе, в частности, говорилось: «Исходя из того, что ныне правительство России сделало свободу и полную независимость всех

народов своим идеалом и целью своих устремлений, извещая неоднократно как официально, так и неофициально об отмене договоров и концессий, полученных у Ирана путем принуждения, и из того, что Иран подобно всем другим государствам имеет полное и законное право на свои экономические ресурсы и на свободу, нижеподписавшиеся ответственные члены иранского правительства приняли решение отменить и объявить недействительными все упомянутые (неравноправные) договоры и концессий и настоящим извещают об этом как представителей иностранных государств, аккредитованных в нашей столице, так и наших представителей, пребывающих в зарубежных странах, а также весь (иранский) народ» [157].

Как Англия, так и США и Франция отказались признать декларацию иранского правительства. Дипломаты западных держав усмотрели в ней двойную опасность. Во-первых, они опасались, что если она получит международное признание, то примеру Ирана могут последовать многие другие зависимые государства Среднего Востока. Во-вторых, декларация иранского правительства, опубликованная вслед за заявлением представителя РСФСР, свидетельствовала о готовности правительств двух соседних стран установить друг с другом дипломатические отношения. Именно поэтому правительство Самсам ос-Салтане стало для англичан крайне нежелательным. Сразу же после обнародования декларации оно вынуждено было подать в отставку [158].

1.7. Британский план на Среднем Востоке

Вскоре, в сентябре, в Тегеране главой английской дипломатической миссии был назначен сэр Перси Кокс, занимавший до этого пост политического резидента в зоне Персидского залива. Весной 1918 г. он был вызван в Лондон, где вместе с видным специалистом по Среднему Востоку Арнольдом Вильсоном оказывал содействие руководителям Форин офиса в разработке новой английской политики в отношении Ирана и Месопотамии.

Вдохновителем и главным автором этой политики был министр иностранных дел Англии лорд Керзон. К концу Первой мировой войны британские либеральные деятели выступали за проведение в Иране более гибкой политики и за отказ от прямолинейного имперского курса. Однако бывший вице-король Индии Керзон не желал считаться с велением времени и вынашивал

идею установления над Ираном английского протектората. Керзон считал, что уход с иранской арены царской России создал реальные предпосылки для осуществления такого плана.

Свою внешнеполитическую концепцию Керзон обосновал в меморандуме, составленном в 1918 г. По его мнению, главным фактором, вызывавшим необходимость изменения английской политики в Иране и соседних с ним странах, явился рост национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке. «Мы не можем допустить, – писал Керзон, – существования между рубежами нашей Индийской империи в Белуджистане и нашим новым протекторатом (имеется в виду Ирак. – С.А.) очага беспорядков, враждебных интриг, финансового хаоса и политической неразберихи». Керзон был осведомлен о масштабах влияния идей новой русской революции на иранцев, что вызывало у него тревогу. Он писал: «...если Персия будет оставлена одна, имеется много причин опасаться того, что она подвергнется большевистскому влиянию с севера». Таким образом, цель была ясна: чтобы не допустить распространения на Иран влияния большевистской революции, следует установить над этой страной контроль Великобритании.

Дальнейшее развитие событий в значительной степени подтвердило прогнозы Керзона.

Иранской нефти в меморандуме придавалось большое значение. В заключительной части документа Керзон писал: «И, наконец, мы обладаем в юго-западном уголке Персии огромными активами в виде нефтепромыслов, которые работают на британский военно-морской флот и которые обеспечивают нам доминирующее положение в этой части света» [159]. По замыслу Керзона новая английская политика в Иране, вслед за установлением протектората над Ираком, должна была обеспечить Великобритании полное господство в богатой нефтью зоне Персидского залива.

Добиваясь реализации разработанного Керзоном плана, английские дипломаты приложили немало усилий, чтобы у власти в Тегеране вновь оказался Восуг од-Доуле. Еще в мае 1918 г. английский посланник Ч. Марлинг приступил к тайным переговорам с шахским двором, обещая в случае смещения Самсам-ос-Салтане и министров его кабинета и назначения на пост премьер-министра Восуг од-Доуле выплачивать ежемесячно Ахмед-шаху Каджару субсидию в размере 15 тыс. туманов.

Сразу же после отставки кабинета Самсам ос-Салтане, 30 июля 1918 г., формирование нового кабинета было поручено Восуг од-Доуле. Новый премьер-министр относился к числу тех представителей иранской аристократии, которые пришли на политическую арену в период конституционной революции 1905–1911 гг. Керзон признавал, что Восуг од-Доуле «всегда был дружественно настроен в отношении английских интересов» [160].

8 августа 1918 г. Восуг од-Доуле представил Ахмед шаху членов своего кабинета. Первоначально в него вошли некоторые политические деятели, выступавшие против полного подчинения политики правительства интересам Великобритании. Однако вскоре Восуг од-Доуле реорганизовал правительство: посты министров иностранных дел и финансов он предоставил каджарским принцам Фируз мирзе Носрет од-Доуле и Акбер мирзе Сарим од-Доуле, «убежденным, – по словам Керзона, – в том, что будущее Персии зависит от установления дружественных доверительных отношений» с Великобританией. «Сам шах, – отмечал Керзон, – занял такую же позицию и поддерживает своих министров» [161]. Добавим, что сразу же после образования кабинета Восуг од-Доуле Ахмед шах стал получать обещанную английской миссией субсидию.

В конце 1918 г. английская миссия в Тегеране приступила к тайным переговорам с Восуг од-Доуле, Фируз мирзой и Сарим од-Доуле о заключении всеобъемлющего соглашения, регулирующего отношения между Великобританией и Ираном. Переговоры происходили в условиях, когда значительная часть Северного Ирана была оккупирована английскими войсками, а в Южном Иране под командованием английских офицеров продолжали функционировать части «Южноперсидских стрелков».

9 августа 1919 г. соглашение было подписано. Оно предоставляло Великобритании возможность установить свой контроль над всеми сферами иранской экономической и политической жизни, а также над вооруженными силами. Великобритания обязывалась создать в Иране под руководством своих инструкторов единую армию, провести с помощью своих советников административные и финансовые реформы.

Патриотически настроенная часть иранской общественности сразу же распознала в этом соглашении попытку установить над Ираном английский протекторат. Сообщение о заключении

соглашения вызвало настоящую бурю в политических кругах Тегерана. Резко осудили соглашение представители тегеранского базара – главного экономического центра страны. Влиятельный представитель торгового капитала Моин от-Тоджджар и Имам-джоме (имам главной мечети Тегерана) заявили, что соглашение направлено «против интересов страны». Они охарактеризовали его как серьезную угрозу независимости Ирана [162].

Заключение соглашения вызвало подъем антиимпериалистического и демократического движения в северных провинциях Ирана. Английские политики вначале не придавали этим выступлениям серьезного значения. Более того, Кокс сообщал лорду Керзону, будто противники соглашения составляют незначительное меньшинство иранского общества [163].

Стремление Великобритании установить свой протекторат над Ираном вызвало недовольство ее союзника – Франции. Заключение соглашения 1919 г. обострило англо-французское соперничество на Ближнем и Среднем Востоке. Открыто враждебной была и позиция правительства США, с которым в этот период Тегеран стремился установить дружеские контакты.

Более радикальную позицию заняло советское руководство. В специальном обращении «К рабочим и крестьянам Персии», опубликованном 30 августа 1919 г., оно охарактеризовало его как кабальный и заявило, что «не признает англо-персидского договора, осуществляющего это порабощение».

Английское правительство настойчиво форсировало реализацию соглашения. По настоянию Форин офиса в конце октября 1919 г. в Англию приехал Ахмед шах Каджар. Еще раньше, в сентябре, в Лондон прибыл министр иностранных дел Фируз мирза. Во время своей встречи с Керзоном он передал ему устное послание Восуг од-Доуле. Иранский премьер выразил, однако, желание, чтобы во время англо-иранских переговоров был обсужден, помимо условий соглашения 1919 г., также ряд вопросов, урегулирование которых могло бы принести «огромную пользу» его правительству [164]. Среди этих вопросов первостепенное значение придавалось переговорам по нефти, в частности относительно отсрочки выплаты «роялти», которую, согласно концессионному соглашению, заключенному с д'Арси, АПНК обязана была внести иранскому правительству. Восуг указывал, что решение этого вопроса может сыграть важную роль в успокоении

«общественного мнения», сильно взбудораженного заключением англо-иранского соглашения 1919 г.

Правительство Восуга намеревалось получить у АПНК причитающиеся Ирану нефтяные доходы, что дало бы ему возможность несколько облегчить финансовое положение государства.

Первый этап переговоров иранского правительства с АПНК начался во второй половине сентября 1919 г. в Тегеране. 23 сентября он завершился заключением предварительного соглашения, предусматривающего при исчислении доходов Ирана с 16%-ной долевой базы перейти на тоннажную, т. е. исчислять «роялти» с каждой тонны добытой нефти. Однако соглашение так и не было окончательно утверждено сторонами.

В мае 1920 г. в Лондоне начался второй этап переговоров с АПНК. От имени иранского правительства их вел все еще находившийся в Лондоне министр иностранных дел Ирана Фируз мирза. Компанию представлял председатель ее правления Ч. Грин-уэй. Переговоры вновь велись в основном по вопросу о замене системы исчисления иранской доли доходов. Хотя в них также обсуждался вопрос об участии Ирана в приобретении новых акций компании.

История этого вопроса такова. Во время своего пребывания осенью 1919 г. в Лондоне Фируз мирза получил известие о том, что правление АПНК намеревается выпустить новые акции на сумму 7,5 млн. ф. ст. и что две трети этих акций будут предложены английскому правительству, а треть – распределена среди частных акционеров. Иранский министр попросил Керзона, чтобы тот оказал содействие иранскому правительству в приобретении незначительной части новых акций. Если иранскому правительству удастся купить хотя бы небольшую долю указанных акций, утверждал Фируз мирза, это произведет в Тегеране благоприятное впечатление и упрочит положение кабинета Восуга. По причинам политического характера Керзон счел желательным пойти навстречу Ирану в этом вопросе. Однако министерство финансов Великобритании полностью отказалось удовлетворить иранскую просьбу [165].

Фируз мирза установил контакт с Сиднеем Армитейдж-Смитом, который в соответствии с условиями англо-иранского соглашения 1919 г. должен был занять пост главного финансового советника Ирана. При его посредничестве Фируз мирза предложил

главе адвокатской фирмы «Маклинток и К°» от имени иранского правительства проверить финансовую отчетность АПНК. Проверка выявила, что английская нефтяная компания не полностью выплачивает правительству Ирана его долю доходов от нефти.

Тем временем переговоры между представителями АПНК и министерством иностранных дел продолжались. Большой отпечаток на ход этих переговоров накладывал вопрос о признании Ираном Советской России. Лорд Керзон всемерно добивался отказа иранского руководства от установления официальных отношений с Москвой.

Как свидетельствуют документы, в вопросе о признании советского правительства, значительные разногласия между Лондоном и Тегераном обнаружились в период пребывания у власти кабинета Восуга. Находившийся в Лондоне министр иностранных дел правительства Носрет од-Доуле Фируз мирза, в беседе с корреспондентом газеты «Таймс», текст которой был опубликован 6 апреля 1920 г., положительно отзывался о действиях правительства Советской России. Он подчеркивал большое значение для Ирана аннулирование Москвой неравноправных договоров и соглашений, заключенных между царской Россией и Ираном. Лорд Керзон во время встречи с Фируз мирзой оказал на него открытое давление, чтобы склонить иранское правительство к отказу от идеи установления официальных отношений с советским правительством. «В конце встречи, — отметил Керзон в своих личных записях, — я, пригрозив, сказал ему, что если между Ираном и советским правительством будет заключен договор, то большевистские эмиссары очень скоро сумеют проникнуть в Иран и приступить к антибританской агитации и действиям» [166].

Правительство Восуга, однако, 10 мая 1920 г. обратилось к советскому правительству с предложением об установлении государственных отношений между Ираном с одной стороны, и РСФСР и Азербайджанской ССР — с другой. Как явствует из текста телеграммы, отправленной Восугом в начале июня 1920 г. Фируз мирзе в Лондон, иранский премьер выразил желание, как можно скорее воспользоваться «благоприятными предложениями, сделанными большевиками».

После долгих переговоров 4 июня 1920 г. была достигнута предварительная договоренность между АПНК и министерством иностранных дел Ирана. 11 июня 1920 г. руководство компании

отправило в МИД Ирана письмо. В нем, с учетом роста антианглийских выступлений и появления советского фактора, а также ввиду значительных перемен на мировом нефтяном рынке (в 1920 г. цена на сырую нефть подскочила на 50%, втрое превысив 1913 г.), сообщалось об отказе от финансовых претензий к Ирану и о согласии при подсчете чистой прибыли принять во внимание критические замечания иранской стороны в адрес компании. АПНК изъявила готовность выплатить Ирану за отрезок времени с начала промышленной деятельности по 31 марта 1919 г. дополнительно 500 тыс. ф. ст. наличными или 100 тыс. в обычных акциях компании [167].

В то же время Восуг выразил резкое недовольство вторжением Волжско-Каспийской флотилии Красной Армии в порт Энзели 18 мая 1920 г. В телеграмме в Лондон (от 4 июня 1920 г.) он охарактеризовал военную акцию частей Красной Армии в районе Энзели как вооруженную интервенцию и предложил ему информировать об этом Совет Лиги наций. Одновременно, невзирая на недовольство широкой общественности, Восуг фактически приступил к реализации англо-иранского соглашения 1919 г. Весной 1920 г. в Тегеран прибыла английская финансовая миссия во главе с Армитейдж-Смитом. Начала свою работу в Иране и английская военная миссия.

Политика заменившего Восуга на посту премьер-министра Мошира од-Доуле (Хасан хан Пирния) отличалась гибкостью. Освободив Армитейдж-Смита от обязанностей главного финансового советника Ирана, он, тем не менее, поручил ему продолжать в Лондоне переговоры с АПНК от имени Ирана. При этом он наказал ему добиться увеличения доли Ирана в доходах компании. Отказываясь в принципе признать соглашение до его утверждения меджлисом, премьер продолжал поддерживать контакты с прибывшими в Тегеран по линии соглашения 1919 г. финансовыми и военными советниками. Новый английский посланник Г. Норман, вручивший шаху свои верительные грамоты 10 июня 1920 г., умело использовал страх нового премьера перед ростом национально-освободительного движения в северных провинциях Ирана и активно распространял слухи о неизбежности предстоявшей «большевистской интервенции». В то же время Мошир направил официальную делегацию в Москву. Представители Форин офиса и АПНК выразили недовольство его

действиями и добились его смещения.

Новый правительственный кабинет пришел к власти (1 ноября 1920 г.) благодаря усилиям английских дипломатов. В телеграмме от 26 октября 1920 г. английский посланник сообщал Керзону о подробностях своей встречи с шахом. «Я предложил Сепакдар Азама, — говорилось в телеграмме, — шах одобрил это предложение, и мы обсудили в течение короткого времени, каким должен быть состав нового кабинета».

В октябре в Лондоне начался новый раунд переговоров с АПНК, в которых иранское правительство представлял Армитейдж-Смит. Они в принципе завершились в первой декаде декабря. 11 декабря Керзон поручил английскому посланнику в Тегеране передать иранскому премьер-министру и министру финансов сведения о достигнутых договоренностях. 22 декабря 1920 г. Армитейдж-Смит от имени кабинета Сепакдара Азама подписал новое соглашение с АПНК [168].

Новое соглашение сохранило 16%-ную долю Ирана в чистых доходах компании и определяло принцип ее подсчета. Принимая во внимание экономические трудности иранского правительства, АПНК обещала вместо фигурировавшей прежде дополнительной суммы в 500 тыс. ф. ст. выплатить Ирану 1 млн. ф. ст., чтобы удовлетворить все финансовые претензии иранского правительства за период по 31 марта 1919 г. (в эту сумму были включены 192 тыс. ф. ст., уже выплаченных Ирану). Усилиями Армитейдж-Смита в соглашение были включены пункты (ст. 3 и 4), которые освободили АПНК от уплаты иранскому правительству 16%-ной доли чистых доходов ее дочерних компаний и филиалов, в то время как «капитал для создания всех этих коммерческих предприятий, — как пишет Элвелл-Саттон, — был взят из прибыли от иранской нефти» [169].

Новый иранский кабинет, заменивший правительство Сепакдара Азама, обратился к известной лондонской адвокатской фирме за консультацией относительно соответствия условий подписанного соглашения (22 декабря 1920 г.) первоначальному тексту концессии. В своем заключении от 27 июля 1921 г., направленном в иранскую миссию в Лондоне, фирма подчеркнула, что новое соглашение в принципе можно охарактеризовать не иначе, как «пренебрежение правами и значительными интересами» Ирана [170].

Иранское правительство, однако, в конкретных условиях того времени, в силу неполной информированности о характере финансовой деятельности АПНК и недостаточного профессионального уровня своих министров, не сумело оценить, какой значительный ущерб в будущем нанесет стране соглашение, заключение которого было доверено Армитейдж-Смиту. Решение англичан увеличить выплачиваемую компанией Ирану сумму, видимо, затмило для иранцев остроту восприятия негативных сторон соглашения 1920 г.

В целом конец Первой мировой войны принес для Ирана весьма неоднозначные результаты. Завершение на иранской территории военных действий не привело к миру и спокойствию. Великобритания в новой обстановке, когда ее главная соперница и союзница Россия ушла из Ирана, решила распространить свое военно-политическое присутствие на всю страну. Она объясняла это желанием сдерживать наступление большевизма на ее позиции на Среднем Востоке. С другой стороны, антианглийские, продемократические движения в северных провинциях страны и локальные сепаратистские восстания полукучевых обществ явились новой опасностью для правящей династии Каджаров и ее главной опоры — земельной аристократии. Тем не менее, еще недавно находившаяся на грани гибели правившая в Тегеране прослойка предприняла ряд акций, направленных на возрождение авторитета центральной власти и ее позиций в области международных отношений. Наиболее важную часть этих мер составляли попытка установления дипломатических отношений с Советской Россией, а также желание получить официальное приглашение на Парижскую мирную конференцию с правом голоса.

Относительно вопроса об установлении государственных отношений с Россией, как было показано выше, правительство Восуга продолжало свои консультации с лордом Керзоном.

Что касается иранской инициативы в отношении Парижской конференции, то ее история такова. Согласно иранским историкам, дипломатические представители Англии, после революции 1917 г. в России, во время встреч с членами иранского правительства, будто делали намеки о возможностях присоединения к иранской территории некоторых приграничных земель Месопотамии, Южного Кавказа и Туркестана. И когда в 1918 г., после провозглашения президентом США Вудро Вильсоном известных

«14 пунктов», в международной обстановке обнаружили признаки новой ситуации, иранское правительство немедленно предприняло шаги для сближения с США. Было решено при поддержке американцев получить доступ к участию в работе Парижской мирной конференции в качестве страны, пострадавшей от войны. В Тегеране был разработан меморандум, в текст которого были включены пункты, представляющие собой свод претензий Ирана к державам-участницам Первой мировой войны. Один из важнейших пунктов касался вопроса о необходимости уплаты иранскому государству компенсации за нанесенный стране и народу ущерб в ходе военных действий. Как известно, эти действия разворачивались по планам европейских государств и происходили между силами, представляющими интересы Антанты и центральных держав. Эмиссары и армии указанных держав принимали в них прямое участие.

Еще один пункт посвящался территориальным претензиям Ирана. В нем было сформулировано требование «о возвращении под юрисдикцию Ирана ряда стран и территорий Южного Кавказа, Туркестана и Месопотамии» (когда-то входивших в состав функционировавших в Иране государств). Когда иранский меморандум был вручен в секретариат Парижской конференции, этот пункт вызвал недовольство стран-организаторов конференции. Лорд Керзон пытался убедить иранского министра иностранных дел Фируз мирзу в том, что озвучивание подобных территориальных претензий будет встречено участниками конференции горьким смехом [171]. Разумеется, для такого утверждения были основания. Во-первых, иранский министр иностранных дел был одним из членов иранского правительства, подписавших англо-персидское соглашение 1919 г. Это соглашение сильно ограничивало государственный суверенитет Ирана. Во-вторых, в этот период на Южном Кавказе де-факто функционировали три независимых республики: Азербайджанская, Грузинская и Армянская. Кстати, во время встреч в Лондоне с лордом Фируз мирза добивался согласия главы Форин офиса на установление дипломатических отношений с одной из них – Азербайджанской Демократической Республикой. Месопотамия в этот период находилась фактически под властью англичан. В Туркестане шел процесс формирования советских республик.

В известной степени из-за своих неоправданных террито-

риальных претензий Иран не был допущен к участию в работе Парижской мирной конференции.

Существует мнение о том, что иранский премьер Восуг од-Доуле, как и Фируз мирза, знали цену своим затеям относительно территориальных претензий. Но указанная акция служила, скорее, целям внутренней политики. Подписав непопулярное соглашение с Великобританией 1919 г., получив при этом взятку, иранские политики, тем не менее, захотели обрести в глазах своих соотечественников имидж патриотов.

Изучение обстоятельств этой акции заняло особое место в пособиях по истории международных отношений как пример использования полумифических доводов для обоснования территориальных претензий правительства, ставшего «популярным» за свою коррумпированность.

КРИЗИС ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ КАДЖАРОВ, ПЕРЕВОРОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1921 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (1920 – 1925 гг.)

Прекращение военных действий на Азиатских фронтах войны 1914–1918 гг., уход из Ирана турецких частей и завершение военных операций, связанных с деятельностью германских эмиссаров, не принесли иранскому обществу спокойствия и стабильности. Продолжалось разложение центральной власти. Во многих регионах, особенно на окраинах, в руках полукочевых племен оказалось немало оружия. Они совершали частые набеги на оседлое население, грабили мирных жителей. Происходили острые вооруженные стычки между полукочевыми племенами. Шел процесс сокращения производства основных сельскохозяйственных культур. «Хлебные бунты», особенно в осенне-зимние месяцы, из-за нехватки зерна и продовольствия становились обычным явлением. Падал объем промышленно-ремесленного производства. Такой же спад был характерен для внутренней и внешней торговли. Полуфеодальные помещики, в число которых входили многие представители духовенства «первого разряда» («тераз-е аввал»), и высокопоставленные чиновники всячески уклонялись от внесения натурального и денежного налогов. Государственная казна была опустошена. Правительство, шах и его двор все больше попадали в зависимость от финансовой поддержки Великобритании.

Большой ущерб стране приносило присутствие иностранных войск – английских и российских. После войны численность английских войск продолжала расти. Этому содействовала вооруженная интервенция Великобритании в Туркестане и на Южном

Кавказе. Северные провинции Ирана использовались в качестве плацдарма английскими интервенционными войсками.

Из-за революционных событий и гражданской войны на территории России в Иране оставалось значительное число царских войск. Самым крупным соединением был экспедиционный корпус под командованием генерала Баратова. Вследствие резкого падения курса российского рубля финансовое обеспечение корпуса в послевоенный период осуществлялось англичанами, точнее, Шахиншахским банком. Нерегулярное выполнение английскими властями своих обязанностей в этой области стало одной из причин роста анархических настроений среди российских военнослужащих. Они за бесценок скупали скот, выючных животных, зерно, фураж, продовольствие. В большинстве случаев просто реквизировали их. Устраивали погромы и пожары на рынках, грабили и насиловали мирных жителей. Такие действия имели место в Урмии, Казвине, других городах и поселениях [1]. В телеграмме от 1 (14) августа 1917 г. на имя главнокомандующего Кавказским фронтом генерал Баратов заявлял: «Единственный выход из создавшегося положения — увод корпуса из Персии. Нам никак нельзя закрывать глаза на создавшееся положение, грозящее дезорганизацией наших войск, вследствие неизбежных при таких условиях грабежей. Англичане и могут и должны нам помочь, надо только ставить им вопрос ребром» [2]. Указывая на отказ местных жителей принимать русские деньги, он далее сообщал: «Без персидских денег здесь (Курдистане Иранском. — С.А.) существование невозможно» [3].

Как известно, в результате Первой мировой войны самые значительные территориальные приобретения достались Британской империи. Тем не менее, ее геополитические амбиции продолжали расти. Одним из примеров подобных устремлений стала попытка установить над Ираном британский протекторат на базе англо-иранского соглашения 1919 г. Кстати, лорд Керзон отвергал подобное утверждение, говоря о благородных намерениях английского правительства, которое при помощи своих советников и экспертов добивалось якобы возрождения Ирана [4]. В то же время американский автор П. Т. Мун, исходя из анализа содержания этого соглашения, считал, что Англия добивалась установления в Иране «современной хитроумной формы империалистического контроля» [5]. Нет сомнения в том, что решающим фактором,

подталкивавшим Керзона и его единомышленников к «новой» политике в Иране, был прежде всего уход России из региона. Однако исторический парадокс состоял в том, что указанное обстоятельство одновременно стимулировало усиление нового националистического течения в стране, зарождение которого четко дало о себе знать в конце 1911 г. Тогда под воздействием ярких выступлений группы депутатов иранский меджлис второго созыва отверг российский ультиматум, представлявший собой неприкрытую угрозу Ирану вооруженной оккупацией. Смелая, антиимпериалистическая позиция членов парламента вызвала подъем патриотических выступлений в основных центрах конституционной революции.

Несмотря на политическое поражение продемократического патриотического течения, входившие в него представители новой светской интеллигенции [6] и пробуржуазные лидеры не отказались от своей политической деятельности.

В период работы меджлиса третьего созыва, в начале декабря 1914 г., приступила к деятельности фракция Демократической партии, которая пользовалась большой популярностью. Характерно, что активисты Демократической партии в этот период были последовательны и принципиальны. Они не отказались от своей программы, принятой еще в 1910 г., содержавшей социал-демократические тезисы, но в связи с расширением англо-русского военного присутствия в Иране их политическая активность резко упала.

В новой политической обстановке, которая сложилась после Октябрьской революции 1917 г. в России, бывшие лидеры Демократической партии страны вновь активизировали свою деятельность. Не только политические лозунги нового российского руководства о сотрудничестве с иранцами, но и настойчивая политика Форин офиса, направленная на безотлагательное утверждение соглашения 1919 г., вызвали в Иране новую волну патриотических и антианглийских выступлений. Волна эта носила различный характер: от террористических актов, покушений на жизнь проанглийских деятелей, осуществляемых «комитетом возмездия» [7], до массовых движений и восстаний.

2.1. Тебризское восстание

К 1920 г. массовые выступления против англо-иранского соглашения расширились особенно в Тегеране и северных

провинциях страны. В Иранском Азербайджане движение против проанглийского курса шаха и правительства развивалось организовано. Им руководили бывшие члены иранской Демократической партии. Эта партия, возникшая в период конституционной революции, после событий конца 1915 г. в Тегеране не функционировала, но полностью своей деятельности она не прекращала. Особую активность ее организация проявляла в Азербайджане.

Признанный лидер азербайджанских демократов шейх Мохаммед Хиябани был к этому времени широко известным политическим деятелем. Он обладал религиозным саном. В прошлом выполнял в мечети обязанность имама (руководителя общественной молитвы). В то же время его политические убеждения были близки воззрениям революционных демократов. Шейх активно участвовал в конституционной революции, от г. Тебриза был избран депутатом меджлиса второго созыва. Именно в ходе деятельности этого меджлиса Хиябани совершил поступок, благодаря которому его имя оказалось в ряду самых авторитетных людей иранской истории.

В ходе обсуждения российского ультиматума от 29 ноября 1911 г., невзирая на давление на меджлис со стороны правительства, шейх Хиябани резко выступил против принятия его условий. Впервые иранский депутат с трибуны парламента раскрыл имперскую сущность действий российского правительства в отношении Ирана. Он призвал депутатов единодушно голосовать против принятия ультиматума. После этого Хиябани произнес большую речь на массовом митинге одной из площадей («Сабзе мейдан») [8], организованном руководством Демократической партии Ирана. Пафос этой речи был направлен на разоблачение антииранской сущности политики царских властей в Иране. В частности, он заявил, что грубая враждебная акция российских лидеров является реакцией на позитивный вклад, внесенный Морганом Шустером в дело упорядочения государственных финансов и налоговой системы в стране. Именно поэтому Россия «так упорно настаивает на удалении Шустера с занимаемого им поста» [9]. Он объяснил, что осуществленные Шустером преобразования затрагивают также личные интересы ряда видных представителей иранского правительства, чем и объясняется их отрицательное отношение к главному казначею. Он дал высокую оценку деятельности Шустера в связи с подавлением мятежа бывшего шаха

Мохаммед Али и его приспешников. Шустер своевременно решил вопрос о финансовом обеспечении вооруженных сил, принявших участие в подавлении мятежа [10].

Главой тегеранской полиции Ефремом Давидянцем были направлены наряды полиции на площадь для задержания Хиябани, но там его уже не было. Опасаясь ареста, Хиябани уехал в Мешхед и оттуда в Азербайджан. По совету соратников Хиябани отправился на Северный Кавказ (Петровск), откуда через несколько месяцев вернулся в Тебриз. Через посредников правитель Иранского Азербайджана Самед хан Шоджа од-Доуле обещал не подвергать шейха Хиябани преследованиям, если он будет заниматься исключительно торговлей и выполнением обязанностей имама в одной из мечетей Тебриза [11]. Тем не менее, к началу Первой мировой войны шейх уже возобновил свою политическую деятельность.

В годы Первой мировой войны Хиябани выступал против пребывания иностранных войск на иранской территории. За свое отрицательное отношение к панисламскому движению, которое поддерживали центральные державы, прежде всего Османская Турция, в 1918 г. он был арестован турецкими военными властями и сослан в г. Карс [12]. Однако в начале 1919 г. был освобожден и вернулся в Тебриз, где при поддержке своих соратников возобновил политическую деятельность местной организации Демократической партии. Она была образована как самостоятельная организация и названа Демократической партией Азербайджана (ДПА). Печатным органом партии стала газета «Таджаддод» («Обновление»). Она издавалась на двух языках: тюркско-азербайджанском и персидском. Деятельностью ДПА и изданием ее газеты руководили шейх Мохаммед Хиябани, журналист Мирза Таги хан Рифат, религиозно-политический деятель Мирза Исмаил Нубари, Кербелаи Али Харири и ряд других лиц. Толчком к их объединению стали ожидаемые выборы в парламент нового созыва, где должен был рассматриваться вопрос об утверждении англо-иранского соглашения 1919 г. [13]

15 апреля 1920 г. в Тебризе началось восстание, руководимое шейхом Хиябани и его соратниками из ДПА. Основные требования азербайджанских демократов, адресованные тегеранскому правительству, состояли из следующих пунктов: образование в Иране республики; предоставление Иранскому Азербайджану

самоуправления (политико-административную автономию); осуществление статей иранской конституции относительно областных и провинциальных энджуменов (советов); изгнание из страны всех иностранных войск и военных советников; отставка правительства Восуг од-Доуле и аннулирование англо-иранского соглашения 1919 г.; установление с правительством России дипломатических отношений и коммерческих связей [14].

Без особых осложнений руководители восстания изгнали из Тебриза представителей тегеранского правительства. Из города уехали также семья и близкое окружение наследника Ахмед шаха. Провинциальная власть перешла в руки «хей'ат-е эджтимаи» («общественное представительство»). В конце июня 1920 г. его полномочия были переданы национальному правительству, возглавляемому Хиябани. Одновременно, по предложению одного из соратников Хиябани, провинция Азербайджан была переименована в Азадистан («Страна свободы») [15]. Одним из важнейших требований, выдвинутых руководством Азадистана, была демократизация иранской политической системы. Речь прежде всего шла о формировании местных властей посредством выборов. На страницах «Таджаддод» острой критике подвергался шахский двор, в частности, по существу развлекательная поездка Ахмед шаха Каджара в Стамбул и Западную Европу, в то время как страна переживала крах своих государственных финансов и значительная часть ее территории была оккупирована английскими вооруженными силами [16].

Направленный правительством Восуга од-Доуле в качестве правителя Азербайджана принц Эйн од-Доуле, прибыв в Тебриз, вскоре был вынужден вернуться в Тегеран. Большая часть общественных сил главного города Азербайджана первоначально активно поддерживала правительство Хиябани. Демократы приложили усилия для улучшения системы начального образования. Дети малоимущих граждан были обеспечены школьным образованием. Преподавание велось также на родном тюркском языке, в некоторых школах имелись классы для девушек. Хиябани часто выступал с речами перед народом, разъясняя общественности необходимость продвижения иранского общества к демократии, к «современному миру». Его выступления публиковались на страницах «Таджаддод» и пользовались большой популярностью.

В то же время Хиябани намеревался добиваться реформи-

вания азербайджанского и всего иранского общества скорее пропагандой, проповедями, без действенных политико-административных мер. Демократы не придавали должного значения созданию собственных военно-полицейских сил. Первоначально купечество, мелкие торговцы, ремесленники и другие представители «людей базара» одобрили курс правительства. Но когда правительство Хиябани с целью предотвратить дальнейшее удорожание продуктов питания и товаров широкого потребления установило на них фиксированные цены, то подобная политика вызвала серьезное недовольство, особенно среди имущих слоев. Ханы и беки полукочевых обществ Иранского Азербайджана оказывали сильное сопротивление распространению политического влияния правительства Хиябани на другие города и сельские округа Азербайджана. Влиятельные купцы уклонились от уплаты установленных демократами налогов, а когда глава правительства за это подверг их суровой критике, то они установили тайные контакты с враждебными демократам силами [17].

Долгое время как в иранской, так и советской историографии (особенно в работах историков Азербайджанской ССР) образ Хиябани преднамеренно искажался. В частности, это касалось его отношения к Азербайджанской Демократической Республике (АДР, 1918–1920 гг.) на Южном Кавказе и большевистской России. Историки замалчивали то, что хиябанисты называли свою республику Азадистаном, желая отмежеваться, дистанцироваться от правительства АДР, которое проявляло склонность к сотрудничеству не только с Британией, но и правительством Восуг од-Доуле. При помощи вооруженного вторжения, осуществленного 11-й Красной армией в конце апреля 1920 г., в Азербайджане к власти пришли большевики. Это событие вызвало у Хиябани сначала позитивную реакцию, потому что среди лидеров новой Азербайджанской Советской Республики оказались и старые «гумметисты». С некоторыми из них его связывала давняя дружба, и которых он считал независимыми деятелями [18].

Отношение Хиябани к руководству советского Азербайджана, однако, скоро радикально изменилось. Это произошло, когда он понял, что «последнее слово в Баку принадлежит русским и что они скорее преследуют экспансионистские цели» [19]. Так называемая Энзелийская операция, в ходе которой азербайджанскими частями был осуществлен поход в северо-западные округа

Иранского Азербайджана, стала для хиябанистов новым подтверждением экспансионистских устремлений правительства новой России на Кавказе. Как последовательный патриот, Хиябани также открыто выразил свое возмущение происходившему в Гиляне. Он заявил, что если большевики попытаются аннексировать какую-либо часть иранской территории, «то народ Иранского Азербайджана до последнего человека будет сражаться против интервентов» [20]. Будучи принципиальным политиком, Хиябани осуждал всякого рода вмешательства иностранцев во внутренние дела Ирана, будь то английские колониялисты или советские большевики.

Восстание хиябанистов, по существу, не имело союзников ни в Иране, ни за его пределами. Тем не менее, Тебризское восстание, другие оппозиционные и антианглийские выступления, вместе взятые, создали труднопреодолимые препятствия не только для утверждения англо-иранского соглашения 1919 г., но и тяжелые условия для функционирования правительства Восуг од-Доуле. 22 июля 1919 г. Восуг од-Доуле вместе с членами кабинета вынужден был подать в отставку.

Новый премьер-министр Мошир од-Доуле, слывший националистом, посредством различных уловок намеревался уговорить Хиябани отказаться от противостояния центральному правительству, ссылаясь на то, что главное требование азербайджанских демократов в связи с отставкой Восуга удовлетворено. Однако Хиябани и его соратники продолжали считать, что развитие демократического национального движения в Азербайджане может оказать позитивное воздействие на иранскую ситуацию в целом. Им казалось, что их противостояние с тегеранским правительством приведет к углублению кризиса существующей политической системы. В то же время Хиябани не проявил достаточную твердость, когда он позволил прибыть в Тебриз Мохбер ос-Салтане (Мехди-Кули хан), назначенному тегеранским правительством губернатором Азербайджана. Он был известен своим отрицательным отношением к движению азербайджанских демократов. Тем временем Мохбер ос-Салтане, приступив к переговорам с представителями правительства Азадистана, одновременно установил негласные контакты с командиром отряда персидских казаков, гарнизон которых находился на подступах к Тебризу. Во время встречи с командиром отряда, который был русским

офицером, речь шла об организации погрома в Тебризе с целью физического уничтожения демократов. Идея о вооруженном подавлении власти демократов была также согласована с наиболее состоятельными купцами тебризского базара. Операция началась ночью 12 сентября 1920 г. Хорошо вооруженным персидским казакам было оказано незначительное сопротивление, так как основное ядро вооруженных формирований, верных правительству Хиябани, в те дни сражались на севере провинции с наемниками местного феодала Амира Эршада. В течение трех дней отряд персидских казаков учинил дикую расправу над демократами и сочувствующими им. Многие из них без суда и следствия были расстреляны, повешены или подвергнуты пыткам. 13 сентября шейх Мохаммед Хиябани был зверски убит в доме одного из своих друзей, где он скрывался. Жертвой террора в Тебризе стал целый ряд видных деятелей Демократической партии Азербайджана, в том числе публицист, тюрко-азербайджанский поэт Мирза Таги хан Рифат, издатель газеты «Таджаддод», один из верных соратников Хиябани. В избиении сторонников Хиябани в различных городах и деревнях самое активное участие принимало ополчение предводителя одного из кланов курдского племени Шаккак Исмаил Ага Симко и тюркские шахсеванские полукочевые общества из окрестностей городов Ардебил и Мешкина [21].

2.2. Дженгелийское движение

Одновременно с положением в Иранском Азербайджане к концу 1919 – началу 1920 г. политическая обстановка обострилась в провинции Гилян. Здесь вновь усилилось повстанческое движение «джангалийцев» («джангали» по-персидски «человек леса», «лесовик»). Это название было связано с тем, что основные базы повстанцев на ходились в густых лесах, чащах Гиляна. Участники движения своей главной целью провозгласили освобождение иранцев от засилья иностранцев. Большая часть партизан-дженгелийцев по национальности были представителями народности гиляк. Издаваемая ими небольшая газета «Дженгель» выходила на персидском языке, хотя на ее страницах публиковались также художественные произведения, как правило, на языке гиляки. Они принадлежали перу поэта Касмаи.

Предводитель дженгелийцев мирза Кучек хан (настоящее имя Юнус) был выходцем из духовной семьи средней руки.

Родился в 1881 г. в деревне Остадсара в окрестностях г. Решта. В течение ряда лет учился в Тегеране в религиозном училище (медресе), намереваясь получить духовное звание. Под воздействием революционных событий конституционного движения 1905–1911 гг. включился в ряды патриотов, посвятивших себя борьбе против засилья колониальных держав и шахского деспотизма. Осенью 1915 г., после высадки в Энзели передовых частей русского экспедиционного корпуса под командованием генерала Баратова, направленного в Иран для отражения наступления турецких войск на северо-западе страны, партизанский отряд Кучек хана совершал смелые рейды на русские части. Русское командование направило для борьбы с дженгелийцами сотни русских казаков. Ценой больших потерь им удалось временно подавить выступления дженгелийцев [22].

Летом 1917 г. Кучек хан и его единомышленники создали политическую организацию под названием «Эттехад-е Эслам» («Исламский союз»). Известное содействие для образования этого союза оказало младотурецкое правительство, командировав в Гилян группу турецких офицеров и унтер-офицеров. Среди инструкторов союза были также германские и австрийские военнослужащие (из числа бежавших из Туркестана военнопленных). Дженгелийцы получили из Турции партии огнестрельного оружия, боеприпасы и военное снаряжение. В этот период им удалось распространить свое влияние на некоторые волости Талыша, Мазендерана и Астрабада. К 1920 г. входившие в общество дженгелийцев партизаны выпустили программу, в которой были сформулированы их политические цели. По своему содержанию она носила просоциалистический характер [23].

Тем временем на северо-западе Ирана, в районе города Казвин, весной 1918 г. появились британские войска. Корпус английского генерала Денстервиля по указанию командования должен был добраться до Баку морским путем, через порт Энзели. Дженгелийцы под предводительством Мирза Кучек хана оказали англичанам серьезное сопротивление. Но в конечном итоге потерпев поражение, они вынуждены были идти на компромисс. 14 августа 1918 г. представитель «Эттехад-е Эслама» Реза Афшар и члены английского командования подписали двустороннее соглашение. Соглашение состояло из восьми пунктов. Англичане обязались не вмешиваться во внутренние дела Гиляна, если джен-

гелийцы в союзе с их противниками не предпримут враждебные действия в отношении британских войск. Руководство «Эттехад-е Эслам» согласилось на немедленное удаление иностранных военнослужащих из рядов своего союза. Одновременно дженгелийцы взяли на себя обязательство в дальнейшем не идти на сотрудничество с гражданами стран, воюющих с Великобританией. Было достигнуто соглашение об обмене военнопленными. Англичане, в частности, согласились освободить арестованного ими в г. Керманшахе видного иранского деятеля Солеймана Мирзу (лидера Демократической партии), а дженгелийцы – военного разведчика, капитана Ноэля [24].

Командование британских войск, однако, нарушило свои обязательства. Весной 1919 г. оно совместно с центральным иранским правительством стало готовиться к наступательной операции с целью полного разгрома дженгелийского движения. Этой операцией руководил полковник Старосельский, командир дивизии персидских казаков. В операции принимали участие британские войска, включая авиацию, а также ополчения местных феодалов из Казвина и Зенджана. Но решительного успеха этим силам над дженгелийцами достичь не удалось.

В сентябре 1919 г. командир тегеранского отряда персидских казаков обратился к Кучек хану с требованием о прекращении военных действий. В своем послании он называл руководителя дженгелийцев патриотом и в случае его сдачи обещал ему личную безопасность и всякие блага. В своем ответном письме Кучек хан отказался от посулов ротмистра. Он писал, что если правительство не в состоянии организовать борьбу за освобождение страны от иностранного господства, то сам народ во имя спасения своей родины должен взяться за оружие [25].

После этого случая вооруженные столкновения между двумя сторонами возобновились. Но к январю 1920 г. между представителями Кучека и тегеранского правительства было достигнуто соглашение о примирении. Но мир длился в Гиляне недолго.

В те дни, когда в январе 1920 г. было заключено примирение, далеко от южного побережья Каспия, в Москве, члены ЦК РКПб и правительства Российской Федерации обсуждали план вторжения в Персию (Иран) и ее советизации. Этот план уточнялся при активном участии коммунистических организаций, созданных на территории бывшей царской России, с представителями Ирана,

Турции, Средней Азии и других регионов.

25 января командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе в телеграмме на имя председателя РВСР Л. Троцкого просил ускорить высылку оружия для фронта, одновременно сообщая о предстоявшей организации революционных войск «на территории Персии и Индии» [26]. 11 марта 1920 г. председатель Совета интернациональной пропаганды Туркестана, турецкий коммунист М. Субхи и заведующий орготделом того же Совета А. Султанзаде, возглавлявший организацию иранских коммунистов «Адалят» («Справедливость»), образованную в 1916 г. в Баку, обратились к руководству Туркфронта с просьбой «разрешить формирование в Средней Азии персидских войсковых частей из иранских рабочих (отходников-мигрантов. — С.А.)» [27]. Им казалось, что при участии вооруженных сил в 20–30 тыс. человек можно добиться того, чтобы «трудовой народ Персии не только будет избавлен от английских империалистов, но раз и навсегда освобожден от собственных эксплуататоров... и войдет в братскую семью советских республик» [28].

Одновременно с этим планом, представлявшим собой попытку распространения большевистской революции на южные широты, возникла идея об установлении советского господства на Каспийском море. Тем более, для такого действия нашелся повод. Л. Троцкий выдвинул задачу о захвате и возвращении кораблей, угнанных А. Деникиным и англичанами в иранский порт Энзели, в предместье которого к тому же находился гарнизон английских войск.

Но проект инструкции командующему Волжско-Каспийской флотилии Ф. Раскольникову, составленный Л. Троцким и одобренный В. И. Лениным, содержал ряд важных в политическом отношении положений, о которых после оккупации Энзели советское руководство преднамеренно предпочитало забывать. Так, выдвигая задачу освобождения Каспия от «белого» флота, в тексте инструкции подчеркивалось, что «персидская территория остается для нас (т. е. для Советской России. — С.А.) неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания» [29]. Но это обязательство, как показал ход событий, не было выполнено. Более того, накануне проведения Энзелийской операции военно-политическая ситуация серьезно изменилась, что сильно подорвало необходимость ее проведения.

Еще до начала Энзелийской операции Ф. Раскольникову стало известно, что деникинский флот интернирован частью самими иранцами, частью англичанами. Самое главное, иранское правительство через командира входящего в Волжско-Каспийскую флотилию крейсера «Роза Люксембург» передало текст ноты правительству РСФСР. В ней иранское руководство сообщало, что оно «гарантирует беспрепятственное возвращение в русские и азербайджанские порты всех судов под русским и азербайджанским флагами». Одновременно сообщалось о желании иранского правительства установить постоянные дипломатические отношения как с Азербайджанской Республикой, так и с правительством РСФСР. Но советское военно-политическое руководство не захотело внести коррективы в свой план.

18 мая ночью корабли Волжско-Каспийской флотилии подошли к Энзели и начали бомбардировку его предместья Казьяна, где располагались артиллерийские батареи и штабы двухтысячного гарнизона английских оккупационных войск. На побережье было высажено также три десантных отряда численностью несколько тысяч человек. Из района г. Ленкорани (Советский Азербайджан) иранскую границу перешел кавалерийский дивизион и после захвата г. Астары (иранский) двинулся в сторону порта Энзели. Английские войска, оказав слабое сопротивление, быстро отступили в г. Решт. Они потеряли десять человек убитыми, а российские части – всего одного. Очень скоро англичане оставили Решт, отступив в район г. Казвина [30].

Как раз в эти дни Москва дала положительный ответ на иранское предложение об установлении дипломатических отношений с Азербайджанской ССР и РСФСР. Принимая во внимание несовместимость вооруженного вторжения на иранскую территорию с официально выраженным согласием установить с Тегераном добрососедские отношения, Народный комиссариат иностранных дел РСФСР в своей ноте тегеранскому правительству от 23 мая 1920 г. утверждал, что будто Энзелийская операция была принята по инициативе военного командования «без распоряжения» центральной власти и что «о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца» [31]. Это утверждение народного комиссара иностранных дел Г. Чичерина плохо согласовывалось с явно гру-

быми вмешательствами во внутренние дела Ирана, исходившими от советских военачальников. Дело в том, что в мае 1920 г. наряду с Энзелийской операцией, они совместно с воинскими подразделениями только что образованной Азербайджанской ССР осуществили вооруженный рейд на территорию Иранского Азербайджана. Это вторжение, в ходе которого были временно захвачены иранская Астара и Ардебиль, завершилось тяжелым поражением для 7-го Ширванского пехотного полка, укомплектованного в основном азербайджанскими аскерами (солдатами). Потеряв в столкновениях с шахсеванскими племенами убитыми, ранеными и пропавшими без вести часть своих «красных аскеров», полк вынужден был отступить.

Иранское правительство в своей ноте протеста подчеркивало, что ко времени вторжения большевистских красногвардейцев на территорию Астары и Ардебил там не было каких-либо следов присутствия «белых» [32].

Ленин и его соратники согласились с предложением тегеранского правительства начать переговоры с целью установления официальных дипломатических отношений. В постановлении, принятом на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 г., Раскольникову вменялось в обязанность «убрать русские войска и красный флот из Энзели и других пунктов». При этом он должен был заявить, что «это делается по распоряжению советского правительства ввиду полного нежелания последнего вмешиваться во внутренние дела Персии». В то же время в постановлении говорилось: «Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного содействия Кучек хану» [33]. Еще большую двойственность содержали директивы Л. Троцкого для Ф. Раскольникова, составленные на базе этого постановления. Так, в них говорилось: «Оказать всемерное содействие Кучек-хану и вообще освободительному народному движению в Персии оружием, инструкторами, добровольцами, деньгами и прочим, сдав в руки Кучек хану занимаемую ныне нами территорию... если для успеха дальнейшей борьбы Кучек хана необходимо участие военных судов, оставить таковые под флагом Азербайджанской Республики и оказывать от ее имени помощь Кучек хану. Тайно помочь организовать в Персии широкую советскую агитацию» [34]. Более «изящно» выражаясь, зам.

Наркома иностранных дел Л. Карахан, интерпретируя директиву Троцкого, в телеграмме к Ф. Раскольникову и С. Орджоникидзе писал: «Мы не возражали бы против организации новой власти по типу Советской власти, причем государственно-административный аппарат был бы советским, но без нашего социального содержания...» [35] Не возражая против осуществления мер по советизации в Гиляне, он предлагал советским деятелям при этом оставаться «совершенно в тени». В то время, когда в Москве советские руководители приступили к официальным переговорам с полномочными представителями тегеранского правительства, в Гиляне, Реште и Энзели разыгрывались драмы совершенно иного характера. О них говорилось в докладной записке для советского руководства, подготовленной одним из активных участников дженгелийского движения М. С. Мозаффарзаде.

Мир Салех Мозаффарзаде писал: «После занятия гор. Энзели т. Раскольниковым и в момент переговоров с т. Кучук-Ханом относительно создания новой революционной власти, появившиеся из Баку т. Агаев и т. Джавад-Заде приступили к организации компартии. Т. Агаев начал разжигать умы персидских рабочих в городе Энзели против мелкобуржуазного класса в тот момент, когда английские отряды находились в городе Реште, а войска Мирзы Кучук-Хана в лесах, а сам товарищ Кучук-Хан в городе Энзели.

Среди населения послышался ропот негодования и попытка восстать, но Мирза Кучук-Хан умело успел успокоить возмущенные умы. Еще во время переговоров Кучук-Хана с Раскольниковым, последнему пришлось поставить на вид, что подобная агитационная тактика в данный момент неуместна и может губительно отозваться на успешном ходе персидской революции. Это сейчас же было доказано фактом, когда население Энзели лихорадочно начало вооружаться и покидать город, а в это время товарищи коммунисты продолжали призывать персидских рабочих к грабежу имущих, конфискации их недвижимости. Они (т. е. коммунисты. — С.А.) затронули даже такой серьезный вопрос для Востока, каким является женский вопрос, призывая население к снятию с лиц персидских женщин чадры и раскрепощению персиянки, не учитывая того, что это вековой обычай. Были даже случаи, когда большевистские ораторы призывали к социализации персиянки.

Население города Энзели, почитая и уважая Мирзу Кучук-

Хана, обратилось к нему, умоляя принять меры по прекращению безобразия. Этот вопрос, являвшийся принципиальным, был обсужден в присутствии членов ЦК партии товарищей Орджоникидзе, Раскольников, Кожанова и Абукова. Тут же, на пароходе “Курск”, товарищ Орджоникидзе отдал приказ партии “Адалат” прекратить агитацию и всецело работать с правительством Мирза Кучук-Хана, выдвинув лозунг “Долой англичан и их наймитов – шахское правительство”.

После подробного знакомства с личностью Мирза Кучек хана и обмена мнениями тт. Раскольников и Орджоникидзе выразили глубокое убеждение, что они имеют дело с идейным коммунистом и, основываясь на доверии к нему, уполномочили его возглавить (в Гиляне. – С.А.) Советскую власть. Мирза Кучек хан, согласившись на организацию Советской власти на принципах высказанных идей, упомянул, что иной лозунг станет серьезным тормозом хода революции в Персии...

Не желая терять драгоценное время, товарищ Мирза Кучек хан приступил к организации временного правительства.

В это время англичане принялись за поспешную эвакуацию Решта, который и был занят Кучек ханом 4 июня сего года. Он был небывалым энтузиазмом встречен населением города без различия классов. На второй день после занятия Решта Красный Революционный комитет из своей среды организовал Совнарком, опубликовал декрет, объявляющий Персию Советской Республикой.

Спустя два дня приступил к деятельности... РВС Персидской республики с председателем мирзой Кучек ханом, Главкомом Эхсануллой и членами Мозафар-Заде, Хасаном Ильяни и Кожановым, как спеца, предложив последнему принять псевдоним “Ардашир”...

Игнорируя приказ тт. Раскольников и Орджоникидзе о прекращении с их стороны рискованных для Востока агитаций... товарищи Агаев и Джавад-Заде при покровительстве тов. Абукова, продолжали свою опасную для хода революции деятельность. В тот момент, когда Совнарком при трудных условиях добывал средства для вновь создаваемой Красной Армии, он засыпался жалобами на действия этих товарищей.

Таким образом, в Энзели создалось многовластие. В противовес коммунистическому комитету, со стороны населения был образован комитет “Свобода Ирана”, и обе эти организации воо-

ружались и каждый жаловался друг на друга, засыпая Совнарком жалобами.

Партия “Адалят” заявляла, что якобы товарищ Мирза Кучек хан поддерживает комитет “Свобода Ирана”, вооружая его против “Адалят”... И для того, чтобы прекратить дальнейшее многовластие в г. Энзели, предписывал Р.В.С. (Революционный Военный Совет) командировать туда комиссию, составленную из членов Р.В.С. т.т. Хасана Ильяни, Пылаева и, приняв на месте меры к устранению многовластия, обезоружить как ту, так и другую сторону для предотвращения возможного кровопролития, а власть города передать правительственному комиссару...

На съезд Коммунистической партии в Энзели прибыло из Баку около 20 человек во главе с товарищем Нанишвили. Съезд... для успешного хода персидской революции постановил переименовать партию “Адалят” в партию “иранских коммунистов”. Были выработаны тезисы, выставив лозунг “Долой англичан и продавшееся им шахское правительство”. Съезд выразил полное доверие т. Мирза Кучек хану...»

Данный отчет, составленный М. С. Мозаффарзаде, по содержанию очень близок другому, автором которого является Т. Чилингарьян, один из первых иранских социал-демократов. В то же время в письменной информации последнего имеется одно любопытное сведение, которое свидетельствует, что советский десант, захвативший Энзели, не собирался покидать иранскую территорию. Так, Чилингарьян писал: «Товарищ Абуков произнес двухчасовую речь, которая прерывалась для перевода на фарси. Он сказал: “Большевики прибыли в Энзели, во-первых, для получения российского госимущества; кораблей, орудий, оставленных в Энзели деникинцами; во-вторых, приняв приглашение персидского революционного вождя Мирза Кучек хана, для того, чтобы прогнать англичан. Несмотря на это, большевики оставят Персию сейчас же, если персидский народ не захочет, чтобы они остались в Персии” [36]. Если принимать во внимание, что военком Б. Абуков произнес эти слова 19 мая 1920 г. на митинге в Энзели, т. е. сразу же после его оккупации и до встречи с руководителем операции Кучек ханом, становится ясным, что главной целью большевиков уже с самого начала была революционная «экспансия» или, как говорят в наше время, экспорт революции в Иран.

Характерно, что советские партийные и государственные

деятели, направленные в Гилян, имели далеко неоднородные воззрения в отношении перспектив развития «советского движения в Иране». А. Султанзаде, избранный на I съезде Иранской компартии (23 июня) в Реште ее руководителем, например, был известен своими левацкими взглядами. Переоценивая просоветские большевистские настроения среди гиланских и в целом иранских демократов, он писал: «Проводить в Персии политику поддержки буржуазно-демократического движения, значит толкать массы в объятия контрреволюции».

А. Султанзаде призывал «создать и поддержать чисто коммунистическое движение в противовес буржуазно-демократическим течениям» [37]. Применение подобных крайних левацких взглядов в иранской действительности нанесли огромный урон не только иранским коммунистам, но и национально-демократическому движению, возглавляемому мирза Кучек ханом. Грубо нарушая достигнутые договоренности с Кучек ханом, такие левые деятели, как Б. Агаев, Б. Л. Абуков, Б. Мдивани и другие, выдвигали нелепые идеи относительно задач только что образованной компартии. Мдивани говорил, что компартия должна стать как можно скорее во главе революционного движения и занять руководящее положение в стране. Кучек хан, осознав, что левацки настроенное руководство ИКП деятельно готовится к перевороту, направленному против него и его соратников, 19 июля ушел в Фумен, расположенный в глубине гиланских лесов, где во время войны находилась его база [38]. 30 июля в Реште состоялось заседание ЦК Иранской компартии, на котором было принято решение о необходимости низвержения власти Кучек хана и его соратников. Прибывший из Баку А. Микоян в своем докладе «О текущем моменте» фактически повторяя уже высказанную Б. Мдивани идею, заявил, что «историческим ходом Персидской революции Иранская компартия должна стать у власти» [39].

В ночь на 31 июля 1920 г. входящие в Персидскую Красную армию* части приступили к широкой репрессивной вооруженной акции в отношении частично оставшихся в Реште подразделений отряда Кучек хана, а также его соратников и сторонников.

* Персидская Красная армия была сформирована Ф. Раскольниковым. Ее костяк состоял из советских военнослужащих, прибывших в Гилян в составе подразделений, участвовавших в операции по захвату Энзели в мае 1920 г.

Несколько десятков верных Кучек хану повстанцев, политических деятелей, чиновников было убито и арестовано [40].

Новое революционное левачкое правительство Гиляна по желанию коммунистов возглавил известный в прошлом анархист Эхсанулда хан. Новое правительство провозгласило изгнание англичан и свержение иранской монархии своими важнейшими целями. Поход на Тегеран был объявлен ближайшей задачей. В политическую программу были включены такие реформы, как национализация всех средств производства, включая конфискацию всех помещичьих (феодалных) земель и их распределения крестьянам. Было заявлено о конфискации обширных имений Восуг од-Доуле, Сепакдара, Амин од-Доуле и других в Гиляне. Однако политический курс, который правительство Эхсануллы осуществляло насильственными средствами, опираясь на Персидскую Красную армию, вызвал резко негативную реакцию среди основной массы населения края.

Военные операции против англичан и персидских казаков в районе Менджиля, против крупных землевладельцев-феодалов в соседней провинции Мазендеран и в Талыше приостановились. Фетва одного из крупных муджтехидов Ардебилля, в которой действия «большевиков» (т. е. гилянских коммунистов) характеризовались как деяния антиисламские, способствовала объединению консервативных сил [41]. Проживавшие в окрестностях Ардебилля племена шахсеван приступили к новым набегам в соседние гилянские волости. В этих условиях тегеранское правительство и английские военные власти предложили сотрудничество Кучек хану и его сторонникам. Но от Кучек хана ответа не последовало. Все это наглядно продемонстрировало крах авантюристической политической линии партийного руководства Советской России и Азербайджанской Советской Республики. Москва стала реагировать на провал в Гиляне. Чичерин заговорил о возможном крахе «персидской революции». А. Микоян и Б. Мдивани были отстранены от руководства иранскими делами. Было распущено созданное в Баку так называемое «Иранбюро» [42].

Но двойственность политики в отношении Ирана сохранялась. По указанию главы Кавказского бюро ЦК РКП(б) С. Орджоникидзе в конце августа для освобождения Решта от шахских войск в Гилян был направлен полк 28-й Российской дивизии [43]. В то же время Москва в официальной переписке с Тегераном

упорно отказывалась признавать вооруженное вмешательство во внутривнутриполитическую борьбу за власть в Гиляне.

20 сентября 1920 г. на обсуждении в Москве политики Советской России в отношении иранской ситуации приняли участие ведущие партийно-государственные деятели – Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Каменев и др. Встреча была посвящена рассмотрению предложений Народного Комиссариата Иностранных Дел (НКВД) по Ирану [44].

Пленум ЦК РКП не поддерживал интервенционистский вариант, но от него полностью и не отказывался [45]. Ведь предложение пленума относительно официальных переговоров НКВД с иранской делегацией не содержало запрета на продолжение помощи гилянским повстанцам. Одновременно И. Сталину было поручено «упорядочить всю нашу политику на Кавказе и на Востоке». Для выполнения этого поручения И. Сталин ездил в Баку.

27 ноября Политбюро приняло следующее решение по докладу И. Сталина (его текст был подготовлен Лениным): «Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т. е. больше направленную к тому, чтобы избежать войны. Не ставить своей задачей поход ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию» [46].

На следующий день, 28 ноября, НКВД уведомил иранское правительство о назначении Ф. Ротштейна на пост полномочного представителя РСФСР в Тегеране.

Несмотря на подобное решение и начало официальных переговоров с представителями шахского правительства, военно-политическое вмешательство большевиков на ход политической борьбы в Гиляне продолжалось.

Во время пребывания Сталина в Баку, при его непосредственном участии, произошло отстранение А. Султанзаде от руководства Иранской компартии. Его политика «чистого коммунизма» сыграла чуть ли не основную роль в углублении разногласий коммунистов с Кучек ханом. В качестве руководителей в состав ЦК Иранской компартии были введены Хейдар хан Амуоглы и «бакинские рабочие персы» [47].

Новый лидер ИКП разработал документ, в котором давалась оценка «текущего момента» и излагались программные тезисы Иранской компартии. В них была провозглашена необходимость отказа от проведения чисто социалистических (коммунистических)

мер. В борьбе против шахской власти, крупных феодалов и империализма выдвигалась идея союза со всеми классами, включая среднюю буржуазию. Признавалась необходимость нового соглашения с Кучек ханом и его соратниками. В тезисах говорилось о недопустимости оскорбления коммунистами религиозных чувств верующих. После предварительных переговоров Кучек хан согласился на приезд в Гилян Хейдар хана Амуоглы.

6 мая 1921 г. после длительных переговоров Хейдар хан и члены нового ЦК Иранской компартии подписали соглашение о сотрудничестве с Кучек ханом [48]. Тем не менее, руководство Азербайджанской Советской Республики в июле 1921 г. совместно с представителем ЦК на Кавказе С. Орджоникидзе поддержало поход Эхсанулла хана в Тегеран. После провала этой операции Москва оказалась вынужденной принять определенные меры с тем, чтобы не допустить нарушения своего решения о прекращении всяческой помощи и поддержки левому прокоммунистическому движению в Гиляне. Такие действия в конечном итоге обусловили ослабление противостоящих шахскому правительству сил в Гиляне. Одновременно обострились разногласия между Хейдаром Амуоглы и Кучек ханом. Попытка Кучек хана путем внезапного вооруженного нападения (29 сентября 1921 г.) разгромить руководство компартии во главе с Хейдаром Амуоглы, а также Халу-Курбана и его сторонников переросла в кровавую драму, результатом которой в конечном счете стала гибель выдающихся политических деятелей – Кучек хана, Хейдара Амуоглы и ряда активных участников гилянского революционного движения. После этих событий, которые имели место в сентябре – октябре 1921 г., дженгелийскому движению пришел конец. В начале ноября 1921 г. в Гиляне и других прикаспийских провинциях была восстановлена власть шахского правительства.

После распада монархии вопрос о характере антиправительственных выступлений в Иранском Азербайджане и Гиляне, возглавляемых шейхом Хиябани и Кучек ханом, вновь привлек внимание иранских и зарубежных исследователей. Попытка некоторых авторов рассматривать упомянутые движения как сепаратистские вызвала резкое возражение не только иранских, но и зарубежных историков.

В частности, известный американский ирановед профессор Р. Кедди в своей недавно вышедшей книге пишет: «...Ни Хия-

бани, ни Кучек хан, ни возглавляемые ими движения не носили сепаратистского характера. Наоборот, они рассматривали себя и своих последователей как защитников национальных интересов перед лицом центрального правительства, которое было коррумпированным и неэффективным. Оно полностью контролировалось Великобританией.

В Гиляне и Азербайджане британская политика была направлена на защиту интересов центрального правительства от локальных движений» [49].

К этим словам следует добавить, что в названных провинциях английские разведчики вели активную работу по организации «оппозиционных» групп против национально-демократических движений. Так, Ахмед Кесрави (1890–1946), впоследствии знаменитый иранский историк, был выдворен хиябанистами из Тебриза за свои тайные контакты с официальными представителями Великобритании.

Следует отметить, что некоторые советские деятели оказались не в состоянии объективно оценить характер дженгелийского движения, искажали образ его руководителей, в первую очередь Кучек хана. Крайним субъективизмом, в частности, отличалась характеристика Кучек хана, данная ему советским полпредом в Иране Ф. Ф. Ротштейном. Судя по всему, обладая поверхностными представлениями об иранской ситуации и о личности Кучек хана, Ротштейн в своем докладе Г. Чичерину от 24 октября писал: «Я достаточно уже ознакомился с персами различного типа, чтобы видеть в Кучик-Хане лишь одну из разновидностей искателей доходов и грабителей государственной казны, которыми кишмя кишит вся Персия. Кучик-Хан не принадлежит ни по своему происхождению, ни по служебному стажу к вельможным кругам, пользующимся монополией в эксплуатации государственной казны, придумал для себя роль революционера с целью получить от нас средства для образования собственной сатрапии, к шантажу центрального правительства» [50]. Подобная характеристика видного популярного предводителя дженгелийского движения явная нелепость. Тем более что автор для подтверждения своих слов не ссылается ни на письменные документы, принадлежащие перу Кучек хана, ни на свидетельства знавших его деятелей [51]. Одновременно Ф. Ротштейн без веских оснований положительно оценивал деятельность военного министра Реза хана.

Видимо, советский полпред имел слабое представление о личности и политических устремлениях Реза хана и не был осведомлен о его тайных связях с англичанами.

Ряд партийно-государственных деятелей обвинили Ротштейна в том, что «он поддерживал шахское правительство против повстанцев», т. е. участников дженгелийского движения [52]. Однако Чичерин активно защищал действия полпреда. Такова была и позиция Ленина.

В письме (16 июля 1921 г.) к Ленину Чичерин писал: «Тов. Орджоникидзе дисциплинирован, если есть постановление ЦК. Мне кажется поэтому в высшей степени желательным, чтобы Политбюро предписало тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и учреждениям на Кавказе строго следить, чтобы русско-персидский договор (речь идет о договоре 1921 г. – С.А.) и директивы ЦК и НКВД о персидской политике ни в коем случае не нарушались никакими советскими учреждениями и должностными лицами и партийными организациями» [53].

Противоречия между сторонниками поддержки «повстанческого движения» (по цитированию документов того времени) в Гиляне и приверженцами установления государственных отношений с шахским правительством были обусловлены рядом объективных факторов и обстоятельств. Одно из важнейших состояло в том, что на Южном Кавказе, особенно в Азербайджане, среди большевиков было немало мигрантов из Ирана (азербайджанских тюрок, персов, гиляков), одержимых идеей расширения большевистской революции на Иран. Это устремление поддерживали такие видные партийные деятели, как Нариманов, Орджоникидзе, Киров, Микоян и другие.

2.3 Советско-иранский договор 1921 г.

Несмотря на продолжение усилий по «советизации» Гиляна, руководство РСФСР одновременно, начиная с мая 1920 г., в интересах становления и упрочения новой большевистской российской государственности, не преминуло проводить линию на установление официальных отношений с шахским правительством. Начиная с ноября 1920 г. в Москве руководство НКВД приступило к переговорам с полномочным послом Ирана Мошавер оль-Мамалеком (Али-Коли ханом) с целью составления текста советско-иранского всеобъемлющего договора. Эти переговоры 10 декабря в основном

были завершены. Но сторонам не удалось достичь согласия по некоторым важным вопросам. К концу года почти все трудности были преодолены.

29 декабря 1920 г., выступая на VII Всероссийском съезде Советов, председатель Совнаркома (СНК) В. И. Ленин, избегая сообщить делегатам что-либо относительно еще не завершенной большевистской авантюры, касавшейся советизации Ирана, торжественно заявил: «Мы можем приветствовать также предстоящее подписание договора с Персией, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма».

26 февраля 1921 г. в Москве состоялось официальное подписание советско-иранского договора. В его преамбуле говорилось: «Желая видеть персидский народ независимым, процветающим и свободно распоряжающимся всем своим достоянием, Российское Советское правительство объявляет все трактаты и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отмененными и потерявшими всяческую силу» [54].

По договору 1921 г. советское правительство аннулировало и отвергло как русско-иранские, так и все другие договоры, заключенные царским правительством с третьими державами в ущерб интересам Ирана. Оно заявило о своем отказе от участия в каких-либо мероприятиях и соглашениях, «приводивших к ослаблению и нарушению суверенитета Ирана (статья 2).

Советское правительство добровольно отказалось в пользу Ирана от островов Ашур-Ада и других, расположенных на Каспийском море вблизи иранского побережья.

Принципы невмешательства во внутренние дела соседа и взаимоуважения суверенитета составили основное содержание статьи 4 договора.

Советское правительство отказалось «от всяческих прав на займы, предоставленные Ирану царским правительством» (статья 8). Общая сумма этих займов, не считая процентов по ним, к 1917 г. составляла 65,5 млн. руб. золотом. Правительство РСФСР безвозмездно передало Ирану право на владение шоссейными дорогами Энзели–Тегеран и Казвин–Хамадан, со всеми относящимися к ним землями, постройками и инвентарем; также были переданы железнодорожные линии Джульфа–Тебриз и Софьян–Урмийское

озеро со всеми постройками и имуществом; все выстроенные бывшим царским правительством в пределах Ирана телеграфные и телефонные линии; порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и т. д.; пристани, товарные склады, пароходы, баржи и др. на Урмийском озере.

Договор отменял режим капитуляций, которым пользовалась Россия с конца первой четверти XIX в. Одним из важных положений договора 1921 г. стало признание советским правительством права Ирана держать под своим флагом флот на Каспийском море (статья 11). Договор предоставлял Ирану права транзитной торговли через советскую территорию. Такое же право было предоставлено советскому правительству. Обе стороны предоставляли при этом друг другу права «наиболее благоприятствуемой нации». Однако право транзита предоставлялось только в одном направлении через территорию договаривающихся стран в третьи, но не обратно.

Статья 5 договора лишала Иран и РСФСР права допускать на своей территории образование или пребывание организаций, групп или отдельных лиц, ставивших своей целью вооруженную борьбу против другой стороны. Принимая во внимание прежде всего попытку Великобритании использовать иранскую территорию в качестве плацдарма в своей захватнической политике в отношении РСФСР и союзных ей республик, в договор была включена специальная статья, шестая. В ней говорилось, что в случае использования третьими державами иранской территории в качестве базы для вооруженного нападения на РСФСР и союзные ей государства, если Иран «после предупреждения со стороны Российского Советского правительства не окажется в силе отвлечь эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые меры». По устранению данной опасности советские войска должны быть немедленно выведены за пределы иранской территории. Заключение договора с подобной статьей вынудило английские власти умерить свои политические амбиции в отношении Ирана.

Разумеется, заключение договора 1921 г. явилось значительным позитивным шагом в истории внешних отношений Ирана. В той или иной степени договор содействовал стабилизации внутриполитического положения в Иране и тем самым появлению

условий для возрождения централизованного государства. В то же время в договоре не был поставлен вопрос относительно огромного ущерба, морального и материального, нанесенного Ирану Россией. В статьях 5 и 6 не был соблюден принцип равноправия. Условия этих статей сформулированы с явным нарушением суверенных прав Ирана. Этот вопрос впоследствии неоднократно вызывал недовольство в политических кругах Ирана.

История заключения и ратификации советско-иранского договора 1921 г. имела и ряд теневых сторон. В договоре не были указаны сроки и условия вывода советских войск с иранской территории. Несмотря на заявления советских руководителей о добровольном отказе от всех привилегий старой России в Иране, в ходе московских переговоров Г. Чичерин и Л. Карахан настойчиво добивались сохранения за РСФСР на севере Ирана двух концессий – нефтяной и рыбной. До революции они принадлежали частному российскому капиталу. Рыболовную концессию советским представителям сохранить удалось. На ее базе в 1927 г. было образовано совместное производственно-коммерческое общество «Иранрыба». В целом общество внесло значительный вклад в развитии иранского рыбного хозяйства на юге Каспия. Оно было национализировано иранским правительством в 1953 г. Вопрос о судьбе нефтяной концессии долгое время оставался в подвешенном положении, пока иранское правительство в начале 50-х годов официально не отвергло каких-либо прав Советского Союза на так называемую «нефтяную концессию» в Иране.

2.4. События в Хорасане

Еще одним регионом, ставшим в начале 20-х годов центром политического брожения, был Хорасан. В советской историографии происходившие здесь события относились в основном к разряду революционных и национально-освободительных движений. Однако документальные материалы, большинство из которых стали доступны исследователям за последние два десятилетия, вызывают серьезные сомнения в справедливости этих оценок.

Преувеличение значения антиправительственных выступлений этого периода характерно и для ряда иранских авторов, в частности отличавшихся враждебностью по отношению к режиму Реза шаха. В качестве «первоисточников» для освещения хода политической борьбы, ее участников истории и публицисты в

Советском Союзе во многих случаях пользовались обобщениями и оценками советских газет и журналов 20–30-х годов, которые не отличались объективностью. В них нередко встречаются явные искажения. Все это можно объяснить еще и тем, что большевистские деятели из Средней Азии и Москвы пытались направить антиправительственные или антишахские локальные мятежи в Иране 20-х годов в русло «революционных» выступлений.

Одним из таковых, например, был антиправительственный мятеж под предводительством Ходоу. Его настоящее имя – Худаверди хан. В советских исторических работах его иногда называли «пастухом» [55]. На деле Ходоу был предводителем одного из подразделений крупного курдского племени Зафаранлу, проживавшего на северо-востоке Хорасана, в округе Ширван. К 1920 г. ему принадлежали земли и рабочий скот двадцати пяти деревень. Их жители должны были отдавать Ходоу в качестве арендной платы половину собранного урожая. Собственником указанных земель он стал, судя по всему, в годы Первой мировой войны при помощи вооруженной дружины из числа своих соплеменников. Вооруженное антиправительственное восстание Ходоу и его брата произошло в 1917 г. Основной базой для Ходоу и членов его дружины служила старинная крепость Гильян, расположенная в труднодоступной гористой местности северо-восточного Хорасана.

Личность отважного разбойника Ходоу привлекла внимание большевика с Урала Габайдуллы Ишмуратоглы Калакова, возглавлявшего весной 1920 г. отделение Совинтерпропа в Полторацке. В записке Совинтерпропа, где обосновывались причины привлечения курдского предводителя на революционную деятельность, первостепенное значение придавалось планам «похода в Индию». «Курды, – говорилось в записке, – как пасынки персидского правительства, есть наиболее подходящий материал для восприятия советских идей, и они же как самый живой элемент, как изучившие дорогу в Индию всего сто лет тому назад при Надир шахе (Надир шах совершил поход в Индию в 1738–1739 гг. – С.А.), и ныне могут и должны служить авангардом при вторжении в Индию...» Получив одобрение и поддержку вышестоящего руководства, Калаков и его сотрудники разработали для Ходоу план захвата города Кучана, где размещалась небольшая база британских войск со складом оружия и запасами продовольствия. Из советского Туркестана ему тайно были переправлены оружие и боеприпасы [56].

Согласно иранским данным, первоначально Ходоу достиг заметных успехов в борьбе против англичан. Однако иранские власти, узнав о дерзких планах Ходоу, который намеревался расширить контролируемую им территорию, срочно предприняли меры по предотвращению его дальнейших действий. Ходоу и прикомандированный к нему из Полторацка военный В. Иванов не сумели оказать решительного сопротивления правительственным войскам и ополченцам полукочевых племен Хорасана. Они были разгромлены. (Совместная операция племенных ополченцев и нарядов жандармерии против Ходоу была организована губернатором Хорасанской области Ахмедом Кавам ос-Салтане.) 6 августа 1920 г. они бежали в Туркестан. В Москве Ходоу удалось попасть на прием к высокопоставленным советским деятелям, включая Троцкого. Но он не произвел на них впечатления. Вернувшись в Туркмению, Ходоу (без санкции советских властей) во главе плохо вооруженной группы перешел на иранскую территорию, где вскоре был арестован и казнен. Трагической оказалась и судьба многих его близких родственников, в том числе детей, а также соратников.

После подавления мятежа Ходоу Хорасанская область (аялет) стала ареной ряда новых вооруженных смут и мятежей. Среди них самым значительным было антиправительственное выступление полковника Мохаммед Таги хана, командовавшего жандармерией области.

Данное выступление стало в известной степени отголоском происшедшего в феврале в Тегеране государственного переворота. Ибо поводом для возникновения острого противоречия между Мохаммед Таги ханом и бывшим губернатором Хорасана Кавам ос-Салтаной послужили результаты переворота. Назначенный в 1919 г. правителем Хорасана Кавам ос-Салтане был братом известного политического деятеля Мирза Хасан хана Восуг од-Доуле, занимавшего с августа 1918 г. пост главы правительства. За время своего пребывания на посту губернатора области Кавам ос-Салтане сумел сколотить значительное состояние и войти в число самых могущественных деятелей северо-восточного Ирана [57]. Он вел неустанную борьбу за расширение своей политической позиции в Хорасане. По его инициативе была укрупнена жандармерия. Не без его участия осенью 1920 г. командующим жандармерией в Хорасане был назначен известный своими связями с

националистическими кругами, в частности с руководителями Демократической партии, полковник Мохаммед Таги хан [58].

Назначенный после февральского переворота 1921 г. главой правительства, Сеид Зия Табатабаи в конце того же месяца направил в Мешхед секретную телеграмму на имя Мохаммед Таги хана. В ней командующему жандармерией и правительственным силам вменялось в обязанность немедленно взять под стражу губернатора области Ахмед хана Кавам ос-Салтане и отправить его под конвоем в столицу. Одновременно по указу Сеид Зии правителем Хорасана был назначен Мохаммед Таги хан. В самом начале апреля 1921 г., в последний, тринадцатый, день праздника Навруз, Кавам ос-Салтане по приказу Мохаммед Таги хан был задержан. Вскоре он оказался в тюрьме Эшратабад в столице [59].

Пребывание бывшего губернатора в тюремных покоях длилось недолго. 25 мая 1921 г. Сеид Зия по указу шаха («в интересах страны») был смещен с поста премьер-министра. Арестованная по указанию бывшего премьера большая группа сановников и других представителей правящей аристократии была освобождена. Среди них был и Кавам ос-Салтане. Через четыре дня по указанию Ахмед шаха ему был предложен пост главы правительственного кабинета [60].

Возникла ситуация, при которой конфликт между бывшими коллегами оказался почти неизбежным. Мохаммед Таги хан был объективным сторонником Сеид Зии. К тому же он отличался явной неприязнью в отношении Кавама. Напомним, что при аресте Кавам ос-Салтане по приказу Мохаммед Таги хана были конфискованы его наличные деньги и драгоценности.

Мохаммед Таги хан предпринял ряд мер, которые шахским двором были восприняты весьма негативно. Он объявил в Хорасане осадное положение. Арестовал ряд крупных чиновников и служащих крупнейшего в Иране вакуфа гробницы Имама Резы в Мешхеде, что вызвало у Ахмед шаха резкое недовольство. Он открыто заявил о своем политическом недоверии к Кавам ос-Салтане как к главе правительства.

В ответ премьер-министр объявил Мохаммед Таги хана мятежником [61]. В этой ситуации обреченность восстания полковника жандармерии стала очевидной, особенно если учесть общественно-политическую специфику Хорасана. В состав области входили шесть наследственных ханств и восемь округов (махалов).

Значительную часть населения области составляли кочевники и полукочевники. С точки зрения этнической принадлежности и языка хорасанцы разделялись на персов, тюрок (в том числе азербайджанских), курдов, туркмен, белуджей, арабов, хезарейцев и т. д. Эти общности не были интегрированы и между ними существовали разногласия, особенно между оседлыми общностями и полукочевниками. Большая часть обрабатываемых земель и рабочего скота в Хорасане принадлежала крупным землевладельцам (ханам, сардарам и арбабам).

Предводители кочевых и полукочевых племен содержали вооруженные дружины всадников из числа своих соплеменников. Особенно большое число ополченцев имели Сардар Боджнурда Моаззез и правитель Каината и Систана Амир Ибрахим Шоукет оль-Моляк и ряд других [62].

В чрезвычайных случаях правительство от имени шаха призывало местных правителей и предводителей племен мобилизовать «резервистов» для выполнения определенной военно-политической задачи. Часто ханы и вожди племен, имевшие между собой порою острые противоречия, в подобных случаях выступали на стороне правительства единым фронтом. Это произошло во время подавления антиправительственного выступления Ходоу. Так было и в случае с мятежом жандармских частей, возглавляемых полковником Мохаммед Таги. Ханы, главы махалов (волостей) и предводители полукочевых племен получили телеграммы, в которых Кавам ос-Салтане, назвав командующего жандармерией мятежником, призвал организовать против него военный поход. При этом премьер от имени шаха обещал им всем вознаграждение и новые титулы [63]. Жандармские части были не в состоянии оказать сопротивление иррегулярным войскам. И после гибели (4 октября 1921 г.) полковника Мохаммед Таги хана [64] и группы верных ему жандармов большинство участников антиправительственного выступления сложили оружие. Ахмед шах издал указ о помиловании всех участников антиправительственного выступления, руководимого полковником Таги ханом. В Хорасане постепенно была восстановлена власть центрального правительства.

2.5. Перемены в английской политике.

Переворот 1921 г. Низложение династии Каджаров

Подписание англо-иранских документов 1919–1920 гг. (соглашение 1919 г.; соглашение между АПНК и иранским правительством от 22 декабря 1920 г.; таможенная конвенция) внешне свидетельствовали о значительных успехах английской дипломатии. Несмотря на это, к началу 20-х годов английские власти чувствовали себя в Иране весьма неуютно. Стремление установить свой контроль над иранской экономикой и политикой, расширение военного присутствия и другие меры Великобритании встречали растущее недовольство широкой общественности.

Наиболее ярким выражением этого недовольства было национально-освободительное движение и мятежи, охватившие Гилян, Иранский Азербайджан, частично Хорасан и другие районы страны. Его участники требовали вывода из Ирана английских войск и демократизации общественно-политической жизни. Демократическая интеллигенция в столице призывала к активной борьбе против английских властей и их иранских приспешников.

Английские власти, однако, не собирались покидать иранскую сцену. В изменившихся условиях они отработывали различные варианты плана, направленного на сохранение и упрочение своих позиций в Иране. В телеграммах и письмах, которыми обменивались в течение 1920 г. английские дипломаты и военные, обсуждались основные элементы английской политики в Иране в случае денонсации соглашения 1919 г. Из этих документов следует, что подъем антиимпериалистического движения в Иране, победа Советской власти на Кавказе и Туркестане, рост антивоенных выступлений в самой Англии, а также экономические трудности вынуждали правительство консерваторов не настаивать на утверждении соглашения 1919 г. Однако английские политики не желали полностью отказываться от идеи соглашения. Они решили видоизменить политику, сделав свое влияние на Тегеран менее откровенным, но сохранить при этом, по возможности, экономические позиции и политические связи в Иране.

Предложения о контурах новой английской политики и ее вероятных вариантах, в зависимости от хода событий, были изложены в посланиях, направленных в Лондон верховным комиссаром Великобритании в Месопотамии сэром Перси Коксом и английским посланником в Тегеране Германом Норманом. Их

идеи, содержащиеся в указанных посланиях, прежде всего в телеграмме Кокса от 29 января 1920 г., легли в основу нового политического курса Великобритании в Иране.

В начале телеграммы Кокса говорилось, что под давлением общественного мнения метрополии правительство Великобритании, по-видимому, будет вынуждено принять решение об эвакуации своих военных частей из Ирана. Далее Кокс писал:

«Однако, поскольку еще не выработана... позитивная политика, способная уменьшить отрицательные последствия подобного шага, эвакуация наших войск из Ирана приведет к расстройству и разрушит наши коммерческие позиции и экономическое влияние, для установления и упрочения которых приложили свои усилия в течение десятилетий целые поколения. Политический отзвук этого сразу же дойдет до Афганистана и Ирака Арабского.

С учетом нынешнего всеобщего отрицательного отношения в Иране к соглашению 1919 г. (являясь разумным и справедливым, оно, тем не менее, дало в руки большевиков эффективное и грозное оружие, облегчившее их пропаганду против нас), я ... думаю, что от соглашения стоит отказаться, в крайнем случае в его нынешней форме, и что не следует больше считать его, как это говорится в тексте соглашения, основой для британской политики в будущем.

...Следует подумать о таком соглашении, которое было бы приемлемым для иранского Национального собрания (меджлиса). Ко времени заключения нового соглашения в Иране может сложиться такая ситуация, что возникнет необходимость согласиться на замену нынешнего шаха (Ахмед шаха Каджара) другим представителем династии или же на замену династии целиком. Если такая необходимость появится, то, я думаю, нам следует подчиниться велению времени и согласиться на подобные перемены. Сохранение близких и дружественных отношений с вождями бахтиарских племен – для нас жизненно важный вопрос. Не следует забывать ту истину, что в настоящее время Исфахан, Йезд, Керман управляются губернаторами – выходцами из этого племени» [65].

Некоторые важные пункты телеграммы П. Кокса в принципе совпадают с содержанием телеграммы, направленной главой английской миссии в Тегеране Керзону 28 января 1921 г. Норман также рассматривал возможные действия Англии в случае победы

продемократических сил в северных провинциях Ирана и в столице. Его план предполагал «в случае падения персидского правительства перед лицом большевиков» расчленить страну путем образования на юге отдельного государства под эгидой Англии. Главную роль в осуществлении этого плана он отводил таким известным своими давними связями с английскими властями политическими деятелями, как крупный феодал из Фарса Кавамоль-Мольк Ширази, шейх Хазаль, некоторые «старшие» бахтиарские ханы и предводитель кашкайских племен Соулет од-Доуле. Эти силы, писал Норман, «при нашей финансовой поддержке в состоянии сохранить Исфахан и Юг для нас». Опираясь на опыт периода Первой мировой войны, когда многие бахтиарские ханы придерживались антибританской ориентации (Норман утверждал, что в то время из бахтиарских ханов «только двое остались полностью преданными нам»), он предполагал выплачивать доходы от нефти не иранскому правительству, а бахтиарским ханам. По его мнению, это значительно укрепило бы узы, связывающие Англию с бахтиарскими верхами [66].

Английские власти стремились установить свой контроль над вооруженными силами Ирана, что, кстати, предусматривалось условиями англо-иранского соглашения 1919 г. Еще осенью 1919 г. в Тегеран прибыла британская военная миссия, которая была призвана совместно с иранскими властями разработать проект реорганизации вооруженных сил Ирана. Глава миссии генерал У. Диксон добивался устранения из иранской казачьей дивизии русских офицеров, отрицательно относившихся к англо-иранскому соглашению 1919 г. Осенью 1920 г., когда генерал Э. Айронсайд был направлен в Иран в качестве командующего северо-иранской группой британских оккупационных войск (так называемые «Норпер форс»), английские власти заметно активизировали свою деятельность против русских офицеров [67]. Английский посланник дал специальное указание Шахиншахскому банку не выдавать персидскому правительству никаких денежных средств, пока от командования дивизией не будет отстранен царский генерал Старосельский, которого он обвинил в антибританских действиях. Казачья дивизия содержалась в этот период за счет кредитов, предоставляемых АПНК через Шахиншахский банк иранскому правительству. Во время аудиенций у Ахмед шаха и встречи с главой кабинета Мошир од-Доуле Норман и генерал Э. Айронсайд

потребовали немедленного увольнения русских офицеров из иранских вооруженных сил [68].

В конце октября 1920 г. командир иранской казачьей дивизии Старосельский и другие русские офицеры были арестованы. Им было предъявлено обвинение в предательстве в период военных действий против дженгелийцев. Именно это событие окончательно предопределило падение кабинета Мошир од-Доуле, который был активным сторонником использования русских офицеров для укрепления вооруженных сил Ирана.

Сепакдару Азаму (Фатхолла-хан Акбар) указом шаха от 27 октября 1920 г. было поручено возглавить новый кабинет. Он опубликовал 29 октября обращение к народу, в составлении которого, по всей видимости, непосредственное участие принимала английская миссия. Премьер объяснял неудачу правительственных войск в борьбе с революционным движением в Гиляне злоупотреблениями некоторых русских офицеров.

После устранения русских офицеров британские власти стали настаивать на том, чтобы еще до обсуждения соглашения 1919 г. в меджлисе приступить к созданию в Иране единых вооруженных сил под командованием английских офицеров. Указ о выборах в меджлис IV созыва был подписан шахом еще 7 мая 1917 г. Однако к этому времени срок выборов в меджлис еще не подошел. Сепакдар некоторое время колебался, но принял английский план унификации вооруженных сил. Норман предложил Сепакдару включить в состав кабинета известного журналиста, англофила Сеида Зия ад-Дина и представителя военных кругов Сардара Мозазама (Теймурташа), что, по его мнению, должно было облегчить премьеру официальное принятие английского плана [69]. В сложившейся к концу 1920 г. в стране обстановке, когда масштабы антианглийских выступлений все более возрастали, осуществить подобные перемены Сепакдар оказался не в состоянии.

В Тегеране политическая обстановка была накалена до предела. Политические деятели получали анонимные письма, в которых им грозили физической расправой, если они выступят за утверждение англо-иранского соглашения. В этих условиях даже некоторые известные своими проанглийскими настроениями деятели отказывались поддержать Сепакдара. 20 ноября английская миссия передала Сепакдару ноту своего правительства, содержащую требование немедленно созвать меджлис и ратифицировать

англо-иранское соглашение 1919 г. Английский демарш вызвал кризис кабинета Сепакдара. 19 января 1921 г., после выхода из правительства некоторых министров, подал в отставку весь кабинет. В начале февраля Сепакдар согласился сформировать новое правительство. 16 февраля 1921 г. он представил шаху членов кабинета, а 21 февраля в Тегеране произошел переворот [70].

В течение ряда десятилетий вопрос о характере переворота 21 февраля 1921 г., о роли в его подготовке и проведении официальных представителей Великобритании в Иране оставался одним из спорных в советской историографии. Издавна существовало суждение, что в подобном акте, скорее всего, были заинтересованы английские власти, без поддержки и ведома которых осуществить его было бы невозможно. Такое мнение опиралось еще на тот факт, что после переворота правительственный кабинет в Тегеране возглавил политический деятель, проанглийские настроения которого ни для кого в политических кругах Ирана не были тайной. Это был журналист, выходец из религиозного сословия Сеид Зия ад-Дин Табатабаи, издатель персидской газеты «Ра'д» («Гром»), известной своей проанглийской направленностью.

В 1966 г. на страницах востоковедческого журнала «Народы Азии и Африки» в Москве появилась статья, автор которой (С. Л. Агаев) утверждал, что вышедшие в начале 60-х годов в свет тома английских дипломатических документов отвергают версию о вероятности активной роли британских властей в подготовке и проведении февральского переворота 1921 г. в Тегеране. Автор статьи прилагал большие усилия, чтобы обосновать социальную природу переворота. Он утверждал, что если до этого события иранские правительства представляли интересы феодальной аристократии, то после переворота к власти пришел помещичье-буржуазный блок, выражающий устремления национальных сил [71].

Ряд советских иранистов немедленно поддержали новую трактовку, видимо предполагая, что она появилась в печати не без санкции международного отдела ЦК Коммунистической Партии Советского Союза [72].

К этому времени, однако, в Иране появились новые публикации – мемуары, исторические очерки, биографии политических деятелей, которые содержали немало фактических данных относительно активности британских дипломатов и военных властей

в Иране в период Первой мировой войны и последующие годы. Но в советских изданиях по иранской истории они почти не упоминались. Ко времени издания «Истории Ирана» в издательстве МГУ (1977 г.) прошло 5 лет с той поры, когда на Западе ирановеды познакомились с данными о сотрудничестве Реза хана с английскими военными властями. Автор раздела о перевороте 1921 г., профессор М. С. Иванов, вновь выдвинул предположение о том, что «действиями казаков руководили английские офицеры – военные инструкторы казачьих частей». Не ссылаясь на какие-либо достоверные сведения, он писал: «План совершения переворота был разработан в Лондоне» [73].

Что касается существа вопроса, то опубликованные в 1972 г. под редакцией лорда Айронсайда мемуары генерал-майора Э. Айронсайда [74], содержавшие его ежедневные записи в 1920–1922 гг., дали новый импульс к изучению вопросов, связанных с государственным переворотом в Иране в 1921 г. В указанном издании, кстати, были изъяты или сокращены некоторые весьма любопытные и важные сведения о назначении мирпанджа (подполковника) Реза хана командиром казачьей дивизии. Однако это была, по существу, первая английская публикация, содержащая прямые свидетельства относительно тайных связей будущего основателя новой иранской династии с видными представителями британских оккупационных властей в Иране в 1920 г. Понятно, что иранские власти и широкая общественность страны не могли не обратить внимания на эту публикацию. Тем более что ее выход в свет был осуществлен в Лондоне в период, когда шах Ирана Мохаммед-Реза Пехлеви временами позволял себе давать наставления руководителям западных держав.

И действительно через 5 лет после выхода в свет мемуаров Э. Айронсайда в иранском журнале «Ягма» появилась статья д-ра Дж. Шейхольислами, в которой в весьма лояльной в отношении династии Пехлеви интерпретации излагалась история сближения и сотрудничества Реза хана с командующим «Норпер форс» британским генералом Э. Айронсайдом. По утверждению Шейхольислами, Реза шах пошел на сотрудничество с британским генералом, движимый высокими идеалами спасения Ирана от большевистской опасности, т. е. дженгелийского движения. Иранский ученый писал: «...Два высокопоставленных офицера – бригадный генерал Реза хан Савадкухи (в то время Реза хан не имел

генеральского звания. – С.А.) и английский генерал Э. Айронсайд пришли к выводу, что решение политических проблем страны возможно лишь путем использования военной мощи... В начале февраля 1921 г. генерал Э. Айронсайд и его помощник, полковник Эсмейс, без предварительного обсуждения с английским посланником в Тегеране Норманом, которого они считали человеком не слишком умным, безвольным и неспособным хранить тайну, приняли решение устранить политические трудности Ирана путем военного переворота, руками самих иранских офицеров» [75].

После революции 1978–1979 гг. Дж. Шейхольислами вновь вернулся к теме февральского переворота 1921 г. в Тегеране, внося в его изучение ряд весьма интересных деталей. Это прежде всего касается того, что согласно договоренности между лордом Керзоном и руководством британской миссии в Тегеране первоначально было принято решение, что правительство Сепадхара Азама будет заменено кабинетом, возглавляемым принцем Фируз мирзой (Носрет од-Доуле). Но после почти восемнадцатимесячного пребывания в Западной Европе Фируз мирза добрался до столицы только тогда, когда там, после происшедшего в феврале переворота, премьер-министром был уже утвержден Сеид Зия. И судьба вместо обещанного лордом Керзоном премьерского кресла уготовила Фируз мирзе место в тюремной камере, где находились его отец шахзаде (принц) Абдольхосейн Мирза Фарманфарма и его брат Аббас Салар-Лешгар [76].

Что касается самого правительственного переворота и места, которое в его осуществлении было отведено персидским казакам, то их разработка была непосредственно связана с деятельностью английских военных властей и дипломатов. После отстранения полковника Старосельского и других русских офицеров от командования казачьей дивизией на их места были назначены иранцы. Командиром дивизии стал представитель царствующего каджарского рода Сардар Хомаюн Вали, а командиром одного из семи отрядов – Хамаданского – Реза хан. Однако до начала февраля 1921 г. фактически дивизия находилась под командованием английских офицеров.

В то же время Керзон, который настойчиво добивался утверждения иранскими властями англо-иранского соглашения 1919 г., к концу 1920 г. вынужден был признать, что скорее всего достичь этого не удастся. Поэтому в телеграмме руководителю англий-

ской миссии в Иране Норману от 29 октября он сообщал о своем согласии с ним относительно необходимости разработки новой английской политики в этой стране, поручив разработку такого плана самому посланнику. При этом Керзон писал, что «Вы, несомненно, осознаете, что генерал Э. Айронсайд и Вы лично должны брать на себя личную ответственность за достижение успеха» (! – С.А.) [77].

В связи с предстоявшим началом эвакуации английских военных частей из Ирана к 1 апреля 1921 г. генерал Э. Айронсайд спешил подыскать среди иранцев военного деятеля, которому можно было бы доверить руководство персидской казачьей дивизией, разумеется имея в виду прежде всего интересы британской политики в Иране. На него, как он написал, как раз в этот период сильное впечатление произвели боевые успехи тебризского отряда персидских казаков и их командир Реза. И он совместно с полковником Смитом, прибывшим в Иран в качестве военного инструктора по линии соглашения 1919 г., принял решение сделать Резу руководителем казачьей дивизии. Э. Айронсайд придавал этому факту большое значение. В своих дневниках в январе 1921 г. по этому поводу он писал: «В чем Иран нуждался, это был лидер. Я встретил в этой стране одного человека, который был способен вести нацию. Это был Реза хан... Найдется ли у шаха здравого ума оказывать доверие этому человеку?» [78].

14 января Э. Айронсайд в своих дневниках размышлял: «В действительности, военная диктатура в этой стране является лучшим средством для преодоления наших проблем, ибо лишь такое развитие событий позволит английским вооруженным силам покинуть иранскую землю, избегая пагубных последствий, которые при других обстоятельствах произойдут» [79].

12 февраля 1921 г. состоялась последняя встреча Резы хана с Айронсайдом и полковником Эсмейсом. После этой встречи генерал в своих дневниках записал: «... Сегодня во время беседы с Резой я полностью возложил на него командование персидскими казаками. Он в действительности является настоящим мужчиной. Я до сих пор подобного офицера среди иранцев не встречал. Он откровенен и лишен лицемерия. Объяснил ему, что намерен постепенно освободить его от контроля с моей стороны и что ему следует вместе с полковником Эсмейсом немедленно приступить к приготовлениям для отражения наступления гиланских пов-

станцев на Казвин или на Тегеран, если они начнут его вслед за нашим отходом из Менджлия.

В присутствии Эсмейса я провел с Резой долгое обсуждение. Первоначально мне хотелось получить у него письменное обязательство. Однако потом решил, что в данных обстоятельствах требовать письменный документ особого смысла не имеет. Если он пожелает отказаться от данных нам слов, то ему достаточно заявить, что представить письменное ручательство он был вынужден и пошел на это под давлением. Поэтому подписанная им бумага не действительна и силу не имеет. Исходя из этого, я поставил перед Резой два вопроса ... Я попросил его дать мне обещание в том, что он во время нашего отхода никаких агрессивных действий против нас не предпримет. Я предупредил его о том, что если он на подобную акцию пойдет, то я, не колеблясь, без угрызения совести, его атакую. В результате его страна окажется в таком тяжелом положении, в котором она никогда не находилась. Я этого делать не хотел и попросил его, чтобы он запомнил, что мы казачью бригаду возродили совсем не для того, чтобы, уходя, ее сокрушать. Я также попросил, чтобы он не предпринимал насильственные меры для смещения шаха и не позволял поступать таким образом другим. В ответ на обе эти просьбы он торжественно обещал, что поступит согласно моим пожеланиям. После беседы мы обменялись рукопожатием, и он ушел. Говорил он со мной очень открыто, выражая свое чувство отвращения к контролирующим меджлис в соответствии со своими интересами политикам. И я сказал Эсмейсу, чтобы он не препятствовал этому человеку и позволил ему ввести свои силы в Тегеран» [80].

Во время аудиенции у шаха 15 февраля в Тегеране генерал Э. Айронсайд пытался убедить шаха в необходимости предоставления Реза хану высокого поста в государственной структуре. Однако шах эту просьбу отклонил [81]. В ночь на 21 февраля 1921 г. 2500 персидских казаков под командованием Реза хана, которому помогали полковник Смит и несколько других английских офицеров, начали поход на Тегеран. Фактически участникам переворота не было оказано никакого сопротивления. Была приостановлена деятельность правительства Сепехдара. Вступив в столицу, иранские казаки захватили правительственные учреждения и арестовали почти всех крупных сановников.

Мемуары Э. Айронсайда оказались не единственным свидетельством о вербовке Реза хана английскими властями.

После крушения режима Мохаммед Резы Пехлеви в руки представителей новых властей попали небольшие по объему воспоминания. Они имеют два списка. Один составлен на языке гуджарати, а другой – на английском. Обнаруженные в них сведения поставили последнюю точку в деле, касавшегося роли английских властей в подготовке и проведении февральского переворота в Тегеране в 1921 г. Одновременно окончательно был дан ответ на вопрос о том, каким образом и кем будущий Реза хан (в последствии шах Ирана) был вовлечен в качестве исполнителя задуманного генералом Э. Айронсайдом военно-политического переворота.

Автор обнаруженных записей – Ардеширджи, парс* из Бомбея, в 1893 г. из Британской Индии был командирован в Тегеран по инициативе вице-короля. По рекомендации последнего он возглавил общину парсов Ирана. Как видно из опубликованных в Иране материалов, выполняя эту обязанность до своей смерти в 1933 г., Ардеширджи одновременно работал на английскую разведку. Он прилагал большие усилия для реализации политической линии Британской империи в Иране [82].

Ардеширджи принимал активное участие в деятельности созданного в Тегеране в период конституционной революции 1905–1911 гг. «Тайного общества», негласно в течение целых десяти лет поддерживал связи с видными политическими деятелями страны, совершал ознакомительные поездки в зоны проживания бахтиар и других полукочевых племен. Одной из самых важных политических миссий Ардеширджи в пользу Британии стало его участие в подготовке и осуществлении переворота 1921 г. В своих

* Парсы (в Иране их единоверцев называют гербами или зороастрийцами) – так называют иранскую народность, последователей зороастризма, предки которой, опасаясь гонений мусульманских правителей, в IX–X вв. бежали из Хорасана и обосновались в Западной Индии, в основном в Гуджарате и г. Бомбее. Через два-три века они ассимилировались, освоив индийский язык гуджарати. Их бывший родной язык парси сохранился в сфере богослужения. Представители полуавтономной общины парсов играли значительную роль в области денежного обращения в колониальной Индии. Они пользовались доверием английских властей и играли активную роль в политике Великобритании и зоне Персидского залива. В настоящее время их общины, кроме Индии, Ирана, США, существуют во многих других странах Запада.

записях Ардеширджи подчеркивает, что именно он рекомендовал понравившегося ему офицера иранской казачьей бригады Резу генералу Э. Айронсайду. Говоря о времени, предшествовавшем перевороту 1921 г., Ардеширджи писал: «В этот период по указанию военного министерства в Лондоне и вице-короля Индии между генералом Э. Айронсайдом и мною началось тесное сотрудничество» [83].

Изучая тексты воспоминаний Ардеширджи, можно выявить не только данные относительно его участия в вербовке Резы для осуществления переворота 1921 г. Ардеширджи получил высшее образование в Кембридже, где он, в частности, слушал курс лекций по древней истории Ирана. Будучи по происхождению парсом, он, видимо, проникся большой любовью к истории и культуре доисламского Ирана. Эти чувства нашли свое отражение в его записях. Он высказывает надежду на возрождение Ирана, опираясь на идею о величии древнеперсидских государств и доисламской иранской культуры. И видимо, Ардеширджи старался внушить эти свои мысли молодому Реза хану, который, став шахом, принял для своей династии фамилию Пехлеви. Не только династическая фамилия, но и ряд важных элементов имперских притязаний в области идеологии и культуры впоследствии оказались созвучны с воззрениями и мыслями Ардеширджи об иранском возрождении [84].

Сеид Зия, которому Ахмед шах вскоре после переворота поручил формирование нового правительства, 26 февраля сделал заявление, в котором обвинил «сановников и аристократов» в неспособности править страной и разрешить ее насущные проблемы. Он призывал к созданию условий для того, чтобы все слои народа пользовались «благами просвещения». Вместе с тем, в его заявлении важное место было отведено армии. Касающаяся политических проблем часть декларации завершалась словами: «Прежде всего, и превыше всего – армия – все, прежде всего для армии, и вновь армия» [85].

Вскоре, однако, стало ясно, что, выполняя задание, возложенное на него и Реза хана английскими властями, Сеид Зия переиграл. Его «обличительные» выступления оказались чрезмерно пылкими, что вызвало раздражение у значительной части правящих слоев. Они и без того были встревожены тем, что во время переворота и несколько позже были арестованы или интерниро-

ваны многие видные политические деятели, в том числе даже некоторые видные каджарские принцы. В числе арестованных были близкие родственники шаха. Последнее возмутило самого Ахмед шаха. Не осталась незамеченной шахом и попытка Сеида Зии установить контакты с его братом – принцем Мохаммед Хасан ханом. Очевидно, Сеид Зия собирался в случае необходимости, как это предусматривал Кокс, добиться замены Ахмед шаха «другим представителем династии». Недовольством шаха и его окружения из числа феодальной аристократии воспользовался Реза хан. Опираясь на свои связи с англичанами и войдя в доверие к Ахмед шаху, он при поддержке придворных кругов вскоре получил пост военного министра. Укрепив свое положение, Реза хан изменил недавнему союзнику и активно включился в направленную против того кампанию. В результате через каких-нибудь три месяца Сеид Зия был смещен с поста главы правительства и выдворен из Ирана.

Представляется, что некоторые действия Сеида Зии, судя по всему, должны были вызвать резкое недовольство также англичан. Дело в том, что Фируз мирзе из тюрьмы удалось тайно переправить лорду Керзону личное письмо. В нем он жаловался, что по возвращении в Тегеран вместо обещанного ему Керзоном поста премьера он оказался арестантом и что в качестве выкупа для их освобождения (речь идет еще о его отце и брате) Сеид Зия требует огромную сумму. В случае отказа внести названный выкуп к назначенному сроку всем им троим грозит смертная казнь [86].

Переворот 1921 г. был вызван прежде всего стремлением английских властей создать условия для реализации своих планов в отношении Ирана. Содействуя консолидации лояльной к Великобритании части правящей верхушки Ирана, англичане намеревались предотвратить дальнейший подъем демократических выступлений, силой подавить очаги национально-освободительного движения в Гиляне, Иранском Азербайджане и Тегеране. Разумеется, цели Англии соответствовали интересам наиболее влиятельной части правящего класса Ирана.

Хакимуллахи-Фаридани в книге, посвященной перевороту и деятельности Сеида Зии (она вышла в свет в Тегеране в 1943 г.), отмечает, что первоначально Сеид Зия готовил переворот при участии полковника Казем хана. Он же сообщает, что английский

посланник был осведомлен о действиях Сеида Зия и «одобрил его идеи» [87]. Именно Сеид Зия вез по поручению правительства Сепакдара Азама и шаха в Казвин семимесячное жалование офицеров и солдат персидской казачьей дивизии. Эти деньги в тот период могли быть получены у Шахиншахского банка только по разрешению английского посланника, чего, кстати, не отрицал сам Сеид Зия во время выступления в 1943 г. в меджлисе [88]. В той же книге Хакимуллахи-Фаридани утверждается, что, когда Сеид Зия раскрыл некоторым офицерам казвинского отряда персидской казачьей дивизии свой план похода на Тегеран для осуществления переворота, командир отряда Абдолла хан, впоследствии генерал Амиртахмасаби, потребовал от него прямого указания шаха [89]. Удаче переворота способствовало то обстоятельство, что английская миссия в Тегеране заранее провела широкую работу по активизации деятельности своих агентов и сторонников. О необходимости предпринять такую акцию говорилось уже в телеграмме Кокса в Форин офис от 29 февраля 1921 г. Предложение Кокса получило полное одобрение руководства министерства иностранных дел Англии и легло в основу действий миссии в Тегеране. Как сообщал Норман Керзону в телеграмме от 3 февраля 1921 г., он прилагал усилия для того, чтобы «объединить элементы, упомянутые сэром Перси Коксом» [90].

О том, что в иранской столице знали об усилиях, прилагавшихся англичанами для организации переворота, имеется свидетельство и в памятных записях иранского политического деятеля Яхьи Доулетабади [91]. Следует также отметить, что английские военные власти передали казвинскому отряду на 500 тыс. ф. ст. армейского снаряжения и оружия, без которых осуществление переворота 21 февраля было невозможно.

При оценке социальных последствий событий 1921 г. явно неверным представляется утверждение С. Агаева о том, что в результате переворота «на смену феодальной аристократии к власти пришел буржуазно-помещичий блок, в котором национальная буржуазия обладала значительным влиянием» [92]. Для подтверждения данных ответственных тезисов автор не приводит никаких фактов и сведений. Правда, Сеид Зия, впервые вошедший в правительственный кабинет, резко высказывался против власти аристократии. Но главной в его правительственном заявлении была идея о необходимости создания сильной армии. Как

известно, Сеид Зия скоропостижно ушел с политической сцены, его сменил Ахмед Кавам ос-Салтане, который был представителем аристократии. Кстати, в своей правительственной программе одним из важнейших пунктов он назвал образование новых унифицированных вооруженных сил, хотя в ней поднимался целый ряд других проблем. Тезис о том, что после переворота к власти пришел новый буржуазно-помещичий блок, явно надуманное утверждение.

Что касается самой буржуазии, то новые обуржуазившиеся деятели стали заметным явлением политической жизни страны еще со времен конституционной революции 1905–1911 гг. Однако влияние этой группы людей, которую вполне можно назвать прослойкой, на формирование государственной политики долгое время оставалось незначительным. Еще в конце Первой мировой войны, и особенно в годы правления Реза шаха, в этой сфере произошел определенный сдвиг. Началось формирование национальной буржуазии, о чем свидетельствовали появившиеся публикации, где находили свое выражение политико-экономические воззрения буржуазии на иранские проблемы [93].

С выходом на арену в качестве политической силы представителей офицерства, интеллигенции и выходцев из средних слоев роль буржуазии в политической жизни активизировалась. Вместе с тем с социальной точки зрения в тот период старшие офицеры скорее были выразителями интересов полуфеодального помещичества. Это подтверждается историей Ирана после 1921 г. И что важно, после побега Сеида Зии из Ирана в течение многих лет почти все правительства (как и до 1921 г.) возглавлялись представителями старой феодальной династии. И разумеется, не сразу феодальная аристократия лишилась монополии на верховную власть. Это, конечно, не отвергает того, что общая тенденция к обуржуазиванию была важной чертой общественно-политического развития Ирана, особенно после 40-х годов XX в. Обуржуазивание было свойственно и заметной части феодальной аристократии. В то же время потомки аристократических родов (полуфеодальные помещики), в чьих руках была сосредоточена большая часть обрабатываемых земель и, соответственно, политическая власть, лишились своих преобладающих позиций только в результате крушения монархии.

Джамал-заде в опубликованной им в 1917 г. в Берлине на

персидском языке работе «Несметное сокровище или экономическое положение Ирана», придавая огромное значение уровню экономического развития страны, считал его мерилom для определения степени политической независимости. Он утверждал, что поток товаров с Запада подорвал традиционную национальную промышленность и ремесленное производство Ирана.

Экономические взгляды буржуазных деятелей имели большое значение в подготовке и осуществлении ряда экономических и финансовых мероприятий в 20 – 30-х годах XX в. В эти годы буржуазные националисты (А. Матин-Дафтари, А. Халеси и др.) не только выступали за развитие промышленности и ремесленного производства, но и требовали ограничения импорта иностранных товаров.

В целом следует подчеркнуть, что переворот февраля 1921 г. был событием, обусловленным прежде всего политическими факторами. Документы Форин офиса свидетельствуют о том, что базой для сближения Сеида Зии, Реза хана и их окружения с представителями Великобритании стали опасения дальнейшего расширения просоветского движения в Гиляне. Недаром Реза хан уже 21 февраля сделал официальное заявление о том, что иранские казаки, знавшие из опыта борьбы с «большевиками», кто они такие, устали наблюдать за тем, как одно неспособное правительство в Тегеране сменяет другое, в то время как «никто никаких приготовлений для отражения большевистского наступления, которое последует за эвакуацией английских войск, не ведет» [94]. В этих словах прослеживается явное сходство с английской версией политического обоснования переворота.

Кстати, опубликованный Форин офисом текст данного заявления сокращен, в архивном оригинале он содержит также заверения Реза хана о лояльности и преданности казаков Ахмед шаху Каджару, а также сообщение о выраженной Реза ханом доброй воле в отношении Великобритании.

Весьма важные сведения о политической ориентации кабинета Сеида Зии содержала телеграмма Нормана Керзону, отправленная 25 февраля 1921 г. В ней, в частности, Норман сообщал: «Сеид сделал мне следующее заявление по своей политике: англо-персидское соглашение должно быть денонсировано. Без такой денонсации новое правительство не в состоянии приступить к работе. Денонсация будет сопровождаться заявлением такого

содержания: этот шаг не предполагает вражды в отношении Великобритании, и новое правительство будет и в дальнейшем сотрудничать с Великобританией» [95]. Далее Норман писал, что правительство Сеида Зии предпримет шаги для привлечения английских офицеров и финансовых советников на работу в Иране по частным контрактам. Особенно интересны слова о том, что Сеид Зия постарается использовать советников и из других стран, для того чтобы «втирать очки большевикам и местным недовольным, в то время как два важнейших управления будут находиться в британских руках» [96].

Сеид Зия говорил английскому посланнику: «Чтобы избежать враждебных действий со стороны правительства России, необходимо как можно лучше замаскировать проанглийский характер новой администрации». Он заверял Нормана, что подобная политика «в конечном счете даст британскому правительству больше преимуществ, чем те, которые оно надеялось приобрести от невыполненного соглашения» (т. е. англо-иранского соглашения 1919 г. – С.А.) [97].

Судя по всему, Сеид Зия как представитель новой иранской интеллигенции по своим политическим убеждениям был умеренным националистом. И видимо, он намеревался при поддержке англичан, по возможности, подорвать позиции феодальной аристократии, прежде всего – рода Каджаров. Однако Реза хан его политическую линию в этом вопросе не поддержал. В подобных крутых поворотах не нуждались и англичане. Сеиду Зие не удалось осуществить свои личные планы и потому, что он не сумел сформировать группировку своих сторонников.

Известную роль в постигшей его неудаче сыграла позиция советского правительства. Пойдя на заключение «дружественного договора» с иранским правительством и полностью согласившись вывести из Северного Ирана части Красной Армии и военные корабли, направленные туда в мае 1920 г., оно предложило, чтобы иранскую территорию покинули и войска других государств. Кстати, к этому времени правительством Великобритании было принято решение об эвакуации английских воинских частей с иранской территории.

В целом переворот сыграл неоднозначную роль в истории иранского общества. Самое его отрицательное последствие с точки зрения общественно-политической эволюции Ирана заключа-

лось в том, что в результате прихода к власти правонационалистической группировки иранское общество не смогло выйти на путь демократического развития. Для упрочения своих политических позиций руководители регулярной армии и сам Реза хан временами апеллировали к массам, к демократически настроенным группировкам общества. В то же время они проявляли явную склонность к тесному сотрудничеству с феодальной аристократией, сохранившей свою экономическую силу. Возглавив вооруженную борьбу против демократического движения и сепаратистских выступлений на окраинах, правое офицерство фактически содействовало упрочению положения старой аристократии, что само по себе обусловило также сохранение в Иране английских позиций. Позитивным политическим результатом переворота явилось то, что после него процесс распада иранской государственности остановился.

Вместе с тем последствия оказались не совсем такими, как того желали британские политики. Ко времени его осуществления антианглийские настроения достигли такого размаха, что не позволили проведения иранской верхушкой политики, полностью соответствовавшей букве и духу английских планов. Вынужденная в новых условиях отказаться от идеи установления прямого контроля над Ираном, Великобритания оставалась, однако, преобладающей экономической и внешнеполитической силой в Иране. АПНК продолжало наращивать производственную мощь. Английский Шахиншахский банк сохранял свой статус в качестве важнейшего финансового учреждения Ирана. В то же время в новой геополитической обстановке, которая сложилась в регионе в результате советизации Кавказа и Средней Азии, победы национально-освободительной войны турок и т. д., правящие круги Британской империи решили не препятствовать политическим устремлениям той части господствующих слоев Ирана, которая активно встала на путь возрождения власти центрального правительства под флагом идеи иранского национализма.

2.6. Политические перемены в Иране после переворота 1921 г.

Вышедшая на политическую арену после переворота 1921 г. новая сила, представленная Реза ханом и другими высокопоставленными офицерами, настойчиво добивалась упрочения своих

позиций. Поскольку шахский двор и вся правящая верхушка остро нуждалась в деятелях, способных вести эффективную борьбу против угрожающего самому существованию их власти национально-демократического движения, перед энергичным и честолюбивым Реза ханом и его окружением из числа офицеров казачьей дивизии и жандармерии открылись широкие возможности для дальнейшего продвижения на политическом поприще. Этому способствовало и благожелательное отношение к ним англичан. Продолжая линию, начатую в период подготовки переворота, командование английских войск, покидавших Иран, передало впоследствии большую часть вооружения, боеприпасов и военного снаряжения находившимся под командованием Реза хана иранским воинским частям. Кроме того, Великобритания предоставила иранскому правительству через Шахиншахский банк финансовые средства на военные цели. В целом английские власти немало содействовали становлению вооруженных сил Ирана.

Вместе с тем деятельность Реза хана, получившего портфель военного министра, по существу была направлена на стабилизацию политического положения в стране, ибо провозглашенные им и его соратниками лозунги о необходимости упрочения центральной власти, создания единой армии и восстановления государственного суверенитета импонировали многим, включая и некоторых революционных демократов. Одно время даже казалось, что Реза хан в борьбе за власть пойдет на сближение с демократическими силами. Росту популярности Реза хана немало способствовали уход из иранской казачьей дивизии английских военных инструкторов и ликвидация корпуса «южноперсидских стрелков». Сторонники Реза хана связывали эти перемены с его деятельностью.

Как отмечалось выше, англичане были довольны политической линией Реза хана, считая его, как писал из Тегерана английский посланник, офицером «без политических амбиций». Эта оценка, однако, оказалась ошибочной, если принять во внимание, что Реза хан, как показала уже его борьба против Сеида Зии, очень быстро приобщился к политике и активно использовал свое положение для успешной борьбы за власть. Если в первые месяцы после смещения Сеида Зии, Реза хан позволял феодальной аристократии и, разумеется, английским властям использовать его прежде всего как военного руководителя и организатора борьбы против

демократического движения и сепаратизма полукучевых племен, то вскоре он стал претендовать на более значительную роль в управлении страной. Человек, который после переворота 1921 г. оказывал содействие Ахмед шаху, не только сумел найти общий язык с представителями феодальной аристократии, но и заставил их признать за ним лидерство. Англичане в принципе содействовали усилению Реза хана, так как, во-первых, более прочная и антибольшевистски настроенная власть в Иране их полностью устраивала, а во-вторых, благодаря Реза хану многие тесно связанные с Великобританией деятели (Фируз мирза Носрет од-Доуле, Восуг од-Доуле и др.) вскоре вернулись в лоно общественно-политической жизни.

Выход Реза хана на политическую сцену был обеспечен возглавленной им вооруженной борьбой против национально-демократического движения. Его усилия, направленные на реорганизацию и укрепление армии, пользовались полной поддержкой правящих кругов иранской столицы. Упрочив свое положение, военный министр (и главнокомандующий) и его ближайшие помощники обратили внимание на окраинные провинции, где власть фактически находилась в руках местных феодалов. Многие из них отказывались безоговорочно признавать центральное правительство.

Следует признать, что характеристика, данная в своих дневниках генералом Э. Айронсайдом Реза хану, оказалась в принципе верной. Он был человеком волевым и целеустремленным. Реза хану, при активном содействии Кавам ос-Салтане, удалось создать единые вооруженные силы, куда вошли воины персидской казачьей дивизии, жандармерии и других частей. В общей сложности было сформировано шесть дивизий. К концу 1921 г. численность вооруженных сил уже составляла около 40 000 человек [98].

Уже 5 октября 1921 г. казаки под командованием Реза хана вошли в Решт и вскоре во всей гилянской провинции была восстановлена власть центрального правительства. В течение 1922 г. армии без особых трудностей удалось подчинить центральному правительству шахсеванских, талышских, халхалских и макинских ханов Азербайджана. Особенно большое значение для упрочения политической позиции Реза хана имела его военная победа над курдским лидером Исмаил ага Симко. Дело в том, что к июню 1922 г. земли, которые он контролировал, достигли самых значительных размеров. На востоке они простирались до Шахин-

кале, а на юге доходили до Саккыза [99]. Во время Каирской конференции, проведенной британскими властями в марте 1921 г. было принято решение об учреждении под эгидой Англии автономного курдского образования. Согласно этому решению, англичане тайно поставляли Симко оружие и боеприпасы, а также оказывали ему денежную помощь. Однако некоторые видные дипломатические представители резко выступили против осуществления подобной политики. Хотя первые вооруженные столкновения Симко с новыми регулярными иранскими частями завершились его победой, но летом 1923 г. его ополчения были полностью разгромлены войсками Реза хана. Симко бежал в Ирак. Но позже он вновь возвратился в Иран с тем, чтобы продолжить вооруженную борьбу за образование «курдского государства». Потерпев поражение, он вновь бежал в Ирак.

Весной 1923 г. Реза хан приступил к подготовке военной кампании в Бахтиарии и Лурестане. На этот раз его действия, направленные на восстановление власти иранского правительства в зоне племен на юго-западе страны, вызвали недовольство Великобритании. Англичане намеревались сохранить полуавтономию Бахтиарии и всего юго-запада Ирана, где все более росла активность АПНК.

В апреле 1923 г., когда Реза хан готовился к походу на юг, английский посланник в Тегеране предупредил шаха и премьер-министра Мостоуфи оль-Мамалека, что Англия не сможет остаться безучастным наблюдателем конфликта между центральным правительством и бахтиарскими ханами, и дал понять, что, если дело дойдет до вооруженного столкновения, Англия «может предпринять вооруженное вмешательство». Эта угроза не помешала Реза хану совершить запланированный поход, в результате которого мятеж бахтиар и луров был подавлен. Однако добиться полного подчинения и разоружения бахтиарских и лурских племен Реза хану сразу не удалось. Эта задача была выполнена в основном после подавления выступления шейха Хазала, полунезависимого правителя из Мохаммеры.

Военные успехи Реза хана в борьбе с непокорными ханами в 1923–1924 гг. подтолкнули англичан усилить поддержку шейха Хазала. Великобритания добивалась от тегеранского правительства сохранения за Хазалем статуса полуавтономного правителя. Она настойчиво призывала иранское правительство не принимать

крайних мер против Хазалья и предлагала свое посредничество для достижения компромиссного соглашения. Одновременно под нажимом англичан и благодаря щедрым субсидиям шейха многие арабские газеты в Ираке и некоторых других странах Арабского Востока стали величать Хазалья «королем Арабистана». Кстати, в 1921 г. шейх Хазаль претендовал на иракский трон. В апреле 1921 г. он совещался по этому вопросу в Басре с Перси Коксом. Шейх рассчитывал на поддержку иракского населения, в частности шиитских авторитетов Наджефа и Кербелы [100]. Хотя Кокс посоветовал Хазалю отказаться от этой идеи и мнение Кокса было поддержано У. Черчиллем, министром колоний Великобритании, шейх некоторое время оставался одним из главных претендентов на иракский престол. Это обстоятельство стало источником враждебных отношений между ним и амиром Фейсалом, провозглашенным 23 августа 1921 г. королем Ирака. Видимо, неудача, постигшая Хазалья в борьбе за иракский престол, не отбила у него желания стать коронованной особой в Хузестане.

Политические амбиции шейха Хазалья, рассчитывавшего на поддержку Англии, чрезвычайно обеспокоили центральное правительство. Отношения шейха с Тегераном приобрели конфликтный характер, когда он отказался внести в государственную казну невыплаченную часть налогов. Ее размер был определен американской финансовой миссией во главе с доктором А. Мильспо, который поручил подчиненным ему чиновникам истребовать у шейха недоимки руководителю налогового ведомства Хузестана. Шейх был возмущен. Он заявил, что никаких недоимок у него нет и что, наоборот, правительство задолжало ему крупную сумму. С согласия и при поддержке англичан Хазаль в 1923 г. создал в Хузестане комитет «Киям-е саадат» («Счастливое восстание»), в который вошел ряд лурских и бахтиарских ханов. Не удовлетворившись этим, Хазаль направил в сентябре 1924 г. в меджлис телеграмму, в которой назвал Реза хана узурпатором. Хазаль писал, что премьер-министр (Реза хан был назначен на этот пост в октябре 1923 г.) намеревается «уничтожить священное знамя ислама и растоптать иранскую конституцию». Он потребовал возвращения в Иран Ахмед шаха, который по настоянию Реза хана еще в 1922 г. уехал в Европу. В обращении к Ахмед шаху, пребывавшему в Париже, комитет заявил о своей верности Каджарам и о решимости бороться во имя восстановления его власти, «узурпированной» Реза ханом.

Осенью 1924 г. Реза хан стал деятельно готовиться к походу против Хазалья. В мемуарах Реза хана говорится, что в этот период английский посланник оказывал на него сильное давление, пытаясь убедить его в опрометчивости предпринимаемого шага. Посланник прямо заявил ему, что поход в Хузестан непременно нанесет ущерб имуществу АПНК, в частности приведет к порче нефтепроводов, а это может вызвать вооруженное вмешательство Великобритании в конфликт [101]. Одновременно предпринимались и дипломатические маневры. Английские дипломаты будто бы даже разработали проект соглашения, «по условиям которого Хазаль должен был признать правительство Реза хана, остаться правителем Хузестана и внести в государственную казну 500 тыс. туманов» [102].

В Хузестане Реза хан получил из Тегерана телеграмму, в которой сообщалось, что 26 ноября английская миссия передала в иранское министерство иностранных дел ноту, извещавшую о существовании двустороннего соглашения между Великобританией и Хазалем. В ноте говорилось, что в ноябре 1914 г. правительство Великобритании дало шейху Хазалю официальную гарантию в том, что оно всеми находящимися в его распоряжении средствами будет оберегать «статус-кво шейха и его локальную независимость». В ответной ноте МИД заявил, что Иран никогда не сможет «официально признать указанное соглашение и считает себя вправе заявить протест против подобных действий» [103]. Со своей стороны, Хазаль осенью 1924 г. направил английским властям послание, в котором содержались, в частности, следующие слова: «Я, конечно, приму все меры для того, чтобы обеспечить сохранность нефтепроводов... Вновь заявляю, что пока я жив, я буду защищать интересы английского государства» [104].

Из «Дневника путешествия в Хузестан», составленного по рассказам Реза хана, становится ясным, что иранский премьер понимал смысл поддержки, оказываемой англичанами шейху Хазалю и другим мятежным ханам юго-запада. Оценивая английские действия как отражение единого замысла, Реза хан задавал вопрос: «Какова цель этого плана?» – и сам отвечал: «Независимое существование нефтяных промыслов юга (т. е. АПНК – С.А.) и лишение Ирана его будущих доходов от этого предприятия» [105].

Несмотря на угрозы, Великобритания не пошла на открытое военное вмешательство. Поэтому шейх Хазаль не решился на

вооруженное выступление против правительственных войск. Реза хан временно сохранил за шейхом пост правителя Хузестана. В провинции были размещены правительственные войска.

К концу 1923 г., за исключением Арабистана (Хузестана) и некоторых соседних с этой провинцией областей, Реза хану удалось восстановить власть центрального правительства по всему Ирану. Лорд Керзон не желал считаться с велением времени, в том числе со сдвигами, происходившими в политической жизни иранского общества. Он призывал главу дипломатической миссии Соединенного Королевства в Тегеране, чтобы он дал понять Реза хану, что тот не сможет реализовать свою политику централизации в тех пунктах, где она соприкасается с интересами Британии. Однако подобная негибкая старая имперская линия в принципе отвергалась главой британской миссии в Тегеране. В письме от 21 мая 1923 г. в Форин офис посланник Лорейн писал, что поддержка политики централизации может послужить усилению английского влияния на иранские власти и «заставить Реза хана давать определенные гарантии для соблюдения интересов Британии». Подобная двойственность британских дипломатов оказала существенное воздействие на англо-иранские отношения во время похода Реза хана в Курдистан и Лурестан, но особенно в период его кампании против шейха Мохаммеры Хазала в конце 1924 г. Судя по высказываниям самого Реза хана, он инстинктивно улавливал существующие между главой английской дипломатической миссии и Керзоном противоречия. Поэтому считал, что его военные успехи и твердость будут содействовать успеху проводимой им линии.

В целом, как явствует из содержания копий секретных английских документов, попавших в руки иранских властей, главной целью правительства Англии во время кризиса было сохранение в принципе статуса АПНК в Иране. Добившись в этом вопросе взаимопонимания с Реза ханом, который во время похода на юг неоднократно встречался с английскими дипломатами, правительство Великобритании не пожелало окончательно ухудшать свои отношения с иранским премьером ради Хазала. Так или иначе, оба правительства в 1924–1925 гг., стремясь избежать обострения хузестанского конфликта, предпочли компромисс. Но этот шаг, что очень скоро стало ясно, правительством Великобритании рассматривался как временный маневр.

В самом начале 1925 г. Реза хан и сопровождающие его в хузестанском походе официальные лица вернулись в столицу. Во всех более или менее значительных населенных пунктах, через которые проезжал кортеж «сардар-е сеха» (главнокомандующего) Реза хана, его встречали и провожали с большими почестями. Особенно постарались его сторонники в Тегеране. Он вспоминал, что из-за перегруженности центральных улиц транспортными средствами и пешеходами ему пришлось пересесть с автомобиля на коня. До Реза хана дошли слухи о том, что его сторонники, в частности молодой военный губернатор столицы и некоторые другие официальные лица, намеревались тут же после его возвращения в столицу организовать церемонию провозглашения его шахом Ирана и, соответственно, официально низложить Ахмед шаха Каджара. Но Реза хан предостерег их от подобного шага.

После приезда в Тегеран Реза хан узнал некоторые подробности обмена телеграммами между пребывавшим во Франции Ахмед шахом и находившимся в столице наследником престола. Наследник настойчиво звал своего брата в Иран, чтобы предотвратить узурпацию трона со стороны Реза хана. Одновременно в Хорасане началось антиправительственное выступление туркменских племен, а в Иранском Курдистане – курдов. Под командованием Симко ряд курдских аширетов осадили г. Дилман. Поступившие из Юго-Западного Ирана сведения разведки свидетельствовали, что, несмотря на достигнутые устные договоренности, представители Британии продолжали провоцировать шейха Хазала к выступлению против тегеранского правительства. В начале апреля 1925 г., прибывший в Басру министр колоний Англии имел тайную встречу с шейхом. Стало ясным, что английские власти продолжают линию, направленную на сохранение фактической автономии Арабистана (Хузестана), намереваясь, прежде всего упрочить анклавный характер промышленно-коммерческой деятельности АПНК на иранской территории. Узнав об этом, Реза хан, как премьер и главнокомандующий, предпринял неотложные меры для подавления восстаний в Курдистане и Хорасане. Было решено также принять срочные действия для возможного, опасного для правительства, развития событий в зоне деятельности английской нефтяной компании. Военному губернатору Хузестана была отправлена секретная телеграмма, в которой было

приказано немедленно арестовать шейха Хазалья и его близкое окружение и под конвоем срочно отправить их в Тегеран.

Опасаясь неожиданных враждебных акций со стороны военных властей, шейх Хазаль по ночам перебирался на свою яхту в зоне залива, где проводил время почти до утра. Обычно до поздней ночи с яхты доносились звуки музыки и арабских песен. Выделенный военным губернатором Фазлулла ханом (будущий генерал Захе́ди) вооруженный отряд на небольшом катере под покровом ночи незаметно подошел к яхте шейха и перебрался на его борт. Охрана шейха не успела оказать сопротивление. 19 апреля 1925 г. Хазаль, три его сына и личный секретарь были арестованы и отправлены в Тегеран. Ему была выделена ви́лла в Шимране, где он пребывал под домашним арестом до своей «загадочной» смерти [106].

Министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен позднее, в июле 1927 г., заявил в палате общин: «Я не стану останавливаться на истории шейха Мохаммеры Хазалья – человека, которому была обещана поддержка Великобритании как официально, так и неофициально, человека, добросовестно поддерживавшего и защищавшего интересы Великобритании во время войны в Месопотамии... Англия нарушила слово, данное шейху Хазалью, ссылаясь на более высокие интересы персидского правительства» [107]. Л. Элвелл-Саттон, указывая на эти сдвиги в английской политике, писал: «Она (Англия. – С.А.) почуяла в Реза хане появление новых веяний в Иране, веяний, с которыми нельзя было не считаться, но которые при умелом обращении Великобритания могла использовать в своих собственных выгодах» [108]. В действительности отход от первоначальных жестких позиций не помешал Англии, во имя сохранения особого статуса АПНК, по-прежнему препятствовать полному восстановлению иранской власти в районах Хузестана, входивших в зону деятельности нефтяной концессии.

Свидетельством политической ловкости и в то же время до некоторой степени беспринципности Реза хана явилось его отношение к высшему шиитскому духовенству и левым силам. Первоначально он в своем стремлении добиваться верховной власти пошел на близкое сотрудничество с лидером бывшей Демократической партии социалистом Солейман Мирзой и деятелями из его круга, а также поддерживал возникшее на почве антикаджар-

ских, антимонархических выступлений движение за установление в стране республиканского строя. Однако, когда под воздействием происшедших в бывшей Османской империи событий (в частности, ликвидации халифата и провозглашение секуляристского принципа в области школьного образования) высшее шиитское духовенство выразило свое резкое недовольство расширением республиканского движения, Реза хан решил отречься от своих «продемократических» настроений. 26 марта 1924 г. он предпринял специальную поездку для встречи с представителями высшего шиитского духовенства в г. Кум. 31 марта 1924 г. в Тегеране была опубликована декларация относительно результатов его встречи с шиитскими муджтехидами. В ней, в частности, говорилось: «...Настоящее правительство до сего времени воздерживалось от противодействия народным массам выражать свои убеждения... Однако ... поскольку мое единственное убеждение и намерение состояли и состоят в защите и на страже величия ислама и независимости Ирана... я буду считать врагом государства всякого, кто противостоит этим принципам и приложу все силы к его уничтожению... Когда я встретился в г. Куме с представителями высшего духовенства, и мы обменялись мнениями относительно текущего момента, то пришли к заключению, что необходимо предложить народу оставить мысль о республике и вместо того приложить все усилия к устранению препятствий с пути реформ и прогресса страны, оказывая мне содействие в деле осуществления святой цели упрочения основ веры, независимости и национального правительства».

Характерно, что после завершения хузистанской кампании по приглашению иранцев, проживающих в г. Басре, Реза хан в конце 1924 г. совершил поездку в Ирак. Он и сопровождающие его лица кроме Басры посетили шиитские святыни, находящиеся в Карбале, Наджафе, Самарре и Каземейне. Во время посещения этих мест проживающими в Ираке иранцами были устроены торжественные приемы в честь Реза хана. В ходе этих встреч произносились речи и провозглашались лозунги, в которых деяния главнокомандующего вооруженными силами и премьер-министра Ирана получили чрезвычайно высокую оценку. Его называли возродителем Ирана, стражем земли Сасана, честным слугой ислама и т. д., сравнивали с ахемендскими царями и шахом Аббасом Великим. В Наджафе Реза хан имел специальную встречу с

виднейшими шиитскими улемами, в число которых входили Ага Абольхасан Эсфахани, Фирузабади, Найини и другие.

В воспоминаниях Реза хана, записанных Фараджулла Ханом Бахрами, будущий шах подчеркивал, что во время обсуждения иранских проблем он остался очень довольным тем, что насчет путей разрешения обсуждаемых вопросов было обнаружено полное соответствие его личных мнений с воззрениями улемов. Судя по всему, здесь Реза хан намекал о поддержке улемами его претензии на иранский трон.

В этой связи, видимо, следует иметь в виду, что организация паломничества и визита Реза хана в святые места Ирака без санкции английских властей была бы невозможной, так как страна эта в то время находилась под реальной властью Британии. Важно и другое, как утверждает в своей диссертации по англо-иранским отношениям А. Заргар, ссылаясь на английские дипломатические документы, ведущие сотрудники Форин офиса были явно против республиканского движения, предпочитая сохранение в Иране конституционной монархии.

Между тем после возвращения в Тегеран Реза хан добивался официального утверждения его в должности главнокомандующего всеми вооруженными силами страны, что по конституции было прерогативой шаха. Правая оппозиция в меджлисе, возглавляемая известным религиозно-политическим деятелем Сеид Хасаном Модарресом, пыталась отсрочить обсуждение этого вопроса до возвращения Ахмед шаха Каджара из Европы. Однако Реза хан, ссылаясь на то, что своими действиями шах и наследник престола препятствуют нормальной деятельности правительственного кабинета, в ультимативной форме потребовал, чтобы меджлис, не откладывая, дал свой ответ на его запрос относительно его утверждения в должности главнокомандующего. После длительных дебатов меджлис 14 февраля 1925 г. принял требуемое Реза ханом решение. В нем было также подчеркнуто, что без утверждения меджлиса Реза хан от должности верховного главнокомандующего отстранен быть не может [109]. Добившись своего, Реза хан пошел навстречу правой оппозиции и отменил повсеместно военное положение, включив в состав кабинета некоторых представителей царствующего рода, в частности каджарского принца Фируз мирза (Носрет од-Доуле) и Кавам од-Доуле.

Реза хан и его сторонники, однако, от своей антикаджарской

политической кампании не отказались. Более того, возникшие из-за нехватки хлеба в столице трудности были использованы сторонниками и представителями правительства для организации выступлений против номинально царствующей династии Каджаров. Скоро, однако, в связи с имевшими место хлебными бунтами правительство восстановило военное положение в столице и ряде крупных городов страны. Одновременно сторонниками Реза хана были спровоцированы в различных провинциях, в частности, в Азербайджане и Гиляне, массовые выступления, участники которых требовали от меджлиса низложения Каджаров.

29 октября 1925 г. на заседании меджлиса началось обсуждение поступивших из Азербайджана телеграмм, в которых выдвигалось требование об устранении от власти Каджаров. Тут же на обсуждение депутатов поступил заранее подготовленный законопроект относительно низложения царствующей династии Каджаров и передачи временно верховной власти «в рамках основного закона» Реза хану Пехлеви. Окончательное разрешение вопроса о верховной власти возлагалось на Учредительное собрание. 31 октября меджлис утвердил законопроект о низложении Каджаров. Из 85 депутатов только пять человек голосовали против проекта. Свержение Каджаров было отмечено орудейными залпами. Мохаммед Хасан мирза – наследник престола был арестован и вскоре выслан из страны. Выборы в Учредительное собрание произошли при непосредственном «участии» военных властей и полиции.

6 декабря Учредительное собрание приступило к работе. Она завершилась 12 декабря. Из трехсот членов 257 голосовали за избрание Реза хана наследным шахом Ирана, а против – 3. Такое единодушие членов Учредительного собрания было достигнуто тем, что, во-первых, военно-полицейские власти не допустили избрания в Учредительное собрание лидеров левodemократических группировок, с которыми временами еще недавно Реза хан сотрудничал. Во-вторых, такой результат стал возможным благодаря отходу Модарреса и его соратников от своих прежних позиций, когда они представляли собой оппозиционную фракцию, которая противилась обсуждению вопроса о низложении Каджаров.

ГОДЫ ДИКТАТУРЫ РЕЗА ШАХА (1925–1941)

Итак, Реза хан был коронован. Он стал основателем новой династии – Пехлеви. Эта фамилия, избранная Реза шахом, должна была символизировать политическую преемственность, так как она сама по себе содержала претензию на связь с Ираном времен парфянских и сасанидских шахов [1]. Уже в качестве главы государства, диктатора, Реза хан стал проводить в отношении Хузестана и зоны Персидского залива более целенаправленную политическую линию. Однако и новая линия не была лишена последовательности. Это обнаружилось прежде всего в отношениях с Англией и АПНК.

Вопрос о деятельности Английской нефтяной компании до 1923 г. занимал в ирано-английских отношениях второстепенное место. Правящие круги Ирана, прилагая усилия для решения ряда неотложных внутри- и внешнеполитических проблем, не обращали должного внимания на деятельность АПНК и вообще на нефтяной вопрос. Объяснялось это отчасти тем, что новые иранские руководители вначале не имели полного представления о масштабах и характере деятельности английской компании. Еще более важно было то, что вплоть до стабилизации своей позиции Реза шах опасался прямо посягать на интересы Великобритании.

Как было отмечено, Лондон, в целом не препятствуя консолидации нового иранского режима, и после мятежа шейха Хазала периодически инспирировал или тайно поддерживал отдельные вооруженные выступления против центрального правительства в Хузестане, пытаясь таким образом сохранить рычаги давления на Реза шаха. Английские дипломаты считали, что для сохранения престижа Великобритании на Среднем Востоке ей очень важно не потерять «доминирующие позиции» в Иране. Добиваясь этой цели, они постоянно запугивали иранское правительство

«большевистской угрозой», с тем чтобы убедить его в необходимости сохранить с Англией тесные отношения. Руководители Форин офиса призывали Иран к «освобождению» северных провинций Ирана от «экономического сервитута» («порабощения») СССР [2]. Одновременно британское правительство продолжало добиваться признания его особых прав на юге. В письме к английскому посланнику в Тегеране О. Чемберлен писал, что «правительство Его Величества не выступает против установления центральным правительством (Ирана. – С.А.) прямого контроля в Арабистане» (т. е. в Хузестане. – С.А.). Вместе с тем министр требовал признания Ираном «значительных интересов» Англии в зоне Персидского залива, «включая Хузестан и нефтяные месторождения» [3].

Именно эти интересы стали важнейшим фактором, определившим позицию Англии в отношении той или иной новой акции иранского правительства, способной затрагивать интересы Британии. Так, 10 декабря 1927 г. иранское правительство объявило об аннулировании режима капитуляций. Этот законный акт вызвал недовольство Великобритании, так как, по идее, он должен был привести к ликвидации автономного судопроизводства в зоне деятельности АПНК. Следуя инструкции из Лондона, английский посланник убеждал в конце 1927 г. членов иранского правительства, что распространение иранской юрисдикции на рабочих и служащих АПНК может нанести ущерб деятельности компании, являющейся «важным источником благосостояния Ирана» [4]. Те же аргументы посланник приводил 31 декабря 1927 г. во время аудиенции у Реза шаха. Уступив английским просьбам, Реза шах в принципе согласился на сохранение автономного режима судопроизводства в зоне деятельности английской компании. Более того, он выполнил и некоторые другие пожелания руководства АПНК, выразив удовлетворение ее деятельностью и даже не поспушившись, по свидетельству английского посланника, на похвалы в ее адрес [5].

3.1. Спор между иранским правительством и руководством АПНК. Дело А. Теймурташа

Между тем спорные вопросы, возникшие между иранским правительством и АПНК в начале 20-х годов, до конца не были решены. В начале 1927 г. иранское правительство предложило

АПНК передать дело в арбитраж. Однако представители компании отклонили это предложение, заявив, что все спорные вопросы были урегулированы в декабре 1920 г., когда было заключено соглашение, подписанное от имени Ирана Армиейдж-Смитом. В 1928 г. отношения между иранским правительством и АПНК стали ухудшаться. Это произошло во время поездки Реза шаха в Хузестан и посещения министром двора Теймурташем (фактическим руководителем иранской внешней политики) и некоторыми другими государственными деятелями предприятий компании. То, что они там увидели, произвело сильнейшее впечатление на визитеров, которые впервые представили себе масштабы деятельности компании и поняли, какие доходы сулит ей все увеличивавшаяся добыча иранской нефти.

Вернувшись в Тегеран, от имени шаха в правление АПНК было отправлено письмо, в котором, в частности, говорилось: «Во время этой поездки я привез с собой в качестве сопровождающих большую группу видных иранских политических деятелей, с тем чтобы они приняли участие в празднествах по случаю открытия хорремабадской дороги и осмотрели предприятия нефтяной компании. Мне захотелось, чтобы, прибыв сюда, они воочию убедились в том, какие огромные предприятия построены компанией для добычи и переработки наших нефтяных ресурсов и какие большие доходы она получает, выплачивая нам – истинным хозяевам нефти – незначительную сумму. Сам я приглашение компании не принял. Я отклонил ее приглашение, во-первых, потому, что уже осматривал все ее предприятия несколько лет назад, а во-вторых, по той причине, что деятельностью нефтяной компании в Иране я не удовлетворен. Руководителям компании следует понять, что иранское государство и иранский народ отрицательно относятся к концессии, выданной д'Арси, и считают, что необходимо, как можно скорее, составить текст нового концессионного соглашения, более полно обеспечивающего интересы Ирана. Этот вопрос неоднократно ставился правительством. Ныне я откровенно напоминаю, что руководителям компании следует серьезно заняться его решением. Если же они в отношении его проявят пренебрежение, то ответственность за последствия этого будет лежать на них. Страна не сможет дальше терпеть такого положения, когда огромные доходы от нефти присваиваются иностранцам, в то время как Иран их лишен» [6].

После того как указанное письмо было отослано в правление АПНК, Теймурташ совершил поездку в Европу. В июле 1928 г. во время своей встречи в Лондоне с Дж. Кэдменом – председателем правления АПНК – он высказал ему ряд соображений по поводу отношений между иранским правительством и компанией. Теймурташ предложил АПНК отказаться от тех частей концессионной зоны, где добыча нефти не ведется, пообещав взамен продлить срок действия концессионного соглашения. Одновременно Теймурташ попросил, чтобы доля Ирана выплачивалась и акциями компании. Эта просьба вызвала озабоченность у руководителей АПНК, так как в случае ее выполнения иранское правительство со временем могло бы стать полноправным совладельцем компании и получать, помимо «роялти», доходы в качестве держателя акций подобно другим акционерам [7]. Руководство АПНК отнеслось к предложению Теймурташа отрицательно и игнорировало его.

12 августа 1928 г. Теймурташ направил на имя председателя правления компании официальное письмо, где поставил под сомнение законность самой концессии д'Арси, на основе которой осуществлялась промышленная и коммерческая деятельность АПНК. Он обратил внимание правления на то, что концессия была предоставлена в период царствования ныне низложенной династии Каджаров и до введения в Иране конституции. Иранское законодательство, отмечал он, предполагает утверждение подобных концессий парламентом [8].

В конце декабря 1928 г. некоторые из поднятых Теймурташем вопросов были затронуты Реза шахом во время его встречи с английским посланником Р. Клайвом. Шах заявил, что с момента предоставления концессии обстановка в мире сильно изменилась; в интересах как Ирана, так и компании надо внести изменения в концессионное соглашение. Повторяя мысли Теймурташа о необходимости сокращения концессионной зоны, Реза шах говорил также о целесообразности урегулирования территориального спора на ирано-иракской границе, в районе Нефтахана, где была обнаружена нефть. Еще раньше, 20 ноября 1928 г., иранский премьер-министр Мехди Коли хан Хедаят (Мохбер ос-Салтане) подверг в меджлисе резкой критике практику выдачи концессий в прошлом, недвусмысленно намекнув на концессию д'Арси [9].

Во время своих встреч с главой английской миссии в Теге-

ране в январе 1929 г. Теймурташ охарактеризовал вопрос об АПНК как самый значительный среди нерешенных ирано-английских проблем. Он настойчиво добивался принятия предложения о предоставлении иранскому правительству части акций компании в счет его доли в нефтяных доходах. Тактика, избранная Теймурташем в переговорах с дипломатическими представителями Англии, была разумной. Но иранский министр наивно убеждал английского посланника, что рост могущества иранского государства в новой ситуации – в интересах Великобритании. Исходя из этого, он добивался участия Ирана наряду с английским правительством в промышленно-коммерческой деятельности АПНК.

В начале 1929 г. в Тегеран для переговоров прибыл Дж. Кэдмен, занимавший с 1926 г. пост председателя правления компании. Выслушав иранское предложение, он заявил, что для окончательного ответа ему необходимо посоветоваться с членами АПНК, и выехал обратно в Лондон.

Тем временем представители компании выискивали любые возможности, чтобы отвлечь внимание иранского правительства от спора. В этом плане особенно показательны действия руководства компании в связи с первомайским выступлением рабочих в 1929 г. в Абадане.

Уже в начальный период деятельности компании в Хузестане образовалась значительная по численности прослойка промышленного пролетариата. К концу Первой мировой войны на предприятиях компании было занято 9–10 тыс. человек, к концу 20 – началу 30-х годов – более 15 тыс. В основном это были выходцы их бахтиарских, лурских и арабских племен, а также бывшие ремесленники и рабочие из Тегерана, Исфахана, Дизфуля и других городов. Кроме иранцев на предприятиях компании работали индийцы, а также англичане. Условия труда местных рабочих, как правило, были очень тяжелыми. За свой изнурительный труд они получали мизерную заработную плату; она была в два-три раза меньше, чем у рабочих-индийцев. Особенно низки были заработки у тех иранцев, которых компания нанимала на временные работы (строительство дорог и т. д.) [10].

Первые забастовки нефтяников были отмечены еще в начале 20-х годов. Наиболее крупная из них состоялась в 1922 г., когда иранские рабочие поддержали выступление индийцев, требовавших увеличения заработной платы. Для подавления этой забастовки

руководство АПНК использовало английские военные части, расквартированные в Абадане. Большинство принявших участие в забастовке индийцев были высланы в Индию. Новые выступления нефтяников произошли в конце 20-х годов, когда подпольная организация Иранской коммунистической партии пыталась развернуть среди них свою деятельность. В этот период появились полулегальные профсоюзные организации*.

В канун мая 1929 г. рабочие и служащие АПНК выдвинули перед ее администрацией ряд серьезных требований, в первую очередь касающихся увеличения минимума заработной платы, улучшения бытовых условий, ликвидации дискриминации в отношении иранцев, предоставления ежегодных отпусков. Отказ руководства компании удовлетворить эти требования вызвал 4 мая 1929 г. в Абадане демонстрацию протеста. Для ее подавления руководство АПНК вызвало из Басры английские воинские подразделения. Против рабочих были направлены и иранские войска. Многие рабочие были арестованы и брошены в тюрьму в Хорремабаде. Наиболее видные руководители рабочих были отправлены в тегеранскую тюрьму, где, как правило, содержались политические противники режима [11].

Руководители АПНК и английский посланник предприняли целую серию акций, направленных на то, чтобы использовать майские события для устрашения иранской верхушки. Помощник управляющего компании на юге Гэсс прибыл в Тегеран, с тем чтобы дать показания иранскому правительству относительно абаданской демонстрации. На юг были направлены политические офицеры из состава британской миссии. Два английских военных корабля стали на Абаданском рейде. Английский посланник и Гэсс пытались внушить Теймурташу мысль о том, что волнения в Абадане представляют собою «тщательно подготовленный коммунистический заговор» и что «в целом коммунистическое движение в Хузестане больше направлено против персидских властей, чем против компании». Не преминул посланник использовать этот инцидент и в антисоветских целях. Он заявил Теймурташу, что «эти волнения» никогда не вспыхнули, «если бы персидское правительство не позволило обосноваться в Ахване советскому консульству». По его

* Рабочие организации и Иранская коммунистическая партия (ИКП) вынуждены были уйти в подполье в 1925 г. В 1927 г. нелегально проходил II съезд ИКП.

просьбе были приняты некоторые меры предосторожности, в частности, были учреждены отделения иранской тайной полиции на юго-западе, в зоне деятельности АПНК. То, что в действительности ОГПУ и руководство Коминтерна придавали большое значение своей деятельности среди рабочих английской нефтяной компании, подтверждается сведениями Г. Агабекова – крупного чекиста, бежавшего в 1930 г. на Запад. Генерал-губернатор Хузестана заслужил официальную благодарность руководителей английской компании за помощь в подавлении абаданских волнений [12].

И все же компании пришлось частично удовлетворить требования персонала, занятого на ее предприятиях: уровень заработной платы рабочих-иранцев был несколько повышен. Известное удовлетворение должно было почувствовать и иранское правительство, получившее в качестве своей доли за 1929 и 1930 гг. в общей сложности более 2,7 млн. ф. ст. [13].

Вместе с тем в письме от 7 августа 1931 г. Кэдмен уведомил Теймурташа о категорическом отказе правления АПНК пересмотреть условия концессии д'Арси. Иранское правительство не отступило, но согласилось для начала вести переговоры только в отношении методов исчисления 16%-ной доли Ирана. Переговоры между Теймурташем и Кэдменом шли в Швейцарии, а затем в Лондоне. В начале января 1932 г. состоялась новая встреча в Париже. В конце концов в принципе был согласован проект нового соглашения относительно исчисления 16%-ной доли иранского правительства. Но, когда в мае 1932 г. иранское правительство попросило правление АПНК направить в Тегеран своего представителя для разъяснения некоторых пунктов проекта, компания отказалась от продолжения переговоров. 3 июня компания уведомила иранское правительство, что концессионные платежи за 1931 г. составят только 306,8 тыс. ф. ст. Это сообщение вызвало резкое недовольство у иранских руководителей, так как в 1929 и 1930 гг. Иран получил от АПНК соответственно 1 437 тыс. и 1 288 тыс. ф. ст. Компания объясняла столь резкое уменьшение сумм, выплачиваемых иранскому правительству, экономическим кризисом и советской конкуренцией (?!), в результате чего якобы доходы компании на рынке резко уменьшились. В том же году АПНК выплатила британскому правительству в качестве подоходного налога около 1 млн. ф. ст. [14].

Иранская казна в тот период остро нуждалась в финансовых

средствах. Значительное уменьшение поступлений в государственный бюджет могло ослабить режим. В ноябре 1932 г. Реза шах дал указание премьер-министру Мехди-Коли хану Хедаяту официально денонсировать концессионное соглашение, заключенное с д'Арси. 27 ноября министр финансов Х. Тагизаде направил в правление АПНК официальное письмо, в котором сообщалось, что отныне иранское правительство считает концессию д'Арси недействительной и денонсированной. В письме также говорилось, что «если компания в отличие от прошлого изъявит готовность соблюдать интересы страны..., то иранское правительство в принципе не откажется от предоставления ей новой концессии». 1 декабря 1932 г. акт о денонсации был одобрен меджлисом, а 20 декабря утвержден Реза шахом [15].

В период обострения отношений Ирана с АПНК был смещен со своего поста Теймурташ, деятель, который начиная с 1925 г. играл важнейшую роль в формировании и осуществлении иранской внешней политики. Его отставка имела определенную связь с ирано-английскими отношениями. Судя по опубликованным в Иране материалам, ведя переговоры с председателем правления АПНК, Теймурташ тайно зондировал почву о возможностях сотрудничества в области нефти с представителями ряда других западноевропейских стран и компаний. Высказывалось мнение, что будто в конфликте с АПНК (и Англией) он был намерен даже просить поддержки у советского правительства [16].

В 1932 г., во время возвращения из Западной Европы, где он продолжал переговоры с Кэдменом, у Теймурташа в Москве сотрудницей английской секретной службы был похищен чемодан с документами и записями. Они касались его встреч по иранской нефти не только с руководителями АПНК, но и с официальными представителями Франции, Германии и Италии. По утверждениям иранских авторов, одновременно в чемодане имелись материалы, свидетельствующие о тайных связях Теймурташа с советской разведкой, ГПУ. (Опубликованные в Иране материалы дают возможность предположить, что английской разведке было известно еще раньше о контактах иранского министра двора с Советским Союзом.) Организовав похищение указанных материалов, английская секретная служба убила одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, правительству Великобритании стали известны тема и характер переговоров Теймурташа в Западной Европе.

Во-вторых, документы, копии которых оказались у шаха, дали возможность английской дипломатии полностью дискредитировать в глазах Реза шаха влиятельного политического деятеля, последовательно добивавшегося увеличения доходов Ирана от нефти и пересмотра условий концессии д'Арси в пользу иранского государства [17].

Абдольхосейн Теймурташ был крупным землевладельцем, представителем аристократического рода из Хорасана. Получил специальное академическое военное образование в Санкт-Петербурге. После возвращения в Иран включился в политическую деятельность. В 1909 г. стал депутатом меджлиса второго созыва. В 1918 г. был назначен правителем Керманской провинции. В 1920 г. пользовался политической поддержкой английской дипломатической миссии в Иране. В начале 1923 г. вошел в состав правительства в качестве министра юстиции. В третьем правительстве Реза хана, функционировавшем всего один год, исполнял обязанности министра торговли и общественного блага [18].

С 1923 г. Теймурташ стал одним из активных сторонников смены Каджарской династии и утверждения Реза хана главой нового государства (шахом). После коронации Реза шаха он был назначен министром двора и стал одним из самых близких ему сановников.

Антибританские действия дорого обошлись Теймурташу. После приезда в Тегеран, 23 февраля, он был отстранен от государственных дел. 24 декабря 1932 г. его арестовали.

Формальным поводом того, что главный фаворит шаха вдруг оказался в опале, явилось раскрытие его тайного сотрудничества с советскими разведорганами. Однако главную роль в подготовке и осуществлении его отстранения сыграло руководство Форин офиса. Оно было крайне озабочено сообщением английского посланника о том, что находившийся под влиянием Теймурташа шах «намерен» сделать Иран страной полностью независимой и экономически самообеспеченной [19]. Видимо шах, исходя из собственных интересов, решил препятствовать распространению слухов об измене своего соратника.

Именно поэтому Теймурташа привлекли к судебной ответственности не за государственную измену, а за получение взятки от одного крупного купца. В июне 1933 г. он был осужден на пять лет тюремного заключения. В конце сентября того же года

зам. наркома иностранных дел Л. Карахан посетил Тегеран с коротким визитом и встречался с Реза шахом. Он добивался смягчения меры наказания Теймурташу. Однако это вмешательство скорее усугубило положение Теймурташа. Он был умерщвлен в тюрьме 1 октября 1933 г., как раз в те дни, когда Карахан находился в иранской столице. Такой акт мог быть совершен лишь по личному указанию самого шаха [20].

Измена своего самого близкого соратника угнетающе действовала на Реза шаха. После инцидента, связанного с министром двора, отношение Реза шаха к Москве стало более враждебным. Уход с политической арены Теймурташа, однако, не отодвинул на задний план вопрос о нефти. Конфликт иранского правительства с АПНК оставался неразрешенным. Как было отмечено выше, Реза шах и его окружение в осуществлении своих планов развития экономики, в частности строительства за счет государственной казны промышленных предприятий, и укрепления вооруженных сил важное место отводили доходам от нефти. Неожиданное и резкое уменьшение концессионных платежей вызвало у иранской верхушки сильное беспокойство. При этом следует иметь в виду, что в течение ряда лет Реза шаху не удавалось урегулировать с Англией ряд территориальных и приграничных вопросов в зоне Персидского залива и в Хузестане. Если раньше Реза шах не мог позволить себе открытого противоборства с Англией, то в новых условиях, в конце 20 – начале 30-х годов, он был в состоянии идти на конфликт с АПНК, особенно когда речь шла о существенных финансовых и политических интересах режима.

К тому времени новый режим уже успел пережить стадию своего становления. Правда, Реза шаху удалось предотвратить переход иранского общества на демократический путь развития, отчасти – при поддержке Великобритании. В созданном им государстве ведущее место заняли полуфеодалы-помещики, первым из которых был сам глава государства. (Согласно данным иранского исследователя Зохра Шаджаи, в период правления Реза шаха численность крупных помещиков в парламенте даже несколько увеличилась.) Заметному укреплению общественно-политического статуса крупных землевладельцев послужило аграрное законодательство периода правления Реза шаха [21]. Это была единственная область, где полностью послушный монарху парламент (меджлис) проявил «активность».

3.2. Реза шах Пехлеви как политик и правитель

Реза шах был человеком малообразованным и ограниченным, вследствие чего многие политические проблемы он пытался решать лишь посредством грубого насилия, как, впрочем, и его многие предшественники. Таким путем он вновь «собрал» иранские земли после почти полного распада государства Каджаров. Но такими же средствами он расправился с демократическими течениями. Более того, меджлис, который явился одним из наиболее значительных достижений конституционной революции 1905–1911 гг., шах превратил, как говорили сами иранцы, в чисто «церемониальное» («ташрифати») учреждение. Его депутаты были лишены права выступать с какой-либо инициативой.

Именно половинчатость многих политических, экономических и иных мероприятий, осуществленных в эпоху правления Реза шаха, стала причиной неоднозначной характеристики его исторического образа в советской историографии. В течение многих лет в советской исторической литературе шли острые дискуссии относительно переворота 1921 г., а также сущности и характера шахской власти. Мнения по этим вопросам сильно расходились. Давать объективную обобщенную историческую оценку шахскому Ирану советским авторам сильно мешало их стремление сочетать подобную оценку с текущим политическим курсом СССР в отношении монархии Пехлеви.

Следует учесть, что с годами диктатура Реза шаха приобретала все более реакционные черты, что сопровождалось усилением его маниакальных претензий на преемственность его власти доисламским династиям Ахеменидов и Сасанидов. В то же время в начале своей политической карьеры он уделял большое внимание сотрудничеству с различными политическими группировками, заигрывая порою даже с деятелями, известными своими левodemократическими позициями.

В период выборов в меджлис V созыва (1923 г.), когда вновь образованные партии выступали со своими программами относительно будущего общественно-политического развития Ирана, Реза хан сошелся с лидерами и сторонниками правонационалистической реформаторской партии «Таджаддод» («Обновление»). Все они были деятелями, вышедшими на политическую арену во время конституционной революции. Большинство этих людей являлись выходцами из состоятельных слоев, получившие высшее

образование в европейских странах. Некоторые из них имели близкие отношения с каджарским двором и контакты с правительствами иностранных держав.

Политические устремления лидеров «Таджаддода», нашедшие свое выражение в публицистических выступлениях и программных заявлениях, по своему содержанию и характеру были неоднозначными. Некоторые из них, например, идея о необходимости создания регулярных войск, развитие светской судебной системы, введение прогрессивной налоговой системы, развитие национального капитала и промышленного строительства, расширение светской системы образования, отделение религии от политики, отмена капитуляционного режима, создание национального банка и другие, в принципе, соответствовали интересам дальнейшего развития иранского общества [22].

В то же время лидеры и сторонники «Таджаддода» вели пропаганду тезиса о возрождении величия древнего Ирана, в этих целях призывая к упрочению основ монархии и персификации всех иранцев. Они активно поддерживали законодательные акты, направленные на упрочение позиций крупных частных собственников и помещиков, а позже также начатую Реза шахом борьбу против леводемократических сил и карательных походов против племен. При этом некоторые из лидеров, ссылаясь на пример Муссолини, содействовали установлению в Иране личной диктатуры шаха. Другие – призывали народ к освобождению от оков суеверия и влияния реакционного духовенства [23].

Многие из программных предложений «обновленцев» легли в основу проводимого Реза шахом политического курса. Особенно ему по душе оказалась идея о сильной власти. Став главой новой династии, он не упустил шанса, позволившего ему стать полноправным диктатором. Он уже не нуждался ни в поддержке партий, ни членов меджлиса. Некоторые из тех, кто помогал прокладывать Реза хану дорогу к личной диктатуре, впоследствии стали ее жертвами.

В 20-х и особенно в 30-х годах в экономическом и общественно-политическом развитии Ирана наблюдались явные позитивные перемены. В эти годы был осуществлен переход на светскую систему просвещения, проведены буржуазные реформы в области судопроизводства – приняты гражданский кодекс и коммерческий закон, организованы на буржуазных началах государ-

ственные финансы и стабилизировано денежное обращение. Были предприняты некоторые шаги для улучшения социального положения иранской женщины. В 1933 г. состоялось открытие Тегеранского университета. В 1928 г. был учрежден Национальный банк Ирана, который с 1932 г. стал выполнять функции центрального государственного эмиссионного банка. Шахиншахский банк был лишен права выпускать банкноты. С 1931 г. правящая верхушка приступила к созданию государственного сектора в промышленности, что было одним из основных проявлений политики госкапитализма, осуществлявшейся в Иране со второй половины 20-х годов. В 1927 г. началось строительство трансиранской железной дороги (от Персидского залива до побережья Каспийского моря) протяженностью 1394 км. В конце 1927 г. был ликвидирован режим капитуляций и принят закон об автономном таможенном тарифе, имевшем для Ирана важное позитивное значение.

Как справедливо замечает видный исследователь Ирана В. Флоор, обычно авторы, давая общую оценку периоду правления Реза шаха, часто склонны выявлять и подчеркивать его отрицательные черты [24]. Слов нет, в социальном и политическом планах это было тяжелое время для большинства иранцев. Но в то же время, было бы несправедливо считать «реакционной» сущность проводимой в этот период экономической политики [25]. И в исследованиях зарубежных авторов (В. Флоора, Ш. Иззави, А. Банани, К. Грюнвальда, Дж. О. Роналла) и советских, прежде всего З. З. Абдуллаева, и ряда других – 1925–1941 гг. рассматриваются как новая фаза в социально-экономическом развитии Ирана. Действительно, в эти годы удалось построить без иностранного займа трансиранскую железную дорогу, на которую было потрачено 50 млн. ф. ст. Эта дорога оказала огромное позитивное воздействие на развитие торговли, сельскохозяйственного и промышленного производства. В течение 1930–1941 гг. в строительство промышленных предприятий был вложен капитал, составлявший 260 млн. долларов. В 1928 г. по всей стране электричество имелось только в пяти городах – Тегеране, Бушире, Тебризе, Реште и Энзели. К 1931 г. были запущены еще 19 новых электростанций. Основанный в 1925 г. Национальный банк, посредством предоставления займов и выдачи кредитов частному сектору, оказал заметное содействие в строительстве промышленных предприятий.

К главным из них, большинство которых приступили к деятельности в 30-х годах, относились сахарные и цементные заводы, текстильные фабрики по производству хлопчатобумажных и шерстяных материалов, спичечные, кожевенно-дубильные фабрики. При этом следует учесть, что в 30-е годы более 50% иранского импорта составляли сахар, текстиль, чай и цемент. Наиболее значительной отраслью в стране была текстильная. Между 1931 г. и 1938 г. в стране государственным и частным капиталом были воздвигнуты не менее 29 крупных текстильных фабрик. С 1931 г. по 1940 г. численность промышленных компаний возросла с 38 до 460. В 1938 г. между представителями иранского правительства и германским консорциумом «Крупп» было достигнуто соглашение о строительстве в районе Кереджа двух доменных печей с ежедневным производством 150 т чугуна. В 1941 г. от 10 до 20% ВВП страны формировалось в промышленном секторе. В 1940 г. из 4,9 млн. самостоятельного населения 3,75 млн. были заняты в области сельского хозяйства, а 1,2 млн. человек – в промышленности [26].

В целом в течение 30-х годов в Иране были заложены основы частного и государственного секторов современной иранской промышленности. Заметные сдвиги наблюдались и в области сельскохозяйственного производства. Реза шах намеревался добиваться дальнейшего упрочения позиций Ирана в регионе. С этой целью он стремился урегулировать конфликт с АПНК и обрести контроль над территориями, принадлежавшими в прошлом иранскому государству.

В начале 30-х годов Иран официально поднял вопрос об «исконных» иранских территориях в зоне Персидского залива. В нотах от 19 и 22 сентября 1932 г. иранское правительство заявило, что оно не признает британского протектората над Бахрейнскими островами и требует полной эвакуации английских войск из Хенджана. Одновременно Иран выдвинул территориальные притязания на о-ва Малый и Большой Томб, а также на о-в Абу-Муса. Хотя под давлением Великобритании Иран 25 апреля 1929 г. признал Ирак, вопрос о южных границах между этими странами к началу 30-х годов приобрел конфликтный характер. Роль Великобритании в зарождении и развитии ирано-турецкого пограничного конфликта в районе реки Шатт-эль-Араб (до 1915 г.) обстоятельно рассматривается в книге Фируза Мансури [27].

Опубликованные иракским ученым Мустафой Абд аль-Кадером Наджджаром, а также рядом иранских и иракских авторов документальные архивные материалы свидетельствуют о том, что, желая как можно дольше сохранить свою экономическую автономию, руководство АПНК и английские власти фактически препятствовали урегулированию ирано-иракского пограничного спора, намереваясь воспользоваться их неразрешенностью для оказания давления на иранское правительство [28]. По «настоянию» правительства Ирака Англия принимала в 1932 г. непосредственное участие в ирано-иракских переговорах по пограничным вопросам. Однако представители Великобритании мало содействовали успешному ходу переговоров. Незадолго до своего смещения Теймурташ даже обвинил Англию в их преднамеренном затягивании. Эти переговоры были завершены лишь в июле 1937 г., когда в Тегеране был подписан ирано-иракский договор по пограничным вопросам. Иранская сторона, однако, не была удовлетворена его условиями, особенно пограничной линией в зоне реки Шатт-эль-Араб [29].

Великобритания активно противодействовала усилению позиций Ирана в зоне Персидского залива и в районе деятельности АПНК. Как раз во время нефтяного конфликта в Лондоне и Индии обсуждался вопрос о притязаниях Ирана на Бахрейнские острова. В октябре 1932 г. Форин офис представил свои предложения о политической линии в отношении Ирана. В этом документе подчеркивалась особая роль зоны Персидского залива для Британской империи. Его авторы отмечали, что промышленная и коммерческая деятельность АПНК имеет «огромное значение для империи». Вместе с тем они считали возможным передать вопрос о Бахрейнских островах на рассмотрение Международного суда. Однако государственный секретарь правительства Британской Индии Сэмюэл Гое энергично возражал против этого предложения. Гое, подобно многим его коллегам, был приверженцем концепции Керзона, состоявшей в том, что преобладание в зоне Персидского залива и в Иране имеет первостепенное значение для сохранения английского господства в Индии. Исходя из этой концепции, он настойчиво выступал за последовательно жесткий курс в отношении Ирана с тем, чтобы не допустить изменения статус-кво в регионе. 2 ноября 1932 г. английский кабинет принял это положение в качестве основы для дальнейших действий [30].

Одновременно английское правительство и руководство АПНК предприняли шаги для координации своих действий в отношении Ирана. Как заявил 19 октября 1932 г. председатель правления компании Дж. Кэдмен, он «опасается», что руководству АПНК придется попросить правительство Великобритании о помощи и вмешательстве в конфликт компании с иранским правительством. Первоначально было решено, что правительство в ходе спора будет оставаться «в тени». Однако было решено, что если Иран предпримет «акты насилия» в отношении АПНК и ее сотрудников, то политика «невмешательства» будет отброшена. Таким образом, еще до денонсации иранским правительством действующего концессионного соглашения английское правительство и АПНК, осведомленные о намерениях Теймурташа, разрабатывали совместный план противодействия Ирану и фактически шли на нагнетание напряженности [31].

3.3. Денонсация концессии, выданной д'Арси, и заключение нового соглашения. Значение доходов от нефти

27 ноября 1932 г. министерство финансов Ирана направило представителю АПНК в Тегеране ноту, в которой сообщалось о денонсации иранским правительством выданной в 1901 г. д'Арси концессии [32].

30 ноября английский кабинет обсуждал политику в отношении Ирана. Все члены кабинета поддерживали прежнее решение о проведении жесткого курса. 2 декабря министерству иностранных дел Ирана была направлена нота с резким протестом по поводу денонсации концессии д'Арси. Нота содержала открытую угрозу. В ней говорилось, что правительство Великобритании «примет все необходимые законные меры» для защиты английских интересов в Иране. Английское правительство, подчеркивалось в ноте, не потерпит никаких действий, наносящих ущерб имуществу АПНК [33]. В ответной ноте иранский министр иностранных дел Мохаммед Али хан Форуги еще раз напомнил, что иранское правительство считает себя вправе аннулировать концессию.

8 декабря 1932 г. министру иностранных дел Ирана была вручена новая английская нота. В ней правительство Великобритании

заявляло, что если иранское руководство до 15 декабря не отменит своего решения об аннулировании действующей концессии, то «правительство Его величества короля Великобритании будет вынуждено в срочном порядке передать дело о споре, возникшем между ним и иранским правительством относительно законности действия иранского правительства, на рассмотрение постоянного Международного суда в Гааге». В заключительной части ноты правительство Великобритании вновь угрожало Ирану [34].

Согласно данным английского государственного архива, лондонские политики серьезно обсуждали вопрос о военных акциях против Ирана. Однако большинство членов кабинета выступили против этого. Они мотивировали свою позицию тем, что переброска воинских частей из Индии и Египта в зону Персидского залива вызовет значительные расходы. Другие опасались возможной поддержки Ирана Советским Союзом; они утверждали, что условия советско-иранских договоров 1921 г. и 1927 г. создают правовую основу для подобных действий со стороны СССР [35]. Тем не менее, с целью демонстрации силы в зону Персидского залива было направлено несколько кораблей английского военно-морского флота [36].

Угрозы, однако, не произвели на Иран особого впечатления. 11 декабря иранское правительство направило в Лондон ответную ноту. В ней говорилось, что выдача концессии д'Арси «растоптала законные права страны». «Эта концессия, – отмечалось далее, – была получена в тот период, когда, к сожалению, при выдаче подобных концессий выгоды и интересы страны во внимание не принимались. Между тем концессионеры злоупотребляли некомпетентностью правящих кругов (Ирана. – С.А.). Помимо этого для приобретения концессий в те времена применялись угрозы и давление» [37]. Отметив нарушение компанией многих принципиальных условий концессионного соглашения, иранское правительство специально остановилось на вопросе об игнорировании ею иранских законов. В 1930 г., указывалось в ноте, в Иране был принят закон о подоходном налоге, и, несмотря на неоднократные обращения иранских властей, руководство АПНК препятствовало распространению его действия на предприятия компании. Она также отказывается предоставить Ирану возможность проверить ее финансовую отчетность, что предусмотрено соглашением, заключенным между АПНК и Ираном 22 декабря 1920 г. Вмешательство

английского правительства и возникший между Ираном и АПНК конфликт, отмечалось в ноте, еще более усугубило существовавшие разногласия. Иранское правительство заявило, что «считает себя вправе довести до сведения Совета Лиги наций об угрозах и давлении, предпринимаемых в отношении Ирана». Оно отказалось признать юрисдикцию Международного суда для рассмотрения возникшего конфликта [38].

Стремясь предупредить акцию Ирана, Англия 14 декабря 1932 г. направила в Лигу наций жалобу на Иран, правительство которого якобы своими действиями угрожает всеобщему миру. 18 декабря Лига наций обратилась к обеим странам с просьбой избежать конфликта. Иранское правительство в своем ответе от 19 декабря, согласившись на сохранение статус-кво, одновременно высказалось против передачи дела о конфликте в Совет Лиги наций. Тем не менее, отступив от первоначально занятой позиции, правительство Ирана согласилось направить свою делегацию в Женеву, где предстояло рассмотрение вопроса о конфликте. Ее возглавил министр юстиции Али Акбер Давер. В делегацию входили также управляющий Национальным банком Хосейн Ала и эксперт в области международного права Насролла Энтезам. Руководителем английской делегации был государственный министр иностранных дел Джон Саймон [39].

В своем выступлении на заседании Совета Лиги наций (26 января 1933 г.) английский министр пытался охарактеризовать деятельность АПНК чуть ли не как благотворительную. Выступление иранского министра Давера было ярким и аргументированным. Глава иранской делегации заявил, что конфликт с АПНК является внутренним делом Ирана, и что правительство Великобритании своим незаконным вмешательством посягает на суверенные права иранского государства. Далее Давер указал, что, по мнению его правительства, рассмотрение конфликта не входит в компетенцию Лиги наций. Представитель Ирана, обвинив Англию в использовании колониальных методов для «урегулирования» конфликта, сказал: «К сожалению, концессия, которая была получена у Ирана в эпоху угнетения и насилия при помощи неблагоприятных средств, ныне становится предлогом для давления на Иран, и сегодня вновь вопрос, входящий в компетенцию иранского правительства, стал поводом для вмешательства английского правительства, что наносит ущерб авторитету государ-

ственной власти Ирана и его суверенным правам». В таком же духе был составлен «Меморандум шахиншахского правительства», переданный ранее, 18 января, в генеральный секретариат Лиги наций [40].

Совет Лиги наций еще 24 января поручил министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу установить связь с обеими сторонами и содействовать им в поисках приемлемой основы для решения спора. 3 февраля Бенеш уведомил Совет, что стороны согласны приступить к переговорам. Во время состоявшейся в тот же день встречи между представителями Англии и Ирана выяснилось, что иранцы согласны вести переговоры лишь в Тегеране. Было решено, что переговоры будут происходить между представителями иранского правительства и АПНК без формального участия английского правительства. Руководство Форин офиса предложило ради успешного завершения переговоров предоставить Ирану заем. Однако английский кабинет в конечном счете отказался от этой идеи, опасаясь «негативного воздействия» такого шага на общественное мнение в Иране [41].

В конце марта 1933 г. в Иран для двухсторонних переговоров прибыла делегация АПНК. 3 апреля приехал ее глава – председатель правления компании Дж. Кэдмен. В иранскую делегацию входили министр иностранных дел Форуги, министр юстиции Давер и министр финансов Тагизаде. Переговоры велись в глубокой тайне. 22 апреля, когда был уже согласован почти весь текст нового концессионного соглашения, переговоры зашли в тупик. Согласно иранской версии, это случилось после того, как Дж. Кэдмен заявил, что срок действия концессии должен быть продлен до 1993 г. Требование представителя АПНК вызвало замешательство среди иранцев. Реза шах на этот срок не соглашался, и было похоже на то, что переговоры провалились. Однако неожиданно для многих Реза шах дал указание Тагизаде подписать подготовленный проект соглашения. От имени АПНК его подписал Дж. Кэдмен. Это произошло в 2 часа утра 30 апреля 1933 г. 28 мая соглашение было утверждено меджлисом (из 113 присутствовавших депутатов 105 голосовали за его одобрение), а 29 мая ратифицировано Реза шахом.

До сих пор остается невыясненным до конца вопрос о том, каким образом Дж. Кэдмену удалось вынудить Реза шаха согласиться на подписание соглашения, которое он не полностью

одобрял. Сам Реза шах это объяснял тем, что повторное обсуждение вопроса о разногласиях между Ираном и АПНК в Совете Лиги наций могло обернуться против Ирана, так как большинство членов Совета, вероятно, стали бы на сторону Великобритании. Однако такое объяснение кажется малоубедительным.

Английский историк Питер Бек для объяснения резкой перемены в поведении Реза шаха приводит полуанекдотический рассказ. По его словам, на следующий день, после того как переговоры зашли в тупик, т. е. 23 апреля 1933 г., Дж. Кэдмен нанес Реза шаху визит, дабы уведомить его о том, что английская делегация собирается покинуть Тегеран, не подписав соглашения. Чтобы усилить впечатление об опасных последствиях подобного шага, Дж. Кэдмен якобы дал указание пилоту, которому было поручено доставить членов делегации обратно в Лондон, совершить «демонстрационный» полет над Тегераном, причем вести самолет так, чтобы его можно было увидеть из окон шахского дворца, где в тот момент он должен беседовать с Реза шахом. Будто бы после этой встречи Реза шах и дал указание подписать соглашение [42]. Достоверность этой версии вызывает большое сомнение, но, так или иначе, Реза шах поддался нажиму и дал указание подписать неприемлемый, с его точки зрения, текст соглашения. Представляется, что председатель правления АПНК в своих уединенных встречах не остановился перед прямыми угрозами, намекнув о тайных связях Реза шаха в прошлом с английскими властями.

Таким образом, англо-иранский спор завершился заключением нового концессионного соглашения. В его основу было положено соглашение 1901 г. о предоставлении Мозаффар ад-Дин шахом концессии английскому подданному Уильямсу Ноксу д'Арси. В новое концессионное соглашение были включены 27 дополнительных статей. Некоторые условия концессии д'Арси были изменены [43].

В финансовом отношении основное отличие новой концессии от старой состояло в изменении системы денежных отчислений иранскому правительству 16% своего чистого дохода, включая доходы дочерних предприятий. Отныне компания обязалась отчислять до 4 шилл. за каждую тонну экспортируемой или реализуемой в Иране нефти (ст. X, пункт А). Помимо этого компании после вычета 671 250 ф. ст. надлежало выплачивать Ирану 20% прибыли, подлежащей распределению среди владельцев

обычных акций (ст. X, пункт В). Общая сумма выплат в соответствии с пунктами А и В ст. X должна была составлять не менее 750 тыс. ф. ст. (ст. X, пункт С). Статья XI освобождала компанию на 30-летний срок от уплаты подоходного налога. Взамен компания должна была выплачивать по 9 пенсов с каждой тонны добываемой нефти в пределах 6 млн. т и по 6 пенсов с каждой тонны нефти, добытой сверх этого объема. Компания давала гарантию, что общая сумма будет ежегодно составлять не менее 225 тыс. ф. ст. (ст. XI, пункт В). В целом, по условиям концессионного соглашения, за каждую тонну экспортируемой или реализуемой компанией в стране нефти иранское правительство должно было получать в среднем около 7 шилл.

По новому соглашению концессионная зона была сокращена. К 1939 г. она должна была составить лишь около пятой части площади концессии, предоставленной д'Арси.

Для удовлетворения всех финансовых претензий Ирана компания обязалась (согласно ст. XXIII) в течение 30 дней с момента заключения соглашения предоставить иранскому правительству 1 млн. ф. ст., а также полностью произвести концессионные платежи за 1931 г. и 1932 г. в соответствии со ст. X соглашения (ст. XXIII, пункт А).

Согласно ст. VI, ввозимые АПНК в Иран для своих нужд промышленное оборудование и материалы, а также оборудование для оснащения медицинских и иных учреждений компании освобождались от таможенных пошлин и всяких налогов. Такие же льготы были предоставлены компании в отношении нефти и нефтепродуктов, вывозимых ею с иранской территории.

Нетехнический персонал компании отныне должен был состоять исключительно из иранцев. Стороны договорились о составлении плана, предусматривающего постепенную замену служащих-неиранцев иранцами (ст. XVI).

Срок действия концессионного соглашения был определен в 60 лет, до 31 декабря 1993 г.

Во время конфликта с АПНК представители иранского правительства выдвинули ряд предложений, принятие которых упрочило бы иранский контроль над нефтью и способствовало бы развитию иранской экономики и финансов. В экономическом плане самым важным из них были предложения о превращении иранского правительства в акционера АПНК, о распространении

на компанию иранского закона о подоходном налоге, об отчислении «роялти» также с доходов дочерних фирм компании. Однако Реза шах, в начале конфликта требовавший от руководства английской компании удовлетворения пожеланий Ирана и выступавший против продления срока действия концессии (он говорил: «Мы тридцать лет проклинали за это наших предков, так неужели вы думаете, мы позволим, чтобы нас самих проклинали за то же самое еще пятьдесят лет?»), на заключительном этапе переговоров отошел от принципиальных позиций, предав забвению упомянутые требования.

Сохраняя полностью в ведении компании такие важные сферы деятельности, как наем рабочих и служащих, оплата труда, пожарная служба, охрана, медицинское обслуживание, соглашение юридически закрепляло автономию АПНК [44].

Анализируя историю нефтяного спора, мы можем сделать вывод, что на заключительном этапе переговоров иранская сторона сдала свои позиции и подписала соглашение, позволившее АПНК не только возобновить, но и расширить промышленную и коммерческую деятельность в Иране в ущерб экономическим интересам этой страны. Заключение нового концессионного соглашения, таким образом, скорее явилось поражением Ирана. Это признается большинством писавших по этой теме авторов. Даже шах Мохаммед-Реза Пехлеви охарактеризовал это соглашение как вынужденную уступку, а английский иранист Элвелл-Саттон назвал его «Пирровой победой» [45]. Питер Бек, однако, считает, что новое соглашение «предоставило преимущество обеим сторонам» [46].

Верно отметив, что основной целью выступления правительства Реза шаха против АПНК было стремление добиться увеличения нефтяных доходов, А. И. Демин и В. В. Трубецкой утверждают, что эта борьба будто «в известной мере, по-видимому, была призвана ослабить демократическое движение, направив его энергию против британских монополий». И далее: «Перекладывая в определенной степени ответственность за ухудшение положения широких слоев населения страны в годы кризиса (речь идет о мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг. – С.А.) на британские монополии, государство пыталось отвлечь трудящихся от участия в демократическом движении» [47]. История иранского общества конца 20 – начала 30-х годов не дает оснований для выдвижения подобного тезиса. Это надуманное утверждение.

В рассматриваемый период демократическое движение в Иране было в основном задавлено. Напротив, отход Реза шаха от первоначально занятой позиции объяснялся, прежде всего, тем, что опираться на широкую общественность, на народное движение он не желал. Чтобы не возбуждать широкие массы, правительство вело переговоры о нефти, как было отмечено, в глубокой тайне, официальная иранская пресса преподносила заключение соглашения с АПНК как значительный успех. Помимо этого, уступки Ирана были вызваны следующими обстоятельствами: правительство Реза шаха в этот период крайне нуждалось в валютных поступлениях от нефти, а в случае разрыва с Англией Иран лишился бы этих поступлений на более или менее продолжительный срок; в то же время, Реза шах и его окружение, в случае полного разрыва с английской компанией, особенно после смещения и ареста министра двора Теймурташа, не имели никаких альтернативных планов в отношении иранской нефти, и, наконец, известное влияние на ход переговоров, видимо, оказала, как отмечалось в ирановедческой литературе, угроза интервенции со стороны Великобритании.

Одним словом, в результате заключения с Ираном соглашения 1933 г. АПНК укрепила свое монопольное право на разработку богатейших нефтяных месторождений на юго-западе Ирана.

АПНК быстрыми темпами наращивала свои производственные мощности. Значительно увеличилась добыча нефти в открытых в 20-х годах месторождениях Хафтгел и Нефтшах. Если в 1933 г. добыча нефти составляла 7 млн. т, то в 1938 г. она достигла 19 млн. т. Еще более быстрыми темпами росли чистые доходы компании. В 1933 г. они выражались в сумме 2,7 млн. ф. ст., а в 1938 г. — 6,1 млн. ф. ст.

В то же время, если учесть что 30-е годы стали временем активного вмешательства иранского правительства в деятельность экономической сферы, то значение роста доходов от нефти для государственных финансов Ирана станет очевидным.

За 20 лет, в 1921–1941 гг., поступления Ирана от нефти составили около 35 млн. ф. ст., причем большую часть поступлений Иран получал во второй половине 20-х и в 30-х годах. Для Ирана тех времен это было суммой значительной, если принять во внимание, что за указанные годы на строительство предприятий фабрично-заводской промышленности было истрачено 16 млн. ф. ст.

Внешнеторговый дефицит иранское правительство покрывало в этот период из валютных фондов, образуемых за счет нефтяных платежей. Следует учесть то обстоятельство, что созданные во второй половине 20-х годов целиком из концессионных платежей запасные валютные фонды были использованы как база для проведения денежной реформы, мероприятия, имевшего первостепенное значение для становления капиталистической финансовой системы в стране. Как известно, при переходе на новую систему иранское правительство, помимо всего, выкупило право эмиссии банкнот у английского Шахиншахского банка.

Вместе с тем, советский иранист В. С. Глуходед отвергал как необоснованное положение английского исследователя С. Х. Лонгригга о том, что доходы от нефти «стали необходимыми для стабильности и фактически для самого существования государства и представляли собой главную часть персидских доходов из всех источников». Такое утверждение, по его мнению, «имеет своей целью доказать благотворность воздействия на иранскую экономику иностранного капитала и, в частности, обелить колониальную деятельность АПНК в стране». Он указывал, что в большинстве случаев концессионные платежи АПНК вообще не расходовались на развитие производительных сил и что основным источником роста государственных доходов Ирана во второй половине 20-х годов и в 30-е годы были налоговые поступления. При этом финансирование экономических расходов правительства обеспечивалось «главным образом за счет развития косвенного обложения, всей своей тяжестью падавшего на широкие народные массы» [48]. Считая цитированное утверждение В. С. Глуходеда относительно места косвенных налогов в иранских финансах периода правления Реза шаха правильным, тем не менее, нельзя согласиться с его попыткой принижения значения нефтяных платежей, получаемых от АПНК. Эти платежи приобрели чрезвычайно важное значение для возрождения централизованного иранского государства и, особенно, финансирования главной силовой опоры режима — армии. С начала 30-х годов, на протяжении почти всего десятилетия, ежегодно 2 млн. ф. ст. из нефтяных поступлений расходовались вне общего бюджета на приобретение вооружения и военного снаряжения.

Известное положительное воздействие на состояние иранских финансов оказало в 20-х годах расширение связей АПНК с

иранской экономикой вне нефтяной промышленности. Однако в 30-х годах компания взяла курс на сокращение указанных связей: с каждым годом все более уменьшался объем валюты, продаваемой компанией для обеспечения своих потребностей на иранском рынке. Если в 1923/24 г. и 1925/26 г. валютные расходы АПНК в Иране составляли 2 261 и 2 992 тыс. ф. ст., то в 1936/37, 1938/39 и в 1940/41 гг. – 125 тыс. ф. ст., 133 тыс. и 651 тыс. ф. ст. соответственно [49]. Компания предпочитала необходимые для нее строительные материалы, продовольствие и т. д. приобретать в этот период за пределами Ирана.

В конце 30-х годов произошли определенные сдвиги в связях АПНК (с 1935 г. – Англо-Иранская компания, АИНК) с иранским рынком в области поставок нефтепродуктов. Дело в том, что в 20-х годах, да и в течение первой половины 30-х, потребности иранского рынка в нефтепродуктах покрывались в основном за счет импорта, главным образом из Советского Союза. Поэтому в конце 20-х годов, и особенно во время переговоров 1932–1933 гг., иранские власти настаивали на том, чтобы АПНК расширила свои поставки на иранский рынок. Это требование было учтено в концессионном соглашении 1933 г. Руководство компании взяло на себя обязательство расширить сбыт нефтепродуктов в Иране, с тем чтобы со временем полностью обеспечить потребности иранского рынка. При этом ст. XIX (пункт В) соглашения предусматривала, что государственным предприятиям АПНК должна сбывать нефтепродукты со скидкой в 25%, а частным лицам – в 10%. Однако, согласно преамбуле ст. XIX, базовые цены (без скидок) на реализуемые компанией на иранском рынке нефтепродукты должны были устанавливаться в соответствии с ценами, существующими в зоне Мексиканского залива или в Румынии, исходя из того, какие из них окажутся ниже. Если учесть, что соглашение устанавливало высокие базовые цены на нефтепродукты (в мировых ценах на нефть, на которые соглашение ориентировалось, учитывались и транспортные расходы), то иранцам приходилось приобретать нефтепродукты по высокой цене. Таким образом, предусмотренная соглашением скидка оказалась в значительной степени фиктивной.

Для удовлетворения потребностей иранского рынка к середине 30-х годов компанией были построены небольшой нефтеперегонный завод в Керманшахе и нефтеочистительная установка в

Нефтьшахе. Тем не менее, еще в 1937 г. из 162,3 тыс. т нефтепродуктов, реализованных на иранском рынке, 44,5 тыс. т приходилось на долю импорта. И лишь к 1938 г. внутреннее потребление нефтепродуктов равнялось 48,1 тыс. т, в 1927 г. – 52,5 тыс., а в 1939 г. – 253 тыс. т. Основными районами потребления нефти были Тегеран, центральные и северные провинции страны. Для доставки нефтепродуктов в Центральный Иран и в столицу компания пользовалась трансиранской железной дорогой, а также автоцистернами. К 1939 г. компания закончила сооружение нефтепровода Ахваз–Тегеран пропускной способностью 100 тыс. т нефтепродуктов в год. И лишь к 1944 г. было завершено строительство второго нефтепровода мощностью 200 тыс. т в год [50].

Расширение в 30-х годах производственной деятельности компании имело следствием постоянный рост численности рабочих и служащих на ее предприятиях. В 1938 г. на них было занято 30 тыс. иранцев, в основном рабочих, 1020 индийцев и 1200 англичан. Нефтяники были самым значительным отрядом иранского пролетариата. Вместе с тем установленные на предприятиях компании с согласия иранских властей жесткие условия (запрет на создание рабочими собственных организаций, запрет демонстраций и т. п.) лишали передовых рабочих возможности создать свою организацию, способную бороться за улучшение материального и социального положения рабочих. К тому же местные власти, как правило, защищали интересы компании. Тесное сотрудничество между руководством АПНК и иранскими властями было явлением вполне естественным, если принять во внимание происходившие в политической жизни Ирана перемены.

3.4. Резашахская диктатура

Важной особенностью общественно-политической жизни Ирана во второй половине 20-х и 30-х годов явилось усиление личной диктатуры Реза шаха, ставшего к тому же в этот период крупнейшим землевладельцем Ирана. Реза шах все большее значение придавал вопросам борьбы с оппозицией, с левodemократическими и прокоммунистическими организациями. Тогда этими проблемами занималось главное управление полиции («назмийе»). Особенно расширились и укрепились позиции политической полиции, когда главное управление возглавил генерал-лейтенант Мохаммед Хосейн хан Айрумлу. Он был представителем известного тюркского

«служилого» клана племени Айрум [51], мигрировавшего после русско-иранских войн начала XIX в. из Кавказского Азербайджана в Иранский. Как и ряд других представителей знати этого племени, Мохаммед Хосейн хан получил специальное военное образование в Петербурге [52].

Реза шах имел с родом Айрумлы давние связи. Он в раннем возрасте лишился отца и остался на попечении своей юной матери и ее брата. Будучи родом из кавказских тброк-мигрантов, они устроили Резу на подсобную службу в один из отрядов дивизии персидских казаков. Резе тогда было всего четырнадцать лет.

Айром (так Мохаммед Хосейн хан был известен в политических кругах Ирана) полностью перестроил деятельность полиции. Он создал систему обширной систематической слежки за политическими и общественными деятелями, организовал специальное гвардейское подразделение для охраны шаха и т. д. [53]

Айром приходился близким родственником одной из жен Реза шаха – Тадж оль-Молька. Она была дочерью старшего офицера персидской казачьей дивизии – Теймура Айрумлу. Тадж оль-Мольк была матерью наследника престола Мохаммеда Резы Пехлеви. Благодаря своему природному уму и прозорливости, она обладала заметным влиянием при шахском дворе. Результатом ее активных усилий стали позитивные сдвиги в процессе консолидации и тесное сотрудничество «мохаджерских» родов Кавказского Азербайджана («мохаджеры» – переселенцы, эмигранты. – С.А.) [54].

По утверждению иранского публициста Наджафкули Песяна, генерал Айром, возглавляя главное управление иранской полиции, сохранял тайные контакты со своими старыми товарищами по учебе в России. Но каковым был характер этих связей, он не уточняет [55].

Документы, касающиеся борьбы иранской полиции против левых и прокоммунистических активистов в 1921–1931 гг., изданные и прокомментированные Каве Баятом, не оставляют сомнений относительно характера деятельности руководимой Айромом организации. Он верно служил Реза шаху, всемерно содействуя укреплению основ его личной диктатуры. Но что остается до сих пор полностью не раскрытым, то это причины и мотивы побега Айрома в Германию в 1935 г. Скорее всего Айром опасался жесткой реакции шаха на дошедшие до него сведения относительно его неблагоприятных дел, в частности коррупции. Основанием для

поездки послужила болезнь. Добиться возвращения генерала обратно иранским властям не удалось [56].

Несмотря на определенные шаги, направленные на укрепление иранской государственности, антинародные и реакционные черты режима Реза шаха предопределили, как было подчеркнуто, половинчатость его буржуазных реформ и непоследовательность линии в англо-иранском конфликте. Как было отмечено, иранские власти уклонялись от принципиальной борьбы с АПНК, предпочитая добиваться компромисса. Такое отступление, тактика, Тегерана позволяло руководству английской компании после заключения соглашения в 1933 г. продолжать курс на укрепление своего исключительного статуса как «государства в государстве». Это нашло выражение, в частности, в том, что компания открыто игнорировала многие решения иранских властей. Когда в 1936 г. иранское правительство приняло специальные «условия учреждения фабрик и заводов в Иране», где были оговорены некоторые элементарные права рабочих, указанный закон «нигде в такой степени не превратился в мертвую букву, как в нефтяной промышленности Хузестана» [57].

Английские политики и руководители АПНК всеми мерами препятствовали росту рабочего и продемократического движения на юго-западе Ирана, активно поддерживали те политические силы региона, которые были заинтересованы в консервации полуфеодальной общественной системы.

Вместе с тем расширение деятельности АПНК объективно оказало положительное воздействие на социальную и демографическую структуру Ирана. Во-первых, на предприятиях, принадлежавших английскому капиталу, продолжался процесс формирования самого многочисленного отряда иранского промышленного пролетариата. Во-вторых, быстрое расширение нефтедобычи, нефтепереработки, экспорта нефти и нефтепродуктов и прямо и косвенно содействовали появлению новых и росту существующих городов и населенных пунктов в Хузестане (Абадан, Хорремшехр, Месджеде-Солейман и др.). В общей сложности, расширение промышленно-коммерческой деятельности компании содействовало урбанизации и оживлению предпринимательства на юго-западе страны.

Как справедливо отметил З. З. Абдуллаев, происходившие в 20–30-х годах в Иране общественно-политические сдвиги явились

«вехой эволюционного перехода» от феодальной общественной системы к новой, полубуржуазной [58].

В то же время Реза шах и его окружение во второй половине 30-х годов были озабочены поисками нового внешнеполитического курса. Потерпев фактически поражение в конфликте с Англией по вопросу деятельности АПНК, а также в территориальных спорах в зоне Персидского залива, иранское руководство склонялось к достижению взаимопонимания с Германией. Тем более что Реза шаху и его близкому окружению импонировало провозглашенное фашистскими идеологами псевдонаучное учение о превосходстве арийцев над другими расами. Целый ряд националистически и монархически настроенных публицистов, историков и филологов в этот период прилагали большие усилия с тем чтобы соотнести идейные основы арийской теории германского фашизма с интерпретацией истории доисламских иранских монархий. Особенно царства Ахеменидов и Сасанидов. Характерно, что эта тенденция после образования первого Тегеранского университета значительно усилилась.

Открытие первого университета в столице Ирана в середине 30-х годов было важным культурным событием в истории страны. В первые годы деятельности Тегеранского университета важное место занимало преподавание и изучение истории и филологии древнего и средневекового Ирана. К работе в университете в этой области были приглашены зарубежные специалисты. Большая группа научно-преподавательских кадров первого высшего учебного заведения и столичных публицистов трудились, как говорят в наши дни, над разработкой персидско-иранской национальной идеи. Рассматривая древних персов (иранцев) «чистыми» арийцами, игнорируя или резко отрицательно характеризуя последующие значительные этно-расовые перемены в составе населения страны, они выдвинули идею о необходимости «восстановления» единого языкового и культурного пространства по всей стране [59].

Реза шах и его близкие соратники полностью разделяли эту концепцию. Для унификации общественно-культурного разнообразия страны и возрождения монархического единовластия, они сделали идею персидского шовинизма и паниранизма главным постулатом государственной идеологии. В соответствии с этой идеологией все печатные издания должны были осуществляться

исключительно на персидском языке. Со временем были закрыты все те учебные заведения, где преподавание велось не на персидском языке.

Отметим еще один любопытный аспект политики Реза шаха – проведение реформы в сфере одежды. Были отменены национальные костюмы. Строго ограничивалось право на ношение традиционной мусульманской одежды. Для военнослужащих и чиновников был введен особый головной убор – «пехлеви», по форме напоминающий французскую высокую шапку с козырьком.

Реформа одежды вызвала большое недовольство у кочевых обществ, поскольку для них костюм и головной убор испокон веков являлись знаком их этнической идентичности [60].

Но все обстояло куда хуже, чем первоначально представлялось кочевникам. Вскоре стало известно, что политика Реза шаха в отношении племен, к которой он приступил еще на посту военного министра и премьера, имеет далеко идущие цели. Во время беседы с одним известным религиозным авторитетом шах заявил, что намерен добиваться не только полного разоружения кочевых обществ, но и кардинального изменения их образа жизни.

К концу Первой мировой войны у многих полукочевых племен накопилось большое количество вооружения [61]. Без разоружения племен восстановить авторитет центральной власти в стране и прекратить межплеменные стычки Реза шах, естественно, другого пути для выхода из кризиса не видел. Тем более что представители некоторых могущественных племенных объединений Хузестана, Фарса, Хорасана и других окраинных провинций временами продолжали активно сотрудничать с Великобританией. Но шах не ограничивал борьбу против племен кампаниями, направленными на их разоружение. Одновременно осуществлялся перевод полукочевых обществ на оседлость с целью полного разрушения их автономного существования и традиционной племенной организации.

При этом реорганизация кочевых обществ проводилась поспешно, насильственными методами и без достаточных предварительных административно-экономических приготовлений.

Целый ряд политических деятелей, в том числе известный религиозно-политический авторитет Сейид Хасан Модаррес, открыто критиковали кампанию «тахте-капу» (т. е. перевода на

оседлость), указывая на большую вероятность трагических последствий такой репрессивной меры не только для полукочевых обществ, но и страны в целом [62].

В течение веков в зоне обитания племен размещалась одна из важнейших составляющих частей иранской экономики. Здесь выращивалась большая часть скота, особенно мелкорогатого, лошадей, выючных животных; производились мясомолочные продукты, а также шерсть, сафьян, высококачественные ковры и т. д. В результате осуществляемой шахской политики, возможности экономической деятельности племен резко сократились. От этого пострадали многие отрасли и городской промышленности, работающие на сырье (кожа, шерсть и т. д.), поставляемом кочевниками.

Ущерб политики в отношении полукочевников очень скоро дал о себе знать не только в сфере экономики, включая внешнюю торговлю. Значительное негативное воздействие стало очевидным также в области политики и культуры. Племенные общества оказали вооруженное сопротивление военным властям. Началась целая серия антиправительственных восстаний в Фарсе, Белуджистане, Курдистане и других регионах. Карательные операции против племен продолжались почти до конца 30-х годов.

Явно парадоксальной оказалась и идеологическая сторона политики Реза Пехлеви. В ней большое место отводилось пропаганде достижений доисламских культур, особенно времен Ахеменидов и Сасанидов, а также эпосу «Шахнаме» («Книга о царях») Аболькасема Фирдоуси. В то же время власти собирали и изымали экземпляры этого выдающегося произведения у кочевников, запрещали его исполнение в сопровождении музыки во время праздников на стойбищах. Ведь в стихах Фирдоуси воспевались героизм и отвага древнеиранских и туранских пехливанов (витязей).

Все это, вместе взятое, вынудило правительство внести заметные коррективы в политический курс в отношении племен.

Разоружение племен и принудительный перевод их на оседлость, а также линия на персификацию всего иранского населения должны были, по идее Реза шаха и его окружения, содействовать трансформации Ирана в нацию-государство. Хотя неосуществимость подобной задачи стала очевидной с самого начала, когда племена то в одном, то в другом регионе с оружием в руках поднялись на восстание, Реза шах продолжал упорствовать.

В то же время почти до конца 30-х годов вооруженные антиправительственные восстания оставались главной проблемой вооруженных сил. В ряде случаев для подавления вооруженных выступлений наиболее воинствующих племен правительство прибегало фактически к актам геноцида, когда уничтожалась знать племенных родов (кланов).

Иногда, привлекая отдельных предводителей племен к военной службе, правительство пыталось содействовать росту соперничества и вражды между ними.

В некоторых случаях выходцы из племен навсегда посвящали себя верному служению династии Пехлеви, заняв прочное положение среди новой элиты. Таковыми были, например, некоторые бахтиарские ханы, известный Амир Шовкат оль-Мольк и его сын – Амир Асадолла Алам. Последний стал одним из самых влиятельных и видных деятелей периода правления Мохаммеда Резы Пехлеви [63].

3.5. Тяготение к Германии. Желания и возможности

Желая усилить политические позиции режима, значительно потерявшего свою популярность в результате войны с кочевыми обществами, и стремясь улучшить экономическое положение, Реза шах в 30-х годах сделал упор на внешний фактор. Этот выбор во многом соответствовал воззрениям иранских буржуазных деятелей, эмигрантов, обосновавшихся в Германии еще в период Первой мировой войны. В издаваемых ими на персидском языке журналах «Каве» и «Ираншахр» рассматривались социально-экономические и культурные проблемы Ирана.

Тяготение Ирана к Германии в области торговли и технико-экономического сотрудничества имело весьма неоднозначные результаты с точки зрения интересов страны. Правда, между двумя странами значительно возрос торговый обмен, и германские фирмы приступили к разработке проектов и осуществлению строительства первых сталепрокатных станков в Иране. Готовясь к войне, накануне нападения на СССР, Германия закупила в Иране большую часть собранного урожая зерновых, в результате чего к началу зимы 1941 г. малоимущие и неимущие иранцы оказались под угрозой голода. Большинство построенных в 30-е годы зернохранилищ были полупусты. Правительство вынуждено было обратиться за содействием к английским властям относительно

поставок зерновых из Британской Индии. Позитивная реакция английских властей на иранскую просьбу в некоторой степени позволила смягчить угрозу голода в Иране.

Отмечая рост прогерманских тенденций во внешнеполитической линии Ирана, тем не менее, следует отметить, что в советской и английской политико-исторической литературе преднамеренно значение этой тенденции преувеличивалось.

Ради восстановления исторической правды необходимо отказаться от ставшей традиционной для советской историографии сильно преувеличенной интерпретации «прогерманской политики» Реза шаха.

История этих отношений неверно излагалась не только в период Второй мировой войны, но и в последующие десятилетия. Так, в «Истории Ирана» (изд. МГУ, 1977 г.) делается заключение, что «гитлеровцы превратили Иран в антисоветский военный плацдарм» [64]. Это утверждение никакими фактами не подтверждается. Германия времен А. Гитлера ни одной военной базы или военного объекта в Иране не имела. В работе А. Башкирова, изданной в 1954 г., говорится о том, что будто в Иране «под видом всевозможных “специалистов” орудовало несколько тысяч германских шпионов и разведчиков» [65]. Это – один из досужих вымыслов. Много неверных сведений о близости руководства Ирана и Германии как общего характера, так и частного. Некоторые факты до сих пор перекочевывают из одной книги в другую.

В вышеназванной «Истории Ирана» повторяется, например, сообщение о том, что для организации профашистского выступления в начале 1941 г. в Тегеран прибыл руководитель одного из разведывательных центров фашистской Германии адмирал Канарис. Эти сведения ссылками на достоверные источники не подтверждены. Не соответствуют действительности и сведения о «планируемом» немцами государственном перевороте. Будто бы намечалось его «произвести... силами созданных из проживающих в Тегеране немцев специальных фашистских батальонов с привлечением группы профашистски настроенных офицеров иранской армии, которые были вовлечены в фашистский заговор» [66]. Подобные ответственные утверждения оставались без ссылок на источники.

Для советской исторической литературы по Ирану было характерно упрощенчество, попытка окрашивать порою сложный

политический процесс в два цвета – красный и черный. Исторические документы и материалы позволяют выявить в развитии общественно-политической ситуации Ирана 30-х годов наличие достаточно противоречивых тенденций. Появление отчетливого прогерманского течения было связано с усилением роста персидского национализма и оппозиционных, в отношении диктатуры Реза шаха, настроений. Для современного читателя может показаться парадоксальным заключение английского дипломата о том, что в Иране «симпатии коммунизму среди интеллектуалов... сочетаются с прогерманскими настроениями» [67]. Но это утверждение воспринимается как естественное, учитывая, что это было, во-первых, время советско-германского сближения (весна 1940 г.) и, во-вторых, роста оппозиционных настроений в иранском обществе против диктатуры Реза шаха. Националистические силы были склонны воспользоваться новой геополитической ситуацией для упрочения своих позиций.

Не вызывает удивления и то, что английский дипломат Э. Ламбтон в отчете Форин офису писала: «Возможно, не было бы преувеличением утверждать, что 70% среднего и высшего классов Северного Ирана настроены прогермански» [68]. Но, по ее мнению, общая численность немцев в Иране в тот период была не так велика. Она составляла 1700–2000 человек [69]. Как она полагала, это, возможно, «наиболее точная» цифра. Кстати, Э. Ламбтон писала, что многие из них появились и в Иране со времен начала войны, но выражала сомнение в том, что вновь прибывшие – «просто коммерсанты».

В то же время английский посланник в Тегеране Ридер Буллард в мае 1940 г. в своем циркуляре предупреждал всех консулов о возможной попытке со стороны немецких колонистов совершить переворот в иранской столице и призывал их быть готовыми при необходимости к сожжению секретных документов. Но он же выражал сомнение в том, что иранские власти могут одобрить «нелегальную деятельность немцев, так как они (иранские власти. – С.А.) ведут себя вяло, возможно, из-за страха перед Россией» [70].

Британские дипломаты отмечали, что германцы в своей деятельности большое значение придавали подкупам, и наиболее коррумпированным называют премьера Али Мансура.

Все эти данные, однако, не дают возможности делать

заклучение о значительных достижениях германо-фашистской агентуры в Иране. Отношение иранских властей к Германии в этот период отличалось двойственностью и нестабильностью. На них большое воздействие оказывало давление со стороны Советского Союза и Великобритании. Они неизменно обвиняли Реза шаха в симпатиях к фашистской Германии.

В этой связи большой интерес вызывают эпизоды, свидетельствующие о негативных сторонах ирано-германских отношений.

Публицист Сейф Азад, при финансовой и технической помощи правительственных кругов фашистской Германии, издавал в Тегеране в 1933–1935 гг. на персидском языке богато иллюстрированный еженедельник с изображением свастики на обложке. Он назывался «Иран-е бастан» («Древний Иран»). Издатель журнала был известен своими прогерманскими настроениями со времен Первой мировой войны, когда он входил в группу германского разведчика В. О. Хентинга [71]. Еженедельник, на страницах которого откровенно проповедовались идеи фашизма и в этой связи подчеркивалась принадлежность иранцев к арийской расе, после двух с лишним лет существования был закрыт властями. Автору пришлось эмигрировать в Индию [72].

Другим шумным делом, связанным с деятельностью профашистски настроенных иранцев, был арест и привлечение к суду осенью 1939 г. большой группы военных и гражданских лиц, подозреваемых в попытке организовать «государственный переворот». Об этом факте советская историография тщательно умалчивала. В числе арестованных были курсанты офицерского училища, один выпускник юридического факультета, ряд общественно-политических деятелей, связанных с немцами еще со времен Первой мировой войны. Все они были обвинены иранским судом в попытке осуществить действия, направленные против безопасности страны, и в организации антимонархического заговора. Главным обвиняемым во время судебного процесса оказался Мохсен Джахансуз. Он перевел на персидский язык книгу А. Гитлера «Майн кампф» и выпустил ее под другим названием. 23 февраля 1940 г. по приговору суда М. Джахансуз был расстрелян. Курсанты, а также гражданские лица были осуждены на различные сроки тюремного заключения. Впоследствии многие из них были досрочно освобождены [73].

Согласно иранскому автору Х. Мо`тазеду, судебное дело,

возбужденное против М. Джахансуза и других обвиняемых, имело почти прозрачную политическую подоплеку. По его мнению, судебный процесс представлял собой реакцию Реза шаха на постоянные обвинения его со стороны английских властей в тайном сотрудничестве с Германией и симпатиях к фашизму, вопреки официально провозглашенному нейтралитету. Представляется, что подобная оценка полностью не отражает мотивы, которыми руководствовался Реза шах, допуская такие крутые меры в отношении профашистски настроенных лиц. Следует учесть, что в этот период (по иранским данным) наблюдалось ослабление влияния шаха среди высшего офицерского состава нового поколения. Поэтому суд над кадетами должен был, по мнению шаха, служить предупреждением для некоторых членов генералитета. Видимо, ему казалось, что среди них могли быть деятели, которые в известных случаях пошли бы на сотрудничество с германской агентурой.

Наконец, следует упомянуть, что фашистская Германия временами открыто выражала свое недовольство иранским правительством.

20 ноября 1939 г. немецкое радио из Берлина приступило к передачам на персидском языке. Его работой руководил иранец-эмигрант Бахрам Шахрох [74], сын видного и состоятельного иранского политического деятеля Арбаба Кейхосрова Шахрохи, члена парламента от парсов.

Если в начальный период передачи персидской редакции немецкого радио в отношении Ирана имели несколько одобрительный тон, то с расширением победоносных захватнических войн гитлеровцев в них стали преобладать явно критические сюжеты. Более того, в передачах делались намеки на то, что, мол, Реза посажен на трон англичанами. Чтобы предотвратить такую открыто враждебную, пропаганду против шаха, из Тегерана в Берлин была направлена специальная делегация.

В то же время после нападения фашистской Германии на Советский Союз шах и его близкое окружение, не отказываясь от официально объявленного нейтралитета, явно проявили склонность к выжидательной тактике. Эта политика стала очевидной, когда Реза шах первоначально не решился выполнить советские требования о полном выводе немцев из Ирана. Если битва за Кавказ завершилась бы победой немцев, то, видимо, Германии

удалось бы в конечном счете вовлечь Иран в войну в качестве своего союзника.

Установление между СССР и Соединенным Королевством союзнических отношений, однако, обусловило возникновение такой международной обстановки, при которой ни один политический шаг иранского правительства не сумел бы предотвратить вторжение антигерманской коалиции на территорию страны. Именно в этом фокусе следует рассматривать чрезвычайные дипломатические меры, предпринятые поздним летом 1941 г. правительствами Великобритании и Советского Союза в отношении Ирана.

Наше утверждение опирается как на анализ политической линии союзников, так и на данные, впервые приведенные в мемуарах генерала Хосейна Фардуста. Он подтверждает, что назначение осенью 1939 г. д-ра Матина Дафтари премьером было проявлением прогерманской тенденции в политике Реза шаха. Но под давлением Великобритании и ее иранских сторонников из числа верхушки шах вынужден был вскоре отправить в отставку 43-летнего Дафтари. Он утвердил на посту премьера Али Мансура, политика малоизвестного. Согласно генералу, англичане тогда потребовали у Реза шаха сделать еще один важный шаг – в течение 48 часов выслать из страны около 600 немецких специалистов, включая членов их семей. Это требование было выполнено. За сутки свыше 600 немецких специалистов были отправлены автобусами в Турцию [75].

Представители трех союзных держав (СССР, Англии и США), согласно Фардусту, открыто заявили иранским властям о том, что им необходимо ввести свои войска на иранскую территорию, чтобы получить доступ к трансиранской железной дороге, с целью ее использования для транспортировки в СССР военной техники и других материалов. Шах предложил доверить эту миссию иранским властям. Однако на это союзники ответили отказом. По словам генерала, осознав неминуемость вторжения войск союзников, шах впал в депрессию. Зная, что сопротивление иранских войск союзникам не окажет никакого влияния на ход предстоящих событий, тем не менее, Реза шах дал указание оказать союзникам сопротивление. Его решительность объяснялась политическими соображениями [76].

В то же время осложнение внутривнутриполитического положения оказалось на руку Москве и Лондону. Наиболее ярые сторонники

активного сотрудничества с фашистами, особенно в военных кругах, стали вести пропаганду в пользу военного союза с Германией, твердили о «достойной встрече» гитлеровских полчищ в Закавказье. Правительство СССР летом 1941 г. трижды (26 июня, 19 июля и 16 августа) направляло ноты иранскому правительству о несовместимости «покровительства» иранских властей фашистской агентуре с принципами советско-иранского договора 1921 г. и официальным заявлением о нейтралитете. В таком же плане действовала британская дипломатия.

Премьер-министр Англии У. Черчилль предложил советскому правительству осуществить совместную кампанию в Иране. «Предлагая провести совместную англо-русскую кампанию в Персии, – писал У. Черчилль, – мы добивались главным образом открытия коммуникаций от Персидского залива до Каспийского моря». Согласно предварительной договоренности с Англией и по ее предложению, Советский Союз временно ввел в сентябре 1941 г. свои войска на иранскую территорию.

Одновременно в южную часть страны вступили английские войска. Вооруженные силы Ирана оказали слабое сопротивление войскам союзников, и кампания была завершена в течение нескольких дней.

Вступление на территорию Ирана союзнических войск вызвало падение правительства и отречение Реза шаха (16 сентября 1941 г.) в пользу наследника престола – Мохаммеда Резы Пехлеви. Новый шах и вновь сформированное правительство выразили желание сотрудничать с союзными державами. Большая часть германских подданных была арестована и интернирована.

В 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, устанавливающий политико-правовые основы отношений этих государств в период войны с фашистской Германией.

НОВЫЕ СИЛОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ. СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ (1941 – 1949)

В годы Второй мировой войны в общественно-политической жизни Ирана произошли значительные перемены. Вторжение на территорию Ирана союзных войск и вынужденное отречение Реза шаха вызвали оживление деятельности различных по своей политической ориентации общественных сил. Прогерманские группы были подавлены. Одновременно начался процесс умеренной демократизации. Осенью 1941 г. была образована Народная партия Ирана (НПИ). В нее вошли освобожденные из тюрем коммунисты и группа демократически настроенных деятелей. Значительную роль в ее появлении сыграли советское руководство, а также антифашисты. Возобновили свою политическую деятельность традиционные силы, в частности предводители племен и верхушка шиитского духовенства. Британские власти, имевшие прочные связи с помещичье-буржуазными кругами, шахским двором, способствовали утверждению у власти проанглийски настроенных деятелей. Однако определенная часть правящей верхушки и растущей национальной буржуазии в эти годы стала ориентироваться на США. Соперничество между проанглийски и проамерикански настроенными группировками носила временами достаточно острый характер. Она велась в меджлисе, ставшим в новых условиях важным центром политической жизни, и за его пределами. Особенно

внутриполитическая борьба и соперничество между государствами антигитлеровской коалиции за влияние в Иране усилились в 1944 г. Консолидировалась просоветская группировка; ее основное ядро состояло из руководства НПИ (Туде), левых профсоюзов, некоторых представителей рода Каджаров и т. д. В меджлисе была образована фракция НПИ, к которой примыкал ряд депутатов-либералов. Весьма сильным стало влияние Великобритании, которая сыграла главную роль в сохранении верховной власти за династией Пехлеви и утверждении шахом Мохаммед Резы.

4.1. Экономическое положение и общественно-политическая ситуация

Важное место в общественно-политической жизни страны в период войны и в послевоенные годы занимали экономические вопросы. В то же время в Иране успешно развивалась лишь нефтяная промышленность, принадлежавшая английскому государственно-монополистическому капиталу. Как уже отмечалось, к 1945 г. добыча нефти в Иране составила около 17 млн. т, число занятых на предприятиях АЙНК достигло 60 тыс. человек. Вместе с тем темпы развития иранской промышленности и сельского хозяйства, ведущей отрасли экономики страны, резко снижались [1]. В 1948–1949 гг. значительно сократился объем экспорта, быстро обесценивался риал – национальная иранская валюта [2]. Падение реальной стоимости риала вело к повышению цен на товары широкого потребления, поставлявшиеся главным образом Англией и США [3]. В начале 1949 г. рост цен принял угрожающие размеры. Попытки иранского правительства остановить этот процесс путем увеличения импорта привели к известным результатам, но не решили проблемы. Одновременно правительство увеличило ввоз промышленного оборудования, надеясь таким образом добиться роста промышленного производства. Расширение импорта имело двойные последствия. С одной стороны, ее результатом было частичное улучшение состояния экономики, с другой – она вызвала кризис в фабрично-заводской промышленности и кустарном производстве. Многие текстильные фабрики закрывались из-за наводнения внутреннего рынка иностранными товарами. Переживало упадок и ковроделие, значительная часть продукции которого шла на экспорт. Только за 1949/50 г. число станков в этой отрасли уменьшилось наполовину [4].

В тяжелом положении находилось и сельское хозяйство, в котором преобладали полуфеодальные формы производства с применением примитивных орудий труда. Отсталость сельского хозяйства усугублялась быстрым приростом населения (2,6% в год) при малоувеличивавшихся посевных площадях [5]. Отрасль экономики, в которой было занято более 75% самостоятельного населения, все более переставала удовлетворять потребности внутреннего рынка в самой необходимой продукции. К тому же из-за суровой зимы 1948/49 г. катастрофически сократился сбор зерновых.

Экономический застой тяжелым бременем лег на плечи трудящихся. Индекс стоимости жизни возрос со 100 в 1936 г. до 925 в 1948 г. Рост стоимости жизни не сопровождался пропорциональным повышением доходов трудящихся, что вызывало дальнейшее обнищание рабочих, ремесленников, крестьян. Свыше 90% населения составляли неграмотные. Весной 1949 г. в стране с 15-миллионным населением насчитывалось 1,5 тыс. врачей, половина которых работала в столице.

Сложившаяся ситуация вызывала острое недовольство не только трудящихся и интеллигенции, но и значительной части предпринимателей, представителей национальной буржуазии. Левые организации требовали проведения радикальных преобразований. Давало о себе знать рабочее движение. Созданный под руководством НПИ Центральный совет профсоюзов Ирана (ЦСПИ) объединял к 1946 г. около 300 тыс. рабочих и служащих. Весной 1946 г. нефтяники Хузестана, составлявшие крупнейший отряд иранского пролетариата, впервые добились легализации своих профсоюзов. Профсоюзы нефтяников присоединились к ЦСПИ [6].

Подъем просоветского левого движения оказал определенное воздействие на политику властей. Еще до окончания войны правящие круги Ирана, встревоженные ростом напряженности в стране, говорили о необходимости экономических и социальных реформ. В начале 1946 г., когда пост премьер-министра занял Ахмед Кавам [7], было официально объявлено о намерении правительства подготовить программу развития, призванную решить некоторые насущные хозяйственные и социальные проблемы, и прежде всего поднять уровень промышленного и сельскохозяйственного производства. Эта программа, названная семилетним планом реконструкции и развития, была разработана в

1946–1948 гг. при активном участии американских фирм «Моррисон Надсен Интернешнл Инджиниринг К^о» и «Оверсиз Консалтантс Инкорпорейтед» [8], тесно связанной с нефтяной корпорацией «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси». Размер ассигнований свидетельствовал о том, что даже в случае успешной реализации плана сколько-нибудь заметных сдвигов в развитии производительных сил не произойдет. Тем не менее, уже само появление плана свидетельствовало о том, что правящие круги оказались вынуждены обратить внимание на экономические проблемы страны. Определенное место в плане было уделено нефтяным богатствам Ирана. Предусматривалась организация Иранской национальной компании (ИННК), для чего выделялся 1 млрд. риалов. ИННК призвана была проводить с помощью иностранных специалистов геологическую разведку на территории, не входящей в концессионную зону АИНК.

Правительство стремилось использовать план не только для успокоения иранской общественности, но и для привлечения американского капитала. Не случайно позже английский автор Питер Авери, вспоминая об этих годах, писал: «Развитие стало больше лозунгом, чем фактом, и тем талисманом, благодаря которому можно было бы привлечь доллары» [9]. Однако план не стал талисманом. Американские монополии и контролируемые ими международные финансовые учреждения отказались предоставить Ирану крупный заем для выполнения плана [10].

Значительная часть (37,1%) расходов семилетнего плана должна была покрываться за счет средств, выплачиваемых АИНК иранскому правительству в качестве его доли доходов от нефти. Вследствие этого правительственные круги были вынуждены проявить большую настойчивость в своих отношениях с руководителями компании.

В начале 1947 г. иранское правительство направило в Лондон главу Управления концессией министерства финансов Ирана Хасана Пирния. Иранский представитель предложил руководителям компании ликвидировать задолженность иранскому правительству, расширить сбытовую сеть АИНК в Иране, сократить численность иностранного персонала, занятого на предприятиях АИНК, принимать во внимание жалобы иранских рабочих и пр. Однако эти переговоры, как и переговоры, которые Х. Пирния вел в августе 1947 г. с представителем компании Гоби относи-

тельно нарушения АИНК ст. 16 Соглашения 1933 г., касавшейся численности иностранного персонала на предприятиях компании, оказались безрезультатными. Переговоры показали, что руководители АИНК намерены полностью сохранить статус компании.

В послевоенный период АИНК на много увеличила добычу нефти на территории Ирана: с 16,6 млн. т в 1945 г. до 31,65 млн. т в 1950 г. Капитал компании к началу 50-х годов достиг почти 33 млн. ф. ст.; 50% ее акций принадлежали английскому правительству [11], которое непосредственно контролировало деятельность компании. АИНК была межнациональной корпорацией и имела в различных районах земного шара 59 дочерних компаний и филиалов. Она владела крупным танкерным флотом, состоявшим из 134 судов общей грузоподъемностью 1 716 тыс. т.

На территории Ирана АИНК в полном смысле слова была «государством в государстве». Руководители компании вкупе с английскими дипломатами оказывали сильное воздействие на политическую жизнь страны. Без поддержки АИНК и англичан ни один политический деятель не мог получить пост губернатора Хузестана. АИНК имела большую группу «своих» людей среди депутатов парламента и журналистов. В основных центрах деятельности компании иранских чиновников почти не было. Вожди некоторых полукочевых арабских и бахтиарских племен юго-запада получали субсидии от АИНК. Вооруженные отряды полукочевых племен охраняли нефтяные промыслы, нефтепроводы и нередко использовались администрацией компании для борьбы с рабочим движением. Кроме того, под видом пожарников и сторожей АИНК держала военизированные части, которые также использовались для борьбы с «беспорядками». Некоторые ответственные должностные лица компании имели опыт службы в колониальной Индии [12]. Отдельные служащие АИНК были сотрудниками английской разведки и занимались в Иране «привычной» для них деятельностью [13].

Руководители компании не считались со статьями концессионного соглашения 1933 г., предусматривавшими уменьшение контингента иностранных служащих. К 1950 г. на предприятиях АИНК их было свыше 5300 [14].

Наиболее серьезные злоупотребления руководители АИНК допускали в финансовых расчетах с Ираном. Британское правительство получало от АИНК только в виде подходящего налога сумму,

намного превышавшую доходы Ирана от концессионных платежей [15]. Особенно возросла эта сумма в 1948 г., когда британское казначейство потребовало от английских компаний ограничения дивидендов и увеличило подоходный налог. Так, в 1948 г. Иран получил от АИНК в виде концессионных платежей 9,2 млн. ф. ст., из них 1,3 млн. ф. ст. в качестве подоходного налога. В то же время британскому правительству АИНК в виде подоходного налога выплатила 28,3 млн. ф. ст. В 1950 г. АИНК выплатила подоходный налог казначейству уже в сумме 50,7 млн. ф. ст., в то время как Иран получил за свою нефть всего лишь 16 млн. ф. ст. [16].

Серьезный ущерб Ирану наносил и беспошлинный ввоз компаний большого количества товаров для своих нужд; их стоимость в 1948/49 г. оценивалась в 1,9 млрд. риалов. Между тем в случае взимания таможенных пошлин Иран только в 1947/48 г. получил бы приблизительно 17 млн. ф. ст. [17]. Вследствие освобождения АИНК от таможенных пошлин Иран терял ежегодно в среднем 6 млн. ф. ст., в то время как получаемые им концессионные платежи не превышали 7,9 млн. ф. ст. Как и раньше, Ирану не выплачивались концессионные платежи с нефтепродуктов, потреблявшихся компанией [18].

Положение иранских рабочих занятых на предприятиях АИНК, было чрезвычайно тяжелым. Их заработная плата, несмотря на быстрый рост стоимости жизни, лишь ненамного превышала уровень 1939 г. Они по-прежнему терпели нужду, ютились в землянках и обитых циновками лачугах. Кроме того, иранские рабочие и служащие подвергались дискриминации. Заработная плата квалифицированных рабочих-англичан в несколько раз превышала ту, которую получали их коллеги-иранцы. Большинство канцелярских служащих, технических специалистов и квалифицированных рабочих были индийцами и пакистанцами. В районе деятельности компании было запрещено создание каких-либо организаций, целью которых была бы защита интересов рабочих, урегулирование конфликтов между рабочими и администрацией АИНК. Все это будило у иранских рабочих чувство неприязни к чужеземным хозяевам и к их местным покровителям.

Между тем уход английских войск из южных провинций Ирана после окончания войны создал сравнительно благоприятные условия для активизации агитационной и организационной работы НПИ и демократических профсоюзов на предприятиях

компании. Расширилась деятельность рабочих организаций и начались массовые забастовки. Большой общественный резонанс приобрели забастовки, состоявшиеся на предприятиях АИНК в 1946 г. В первомайской демонстрации в Абадане участвовало несколько десятков тысяч человек, в основном нефтяники, требовавшие улучшения жилищных условий и повышения заработной платы. С 14 по 25 мая 1946 г. продолжалась забастовка рабочих в Агаджари, в которой участвовало около 10 тыс. человек. Забастовщики наряду с экономическими выдвинули и политические требования, имевшие общенациональное значение: о введении и осуществлении закона о труде (проект которого предложил объединенный Центральный совет иранских профсоюзов), о предоставлении свободы слова и собраний, о признании демократических профсоюзов и увеличении заработной платы. Эта стачка закончилась частичной победой рабочих [19]: между профсоюзами и представителями АИНК было заключено соглашение, по которому компания пошла на выполнение ряда экономических требований забастовщиков. Помимо этого 18 мая 1946 г. иранское правительство утвердило временный проект закона о труде, в котором были учтены отдельные требования рабочих.

На оживление рабочего движения иранские власти ответили репрессиями. В зоне деятельности АИНК началось преследование активистов, были арестованы руководители рабочих профсоюзов.

Намереваясь шантажировать иранское правительство, которое продолжало добиваться серьезных переговоров с компанией, и одновременно запугать рабочих-нефтяников, руководство АИНК в сотрудничестве с английскими дипломатами инспирировало выступление местных феодалов. В апреле 1946 г. при подстрекательстве английской агентуры поднял мятеж шейх Абдулла, сын Хазала. Мятеж был вскоре подавлен. В июле того же года группа проанглийски настроенных арабских шейхов создала Союз племен Хузестана [20]. Корабли британских военно-морских сил осуществили военную демонстрацию в зоне Персидского залива, а английская печать широко распространяла сообщения о планах арабских шейхов Хузестана добиваться «автономии» для провинции. Руководители АИНК не останавливались и перед прямыми провокациями, инспирируя кровавые стычки между рабочими АИНК и подкупленными кочевниками. Злоупотребления и интриги руководства АИНК благодаря левой печати получили широкую

огласку. Рабочие стали проявлять большую организованность и сплоченность в борьбе за удовлетворение своих требований.

Ухудшение состояния государственных финансов побудило иранское правительство занять более твердую позицию в отношении АИНК. Этому в значительной степени способствовали рост продемократического движения в стране и в известной мере растущее на иранской политической арене соперничество не только между Советским Союзом и его западными союзниками, но и до некоторой степени между США и Великобританией.

Отдавая дань возникшей ситуации и иранской политической традиции, большая часть наиболее влиятельных консервативных сил страны, объединенная вокруг шахского двора, в этот период стала рассматривать США как «третью силу». В политическом плане, для правящих слоев Ирана, и прежде всего для шахского двора, в условиях присутствия советских войск на иранской территории, американская поддержка приобрела чрезвычайное значение.

Важной политической опорой для советских властей после вторжения частей Красной Армии в Иран явились освобожденные из тюрем или легализовавшие свою деятельность коммунисты и демократы. В своих устремлениях, направленных на завоевание в Иране устойчивых позиций, советское руководство с самого начала большое значение придавало национальному вопросу. Советским лидерам казалось, что проблема национальных отношений создает хорошие возможности для «внедрения» в эту страну. Как уже отмечалось, монархизм, паниранизм и персидский шовинизм явились основными компонентами господствующей идеологии. В то же время после ввода Советским Союзом частей Красной Армии в Иран государственные границы между двумя Азербайджанами (Кавказским и Иранским) стали в известной степени прозрачными для людей и, в большей степени, для идей.

Пользуясь крахом диктатуры Реза шаха, в Иранском Азербайджане, Курдистане и ряде других населенных неперсидскими народами регионах в этот период легализовали или возобновили свою деятельность представители творческой интеллигенции и литераторы, пишущие на родном языке (тюркском, курдском, туркменском и т. д.). Создавались театральные труппы, оркестры, поэтические общества. Значительное содействие процессу культурного возрождения оказывали приезжающие на гастроли из СССР творческие коллективы.

Еще в 1941 г. в северо-западные районы Ирана из Советского Азербайджана по указанию Москвы была командирована большая группа партийных работников, врачей, хозяйственников, деятелей культуры и других специалистов. Первоначально руководил работой группы бывший секретарь Азербайджанской компартии (Баку) Азиз Алиев. Члены прибывшей из Баку миссии развернули заметную активность в Иранском Азербайджане. Врачи безвозмездно лечили больных, консультировали местных докторов, организовывали медицинские осмотры детей, взрослых, страдавших хроническими недугами и т. д. Ученые-историки, литературоведы, музыканты знакомили представителей местной интеллигенции с культурой и наукой Северного Азербайджана и всего СССР [21].

Для жителей Иранского Азербайджана в Тебризе члены миссии на тюркском языке издавали специальную газету. Политический успех этой миссии вызвал негативную реакцию, как иранских властей, так и представителей США и Великобритании. Избегая возможного ухудшения отношений с союзниками, советское руководство приняло решение об ее отзыве, и к весне 1942 г. большинство членов группы уже вернулось в Баку.

Когда в ходе Второй мировой войны наступил переломный момент в пользу антифашистской коалиции, Иран сразу стал ареной нараставшего политического соперничества США, СССР и Великобритании. Каждое из трех государств намеревалось упрочить свои позиции в стране, где до войны наибольшим влиянием пользовались англичане. Главный упор западные державы делали на установление и расширение связей с правящими кругами, прежде всего с шахским двором и его политической опорой. Что касается СССР, то его представители продолжали свою деятельность в области формирования в стране леводемократических организаций, содействуя также росту националистического течения среди азербайджанских тюрок и курдов Северного Ирана. Одновременно к концу войны были приняты меры для расширения межгосударственных экономических отношений.

4.2. Советский Союз и «вопрос о северной нефти»

Советское руководство увлеклось идеей проникновения в иранскую нефтедобывающую промышленность. Оно принимало во внимание значение нефти в политике и экономике Ирана, а также учитывало активность западных (американских) монополий,

направленную на получение здесь нефтяных концессий. Особую инициативу в этом вопросе проявил Л. Берия. По его указанию были составлены секретные записки и собраны данные о предполагаемых нефтяных запасах в северных прикаспийских провинциях Ирана, включая Иранский Азербайджан и Хорасан. К разработке материалов по данной проблеме был привлечен Мир Джафар Багиров, первый секретарь компартии Азербайджанской ССР [22]. Позже проект приобрел известность как «вопрос о северной нефти».

Впервые интерес Советского Союза к иранской нефти возник задолго до Второй мировой войны. Еще в 1925 г. советское правительство приобрело у бывшего российского промышленника А. Хоштария долю акций (65%) иранской нефтяной компании «Кевир-Хуриан». Этой компании принадлежало несколько мало-мощных нефтяных скважин возле деревушек Хаджиабад и Хуриан в районе г. Семнана. Достоверных данных об объеме производства указанной компании не существует. Известно, что, исходя из нового законодательства, иранские власти оспаривали законность сделки между бывшим российским подданным и правительством СССР. Тяжба по этому вопросу продолжалась почти до середины 50-х годов [23].

Л. Элвелл-Саттон, упоминая о ноте советского правительства Ирану от 30 августа 1941 г., подчеркивает, что «Россия вновь вернулась» к вопросу о нефти, «предложив Ирану помощь в освоении нефтяных ресурсов Кевир-Хуриана» [24].

Одновременно в этот период Москва сделала попытку приступить к геофизическим изысканиям нефтяных районов Северного Ирана с помощью специалистов Советского Азербайджана.

Еще в сентябре 1941 г. М. Дж. Багиров срочно был вызван в Москву, где он встречался с И. Сталиным и другими членами советского правительства. Во время этих встреч вопрос о нефти впервые стал предметом основательного обсуждения. После возвращения М. Дж. Багирова в Баку из Советского Азербайджана в приграничные с СССР провинции Ирана (без официального приглашения иранских властей) выехала геологоразведочная группа. Ее основная задача была поиски нефти и газа. После длительных изысканий члены группы пришли к заключению, что, будто по запасам нефти Южный (Иранский) Азербайджан, Гилян, Мазендеран, Астрабад и Северный Хорасан, вместе взятые, не

уступают богатейшим нефтяным месторождениям Юго-Западного Ирана,* входящим в концессионную зону английской компании (АИНК) [25].

Новым этапом в этой интриге стал год 1944. Тогда в Иране появились представители ряда крупных западных нефтяных компаний. «Паломничество» американских компаний стало более интенсивным во время пребывания у власти Мохаммеда Саеда, профессионального дипломата, получившего юридическое образование в царской России и Швейцарии. В войну он был послом Ирана в Москве.

Известную роль в появлении представителей двух крупных американских нефтяных компаний в Иране в этот период сыграли члены финансовой миссии А. Мильспо [26]. Одновременно М. Саед пригласил еще двух известных экспертов [27].

Активность американцев и доброжелательное отношение к ним правительства Саеда вызвали отрицательную реакцию АИНК и английского правительства. Вскоре в Вашингтоне состоялось англо-американское совещание по нефти [28]. Опасаясь за то, что в результате обострения соперничества между союзниками в Иране может разразиться политический скандал, 2 сентября 1944 г. правительство Саеда (по его личной инициативе) приняло решение не выдавать никаких новых концессий иностранным компаниям до окончания войны.

Советское руководство, однако, не отказывалось от намерений получить концессии. В данной ситуации оно явно переоценивало свои политические позиции в Иране, главным образом возлагая надежды на присутствие в Северном Иране частей Советской Армии, на поддержку партии Туде и находившихся под ее влиянием общественных организаций. Невзирая на реакцию иранского правительства Советский Союз принял решение направить делегацию в Иран. Ее официально декларированной целью было изучение состояния Кевир-Хуранской акционерной компании.

Несмотря на все это, в иранскую прессу просочилась информация об истинных целях указанной комиссии. Тем не менее, первоначальная реакция средств массовой информации Ирана на слухи о советских предложениях относительно совместной разра-

* Кстати, до сих пор верность этого предположения полностью не подтверждена. Видимо, опасаясь гнева Л. Берия, геологи решили его «не огорчать».

ботки «северной нефти» была позитивной. Вскоре по договоренности с иранской стороной в Тегеран прибыла советская правительственная комиссия (10.09.1944 г.). Ее возглавлял заместитель комиссара иностранных дел СССР С. Кавтарадзе. Осмотрев окрестности города Семнан, члены комиссии приступили к выполнению основной части своей программы. После встреч с председателем иранского правительства члены комиссии были приняты шахом. Они совершили поездку в предполагаемые районы деятельности будущей совместной нефтяной компании. 25 сентября разработанные советской комиссией предложения по нефтяной концессии были вручены иранскому премьеру Мохаммеду Саеду. В проекте указывались вероятные участки расположения концессионной зоны, а также условия работы и сроки деятельности предполагаемого советско-иранского предприятия. Проект предлагаемого концессионного соглашения состоял из 22 статей, а срок его действия определен в 60 лет. В начале октября 1944 г. в близких к властям газетах появились статьи, авторы которых недвусмысленно высказывались против выдачи СССР нефтяной концессии. В статьях выражалось опасение, что предоставление советскому правительству нефтяной концессии может вызвать резкое недовольство американской стороны. 9 октября на закрытом заседании меджлиса Саед выступил с докладом о позиции правительства. В его выступлении раскрывались мотивы отказа от заключения нефтяного соглашения с Советским Союзом. Большинство членов меджлиса поддержало его позицию. Отказ правительства и меджлиса от предложенного советской стороной нефтяного соглашения вызвал грубый выпад С. Кавтарадзе в адрес иранского руководства. В частности, он предлагал иранскому парламенту «исправить свою ошибку» и одобрить текст отвергнутого проекта соглашения [29].

Это было время, когда политическое влияние Советского Союза на севере Ирана и в столице было очень существенным. Вскоре, 8 ноября, Саед Марагеи был вынужден подать прошение об отставке своего правительства [30]. Новым премьером (конец ноября 1944 г.) стал Мортеза-Коли бек Баят – влиятельный консервативный политик и крупный землевладелец. Но он четких взглядов в отношении выдачи концессии иностранцам не имел. Тем временем, воспользовавшись замешательством правящих кругов и ростом национально-патриотических настроений в

обществе, представители национальной буржуазии активизировали свои политические действия.

Популярный в патриотических кругах депутат меджлиса, д-р Мохаммед Мосаддык 29 октября выступил в меджлисе с обстоятельной речью по истории иранской нефти. Он обратил главное внимание на ущерб, который понес Иран в экономическом и общественно-политическом плане, сдав огромную часть территории страны в концессию АИНК. Вскоре Мосаддык подготовил и вручил меджлису законопроект по нефтяному вопросу, ставший предметом общенациональной дискуссии. 2 декабря 1944 г. он был поддержан большинством парламента.

Этот закон, состоявший из трех статей, запрещал иранскому правительству вести переговоры с иностранными правительствами или частными компаниями относительно иранской нефти, равно как и подписывать с ними соглашения о предоставлении концессий. Нарушившим этот запрет членам правительства законом предусматривалось привлечение к суду и тюремное заключение сроком от трех до восьми лет. И они навсегда должны были лишены права занимать государственные должности [31].

После появления данного закона, казалось бы, путь к получению концессий в Иране для советского правительства и других стран был закрыт.

Несмотря на такой исход «вопроса о северной нефти», советское руководство, однако, не собиралось отступать. 21 июня 1945 г. И. Сталин, как председатель государственного комитета обороны, подписал специальное секретное постановление о проведении соответствующими учреждениями геологоразведочных работ в северных провинциях Ирана. Они должны были быть ориентированы на поиски нефти и природного газа. Для исполнения постановления И. Сталина при объединении «Азнефть» (Баку) было создано специальное гидрологическое управление в составе расположенной в районе г. Казвина воинской части. «Официально» управление занималось поисками подземных водных ресурсов, а в действительности оно осуществляло изыскания в предполагаемых нефтяных месторождениях Иранского Азербайджана и Гиляна [32].

4.3. Движение азербайджанских тюрок и курдов за автономию

К весне 1945 г. в связи со значительными переменами на советско-германском фронте Иранский Азербайджан потерял свое значение как перевалочный пункт для доставки в СССР поступающих от союзников военных материалов и товаров гражданского назначения. Это изменение имело сильное негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе.

Для преодоления наступившего кризиса местные и центральные власти оказались не в состоянии предпринять эффективные меры. Недееспособность властных структур вызвала политическую активность представителей населяющих Иранский Азербайджан народностей и общин – азербайджанских тюрок, курдов, армян. Особой целенаправленностью отличались выступления интеллигенции и деловых людей из среды азербайджанских тюрок. Они выдвинули вопрос о предоставлении Иранскому Азербайджану политической автономии, о чем подробно говорится в книге Тураджа Атабеки.

Происходившие в Иранском Азербайджане волнения вызвали большое удовлетворение у руководства Советского Азербайджана. Для ознакомления с ситуацией в Иранский Азербайджан был направлен секретарь компартии Советского Азербайджана Х. Гасанов (Гасан Гасанов). Он составил обширную записку о ситуации в регионе. Он утверждал, что «иранское государство находится на пороге своего краха и распада». Ему казалось, что лучший путь разрешения «азербайджанского вопроса» в Иране – народное восстание. В записке отмечалось, что якобы все азербайджанские тюрки жаждут отделения от шахства Пехлеви [33]. Однако во время обсуждения данной темы на заседании политбюро в Москве (06.VII.1945 г.) большинство участников, признав наличие в Иране «азербайджанского вопроса», высказались за разрешение его «демократическими средствами», провоцируя массовое национальное движение за предоставление Азербайджану широкой автономии. Ответственность за реализацию этого плана была возложена на В. Молотова, Л. Берия, Г. Маленкова и М. Дж. Багирова.

Летом 1945 г. в ЦК ВКП(б) появилось решение о поддержке национально-демократических движений в Южном Азербайджане и других северных провинциях Ирана. Именно в этот период

зародилась идея об образовании в Южном Азербайджане местной демократической партии. Для обсуждения данной проблемы была организована тайная поездка из Ирана в Баку ряда левых иранских деятелей, где они совещались с Багировым. Среди них были Сеид Джафар Пишевари, Камбахш и другие ветераны коммунистического движения.

Пишевари был опытным политиком и журналистом [34]. Он участвовал в работе I съезда народов Востока в Баку (1920 г.) и являлся одним из создателей иранской компартии. В 20-х годах Пишевари был более известен как Джавад-заде. После освобождения осенью 1941 г. из шахской тюрьмы, в которой провел более 10 лет, он приступил к изданию в Тегеране газеты левodemократического направления. Он прекрасно владел как тюркским, так и персидским языками, знал и русский. Два его брата проживали в Советском Азербайджане. Все эти обстоятельства имели немало-важное значение: Багиров и, видимо, Сталин активно поддерживали его кандидатуру на пост руководителя предполагаемой Азербайджанской демократической партии, формирование которой началось летом 1945 г. по инициативе демократов Иранского Азербайджана. Пишевари был лично знаком с И. Сталиным [35].

Важнейшим идейно-политическим основанием в ходе становления движения азербайджанских (тюркских) демократов явилась концепция культурно-политического возрождения тюрков Иранского Азербайджана.

По истории национального движения тюрков Иранского Азербайджана опубликовано немало исследований. До сих пор в исторической литературе о характере движения выдвигаются разные, порою резко отличающиеся друг от друга, суждения. Западная, в частности американская, историография часто рассматривает события в Азербайджане и Курдистане просто как попытку СССР вернуть то политическое влияние над северной частью Ирана, которым обладал русский царизм до революции 1917 г. [36]

В то же время происходившие в Иранском Азербайджане события имели объективные социально-политические и исторические предпосылки. Среди азербайджанских тюрков было немало оппозиционеров. Они выражали недовольство проводимой Реза

шахом политики линггицида* в отношении их родного языка и культуры. Многие промышленники, торговцы и помещики края резко отрицательно относились к осуществлявшейся при Реза шахе экономической политике в отношении Азербайджана. Она была направлена на сдерживание хозяйственной активности в регионе из-за соседства с Советским Союзом. После отречения Реза шаха и изменения политической ситуации в стране среди азербайджанцев усилились антимонархические настроения. Сильным импульсом для их роста послужило распространение среди тюрков литературы, культуры и искусства Советского Азербайджана. В первые годы войны в Тебризе и других центрах Южного Азербайджана побывали писатели, деятели культуры и искусства. Все это стимулировало возрождение тюркской литературы, культуры и искусства Южного Азербайджана. Несомненно, для Сеида Джафара Пишевари и его соратников, вышедших на свободу после краха диктатуры Реза шаха, борьба за свободу Ирана и родного края была стремлением естественным и неподдельным. И, будучи убежденными сторонниками коммунистической идеологии, они связывали будущее своего народа с поддержкой Советского Союза.

С самого начала выступлений азербайджанских тюрков и северных курдов этим акциям была присуща одна весьма негативная черта. Она стала порождением той значительной роли, которую играли руководители советских государственно-партийных учреждений Москвы и Баку в развитии и становлении национально-демократического движения. Уже изначально эта функция вышла за рамки солидарности и помощи. Она приняла характер прямого вмешательства во внутренние дела азербайджанских и курдских демократов. Так, основные документы (программа, устав и т. д.) Азербайджанской демократической партии (АДП) были подготовлены и утверждены фактически при участии советского и азербайджанского руководства, включая В. Молотова, Л. Берия, Багирова и других. Известны случаи, когда Багиров и его соратники пытались давать непосредственные инструкции лидерам АДП. Пригласив в Баку курдских делегатов из Мехабада, Багиров открыто призывал их к восстанию против иранских властей

* Искоренение определенного языка, по аналогии с понятием геноцида. См.: The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol.4, Oxford, Pergamon Press, 1994, p. 2211.

во имя «национальной независимости». По решению бакинских властей министерство внутренних дел Азербайджанской Республики организовало и осуществило террористические акции против ряда иранских деятелей в Иранском Азербайджане, которые открыто выступали против политических мероприятий и предполагаемых реформ южноазербайджанских демократов. В различных изданиях, а также радиопередачах с территории СССР распространялись пропагандистские материалы, содержавшие почти неприкрытую враждебность и угрозу в отношении тегеранских властей [37].

За последние годы по истории движения за автономию 1941–1946 гг. в Иранском Азербайджане появился ряд статей и книг, на базе советских документальных материалов. В основном в них рассматриваются тайные стороны иранской политики советского государства. Наиболее интересная из них – книга проф. Дж. Хасанли «Место, где началась холодная война: Южный Азербайджан». Данное исследование восполняет недостающее звено в историографии тюрско-курдского движения за автономию и так называемого вопроса о северной нефти. В книге вводятся в научный оборот ранее не использованные советские документы. В этом ее позитивное значение.

В то же время, к большому сожалению, указанная книга не лишена серьезных недостатков.

Излагая предпосылки движения за автономию и его развитие без оригинальных иранских материалов на базе только одних советских документов, автор, сам того не желая, временами создает искаженную картину исследуемого исторического события.

Из-за обилия данных о деятельности советских руководителей, которые поддерживали движение за автономию, и недостатка собственно иранского материала иранская основа движения и, в особенности, самоотверженная борьба его лидеров оказалась смазанной. В результате выступления азербайджанских тюрков и курдов воспринимаются читателем как инспирированные Советским Союзом.

Игнорирование иранских источников нанесло ущерб в изложении автором ряда других важных вопросов.

Так, поездке иранской правительственной делегации в Москву, возглавляемой Ахмедом Кавамом, посвящена целая глава. В конце ее автор утверждает, что «после некоторых колебаний Кавам подписал советско-иранское коммюнике относительно итогов бесплодных двухнедельных переговоров, проведенных в

столице СССР». Это полное искажение факта. О том, что эти переговоры не были бесплодными, свидетельствует подписанное на базе указанного коммунистическо-советско-иранское соглашение о создании совместного нефтяного общества и соглашение иранского правительства с азербайджанскими демократами.

Вопреки противодействию шахских властей демократическое движение набирало силу. Осенью 1945 г. в Иранском Азербайджане образовалась Демократическая партия Азербайджана (ДПА). В конце ноября 1945 г. ДПА собрала всенародный конгресс Иранского Азербайджана (ИА) в его главном городе – Тебризе, а в ноябре–декабре провела выборы в меджлис ИА. 12 ноября была провозглашена Демократическая Республика Азербайджан. Было сформировано правительство республики во главе с Пишевари. Придя к власти, демократы стали изгонять представителей тегеранских властей. Пишевари заявил: «Мы против персидского шовинизма, мы за то, чтобы иметь автономию в пределах Ирана». Англичане в это время начинали уходить из Ирана, а последние подразделения американских войск покинули страну еще в канун января 1946 г. В декабре истекали оговоренные союзниками шесть месяцев со времени окончания войны. И англичане, и американцы, уходя, оставляли шахскому правительству значительную часть своего вооружения, в том числе тяжелую технику – танки, пушки. [38] Багиров, обещавший Пишевари оружие, был не в силах полностью это выполнить. Пока советские войска находились в Иранском Азербайджане, отсутствие у демократов необходимого для защиты оружия не имело значения. Но оно могло приобрести решающий характер после эвакуации частей Советской Армии. Однако, несмотря на уход англичан и американцев, они продолжали оставаться в Иране и, кажется, не спешили покидать его. Молодой шах Мохаммед-Реза Пехлеви был в растерянности.

После того, как демократы пришли к власти в Иранском Азербайджане, порою стали раздаваться голоса о необходимости воссоединения двух частей Азербайджана, о создании единого азербайджанского государства или единой республики в составе СССР. Сталина, конечно, и такой вариант вполне устроил бы, но он понимал, что с этим никогда не согласятся ни США, ни Англия. А ссориться с союзниками Сталин в той обстановке не хотел. В то же время он, видимо, сознавал, что, как только советские войска уйдут из Иранского Азербайджана, Тегеран попыта-

ется подавить национально-демократическое движение. Поэтому он затягивал пребывание советских войск в Иране, стараясь «выбить» какие-то гарантии у иранского правительства, касавшиеся сохранения советских позиций в Иране. Именно в связи с этим вновь возник вопрос о соглашении относительно иранской нефти.

Сталину хотелось, чтобы Тегеран передал СССР в концессию нефтяные месторождения в северных районах Ирана. И это он ставил условием вывода советских войск из Иранского Азербайджана. Для решения вопроса в Москву 19 февраля 1946 г. прибыла иранская делегация во главе с премьер-министром Ахмедом Кавамом, который незадолго до этого пришел к власти. Кавам – крупный помещик, владелец обширных чайных плантаций – имел большой политический опыт и был ловким дипломатом.

Ахмед Кавам (в эпоху Каджаров – Ахмед хан Кавам ос-Салтане), младший брат Восуга (Восуг од-Доуле), был сыном известного кадjarского сановника. Впервые стал министром в 1911 г. В первый раз возглавил правительство в начале 1921 г., после смещения Сеида Зии. В октябре 1923 г. был арестован по обвинению в организации заговора против главы правительства Реза хана (будущего Реза шаха). Но вскоре по просьбе Ахмед шаха Каджара был освобожден и выехал в Европу. После отречения Реза шаха вновь приступил к активной политической деятельности. В 1942 г. стал премьер-министром, но через несколько месяцев вынужден был уйти в отставку. [39]

На этот раз он стал премьером (27 января 1946 г.) не без поддержки советского правительства и просоветских левых организаций. В частных беседах с советскими представителями Кавам говорил, что если он сумеет возглавить правительство, то намерение Москвы получить концессию на «северную нефть» будет удовлетворено. Когда он возглавил кабинет, были арестованы политические деятели, известные своими близкими связями с английским посольством. Среди них был Сеид Зия, Карим хан Рашти и другие. В этих акциях однозначно проглядывался «широкий жест» в сторону СССР и левых сил. [40]

В Москве Кавам не хотел подписывать с СССР соглашение о нефти, тем более связывать его с выводом советских войск. Он прежде всего стремился добиться согласия Москвы на эвакуацию советских войск из Ирана. Тогда Сталин и Молотов отказались продолжать переговоры. Но при этом они не выпускали иран-

скую делегацию из Москвы. Ссылка на нелетную погоду была, конечно, только предлогом. Членов делегации водили в театр, на концерты, им оказывали всяческое внимание, но фактически они оказались в положении заложников. В конце концов Кавам подписал коммюнике, предусматривавшее последующее заключение соглашения в Тегеране, что и было сделано 4 апреля. Однако соглашение должно было вступить в силу только после ратификации иранским меджлисом. И в том заключалась тактика Кавама — он надеялся, что меджлис не ратифицирует документ. Тем более, если он как глава правительства не будет настойчиво призывать к этому депутатов. Сразу после подписания московского коммюнике СССР объявил о выводе своих войск из Иранского Азербайджана. 24 марта начали выводить войска, а закончили через полтора месяца — 9 мая.

Если верить Каваму, то прибегнуть к политическим уловкам в отношениях с советскими руководителями его подтолкнуло грубое давление, оказанное ему в Москве. «Я поехал в Москву, — писал он, — с чистой душой в отношении к русским, а вернулся в Тегеран с головой, полной коварства». Советское руководство фактически вынудило иранскую делегацию подписаться под текстом коммюнике по итогам ее пребывания в Москве. От идеи «концессии» советские руководители отказались. В коммюнике сообщалось о предстоящем заключении соглашения по образованию «совместного нефтяного общества». Предусматривалось, что сырьевой базой общества станет «северная нефть» Ирана.

Насколько верны слова Кавама о том, что его искренние чувства к русским в Москве уступили свое место коварным планам, подтвердить или опровергнуть трудно. Но ясно одно. Покидая Москву, он уже успел обдумать последующую линию поведения в вопросе движений азербайджанских тюрок и мехабадских курдов, а также по проблемам предоставления Советскому Союзу концессии и вывода частей Советской Армии с иранской территории.

При обсуждении этих ключевых вопросов Кавам проявил известную откровенность. В конфиденциальном письме, которое он направил И. Сталину перед отъездом из Москвы, этим темам было уделено особое внимание. Кавам отмечал, что отсрочка вывода советских войск создаст большие сложности для осуществления им своих политических планов. Без эвакуации войск он не сможет приступить к организации выборов в меджлис нового

созыва, а без меджлиса нового созыва не в состоянии упрочить свою власть. Он писал: «Я откровенно заявляю, что моей целью является обеспечение дружбы, упрочение политических, экономических и культурных отношений между двумя нашими странами. Основными условиями для достижения подлинного успеха в данном вопросе... являются вывод советских вооруженных сил с иранской территории и разрешение азербайджанской проблемы без малейшего ущерба суверенитету, независимости и территориальной целостности Ирана».

Кавам признает, что население Азербайджана говорит по-тюркски, но он одновременно делает заведомо неверные утверждения. К их числу относятся такие, как: «У нас нет сведений, что представители народа этой страны когда-либо сочиняли по-тюркски привлекающие внимание читателей художественные или исторические произведения». Важным «доводом» в пользу отказа от предоставления азербайджанским тюркам широкой автономии у него является идея о том, что будто на протяжении «двадцати пяти веков Азербайджан неизменно входил в состав иранского государства». Эти тезисы были выдвинуты Кавамом еще в Москве. Поэтому И. Сталин и В. Молотов должны были догадаться, что соглашение, подписанное тегеранским правительством с азербайджанскими демократами, является не более чем дипломатическим маневром Кавама. Это соглашение было подписано в Тебризе 13 июня 1946 г. [41] Делегация тегеранского правительства, возглавляемая Мозаффаром Фирузом (вторым по рангу членом кабинета), встречалась с лидерами ДПА. Она подписала с ними документ, который ныне назвали бы соглашением о разграничении полномочий. В Азербайджане допускалось самоуправление. Три четверти получаемых здесь доходов Тегеран обязался тратить на местные нужды.

Согласно соглашению, избранный национальный азербайджанский меджлис получил новое название – Областной энджумен Азербайджана.

Правительственная делегация, от имени кабинета, обязалась подготовить новый демократический проект положения о выборах и направить его на утверждение предстоящего меджлиса XV созыва. Проект такого положения должен был содержать пункт о предоставлении права голоса женщинам. По 13 пункту соглашения, правительство обязывалось все права, предоставленные азербайджанцам, распространить и на курдов Азербайджана.

В школах и высших учебных заведениях занятия должны были проводиться на персидском и тюркском (азербайджанском) языках. Вроде бы шахское правительство признало автономию Азербайджана и не помешало проводить реформы. Правительство Пишевари открыло азербайджанские школы и первый университет в Гебризе. У тех помещиков, которые бежали в Тегеран из страха перед советскими войсками, изымались земли и передавались безземельным крестьянам. В их пользу перераспределялись и государственные земли.

Видимо, Кавам произвел серьезное впечатление на И. Сталина своими заверениями о намерениях установить дружественные отношения с советским правительством. Это впечатление еще более усилилось, когда после возвращения иранского премьера домой, его заместитель подписал соглашение с азербайджанскими демократами, о чем уже говорилось выше.

О продемократических тенденциях в политике правительства свидетельствовал и ряд других шагов Кавама. Это касалось и правительственных преобразований. В состав правительства в качестве министров были введены три члена Народной партии Ирана (Туде) и три деятеля, известных своими реформаторскими настроениями. Продемократические меры правительства характеризовали и принятие закона о труде, формально – также образование проправительственной Демократической партии и т. д.

Эти и другие шаги правительства были восприняты И. Сталиным позитивно. Об этом свидетельствует оценка Кавама, позже данная им в письме к Пишевари. В глазах советского руководителя признаком сдвига влево в политической позиции иранского премьера могло явиться и то, что в новых условиях правой рукой Кавама стал Мозаффар Фируз, его заместитель по политическим вопросам. Он был прямым потомком царствовавшего до 1925 г. рода Каджаров и известен своей неприязнью к шаху. В политических кругах Тегерана его считали просоветским деятелем [42].

Через определенное время после подобных маневров, которые в политических кругах иранской столицы были восприняты как новый сдвиг влево, Кавам существенно упрочил позиции своего кабинета. Во внутренней обстановке и во взаимоотношениях с тремя сверхдержавами было достигнуто заметное равновесие. После консолидации своей власти глава кабинета решился на действие, оцененное как новый крутой поворот в его политике.

Но это было движение в другую сторону. Он открыто заявил о своем намерении провести в декабре парламентские выборы, а в качестве подготовки к ним – направить в провинции (включая Азербайджан и Северный Курдистан) правительственные силы. Об этом он писал в своем письме И. Сталину еще в Москве. Заявление премьера вызвало сильное возбуждение среди демократов Азербайджана и Северного Курдистана. Они усмотрели в этом заявлении прямую связь с советско-иранским соглашением от 4 апреля 1946 г., в котором оговаривались сроки эвакуации советских воинских частей из Северного Ирана и о подписании соглашения об учреждении ирано-советского нефтяного общества.

Благодаря советской поддержке и помощи, азербайджанские и курдские демократы заложили основу своей, еще весьма хрупкой, автономной власти, и они полагали, что окончательный вывод советских войск будет обусловлен специальным советско-иранским соглашением о признании иранским правительством достигнутого статуса национально-демократических образований Иранского Азербайджана и Северного Курдистана. Ранее подобный статус был формально признан соглашением, заключенным 13 июня 1946 г. между правительством Кавама и руководителями Иранского Азербайджана. Необходимость в новом соглашении была обусловлена тем, что политическая власть в данных автономных образованиях еще не окрепла. В тексте подписанного 13 июня соглашения содержался ряд нечетких формулировок. В иранской конституции оговоренные в соглашении изменения не были отражены. Обещанная демократам руководством СССР военная и экономическая помощь была предоставлена лишь частично. Группа офицерских кадров и специалистов в других областях, направленная на учебу в Советский Союз, еще не вернулась.

В своих публичных выступлениях лидеры азербайджанских демократов выражали серьезное сомнение в отношении вероятности выполнения условий советско-иранского соглашения от 4 апреля 1946 г. Демократы оценили подписание указанного документа как политическую уловку со стороны Кавама.

Азербайджанские демократы и их сторонники на митингах в Тебризе, других городах принимали коллективные обращения к своим этническим собратьям в Советском Азербайджане и советским руководителям. В этих обращениях они призывали оказать им срочную помощь оружием. Осуществлялась запись доброволь-

цев в ополчения. Но власти автономной области (республики) были не в состоянии обеспечить их вооружением. Участники митингов обращались также к советскому руководству за дипломатической поддержкой. О поддержке и помощи вооружением непосредственно к И. Сталину в начале декабря обратились и руководители Южно-Азербайджанской Республики. О необходимости срочной поддержки демократов Северного Ирана Сталину писал и М. Дж. Багиров. Однако советские лидеры, еще недавно активно содействовавшие росту национально-демократического движения азербайджанских тюрок и курдов Северо-Западного Ирана, хранили молчание. Более того, в дни обострения азербайджанского кризиса И. Сталин выразил мнение, что глава центрального правительства имеет право направлять воинские подразделения в любую часть страны.

Дипломаты и разведчики США и Великобритании, узнав о явном сдвиге в политическом курсе Кавама вправо, активизировали свою деятельность с целью установления с иранским правительством более тесного сотрудничества. В отличие от советских американские эксперты по нефти с сомнением относились к перспективе так называемой «северной нефти» в Иране. Тем не менее, они предполагали, что для их интересов утверждение иранским парламентом соглашения с СССР о нефти представляет немалую опасность. Если поиски нефти в северных районах Ирана не приведут к положительным результатам, рассуждали они, то советское руководство будет упорно добиваться доступа к нефтяным месторождениям в Юго-Западном Иране или в Ираке.

30 сентября 1946 г. Кавам сказал послу США в Тегеране Дж. Аллену, что для полного восстановления своего суверенитета Иран нуждается в американских военных поставках и займах. Аллен сразу же согласился с ним [43]. Как отмечает американский эксперт Б. Рубин, принималось во внимание, что Кавам может противостоять «советскому давлению» только посредством усиления позиций своего правительства. 18 октября госдепартамент дал Каваму широкую гарантию поддержки, включавшую обязательство о предоставлении займа, оружия, расширения состава американской военной миссии в Тегеране и т. д.

Тем временем Кавам вскоре вновь переформировал свое правительство (19.X.1946). Члены партии Туде и их союзники лишились министерских постов.

Эвакуация советских частей в принципе предопределила судьбу правительства Пишевари. Накануне начала эвакуации Сталину позвонил Багиров и сказал: «Если наши войска уйдут, Азербайджанская Республика рухнет». Сталин ответил: «Мы должны уйти, так как не можем сопротивляться всему миру. Я сожалею, но наши войска должны быть выведены».

Как ни хотелось Сталину поддержать азербайджанских демократов, но нажим США и Англии был слишком велик. По некоторым сведениям, Сталин даже получил секретное послание президента США Трумэна, который требовал, чтобы советские войска покинули Иран, намекая на то, что в противном случае американцы могут применить военную силу. Советский Союз тогда не располагал ядерным оружием и рисковать Сталин, конечно, не хотел. Но есть еще одна причина, по которой Сталин не стал более задерживаться в Иране. Он очень дорожил репутацией освободителя в закончившейся войне и не хотел ничем омрачать ее. Причины своего решения о выводе войск Сталин назвал в письме Пишевари, опубликованном в 1996 г. Оно датировано 8 мая 1946 г., т. е. за день до окончания вывода советских войск.

«Обстановка не позволит достичь ваших целей, – писал Сталин Пишевари. – Вы исходите из ленинского положения о том, что надо использовать кризис, как это сделал Ленин в России. Но в Иране нет сейчас такого кризиса, какой был в России в 1917 году. Конечно, если бы советские войска оставались в Иране, для ваших преобразований были б все условия. Но мы не в состоянии оставаться в Иране, так как у нас репутация освободителей многих народов Европы. И если мы не выведем войска, что скажет мир? Англичане в этом случае уйдут из Египта, Греции, Сирии, Индонезии. Американцы будут находиться в Китае, Исландии, Дании. Поэтому мы с ними договорились о том, что мы уйдем из Ирана, а они из Китая. Вы как революционер должны понять, что мы обязаны вывести войска. Хотя известно, что Кавам – реакционный деятель, тем не менее, он провел ряд реформ, встреченных в штыки англофилами. Мы должны использовать внутренние противоречия в Иране, чтобы Кавам сделал шаг в сторону реформ, улучшения положения левых сил. Мы не можем порвать отношения с правительством Кавама. Как мне стало известно, Вы заявили, что мы сперва подняли Вас до небес, а потом столкнули в бездну, опозорили. Если Вы действительно сказали это, то мы

удивлены. Что же на самом деле произошло? Мы воспользовались революционным приемом, известным каждому. Используя момент, мы добились того, чтобы правительство Кавама выполнило определенные требования. Но не может быть и речи о позоре для Вас, этого мы никогда бы не допустили. Международная обстановка, ситуация в Иране не позволяют нам действовать свободно. Но если Вы будете вести себя мудро и добьетесь фактической легализации тех уступок, которые были сделаны в отношении Азербайджана, проблема его освобождения разрешится в других условиях, а Вы все равно останетесь одним из пионеров развития демократического движения на Среднем Востоке и для азербайджанцев, и для всех иранцев» [44].

На первый взгляд данное письмо являлось свидетельством того, что хитроумному Ахмеду Каваму удалось обвести такого проницательного политика, каковым был И. Сталин. А может быть, в тех конкретных исторических условиях советский лидер не мог поступить иначе.

О поведении И. Сталина в заключительный период «азербайджанского кризиса» очень любопытно отозвался Ф. Азими. Согласно ему, Кавам считал, что «мягкая реакция русских на падение режимов, установленных в Тебризе и Мехабаде», была связана с их надеждой на получение обещанной Тегераном нефтяной концессии. Скорее всего, такое суждение соответствует действительности. Видимо, именно по этой причине Кавам действовал так решительно. Он понимал, что Москва, рассчитывая на получение концессии, откажется от решительных действий по защите интересов азербайджанских и курдских демократов.

Получив письмо И. Сталина, Сеид Джафар Пишевари очень огорчился [45]. В тяжелый критический момент демократы не получили обещанного вооружения и боеприпасов. Дж. Хасанли отмечает, что не только Пишевари, но и большинство его соратников, руководителей Азербайджанской демократической партии, согласно хранящимся в Баку архивным материалам, были уверены в том, что игра А. Кавама в демократию не более чем уловка, предназначенная для консолидации проправительственных сил. Азербайджанские демократы также были убеждены, что Кавам, имевший тайные контакты с американцами, никогда не предоставит Советскому Союзу нефтяные концессии. Разворачивавшиеся в Иране события очень скоро стали живым подтверждением всех этих прогнозов.

Спустя много лет после победы антимонархической революции Б. Рубин напишет, что советское руководство, «поверив в покорность Кавама, согласилось иметь дело с Тегераном». «В течение нескольких месяцев, – подчеркивает он, – Кавам продолжал неторопливую игру. Он попросил Соединенные Штаты не предпринимать дальнейших действий относительно жалобы Ирана и прекратить усилия по этому вопросу в рамках Объединенных Наций» [46].

В дни нарастания азербайджанского кризиса советское руководство не только отказалось от прямой поддержки демократов, но и не пошло на необходимый в подобных случаях дипломатический демарш.

Английские дипломаты предвидели, что направляемые в Азербайджан правительственные войска будут чинить расправы над местным населением. Поэтому они обратились к иранским властям с просьбой принять меры по обеспечению безопасности мирных жителей и ограждения их от актов насилия. Но ни шахская армия, ни крупные полуфеодалные помещики Азербайджана не собирались прислушиваться к подобным советам.

В начале декабря войска центрального правительства перешли границу той части Азербайджана, которая находилась под управлением демократов. 4 декабря они вошли в столицу Азербайджана – Тебриз. В эти дни Азербайджанской Республике исполнился почти год. Предлог для акции – обеспечение безопасности кампании по выборам в меджлис, истинная цель – подавить демократическое движение в Азербайджане и изгнать правительство Пишевари. Карательную экспедицию возглавил генерал Али Размара – начальник Генштаба иранской армии. Частями иранской жандармерии командовал американец Норман Шварцкопф. С 1943 г. он возглавлял американскую миссию в Иране, где занимался реформой иранской жандармерии.

Перед лицом смертельной опасности, которая грозила автономной власти азербайджанских тюрок, демократы не сумели организовать свои силы и скоординировать общие усилия. Лишь местами им удалось оказать сопротивление карателям, состоявшим из воинских частей, подразделений жандармерии, полиции и сформированных крупными местными землевладельцами банд. Слабое отражение наступления карателей было обусловлено, отчасти отказом советского руководства в критический момент предоставить демократам Азербайджана и необходимое оружие

для организации самообороны. В конечном итоге было бесполезно сопротивляться хорошо оснащенной армии. Начались погромы и расстрелы. В результате кровавого террора погибло 14 тыс. демократов и их сторонников. Демократическая партия Азербайджана была объявлена вне закона, ее активистов уничтожали, сажали в тюрьмы, отправляли в ссылку. Несколько тысяч спаслись бегством на север, к советской границе, и оказались в эмиграции в СССР.

Правительственные войска и подразделения иранской жандармерии из Азербайджана были направлены в северный Иранский Курдистан.

В период существования диктатуры Реза шаха курды подвергались гонениям. Издания на курдском языке были запрещены. Ношение национального костюма не разрешалось. Курдские полукочевые общества вынуждены были вести оседлый образ жизни. Предводители племен и родов подвергались преследованиям. Многие из них были казнены, арестованы или сосланы в далекие от своего родного края области. В результате жестоких карательных мер многие курдские полукочевые племена лишились принадлежавших им отар. Резко сократилось поголовье мелкорогатого скота. Поэтому курды постоянно испытывали голод, другие лишения.

После оккупации северных и южных провинций страны войсками союзников граничащие с Азербайджаном курдские земли оказались в «нейтральной» зоне. Но политические события в Азербайджане и близкое расположение частей Красной Армии повлияли на положение в Северном Курдистане. В 1942 г. в Мехабаде (бывш. Соудж-Булаг) курдскими националистами-демократами из числа представителей интеллигенции и средних слоев была создана подпольная организация под названием «Комала-и зинава-и Курд» («Курдская партия возрождения»). Члены этой организации не желали привлекать в свои ряды вождей аширетов (племен) и крупных землевладельцев. Однако в 1944 г., для усиления своей организации, они предложили возглавить ее известному курдскому религиозно-общественному деятелю Кази Мохаммеду. За короткое время в организацию вошли предводители большинства курдских обществ Северного Курдистана. В конце октября 1945 г. «Комала» была преобразована в Курдскую демократическую партию (КДП), I съезд которой прошел в Мехабаде [47].

В отличие от просоциалистической программы Азербайджанской демократической партии, программа КДП имела уме-

ренный национально-демократический характер. Партия выступала за предоставление курдам автономии в рамках иранского государства. Предлагалось объявить курдский язык основным языком школьного образования и официальным языком области. Выдвигалось предложение об образовании местного парламента, местной полиции и жандармерии. Требования курдских демократов были отвергнуты тегеранским правительством.

22 января 1946 г. лидеры КДП обнародовали свое решение об образовании Курдской автономной республики. Были созданы вооруженные силы республики. Их костяком стали хорошо вооруженные повстанцы из племени барзан, которыми командовал Молла Мустафа Барзани [48]. По происхождению барзанийцы были иракскими курдами. Наряду с определенными успехами, лидер КДП и курдского автономного образования Кази Мохаммед, его ближайшие соратники встретились с серьезными трудностями. Самой опасной из них стала оппозиция со стороны ряда влиятельных и сильных курдских предводителей.

Как раз во время обострения взаимоотношений руководства республики с предводителями некоторых курдских обществ иранские войска и подразделения жандармерии вошли в Курдистан. Республика была разгромлена. Лидер курдских демократов Кази Мохаммед, его брат Садр Кази и еще один близкий их родственник были повешены. Возглавляемым Мостафой Барзани курдским ополченцам с боями удалось перебраться до советско-иранской границы и получить политическое убежище в СССР [49].

После этих кровавых событий, в январе 1947 г., состоялись выборы в меджлис XV созыва. Согласно данным иранской прессы (журнал «Разм»), из 122 депутатов меджлиса было 62 крупных помещика, 10 собственников промышленных предприятий, 22 высших чиновника и 28 адвокатов. Тем не менее, впервые в истории в парламент была избрана большая группа (примерно 25 человек) демократически настроенных иранских националистов.

4.4. Проблема южной нефти

Одним из важных политических пунктов в работе парламента нового созыва стало обсуждение ирано-советского соглашения о создании совместного нефтяного общества. Дебаты проходили в совершенно новой политической ситуации. В результате вывода из страны подразделений советских вооруженных сил и разгрома

движений за автономию в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане было сильно подорвано влияние СССР в Иране.

Политический авторитет Кавама значительно возрос. Он стал активнее пользоваться поддержкой США и Великобритании. В августе 1947 г. советский посол предложил ему подписать текст договора по «северной нефти» [50]. Кавам ответил отказом. Подобный шаг он объяснил необходимостью одобрения текста предварительного соглашения меджлисом. Вскоре в ходе его обсуждения от имени группы депутатов, видных политических деятелей, в президиум меджлиса поступил законопроект по поводу ирано-советского соглашения по нефти от 4 апреля 1946 г. Его текст был подготовлен Шафаком Резазаде, другом Кавама, известным своими симпатиями к американцам.

В преамбуле текста отмечалось, что, подписывая обсуждаемое соглашение, премьер исходил из добрых намерений. Однако Национальное собрание (меджлис) считает, что содержание подписанного Кавамом в апреле 1946 г. предварительного соглашения относительно «северной нефти» не соответствует условиям статьи 2 закона о нефти от 2 декабря 1944 г. (Первая статья упомянутого закона запрещала представителям иранского правительства вести с официальными или неофициальными лицами из иностранных государств «переговоры по поводу нефтяных концессий или подписывать какие-либо соглашения».) Исходя из этого, подписанное с советским представителем соглашение (от 4 апреля 1946 г.) объявлялось «не имеющим законной силы и несуществующим». Как члены Демократической партии Кавама, так и сторонники оппозиции, во главе с доктором Мохаммедом Мосаддыком, проголосовали за утверждение предложенного законопроекта. Из 104 присутствующих членов меджлиса только двое высказались против аннулирования соглашения известного под названием «Кавам-Садчиков». Вместе с тем Шафаком Резазаде в законопроект был включен пункт, который ставил под сомнение законность деятельности АИНК [51]. Так, в последнем, пятом, пункте говорилось: «Правительству вменяется в обязанность во всех случаях, когда права иранского народа в отношении природных богатств его страны, будь то ископаемые или другие источники, ущемлены, например, в случае с южной нефтью, с целью восстановления национальных прав вступить в переговоры (с кем, в законе не указывается. — С.А.) и принять необходимые

меры (с целью восстановления нарушенных прав) и об их результатах поставить в известность меджлис» [52]. Таким образом, закон от 22 октября 1947 г. выдвигал, по существу, вопрос о неизбежности переговоров с АИНК относительно соблюдения ею условий концессионного соглашения 1933 г. и в случае необходимости внесения в него определенных изменений с целью восстановления прав Ирана.

В ноябре 1947 г. были возобновлены переговоры между Пирния и Гоби по нефтяному вопросу. На этот раз иранское правительство предложило обсудить более широкий круг вопросов, что вызвало отрицательную реакцию АИНК, и в декабре переговоры были прекращены [53].

После вынужденной отставки Кавама на посту премьер-министра его сменил Ибрагим Хаками, выходец из аристократической семьи, известный своими связями с Великобританией. При нем никаких шагов для восстановления национальных прав Ирана в отношении южной нефти, что требовал закон 1947 г., фактически не предпринималось, а А. Наджм, министр финансов в новом иранском правительственном кабинете, открыто защищал интересы компании. Это было одной из основных причин быстрого падения правительства Хаками.

При преемнике Хаками, Абдольхосейне Хажире, в августе 1948 г. были возобновлены переговоры между Пирния и Гоби. Но на этот раз они зашли в тупик. Под давлением общественного мнения Хажир потребовал, чтобы правление компании направило в Тегеран официальную делегацию для ведения переговоров по вопросу о нарушении АИНК прав Ирана на южную нефть. Компании пришлось командировать в Тегеран делегацию во главе с вице-председателем своего правления Н. Гэссом. Руководитель иранской делегации министр финансов М. Варасте в сентябре 1948 г. вручил главе делегации АИНК меморандум из 25 пунктов, в котором были сформулированы основные претензии Ирана к компании [54].

В меморандуме указывалось, что в течение 15 лет со времени подписания соглашения 1933 г. АИНК нарушало его многие важные статьи. Далее отмечалось, что в нарушение соглашения 1933 г. АИНК в своих расчетах с иранским правительством не учитывала колебаний цен на золото и не выплачивала Ирану предусмотренную соглашением компенсацию. Подчеркивалось, что увеличение английским правительством подоходного налога

с компаний, в том числе с АИНК, привело к резкому сокращению доходов Ирана от нефти. Система исчисления концессионных платежей Ирану, говорилось в меморандуме, не является честной и справедливой. Не принимая во внимание падение курса фунта стерлингов и нарушая соглашение 1933 г., АИНК из года в год выплачивала иранскому правительству все меньшие суммы по отношению к фактической стоимости добытой нефти. В 1933 г. сумма концессионных платежей Ирану относительно общей стоимости добытой нефти составляла 33%, а в 1947 г. — только 9%. Иран считал незаконной продажу нефтепродуктов английскому адмиралтейству, британским военно-воздушным силам и американским монополиям по ценам ниже мировых. Было указано также на ущерб, который наносило Ирану освобождение АИНК от подоходного налога и таможенных пошлин на товары, которые компания ввозила и вывозила. Кроме того, в меморандуме говорилось, что, несмотря на внесенные иранским правительством в ноябре 1947 г. предложения, АИНК отказывалось сократить иностранный персонал и улучшить условия жизни иранских служащих и рабочих. Выдвигалось требование о необходимости предоставления иранскому правительству возможности ревизии счетов и бухгалтерских книг компании, а также первоочередного пользования информацией о ее деятельности. Иранская делегация выдвинула и ряд новых претензий. В частности, иранцы обратили внимание компании на то, что в качестве «роялти» Иран получает меньше, чем другие нефтедобывающие государства [55].

Из-за обструкционистской позиции представителей АИНК не удалось добиться прогресса в переговорах. Руководство английской компании не желало вести переговоры по широкому кругу вопросов, сформулированных в меморандуме правительства Хажира. Между тем общественность Ирана выражала недовольство политикой правительства, оказавшегося неспособным претворить в жизнь статьи закона от 22 октября 1947 г., требовавшие восстановления прав Ирана на южную нефть. Все это обусловило падение кабинета Хажира. 7 октября 1948 г. ушел в отставку министр финансов Варасте, возглавлявший иранскую делегацию на переговорах с АИНК, а в начале ноября пал кабинет.

16 ноября 1948 г. правительство возглавил известный своими консервативными взглядами и связями с двором Саед Мохаммед Марагеи. Новый кабинет предпринял усилия для того, чтобы при-

ступить с АИНК к переговорам на базе меморандума, подготовленного при Хажире. Правительство Саеда обратилось за консультацией к экспертам по нефти, американским и французским. Те полностью подтвердили справедливость претензий Ирана к компании, изложенных в упомянутом документе.

В первых числах февраля 1949 г. в Тегеран снова прибыл Н. Гэсс. Иранскую делегацию возглавил министр финансов А. Гольшаян. В переговорах, которые начались 9 февраля и продолжались с перерывами до середины июля 1949 г., периодически принимали также участие иранский премьер и председатель правления АИНК У. Фрезер.

Определенное воздействие на ход переговоров оказывала напряженная ситуация, которая складывалась в меджлисе и вообще в политической жизни иранской столицы.

Депутаты меньшинства, выражавшие интересы патриотически или националистически настроенной части иранской буржуазии, в своих выступлениях обличали колонизаторскую сущность деятельности АИНК и других английских учреждений в Иране. При этом они пользовались поддержкой внепарламентской оппозиции. Так, в январе 1949 г. на одном из заседаний меджлиса депутат А. Хаеризаде вручил президиуму письмо, полученное от группы общественных деятелей страны, в котором была отражена деятельность английского Шахиншахского банка. В нем говорилось, что банк с его широким полномочиями наносит ущерб финансовой и экономической самостоятельности страны, и предлагалось ограничить его функции кредитованием англо-иранской торговли. Письмо было подписано известными учеными и общественными деятелями, противниками проанглийского политического курса правящей верхушки – М. Нариманом, Данешпуром, М. Кейханом, Ш. Джазаери и др. [56]

Большое впечатление на иранскую общественность произвело выступление в меджлисе Аббаса Искандари (Эскандари). Депутат показал, какими путями английские власти в течение ряда десятилетий превращали в своих агентов представителей правящих кругов Ирана, и утверждал, что такие известные политические деятели, как Хакими, Наджм, Имами (Эмами) являются, по существу, исполнителями воли правительства Великобритании. Указав, что главным орудием английской политики в Иране является нефтяная компания, Искандери внес на рассмотрение меджлиса законопроект об аннули-

ровании концессионного соглашения с АИНК [57]. Однако в то время массовое антианглийское движение еще только начиналось, а реакционное большинство меджлиса покорно голосовало за политику шахского двора и правительства. Искандари поддерживали лишь отдельные депутаты. Тем не менее, вопрос о злоупотреблениях АИНК стал предметом острой дискуссии в меджлисе и вне его — среди общественности иранской столицы.

Вскоре произошло событие, которое было использовано иранской верхушкой в качестве предлога для наступления на левые демократические силы. 4 февраля 1949 г. корреспондент газеты «Парчам-е ислам», близкой к религиозной экстремистской организации «Федаян-е ислам» («Поборники ислама»), совершил покушение на жизнь шаха, которое было использовано властями для усиления гонений на оппозиционные силы. Амир Тахери признал впоследствии, после крушения шахского режима, что шахский двор преднамеренно распространил ложную информацию о связях покушавшегося с партией Туде [58]. Сделано это было с целью дискриминации левых сил и оправдания введения в стране чрезвычайного положения. Лишь по истечении многих дней консервативное большинство меджлиса добилось прекращения дискуссии об АИНК и снятия с повестки дня предложения Искандари [59]. Правительство объявило в столице военное положение, запретило деятельность НПИ, закрыло ряд оппозиционных газет, как левых, так и происламских.

Как раз в это время наступил кульминационный пункт в англо-иранских переговорах, начавшихся по инициативе Тегерана. Прибывший в иранскую столицу У. Фрезер 5 мая встретился с премьер-министром и вручил ему проект так называемого Дополнительного соглашения (из 11 статей) к англо-иранскому соглашению по нефти от 1933 г. Фрезер заявил, что это документ удовлетворяет все основные претензии Ирана. Однако иранская делегация, возглавляемая А. Гольшайном, отвергла проект, как не отвечающий требованиям статьи «D» закона от 22 октября 1947 г. [60]. Тем не менее, шах и его окружение, будто опасаясь последствий обострения отношений с компанией (они полагали, что продолжение конфликта усилит массовое недовольство деятельностью АИНК), стали добиваться его принятия правительством Саеда. Иранский премьер сознавал, что, подписав Дополнительное соглашение, он поставит под угрозу свою политичес-

кую карьеру. Поэтому он предпринял поездку в Лондон, где попытался добиться у руководителей АИНК необходимых, с его точки зрения, уступок. Саед обратил внимание руководителей компании и английских политических деятелей на то, что принятие Ираном соглашения произведет самое неблагоприятное впечатление на иранскую общественность. Английские представители остались глухи к его предупреждениям. Не без давления шахского двора Саед отступил. 17 июля 1949 г. Дополнительное соглашение было подписано Гольшаяном и Фрезером, а на следующий день его текст появился в тегеранских газетах.

Соглашение предусматривало увеличение платежей Ирану с 4 до 6 шилл. за каждую тонну нефти, добытую АИНК (ст. 3), а также дополнительно по 3 пенса за каждую тонну, добытую сверх 6 млн. т (ст. 7); кроме того, компания обязалась передавать Ирану ежегодно 20% сумм, переводимых в ее резервный фонд. АИНК взяла на себя обязательство после ратификации соглашения иранской стороной внести в иранскую казну из резервного фонда 5 млн. ф. ст. в погашение просроченных платежей. Компания освобождалась от уплаты подоходного налога Ирану; взамен она обязалась выплачивать Ирану дополнительно по 1 шилл. с каждой тонны добываемой нефти (соглашение 1933 г. предусматривало 9 пенсов с тонны). Минимум 20%-ных отчислений от прибыли и вложений в резервный фонд был установлен в 4 млн. ф. ст. (в соглашении 1933 г. эта сумма была определена в 750 тыс. ф. ст.). И наконец, соглашение предусматривало 20%-ную скидку на сбываемые на иранском рынке нефтепродукты, тогда как по соглашению 1933 г. скидка частным покупателям составляла 10% [61].

Обнародование текста Дополнительного соглашения вызвало бурю в оппозиционных кругах, так как соглашение никоим образом не удовлетворяло требования, сформулированные в меморандуме иранского правительства. Тем не менее, уже 19 июля соглашение было передано на рассмотрение меджлиса [62].

Однако форсировать утверждение Дополнительного соглашения меджлисом не удалось. Несмотря на то, что переговоры с АИНК протекали втайне и в основном в условиях военного положения, отдельные общественные организации и политические деятели тщательно изучали условия сдачи нефтяных концессий в других странах и различные аспекты деятельности АИНК. Активисты партии «Иран», представлявшие главным образом неболь-

шую группу националистически настроенной тегеранской интеллигенции, и меньшинство меджлиса решили совместно выступить против утверждения Дополнительного соглашения [63]. Функционеры партии подготовили разоблачающие АИНК и правящие круги материалы, а депутаты меньшинства использовали их в своих выступлениях. 23 июля 1949 г., когда начались прения по поводу Дополнительного соглашения, депутат Х. Макки начал свою рассчитанную на четыре дня речь против утверждения соглашения. Большинство меджлиса угадало тактику меньшинства, которое намеревалось затянуть дебаты до истечения срока полномочий меджлиса XV созыва, т. е. до 28 июля 1949 г. Поэтому депутаты, выражавшие взгляд двора и правящей верхушки (Шариатзаде, Аболькасем Амини, Батманкылыч), пытались воспрепятствовать выступлению Х. Макки, порою прибегая к угрозам. Со своей стороны, депутаты меньшинства (Баган, Кермани, Хаеризаде, Азад), желая разоблачить проанглийский, антинациональный характер политической линии большинства меджлиса и шахского двора, обратились с интерpellацией (запросом) к правительству Саеда, в которой обвинили его во вмешательстве в законодательные функции парламента, с тем чтобы в интересах АИНК добиться утверждения Дополнительного соглашения [64].

С окончанием работ меджлиса XV созыва, так и не утвердившего проект Дополнительного соглашения, завершился начальный этап борьбы иранской общественности против утверждения этого документа.

С начала 1949 г. происходили отдельные выступления рабочих и студентов за восстановление прав Ирана на южную нефть, а после июля 1949 г. — против заключения Дополнительного соглашения. Отрицательное влияние на рост антиимпериалистического и демократического движения оказывало военное положение, а также репрессии властей. Но вопрос о южной нефти постепенно становился главной общественной проблемой страны. Поэтому как правящие круги, так и представители национальной буржуазии, впервые вышедшие на политическую авансцену как активная сила, придавали большое значение предстоявшим выборам в меджлис XVI созыва, которому надлежало решить вопрос о Дополнительном соглашении.

Встревоженные ростом антиимпериалистического и левodemократического движения, наиболее опытные политические

деятели из правящих кругов выдвинули идею создания второй палаты парламента, сената, рассчитывая с его помощью уменьшить значение меджлиса. Законопроект о созыве сената, предложенный меджлису министром внутренних дел Манучехром Эгбалем, был утвержден в мае 1949 г.

Согласно положению, утвержденному меджлисом XV созыва, из 60 членов сената 30 должны были назначаться шахом, а остальные – избираться из близкого ко двору ограниченного круга лиц. Таким образом, учреждение сената еще больше укрепляло позиции главы государства. Конституционные права населения и парламента были урезаны также созывом в 1949 г. Учредительного собрания, на незаконность и непредставительность которого неоднократно указывали демократические круги. Учредительное собрание пересмотрело некоторые статьи конституции, касавшиеся прерогатив шаха. Монарху были предоставлены более широкие права в отношении роспуска меджлиса и сената. Эти маневры придворных сил свидетельствовали о намерении не допустить усиления в меджлисе позиций представителей национальной буржуазии и добиться утверждения Дополнительного соглашения.

Одновременно активизировались общественные и политические деятели, выражавшие интересы национальной буржуазии. Становление политической платформы национальной буржуазии протекало в условиях нарастания разногласий между правительством и оппозиционными силами. В сентябре–октябре 1949 г. в Тегеране состоялся ряд встреч оппозиционно настроенных деятелей столицы. Это были политические деятели, журналисты, преподаватели университета, юристы, деловые люди, духовные лица и т.д. Понимая, что проводимый правительством курс фактически лишает их всех возможности быть избранными в меджлис, они решили приложить коллективные усилия для того, чтобы добиться прекращения прямого и грубого вмешательства властей в ход выборов в меджлис XVI созыва [65]. Было решено с этой целью воспользоваться «бестом», т. е. традиционной иранской формой протеста против политики властей. Специальная комиссия должна была определить место «беста».

14 октября 1949 г., когда оппозиционеры встретились в доме известного политического деятеля доктора Мохаммеда Мосаддыка, тот заявил, что, по его мнению, лучшим местом для «беста» является шахский дворец. Его предложение было одобрено. Это

означало, что, выступая против злоупотреблений властей в ходе парламентских выборов, оппозиционные деятели решили апеллировать к шаху как к главе государства. Участники будущего «беста» во главе с Мосаддыком направились в Мраморный дворец. Министр двора А. Хажир передал шаху пожелание прибывших, и тот разрешил пропустить во дворец 20 человек. Кроме Мосаддыка в эту группу вошли, в частности, доктор Мозаффар Багаи, публицист Хосейн Макки, аятолла Гарави, директор газеты «Дад» Амиди Нури, директор газеты «Сетаре» Ахмед Малеки, адвокат Карим Санджаби и др. Через некоторое время Амиди Нури и еще один из принявших участие в «бесте» покинули шахский дворец. Их заменили Аллаяр Салех и Амир Теймур Калали. В конце концов участники «беста» и правительство пришли к соглашению о том, что власти прекратят вмешательство в ход выборов в меджлис [66].

Возглавлявший эту группу оппозиционеров доктор Мохамед Мосаддык был популярным общественным и политическим деятелем. Он родился 22 мая 1882 г. в Тегеране в семье высокопоставленного чиновника финансового ведомства. Его мать была внучкой знаменитого каджарского принца Аббас Мирзы, сына Фатх-Али-шаха Каджара. Образование Мосаддык получил в Иране, Франции и Швейцарии. В 1914 г. в Невшателе (Швейцария) защитил докторскую диссертацию в области права. В 20-х годах занимал различные государственные посты: был губернатором провинции Фарс, некоторое время исполнял обязанности министра иностранных дел. Избирался в меджлис, где голосовал против законопроекта о провозглашении Реза хана шахом (1925 г.). В 1928 г. был отстранен от политической деятельности. В июне 1940 г. его арестовали по обвинению в антигосударственной деятельности, но в декабре того же года освободили. Находился под надзором полиции в своем имении в деревне Ахмедабад. Вскоре после отречения Реза шаха (1941 г.), в 1943 г. Мосаддык был избран в меджлис XIV созыва, где стал лидером внефракционной группы депутатов. Он приобрел широкую популярность своими разоблачительными выступлениями против вернувшегося в Иран в 1943 г. известного англофила Сеида Зии. В тот период Мосаддык выступал с тезисом о необходимости проведения Ираном курса «пассивного равновесия» во внешней политике. Суть этой идеи – не допустить преобладания в Иране какой-либо великой

державы, отказаться от участия в противоборстве между великими державами и строго придерживаться нейтралистского курса во внешней политике. Мосаддык был активным поборником укрепления независимости Ирана. В межжисе XIV созыва он подвергал резкой критике АИНК, обвиняя её во вмешательстве во внутренние дела Ирана (по его инициативе в 1944 г. был принят закон о нефти, о котором говорилось ранее), резко выступал (январь 1945 г.) против продления полномочий американской финансовой миссии во главе с А. Мильспо, прибывшей в Иран в 1943 г. по приглашению правительства Ахмеда Кавама [67].

Добившись своего, принявшие участие в «бесте» общественные деятели покинули шахский дворец. 23 октября 1949 г. они собрались в доме Мосаддыка, для того чтобы разработать план действий на период выборной кампании. Было решено выдвинуть три основных предвыборных лозунга: свобода выборов, свобода печати, т. е. приостановление действия антидемократического закона о печати от 3 марта 1949 г., и отмена закона о военном положении [68].

Во время этой встречи был официально создан Национальный фронт (НФ) во главе с М. Мосаддыком. Эта политическая организация представляла собой в тот период не коалицию партий, как часто пишут, а, скорее, объединение политических деятелей, выражавших интересы различных группировок национальной буржуазии. В него вошли и представители патриотически настроенной интеллигенции, и правые националисты (Хаеризаде, Багаи и др.), которые в борьбе против английского влияния считали необходимым опереться на поддержку США. В программе Национального фронта отмечалось, что он создан сторонниками обеспечения «социальной справедливости и защиты конституции». Главной его целью провозглашалось «учреждение национального (т. е. выражающего национальные интересы. — С.А.) правительства путем обеспечения свободы выборов и свободы печати». Были образованы секретариат и правление НФ [69].

Выступление национальной буржуазии против правящей верхушки, состоявшей из близких к шахскому двору представителей консервативных помещиков и компрадорской буржуазии, по своему политическому содержанию было борьбой за власть. Однако объективно оно выражало интересы всего иранского общества, и в этом смысле борьба возглавлявшейся Мосаддыком группировки национальной буржуазии имела явно прогрессивный характер.

«Ограниченные классовые цели» национальной буржуазии [70], о которых пишет А. В. Башкиров, на самом деле в тот период соответствовали общенародным интересам.

Мосаддык решительно возражал против превращения НФ в выразителя интересов какой-либо одной партии и против официального объединения определенного числа партий. Тем не менее, к НФ вскоре стали примыкать некоторые уже существовавшие и образованные после его учреждения буржуазные и мелкобуржуазные партии. Руководители партии «Иран» были самыми верными сторонниками Мосаддыка и как бы составляли ядро НФ.

На первых порах вопрос о южной нефти не нашел отражения в декларациях НФ. Вся деятельность этой организации была направлена на то, чтобы добиться успеха на выборах в меджлис XVI созыва. Несмотря на свое обещание, правительство продолжало протаскивать в парламент угодных ему кандидатов. Однако убийство 4 ноября 1949 г. членом «Федаян-е ислам» министра двора А. Хажира, который вместе с начальником Генерального штаба генералом Хаджали (Али) Размарой руководил действиями, направленными на то, чтобы не допустить избрания в парламент представителей НФ и одновременно фальсифицировать результаты выборов, заставило правительство действовать не так бесстыдно открыто. По требованию НФ результаты выборов в Тегеране были аннулированы.

7 февраля 1950 г. на митинге в Тегеране на площади Бахarestан Мосаддык резко осудил вмешательство правительства в ход выборов и призвал население столицы голосовать за кандидатов НФ. Объявленные в начале апреля результаты новых выборов в меджлис от Тегерана свидетельствовали о победе членов и сторонников НФ. Наибольшее число голосов было подано за Мосаддыка, Багаи, Макки, Хаеризаде и аятоллу Кашани. Были избраны также Шаеган и Нариман [71].

Сразу же после выборов НФ объявил нефтяной вопрос своим главным делом, считая его ключом к решению всех экономических и политических проблем страны. Идея сделать лозунг о национализации нефтяной промышленности стержнем программы НФ в борьбе за власть принадлежала М. Мосаддыку и доктору Хосейну Фатеми. Выдвижение на первый план вопроса об АИНК значительно усилило позиции Национального фронта.

Меджлис XVI созыва приступил к работе в феврале 1950 г.,

когда выборы в столице еще не были закончены. Несмотря на рост антиимпериалистического движения, правящие круги, особенно двор, продолжали добиваться утверждения Дополнительного соглашения. Представители возглавляемой Мосаддыком группировки национальной буржуазии развернули кампанию против Дополнительного соглашения. 19 июня Мосаддык зачитал в меджлисе послание муджтехида Аболькасема Кашани, в котором тот осуждал соглашение и призывал иранцев восстановить свои права на южную нефть [72].

В тот же день меджлис постановил передать Дополнительное соглашение на заключение специально созданной нефтяной комиссии. 26 июня меджлис избрал в состав комиссии 18 депутатов, в том числе 5 членов Национального фронта: Мосаддыка, Шаегана, Аллаяра Салеха, Хосейна Макки и Хаеризаде. После того как попытка протащить через меджлис не отвечавшее интересам Ирана соглашение о нефти провалилась, правительство Саеда 18 марта 1950 г. вынуждено было уйти в отставку. Новый кабинет сформировал Али Мансур (3 апреля). Близкий к шаху престарелый премьер-министр передал Дополнительное соглашение в меджлис для обсуждения, однако не выразил своего отношения к этому документу. Его правительство получило поддержку меджлиса и сената. Тем не менее, и Али Мансору вскоре пришлось уйти в отставку. Но на этот раз отставка правительства произошла под давлением части проанглийски настроенных правящих кругов, которым нужен был более решительный защитник их взглядов на нефтяную проблему. 27 июня 1950 г. шах назначил премьер-министром генерала Хаджали Размару. Это означало, что правящие круги намеревались решить вопрос о Дополнительном соглашении по своему усмотрению, игнорируя оппозиционное общественное мнение. Указ о назначении начальника Генштаба премьером, который, кстати, немедленно ушел со своего предыдущего поста, был издан шахом без предварительного согласия меджлиса.

Х. Размара родился в 1901 г. в офицерской семье. Военное образование получил в Тегеране и во Франции (закончил Сен-Сир), в 1937 г. ему было присвоено звание генерала. Он был одним из самых образованных военных командиров в Иране [73]. Свои политические амбиции он стал проявлять с конца 1947 г., после карательных операций вооруженных сил в Иранском Азер-

байджане и Северном Курдистане.

Самую активную роль в выдвижении Х. Размара на пост премьера сыграли посольства США и Англии. Список членов кабинета был составлен при участии американского и английского посольств еще до того, как ему предложили пост премьера [74].

Желая успокоить широкую общественность, предотвратить надвигавшийся кризис и укрепить позиции своего правительства, Размара предпринял ряд внутривластных и внешнеполитических акций. В октябре 1950 г. было подписано новое торговое соглашение с Советским Союзом, тем самым был сделан заметный шаг в сторону улучшения отношений с Москвой. Вместе с тем Размара предложил американским советникам покинуть Иран. Он принял решение отозвать из США группу офицеров иранской армии, направленных туда на стажировку. Размара сделал вид, будто расторжение контракта с американской компанией «Оверсиз Консалтантс», приглашенной в 1948 г. для оказания помощи в составлении первого семилетнего плана развития, инициировано его правительством. По мнению некоторых иранских авторов, деятельность Размары была направлена на установление «равновесия» в иранском политическом поле. Под этим имелось в виду, что правительство должно придерживаться принципа равноудаленности во взаимоотношениях со всеми великими державами. Согласиться с этим мнением нет оснований. Скорее всего, некоторыми своими действиями Размара пытался произвести подобное впечатление. Отдельные иранские авторы, в частности доктор Ф. Кешаварз, склонны усматривать тайный умысел в действиях Размары. Они считают, что Размара намеревался, опираясь на внешние силы (СССР и Англию), путем переворота сместить шаха. А затем «раскрыть свой подлинно национальный облик». Эти высказывания до некоторой степени созвучны тому, что говорил заместитель министра двора А. Хумен. После гибели генерала он сообщил английскому дипломату, что якобы стали известны «явные свидетельства двурушничества Размары». Уточняя это высказывание, он утверждал, что генерал намеревался отстранить от власти шаха, заложить в Иране основы президентской республики левой ориентации, стать президентом страны, при этом опираясь на протекции Советского Союза. В случае неудачи генерал будто бы планировал бежать в Южную Америку. Ссылаясь на газету «Бахтар-е эмруз» (от 19 сентября 1951 г.),

Ф. Азими пишет, что некоторые участники этого предстоявшего заговора позже были арестованы [75].

Тем не менее, остается фактом, что политика Размары была направлена на защиту интересов Англии. Как свидетельствует бывший сотрудник АИНК Фуад Рухани, генерал Размара в сентябре – октябре 1950 г. неоднократно встречался с представителями АИНК и каждый раз говорил о своих усилиях, направленных на утверждение парламентом Дополнительного соглашения. Вместе с тем Размара добивался у АИНК лучших условий для Ирана, предлагая некоторые изменения в тексте соглашения. Речь шла о разделе общих прибылей поровну. В этом вопросе с ним был солидарен и шах. Первоначально Размара пытался избежать четкого публичного выражения своих взглядов на Дополнительное соглашение. Однако обстоятельства вынудили его это сделать. Представители НФ на заседаниях меджлиса (12, 15, 17 и 19 октября 1950 г.) потребовали от него четкого ответа. Мосаддык указал, что концессионное соглашение о нефти 1933 г. является незаконным, так как оно было заключено в период диктатуры Реза шаха, когда большинство членов меджлиса, утвердившего соглашение, не были подлинными представителями народа. Обращаясь к депутатам, он воскликнул: «Если вы утвердите соглашение Саед-Гэсс, то покроете себя позором, смыть который никогда не сумеете» [76]. В ответном выступлении Размара вынужден был подтвердить свое согласие с проектом Дополнительного соглашения. Иначе, заявил он, правительство не представило бы законопроект на утверждение меджлиса.

Правительство Размары чинило всяческие препятствия работе нефтяной комиссии меджлиса. Несмотря на это, она на 25 заседаниях рассмотрела множество материалов, позволивших вскрыть вмешательство АИНК во внутренние дела Ирана и нарушение компанией соглашения 1933 г. На одном из последних заседаний, протекавшем в напряженной обстановке – в острой борьбе между сторонниками Мосаддыка, требовавшими аннулирования Дополнительного соглашения, и большинством во главе с депутатом Имами (Эмами), выступавшим за новые переговоры с АИНК, – члены НФ внесли предложение о национализации нефтяной промышленности страны. Однако остальные члены комиссии отказались поддержать эту идею. 25 ноября 1950 г. комиссия закончила свою работу, единогласно отвергнув Дополнительное соглашение на том основании,

что оно недостаточно гарантирует интересы Ирана.

В прениях по отчету нефтяной комиссии депутат от НФ Махмуд Нариман указал на неразрывную связь вопроса о южной нефти с проблемой достижения экономической самостоятельности. «Нет никаких сомнений в том, что политическая независимость без экономической самостоятельности не имеет никакого значения», – заявил он [77]. Депутаты от НФ отмечали, что в Дополнительном соглашении из 25 пунктов иранского меморандума учтены лишь три. В их речах (особенно в выступлениях М. Мосаддыка, А. Салеха, Х. Макки) усилилась критика антидемократических мероприятий двора и правительства. Выступая в меджлисе за отмену закона о печати от 3 марта 1949 г. и закона о правилах объявления военного положения, отдельные депутаты призывали к ограничению прав монарха. Мосаддык в одной из своих речей в меджлисе заявил, что во время встречи с шахом он сказал ему: «Ваше величество, чем меньшими правами Вы будете пользоваться, тем больше у Вас будет шансов на сохранение власти» [78].

Росту патриотических настроений в стране в значительной мере способствовали левые органы печати и газеты «Бахтар-е эмруз», «Джабхе-йе Азади» и «Шахед», выражавшие взгляды национальной буржуазии и городских средних слоев.

Генерал Размара продолжал проявлять большую настойчивость в попытках проташить в меджлисе Дополнительное соглашение. Он выступал также в роли прямого защитника интересов шаха в вопросе о прерогативах монарха.

Тем временем деятельность представителей НФ в меджлисе активизировалась. На 93-м заседании меджлиса XVI созыва Х. Макки от имени Мосаддыка и его сторонников вручил президиуму меджлиса предложение о национализации нефтяной промышленности Ирана, составленное 11 депутатами-членами НФ и подписанное также сторонниками Национального фронта Мир Сеидом Али Бехбехани, Аббасом Эслами и Каземом Шейбани [79]. В ответ правительство прибегло к репрессивным мерам: были совершены налеты на редакции демократических газет, за депутатами-членами НФ началась постоянная открытая слежка.

Особенность общественно-политической жизни Ирана в конце 1950 г. и в первые месяцы 1951 г. состояла в том, что происходившая в стенах меджлиса острая борьба между сторонниками и противниками соглашения с АИНК оказывала мощное воздей-

ствие на политизацию общества, на становление массового движения против Великобритании. В то же время рост движения, направленного против АИНК и защищавшей ее интересы иранской верхушки, усиливал позиции Мосаддыка и его сторонников, подталкивал их на более решительные действия против АИНК и его иранских приспешников.

Во время обсуждения на 95-м заседании меджлиса отчета нефтяной комиссии в конце декабря 1950 г. студенты Тегеранского университета устроили митинг перед зданием парламента. В принятом на митинге решении, которое было зачитано на заседании меджлиса, студенты требовали аннулирования концессии АИНК. 22 декабря в мечети «Шах» состоялся митинг, организованный Обществом борцов за ислам и аятоллой Кашани. Участники митинга потребовали национализации нефтяной промышленности. 24 декабря началась новая волна студенческих демонстраций и митингов. Их участники настаивали на аннулировании соглашения 1933 г., национализации нефтяной промышленности и отмене военного положения в Хузестане [80].

Значительное расширение общественной базы выступлений против АИНК вынудило правительство изменить тактику. На заседании меджлиса 26 декабря 1950 г. министр финансов Д. Форухар официально объявил об аннулировании Дополнительного соглашения, но высказался в пользу дальнейших переговоров с компанией.

Принимавшие все больший размах выступления рабочих, городских средних слоев и интеллигенции после 26 декабря 1950 г. проходили под лозунгом национализации нефтяной промышленности. 29 декабря 1950 г. в Тегеране состоялся массовый митинг, в котором участвовали рабочие, ремесленники, учащиеся, студенты, члены и сторонники партии «Иран» и Общества борцов за ислам. На митинге была принята резолюция, содержавшая следующие основные требования: прекратить преследования представителей прессы, отменить военное положение и национализировать нефтяную промышленность. Правительство вынуждено было отступить, и 9 января 1951 г. был издан новый закон о печати, а 23 января – закон, запрещающий объявление военного положения без предварительной санкции меджлиса [81].

Еще в декабре 1950 г. была создана комиссия в составе 9 человек (два члена сената и семь человек меджлиса) для выработки политики правительства в нефтяном вопросе в целях выполнения

закона от 22 октября 1947 г. В январе 1951 г. депутаты от НФ передали комиссии предложение о национализации нефтяной промышленности. Оно получило мощную поддержку вне стен парламента.

В начале 1951 г. в Иране распространилось известие о подписании между американской нефтяной компанией АРАМКО («Арабиен-Америкен Ойл Компани») и правительством Саудовской Аравии соглашения, в котором предусматривалось равное разделение прибыли от добываемой нефти. Эта новость воодушевила членов иранского правительства. Как раз в это время Размара вел переговоры с представителями АИНК. На его предложение о включении в новое соглашение условий равного распределения прибыли англичане ответили отказом [82].

26 января 1951 г. тысячи тегеранцев по призыву аятоллы Кашани собрались на митинг в мечети «Шах». Участники митинга приняли резолюцию, содержащую требование о национализации нефтяной промышленности. Ряд крупных духовных лиц вскоре поддерживали призыв Кашани о национализации нефтяной промышленности [83]. Популярный «мардж'е ат-таклид» (букв. «источник подражания» или «объект для подражания» – так называют высших шиитских авторитетов, отличающихся значительным числом «мутакаллидов», т. е. последователей) аятолла Сейид Мохаммед-Таги и ряд других муджахидов издали специальные фетвы, в которых призывали верующих иранцев поддерживать движение за национализацию [84].

Массовое движение за ликвидацию АИНК вызвало тревогу в политических кругах Англии. 24 января 1951 г. британский посол Фрэнсис Шеперд вручил Размаре ноту министерства иностранных дел Великобритании, в которой говорилось, что, хотя АИНК и английское правительство готовы к переговорам об увеличении доли Ирана в доходах от добычи нефти до 50%, под угрозой национализации они их вести не будут [85].

После консультаций с придворными кругами и своими экспертами Размара 3 марта 1951 г. обнародовал доклад по нефтяному вопросу, в котором отверг идею национализации. Он указал, что, предприняв такой шаг, Иран будет вынужден выплатить АИНК от 300 млн. до 500 млн. ф. ст. в виде компенсации, и к тому же страна не имеет научных и технических специалистов для управления нефтяной промышленностью. Премьер-министр ратовал за заключение «справедливого соглашения» с АИНК.

Общественность и пресса восприняли доклад как защиту интересов АИНК. В письме, направленном в меджлис в качестве ответа на выступление Размары, Мосаддык отверг доводы премьер-министра как необоснованные. Он утверждал, что Иран способен самостоятельно управлять нефтяной промышленностью и сбывать добываемую нефть. 7 марта 1951 г. Размара был убит членом подпольной исламистской организации «Федаян-е ислам» [86].

8 марта 1951 г. нефтяная комиссия меджлиса единогласно приняла решение, одобрявшее предложение Национального фронта о национализации нефтяной промышленности. 15 марта меджлис утвердил решение комиссии и продлил ее полномочия на два месяца для выработки предложений по осуществлению национализации. 20 марта это решение было одобрено сенатом.

Пришедшее 11 марта к власти правительство Хосейна Ала, известного своими связями с правящими кругами США, стремились свести на нет принцип национализации, не добиваясь аннулирования принятой резолюции. 14 марта новый премьер-министр издал циркуляр о запрещении митингов и демонстраций, ввел на два месяца военное положение в столице и в Хузестане. На дальнейшее развитие политических событий сильное влияние оказало рабочее движение, охватившее районы юга, и усилившиеся антианглийские и демократические выступления по всей стране. Активизировали свою деятельность профсоюзы в зоне деятельности АИНК. 16 марта 1951 г., несмотря на запрет, в столице по инициативе Национального общества борьбы против АИНК (массовой общественной организации, созданной НПИ) был организован многотысячный митинг, участники которого потребовали национализации нефтяной промышленности юга. В ответ на это АИНК прекратила выплату дотаций нефтяникам Бендер-Машура, Агаджари, Нефтсефида [87]. В знак протеста против действий администрации 21 марта в Бендер-Машуре вспыхнула забастовка. Она охватила также Агаджари и Нефтсефид. Вскоре к забастовщикам присоединилась часть рабочих Месджеде-Солеймана и Абадана. 26 марта правительство ввело в зоне деятельности АИНК военное положение.

Желая угодить Лондону и сбить волну выступлений рабочих, премьер-министр Хосейн Ала направил в Абадан и в районы нефтепромыслов войска. Английские военные корабли осуществляли демонстрацию силы в территориальных водах Ирана, в

Персидском заливе. 29 марта в Абадане правительственные войска открыли стрельбу по забастовщикам, в результате чего было убито трое и ранено несколько рабочих. 12 апреля по приказу военного губернатора Бендер-Машура войска обстреляли мирную демонстрацию рабочих; было убито 13 человек, в том числе трое детей. В тот же день в Абадане иранские солдаты убили 6 и ранили 13 рабочих [88]. Несмотря на произведенные военными властями аресты рабочих-активистов, забастовка не прекращалась. Лидеры НФ призывали рабочих отказаться от забастовки, которая якобы дает повод англичанам спровоцировать военный конфликт с Ираном.

Рабочие Тегерана, Тебриза, Исфахана, Ахваза и других городов организовывали выступления протеста против действий властей и в знак солидарности с нефтяниками. Особенно многлюдным был митинг протеста в Тегеране, который состоялся 13 апреля 1951 г. по инициативе НПИ, демократических профсоюзов, Центрального объединенного совета профсоюзов Ирана (ЦОСПИ) и Национального общества борьбы против АИНК. Участники митинга потребовали ликвидации АИНК, вывода английских военных кораблей из зоны нефтяных районов, отмены военного положения в Хузестане [89]. 22 апреля в Тегеране на площади Бахарестан состоялся 20-тысячный митинг учащейся молодежи, также проходивший под лозунгами солидарности с нефтяниками юга и немедленной ликвидации АИНК. 16 апреля были удовлетворены требования рабочих Бендер-Машура, Агаджари, Нефтсефида. Забастовка в Абадане закончилась лишь 25 апреля. Однако выступления рабочих продолжались.

Расширение рабочего и левodemократического движения способствовало быстрому утверждению 26 апреля 1951 г. нефтяной комиссией меджлиса закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности из девяти статей. Такое развитие событий предрешило судьбу кабинета Хосейна Ала: 27 апреля он подал в отставку. 28 апреля меджлис единогласно одобрил закон. Премьер-министром был утвержден лидер НФ Мохаммед Мосаддык [90].

ДВИЖЕНИЕ ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ ИРАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. РОЛЬ д-ра МОСАДДЫКА

К весне 1951 г. движение за национализацию нефти распространилось во все новые регионы. Забастовки в зоне деятельности АИНК, демонстрации и массовые митинги в Тегеране, Абдане, Тебризе, Исфахане, Ахвазе и других городах, которые состоялись в марте – апреле 1951 г. под лозунгами немедленной ликвидации английской компании, оказали сильное воздействие на деятельность нефтяной комиссии меджлиса. Уже 26 апреля 1951 г. члены комиссии приняли проект закона о проведении национализации нефтяной промышленности, состоявшего из девяти статей [1]. Вскоре проект был принят обеими палатами и утвержден шахом. Принятие данного закона имело важное политическое и практическое значение. Закон от 15 марта 1951 г. провозглашал принцип национализации. Новый же закон намечал конкретные меры по реализации этого принципа. Для наблюдения и контроля за выполнением данного закона было предусмотрено создание смешанной комиссии – из членов обеих палат и правительства [2].

Закон предусматривал немедленную передачу имущества АИНК в собственность иранского государства. Правительство обязано было под наблюдением комиссии провести ревизию финансовой отчетности компании. Комиссия должна была разработать устав Иранской национальной нефтяной компании (ИННК), а также программу подготовки иранских специалистов по нефти.

Статья закона предусматривала, что иранское правительство должно рассматривать справедливые претензии обеих сторон (ИННК и АИНК) под наблюдением смешанной комиссии и представлять свои предложения сенату и меджлису [3]. Закон предусматривал выплату компенсации прежнему владельцу, т. е. АИНК.

Появление закона об осуществлении национализации АИНК, однако, вызвало у руководителей компании и представителей британского правительства явно отрицательную реакцию. Не принимая во внимание, что движение за национализацию АИНК уже приобрело общеиранский характер, английские дипломаты в тесном контакте с придворными кругами Тегерана были активно заняты поисками нового кандидата на пост премьер-министра, способного предотвратить углубление кризиса и обеспечить утверждение проекта Дополнительного соглашения иранским парламентом. Таким кандидатом, который по всем признакам устраивал англичан, был Сеид Зия. Но шах, зная, что большинство иранцев относятся к Сеиду Зие отрицательно, отказывался поддерживать его кандидатуру. Тем не менее, когда Хусейн Ала, осознав свою беспомощность в создавшейся ситуации, 27 апреля подал в отставку с поста главы кабинета, за кулисами иранской политической сцены посольство Соединенного Королевства настойчиво продолжало кампанию в пользу утверждения премьером Сеида Зии [4].

5.1. Д-р Мосаддык – глава нового правительства

Движение за национализацию нефти, которое зиждилось на идее упрочения экономической самостоятельности Ирана, приобрело к этому времени такой широкий размах, что попытка воздвигнуть серьезные препятствия на пути его развития успеха не имела. Однако когда один из лидеров правых сил в меджлисе с явно провокационной целью предложил д-ру Мосаддыку баллотироваться в качестве главы нового правительства, тот выразил свое согласие. Это согласие, как считают очевидцы, было неожиданностью для автора предложения, Джамала Эмами. Но дело было сделано, и большинство депутатов поддержало кандидатуру Мосаддыка. Ни члены прошахского сената, ни шах не решились открыто воспрепятствовать утверждению д-ра Мосаддыка в качестве главы правительства. 28 апреля лидер Национального фронта д-р Мосаддык был утвержден меджлисом новым премьер-министром.

Став премьер-министром, д-р Мосаддык, занявший этот пост без предварительного одобрения шахом, сразу же выдвинул вопрос о нефти в качестве главного пункта экономической и политической программы своего правительства. В своей речи, после вступления на пост премьер-министра, Мосаддык заявил, что его правительство приложит все усилия для того, чтобы сделать доходы от нефтяной промышленности достоянием всего иранского народа. «Доходами от нефти, — подчеркивал Мосаддык, — мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец бедности, невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся нашей страны». Вместе с тем с ликвидацией АИНК, говорил Мосаддык, «исчезнет центр интриг, провокаций и вмешательства во внутренние дела», что наконец позволит Ирану достичь своей экономической и политической независимости [5].

Таким образом, во главе угла своей политики Мосаддык сразу же поставил вопрос о ликвидации основного орудия иностранного монополистического капитала с тем, чтобы добиться установления национального суверенитета над природными богатствами Ирана.

В случае сравнительно быстрого решения конфликта с АИНК, реализации закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности и возобновления экспорта сырой нефти правительство Мосаддыка имело шансы сделать серьезные шаги для преодоления надвигавшегося социально-экономического кризиса. А в дальнейшем можно было бы рассчитывать и на позитивные сдвиги в социально-экономической сфере, базой для которых стали бы поступления от экспорта нефти.

Непримиримая с самого начала конфликта позиция руководства АИНК и правительства Великобритании, однако, создала огромные трудности, задерживавшие выполнение намеченных правительством Мосаддыка целей в отношении иранской нефти.

Преграда на пути осуществления закона о национализации нефтяной промышленности скоро стала более значительной. Объяснялось это следующими обстоятельствами. Во-первых, наблюдаемое сближение позиций крупнейших нефтяных монополий Запада в противоборстве с иранским правительством переросло в координацию их совместных действий против политики д-ра Мосаддыка. Монополии получили полную поддержку правительств США и Великобритании. Более того, уже весной 1951 г. администрация президента Г. Трумэна прорабатывала возмож-

ность совместных с Лондоном политических мер в отношении Мосаддыка, чтобы сделать его более уступчивым на переговорах с английской стороной. Во-вторых, росло негативное отношение к Мосаддыку и его соратникам со стороны шаха, придворных кругов и в целом большей части господствующих слоев (высшие гражданские и военные чины, крупные землевладельцы, предводители полукочевых племен, религиозные авторитеты, крупные купцы, издатели больших газет и др.). В-третьих, как левые (партия Туде и близкие к ней профсоюзы), так и крайние правые («федаины ислама», «паниранисты» и др.) политические организации на начальном этапе движения за национализацию АИНК поддерживали Мосаддыка и возглавляемый им Национальный фронт. Однако после прихода к власти правительства Мосаддыка, оно все чаще становилось объектом нападков с обеих сторон.

Политика США в отношении происходивших в Иране событий первоначально не была однозначной. Представители сотрудничавших с Ираном различных американских фирм и даже высокопоставленные чиновники США сыграли определенную роль в возникновении англо-иранского конфликта по нефти. Так, американский эксперт А. Кэртис и руководитель фирмы «Оверсиз Консалтантс» М. Торнберг однозначно подтвердили справедливость претензий, изложенных в меморандуме иранского правительства, врученном руководству АИНК в 1948 г. [6] Открытая критика в адрес АИНК содержалась не только в выступлениях Торнберга, но и помощника государственного секретаря США по Ближнему Востоку Джорджа Макги, посетившего Тегеран в марте 1951 г. [7]

По инициативе американских экспертов в преамбуле и в основном тексте законопроекта о семилетнем плане развития Ирана, утвержденном меджлисом в феврале 1949 г., было подчеркнуто значение нефтяных поступлений для финансирования проектов плана. В целом США, с одной стороны, оказывали экономическую помощь ослабленной в ходе Второй мировой войны Англии, а с другой – в лице крупнейших нефтяных корпораций вели наступление на позиции британских нефтяных компаний на Среднем Востоке.

Великобритания отнюдь не собиралась поступиться своими интересами в Иране. При этом она прежде всего исходила из огромного для ее экономики значения АИНК. Были приняты во внимание и давние связи с правящим слоем страны, включая

самого шаха. Иранская нефть была одной из основных статей экспорта Англии, обеспечивавших ей долларовые поступления и активное сальдо платежного баланса [8]. Поэтому английское правительство, настойчиво добиваясь восстановления своих «законных» прав на иранскую нефть посредством переговоров, одновременно приступило к осуществлению военно-политических мер, включая грубый шантаж и непосредственную военную угрозу. Не исключались также меры воздействия на Иран посредством международных организаций. Получив отказ от иранского правительства на предложение о заключении нового концессионного соглашения относительно нефти [9], Соединенное Королевство уже 26 мая 1951 г. обратилось с жалобой на действия Тегерана в Международный суд в Гааге.

Обострение англо-иранских отношений вызвало озабоченность правящих кругов США. Вскоре после принятия в Иране закона о национализации АИНК президент США одобрил заявление Совета Национальной Безопасности, которое призывало американское правительство использовать свое влияние с целью скорейшего разрешения конфликта. В этом документе, однако, говорилось, что США, признавая право контроля суверенных государств над своими природными богатствами, одновременно придают большое значение международным договорным отношениям [10]. Одним словом, правительство США приняло решение содействовать возобновлению англо-иранского диалога. Одновременно США приступили к переговорам по нефтяной проблеме с Англией.

В Вашингтоне в течение целых десяти дней в апреле 1951 г. происходило англо-американское совещание по нефти. В ходе этих переговоров представители США предложили Англии формально признать акт национализации, продолжая одновременно прилагать усилия, направленные на заключение нового соглашения с Ираном о нефти. Однако, получив достоверную информацию относительно отказа правительства Мосаддыка заключить концессионное соглашение взамен АИНК с другой западной компанией и о намерении развивать свою независимую нефтяную промышленность, пять ведущих американских нефтяных монополий решились на возрождение деятельности совместного с АИНК и «Роял-Датч Шелл» нефтяного картеля [11]. Он был воссоздан с целью противодействия Ирану в попытке возобновления деятельности национализированной нефтяной промышленности и само-

стоятельного выхода на мировой нефтяной рынок.

В плане геополитическом международные нефтяные монополии и американские дипломаты были серьезно озабочены событиями в Иране, так как отказ Иранской национальной нефтяной компании идти на заключение соглашения с АИНК мог послужить примером для отдельных нефтедобывающих стран, и прежде всего в районе Ближнего и Среднего Востока. США все-речь опасались, что иранский кризис может породить «цепную реакцию в других крупных нефтедобывающих странах мира» [12]. Именно поэтому уже весной 1951 г. американское правительство стало придавать серьезное значение координации своих действий в данном вопросе с политикой Лондона. Идея о необходимости совместных антиамериканских действий в отношении Ирана была поддержана британским кабинетом. 1 июня 1951 г. Трумэн направил личные послания Мосаддыку и премьер-министру Соединенного Королевства Эттли, в которых призывал их к урегулированию конфликта «во имя общих интересов западного мира» [13].

Руководители США, призывая правительство Великобритании отказаться от идеи вооруженной интервенции против Ирана, в то же время через своих официальных представителей и находившихся под влиянием США международных финансовых учреждений продолжали добиваться у Мосаддыка и его соратников уступок в переговорах с АИНК. Известный американский политик, исполнявший в свое время обязанности посла в Лондоне, а позже в Москве, А. Гарриман, прибывший в Тегеран в качестве личного представителя Г. Трумэна, попытался убедить Мосаддыка в том, что, если договоренность с АИНК и правительством Англии по нефтяному вопросу достигнута не будет, Ирану никоим образом не удастся самостоятельно выйти на мировой рынок нефти [14]. Подобное мнение полностью разделялось придворными кругами и большинством традиционной иранской элиты.

Левodemократические силы, прежде всего сторонники партии Туде, резко осудили приезд в Тегеран американской миссии, возглавляемой А. Гарриманом. Аятолла А. Кашани, в связи с переговорами Мосаддыка с А. Гарриманом, заявил, что если премьер пойдет на уступки, то его кровь будет пролита так же, как это произошло с Размарой. Переговоры с А. Гарриманом провалились.

Попытки правительства Соединенного Королевства посредством Совета Безопасности ООН вынудить правительство

Мосаддыка пойти на уступки также завершились провалом.

Экономическая блокада, организованная главным образом Англией и США, а также поддержанная семью крупнейшими нефтяными монополиями Запада, не позволила правительству Мосаддыка приступить к реализации закона из девяти статей. Итальянские и японские нефтяные фирмы, правда, закупили небольшие партии иранской нефти, но в дальнейшем вынуждены были прервать свои коммерческие связи с Иранской нефтяной компанией из-за давления, оказываемого американскими нефтяными монополиями и правительствами США и Великобритании. Даже после того, как Международный суд в Гааге отклонил необоснованные обвинения Англии в отношении иранского правительства, признав права Тегерана на национализацию АИНК, Мосаддыку и его соратникам не удалось прорвать англо-американскую блокаду.

В конце 1951 г. через Международный банк реконструкции и развития (МБРР) правительство США предприняло новую попытку навязать неприемлемые для правительства Мосаддыка условия сотрудничества с западными монополиями. Однако Мосаддык заявил, что Иран согласен допустить банк к управлению своей нефтяной промышленностью только в качестве структуры, подчиненной иранскому правительству и действующей от его имени [15]. Банк от этого предложения отказался.

В феврале 1952 г. в Тегеран вновь прибыла делегация МБРР. Ее новые предложения, как было заявлено представителями иранского правительства, мало отличались от тех, которые ранее были отвергнуты Мосаддыком.

Устойчивая политическая линия Мосаддыка, который никоим образом не желал отступить от основных принципов закона из девяти статей относительно осуществления национализации нефтяной промышленности, вызвала усиление раскола в правительстве и поддерживавших его политических силах. Шахский двор и примыкавшие к нему традиционные политические деятели все более открыто критиковали «непримиримость» Мосаддыка.

Заметное воздействие на политическую позицию правительства Мосаддыка оказывал двойственный характер его взаимоотношений с правительством США. Отношение Мосаддыка к американской политике отличалось непоследовательностью и в известном смысле беспринципностью. Принимая во внимание

превращение США в начале 50-х годов в весьма влиятельную внешнюю силу в Иране и на всем Среднем Востоке, Мосаддык и его некоторые соратники возлагали большую надежду на использование в своих интересах конкуренции, существовавшей между крупнейшими американскими и английскими нефтяными компаниями. Но Мосаддык не потерял надежду на американскую поддержку даже тогда, когда американские и английские нефтяные монополии активизировали деятельность международного нефтяного картеля — объединения семи нефтяных супермонополий США и Англии.

В то же время Мосаддыку представлялось, что США, опасаясь вероятности «коммунистической угрозы» Ирану, не допустят организацию заговора правой оппозиции против его правительства. По всей вероятности, подобное мнение у иранского премьера сложилось под влиянием его систематических личных «дружеских» встреч с американским послом и другими представителями США. Они же, скорее всего, в Мосаддыке видели деятеля, способного предотвратить усиление левых и роста советского влияния в Иране.

Провозгласив основой внешней политики своего правительства нейтралитет, Мосаддык, тем не менее, согласился первоначально на получение военной помощи от США и на пребывание в стране американской военной миссии. Отказавшись оказать Ирану финансовую помощь путем предоставления займа, США увеличили помощь этой стране по 4-му пункту «программы Трумэна» [16]. С конца 1951 г. в Иране находилась американская миссия, под наблюдением которой расходовалась сумма в 23 млн. долл., предоставленная в дар по 4-му пункту «программы Трумэна». Суть такой на первый взгляд противоречивой политики заключалась в следующем: не желая содействовать упрочению позиций правительства Мосаддыка путем предоставления ему займа, Вашингтон через помощь по 4-му пункту и, особенно, по линии деятельности военной миссии стремился упрочить свои связи с шахским двором, верхушкой иранской армии и полиции.

Характерно, что в начале 1952 г. Мосаддык, согласившись на то, что Иран во внешней политике придерживался нейтралитета, отклонил предложенную США помощь «по закону о взаимном обеспечении безопасности» [17]. Весной 1952 г. американцы прекратили сотрудничество с военными ведомствами Ирана. Однако

под давлением прозападных кругов, прежде всего шаха и его окружения, Мосаддык 24 апреля 1952 г. отправил в посольство США письмо, в котором заявил, что возглавляемое им правительство сделает все возможное «для укрепления обороноспособности страны и всеми средствами будет защищать независимость». Самое главное, в письме было выражено желание правительства о возобновлении военного сотрудничества с США [18]. В результате американское военное ведомство возобновило предоставление Ирану военных материалов. Вскоре было достигнуто соглашение о продлении пребывания в стране американской военной миссии, срок деятельности которой истекал 20 марта 1952 г. Эти уступки, как показали последующие события, имели в конечном счете роковые последствия для судеб Мосаддыка и возглавляемого им патриотического политического движения.

Огромный урон плодотворному функционированию правительства наносили шах, его окружение и все правое крыло господствующих слоев. Казалось бы, эти силы должны были быть кровно заинтересованы в упрочении экономической и политической самостоятельности своей страны, в значительном увеличении ее финансового потенциала. Всего этого в известной степени можно было достичь посредством увеличения поступлений от экспорта нефти, для чего первостепенное значение имело проведение в жизнь закона из девяти статей. Однако, принимая во внимание принципиальную политику Мосаддыка в области нефтяной политики, а также отказ пойти на соглашательство, господствующий слой продолжал придерживаться в отношении правительства деструктивной линии. Этот слой и возглавлявший его шахский двор видели в растущем демократическом и антиимпериалистическом движении реальную угрозу для сохранения своего ведущего положения и привилегий. Чем больше Мосаддык отказывался поддаваться давлению нефтяного империализма, тем активнее становились враждебные в отношении его правительства действия дворцовых кругов и большинства господствующего слоя.

17 марта 1952 г. группа сенаторов потребовала созыва специального заседания для обсуждения политического и экономического положения в стране. После этого заседания 19 марта сенат направил к премьер-министру своих представителей для получения от него ответа на два вопроса: каково экономическое положение и что предпринимается правительством «для обеспечения

внутренней безопасности» [19]. Активность сенаторов имела явно провокационный характер. Обвиняя Мосаддыка в попустительстве в отношении расширения деятельности левых организаций, сенаторы пытались склонить его к принятию предложений Международного банка.

Одновременно усилилась подпольная враждебная деятельность рода Пехлеви и влиятельных политических деятелей в отношении Мосаддыка. В хорошо документированной монографии Фахраддина Азими приведены любопытные данные об антимосаддыковской работе семьи Бехбехани, потомков знаменитого аятоллы Сейида Абулла – одного из руководителей конституционного движения в 1905–1911 гг. Сеид Мохаммед Реза Бехбехани, например, просил английское посольство содействовать его назначению на пост руководителя управления вакуфами с тем, чтобы он развернул борьбу, как он сам говорил, «против Мосаддыка и коммунизма». Он же, по свидетельству его сына, взял у матери шаха 2000 туманов для организации антиправительственной акции в мечети или же враждебной демонстрации против Мосаддыка [20].

Целенаправленная деятельность оппозиции «сверху», возглавляемая шахским двором, вела к неблагоприятным для Мосаддыка и его соратников переменам в расстановке политических сил. В связи с возрастанием разногласий между шахом и правительством в лагере участников движения за национализацию нефтяной промышленности росло число отступников. Усилению этой тенденции заметное содействие оказывали английские дипломаты и разведчики. Они прилагали большие усилия для активизации деятельности иранцев, которые косвенно или непосредственно были связаны с посольством Англии и АИНК. Среди подобных лиц наибольшим доверием спецслужб Англии пользовался Сеид Зия и Джемал Эмами. На основе изучения большого количества архивных материалов Форин офиса Ф. Азими установил, что в тот период Сеид Зия выполнял, по существу, обязанность советника посольства Великобритании в Тегеране. Он одновременно осуществлял посредническую миссию между шахом и некоторыми антимосаддыковскими группировками [21]. Джамал Эмами – сын крупного духовного лица и землевладельца из Иранского Азербайджана – прилагал большие усилия для организации провокаций против Мосаддыка.

Благодаря попустительству тегеранской полиции, активную подрывную работу в столице проводили и лично сами члены английского посольства. Среди них, судя по существующим документальным материалам, особенно отличался Рабин Зейнер, на второй срок командированный в Иран на дипломатическую работу. Он был направлен в Иран со специальным заданием по личной рекомендации английского ирановеда проф. Энн Ламбтон [22], которая в период Второй мировой войны занимала в Тегеране пост сначала заместителя пресс-атташе, а впоследствии пресс-атташе в посольстве Великобритании.

Э. Ламбтон была твердым противником Мосаддыка. Она считала, что иметь дело с ним невозможно. Рабин Зейнер оправдал доверие Форин офиса. Отлично владея персидским языком, он досконально изучил умонастроение и политическое кредо многих представителей господствующего класса Ирана. Большое место в его деятельности в Тегеране занимала организация публикаций на страницах иранской прессы враждебных в отношении Мосаддыка и его соратников статей. Большинство из этих публикаций, согласно иранскому историку Ф. Азими, носили клеветнический характер.

Значительный урон деятельности патриотического правительства Мосаддыка в этот сложный для него период был нанесен экстремистски настроенными мелкобуржуазными националистическими и происламистскими организациями. В их число входили такие партии и группировки, как «Исламские федаины» («Федаян-е ислам»), «Паниранисты», СУМКА, «Арья» и другие. В 1951 г., сразу после прихода к власти Мосаддыка в качестве главы правительственного кабинета, «Исламские федаины» предъявили ему четыре требования: сделать обязательным ношение женщинами чадры по всей стране; удалить женщин из государственных учреждений; запретить по всей стране употребление алкогольных напитков; ввести обязательное совершение богослужения (намаза) государственными служащими. Согласно одному из активных и стойких сторонников национального движения 1949–1953 гг. в Иране, английские спецслужбы в этот период оказали серьезное воздействие на формирование политической линии руководства «Исламских федаинов» посредством таких своих людей, как Сеид Зия [23]. Имеются сведения о том, что, посещая руководителя федаинов Навваба Сафави в тюремной

камере, где тот находился, Сеид Зия по просьбе своих английских покровителей внушал ему необходимость полного возрождения принципов традиционного исламского общества и шариата в Иране. Если бы Мосаддык выполнил требования феодалов, то его правительство оказалось бы мишенью резких выпадов либерально-демократической части общественности страны. Отклонив их требование, премьер, который, кстати, был правоверным мусульманином, скорее всего был бы объявлен феодалами врагом ислама. Правительство отклонило предложение о тотальной исламизации политического строя страны. Тогда члены «Исламских феодалов», которые в своей деятельности придавали большое значение индивидуальному террору, стали угрожать физической расправой Мосаддыку и его близкому окружению. Глава правительства был вынужден временно перенести свой рабочий кабинет в собственный дом, который тщательно охранялся [24].

В середине февраля 1952 г. члены организации феодалов тяжело ранили Хосейна Фатеми. Так, один из самых способных и стойких соратников Мосаддыка надолго вышел из строя. Весной того же года феодалы угрожали жизни А. Кашани, который еще недавно им покровительствовал. По требованию феодалов был вынужден покинуть свой пост министр юстиции Ш. Амиралаи, один из видных либеральных деятелей Национального фронта [25]. Что касается так называемой «партии Арья», то члены этой небольшой по численности группы в большинстве своем состояли из уволенных из армии офицеров. Ее деятельность была направлена на организацию шумных провокационных выступлений против Мосаддыка. Она финансировалась шахским двором [26].

Аятолла Аболькасем Кашани Хосейни родился в 1882 г. или 1885 г. в Тегеране. В 1918–1920 гг. принимал активное участие в антианглийских выступлениях в Ираке. В 1919 г. английскими властями был заочно приговорен к смертной казни. В 1921 г. переселился в Иран, избегая преследований. В июле 1942 г. был арестован английскими военными властями в Иране и интернирован по обвинению в сотрудничестве с агентурой гитлеровской Германии. Осенью 1945 г. был освобожден. В 1946 г. был сослан в г. Кум. Вернулся в Тегеран в 1947 г. В феврале 1949 г. после покушения на жизнь шаха был сослан в Ливан. Стрелявший в шаха фотокорреспондент газеты «Парчам-е ислам» («Знамя ислама») был назначен на эту должность по рекомендации аятоллы

Кашани [27]. Накануне возвращения в Иран весной 1950 г. Кашани заочно был избран депутатом в меджлис XVI созыва и активно включился в борьбу за национализацию АИНК.

Аятолла Кашани сыграл видную роль на начальном этапе движения за национализацию иранской нефтяной промышленности. Через восемнадцать дней после публикации заявления Национального фронта относительно необходимости национализации английской нефтяной компании в газете «Бахтар-е эмруз» (13.XII.1951) появилось обращение Кашани к верующим мусульманам. В нем автор настойчиво призывал всех иранцев включиться в борьбу за национализацию АИНК. И через шесть недель после этой публикации появились фетвы, изданные Сейид Мохаммедом Таги Хонсари и некоторыми другими известными аятоллами, которые обязывали своих приверженцев активно поддерживать движение против АИНК [28].

Вышеназванное обращение Кашани, его яркие публичные выступления в поддержку идеи о национализации нефтяной промышленности способствовали расширению социальной базы движения за национализацию АИНК, включению в него массы торговцев, ремесленников, рабочих мелких предприятий, сельских мигрантов, пауперов и т. д. Эти слои составляли ту часть иранского общества, которая отличалась большой приверженностью к шиитско-исламской идеологии. Опасаясь ослабления своей популярности среди верующих, некоторые виднейшие религиозные авторитеты, в том числе великий аятолла Мохаммед-Хосейн Боруджерди, имевший с шахом хорошие отношения, избегали открытой критики Кашани. Если учесть, что большинство шиитского духовенства первоначально было настроено против Мосаддыка и Национального фронта [29], то становится очевидным значение вклада Кашани в формирование исламо-националистического течения в ходе движения в 1949–1951 гг. в Иране.

Кашани продолжал активно поддерживать Мосаддыка и после того, как последний был утвержден премьер-министром. В то же время он предпринимал усилия, чтобы расширить масштабы своего влияния, включая правительственные структуры и меджлис. Одновременно делал попытки найти союзников среди религиозных авторитетов. Одним словом, аятолла намеревался обеспечить себе особую нишу.

Но ни Мосаддык, который отрицательно реагировал на

попытки вмешательства Кашани в политическую деятельность правительства, ни сам Кашани, прекрасно сознававший, что премьер остается самым популярным, неоспоримым лидером национального движения, до поры до времени не желали идти на открытый разрыв.

Весной 1952 г. в печати стали появляться сведения о конфликте двух сторон. Близкий к шаху швейцарец, Э. Перрон*, в мае 1952 г. сообщал одному английскому разведчику о возрастании разногласий Мосаддыка с Кашани и двумя другими амбициозными правыми деятелями НФ – Хосейном Макки и Мозаффаром Багаи. Он полагал, что это результат умелой подпольной деятельности самого шаха. Тем не менее, Кашани все еще пытался внешне сохранить уважительные отношения с Мосаддыком. Хотя коварный аятолла не прочь был обсуждать с некоторыми политическими деятелями вопрос о кандидатуре преемника «своенравного» премьера. Порою он подвергал премьера резкой критике за его попытки усмирить правых экстремистов (исламских и националистических) и дать шанс политической деятельности партии Туде и связанных с ней организаций. В то же время, согласно военному атташе французского посольства в Тегеране, Мосаддык даже в последний период своего премьерства не отказывался от тактики «натравливания партии Туде и правых экстремистов друг на друга» (См.: Азими. Указ. соч., с.449).

В изменившихся политических условиях, прежде всего в связи с приходом к власти правительства Мосаддыка, роль партии Туде во внутривнутриполитической борьбе усилилась. Хотя формально партия оставалась запрещенной, фактически она действовала как признанная составная часть существующей политической системы. Она имела свои печатные органы и отделения. Партия также получила возможность содействовать образованию различных левых профсоюзных и общественных организаций.

Партия Туде, однако, в своей практической деятельности шла на жесткую конфронтацию не только с придворными, прозападными и правонационалистическими силами. Она временами настойчиво выступала против правительства Мосаддыка. Согласно отчету, составленному английским посольством в Тегеране для

* Перрон был личным другом Мохаммеда Резы шаха со студенческих времен. При дворе исполнял обязанности помощника шаха.

Форин офиса, с первых дней июля до 22 декабря 1951 г. из семнадцати крупных антиправительственных манифестаций в столице четырнадцать были организованы партией Туде [30]. Функционеры партии прилагали большие усилия, с тем чтобы отколоть от НФ рабочих, учащихся, студентов и др. Характерно, что, когда правая оппозиция создавала серьезную угрозу правительству, антиправительственная деятельность тудеистов ослабевала, и даже в некоторых случаях партия выступала как сторонница Мосаддыка.

В целом политическая линия партии наносила серьезный ущерб национально-демократическому движению, возглавляемому Мосаддыком. Теоретической базой для данной «марксистской» тактики партии послужили тезисы из известного выступления И. В. Сталина, в которых утверждалось, что «раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их превыше всего. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает права и независимость за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт» [31]. Вот почему не только в иранской, но и в международной коммунистической печати Мосаддык был наречен лакеем империализма, деятелем, который создавал возможность проникновения в Иран американских монополий и т. д. Сохраняя излишнюю привязанность к ЦК КПСС, руководство Туде было не в состоянии выработать и осуществлять самостоятельную линию в отношении к патриотическому правительству Мосаддыка, политика которого в принципе отвечала национальным интересам иранцев.

К весне 1952 г., когда состоялись выборы в меджлис XVII созыва, политическая ситуация в стране была не в пользу Мосаддыка и его сторонников. Мосаддык на словах придавал огромное значение выборам в меджлис. Но он не мог пересмотреть свои узкоклассовые политические взгляды, опасался сотрудничества с леводемократическими силами. Политическая пассивность правительства и его сторонников, а также уступки Мосаддыка прозападным и придворным группировкам привели к тому, что в меджлис были избраны главным образом представители консервативного крыла господствующих слоев. Последние были настроены нелояльно и даже враждебно в отношении правительства [32].

Мосаддык с сожалением признавал, что правительство не

сумело предотвратить грубое вмешательство в ход выборов «чиновников и имущих», враждебно настроенных в отношении правительства.

На деле же Мосаддык не проявил достаточной настойчивости для демократизации избирательного права. Дело в том, что некоторые члены правительства считали необходимым добиться предоставления женщинам избирательного права. И глава правительства первоначально одобрил это предложение. Однако отрицательное отношение шиитского духовенства, и особенно аятоллы А. Кашани к подобной реформе, насторожило членов правительства, и они от этой идеи отказались. Ряд членов кабинета был также за снижение возрастного ценза избирателей. Такое реформирование избирательного права было бы явно на руку правительству.

Меджлис приступил к своей деятельности 27 апреля (1951 г.) с утверждения мандатов избранных депутатов. Из-за обструкции, устроенной антиправительственным большинством в отношении депутатов, поддерживавших Мосаддыка, эта процедура заняла почти сорок дней.

Тем временем из-за экономической блокады со стороны Великобритании и США, а также по причине расширения подрывной деятельности со стороны представителей господствующего слоя хозяйственный кризис в стране углублялся. Нарастала политическая напряженность.

Придворные круги воспользовались ослаблением позиции правительства. Они вели энергичную работу по консолидации правых сил. 5 июля 1952 г. Мосаддык выступил по радио. Он заявил, что большинство представителей правящих классов, включая «известных агентов бывшей компании (имеется в виду АИНК. – С.А.), вынужденные «выдать себя за сторонников национального движения», ныне «тайно ... готовят почву для возрождения прежнего положения» [33].

В этих условиях глава правительства попросил меджлис предоставить ему чрезвычайные полномочия на шестимесячный срок. Мосаддык добивался также поста военного министра и права назначения начальника Генерального штаба и командующих трех родов войск. В случае получения поста военного министра Мосаддык надеялся лишить шаха возможности использовать промонархически настроенных генералов и офицеров в противоборстве с правительством. Предложение Мосаддыка вызвало резко

отрицательную реакцию у шаха. Глава государства напомнил Мосаддыку, что должность военного министра по традиции всегда занимал представитель генералитета, кандидатура которого предварительно с ним согласовывалась. После встречи с шахом (16.VII.1952 г.) Мосаддык немедленно заявил об отставке своего кабинета.

5.2. Пятидневное премьерство Ахмеда Кавама

Политические противники Мосаддыка с нетерпением ждали его возможной отставки. В июне 1952 г. они организовали тайные встречи Ахмеда Кавама с послами США и Соединенного Королевства (по отдельности). После этих встреч послы заверили сотрудничавших с ними противников Мосаддыка в том, что в случае отставки правительства они приложат все усилия с тем, чтобы Кавам был назначен главой нового правительства. Шах первоначально не одобрял кандидатуру Кавама как преемника Мосаддыка на посту главы правительства. Но когда Мосаддык добровольно подал в отставку, шах без промедления поддержал кандидатуру Кавама в качестве нового премьер-министра. Кавама поддержали также сенат и правое большинство меджлиса. Но первое же выступление (18.VII.1952 г.) Ахмеда Кавама в качестве премьер-министра вызвало резкое обострение внутривнутриполитической ситуации.

В своем официальном заявлении глава нового правительства обвинил Мосаддыка в преднамеренном ухудшении отношений между народами Ирана и Великобритании. «Мосаддык пожертвовал целью во имя средств, и законные притязания к одной компании превратил в источник вражды между двумя народами...», — говорилось в нем. Он угрожал жестоко расправиться посредством «революционных трибуналов» со всеми активными участниками движения, возглавляемого Мосаддыком, называя их «преступниками». Кавам обещал в скором времени разрешить нефтяной вопрос и восстановить порядок и законность в стране. Он резко осудил тех, кто, по его словам, «под предлогом борьбы с красным экстремизмом усилил черную реакцию (явный намек на шиитских священнослужителей. — С.А.), нанеся сильный урон свободе. Они свели на нет полувековые усилия, направленные на утверждение конституционного строя. Питая уважение к священному учению ислама, я вместе с тем добьюсь отдаления веры от поли-

тики и буду препятствовать распространению фанатизма и ретроградных убеждений» [34].

Известие о вынужденной отставке Мосаддыка, также грубые нападки Кавама на участников движения за национализацию всколыхнули буквально весь Иран. Антиправительственные демонстрации, манифестации и стачки охватили многие города и населенные пункты. 17 июля 28 депутатов меджлиса – сторонников Мосаддыка – выпустили воззвание, в котором подчеркнули, что развитие национального движения может быть продолжено только под руководством Мосаддыка. Они потребовали немедленной отставки Кавама. 19 июля вслед за Тегераном в Тебризе в знак протеста были закрыты все лавки и магазины. В тот же день в Реште произошли столкновения между полицией и сторонниками Мосаддыка. Многолюдные выступления в поддержку НФ состоялись в Абадане, Керманшахе, Исфахане, Ахвазе и ряде других городов страны. С требованием о возвращении к власти Мосаддыка выступили кашкайцы, а также некоторые полукочевые племена Хузестана. В Исфахане демонстранты напали на здание, занимаемое сотрудниками американской миссии. Кульминацией народных выступлений стали события, имевшие место в Тегеране 21 июля (30 тира – по иранскому календарю). Всеобщая забастовка и манифестации в столице переросли в этот день в восстание, в ходе которого власти вынуждены были вывести на улицу армейские части, включая танковые подразделения. Впервые в современной истории страны широкое участие в восстании приняли женщины. Опасаясь дальнейшего разрастания восстания, шах вынужден был отступить. Впоследствии он писал: «Чтобы предотвратить гражданскую войну, я был вынужден 22 июля принять условия Мосаддыка и вновь утвердить его премьер-министром» [35].

Некоторые авторы скоростижное падение кабинета склонны приписать пассивной поддержке Кавама шахом. С этим согласиться никак нельзя. Большинство политических группировок выступило против Кавама, рассматривая его как прямого ставленника Запада, решившегося свести на нет явные достижения Ирана в борьбе за национализацию АИНК. Надо иметь в виду и то, что Ахмед Кавам в этот период не обладал той силой воли, политической изворотливостью и гибкостью, способностью идти на временные уступки ради главной цели – одним словом, качества-

ми, которые ему принесли успех в 1947 г. Тогда ему удалось добиться вывода из Иранского Азербайджана задержавшихся там частей Советской Армии, избежав резкого осложнения отношений с Советским Союзом.

Большое значение для победы противников шахского двора и Кавама имела активная позиция ряда шиитских религиозно-политических лидеров, в первую очередь такого влиятельного авторитета, как аятолла Кашани. Кашани дал в печати интервью, в котором назвал нового премьера деятелем, «воспитанным под сенью диктатуры и деспотии», и «политическим предателем». В заявлении Кашани, в частности, говорилось: «Всем мусульманским братьям необходимо решительно выступить на путь великого джихада («священной борьбы». – С.А.) и еще раз продемонстрировать проводникам проимпериалистической политической линии, что попытки восстановить их бывшее могущество и господство потерпят крах, и что мусульманский народ Ирана не разрешит никаким чужестранцам руками своих испытанных наемников попираť его государственный суверенитет...» [36].

5.3. Возвращение Мосаддыка к власти в результате восстания 21 июля 1952 г.

Восстание 21 июля могло стать поворотным пунктом в истории объединения мосаддыковцев с левыми. Большой знаток Ирана периода 50-х годов и нефтяной проблемы Ф. Рухани утверждал, что активизация деятельности партии Туде в критические дни 20–21 июля была поддержана руководителями НФ и группировкой аятоллы Кашани. Согласно другим, более достоверным, сведениям, самоотверженное и широкое участие простых тудеистов в выступлениях против прихода к власти кабинета Кавама произошло без инструкции или решения руководства партии. Лишь впоследствии партийный пленум одобрил подобное поведение первичных организаций.

Что бы ни было, в результате восстания 21 июля «оппозиция сверху» потерпела явное политическое поражение. Мосаддык вернулся к власти. 22 июля меджлис подавляющим большинством (61 из 64) утвердил указ шаха о назначении Мосаддыка премьер-министром Ирана. К вечеру 22 июля было получено известие о решении Международного суда, признавшего свою некомпетентность в урегулировании конфликта между Ираном и

Англией. Это решение было воспринято патриотическими силами как новая победа, и она была отмечена в столице и ряде других городов бурным ликованием. Шах был вынужден удовлетворить требование Мосаддыка и утвердить за ним также пост военного министра.

Июльские события, главным образом включение в борьбу за возвращение к власти лидера национального движения и деятелей ряда колеблющихся группировок, свидетельствовали об увеличении политических шансов Мосаддыка и его близких соратников из НФ. Однако для реализации этих шансов правительству предстояло разрешить не только целый ряд сложнейших политических, но и социально-экономических проблем. В донесении, направленном в Лондон за несколько дней до июльского кризиса 1952 г., один английский дипломат подчеркивал, что «все богатые и влиятельные люди этой страны находятся в оппозиции к Мосаддыку». После июльского восстания, вследствие которого правительство Мосаддыка вернулось к власти, эти враждебные силы, как показал дальнейший ход событий, не изменили своего отношения к Мосаддыку. Правительство было в состоянии ослабить оппозицию лишь посредством разработки и осуществления политических и социальных реформ демократического характера. Для судьбы правительства Мосаддыка не меньшее значение приобрело преодоление экономических, прежде всего текущих финансовых, трудностей, которые особенно усилились к лету 1952 г.

Сокращение государственных расходов, повышение на 30% налога на табачные изделия и на 50% пошлин на импортируемые легковые автомобили, а также другие мероприятия, осуществлявшиеся с октября 1951 г., оказались не в состоянии поправить финансовое положение. Вследствие отказа имущих слоев населения приобретать облигации внутреннего займа, надежды на изыскание средств внутри страны также рухнули. Процветала спекуляция, увеличилось число безработных. Быстрыми темпами росли цены на продовольствие и товары широкого потребления. Правительство пыталось облегчить положение народных масс путем стабилизации цен на сахар, чай и хлопчатобумажные ткани, из которых изготовлялась большая часть одежды иранцев. Но все это не дало ощутимого результата.

Сложившаяся в стране тяжелая экономическая ситуация явилась последствием целого ряда обстоятельств. Среди них перво-

степенное значение имели сокращение валютных поступлений и значительное уменьшение объема импортируемых в страну иностранных товаров. Малоразвитость промышленного сектора и остальное сельскохозяйственное производство обусловили большую зависимость Ирана от импорта. Иран ввозил сахар, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, искусственный шелк, стекло, цемент, химические и фармацевтические товары, металлические изделия, машины и оборудование.

В 1948 г. около 42% иностранных товаров поступило в Иран из долларовой зоны. Валюту для их оплаты страна получала в британском казначействе, где часть концессионных платежей от АИНК, согласно договоренности, конвертировалась в доллары. Нарушение традиционных связей и, в частности, экономические санкции Англии в отношении Ирана оказали резко отрицательное воздействие на внутренний рынок и финансы страны. Принятые в первый год правления правительства НФ меры по изысканию валюты лишь ненадолго отодвинули назревавший финансовый кризис. Бартерные соглашения с СССР, Чехословакией, Венгрией, Польшей, а также с Францией и ФРГ из-за небольшого объема не восполнили нехватку в товарах. Ухудшению финансового положения значительно способствовало сокращение нефтяного экспорта, который оставался одним из основных источников валютных поступлений.

В период функционирования своего первого кабинета д-р Мосаддык главное усилие направил на разрешение нефтяного вопроса. Правительство рассматривало, хотя и частично, восстановление экспорта сырой нефти в качестве средства, которое позволит ему добиться улучшения положения в социально-экономической сфере, одновременно содействуя усилению его политической позиции. Не достигнув, однако, ощутимых результатов в осуществлении этих намерений, после вторичного прихода к власти Мосаддык и его соратники, члены его второго кабинета, были вынуждены сосредоточить свое внимание на идее проведения политики «экономика без нефти». [37] Она родилась еще в конце 1951 – начале 1952 г. Суть ее заключалась в стремлении стабилизировать государственный бюджет без доходов от нефти. В этих целях были подготовлены разного рода законы и постановления, реализация которых была призвана содействовать оживлению хозяйственной деятельности в стране.

При разработке экономических и социальных мер правительство пользовалось представленными ему по закону от 3 августа 1952 г. чрезвычайными полномочиями. Правительство издало множество постановлений, направленных на стимулирование экономической деятельности в частном секторе – законы о поощрении экспорта, об освобождении от таможенных сборов импорта машин и оборудования, необходимых для развития промышленности и т. д. В целях расширения вывоза в 1952 г. был основан коммерческий Банк по добыче и экспорту ископаемых, а в 1953 г. – Банк по развитию экспорта.

По линии семилетнего плана развития в июне 1952 г. был заключен контракт с американскими фирмами о строительстве текстильной фабрики и цементного завода в Фарсе, цементного завода в Рее, текстильной фабрики в Тегеране и т. д. В 1950–1952 гг. в Азербайджане и Хорасане были сданы в эксплуатацию сахарные заводы, которые лишь на 14 тыс. т в год увеличили его производство в стране, составлявшее в тот период в среднем 70 тыс. в год при импорте 15 тыс. т [38].

Правительство решило изыскать средства из внутренних источников. Однако попытка собрать недоимки с крупных землевладельцев и купцов оказалась малоэффективной. Тогда кабинет пошел по пути, проторенному прежними правительствами, – были повышены косвенные налоги, которые всей тяжестью легли прежде всего на плечи малоимущих и неимущих.

Были предприняты шаги, хотя и весьма робкие и малоэффективные, направленные на улучшение положения основной массы иранского крестьянства – арендаторов. Изданные 6 и 11 октября 1952 г. законы в этой области предусматривали увеличение средней доли крестьян-арендаторов при разделе урожая на 10% и выделение 10% годового урожая или доходов в специальный фонд благоустройства и кооперативный фонд деревень за счет сокращения доли помещиков (на 20%), а также отмену всех натуральных повинностей и поборов. Из-за фактического саботажа со стороны землевладельцев эти законы были осуществлены лишь частично [39].

Правительство добилось заметных успехов только в области внешней торговли, но они в известной мере носили призрачный характер. Правда, после долгих лет в 1952/1953 г. во внешней торговле было получено активное сальдо. Такой итог, однако,

явился результатом того, что импорт был сокращен в значительной степени за счет ограничения и запрещения ввоза ряда товаров, в которых нуждалась иранская промышленность и население.

В целом проводившаяся правительством Мосаддыка экономическая политика до некоторой степени содействовала развитию производительных сил страны. Ф. Рухани признает, что в период пребывания у власти кабинета НФ государственные финансовые институты содействовали развитию частного капитала, оживлению внутренней торговли и увеличению объема экспорта, росту сельскохозяйственного производства и проведению мероприятий по благоустройству [40]. Но объем подобных позитивных сдвигов для экономической, а тем более социальной, ситуации в Иране оказался ограниченным.

Возвращение к власти Мосаддыка вызвало большое недовольство в правящих кругах Великобритании. Члены правительства выражали свое беспокойство в связи с активным участием левых в июльском восстании. Они убеждали представителей Вашингтона в том, что отныне никак нельзя рассматривать правительство Мосаддыка препятствием на пути продвижения к власти коммунистов, т. е. тудеистов.

Было решено предпринять новую совместную попытку с тем, чтобы переубедить Мосаддыка в бесперспективности проводимой им политики. 27 августа 1952 г. послы США и Великобритании Лой Гендерсон и Джордж Мидлтон ознакомили Мосаддыка с текстом нового англо-американского послания, подписанного Трумэнem и Черчиллем. Мосаддык настаивал на том, чтобы вручение послания было отложено и чтобы в него были внесены дополнения с учетом иранских требований, о которых говорится в его письме руководителям США и Англии от 7 августа. Однако 30 августа представители двух союзных держав официально вручили Мосаддыку уже фактически отклоненное им 27 августа совместное послание и приложенный к нему проект нового нефтяного концессионного соглашения. В послании предлагалось рассмотреть вопрос о компенсации в Международном суде. Для организации сбыта иранской нефти на внешнем рынке намечалось создание организации (комиссии) из представителей Ирана и АИНК. Проект концессионного соглашения предполагал на деле возвращение АИНК в Иран. В случае благоприятного ответа иранского правительства на эти предложения Англия обязывалась

снять запрет на ввоз в Иран ряда товаров, а США – предоставить ему безвозмездную финансовую помощь в размере 10 млн. долл. [41]

В обращении к меджлису и сенату Мосаддык заявил, что совместное послание Трумэна и Черчилля свидетельствует о том, что правительства Англии и США продолжают придерживаться тактики проволочек. Отвергнув англо-американские предложения, Мосаддык выдвинул 24 сентября контрпретензии. В частности, они содержали требование о выплате АИНК иранскому правительству компенсации за ущерб, нанесенный Ирану враждебными акциями Великобритании, в результате которых Иранская национальная нефтяная компания была лишена возможности сбыта своей нефти.

Выдвигался и ряд других серьезных финансовых претензий. 14 октября в ответном письме глава Форин офиса А. Иден отверг предложения Мосаддыка и выдвинул условия, на базе которых АИНК согласилась бы вести переговоры с Ираном. Мосаддык имел неплохое представление относительно масштабов подрывной деятельности против него и членов его правительства, официальных представительств Англии и связанных с ними иранцев. Поэтому он решил привести в исполнение неоднократно высказанное предупреждение относительно разрыва дипломатических отношений с Англией, если ее дипломаты не прекратят свою враждебную деятельность против его правительства. Однако в меджлисе не оказалось кворума, чтобы поставить вопрос об утверждении этого решения правительства. Текст выступления Мосаддыка в меджлисе, в котором он обосновывал необходимость этого шага, был передан по радио 16 октября 1952 г. [42] Такая решимость иранского правительства, по мнению членов правительства, должна была привлечь внимание возможных покупателей иранской нефти.

Решения Совета Безопасности и Международного суда (т. е. косвенное признание права Ирана на национализацию собственной нефтяной промышленности) усилили желание Японии, Италии и ряда других стран непосредственно импортировать иранскую нефть. Однако вскоре шансы всех потенциальных покупателей значительно сократились. Во-первых, на них было оказано сильное давление со стороны членов Международного нефтяного картеля и правительств США и Великобритании. Во-вторых, 50% всех танкеров находилось под контролем членов Международного

нефтяного картеля, наложившего эмбарго на вывоз иранской нефти. Большинство же остальных нефтеналивных судов было зафрахтовано компаниями, также входившими в картель [43].

В целом Иран добился весьма незначительных успехов в попытках прорвать блокаду Англии и нефтяного картеля [44]. Но даже эти малые достижения вызвали острую враждебную реакцию нефтяных монополий Запада [45].

В 50-х годах почти весь капиталистический рынок нефти и нефтепродуктов находился под контролем входящих в Международный картель семи крупнейших англо-американских компаний. Поскольку указанные супермонополии препятствовали Ирану самостоятельно экспортировать свою нефть, которую они рассматривали как «собственность АИНК», у правительства НФ к 1952 г., в сущности, оказались перекрытыми все пути для реализации закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности. Расчеты Мосаддыка на использование разногласий, существовавших между «семью сестрами» (членами картеля) и так называемыми «свободными» нефтяными фирмами, функционировавшими во Франции, США, Италии, Японии и других странах не оправдались. Советский Союз и находившиеся в сфере его влияния социалистические страны, не участвовали в борьбе за иранскую нефть.

Тем временем борьба между сторонниками правительства и господствующим слоем, возглавляемым шахским двором, приобретала все более откровенный характер. После июльского восстания 1952 г. правая печать в Иране и на Западе стала писать о растущей угрозе коммунизма в Иране, о необходимости «укрепления трона» [46]. Эта пропагандистская кампания совпала по времени с усилением активности английской агентуры в стране. 14 октября 1952 г. по обвинению в организации антиправительственного заговора были заключены под стражу дивизионный генерал Хеджази и три представителя богатой купеческой семьи Рашидьян, издавна связанные с англичанами. Старший из них, Асадолла, еще в конце июля 1952 г. открыто выступил за создание антиправительственной партии. При помощи подобной партии, при активном участии армии и духовенства, говорил он, следует совершить правительственный переворот [47]. В официальном сообщении по поводу ареста Хеджази и братьев Рашидьян указывалось на связи арестованных с «одним иностранным

посольством» и членами иранского парламента, в том числе с сенатором Ф. Захеи [48].

Заинтересованные в свержении Мосаддыка силы концентрировались вокруг двора. При поддержке шаха и с помощью правых националистов во второй половине 1952 г. сенат был превращен в центр провокаций против правительства. Поэтому Мосаддык стал добиваться пересмотра срока полномочий сената, который созывался раз в шесть лет. В октябре 1952 г. меджлис вынес решение установить одинаковый срок полномочий обеих палат – четыре года (до этого меджлис избирался на два года). Шах был вынужден подписать указ о роспуске сената.

Правительство Мосаддыка приняло ряд мер для укрепления своих позиций. Одни из них были вызваны необходимостью очистить армию и правительственные учреждения от антиправительственных элементов, другие – например, закон об увеличении доли арендаторов-крестьян в урожае – явились ответом на требование безземельных крестьян. Ряд законов, в частности законы об общественной безопасности и военном положении, были направлены, скорее, против леводемократического движения. Эти последние законы, по существу, явились одновременно уступкой правительства на утверждения англо-американской печати о том, что якобы своим умеренным отношением к активизации деятельности левых (партии Туде), Мосаддык объективно увеличивает вероятность захвата власти коммунистами.

Усиление классовых противоречий происходило и в некоторых сельских районах. Отчасти оно было вызвано появлением закона об увеличении доли арендаторов в урожае. Помещики зачастую сгоняли с насиженных участков крестьян, настаивавших на соблюдении новых законов. Однако вспыхивающие то тут, то там волнения арендаторов, работавших на землях помещиков, сравнительно легко подавлялись местными властями. Был случай, когда депутат Ахгер выступил в меджлисе и сообщил, что крестьяне деревни Шул и двух других селений в районе г. Бушира отказались внести помещикам (братьям Давуди) причитающуюся им долю урожая. Тогда власти немедленно отправили туда жандармский отряд. Крестьяне деревни Шул оказали сопротивление, в стычке погибли два солдата [49].

Что касается правительства Мосаддыка, то в борьбе против своих противников оно довольствовалось импульсивными наско-

ками. В то же время объединенные вокруг шахского двора силы, при активной помощи американцев, англичан и их агентуры, развернули широкую подстрекательскую деятельность против Национального фронта. Основной их целью была консолидация антимосаддыковских правых сил путем углубления раскола НФ и его сторонников.

5.4. Углубление раскола внутри Национального фронта

Во время второго правительства Мосаддыка четко наметились два главных направления политических противоречий. Первое – это противоречие между правительством Мосаддыка и антиправительственными силами, возглавляемыми шахским двором. Последние все более активно получали поддержку и помощь со стороны правительств США и Великобритании. Второе – противостояние и раскол внутри Национального фронта и в целом в лагере сторонников правительства Мосаддыка.

В подготовке заговора «Хеджази – братья Рашидиян» были замечены не только лица из придворных кругов, но и члены фракции в меджлисе «Национальное движение», в частности Музаффар Багаи – один из основателей НФ и руководитель Партии трудящихся Ирана. В начале октября 1952 г. Багаи потребовал от Халила Малеки, другого лидера ПТИ, осуждения в газетах политики Мосаддыка и его правительства [50]. Один из сподвижников Мосаддыка сообщал, что «Багаи и его друзья в центральном комитете партии, где они составляли меньшинство, постепенно стали выступать за открытую оппозицию в отношении Мосаддыка» [51]. Малеки отказался критиковать Мосаддыка. В газетах партии «Шахед» и «Ниру-йе севвом» он выступил в поддержку правительства. Разногласия между группами Багаи и Малеки были настолько сильны, что 4 декабря 1952 г. в Тегеране между их сторонниками, вышедшими на демонстрации, произошли ожесточенные стычки [52].

К тому времени разногласия между Мосаддыком и аятоллой Кашани значительно обострились. В появлении и углублении противоречий между этими лидерами сказались и их характеры, личные амбиции, менталитет и социальная ориентация. Главной причиной острых расхождений между ними явились их противоположные взгляды на демократическое движение и на монархию.

Аятолла Кашани широкую поддержку правительства мусуль-

манскими массами, особенно городскими низами и «традиционными» средними городскими слоями, громогласно объявляя своей личной заслугой. Мосаддык же зачастую игнорировал верные критические замечания и советы своих союзников и соратников, полагая, что его непоколебимая верность национальным интересам и популярность являются гарантией поддержки его правительства большинством иранцев.

В письме к Мосаддыку от 28 июля 1952 г. Кашани не без оснований возражал против некоторых назначений, осуществленных главой правительства. Речь шла о таких деятелях, которые были тесно связаны, во всяком случае в недавнем прошлом, с шахским двором и АЙНК. Это были, в частности, М. Баят (племянник Мосаддыка), Фаллах, Шапур Бахтияр, А. Амини, Ахави, генералы Восуг и Дафтари (оба генерала были родственниками Мосаддыка). Генерал Восуг, ярый противник демократов и левых, был назначен заместителем военного министра. Баят и Фаллах получили высокие должности в ИННК. На письмо Кашани Мосаддык прислал ответ, написанный в резком тоне [53]. В то же время известно, что Кашани активно вмешивался в дела исполнительной власти, добивался назначения на ответственные посты угодных ему лиц. В канун выборов в меджлис XVII созыва все его три сына, злоупотребляя авторитетом и поддержкой отца, добивались мест в меджлисе [54].

Разногласия между Кашани и Мосаддыком приобрели особенно острый характер осенью 1952 г. в связи с выходом Хосейна Макки из Высшего совета по нефти, созданного для повышения эффективности деятельности ИННК. Свою отставку Макки мотивировал тем, что избрание одним из директоров ИННК (он стал одновременно руководителем Абаданского НПЗ) Реза Фаллаха, в прошлом крупного служащего АЙНК, противоречит интересам национального движения. Но подлинным мотивом отставки Макки было, видимо, его стремление занять высокий пост в ИННК или приступить к открытому соперничеству с Мосаддыком. В отчете посольства США, составленном в этот период в связи с упомянутым инцидентом, говорилось, что отныне Макки серьезно готовит себя для поста премьер-министра [55].

Отставка Макки, назначение Фаллаха и ряда других лиц на ответственные посты в ИННК привели к открытым столкновениям в меджлисе и на заседании фракции «Национальное движение»

между сторонниками Мосаддыка и приверженцами Кашани, стремившегося в этот период повысить роль шиитских богословов в формировании политики правительства. Кашани и представители высшего шиитского духовенства были встревожены усилением влияния Туде и примыкавших к партии общественных организаций. Кашани выражал недовольство антишахскими действиями правительства Мосаддыка.

Благодаря поддержке широкой общественности в политическом противоборстве с шахским двором к концу 1952 г. Мосаддык и его соратники имели определенные политические достижения. Им удалось вытеснить с общественно-политической сцены некоторых влиятельных в прошлом представителей традиционной элиты. Мосаддык сумел в глазах широкой общественности дискредитировать наиболее активных представителей династии Пехлеви, которые время от времени были вынуждены по его требованию покидать страну. Из армии и полиции (по настоянию премьера) была уволена большая группа (свыше 400 человек) прошахски настроенных генералов и офицеров. По инициативе правительства была распущена верхняя палата сената, половина членов которой (30 сенаторов) была назначена по указу шаха. Глава государства, под давлением правительства, согласился на перевод в категорию государственных земель, которые принадлежали в прошлом основателю династии Реза шаху. Большую часть этих земель составляли те, которые были приобретены отцом Мохаммед Резы Пехлеви незаконным образом или просто захвачены.

Эти и ряд других моментов создавали условия для дальнейшего наступления Мосаддыка и его правительства на позиции шаха и его союзников. Осуществить такие изменения можно было лишь, опираясь на широкие демократические преобразования, добившись реализации принципа «шах царствует, но не управляет». Об этом временами вскользь говорил сам Мосаддык. Однако непоследовательность лидера национального движения в борьбе за власть с «оппозицией сверху» свидетельствовала, что он и его соратники все больше упускали свой шанс. И действительно, ход политических событий показал, что политическая инициатива все больше переходила в руки «оппозиции сверху». Этот процесс, как и раскол в рядах национальной буржуазии, был чреват для правительства Мосаддыка серьезными опасностями еще и потому, что в конце 1952 г. наметилось начало нового этапа сближения

позиций США и Англии в вопросе относительно иранской нефти.

Такое сближение стало результатом активной деятельности Международного нефтяного картеля, ратовавшего за то, чтобы дальнейшая разработка иранских нефтяных месторождений, имевших стратегическое значение для Запада, должна была осуществляться входившими в него англо-американскими компаниями. Курс на проведение согласованной с Англией политики в Иране упрочился с приходом власти в США Республиканской партии [56].

8 ноября 1952 г. на совещании нового президента США Д. Эйзенхауэра с Г. Трумэном, Д. Ачесоном, А. Гарриманом и другими деятелями демократической партии обсуждалась политическая ситуация в Иране. После этого обсуждения и серии других переговоров Ирану через американского посла были переданы (20 февраля 1953 г.) британские предложения относительно путей урегулирования англо-иранского конфликта. Подготовленные в сотрудничестве с США эти предложения предусматривали учреждение международной компании для сбыта иранской нефти. В марте 1953 г. состоялись переговоры А. Идена и Р. Батлера (министра финансов Великобритании) с Д. Эйзенхауэром и госсекретарем США Д. Даллесом. В частности, рассматривался вопрос о совместных действиях в отношении правительства Мосаддыка. Вскоре Иден в своей речи в палате общин по поводу этих переговоров заявил: «Мы достигли полного взаимопонимания в определении нашей политики в отношении иранской нефти» [57].

Тем временем Мосаддык 20 марта 1953 г. отверг английские предложения, мотивируя это тем, что они мало чем отличались от прежних [58].

Ухудшение финансового положения Ирана (казна была не в состоянии своевременно выплачивать даже жалование государственным служащим) заставило правительство Мосаддыка искать помощи извне. И оно опять обратилось к правительству США. В письме президенту Д. Эйзенхауэру от 28 мая 1953 г. Мосаддык просил его или воздействовать на британское правительство, чтобы оно согласилось на иранские условия, или оказать Ирану финансовую помощь [59]. Президент откликнулся на послание Мосаддыка лишь через сорок три дня. В своем ответе он уклонился от выполнения его просьбы, ссылаясь на то, что разрешение иранских проблем всецело зависит от проводимой правительством Мосаддыка политики [60].

5.5. Обострение политических противоречий и августовский переворот 1953 г.

Мосаддык, тем не менее, сохранял уверенность в себе. Упоная на свою популярность во взаимоотношениях с шахом и его окружением, он вел себя без оглядки. Он не принимал во внимание, с какими коварными политиками имеет дело. Воспользовавшись его доверчивостью, наивностью, шах и министр двора Хосейн Ала в феврале 1953 г. инсценировали и успешно провели детально продуманную провокацию. От имени Мохаммеда Резы министр двора позвонил Мосаддыку и сообщил ему, что Его Величество решил временно покинуть страну. Сославшись на плохое самочувствие шахской четы, министр от имени монарха передал премьеру приглашение на аудиенцию, чтобы совместно обсудить некоторые важные политические проблемы страны. При этом Х. Ала попросил Мосаддыка хранить информацию о предполагаемой поездке в строгой тайне. Было сказано, что, опасаясь реакции народа, шах намеревается полуполюгально выехать на машине в Багдад.

24 февраля, во время встречи с шахом, Мосаддык обсуждал свои некоторые идеи, в частности намерение распустить меджлис. Между ними не было достигнуто желаемого взаимопонимания. Хотя и неохотно, Мосаддык согласился с планом шаха о его временном отъезде [61].

28 февраля, в день, когда по договоренности шах будто бы должен был покинуть иранскую столицу, ряд близких двору деятелей, в число которых входили оппозиционные к правительству депутаты меджлиса, группа шиитских священнослужителей и уволенных из вооруженных сил офицеров с участием уголовных элементов, устроили у шахского дворца демонстрацию, слезно моля шаха не покидать страну. Шах, «уступая» просьбам демонстрантов, отложил свой отъезд. Об этом он сообщил Мосаддыку, прибывшему к нему попрощаться. Но при выходе из дворца Мосаддык оказался лицом к лицу с хулиганствующими демонстрантами. Спасаясь, он был вынужден вернуться обратно во дворец. Ему удалось избежать нападения прошахски настроенных демонстрантов благодаря тому, что он ушел из дворца незаметно через заднюю дверь. После возвращения домой Мосаддык, однако, вскоре был вынужден, спасаясь от преследования прошахских элементов, в одной пижаме бежать в здание Генерального штаба,

а оттуда добираться до здания меджлиса [62].

Выступая перед членами меджлиса, премьер рассказал им о своих злоключениях и потребовал, чтобы члены парламента за 48 часов нашли ему преемника в качестве главы правительства. Во время этого выступления в меджлисе Мосаддык произнес не отражавшие действительное положение вещей, но тем не менее, ставшие крылатыми слова: «Я – премьер-министр, представляющий интересы народа, а не меджлиса или шаха». Он сообщил депутатам о своем намерении провести референдум по вопросу о роспуске меджлиса.

Инцидент 28 февраля («девятого эсфанда» по иранскому календарю) обозначил определенный временной рубеж, после которого происки «оппозиции сверху», другими словами шахского двора в союзе с правыми националистами, включая группировку аятоллы Кашани, время от времени повторялись. После указанного события Мосаддык и его соратники фактически упустили из рук политическую инициативу, которая оказалась у их противников. Симптоматично, что, узнав, судя по всему, от самого монарха о его договоренности с Мосаддыком, аятолла Кашани на страницах газет опубликовал два открытых письма шаху, в которых предложил ему отказаться от предполагаемого отъезда из Ирана. Он же совместно с аятоллой Мохаммедом Бехбехани выпустил обращение к народу, призывая его препятствовать отъезду шаха [63].

В организации демонстрации, кроме религиозно-политических деятелей, активное участие принимали члены клуба отставных офицеров, сын сенатора Ф. Захеда-Ардешир, сотрудник американской организации по распределению помощи по линии 4-го пункта «программы Трумэна», братья Рашидян, распределявшие среди участников средства, предоставленные англичанами и др. [64]

Характерно, что Мохаммед Реза в своей книге «Мое служение Родине», изданной в 1961 г., излагает тему отъезда совсем иначе. Он пишет, что будто 28 февраля Мосаддык советовал ему некоторое время побыть вдали от страны. «Я согласился с его предложением, чтобы дать ему свободу рук для исполнения задуманной им политики и, в некоторой степени, находиться вдали от его интриг и подстрекательств».

Премьер был просто обманут. Призывая Мосаддыка хранить в тайне известие о поездке, шах и его министр широко распро-

странили свою версию. Особо подчеркивалось, что шах собирался покинуть страну по требованию Мосаддыка.

Пойдя на эту провокацию, шах и Хосейн Ала намеревались напугать премьера, дискредитировать его, а самое главное, содействовать дальнейшему распаду Национального фронта и консолидации промонархически-прозападных сил.

Подстрекательства и провокации, призванные ослабить позиции правительства Мосаддыка, продолжались. 1 марта на известной площади Бахарестан в столице уволенные из армии в запас офицеры совместно с подкупленными ими уголовными элементами учинили драку со сторонниками Мосаддыка. В ночь на 2 марта верные правительству силы задержали 85 отставных офицеров. Были взяты под стражу также группы политических деятелей, известных связями с шахским двором и посольствами Великобритании и США.

В своих публичных выступлениях 12 марта и 6 апреля Мосаддык настаивал на том, что шах должен царствовать, а не управлять. Он потребовал от меджлиса дать более ясное толкование содержания статей 35, 44, 48, 50, 52-й «Дополнений» к Основному закону Ирана с целью уточнения полномочий шаха. В обращении к народу Мосаддык обвинил сестру шаха Ашраф Пехлеви, его мать, его братьев и других членов семьи главы государства, а также близких ко двору отставных генералов и офицеров в организации кровавых столкновений и в расстреле массовых демонстраций в июле 1951 г. и в июле 1952 г. [65]

В середине апреля 1953 г. верные правительству армейские части подавили начавшийся еще в феврале мятеж одного из бахтиарских полукочевых племен на Юге. Ханы данного подразделения бахтиаров в начале Второй мировой войны входили в прогерманскую группировку, организованную генералом Захедеи.

Консолидация антиправительственных сил продолжалась, о чем свидетельствовали события апреля–мая 1953 г. 20 апреля был похищен и убит начальник Главного управления полиции генерал Махмуд Афшартус, один из верных приверженцев Мосаддыка. Он приложил большие усилия к тому, чтобы произвести чистку офицерского корпуса полиции и жандармерии от антиправительственных и монархических элементов. М. Афшартус сыграл важную роль в раскрытии ряда антиправительственных заговоров, готовившихся офицерами и генералами, уволенными в отставку в

период премьерства Мосаддыка. Это убийство было организовано отставными офицерами в сотрудничестве с одним из правых лидеров НФ – М. Багаи. Пользуясь депутатским иммунитетом, он избежал ареста. Другой активный организатор этого злодейского акта, Ф. Захеда, во избежание ареста прибегнул к «бесту» в здании меджлиса.

Разногласие между правительством и дворцом достигло нового накала в конце мая 1953 г. На этот раз вопрос о разделении власти между главой правительства и шахом вновь стал предметом острых дискуссий в парламенте и печати в связи с обсуждением рекомендаций «комиссии восьми», созданной из членов меджлиса для устранения разногласий между правительством и двором. В ее заключении говорилось, что вся ответственность за состояние вооруженных сил ложится на военного министра, действующего от имени главы государства. Большинство присутствующих на заседании меджлиса проголосовало за это заключение, что вызвало у сторонников правительства большое разочарование.

В то же время не прекращавшиеся раздоры придворных кругов и примыкавших к ним правых сил с правительством, и особенно возмущавшее отступничество аятоллы Кашани, в конечном итоге вызвали существенный негативный сдвиг в позиции малоимущих слоев города, сельских мигрантов и пауперов. Значительная их часть перестала активно поддерживать правительство.

К середине 1953 г. отказались от поддержки правительства почти все правонационалистические партии и группировки. Одной из последних (июль 1953 г.) отошла от Мосаддыка и его соратников Партия трудящихся иранского народа, руководимая социалистом Х. Малеки.

Кардинальные перемены в расстановке общественно-политических сил немедленно сказались на позиции правительства в меджлисе. К маю 1953 г. число твердых сторонников правительства в меджлисе сократилось до 29 (из 79 депутатов) [66]. Бывшие лидеры и сторонники НФ – М. Багаи, Х. Макки, аятолла Кашани, Хаеризаде, Канатабади и их приверженцы превратили меджлис в центр антиправительственных подстрекательств. Бесконечные обструкции, устраиваемые ими членам правительства, стали для работы парламента обычным явлением.

Мосаддык оказался вынужденным вновь вернуться к идее о необходимости роспуска меджлиса.

15 июля 1953 г. депутаты – сторонники Мосаддыка – коллективно отказались от своих мандатов. Они распространили заявление, в котором отмечалось, что правительственная оппозиция парализовала работу меджлиса. На созванном в Тегеране 22 июля массовом митинге, в проведении которого активное участие принимали и члены партии Туде, была принята резолюция с требованием роспуска меджлиса и изгнания из Ирана всех американских военных советников, а также ликвидации администрации по осуществлению Ирану помощи по 4-му пункту «программы Трумэна». 27 июля, выступая по радио, Мосаддык заявил о необходимости проведения всенародного референдума по вопросу о роспуске меджлиса [67]. Примеру сторонников Мосаддыка последовал ряд других небольших фракций меджлиса, заявивших об отставке.

Кашани, Бехбехани и другие видные религиозные деятели, а также оппозиционные партии и организации выступили против этого решения. Тем не менее Совет министров принял постановление о проведении предложенного главой правительства референдума. Результаты состоявшегося 3–10 августа референдума выявили полную победу правительства: большинство участников массовых манифестаций поддержали предложение правительства о роспуске меджлиса. 12 августа было официально объявлено о прекращении деятельности меджлиса XVII созыва. В телеграмме, отправленной 9 августа 1953 г. на имя генерального секретаря ООН, руководитель оппозиционной фракции «Азади» («Свобода») А. Хаеризаде обвинил Мосаддыка в том, что тот намеревался «навязать иранскому народу жестокий режим коммунистической диктатуры».

Активную деятельность против правительства развернул и ряд других депутатов, в частности бывший член руководства НФ А. Азад, который действовал по наущению шахской семьи, пророчившей ему пост главы правительства. Вслед за официальным сообщением о роспуске меджлиса в Тегеране, с легкой руки оппозиции, распространились слухи о скором проведении второго референдума – по вопросу о государственном строе Ирана, т. е. сохранить ли конституционную монархию или установить республику.

Одновременно с растущим ослаблением политических позиций правительства Мосаддыка внутри страны наблюдалось ухуд-

шение его международного положения. Как верно прогнозировали в Форин офисе, новая администрация США почти открыто показывала свое недовольство политикой Мосаддыка.

В мае 1953 г. новый госсекретарь США Дж. Даллес совершал официальный визит в страны Среднего Востока. По совету посла в Тегеране Л. Гендерсона он отказался посетить Иран. Но с ним по иранским делам Даллес совещался в Карачи. По возвращении в Тегеран американский посол опубликовал в местной прессе письмо госсекретаря иранскому премьеру, в котором Дж. Даллес подчеркивал, что обстановка в Иране не благоприятствует его приезду в страну. Куда более откровенным и грубым было заявление Дж. Даллеса в июле 1953 г.: «Любое иранское правительство, не являющееся коммунистическим, будет для нас лучше нынешнего правительства. Мы считаем невозможным иметь дело с Мосаддыком».

Правительство Мосаддыка не сделало надлежащие выводы из поведения Дж. Даллеса. Уже во время поездки американского госсекретаря на Средний Восток шла подготовка антиправительственного переворота в Иране. Незадолго до президентских выборов в США руководитель группы сотрудников ЦРУ на Среднем Востоке Кермит Рузвельт был приглашен в Лондон, где его ознакомили с секретным планом под кодовым названием «Операция Аякс». План предусматривал подготовку и проведение в Иране тайной операции, предназначенной для насильственного отстранения от власти правительства Мосаддыка. В начале февраля 1953 г. во время своего пребывания в Вашингтоне официальная делегация из Лондона предложила новому директору ЦРУ утвердить К. Рузвельта в качестве руководителя операции предполагаемого переворота в Иране. Одновременно в Тегеране продолжалась давно начатая работа по консолидации антиправительственных сил.

22 июня 1953 г. в офисе государственного секретаря Дж. Даллеса в Вашингтоне состоялось совещание относительно проведения переворота в Тегеране. В нем, помимо госсекретаря, принимали участие его брат – директор ЦРУ Аллен Даллес, посол США в Тегеране Л. Гендерсон, военный министр Ч. Вильсон, Кермит Рузвельт и ряд высокопоставленных сотрудников государственного департамента. Самым решительным сторонником антиправительственного переворота оказался Дж. Даллес. Именно во

время этого совещания было принято окончательное решение относительно осуществления переворота в Тегеране.

Президент США ответил на письмо Мосаддыка через неделю после завершения этой встречи. Публикация этого ответа, о содержании которого говорилось выше, как пишет иранский историк Ф. Азими, развеял активно распространяемый левыми (партией Туде) миф о неизменной поддержке правительства Мосаддыка американцами.

1 августа 1953 г. в Тегеране К. Рузвельт тайно встретился с шахом. Он информировал Мохаммеда Резу о назначении своей миссии, о полной поддержке плана переворота со стороны президента США Д. Эйзенхауэра и премьер-министра Англии У. Черчилля. Шах согласился принять непосредственное участие в реализации намеченного переворота под руководством К. Рузвельта. Мохаммед-Резе, как участнику тайного мероприятия, был дан даже специальный пароль. Непосредственное участие в осуществлении переворота должны были принять лишь четыре дипломата.

Американский разведчик внес коррективы в первоначальный план переворота, разработанный англичанами. Главное место в осуществлении переворота он отвел высшим чинам иранской армии, в первую очередь тем, кто был уволен в отставку правительством Мосаддыка. Английская разведывательная служба настойчиво добивалась использования религиозных деятелей, среди которых у нее было немало агентов.

По свидетельству аятоллы М. Талегани, одного из руководителей революции 1978–1979 гг., аятолла Мохаммед Бехбехани и его подручные в июле–августе 1953 г. развили бурную провокационную деятельность. Специально подобранные писцы в его доме красными чернилами писали в адрес видных шиитских священнослужителей поддельные послания от имени партии Туде. В этих посланиях говорилось: «Мы вскоре устроим всем вам казнь, повесив вас на ваших шаях (речь идет о длинном куске ткани, из которого делается чалма. – С.А.) на уличных столбах». Под таким текстом стояла подпись: «Народная партия Ирана» [68].

В критические дни первой половины августа 1953 г., когда разногласия между двором и правительством достигли апогея, Иран покинули посол Гендерсон и сестра шаха Ашраф. Как стало ясно из материалов, опубликованных позже, Ашраф приезжала в Тегеран из Швейцарии с поручениями от ЦРУ. Накануне своего

отъезда обратно она имела «бурное объяснение с братом в Мраморном дворце из-за его нерешительности в отношении Мосаддыка». В эти же дни в Иран из США приезжал бригадный генерал Норман Шварцкопф, под руководством которого в 1943–1948 гг. проводилась реорганизация иранской жандармерии и полиции. Он имел конфиденциальные встречи с шахом, Ф. Захеди, и что очень было важно, также с К. Рузвельтом – тайно. Левая газета «Шахбаз», обращая внимание на эти факты, 9 августа 1953 г. отмечала, что в этих встречах таится серьезная опасность для правительства. Она писала: «Заявление Эйзенхауэра не является пустой и бесплодной угрозой... Недаром генерал Шварцкопф, сотрудник ЦРУ, уединяется с шахом. Не случайно, что одновременно с поездкой Шварцкопфа в Пакистан туда приглашают Али Резу, брата шаха, убийцу, “принять участие в охоте на леопарда”. И опять не случайно в то же время приходит известие о серии провокаций в Кермане и Белуджистане, устроенных местным командующим бригадным генералом Иманпуром – придворным холуем» [69].

Еще задолго до событий осени 1953 г. английское посольство тщательно занималось подбором кандидата, способного организовать в Тегеране антиправительственный заговор с участием недовольных военных. Выбор пал на бывшего сенатора – отставного генерала Ф. Захеди. Во время встречи с сотрудником британского посольства Захеди сказал, что его прогерманская деятельность в прошлом является лучшим прикрытием для тайных связей с англичанами. В августе 1953 г., во время встреч К. Рузвельта с шахом, Ф. Захеди был избран не только одним из главных организаторов антимосаддыковского заговора, но и как глава нового правительства в случае успешного завершения предполагаемой операции. Скрываясь в своем имении (к северу от Тегерана), он при посредничестве своего сына Ардешира сыграл активную роль в развертывании антиправительственного выступления в августе 1953 г. [70]

Накануне планируемого заговора К. Рузвельт имел, как он сам пишет, несколько тайных встреч с шахом, во время которых они обсуждали детали предстоящей операции. После этих встреч шах вылетел на побережье Каспия. Во время последней встречи американский разведчик передал шаху устное послание президента Д. Эйзенхауэра, в котором, в частности, говорилось: «Если

Пехлеви и Рузвельт не сумеют решить эту небольшую проблему, то не останется никакой надежды. Я полностью верю, что Вы это сделаете» [71].

13 августа шах, отдыхавший на севере страны, подписал указ о смещении Мосаддыка с поста премьер-министра и о назначении на его место отставного генерала Ф. Захеда.

14–15 августа шахская гвардия совместно с некоторыми войсковыми частями должна была осуществить предполагаемый переворот. Однако этот план стал известен левым кругам и получил освещение в печатных органах партии Туде и других левых организаций. Правительство, хотя и приняло кое-какие меры предосторожности, в основном бездействовало. В ночь на 16 августа несколько офицеров шахской гвардии во главе с полковником Н. Насири сделали попытку взять под стражу Мосаддыка и его соратников. Однако, увидев, что дом премьер-министра окружен сильной охраной, заговорщики заявили, что прибыли для вручения главе правительства указа шаха. Насири был взят под стражу. В ту же ночь шахская гвардия совершила нападение на дома верных премьеру членов правительства. Начальнику Генерального штаба Таги Рияхи удалось избежать ареста, а члены кабинета Фатеми, Хакшенас и Зиракзаде были арестованы и увезены в Саадабад (летний дворец шаха), где находилась штаб-квартира заговорщиков.

По приказу генерала Рияхи верные правительству воинские части и силы общественного порядка разоружили шахскую гвардию. Задержанные члены правительства были освобождены. К утру 16 августа правительство объявило о предотвращении военного путча. Шах, извещенный обо всем этом, вылетел из Рамсара (Гилян) через Багдад в Италию [72].

16 августа видные члены правительства – Хосейн Фатеми, Зиракзаде и другие – в своих выступлениях перед массами обрушились на шаха и представителей рода Пехлеви и придворных кругов, призвали к ликвидации монархии. Х. Фатеми был настроен очень оптимистично, считая свержение Мохаммеда Реза шаха уже делом совершенным, он, в частности, говорил: «... Сегодня мы восстали и опрокинули позорное учреждение, основы которого были заложены английским полковником (имеется в виду Реза-шах. – С.А.) тридцать два года назад для защиты интересов Великобритании в отношении южной нефти Ирана. Сегодня вы

должны протянуть руку помощи отважному сыну нашего отечества доктору Мосаддыку, с тем, чтобы заложить основы нового Ирана, Ирана благоустроенного, свободного от иностранных заговоров. Соотечественники, слава аллаху, что последняя опора английского влияния, бесславный дворец Пехлеви, разрушен. Кроме вашей воли никакая иная воля не была бы в состоянии без всякого кровопролития уничтожить это гнездо интриг и позора» [73].

И все же правительство не приняло эффективных мер против заговорщиков. Еще многие участники разработанного К. Рузвельтом сценария заговора на арене не появились. Поэтому политическая ситуация оставалась не совсем определенной. Сам Мосаддык, фактически, уклонялся от публичного выступления против шаха и монархии. 17–18 августа демонстранты водрузили в ряде кварталов Тегерана красные флаги, снесли памятники Реза шаху и монумент Мохаммеду Реза Пехлеви. Манифестанты в Тегеране атаковали офисы противостоявших правительству групп. Они провозглашали антиамериканские лозунги. В Исфахане маршировавшие рядом с консульством США демонстранты восклицали: «Янки, уходите домой!». 17 и, особенно, 18 августа начальник Главного управления полиции столицы вывел на улицы Тегерана полицейские и воинские подразделения с целью подавления прокоммунистических и антимонархических выступлений. Таким образом, в результате активной подрывной работы американской и английской агентуры события приняли совершенно иное направление. Появившиеся на главных улицах столицы солдаты, вытесняя сторонников правительства и партии Туде, начали провозглашать лозунги: «Да здравствует шах!», «Смерть Мосаддыку!»

На следующий день, ранним утром 19 августа, развитие событий в столице приобрело для сторонников правительства и левых группировок еще более угрожающий характер. Из южных кварталов Тегерана в его центральную часть хлынула большая толпа манифестантов, состоявшая в основном из малоимущих городских слоев, пауперов и деклассированных элементов. Антимосаддыковская направленность выступления обнаружила себя сразу. Выкрикивая прошахские и враждебные в отношении Мосаддыка лозунги, участники шествия разгромили редакции проправительственных изданий, полностью сломали ворота дома премьера, захватили здания министерства иностранных дел и ряда других учреждений. Действиями участников шествия руководили

гангстеры из традиционных атлетических клубов – «Зурхане» («Дом силы»).

Ведущие участники шествия – уголовные элементы, вооруженные дубинками, ножами и другими подобными предметами, контролировали главные улицы и площади, организовывали нападения на активистов антимонархических демонстраций, на тудеистов и сторонников Мосаддыка. Шествие это, как впоследствии стало известно, организовано было аятоллой Бехбехани, полковником Кияни, отставным генералом Алови Мокаддамом на средства, предоставленные им агентурой ЦРУ. Вызванные генералом Таги Рияхи на помощь части тегеранского гарнизона перешли на сторону мятежников.

В течение нескольких часов на улицах и главных площадях столицы происходили кровавые столкновения между сторонниками правительства и мятежниками, выражавшими интересы шаха, придворных кругов и правых националистов. К вечеру верные Мосаддыку войска и сражавшиеся на стороне правительства жители столицы были зажаты в кольцо мятежниками (ими командовали американские советники, возглавляемые генералом Стюартом), ударной силой которых были хорошо вооруженные армейские подразделения, и сторонники правительства вынуждены были сложить оружие. Мосаддыку удалось скрыться. Однако на следующий день Мосаддык, Шаеган и некоторые другие члены кабинета и близкие Мосаддыку лица, скрывавшиеся в северной части Тегерана, Шимране, были захвачены мятежниками.

К. Рузвельт, один из главных организаторов переворота, склонен замалчивать ряд важных сторон этого события [74]. Среди них – прямое участие членов американской военной миссии в событиях августа 1953 г. Однако американский генерал Стюарт позже, во время одной официальной церемонии, поведал о той роли, какую сыграли члены миссии США в Иране во время переворота. «Когда кризис наступил, – рассказал Стюарт, – и дело шло к коллапсу (имеется в виду возможность победы антишахских сил. – С.А.), мы нарушили обычные порядки. Среди других шагов, предпринятых нами, было немедленное снабжение армии запасными одеялами, обувью, обмундированием, электрогенераторами, медикаментами, что позволило создать условия, в которых они (личный состав армейских подразделений С.А.) могли поддержать шаха... Винтовки, которые они держали в

руках, грузовики, на которых они проезжали, бронемашин, на которых они курсировали по улицам, средства связи, которые обеспечивали контроль, — все было им предоставлено по программе военной помощи. Если бы не было этой программы, то, вероятно, у власти сейчас там стояло бы правительство, недружественное США» [75]. Таким образом, представители американских вооруженных сил приняли непосредственное участие в устранении неугодного им правительства Мосаддыка.

Вывод Л. Элвелл-Саттона о том, что «настоящей причиной падения Мосаддыка был вовсе не вопрос о нефти, а скорее то, что он вынашивал замысел отстранить от участия в политике шаха и армию», кажется односторонним [76]. Принимая во внимание содержание всех впервые опубликованных за последние десятилетия документов и первоисточников, мы не располагаем сведениями о намерениях Мосаддыка на полное отстранение шаха от государственных дел.

Если исходить из сути рассматриваемого вопроса, то главной причиной, вызвавшей организацию антиправительственного заговора, был отказ Мосаддыка принять условия США и Англии в вопросе об иранской нефти.

Есть еще одно важное обстоятельство, на которое Элвелл-Саттон не обратил внимания. В июле 1952 г., «согласно воле народа» (по его утверждению), Мосаддык вновь возглавил правительство. Желая «устранить беспокойство Его Величества», он добровольно решился на следующий шаг. На форзаце экземпляра Корана он написал: «Пусть меня считают врагом Корана, если я буду действовать вопреки Основному закону и если соглашусь занять пост председателя республики в случае нарушения конституции и изменения режима в стране» [77]. Сделав эту запись, он отправил Коран шаху. В мемуарах Мосаддык вновь возвратился к этому вопросу, особо подчеркивая свою непричастность к антимонархическим выступлениям в августе 1953 г. Его главной политической целью, как он пишет, было восстановление полного права иранцев на собственную нефть. Кстати, проявление явной нерешительности и равнодушия, самоотстранение от активной деятельности в тревожные дни августа (когда не по его воле начались антимонархические выступления) свидетельствовали лишь об одном: он оставался верен своей клятве.

Во второй половине 1953 г., особенно в дни августовских

событий, фанатичная верность Мосаддыка своей клятве стала препятствием на пути развития антимонархического движения. Но, не разрушив шахский режим, не ликвидировав монархию, разрешить возникший политический кризис в пользу национального антиимпериалистического движения оказалось невозможным.

Отметим еще один серьезный аспект: в дни кризиса нерешительность стала характерной чертой и для руководства Народной партии Ирана (Туде). Имея в своих рядах сильную группу офицерства, Центральный комитет партии не пошел на решительные действия. Такое поведение руководителей Туде некоторые иранские авторы объясняют тем, что после смерти И. Сталина московские лидеры находились в смятении и не обращали должного внимания на происходящие в Иране политические процессы.

Важно то, что иранская сцена представляла собой «театр одного актера», и имя этого актера – доктор Мохаммед Мосаддык. Без его настойчивого призыва к свержению монархии иранский кризис мог завершиться только тем, чем он и закончился.

В то же время нельзя игнорировать мнение, что Мосаддыка было бы очень трудно устранить, если заметная часть политически активных иранцев к этому времени не потеряла веру в его способность эффективно управлять страной. Имело значение еще одно обстоятельство: в кризисные дни 17–18 августа, опасаясь усиления позиции левых, прежде всего просоветской партии Туде, правительство обрушило репрессии против них, а 18 августа были освобождены из-под стражи крайне правые деятели – участники недавнего заговора.

Интереснейшие данные относительно того, каким образом после первой неудачной попытки все-таки заговорщиками был совершен правительственный переворот, приведены в воспоминаниях генерала Таги Рияхи. Осенью 1953 г. он занимал пост начальника Генштаба иранской армии.

Т. Рияхи сыграл, как было отмечено, ведущую роль в разгроме антиправительственного заговора 16 августа 1953 г. По его приказу был взят под стражу руководитель заговора полковник Насири и разоружен находящийся под его командованием личный состав шахской гвардии. Рияхи отмечает, что после этого события Ф. Захеда, получивший текст указа шаха о его назначении главой правительства вместо отстраненного от этой должности Мосаддыка, утвердил в должности начальника Главного

управления полиции генерал-майора Мохаммеда Дафтари, племянника Мосаддыка. По словам Рияхи, приехав в резиденцию (дом) Мосаддыка, Дафтари обратился к нему со словами: «Ваше превосходительство, страна рушится, сделайте меня начальником полицейского управления, и я восстановлю в городе порядок и законность». А премьер, который относился к своему племяннику с доверием, позвонил Рияхи и попросил его издать приказ о таком назначении. Рияхи ответил, что делать этого не желает, поскольку он не доверяет Дафтари. Он еще добавил, что издание такого указа входит в обязанность министра внутренних дел, а не начальника Генштаба. Но когда Мосаддык настойчиво повторил свое указание, Рияхи требование премьера выполнил. Получив приказ о своем назначении, Дафтари немедленно покинул здание Генштаба. «Через час, – пишет Рияхи, – все полицейские машины начали курсировать по столице с портретами шаха...»

Согласно заключению Рияхи, ведущую роль в осуществлении переворота 19 августа 1953 г. (по иранскому календарю 20 мордада 1332 г.), в результате которого правительство Мосаддыка было насильственным путем отстранено от власти, сыграл генерал М. Дафтари, а не Кермит Рузвельт. В своей книге, посвященной августовскому перевороту в Тегеране, подчеркивает Рияхи, американский разведчик сильно преувеличил собственную роль в организации и проведении операции по смещению Мосаддыка.

* * *

Оценка вклада того или иного участника прошахского переворота, достигшего своей цели 19 августа 1953 г., не имеет особого значения для понимания сущности этого события. Осуществление переворота стало возможным в результате совместных выступлений всех реакционных и консервативных сил страны. Чрезвычайное место в этих событиях занимало то, что в подготовку переворота включились сам шах и президент США, а также руководители американских военных миссий, члены дипломатического корпуса НАТО, прежде всего США и Великобритании. Организаторы активно задействовали не только значительную часть правящего класса, но и представителей средних классов, ранее поддерживавших Мосаддыка.

Перед лицом консолидации всех сил, настроенных против Мосаддыка, не была преодолена разобщенность проправитель-

ственных групп. Наоборот, как центр силы правительство к осени 1953 г. лишилось многих своих сторонников, включая ряд организаций и социальных слоев. Восполнить политический вакуум в той или иной степени д-р Мосаддык мог бы только посредством обращения к народу за поддержкой. Но с таким призывом к народу он обратиться отказался.

Что касается американцев, то они своей роли как спонсора и главного организатора переворота никогда не отрицали. Тем не менее, откровения генерала Стюарта о непосредственном участии американской военной миссии в свержении правительства впервые были опубликованы в монографии проф. Роберта Энглера «Политика нефти» в 1969 г. А книга Кермита Рузвельта вышла в свет в 1979 г.

Движение за национализацию нефтяной промышленности явилось одной из самых ярких страниц в истории Ирана в XX столетии. Выражая общенациональные интересы и опираясь на широкую поддержку большинства иранцев, лидеры созданного Национального фронта под руководством выдающегося патриота д-ра Мосаддыка добились национализации английской нефтяной компании и передачи всех ее предприятий в собственность иранского государства. Однако вслед за этим успешным прорывом Мосаддыку, возглавлявшему иранское правительство, во имя полной реализации программы национализации нефтяной промышленности, включая выход ИННК на мировой рынок нефти, пришлось приступить к борьбе с международным нефтяным картелем, а точнее – поддерживавшими его правящими кругами Англии и США. В этом тяжелом противоборстве постепенно шах, придворные круги, господствующий слой Ирана, а впоследствии и правонационалистические группировки, включая первоначально поддерживавших Мосаддыка шиитских религиозно-политических лидеров, окончательно заняли сторону нефтяного империализма. Мосаддык и его верные соратники оказались перед дилеммой: или они должны были идти на серьезные уступки Западу, или же содействовать развертыванию широкого демократического движения, добиваясь значительных перемен в иранской политической системе.

Мосаддык, обладавший огромной популярностью, неоднократно выступавший за ограничения прерогатив шаха, в критический момент не сумел сделать решительный шаг. Точнее, у

него на это не хватило политической воли.

Может быть, прямому потомку Мозаффар ад-Дин шаха Каджара, каковым был Мосаддык, трудно было решиться на действия, которые могли привести к крушению в Иране монархии, о чем говорилось выше. По свидетельству Рияхи, извещая 16 августа 1953 г. Мосаддыка о побеге шаха и шахини из Рамсара в Рим, он задал ему тут же вопрос о том, что же может произойти в стране в связи с отъездом шаха и его супруги. Мосаддык ответил: «Следует принять меры с тем, чтобы они вернулись в Иран». Генерал был удивлен.

А вполне может быть, что находившийся в подавленном состоянии выдающийся иранский деятель в известной мере разделял муссируемые западной и правой иранской печатью прогнозы о том, что в случае отказа Мосаддыка идти на уступки Западу вероятность коммунистического переворота в Иране неизбежна. Окончательного ответа Мосаддык впоследствии на эти вопросы не давал.

В начале нового столетия сотрудником газеты «Нью-Йорк Таймс» Джеймсом Ризеном по Интернету была распространена небольшая заметка относительно роли ЦРУ в организации и проведении антимосаддыковского переворота 1953 г.

Данные этой заметки взяты из «Тайной истории», написанной американским иранистом Дональдом Уильбером в марте 1954 г.

В мае 1953 г. ЦРУ командировал Д. Уильбера на остров Кипр, где он совместно с Норманом Дарбиширом, шефом иранского отдела британской разведки, разработал начальный вариант плана переворота.

Согласно «Тайной истории», американцы дали согласие на предложение Британии об организации переворота в марте 1953 г. Уже 4 апреля директор ЦРУ Аллен Даллес распорядился о выделении одного миллиона долларов на подготовку акции, способной привести к падению правительства Мосаддыка. При этом предполагалось, что подобный переворот может быть осуществлен с помощью уличной толпы и отказом заметной части тегеранского гарнизона подчиниться премьеру.

В начале июня 1953 г. состоялась завершающая встреча разведчиков США и Англии, во время которой была уточнена стратегия предстоявшей операции. Для руководства деятельностью участников переворота в Тегеран прибыл шеф ближневосточного

и африканского отдела ЦРУ Кермит Рузвельт. Согласно плану, сотрудники отделения ЦРУ должны были спровоцировать в столице мятеж, во время которого шаху предстояло выпустить указы о смещении Мосаддыка и назначении на его место премьером отставного генерала Ф. Захеи.

План переворота в Тегеране был подписан президентом США 11 июля 1953 г. Однако 10 августа шах согласился встретиться с Ф. Захеи и несколькими другими высокопоставленными офицерами. Большая часть из них была уволена в запас Моссаддыком. 13 августа упомянутые указы были подписаны шахом.

Изложенная нами выше версия в основном соответствует дальнейшему развитию событий.

Текст Д. Уильбера дает возможность уточнить один важный момент в истории событий осени 1953 г.

Побег шаха из столицы на север, к побережью Каспия, а потом через Багдад в Рим не был согласован с ЦРУ. Эти действия Мохаммеда Резы были отрицательно восприняты американцами.

После заявления правительства Мосаддыка о подавлении заговора руководство ЦРУ направило К. Рузвельту срочную телеграмму, настоятельно призывая его немедленно покинуть Иран. Однако тот, успевший уже установить контакт со скрывавшимся на севере Тегерана Ф. Захеи и другими уволенными в запас генералами и офицерами, не спешил выполнить указание Вашингтона.

В тесном и активном сотрудничестве с Ф. Захеи, американскими военными советниками, недовольными правительством Мосаддыка иранскими генералами, К. Рузвельту, как уже было показано, удалось довести до логического конца антимосаддыковское выступление.

После почти полувека со времени насильственного свержения Мосаддыка в США нашлись государственные деятели, признавшие трагическое влияние организованного под руководством американского президента переворота в Тегеране на историческую судьбу Ирана. В действительности после переворота 1953 г. промонархическому слою при поддержке Запада удалось добиться упрочения диктатуры Мохаммед-Реза Пехлеви. Более четверти века продолжалось царствование шахиншаха в Иране «в тесном контакте» с правящими кругами США.

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШАХА МОХАММЕД-РЕЗА ПЕХЛЕВИ (1953–1977)

Переворот в августе 1953 г. привел к значительному изменению общественно-политической обстановки в Иране: пришел конец периоду своеобразного двоевластия, одной из главных черт которого было острое соперничество, а временами – противостояние, между шахским двором и правительством; было приостановлено дальнейшее развитие национально-либерального движения; началось восстановление полной авторитарной власти шаха и традиционного статуса господствующего слоя. Активное участие правящих кругов США в организации и осуществлении насильственного отстранения правительства Мосаддыка от власти создало базу для американского проникновения в Иран.

В октябре 1952 г., когда Мосаддык принял решение о разрыве дипломатических отношений с правительством Великобритании, обозначился конец периода, продолжавшегося свыше восьмидесяти лет, на протяжении которого Великобритания оказывала существенное воздействие на формирование политики иранского государства. После восстановления государственных отношений между Ираном и Великобританией в конце 1953 г. началось возрождение торгово-экономических и других связей между двумя странами. Однако Англия была не в состоянии подняться на прежнюю позицию, которую она занимала до начала 50-х годов.

6.1. Реставрация авторитарного шахского правления. Начало американской эры

После отстранения Мосаддыка от власти, согласно шахскому указу, премьер-министром был назначен отставной генерал

Фазулла Захе́ди. Новый премьер не был новичком в области политики. Еще в 20-е годы Захе́ди как офицер иранской армии принимал активное участие в подавлении антиправительственных выступлений в северных провинциях Ирана, а в 1924 г. участвовал в хузестанском походе, который возглавлял Реза хан, против непокорного шейха Хазаля. Став военным губернатором Хузестана (в прошлом Араби́стан), Захе́ди, подобно некоторым другим генералам из окружения Реза хана, быстро разбогател. В 1942 г. он был интернирован англичанами как один из руководителей прогерманской полуподпольной политической организации. При содействии шахского двора и появившихся в Иране американцев он не только был освобожден, но и вскоре получил высокую должность в иранской полиции. В начале 50-х годов Захе́ди, возглавлявший главное полицейское управление, во время выборов в меджлис XVI созыва оказал определенную услугу Национальному фронту. В первом правительственном кабинете Мосаддыка он получил портфель министра внутренних дел, но был вынужден уйти в отставку после расстрела полицией мирной демонстрации в июле 1951 г. С весны 1952 г. он приступил к активной оппозиционной деятельности против правительства Мосаддыка. В том же году английская разведка установила с ним тайные контакты.

Сразу после переворота президент США Д. Эйзенхауэр объявил о предоставлении новому иранскому правительству, возглавляемому Ф. Захе́ди, срочной безвозмездной помощи в размере 45 млн. долл. [1] Заручившись полной поддержкой двора и Запада, новое правительство обрушило жестокие репрессии против членов промосаддыковских и левых организаций, деятелей, известных своими антимонархическими взглядами. Тем не менее в течение всего 1953 г. еще продолжались разрозненные выступления оппозиции против правительства. Временами в них участвовали и предавшие Мосаддыка правые националисты, недовольные быстрым восстановлением дипломатических отношений с Англией (декабрь 1953 г.) и началом переговоров о нефти с представителями англо-американских компаний (октябрь 1953 г.). В октябре и ноябре 1953 г. антиправительственные демонстрации представителей тегеранского базара и студентов были подавлены с помощью полицейских и армейских подразделений. Несколько человек из числа демонстрантов было убито и ранено. В начале декабря 1953 г., во время разгона демонстрации на территории Тегеранского

университета, полицейскими было расстреляно трое студентов.

В декабре военный трибунал за игнорирование Мосаддыком «указа главы государства» о его смещении с поста премьера приговорил бывшего премьера к трем годам, а бывшего начальника Генерального штаба Рияхи к двум годам тюремного заключения.

Весной 1954 г. Кашани, Макки и другие лидеры правых националистов сделали попытку организовать массовые выступления против правительства Захеи. Однако начавшиеся по их призыву демонстрации не привели к изменению существовавшей ситуации. Двор и правительство к этому времени стали хозяевами положения, установив полный контроль над армией, полицией и жандармерией.

Сразу же после переворота под эгидой правительства США началось рассмотрение возможных путей разрешения проблемы иранской нефти. Непосредственно этим вопросом занимался советник госсекретаря по нефти Герберт Гувер-младший. В октябре 1953 г. Гувер подготовил предварительный текст концессионного соглашения по иранской нефти. В декабре 1953 г. в Лондоне представители семи крупнейших англо-американских нефтяных корпораций для организации добычи и сбыта иранской нефти решили создать Международный нефтяной консорциум (МНК). После долгих переговоров 31 августа 1954 г. соглашение о нефти между Ираном и Международным нефтяным консорциумом было парафировано. Поскольку это соглашение было оформлено без отмены законов о национализации нефтяной промышленности Ирана, его составителям пришлось приложить максимум усилий с тем, чтобы посредством виртуозных юридических формулировок скрыть его концессионную сущность.

Первоначально правительство Захеи предлагало иностранным компаниям ограничить свою деятельность сбытом иранской нефти, направив однако в ИННК своих представителей в качестве советников. Далее Захеи высказался за то, чтобы иностранные компании действовали при посредничестве международных организаций. Но английские компании и правительство Великобритании настаивали на прямом контроле также над добычей и переработкой иранской нефти. Иранские предложения были отвергнуты. Говард Пейдж, руководитель делегации англо-американских компаний на переговорах, после достижения принципиальных положений соглашения с иранской стороной (делегацию Ирана

возглавлял министр финансов д-р Али Амини), в ультимативном порядке потребовал ратификации соглашения иранским парламентом. Захеди пришлось уступить [2].

Для того чтобы создать «соответствующую обстановку» в стране на завершающих этапах переговоров с иностранными компаниями, осенью 1954 г. иранские власти усилили репрессии против демократических и оппозиционно настроенных лиц, в число которых входило большое количество профсоюзных деятелей и армейских офицеров. Из 660 арестованных по всей стране после переворота лиц 130 были бывшими работниками нефтяных предприятий в городе Абадане. Значительная часть арестованных офицеров были членами партии Туде [3].

Обсуждение в меджлисе проекта соглашения о нефти началось 19 октября 1954 г., после приведения в исполнение смертных приговоров группе офицеров – членов Туде. 29 октября соглашение было одобрено обеими палатами парламента и после утверждения шахом вступило в силу (против соглашения открыто выступили М. Дерахшеш в меджлисе и Лесани и Диванбеги в сенате). На следующий день была расстреляна вторая группа офицеров – членов Туде в составе шести человек и 8 ноября – третья (пять человек). 10 ноября по приговору военного трибунала был казнен Хосейн Фатеми – министр иностранных дел в правительстве Мосаддыка. Перед казнью он был подвергнут зверским истязаниям [4].

В октябре 1954 г. президент США вручил послу США в Иране Л. Гендерсону орден «За отличную службу» – высшую награду, присуждаемую сотрудникам госдепартамента. Посол был награжден «за важную роль, которую он сыграл в урегулировании англо-иранского конфликта». Американский журнал «Тайм», опубликовавший это сообщение и фотоснимок посла, в том же номере от 1 ноября 1954 г. поместил статью о продолжавшихся в Иране расстрелах противостоявших шаху деятелей, а также фотографию, изображавшую сцену расстрела группы иранских офицеров-тудеистов.

Все это явилось ознаменованием наступления новой, американской, эры в современной истории Ирана. Решающая помощь американского правительства шаху и господствующему классу в свержении правительства Мосаддыка обеспечила супермонополиям США внушительную долю в иранской нефти. Первоначаль-

но все акции МНК полностью принадлежали семи крупнейшим нефтяным компаниям Запада: 40% акций получила АИНК, которая вскоре стала именоваться «Бритиш Петролеум К°» (БП), 14% – англо-голландская «Ройял Датч-Шелл» (РД-Ш), 40% – американская «большая пятерка» («Стандарт Ойл оф Нью-Джерси», «Соко-ни Вакуум Ойл», «Стандарт Ойл оф Калифорния», «Тексас Ойл» и «Галф Ойл Корпорейшн»), 6% – французская государственная «Компани Франсез де Петроль» (КФП). Узнав, что в результате тайных переговоров крупнейшие нефтяные тресты США вкупе с «БП» и «РД-Ш» и «КФП» образовали международный консорциум для добычи, переработки и экспорта иранской нефти, ряд небольших американских нефтяных компаний подняли шум. Их представители подчеркивали, что создание подобного объединения является нарушением антитрестовских законов США [5].

Государственный секретарь США Джон Ф. Даллес открыто встал на сторону «большой пятерки» и выступил против применения антитрестовских законов в отношении указанных компаний. Тем не менее, поскольку дело получило большую огласку, в апреле девять американских нефтяных компаний («Гетти Ойл», «Америкен индепендент Ойл К°» и семь других «мелких» трестов) образовали объединение под названием «Ирикон Эдженси», которое получило 5% акций МНК из доли «большой пятерки». Этой уступкой американское правительство пыталось снять с себя ответственность за пособничество в организации многонациональной монополии [6].

МНК явился новым типом организации англо-американского капитала. Входившие в нее восемь компаний контролировали 99% производства сырой нефти в капиталистическом мире за пределами США. Условия соглашения, заключенного между Ираном и МНК, в некоторых важных пунктах соответствовали предложениям, сделанным АИНК иранскому правительству в 1951–1952 гг. и отвергнутым Мосаддыком. Так, соглашение устанавливало выплаты Ирану 50% суммы чистых прибылей компаний, входивших в консорциум. Вся промышленная и коммерческая деятельность была сосредоточена в руках компаний – членов консорциума. Срок действия соглашения был определен в 25 лет – до 1979 г.

Абаданский завод и примыкавшие к нему промышленные объекты передавались во временное пользование МНК. Распределительная сеть бывшего АИНК в Иране, небольшой нефтепере-

гонный завод в Керманшахе и промыслы в Нефтшахе за определенную компенсацию перешли в собственность Иранской национальной нефтяной компании.

ИННК формально предоставлялось право контролировать деятельность оперативных и коммерческих компаний в Иране, объединенных в МНК. Однако в целом соглашение не обеспечивало полный суверенитет Ирана над его нефтяными ресурсами, что предусматривалось иранскими законами, касавшимися национализации нефти. После свержения Мосадддыка они не были отменены.

Финансовая помощь входивших в международный консорциум нефтяных монополий, широкая сеть их коммерческих и транспортных организаций дали им возможность в кратчайший срок восстановить и резко увеличить добычу и экспорт иранской нефти. Соглашение с МНК позволило Ирану получить значительно большую сумму от нефти, чем в период существования АИНК. В 1950 г. АИНК, добыв 31,8 млн. тонн нефти, выплатила Ирану в качестве концессионных платежей 16 млн. ф. ст., то МНК в 1957 г., добыв 34,9 млн. тонн, выплатил тегеранскому правительству 75,4 млн. ф. ст. [7]. Однако наибольшую выгоду от иранской нефти получили компании МНК. Дело в том, что себестоимость иранской нефти была в несколько раз ниже себестоимости американской. Поэтому зарубежные компании были глубоко заинтересованы в резком увеличении добычи именно сырой нефти в Иране. Далее при дележе доходов основой служила цена на сырую нефть. В то же время компании МНК основную массу добываемой в Иране нефти сбывали в виде нефтепродуктов, в результате чего общая сумма прибылей, получаемых ими от иранской нефти, становилась во много раз больше, чем сумма, которая доставалась правительству Ирана.

Функционирование в Иране Международного нефтяного консорциума оказало сильное воздействие на политическую и экономическую ситуацию в стране. Возобновление деятельности нефтяной промышленности и начало экспорта нефти из зоны Персидского залива содействовали процессу консолидации правящего в Иране слоя вокруг шахского двора. Западные страны, прежде всего США и Англия, всемерно способствовали этой тенденции. Хотя США, как было отмечено, сразу после августовского переворота 1953 г. заявили о своем намерении оказать шахскому правительству всемерную финансовую помощь и поддержку, но

настоящая их активность в этой области началась лишь после ноября 1954 г., когда иранское побережье Персидского залива покинул первый танкер, нагруженный сырой нефтью [8].

С этого времени США приступили к оказанию систематической финансовой, военной и технической помощи и, конечно, политической поддержки возрождавшемуся шахскому режиму. Отныне США превращались в наиболее влиятельную внешнюю силу в Иране. В августе 1955 г. был заключен договор о дружбе, экономическом сотрудничестве и консульских отношениях между Ираном и США. Но для шаха этого было недостаточно. Ради упрочения своей власти он добивался более тесных связей с Западом, и особенно с США, рассматривая их гарантом сохранения монархии Пехлеви.

Намерение шаха установить широкие отношения с Западом имело под собой довольно твердое основание. Западные державы, главным образом США и Великобритания, оказали серьезную поддержку иранскому руководству во время советско-иранского кризиса, связанного с демократическим национальным движением в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане, и с советскими домогательствами в отношении так называемой «северной нефти» в конце Второй мировой войны. Западная, главным образом американская, поддержка и помощь имели чуть ли не решающее значение для выживания шахского режима в начале 50-х годов, когда конфликт между правительством Мосаддыка и АИHK в конечном итоге перерос в антагонистическое противостояние между шахом и главой иранского правительства. Исходя из этих обстоятельств, шах добивался официального закрепления союзнических отношений Ирана с Западом. Он не без основания полагал, что в результате такого сближения западные державы будут нести большую, чем прежде, ответственность за сохранение иранского режима. Шах также надеялся, что новые отношения позволят ему модернизировать вооруженные силы, которые показали свою политическую значимость во время конфликта двора с правительством Мосаддыка.

Усиление прозападной, точнее проамериканской, тенденции во внешней политике шаха было в немалой степени связано и с происходившими в регионе событиями. Расширение национально-демократического движения на Арабском Востоке, поддерживаемого социалистическим лагерем, провал тройственной (англо-

франко-израильской) агрессии осенью 1956 г. против Египетской Республики (благодаря твердой поддержке СССР Египта) и некоторые другие события подталкивали иранскую верхушку на военно-политический союз с Западом. Но руководство США в противостоянии с Советским Союзом не рассматривало Иран в качестве вероятного военного союзника.

Американский президент считал, что значительное усиление военного потенциала «страны шаха» окажется слишком тяжелым бременем не только для иранской экономики, но и для США. Может быть поэтому, когда в 1955 г. Великобритания, Турция, Пакистан и Ирак приступили к созданию военно-политического союза, он будто бы намеревался отговорить шаха от вхождения в это объединение. Но после подписания соглашений о сотрудничестве между Турцией и Пакистаном, между Турцией и Ираком в иранской печати и радио была развернута широкая кампания в пользу присоединения Ирана к создаваемому пакту.

Шах в своих устных высказываниях, а позже и в написанной им книге следующим образом объяснял тягу Ирана к союзу с западными державами и прозападными государствами Среднего Востока. Он утверждал, что нейтралитет, которого, согласно ему, придерживался Иран в области внешней политики в течение 150 лет ничего хорошего не принес. «Поэтому, – писал он, – необходимо смело избрать свой путь, чтобы, с одной стороны, приобрести себе достойных союзников, а с другой – добиться уважения других государств» [9].

Выбор шаха вызвал отрицательную реакцию как крайне правых сил, исламских экстремистов (группа «Федаян-е эслам»), так и левых – просоветской партии Туде. Обе эти организации действовали в подполье. Против вступления в пакт высказывались также не только находившиеся в эмиграции сторонники Мосаддыка из НФ, но и некоторые правые националисты (Хаеризаде, Хадженури и др.). В политических кругах Тегерана ходили слухи о том, что против вхождения Ирана в Багдадский пакт будто высказывался и Захе́ди.

Принимая во внимание сведения, полученные от своих англо-американских друзей, шах решил избавиться от генерала Захе́ди, которого он в августе 1953 г. был вынужден назначить главой правительства. Беззастенчивая коррумпированность стала чуть ли не главной чертой в деятельности первого послемосаддыковского

правительственного кабинета. В секретном отчете, отправленном в начале 1956 г. из английского посольства в Тегеране в Лондон, говорилось, что «имеется большое подозрение, что за последние месяцы нахождения у власти его (т. е. Захеда – С.А.) главной целью было набить свои карманы и карманы своих друзей» [10].

Преувеличивая свою роль в осуществлении правительственного переворота в августе 1953 г., в результате которого была восстановлена власть шаха, генерал и его сын Ардешир Захеда в обществе своих близких друзей называли себя «таджбахш» (в переводе с перс. «даровавший корону»). Во время одной из личных встреч с британским послом Ф. Захеда мимоходом указал на «неискренность и интриганство» шаха, но тут же, видимо опомнившись, добавил, что «шах имеет для Ирана существенное значение и нельзя сменить шаха всякий раз, когда это кому-то хочется». [11] Судя по имеющимся данным, Ф. Захеда добровольно не пожелал уйти в отставку. Шаху пришлось оказать на него сильное давление. Отстранение генерала стало для шаха неизбежным после получения данных из внутренних и иностранных источников. Но скрытные происки Захеда с целью сохранить свой пост изменить что-либо не могли. Окончательное решение о его отстранении шахом уже было принято. Захеда ничего не оставалось, как подать в отставку.

На посту премьер-министра его сменил Хосейн Ала (17.VII.1956), бывший министр двора, один из близких шаху придворных деятелей старшего поколения. Он был выходцем из аристократического рода Каджаров. Еще в 1919 г. он был направлен в США в качестве посланника, где ему удалось заручиться определенной поддержкой американской администрации в вопросе, касавшемся участия Ирана в работе Парижской мирной конференции. По поручению премьера Кавам ос-Салтане он подписал в США соглашение о деятельности американской финансовой миссии в Иране. Миссию возглавил известный эксперт по налогово-финансовым вопросам д-р А. Мильспо. Впоследствии он входил в состав иранских правительств, возглавлял дипломатические представительства в Париже, Вашингтоне и т. д.

Возглавив правительство, Х. Ала успешно выполнил возложенную на него шахом миссию – организовал вступление Ирана в Багдадский пакт. При этом за свои энергичные действия в этой области он чуть не поплатился жизнью. Перед самым отъездом в

Багдад, где должна была состояться церемония оформления официального вхождения Ирана в пакт, он был слегка ранен членом организации «Исламские феодалы» [12].

Возглавляемое Х. Ала правительство предприняло новые шаги в области развития ирано-американских политических отношений. Оно одобрило «доктрину Эйзенхауэра». Визит в декабре 1956 г. американского президента явился новым выражением возмущения поддержки шаха правительством США. Оказываемая в конце 50-х гг. по различным линиям помощь шахским властям со стороны Вашингтона имела огромное значение для известной стабилизации внутривластного положения в Иране. Однако время от времени вновь давала о себе знать политическая напряженность. Американские друзья постоянно напоминали шаху о необходимости общественно-политических реформ.

С присоединением Ирана к Багдадскому пакту четко определился внешнеполитический курс режима. Несколько позже руководители окрестили линию иранской политики «позитивным национализмом». Сам глава государства противопоставлял новый курс «негативному равновесию» Мосаддыка (т. е. отрицательному отношению к противостоянию великих держав и к вызывавшим напряженность международным конфликтам). Доктор Мосаддык полагал, что Иран может плодотворно развиваться лишь в обстановке политической разрядки, поэтому должен соблюдать нейтралитет в условиях возмущения напряженности между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком, своей политикой способствуя сохранению мира. Шах отвергал идею «негативного равновесия» как несостоятельную с точки зрения интересов Ирана. Он утверждал, что сторонники Мосаддыка, настойчиво выступая против Великобритании, будто в то же время открыли двери «для проникновения в Иран коммунизма».

Характеризуя идею Мосаддыка о нейтралитете как «пассивный национализм», как политику самоизоляции, шах утверждал, что «позитивный национализм... подразумевает политику максимальной политической и экономической независимости, совместимую с интересами определенного (инострannого) государства. В то же время позитивный национализм не предполагает политику неприсоединения или выжидания» [13].

Шах также отмечал, что его страна готова «принять дружбу любого государства». При этом он подчеркивал огромное значе-

ние американской поддержки для сохранения существовавшего в Иране политического строя, особенно в августе 1953 г. (речь идет об антимосаддыковском перевороте. – С.А.).

6.2. Хрущевская инициатива

Преобладание в иранской внешней политике явно проамериканской ориентации, однако, не помешало шаху позитивно относиться к предложениям советского руководства, направленным на улучшение взаимоотношений между двумя государствами. Эти предложения были сформулированы по инициативе и при участии Н. С. Хрущева, нового советского руководителя. В декабре 1954 г. было заключено соглашение по пограничным и финансовым вопросам. В частности, были удовлетворены справедливые финансовые претензии Ирана, связанные с периодом Второй мировой войны [14]. Были разрешены и некоторые другие спорные вопросы.

В апреле 1957 г. в Тегеране были подписаны протоколы о декларации редемаркации советско-иранской границы, а также соглашение о транзите через территорию СССР. В августе того же года было заключено соглашение о совместном использовании ирригационных и энергетических ресурсов пограничных участков рек Аракс и Атрек, а в январе 1958 г. – соглашение о железнодорожном сообщении между Москвой и Тегераном. Однако выполнение некоторых соглашений, заключенных с Советским Союзом, иранской стороной затягивалось, что отчасти было связано с дальнейшим сближением Тегерана с Вашингтоном.

Американцы продолжали оказывать Ирану финансовую помощь. Иранская армия получала из Америки также вооружение и военную технику. Но объем поставок не удовлетворял иранских руководителей. Шах усердно добивался вступления США в Багдадский пакт. Однако вначале Дуайт Эйзенхауэр отрицательно относился к предложениям шаха. Это было связано с тем, что заключение американских экспертов относительно шахского режима носило негативный характер. В аналитических записках и статьях они обращали внимание на рост авторитарности шахского правления и расширение масштабов коррупции среди руководителей властных структур, особенно среди членов правительственного кабинета. Подчеркивалось: иранские лидеры не сумели эффективно воспользоваться нефтяными поступлениями и особенно американской помощью. Американцы полагали, что

шахская армия в критической ситуации будет не в состоянии выполнить роль союзника США и НАТО [15].

В то же время происходившие на Арабском Востоке значительные политические перемены 50-х годов вызвали усиление советского влияния в регионе. Американская реакция на эту ситуацию нашла свое воплощение в провозглашенной 5 марта 1957 г. так называемой «доктрине Эйзенхауэра». Президент писал о необходимости оказания помощи государствам Среднего Востока в «укреплении их национальной независимости от угрозы коммунизма». Америка решила расширять свое официальное сотрудничество с восточными участниками Багдадского пакта.

Попытка реализации военно-политических задач Багдадского пакта на деле обернулась его развалом. В июле 1958 г., в связи с антизападными выступлениями в Ливане, король Иордании Хусейн попросил у иракских властей военной поддержки. Однако офицеры девятой иракской бригады, получившие приказ о направлении в Иорданию, подняли мятеж и двинулись в Багдад. В столице они объявили о свержении короля Фейсала II и торжественно провозгласили образование Иракской Республики. Это событие получило название «Революция 14 июля 1958 года». Король Ирака Фейсал II, его регент Абдулла, премьер-министр Нури Саид и ряд других представителей правящей династии были казнены [16].

В руководство республики вошли офицеры – приверженцы идей арабского национализма. Иракская Республика вышла из Багдадского пакта. Военный союз сохранился. Он получил новое название – «Сентрал Трити Организейшн» – СЕНТО.

Новое иракское руководство ликвидировало иностранные военные базы и разорвало неравноправные соглашения с Великобританией. Изменилась нефтяная политика республиканского правительства.

В регионе сложилась новая геополитическая ситуация.

Между Ираном и Иракской Республикой с самого начала возникли серьезные разногласия по пограничным и другим вопросам. На осложнение этих разногласий значительное воздействие оказывали проблемы Персидского залива, связанные с усилением борьбы западных компаний за богатые нефтяные месторождения в континентальном шельфе. Немаловажное значение имело и предстоявшее вынужденное предоставление Великобританией государственной независимости ряду стран арабской части залива.

Происходившие на Среднем Востоке перемены спровоцировали советских лидеров на ответные действия. Рассматривая заключенные с Ираном в конце 50-х годов соглашения как солидную политико-экономическую базу, председатель советского правительства Н. Хрущев решился на прорыв в отношениях с Тегераном. Ещё во время визита иранского монарха в СССР летом 1956 г. советское руководство прозондировало возможность заключения с шахом нового всеобъемлющего договора. По сути, он должен был служить целям переустройства советско-иранских отношений. При этом наиболее важным мотивом для СССР было желание предотвратить военное присутствие американцев в Иране.

Уже в начале переговоров выяснилось, что участие Ирана в СЕНТО является главной преградой для заключения с Тегераном документа под рабочим названием Договор о дружбе и ненападении. В случае выхода Ирана из пакта советское правительство было готово денонсировать статьи 5 и 6 советско-иранского договора 1921 г. [17]. Во время переговоров выражалась надежда на рассмотрение и ряда других вопросов: о судоходстве на Каспии, о советско-иранском договоре 1927 г. и др.

Переговоры по советско-иранскому соглашению происходили в Тегеране. Они начались 30 января 1959 г. К этому времени обе стороны уже представили свои проекты. Ожидалось, что в Тегеране будет утвержден текст договора, поскольку у сторон не было серьезных возражений по проектам. Однако в ходе переговоров возникли острые разногласия, которые не удалось разрешить [18].

Дело в том, что «мирный демарш» Н. Хрущева в отношении шахского Ирана был актом запоздалым.

Со времени официального визита шаха в СССР в 1956 г. международное положение Ирана существенно изменилось. Прежде всего, оно было вызвано политикой Иракской Республики. Новое руководство Ирака, пришедшее на смену прозападной монархии, полностью переориентировало внешнюю и военную политику. Иракский лидер генерал Абдулкарим Касим значительно увеличил численность вооруженных сил. Особое значение для Багдада приобрели отношения с Советским Союзом, который стал главным источником поставок вооружения и военной техники.

Политическое влияние Москвы особенно возросло после возвращения из СССР на родину Моллы Мостафы Барзани и подъема курдского национального движения. Этому также способ-

ствовало возобновление деятельности Иракской коммунистической партии [19].

Подобное развитие событий вызвало тревогу у шаха и его окружения.

Принимая во внимание происходившие в регионе события и учитывая господствовавшее в высших кругах иранской столицы смятение, в ходе тегеранских переговоров глава советской делегации В. Семенов поднял вопрос о необходимости выхода Ирана из «агрессивного пакта» СЕНТО. Шах, принимавший личное участие в некоторых заседаниях, своими короткими ремарками исключал эту возможность. При этом он утверждал, что пакт носит оборонительный характер. Советская делегация продолжала настаивать на своем требовании. Такая линия поведения хрущевской дипломатии содержала в себе отпечаток наивности и недальновидности, нехарактерными для такого уровня переговоров. К этому времени уже было очевидно: шах решил идти в фарватере политики Вашингтона. Поэтому не совсем понятно, на что рассчитывал советский лидер, когда продолжал настаивать на выходе Ирана из СЕНТО.

Последняя встреча двух делегаций происходила в доме министра иностранных дел Ирана Али Аскера Хекмата. Она превратилась в настоящую перебранку. В своем пространном выступлении В. Семенов, по существу, обвинил шаха в двурушничестве. В тот же день, 11 февраля, переговоры завершились безрезультатно и делегация вернулась в Москву [20].

Шах действительно продемонстрировал искусство коварной игры. Во время переговоров он продолжал вести тайную переписку с американским президентом. Позже, в начале сентября 1959 г., Н. Хрущев пригласил к себе полномочного посла Ирана в Москве Масуда Ансари. Выражаясь советской терминологией, советский лидер «клеил» Америку, шаха и блок СЕНТО. При этом он сообщил послу, что у него имеется копия послания президента США шаху, в котором тот призывал Мохаммед-Резу отказаться от подписания договора о дружбе и ненападении. Хрущев пытался убедить посла, что Иран, подписав договор с Советским Союзом, мог бы получить во много раз больше дивидендов, чем обещанная американцами помощь [21].

После провала переговоров в Тегеране советско-иранские отношения вступили в новую полосу своего кризиса.

Ирано-американское соглашение было подписано уже 5 марта 1959 г. С точки зрения военного сотрудничества двух стран к наиболее важным условиям относился пункт о прямой вооруженной поддержке американским правительством шахского режима. В соглашении говорилось, что в случае агрессии со стороны какого-либо третьего государства Соединенным Штатам Америки предоставляется право предпринимать на иранской территории все необходимые меры для ее отражения, включая прямое использование вооруженных сил [22]. Заключение ирано-американского военного соглашения позволило шаху приступить к выполнению важной для него задачи – модернизации вооруженных сил.

6.3. Реорганизация силовых структур

Рассматривая армию как главную политико-силовую опору режима, шах в послемосаддыковский период стал придавать большое значение реорганизации полиции и спецслужб, с помощью которых в стране начались жесткие систематические репрессии по отношению к оппозиционным группам и инакомыслящим. Среди подобных структур самой значительной стала «Организация безопасности и информации страны» («Сазман-е амният ва иттилаат-е кешвар», сокращенно САВАК).

Формирование этой организации началось при помощи американских экспертов и специалистов в 1955 г. Официально закон об учреждении САВАК был утвержден парламентом в 1957 г. В нем в качестве главных целей организации объявлялись: сбор необходимой информации для защиты национальной безопасности; предотвращение деятельности групп, идеология которых противоречит принципам конституции; предотвращение заговоров, направленных против безопасности и т. п. Естественно, под понятием «национальная безопасность» в тексте закона подразумевалась безопасность верховной власти шаха и в целом безопасность существовавшей иранской политической системы. Сотрудники САВАК, согласно закону, являлись военнослужащими и имели военные звания. В подготовке и повышении квалификации сотрудников организации, помимо американских, значительную помощь Ирану оказывали спецслужбы Англии, Израиля и Турции. Появившиеся после антишахской революции 1978–1979 гг. в иранской прессе секретные материалы из архива САВАК, а также данные из различных иранских и иностранных изданий, касающиеся

истории последних лет правления шаха, свидетельствуют, что сотрудники и агентура организации вели систематическую слежку не только за оппозиционными организациями и деятелями, за инакомыслящими, но фактически и за всеми высокопоставленными государственными служащими, лояльными к шаху политическими деятелями, журналистами, предпринимателями, писателями и т. д. [23]. Не полагаясь полностью на САВАК, шах в 1958 г. учредил специальную «шахскую инспекцию», назначив ее руководителем своего друга, генерала Х. Фардуста, товарища по учебе в Швейцарии. Эта организация предоставляла монарху данные относительно «темных сторон» в деятельности иранской элиты [24].

За короткий срок САВАК снискал себе дурную славу. В его застенках к заключенным применялись самые изощренные пытки. Американский автор Б. Рубин не исключает того, что «технике пыток» сотрудники САВАКа были обучены специалистами из ЦРУ [25]. С целью устранения представителей оппозиции сотрудники САВАК проводили своеобразные «превентивные» меры. Так, организовывались рейды в предполагаемые места встреч членов оппозиционных групп и левых партий. В случае обнаружения в таких местах находившихся в розыске лиц они без предупреждения уничтожались. А в отчетах или сообщениях для СМИ подобные действия сотрудников САВАКа объяснялись тем, что якобы последние открыли огонь в ответ на вооруженное сопротивление участников встречи.

Написанные и опубликованные властями ИРИ после крушения шахского режима мемуары генерала Х. Фардуста содержат большое количество сведений относительно сотрудничества и связей ведущих деятелей шахского Ирана с представителями западных держав, главным образом США и Великобритании. Но среди них, с точки зрения раскрытия особенностей правления Мохаммеда-Резы Пехлеви, немалый интерес вызывают данные, которые позволяют вскрыть методы использования получаемых у разведслужб сведений в личных интересах, прежде всего для упрочения своей верховной власти. Х. Фардуст, например, пишет о том, что, получая от него данные относительно фактов казнокрадства, коррупции и других неблагоприятных действий среди представителей высшего эшелона власти, шах на них порою не реагировал. На первых порах у генерала это вызывало удивление, поскольку как глава шахской инспекции он вел тайное расследование деятельности

определенных лиц или организаций по поручению самого шаха. Но все стало на свое место, когда глава шахской инспекции понял, что подобная информация порой использовалась шахом для того, чтобы держать свое близкое окружение и всю политическую верхушку в повиновении и постоянном страхе.

САВАК и лично шах имели систематические контакты с ЦРУ, Моссадом и западноевропейскими спецслужбами. Порою получаемые из западных спецслужб сведения имели для главы государства исключительное значение. Так, когда могущественный руководитель САВАКа генерал Теймур Бахтияр во время поездки в США в доверительных беседах с американскими коллегами допустил нелояльные высказывания в отношении главы государства, то американцы немедленно сообщили об этом шаху. Почуввав опасность, Бахтияр бежал из Ирана. Он создал антишахский центр в Ираке, в деятельности которого принимали участие, в частности, представители партии Туде. Но через некоторое время Бахтияр был убит подосланными из Тегерана саваковцами [26].

Совершенствуя и расширяя деятельность репрессивных органов, шахский режим, с целью разгрома оппозиционных организаций, воспользовался также «законными» мерами. В 1957 г. легальная деятельность партии «Иран», входившей в НФ, была запрещена на базе антикоммунистического закона от 1931 г. И так как партия «Иран» никогда не следовала в своей деятельности коммунистической идеологии, поводом для ее запрещения послужило будто бы имевшее место в конце 40-х годов политическое сотрудничество ее руководства с партией Туде (Народная партия Ирана), носившее эпизодический характер.

В результате последовательных политических мероприятий, среди которых первостепенное место имело подавление и разгром всех нелояльных шахскому режиму течений и организаций, шахский двор и послушное ему правительство стали хозяевами положения. Иранский меджлис фактически лишился законодательной инициативы и права контроля над деятельностью исполнительной власти. В новых условиях члены меджлиса и сената во все большей степени превращались в послушное орудие в руках шаха и правительства. Были сведены на нет свобода печати, слова, собраний и митингов.

Упрочение позиций шаха, расширение его прерогатив как главы государства происходило без каких-либо изменений в кон-

ституции и законодательных актах. Эта тенденция иранской политической жизни была непосредственно связана с финансовой, военной и политической поддержкой иранской верхушки, и прежде всего шаха, со стороны правительств США и Великобритании. В то же время превращение Ирана в полицейское государство вызывало во многих странах, как в социалистических, так и капиталистических, заметное недовольство. В политических и университетских кругах США выражалось беспокойство по поводу того, что драконовские меры правительства шаха могут подтолкнуть промосаддыковские национально-патриотические силы к тайному сотрудничеству с Советским Союзом [27]. На страницах крупнейших американских периодических изданий обращалось внимание на то, что, несмотря на рост получаемых от нефти валютных поступлений и на увеличение помощи из Запада, положение малоимущих и неимущих слоев в стране ухудшалось. В качестве главных причин такого положения указывались рост казнокрадства, коррупции, а также неэффективность деятельности государственного сектора в области экономики. [28]

В то же время шах и его окружение из числа политической элиты избегали сделать серьезный шаг в этом направлении. Они опасались неожиданных результатов подобных сдвигов. Шаху казалось, что он сумеет упрочить свою верховную власть, если Х. Ала, страдавший недугами, уйдет в отставку, его место займет политик, лично преданный шаху и покорный, но энергичный, изворотливый, способный содействовать росту авторитета властных структур и повышению эффективности входящих в государственный сектор плановых организаций, ИННК и других производственных учреждений. Выбор пал на Манучехра Эгбала. Он был выходцем из богатой семьи землевладельцев из Мешхеда. Отличался своим последовательным монархизмом и враждебностью к партии Туде и Советскому Союзу. По профессии Эгбал был врачом, но имел большой опыт работы в различных областях, включая нефтяную промышленность. Неоднократно руководил тем или иным министерством. В начале апреля 1956 г. он стал главой нового правительства.

6.4. Реформа как средство в политике манипулирования и усиление личной диктатуры шаха

Наиболее «значительным» политическим мероприятием правительства М. Эгбала стала разработка законопроекта о реформе

в области крупного землевладения. 6 декабря 1959 г. был опубликован законопроект. Текст реформы показывал, что его авторы остались верны своим интересам: существенной чертой законопроекта оказалась его ориентация на сохранение полуфеодалного характера аграрных отношений. Иными словами, законопроект скорее можно было бы назвать «реформой без реформы». Он устанавливал максимум частного землевладения в 300 га поливной или 600 га богарной земли. Не подлежали отчуждению фруктовые сады и земли, обрабатываемые с помощью машин и наемных рабочих. Государство обязывалось выкупить отчужденные земли у помещиков и получить эти средства у новых собственников, т. е. крестьян. Но даже подобный законопроект, оставлявший за крупными помещиками огромные участки, оказался не по душе членам иранского парламента, абсолютное большинство которых были связаны с крупным землевладением. Тем не менее комиссия меджлиса, на рассмотрение которой поступил законопроект, увеличила предел частного землевладения до 400 га поливной и 800 га богарной земли. Весной 1960 г. законопроект был принят обеими палатами парламента, а затем утвержден шахом.

Принятие закона 1960 г. вызвало резкую отрицательную реакцию у выражавших интересы крупных землевладельцев политиков. В многочисленных публикациях они пытались доказать, что расчленение крупных владений не окажет позитивного воздействия на развитие сельскохозяйственного производства.

Уменьшению эффективности начатой реформы содействовал и ряд других факторов. Размер многих земельных владений не был документально зафиксирован, т. к. в стране кадастровая служба была на низком уровне. Иногда даже владельцы в точности не знали размеры своих владений. Это отчасти объяснялось и тем, что в Иране многие плодородные земельные участки находились в совместном владении нескольких лиц. Такой вид собственности обозначался термином «муша». Наконец, еще в процессе разработки закона о реформе многие крупные полуфеодалные помещики передали или продали значительную часть своих земельных владений родственникам и близким. Одним словом, вопреки шумной кампании, правительство Эгбала и члены иранского парламента отказались предпринимать серьезные шаги по осуществлению реформы в сфере аграрных отношений.

В целом неутешительными для иранского общества были и

результаты проводимой правительством политики «открытых дверей» в области торгово-экономических связей с ведущими промышленными странами Запада. Эта политика оказалась, прежде всего, выгодной иностранным монополиям и отчасти иранской компрадорской буржуазии, вызвав скорее обострение социально-экономических проблем, а отчасти став причиной спада в промышленном секторе. По свидетельству одного американского автора, дипломаты США советовали иранским руководителям кредиты и другие средства, предоставлявшиеся правительствами и финансовыми институтами Запада, прежде всего направлять для развития производства, а не растрачивать их на импорт товаров широкого потребления. Но ведущие силы главного торгового центра страны – тегеранского базара – продолжали отдавать предпочтение традиционным внешнеторговым операциям.

В общей сложности, несмотря на систематический рост поступлений от нефти и увеличение получаемой по разным каналам иностранной помощи, в социально-экономической жизни страны заметных позитивных сдвигов не произошло. Более того, к концу 50-х – началу 60-х гг. государство испытывало серьезные финансовые трудности. Усилилось недовольство политикой правящей верхушки как неимущих и малоимущих слоев, так и иранской национальной буржуазии. Главе государства вновь приходилось искать пути для улучшения имиджа верховной власти. Однако если исходить из свидетельств некоторых представителей правящей верхушки, то личное участие шаха в работе созданного в эти годы высшего экономического совета, скорее было связано с его нежеланием выпустить из рук комиссионные при заключении крупных контрактов с иностранными фирмами.

Не менее существенное значение имело другое обстоятельство. Одной из характерных черт «американской эры», наступившей после переворота 1953 г., стало беспрецедентное усиление роли шаха в разрешении основных как политических, так и экономических проблем страны. В частности, все основные посты в правительстве и в других ветвях власти предлагались или санкционировались шахом. М. Эгбаль стал первым премьером, который без каких-либо колебаний считал себя слугой шаха. Тем не менее «шахиншах» («шах шахов») не давал ему какой-либо самостоятельности в области исполнительной власти. Ибо сохранение и использование в своих интересах существовавшей вражды

и соперничества между видными представителями политической элиты было важнейшим инструментом в руках монарха. Поэтому было естественным, что даже политики – первые лица страны временами пытались найти поддержку у США и Англии. Эгбаль, который благодаря своей ловкости в 50-х годах дольше всех сумел сохранить пост главы правительства, во время встречи с английским послом сетовал на шаха за то, что он ему до сих пор полностью не доверяет. «Я ему, – говорил премьер, – в течение многих лет продолжаю служить верой и правдой» [29]. На деле М. Эгбаль пользовался доверием шаха.*

Характерно и то, что, опираясь на шаха, М. Эгбаль в период своего премьерства добивался перехода «Плановой организации» в прямое подчинение правительству. Этот вопрос был разрешен в пользу правительства тогда, когда руководитель «Плановой организации», видный иранский финансист А. Эбтехадж, во время одной зарубежной поездки высказал ряд критических замечаний в адрес проводимого иранским правительством и шахом экономического курса.

Но ни расширение полномочий его правительства, ни упрочение связей с США, ни подобострастное угодничество перед шахом не смогли стабилизировать политические позиции Эгбаля.

Желая как-то смягчить внутривластную напряженность, по указанию главы государства в конце 50-х годов были образованы две партии: «Меллион» («Националисты») и «Мардом» («Народ»). Первую возглавил премьер-министр М. Эгбаль, другую – один из приближенных шаха А. Алам. Обе партии, провозглашая верность шахскому режиму и военно-политическому союзу с Западом, в своих программных документах выступали за общественные реформы, в частности в области аграрных отношений. Однако в действительности усилия каждой из двух группировок правящих классов были направлены главным образом на достижение успеха на выборах в меджлис XX созыва, которые должны были состояться осенью 1960 г., ибо от этого успеха зависело, кто из лидеров двух партий возглавит кабинет министров. Ввиду явных фальсификаций, допущенных правительством М. Эгбаля в

* Это подтверждается тем, что после провала политического курса правительства Эгбаль был назначен главой Иранской национальной нефтяной компании. Одним словом, как гласит поговорка, «волку было поручена охрана ягненка». Этот пост он сохранял вплоть до своей смерти в 1977 г.

ходе выборов, их результаты были опротестованы. В конце концов шаху пришлось аннулировать результаты выборов.

Разногласия в верхах содействовали росту популярности оппозиционных сил – буржуазных и мелкобуржуазных группировок, примыкавших в своем большинстве к платформе Национального фронта. Под давлением критических выступлений общественности как внутри страны, так и в эмиграции в 1961 г. власти были вынуждены согласиться на легализацию НФ и входивших в него организаций, которые были запрещены после переворота 1953 г. Учитывая неустойчивое положение правящей верхушки Ирана, США в тот период пошли на установление негласных политических контактов с умеренными лидерами буржуазной оппозиции. Некоторые авторы не без основания прямо связывали временную легализацию НФ с американской политикой. Американскими дипломатическими и спецслужбами в Тегеране были составлены обширные досье на всех видных представителей буржуазной оппозиции. В указанные досье были включены протоколы тайных интервью с подобными деятелями [30].

В условиях продолжавшегося кризиса в верхах, вызвавшего обострение отношений между партиями Эбала и 'Алама, шах в конце августа 1960 г. поручил сформировать правительство Джафару Шарифу-Имами, крупному бизнесмену и близкому к шахскому двору политическому деятелю [31]. В состав кабинета вошел ряд деятелей, тесно связанных с промышленно-банковскими кругами. Этим шахский двор намеревался смягчить позицию руководителей буржуазной оппозиции и преодолеть возникший политический кризис. Однако указанные действия успеха не имели. Поэтому, сохраняя контакты с либеральными деятелями из руководства НФ и примыкавших к нему организаций, правительство, по указанию шаха, стало проводить в отношении буржуазных оппозиционеров, требовавших восстановления демократических свобод, более жесткий курс. Тем не менее, первые месяцы 1961 г. Были отмечены массовыми выступлениями сторонников НФ против властей.

В таких условиях были проведены повторные выборы в меджлис. НФ и близкие ему организации их бойкотировали. В Тегеране в выборах приняло участие лишь 10% избирателей. Политическое брожение продолжалось. Особенно активно против властей выступали представители средних городских слоев и студенчество. 2 мая 1961 г. около 4 тыс. учителей средних школ вышли

на демонстрацию, требуя повышения заработной платы. Во время столкновения с полицией один демонстрант погиб. Этот случай вызвал дальнейшую активизацию массовых выступлений в столице. В них принимали участие студенты, учащиеся средних учебных заведений, представители городских средних слоев – сторонники НФ. Хотя власти жестоко подавили антиправительственные выступления, правительство Дж. Шарифа-Имами было вынуждено уйти в отставку (4.V.1961). Результаты выборов были вновь аннулированы.

Все это еще более накалило политическую обстановку в столице. Помимо НФ, которым руководил в тот период либеральный деятель Аллаяр Салех, значительную активность проявляло «Движение за освобождение Ирана». В деятельности данной организации активное участие принимал оппозиционно настроенный шиитский авторитет аятолла Махмуд Талегани. Лидеры группировки выступали за восстановление конституционных свобод и за немедленные всеобщие свободные выборы в парламент. Они требовали проведения самостоятельного внешнеполитического курса, отвечающего национальным интересам. Они заявляли, что сотрудничество со всеми государствами, активное участие в движении афро-азиатской солидарности, поддержка народов, борющихся против всех видов колониализма, должны стать важнейшими элементами иранской внешней политики. Руководители «Движения за освобождение Ирана» призывали отказаться от «опоры на иностранцев» и исходить из «политических, этических и социальных принципов ислама». Социальную базу оппозиционного движения составляли, главным образом, представители «традиционных» городских средних слоев, демократическая интеллигенция, студенты, учащиеся и городские низы [32].

Положение правительства осложнялось еще и тем, что оно испытывало серьезные валютно-финансовые трудности. Несмотря на рост доходов от нефти и увеличение государственных капиталовложений в развитие инфраструктуры, на протяжении второй половины 50-х годов в экономическом положении страны не наблюдалось заметных позитивных сдвигов. Исключением был лишь рост деловой активности частного капитала в городах.

Не в пользу режима в начале 60-х годов складывались и ирано-американские связи. Политика президента Дж. Кеннеди в отношении Ирана ослабляла надежды шахского правительства на

помощь и поддержку США. Весной 1961 г. во время встречи с шахом специальный посланник президента США А. Гарриман дал понять Мохаммед Резе, что для стабилизации положения в Иране необходимы определенные перемены, в частности налоговая реформа и хотя бы для видимости демократизация общественно-политической жизни страны. Дж. Кеннеди не желал увеличивать финансовую и военную помощь Ирану для модернизации и укрепления его вооруженных сил, тогда как шах именно это считал своей первостепенной задачей. Эти вопросы стали основным предметом переговоров во время поездки шаха в США, состоявшейся позднее, в апреле 1962 г. [33].

Валютно-финансовый и последовавший за ним политический кризис, неспособность правящих кругов добиться политической стабильности и, наконец, отказ США расширить прямую поддержку режиму – все это свидетельствовало о приближении критической полосы для правящей верхушки Ирана и, прежде всего, для самого шаха. Осознав, что на прежней социальной базе, без подлинных перемен в экономике и политике, сохранить в своих руках власть невозможно, шах и его окружение из числа старой аристократии и крупной буржуазии решили безотлагательно приступить к осуществлению реформ, идея которых ранее использовалась в основном в целях социальной демагогии и манипулирования общественным мнением.

6.5. Американское вмешательство и аграрная реформа

Появлению новых веяний в иранской политике в известной степени способствовали внешние факторы, в частности июльская революция 1958 г. в Ираке, государственный переворот 1960 г. в Турции и усиление националистических тенденций в политике Египта. Большое значение имела, разумеется, и позиция правительства США, которое прямо поставило перед иранской верхушкой вопрос о необходимости проведения в стране перемен, способных вывести страну из политической нестабильности и предотвратить углубление левodemократического движения, или, как они говорили, «рост коммунистической угрозы». В этом контексте появление на политической арене доктора Али Амини, которому шах после смещения Дж. Шарифа-Имами поручил (6 мая 1961 г.) возглавить правительство, было симптоматично.

Амини был опытным политическим деятелем. В качестве

министра финансов в 1954 г. он вел переговоры и подписал от имени иранского правительства соглашение о нефти с руководителями МНК. Затем в течение ряда лет Амини возглавлял иранское посольство в США, где установил дружественные связи с семейством Кеннеди. Администрация президента Дж. Кеннеди имела непосредственное отношение к назначению А. Амини. Так, американский посол в Иране в 1966–1969 гг. А. Мейер в октябре 1977 г. признал, что по указанию Д. Кеннеди помощник президента по национальной безопасности Ю. Росту в 1961 г. Разработал план вмешательства в иранские дела. Главное место в нем было отведено назначению А. Амини главой иранского кабинета. В случае принятия шахом данного предложения правительство США обещало предоставить Ирану заем на сумму 35 млн. долл. [34].

Новый премьер сразу же вступил в негласные переговоры с представителями Национального фронта. Но либеральные лидеры отказались от сотрудничества с правительством, требуя проведения свободных выборов в парламент.

Продолжая контакты с умеренными буржуазными оппозиционерами, новый премьер уделил основное внимание социально-экономическим проблемам. Началась подготовка к осуществлению буржуазных реформ, призванных содействовать смягчению социально-экономических проблем. Важнейшим пунктом правительственной программы был план безотлагательного проведения аграрной реформы. К началу 60-х годов в иранских деревнях проживало более 70% населения страны. Архаичные полуфеодальные отношения были главным препятствием на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве. Структурный кризис, переживаемый сельскохозяйственным производством, выглядел особенно резким на фоне относительно быстрого расширения капиталистического предпринимательства в городе. Помещики-абсентеисты, составлявшие большую часть крупных землевладельцев, все меньше внимания обращали на свои земли, предпочитая вкладывать деньги в городской бизнес, в частности, в сделки с земельными участками в городской черте, цены на которые стремительно росли. Представители аристократических кланов принимали активное участие в развитии банковского дела. В то же время ухудшение материального положения крестьян, в большинстве своем безземельных арендаторов, в 50-х годах послужило причиной быстрого увеличения их миграции в города,

вызвав тем самым чрезмерный по иранским масштабам рост безработицы. Страна, в которой абсолютное большинство населения был занят в сфере сельскохозяйственного производства, из года в год увеличивала импорт продовольствия, несмотря на то что потребление продуктов питания на душу населения в Иране было одним из самых низких в мире.

Прекрасно понимая, что крупные землевладельцы и выражавшие их интересы политические деятели, неизменно составлявшие большинство в парламенте, будут активно бороться против всякого законопроекта, хоть как-то затрагивавшего их интересы, правительство объявило, что новые выборы в парламент состоятся лишь после реформы избирательной системы. Решение же отсрочить выборы давало правительству возможность разработать проект аграрной реформы и приступить к ее реализации без одобрения парламентом. Отсрочка выборов также была вызвана опасениями властей, что в случае немедленного проведения новых выборов оппозиционно настроенные буржуазные и мелкобуржуазные группировки получат поддержку широких слоев трудящихся.

А. Амини включил в состав своего кабинета в качестве министра сельского хозяйства Хасана Арсанджани, либерального политического деятеля, убежденного сторонника перестройки аграрных отношений посредством буржуазных реформ, в то же время он был известен своим близким сотрудничеством в середине 40-х годов с прозападной группировкой А. Кавама [35]. Вскоре был подготовлен проект нового закона об аграрной реформе. 14 января 1962 г. закон был утвержден шахом. Он во многом отличался от закона, принятого меджлисом в 1960 г. Новый закон ограничивал размеры крупного землевладения землями одной деревни, устанавливал сумму компенсации, которую помещики должны были получить на земли, попадавшие под действие закона, предоставлял арендаторам право приобретения излишков помещичьих земель и, наконец, оговаривал в качестве обязательного условия для приобретения земельного участка вступление в сельскохозяйственный кооператив. Официально он был назван «дополнением» к принятому в 1960 г. закону об аграрной реформе.

Одобрив закон об аграрной реформе, противоречивший интересам крупных полуфеодалных помещиков-абсентеистов, шах, несомненно, шел на известный риск. Впрочем, к началу 60-х годов он мог позволить себе подобный шаг без особых опасений.

Крупные землевладельцы-помещики, представители старой аристократии и верхушка полукочевых племен, высшее шиитское духовенство и богатые купцы – были в совокупности той общественной силой, которая во имя своих экономических и политических интересов всемерно содействовала укреплению власти двора. К началу 60-х годов шах стал обладателем почти неограниченной личной власти. Под его непосредственным контролем находился командный состав армии, полиции, жандармерии. Под его личным руководством функционировали САВАК и другие спецслужбы. К тому же США как наиболее влиятельная внешняя сила активно способствовали популяризации идеи о неизбежности проведения аграрной реформы. В действительности без про-капиталистической аграрной реформы было невозможно преодолеть затяжной структурный кризис в иранской деревне. Шаху как крупнейшему землевладельцу еще в 50-х годах пришлось распродать часть своих земель крестьянам, арендаторам. На этом он нажил известный политический капитал.

Вот почему правящие классы в основной массе понимали неизбежность аграрной реформы. В этом отношении весьма характерна позиция аристократии, которая со времени революции 1905–1911 гг. проявляла способность выживать в самых сложных ситуациях и даже пользоваться ими в своих интересах. Многие представители старинных аристократических родов, владевшие десятками деревень, активно поддерживали план проведения аграрной реформы. К их числу принадлежали сам премьер-министр А. Амини и сменивший его на этом посту Асодолла Алам. Оба они настойчиво призывали своих собратьев по классу понять необходимость реформы. Опытный политик, Али Амини достаточно откровенно сформулировал свою жизненную философию. Обращаясь к крупным землевладельцам, он предлагал им добровольно отдать часть своего богатства, с тем чтобы не лишиться всего.

Важно в этой связи заметить, что закон об аграрной реформе не содержал «крайних» мер в отношении крупных землевладельцев. Излишки земельной собственности помещиков не экспроприировались, а подвергались отчуждению за выкуп. Они приобретались государством, которое затем перепродавало их бывшим арендаторам этих участков. Одновременно власти помогали бывшим крупным землевладельцам направлять свои средства в промышленность и банковское дело, содействовали их превращению

в капиталистов. Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: ни закон 1962 г., ни последующие законы не касались крупных собственников, обрабатывавших свои земли с помощью сельскохозяйственных машин и наемных рабочих. Не попадали под действие реформы также фруктовые сады.

Согласившись на проведение реформ, прежде всего аграрной, шах не сразу решил подчинить их осуществление своим личным политическим интересам. Однако действия ряда членов правительства (А. Амини, Х. Арсанджани), которые в публичных выступлениях порою пытались приписать аграрную реформу собственной деятельности, вызвали у шаха серьезное опасение. В частности, беспокойство шаха усилилось из-за некоторых политических «провокаций» А. Амини и его сторонников. Амбиции А. Амини непосредственно были связаны с теми сдвигами в политике США в отношении Ирана, которые проявились после выборов в начале 1961 г. нового президента. В этот период шаху пришлось выдержать одно из самых серьезных испытаний в борьбе за сохранение своего трона.

25 мая 1961 г. в своем известном выступлении Дж. Кеннеди выдвинул тезис, что военная помощь США не в состоянии обеспечить стабильность в тех слаборазвитых странах, где их лидеры не обращают должного внимания на такую важную проблему, как социальная. Он говорил о необходимости осуществления кардинальных социальных реформ в этих странах. Указанное заявление было воспринято многими представителями тегеранской элиты как критика в отношении шаха и его окружения.

Характерно, что в этот период в иранской столице вдруг начала функционировать группа, называвшая себя «сторонниками республики». Ее члены распространили листовки антимонархического содержания. В них, в частности, приветствовались действия студентов тегеранского университета, которые «побили предателя Эгбала, т. е. слуги шаха, сторонника прогнившего монархического режима, ... вынудив его убраться с территории университета» [36]. Опубликовавшие этот документ, обнаруженный в архиве САВАКа, исследователи ИРИ уверены в том, что вопрос об отстранении шаха от верховной власти и установлении в Иране республики «раскручивался» официальными представителями и агентами США.

Правительства Западной Германии, Франции и, особенно,

Великобритании активно выступали за сохранение в Иране шахского режима, рассматривая его одним из главных оплотов Запада в регионе.

Как было подчеркнуто, А. Амини был «выбором» Дж. Кеннеди. Его кандидатуру шаху пришлось одобрить под давлением США. В то же время он не собирался уступать пальму первенства в проведении реформ А. Амини, представителю рода Каджаров. При активном участии своих сторонников и советников ему удалось задумать и успешно реализовать план по отстранению Амини от власти.

Документальные материалы и свидетельства ряда иранских общественных деятелей позволяют установить, что со времени вступления в должность главы правительства А. Амини против него была начата тайная политическая операция. Но характерно, что первостепенной целью этой акции было возрождение и укрепление личной власти Мохаммед-Резы Пехлеви, в дееспособность которого американский президент первоначально не верил.

Основную роль в осуществлении этой «тихой» политической операции сыграли служащие ЦРУ и госдепартамента. С ними активно сотрудничали разведслужбы Великобритании и их иранские агенты. Путем всевозможных политических интриг сторонникам шаха удалось внушить американскому руководству, что какой-либо альтернативы шахскому режиму нет и пока быть не может, особенно с учетом возраставшей угрозы коммунизма в Иране. При этом в средствах массовой информации сильно преувеличивалась антимонархическая деятельность партии Туде и советских спецслужб. Особое внимание уделялось вопросу о якобы существовавшем тесном сотрудничестве иранской национальной буржуазной оппозиции с «коммунистами» [37]. Наиболее инициативными исполнителями разработанного сценария данной политической кампании по дискредитации Амини явились А. Алам, Шапурджи, братья Рашидьян, генерал Х. Фардуст, полковник американской разведки Г. Ятсевич, Мир Ашрафи и другие [38].

О той значительной роли, которую играли сотрудники ЦРУ в иранской политике начала 60-х годов, в частности об этой операции, имеются весьма любопытные свидетельства в мемуарах А. Эбтехаджа. Упомянутый Г. Ятсевич, бывший в те годы главным представителем ЦРУ в Иране, от имени американского руководства два раза встречался с иранским деятелем. Первый раз он

предложил ему занять пост министра финансов в правительстве 'Алама. Эбтехадж, по его словам, отказался. Второй раз, когда американский полковник по поручению своего правительства предложил ему возглавить правительственный кабинет, Эбтехадж согласился. Однако выдвинул несколько условий. Но Г. Ятсевич больше не появился [39].

В результате упомянутой политико-пропагандистской акции президент Дж. Кеннеди полностью отрекся от своих идей относительно упразднения монархии и шахского режима в Иране. Были преданы забвению планы образования в стране «демократической республики». Руководство США активно поддержало шаха и поощрило его намерение лично возглавить кампанию по реформам. Однако шаху было предложено осуществить полный захват власти «не совсем открыто» (в закамуфлированной форме) [40]. Во всей этой истории немалая роль принадлежала шаху, сумевшему зарекомендовать себя, в частности во время ноябрьского визита 1962 г. в США, как ловкого политика и твердого сторонника Америки.

Важным инструментом в борьбе шаха за ослабление позиций А. Амини явился вопрос о бюджете вооруженных сил. Весной 1962 г. премьер-министр выступил с предложением о сокращении военно-полицейских расходов в целях смягчения финансовых трудностей. Шах отклонил предложения премьер-министра. Попытка А. Амини разрешить финансовую проблему путем внешнего займа не увенчалась успехом. Заокеанские покровители на этот раз его не поддержали. В середине 1962 г. (18.VII) он вынужден был подать в отставку.

После ухода А. Амини формирование нового кабинета было поручено Аламу Асадулле.

А. Алам не только не сумел стабилизировать внутривнутриполитическое положение, но некоторыми своими действиями вызвал усиление оппозиционных настроений, особенно среди духовенства. Публикация 8 октября 1962 г. утвержденного правительством Положения о выборах в провинциальные и областные энджумены (советы) вызвала резкую негативную реакцию у лидеров шиитского духовенства. В своих заявлениях они, главным образом, возражали против предоставления женщинам права принимать участие в выборах и обвинили правительство в стремлении приуменьшить роль ислама в общественной жизни. Свое недовольство

они объясняли также тем, что, согласно Положению о выборах, кандидат должен давать клятву на «святом писании», а не на Коране. Шиитские улемы рассматривали это как попытку уравнять Коран с Библией, что, по их мнению, представляло собой нарушение основных принципов иранской конституции [41].

Тем не менее воодушевленный широкой поддержкой своей политикой «модернизации» в СМИ Запада и в значительной степени в социалистических странах шах решил идти дальше. Выполняя советы своих западных друзей, он все более активно пытался войти в роль шаха-реформатора и даже шаха-революционера.

С этой целью позже от имени шаха 26 января 1963 г. гражданам, имевшим право голоса, было предложено одобрить или отвергнуть шесть пунктов программы преобразований: закон об аграрной реформе; закон о национализации лесов и пастбищ; продажу акций государственных промышленных предприятий для финансирования аграрной реформы; создание «корпуса просвещения»; закон о предоставлении рабочим части прибылей промышленных предприятий и предоставлении женщинам избирательного права и права быть избранными в парламент. Эта программа 26 января 1963 г. была вынесена на всенародный референдум, с тем чтобы в условиях внепарламентского состояния придать им силу закона.

Согласно официальным данным, абсолютное большинство участвовавших в референдуме иранцев высказались за предложенную властями программу реформ (99,9% голосовавших). На основании результатов референдума впервые иранским женщинам было предоставлено право участия в выборах в парламент.

Эта парадная сторона достижений шахской «белой революции», не без оснований названная Мохаммед-Али Катузианом «псевдомодернизмом» [42], была широко разрекламирована по стране и за рубежом. Однако же руководители пропагандистских учреждений Ирана пытались тщательно скрыть от иранцев полный провал шахского мероприятия, предпринятого 24 января того же года. В этот день глава государства собирался посетить город Кум. Было запланировано посещение знаменитой святыни – гробницы сестры восьмого имама Резы Фатимы и мечети ее имени. Намечалась встреча с известными шиитскими авторитетами, резиденции которых находились в Куме. Шаху хотелось призывать их к примирению и сотрудничеству.

Накануне встречи Кум был заполнен агентами САВАК и органов порядка, которые, возможно, были созданы для создания массовости или демонстрации силы с целью устрашения духовных лиц. Большинство из них появились в городе в гражданских костюмах. В Кум также были командированы армейские подразделения.

Но когда шах со своей свитой прибыл к мечети, стало ясно, что наиболее именитые улемы туда не явились. Это был настоящий бойкот. Шах появился в парадной форме, с полным комплектом своих регалий. От злости он лишился самообладания. Он не смог сдерживать унаследованный от отца грубый солдафонский тон. Для его встречи собралась группа чиновников и смиренных религиозных деятелей. В речи, обращенной к ним, монарх обрушил весь свой гнев на духовенство, обличая его в измене, предательстве, в ложном патриотизме, назвав иранских служителей ислама «черной реакцией». Он говорил прерывисто, произнося непривычные для персидского литературного языка словосочетания. Если следовать тексту его речи, то можно сделать вывод, что шаху трудно было формулировать свои мысли. Он сказал, что иранские улемы «в сто раз большие предатели, чем [члены] партии Туде». Несколько раз он упомянул имя президента Гамала Абдулнасера, пытаясь выдать его за подстрекателя иранского духовенства.

Допуская явную фальсификацию в желании преувеличить масштабы своих «благодетельств», он, например, заявил: «Мы сделали 15 миллионов (?! – С.А.) крестьян земельными собственниками, в то время как их лидер (египетский президент. – С.А.) у себя заточил не менее 15 тысяч политзаключенных». Шах обвинил учащихся медресе в безнравственности.

В тот же день в крупных столичных вечерних газетах «Этте-лаате» и «Кейхане» был опубликован текст его речи.

Премьер-министр А. Алам вскоре сообщил об отмене ранее опубликованных положений о выборах в провинциальные энджумены (советы), но такое отступление привело лишь к усилению антиправительственных настроений шиитских лидеров. Один из популярных среди верующих мулл Рухолла Хомейни обнародовал накануне нового года иранского календаря (середина марта 1963 г.) заявление, в котором говорилось, что в условиях, когда «исламу угрожает опасность», у иранцев нет повода праздновать новогодний праздник – новруз, скорее для них наступают

дни траура. Он обвинил правительство в пособничестве интересам США и Израиля. В ответ САВАК организовал 22 марта вооруженный налет на учащихся в медресе Фейзийе в г. Куме, руководителем которого был Хомейни. Сотрудники службы безопасности убили одного талиба (учащегося), ранили несколько человек. Хомейни был арестован, но вскоре освобожден. В тот же день власти организовали нападение на учащихся медресе «Талибийе» в Тебризе [43].

6.6. Июньское восстание

Конфликт между властями и шиитскими авторитетами продолжал нарастать. В начале июня он перерос в восстание. Непосредственным поводом для него стал новый арест Хомейни, открыто обвинившего шаха в измене интересам ислама и исламской государственности. Накануне дня ашура, шиитского траура, Хомейни выступил с заявлением, в котором осудил шаха как поборника политики сионистов и правительства США. 4 июня 1963 г. его арестовали, а 5 июня в городах Кум, Тегеран, Мешхед, Тебриз, Кашан и Верамин состоялись антиправительственные демонстрации. Операцию по подавлению этих, отчасти стихийных, выступлений взял в свои руки сам шах. Против демонстрантов были направлены полицейские и армейские подразделения. В течение двух дней продолжалась кровавая бойня с применением танков. По официальным данным, около ста демонстрантов было убито, десятки людей получили тяжелые увечья. Согласно независимым источникам, число убитых только в Тегеране составило свыше пяти тысяч человек, 28 аятолл были заключены в тюрьмы.

Наиболее активными участниками восстания 5 июня 1963 г. в столице явились неимущие слои базара и жители южных кварталов. Это подтверждается документами, сохранившимися в архивах главного полицейского управления. Отметим еще одну особенность антишахских восстаний: в них принимало участие также и крестьянство.

5 июня большая колонна крестьян из окрестностей Верамина, обернувшись в саваны, направилась в сторону столицы, чтобы присоединиться к участникам тегеранского восстания. В местечке Багерабад их путь преградили танки и механизированные подразделения. Офицеры потребовали, чтобы участники шествия немедленно прекратили движение и вернулись в Верамин. Однако

крестьяне отказались выполнять приказ. Безоружные, с голыми руками они решили напасть на сарбазов (солдат), чтобы завладеть оружием. При этом они выкрикивали лозунг: «Или смерть или Хомейни!» Но военные тут же открыли шквальный огонь. Танки прошли по телам уже погибших или раненых демонстрантов. По свидетельству очевидцев, после такого зверства даже близкие родственники и друзья не могли опознать тела погибших [44].

Июньское восстание было жестоко подавлено. Однако оно явилось одним из важнейших событий, ознаменовавших собой начало значительных изменений в расстановке политических сил страны.

Выступление шаха в Куме 24 января 1963 г. стало знаковым событием. Шах бросил вызов духовенству, видимо, надеясь на то, что ему нетрудно будет одолеть улемов. В это верили и многие его сторонники, в частности премьер А. Алам. Скорее всего, перед шахом вставал образ его отца, который сумел довольно легко справиться с амбициозным ахундом Модарресом. Однако он не принял во внимание, что в отличие от духовенства 20-х годов оппозиционные аятоллы 60-х годов опирались на более широкие социальные слои и что улемы обладали немалым опытом организационной и пропагандистской работы.

В результате произошло то, что должно было произойти. Одна из главных политико-идеологических опор режима – шиитские богословы – все решительнее стали менять свои позиции. Они становились стойкими оппозиционерами. Радикально настроенные улемы начали осуждать принимавший все более откровенный характер диктатуры шаха. При этом, обращаясь к истории имамитского шиизма, они утверждали, что шиизм никогда полностью не признавал законность института монархии.

Стала оживляться деятельность мечетей и «хусейнийе», в которых с лекциями и проповедями выступали не только духовные лица, но и светские исламисты. Главной темой этих выступлений являлась новая интерпретация шиитского ислама. Делались откровенные попытки осуждения курса внутренней и внешней политики шахского режима.

Одним словом, жестокое подавление июньского восстания не привело к нейтрализации духовенства и сочувствующим ему «традиционным» средним слоям. В то же время соскальзывание духовенства и его союзников в сторону оппозиции привело к открытию новой страницы в политической истории Ирана. Шаху

не удалось запугать духовенство. Впервые более чем за двести лет истории страны верхушка шиитско-имамитского духовенства, как особый слой и союзник монархии и правящего класса пошла на разрыв с ними, решившись возглавить оппозицию шахскому режиму.

После июньского восстания 1963 г. шах и его англо-американские друзья сочли нецелесообразным сохранение у власти кабинета А. Алама. Одновременно было решено привлечь в исполнительную власть новое поколение промонархически настроенных деятелей, уже проявивших себя в сфере политики. Речь шла о так называемом Прогрессивном центре, образованном в 1961 г. Хасан Али Мансуром. Он был выходцем из известного аристократического рода. Его отец некоторое время занимал пост премьера. Прогрессивный центр получил активную поддержку со стороны двора и американцев [45]. В феврале 1962 г., в связи с первой годовщиной начала деятельности организации, Х. Мансур сделал весьма многообещающее заявление. Среди важнейших целей центра он назвал такие, как «создание возможностей получения образования для всех слоев общества», «обеспечение личных и социальных прав»; «признание значения свободы слова и самовыражения»; «поддержка свободы и полной законности»; «расширение социального страхования»; «защита широких масс от безработицы»; «признание и поддержка права на частную собственность»; «более равномерное распределение национального дохода»; «содействие росту частного предпринимательства под эгидой государственных учреждений» и т. д. [46].

В 1963 г. большинство членов Прогрессивного центра состояло из высокопоставленных государственных служащих. Многие из них были выпускниками западных вузов. В сентябре того же года группа Мансура начала работать над формированием партии, призванной заполнить политический вакуум, появившийся, по его словам, после ухода со сцены образованных в 1957–1958 гг. так называемых партий «Мардом» и «Меллиюн». Образование партии «Иран-е новин» («Новый Иран») официально было провозглашено 15 декабря 1963 г. Ее руководителем стал Х. Мансур.

7 марта 1964 г. Хасанали Мансур занял пост премьер-министра. За исключением военного министра и министра иностранных дел, все министры нового кабинета состояли в партии «Иран-е новин» [47].

Правительство Х. Мансура предприняло ряд шагов, направленных на смягчение разногласий с предводителями оппозиционного шиитского духовенства. Оно разрешило Хомейни и освобожденному вместе с ним из заключения аятолле Куми вернуться в города, где они раньше проживали, – в Кум и Мешхед. Одновременно были освобождены 250 религиозных и гражданских лиц из числа оппозиционеров. Они были арестованы из-за выступлений против референдума. Однако на лидеров «Движения за свободу Ирана» («Нехзат-е азади-йе Иран»), доктора Мехди Базаргана и аятоллу Махмуда Талегани, осужденных на десять лет тюремного заключения, эта амнистия не распространилась.

Буквально через четыре дня после возвращения в Кум, 10 апреля 1964 г., вопреки ожиданиям руководителей правительства и САВАКа, Хомейни сделал резкое антиправительственное заявление. Он, прежде всего, отверг слухи, распространяемые властями относительно того, что будто при освобождении из-под стражи он и его товарищ по тюремной камере аятолла Куми обещали больше не заниматься политической деятельностью. «Клянусь аллахом, – сказал Хомейни, – уже само название ислама говорит о политике». Он вновь обрушился на внешнюю политику иранского руководства, на его связи с государством Израиль. Допуская явные крайности, он утверждал, что «ныне вся экономика страны находится в руках Израиля».

Еще более резкие, полные ненависти и гнева заявления были сделаны в день рождения дочери пророка Мохаммеда, Фатимы, – 26 октября. Именно в этот день Хомейни однозначно и четко сформулировал свою позицию в отношении шахского режима и великих держав.

В ней была выражена открытая ненависть по отношению к трем державам – США, Советскому Союзу и Великобритании, имевшим преобладавшее влияние на иранскую политику. Впоследствии, в ходе революции 1978–1979 гг., выдвинутые аятолой в этой области тезисы стали программными лозунгами участников массовых оппозиционных выступлений и шествий. На них ссылались в Иране и после образования Исламской Республики Иран. «Выходит, – заявил аятолла, – что если мы – нация слабая, не имеем достаточно долларов, то должны находиться под американскими сапогами?! Америка хуже Англии, а Англия хуже Америки. Советы хуже их обеих, каждый из них хуже другого и

каждый из них пакостнее другого. Но сегодня наша главная проблема – это отношение к Америке...

Сегодня все наши трудности связаны с Америкой, связаны с Израилем, а государство Израиль зависимо от Америки, а наши депутаты и наши министры – все ставленники Америки.

Мы действующий парламент своим парламентом не считаем, мы это правительство за свое правительство не считаем. Все они изменники, предают интересы нашей страны» [48].

В своем выступлении Хомейни также затронул вопрос о предоставлении американским советникам и другим специалистам дипломатического иммунитета. Он касался как военных, так и гражданских лиц, включая членов их семей. Такой законопроект был принят правительством А. Алама 5 октября 1963 г. и утвержден палатами парламента во второй половине лета 1964 г.

Как правильно подчеркивает Д. Хиро, подобный акт возродил в памяти демократически и националистически настроенных деятелей давно ушедшие дни, когда западные державы пользовались в Иране режимом капитуляций. Этот режим официально был отменен в 1928 г. (хотя его элементы, вопреки утверждениям некоторых авторов, сохранились и впоследствии) [49].

В первой части своего выступления Хомейни обыграл этот закон в своеобразной, эмоциональной форме, характерной для речи религиозно-политических деятелей начала XX в. в период конституционной революции 1905–1911 гг. Он начал с того, что «известие о предоставлении американцам дипломатического иммунитета лишило его покоя и сна и сердце его сжимается от боли». «Тайно принятый бывшим правительством (речь идет о кабинете А. 'Алама) законопроект по этому вопросу, – говорил он, – недавно был утвержден парламентом по представлению нового правительства».

Причину поспешного принятия такого унижительного, по его мнению, закона аятолла объяснял желанием правительства Х. Мансура получить у США солидный кредит. И действительно, американцы предоставили Ирану заем в 200 млн. долларов вскоре после утверждения шахом закона об иммунитете. Хомейни говорил: «Если американский служащий или повар на базаре попытается убить вашего «марджа е-таклида» («объекта подражания»), т. е. религиозного авторитета, иранская полиция не будет иметь права преграждать ему путь! Иранские суды не будут иметь права его судить! Его дело должно быть направлено на

расследование в американский суд! Только там господа полномочны вынести решение по подобному делу!» [50].

Большинство последователей Хомейни были представителями неимущих слоев и искренне верующими мусульманами. Поэтому ясно, что его умозаключения, состоящие из сопоставлений и облеченные в простые образы, оказывали глубокое воздействие на слушателей. Он говорил с ними на доступном и понятном языке. Решительность его выводов по сложным общественно-политическим проблемам то повергала их в уныние, то вызывала справедливое негодование в отношении властей и шаха.

После данного заявления премьер-министр считал невозможным вести с Хомейни какие-либо переговоры. Он приступил к обсуждению вопроса о возможных репрессивных мерах в отношении воинственного аятоллы с руководителем САВАКа генералом Х. Пакраваном. Мансур одобрил предложение генерала о ссылке Хомейни в одну из соседних стран. Индийское правительство отказалось принять воинствующего шиитского авторитета. Вскоре по этому вопросу было получено согласие турецкого правительства на иранское предложение. 4 ноября 1964 г., арестованный в Куме десантниками и привезенный в столицу аятолла на военном самолете был отправлен в Анкару. 12 ноября его привезли из столицы в город Бурсу, где он пребывал вплоть до осени 1965 г. В Бурсе Хомейни чувствовал себя весьма стесненным, ему было запрещено носить привычную для него одежду иранского духовного лица, он находился под наблюдением тайной полиции, здесь отсутствовали люди, с которыми он обычно общался.

6.7. Хомейни в Ираке.

Усиление его антимонархической деятельности

Иранское руководство осенью 1965 г. в результате содействия посредников дало разрешение на переезд Хомейни из Бурсы в Наджаф (Ирак). И аятолла вместе с сыном Мостафой Хомейни 5 октября 1965 г. прилетел в Багдад. После поездок в Карбалу и другие шиитские центры 15 октября они прибыли в Наджаф, где Хомейни был встречен с большими почестями. Он обосновался в Наджафе и приступил к преподаванию в одном из популярных шиитских училищ (медресе). В Наджафе, Кербеле, Самарре и ряде других городов в это время отмечалось оживление деятельности религиозно-политических шиитских авторитетов.

Они были настроены в отношении руководства Иракской Республики отрицательно [51].

Приезд и обустройство в Иране, встречи с видными предводителями шиитско-имамитской общины, образно говоря, окрылили Хомейни. Уже с первых встреч с аятоллой Шахруди Сеид Махмудом, аятоллой А. Хои и особенно с аятоллой Сеид Мохсином Хакимом Хомейни был очень откровенен. Он четко высказался за активизацию борьбы верующих против шахского режима и Запада. Хаким, считавшийся в тот период главным шиитским авторитетом, пытался призвать Хомейни к смягчению своих позиций. Он говорил, что пролитием крови не удастся достичь успеха в борьбе против иранских властей. Но Хомейни был непоколебим. Он будто не слышал Хакима [52].

В первом своем выступлении в Наджафе перед местной шиитской общиной (14 ноября 1965 г.) Хомейни выдвинул ряд важных политических тезисов. Особый акцент он сделал на издавна существовавших у мусульман своих «программ» в отношении государственного устройства и места человека в мире. Он говорил о необходимости превращения мечетей в военно-политический оплот исламского движения, подчеркнул важность проблемы единства мусульман всего мира. В этой связи он напомнил о судьбе беженцев из Палестины, вынужденных покинуть свои родные земли. По его мнению, это произошло из-за безответственности многих арабских государственных руководителей. Был затронут вопрос о возможностях использования естественных богатств, прежде всего нефти, как политическое средство при разногласиях мусульманских народов с западными державами. Наконец, Хомейни призвал мусульманское духовенство и, в частности, талибов – учащихся медресе, которым предстояло стать частью духовного сословия, достойно выполнять выпавшую на их долю политическую миссию. Он сказал: «Улемам следует восстать во имя исполнения своих обязанностей, как это сделал благороднейший пророк» [53].

В целом пребывание Хомейни в шиитских районах Ирака, почтительно называемым шиитами «атабатом» («гробницы святых» – по-арабски), отчасти из-за сохранявшихся между правительствами Ирака и Ирана натянутых отношений, позволило аятолле продолжать и даже расширять свою политическую

борьбу против режима шаха. Он остро реагировал на все происходившие в Иране важные события.

21 января 1970 г. Хомейни начал публичные выступления в здании мечети «Шейх Ансари» в Наджафе [54].

Именно здесь Хомейни впервые сформулировал свои взгляды относительно исламского способа правления и устройства исламского государства. Его концепция по этим вопросам была изложена в небольшой книге, выпущенной в 1971 г. в Наджафе на арабском языке под названием «Исламское государство». Впоследствии она была издана на персидском языке. Эта публикация называлась «Велаят-е Факих» («Правление Факиха» или «Регентство Факиха»).

Согласно вере имамитского шиизма (учения о двенадцати имамах) после смерти пророка Мухаммеда его законными преемниками явились племянник и зять Али Абу Талиб и его потомки по мужской линии. Как известно, Али был четвертым преемником пророка (халифом), возглавившим мусульманское государство. После гибели Али (661 г.) от рук убийцы два его сына не сумели утвердиться у власти. Оба они были убиты противниками рода Али, претендовавшими на власть над мусульманской общиной. Последующие потомки Али не смогли вести успешную борьбу за власть. Тем не менее еще девять прямых потомков Али имамитами были отнесены к разряду имамов, т. е. людей, которых они рассматривали законными духовными предводителями мусульман, точнее членами шиитской общины. Согласно шиитско-имамитской историографии, все шиитские имамы – «шахиды» («мученики»). Другими словами, по шиитской версии все они были убиты или отравлены врагами имамитской веры. «Двенадцатый имам» – Абу ал-Касим, или имам Махди, по шиитской версии, родился в 869 г., после смерти своего отца – имама Хасана ал-Аскари. В начале 873 г. он стал вести скрытый образ жизни (это называется у имамитов «малым сокрытием») и поддерживал связь с общиной имамитов посредством заменявших друг друга четырех «посланников».

После смерти последнего из четырех посланников в 940 г. началось новое – «большое сокрытие» двенадцатого имама – Махди. Как полагают имамиты, он жив, но «явится членам общины в конце истории», с тем чтобы вести за собой всех истинных мусульман, т. е. имамитов, на борьбу за установление во всем

мире единственно справедливого государства, что будет адекватно торжеству во всемирном масштабе ислама шиитского. Идея о шиитской мессии является в принципе центральной в учении имамитского шиизма.

Концепция Хомейни о регентстве (права на правление) факиха – исламского авторитета по юриспруденции – является как бы развитием идеи о Махди (мессии). Но прежде, чем обосновать суть своих воззрений о необходимости реализации идеи «регентства факиха», Хомейни утверждал, что главное в исламе не вопросы, связанные с отправлением религиозных обрядов и культовых актов, а разрешение проблем, касающихся устройства социальной, экономической и политической жизни в соответствии с исламским имамитским учением. Он резко осуждал идею об отделении религии от политики. Цель подобных воззрений, согласно ему, – лишить мусульманское духовенство активного участия в политической борьбе в мусульманских странах. Хомейни провозглашал обязанностью улем возглавить борьбу за социальные свободы и национальную независимость мусульман. Именно под руководством мусульманских богословов, утверждал он, массы верующих должны свергнуть «власть социального угнетения и заложить основы исламского правления» [55].

Теологическое обоснование идеи о регентстве факиха, т. е. о верховной власти мусульманского духовного авторитета, весьма просто и логично, если верующий признает шиитско-имамитскую политическую концепцию о вечной верховной власти сокрытого имама. «Триада» Хомейни, которую он выдвинул в наджафских лекциях, состоит из следующих тезисов. Аллах возложил на Мухаммеда обязанность своего «расула» – полномочного посланника. Пророк ислама Мухаммед установил на земле законы и нормы поведения в соответствии с указанием аллаха. Имамы шиитские как его законные преемники вели борьбу за установление и сохранение истинных исламских принципов. И поскольку факихи – исламские законоведы – являются преемниками пророка второй ступени, то «все обязательства, возложенные пророком имамам (шиитским. – С.А.) остаются неизменными и для факихов» [56].

Выступления аятоллы Хомейни, в которых обосновывалось исключительное право факиха на верховную власть над шиитской общиной (государством), фактически сначала были направлены против воззрений знаменитого религиозного авторитета

Абу ал-Касима Хои (1899–1992 гг.) [57].

Хои был выходцем из Иранского Азербайджана. Начальное религиозное образование он получил в родном городе Хое. В 13 лет переехал к отцу в г. Наджаф. В течение многих лет там он был слушателем духовно-научного центра, где преподавали знаменитые шиитские улемы первой половины XX века, в том числе Мирза Мохаммед Хосейн Найини. Когда аятолла Хомейни с сыном поселился в Наджафе, Хои уже слыл здесь одним из самых популярных шиитских улемов. Это было время политизации шиитских улемов в Ираке. Многие из них активно включались в дискуссии, главными вопросами которых были целесообразность и правомочность прямого участия улемов в политическом процессе. Хои считался традиционалистом и утверждал, что основными задачами богословов должны быть толкование религиозных догм и популяризация имамитского шиизма. Он развил тезисы о том, что улемы должны сохранять свои традиционные позиции в светском обществе, оставаясь хранителями и пропагандистами религиозного учения.

Сын аятоллы Хомейни, Мостафа, по просьбе отца посещал лекции Хои и подробно их записывал. Ознакомившись с этими конспектами, Хомейни начал составлять комментарии к ним. В них нашли свое отражение идеи о верховной власти и прерогативы шиитского факиха [58].

С этими постулатами Хомейни выступил перед небольшой группой учеников. Лекции, первоначально имевшие скорее характер критических замечаний, легли в основу его брошюры «Велаят-е факих».

Хомейни не называет имени Хои. Такой подход характерен для шиитской традиции. Часто в своих сочинениях шиитские улемы избегали называть того, на критическом разборе воззрений которого было построено содержание их трактатов.

По свидетельствам современников, идеи Хомейни относительно верховной власти факиха неоднозначно были встречены в духовных центрах Ирака. Немало традиционалистов отнеслись к ним с осторожностью и даже отрицательно. Вместе с тем многие политизированные исламисты, особенно молодые, как в Иране, так и в Ираке восприняли их с воодушевлением [59]. Несмотря на простоту и краткость обоснования, взгляды Хомейни давали теологический и политический довод для сторонников политизации

шиизма и борьбы за реализацию его основного принципа в условиях «большого сокрытия» ожидаемого имама Махди. Однако в начале 70-х годов тезисы о прерогативах шиитского факиха еще не приобрели массовой популярности.

После публикации указанных тезисов аятолла Хомейни приобрел значительный авторитет среди шиитских идеологов. Но в начале 70-х годов, когда шахские власти готовились к грандиозному празднику – 2500-летию иранской монархии – Хомейни не предполагал, что через 9 лет его доктрина войдет в преамбулу Основного закона Исламской Республики Иран.

В своих публичных выступлениях Хомейни утверждал, что вопрос о «регентстве факиха» не является чем-то новым, открытым им самим, и что эта идея «с самого начала» была предметом обсуждения среди мусульманских богословов. Он напоминал, что в 1896 г. муджтахид Мирза Хасан Ширази выпустил фетву о запрете употребления иранцами табака до тех пор, пока концессия, выданная шахом английской компании «Тальбот» (относительно иранского табака), не будет аннулирована. Все крупные шиитские богословы в Иране и Ираке, подчеркивал Хомейни, последовали запрету Мирзы Хасана. Для обоснования верности своих суждений о праве улем на верховную власть Хомейни приводил выдержки из ряда хадисов, в которых, согласно ему, сделаны намеки на то, что «в эпоху сокрытия (имама Махди. – С.А.) факихи выполняют обязанности имама мусульман и являются верховными руководителями общины». Не углубляясь в теологический аспект, заметим, что идея о властных прерогативах шиитского авторитета выдвигалась рядом иранских теологов и раньше – в XVIII–XIX веках [60].

Рухолла Хомейни полностью отвергал легитимность шахской власти в Иране. Это было уже равносильно объявлению политической войны шахскому режиму. Ранее немало видных авторитетов из числа иранских богословов (М. Табатабаи, Боруджерди и т. д.) придерживались мнения, что главой государства в Иране, где большую часть населения составляют шииты, может быть человек, не относящийся к духовному сословию, если он уважает ислам и придерживается исламо-шиитских воззрений. Из отрывочных данных, имеющихся в периодической литературе, можно сделать заключение, что взгляды Хомейни относительно исламского образа правления вызвали острую дискуссию среди его слушателей.

В целом его идеи оказали заметное воздействие на ход политизации ислама в шиитских общинах Ирана, Ирака и Ливана.

Характерно еще одно обстоятельство. Многие оппозиционные, антимонархически настроенные деятели и группировки 60-х и 70-х годов в своих идеологических построениях относительно преодоления социально-политического кризиса в Иране, в той или иной степени апеллировали к исламу и, в частности, к шиитско-исламскому учению [61], среди них самая последовательная группа Нехзат-е азади, возглавлявшаяся доктором Мехди Базарганом и религиозным деятелем М. Талегани.

6.8. Курс шахского правительства на индустриализацию страны

Руководители НФ, самой сильной в прошлом оппозиционной легальной организации, в начале 70-х годов не обратили серьезного внимания на усиление оппозиционного течения среди шиитских богословов. Выдвигавшиеся ими лозунги о восстановлении буржуазно-демократических свобод и законности были далеко недостаточны для укрепления их позиций, если учесть особенности исторического момента [62]. Это стало очевидным, когда в ходе реформ по инициативе шаха к власти пришла верхушка бюрократической буржуазии, разработавшая новую экономическую политику. Она выдвинула на первый план социально-экономические проблемы. Обещала добиться улучшения материального и социального положения трудящихся классов, подъема экономики и развития культуры. Реформы и их пропаганда до известной степени сработали в пользу режима. Подобная пропаганда приобрела широкие масштабы после прихода к власти в качестве премьера Хасанали Мансура, идеолога бюрократической буржуазии.

Выше уже говорилось, что традиционная помещичья, по существу полуфеодалная, система отношений помещика и крестьянина-арендатора, которая обеспечивала всевластие помещиков, была главной чертой общественного устройства дореформенной иранской деревни. Помещики неизменно составляли абсолютное большинство в парламенте, из их среды в основном рекрутировались члены правительства и верхушка бюрократического аппарата. Однако в ходе осуществления аграрной реформы 1962 г. шахский двор сделал своей главной политической

опорой бюрократию, генералитет и крупную предпринимательскую буржуазию. Хотя верхушка бюрократической буржуазии преимущественно формировалась из среды аристократии, предложенная ею новая модель развития страны в корне отличалась от концепций, вырабатывавшихся помещичье-буржуазными правительствами Ирана в прошлом. Верхушка бюрократической буржуазии, именовавшая себя «технократами», отвергла (как не отвечавший национальным интересам) тезис «Иран – по преимуществу сельскохозяйственная страна». Этот тезис выдвигался прежними правительствами в качестве основы концепции экономического развития. Поэтому приход к власти 7 марта 1964 г. правительства Хасанали Мансура был определенной вехой в истории современного иранского общества. Смена кабинета одновременно ознаменовала важный шаг в сторону изменения социальной структуры власти: шах передал управление страной бюрократической буржуазии. (Бюрократическая буржуазия, представлявшая собой верхушку государственных служащих, была связана с крупной промышленной и финансовой буржуазией. Однако она была призвана, прежде всего, выражать волю шаха, реализуя его политические установки.) Это положило начало новому этапу обуржуазивания государственной власти, хотя и под эгидой двора.

Приход к власти «технократов» был закономерным результатом развития иранского общества. Во второй половине 50-х – начале 60-х годов экономические и общественно-политические позиции предпринимательской буржуазии заметно упрочились. И если небольшая ее часть симпатизировала оппозиции, то другая, лояльная к шахскому двору большая часть тяготела к группировке бюрократической буржуазии, призывавшей отказаться от явно устаревшей экономической политики и перейти к использованию возрастающего финансово-экономического потенциала государства; использовать этот рост, который был обусловлен увеличением доходов от нефти, для развития помимо государственного также частного предпринимательства, в первую очередь в промышленном секторе. Созданная в апреле – мае 1961 г. Х. А. Мансуром и его коллегами из среды высокопоставленных государственных служащих политическая организация «Прогрессивный центр» провозглашала своей главной целью оживление экономической жизни страны, прежде всего путем поощрения

частного предпринимательства под эгидой и при финансовой поддержке государства. Сформировав кабинет, Мансур и его соратники основательно пересмотрели экономическую и социальную политику Ирана. Одним из важнейших компонентов новой экономической политики стал план широкого промышленного строительства на средства государства, иначе говоря – план создания мощной промышленности.

Провозглашение курса на индустриализацию в качестве главного средства преодоления Ираном экономической отсталости, после аграрной реформы, явилось важнейшим по своим общественно-экономическим последствиям политическим мероприятием. Левые силы, в частности партия Туде, в послевоенный период неизменно выступали за широкое промышленное строительство по линии государственного сектора, считая это необходимым условием экономического и социального развития страны. Они исходили из того, что только индустриализация и подлинная национализация нефтяной промышленности способны смягчить диспропорции между различными секторами экономики. Однако власти на эти призывы в тот период не обращали никакого внимания.

Прежние помещичье-буржуазные правительства отрицательно относились к идее индустриализации. Таково же было мнение и приглашенных в Иран американских и западноевропейских финансовых и экономических советников. Али Амини, находившийся у власти в начальный период осуществления аграрной реформы (6 мая 1961 г. – 17 июля 1962 г.), придерживался в этой области традиционной политики. Он выступал против идеи индустриализации Ирана и призывал развивать лишь промышленность, связанную с переработкой продукции сельского хозяйства.

В модели развития, выдвинутой правительством Хасана Али Мансура, более четко сформулированной только после прихода к власти кабинета Амира Аббаса Ховеиды (январь 1965 г.), основной упор делался на индустриализацию и расширение экономических и социальных функций государственного сектора. Эта модель, особенно план создания собственной тяжелой индустрии, содержала до некоторой степени антизападные элементы. (В то же время группировка Х. Мансура сформировалась и пришла к власти прежде всего благодаря поддержке США.) Она не устраивала те монополии Запада, которые рассматривали Иран только в качестве источника сырья, прежде всего нефти, и рынка сбыта

своих промышленных товаров. По-видимому, не случайно переговоры с некоторыми западными компаниями о строительстве металлургического завода не привели к положительным результатам. Это обстоятельство вынудило руководителей иранской политики предпринять шаги для установления экономического сотрудничества с социалистическими странами, прежде всего, с Советским Союзом.

Отношения между СССР и Ираном стали заметно улучшаться еще раньше, когда иранское правительство возглавлял Асадолла Алам. 15 сентября 1962 г. состоялся обмен нотами между Ираном и СССР, в ходе которого иранское правительство дало заверение в том, что оно никогда не предоставит никакому иностранному государству право иметь на территории Ирана ракетные базы и что Иран никогда не станет орудием агрессии против Советского Союза [63].

Советское правительство положительно встретило предложение иранского правительства и изъявило готовность оказать Ирану содействие в строительстве металлургического завода. Переговоры по этому вопросу завершились 13 января 1966 г. в Москве подписанием соглашения об оказании правительством СССР Ирану экономического и научно-технического содействия в строительстве металлургического завода, машиностроительного завода и трансиранского газопровода для поставки газа в Советский Союз. Эти крупные объекты были введены в строй в 1970–1973 гг. Ряд важных для развития иранской экономики промышленных предприятий (Тебризский тракторный завод, Тебризский машиностроительный и т. д.) были построены в 60-70-х годах при содействии других социалистических стран – Чехословакии и Румынии.

Для строительства исфаханского металлургического комбината Советский Союз предоставил Ирану кредит, который иранское правительство обязалось погасить поставками природного газа. Само сооружение трансиранского газопровода, северный участок которого был построен при содействии Советского Союза, имело для Ирана большое значение. Введение в строй газопровода позволило в Иране в широких масштабах утилизировать природный газ как в промышленности, так и в быту.

Становление экономического и научно-технического сотрудничества с социалистическими странами было одной из предпо-

сылок экономического роста Ирана в 60-70-х годах. Это признают и западные исследователи. Так, профессор Колумбийского университета (США) Ч. Иссави еще в 1967 г. к числу факторов, сделавших возможным экономический подъем в Иране, относил «улучшение отношений с советским блоком, что расширило рынок для иранских промышленных товаров и одновременно привело к образованию огромного источника для капиталовложений в новые промышленные предприятия» [64]. Позже, в 1980 г., подводя итоги сотрудничества Ирана с социалистическими странами, индийский публицист К. Р. Сингх писал: «Основы тяжелой промышленности Ирана были заложены при экономической и технической помощи Советского Союза. Металлургический завод, воздвигнутый при содействии СССР, воплотил давнишнюю иранскую мечту» [65].

Финансовой базой экономического развития Ирана в 60-е годы стали возрастающие доходы от нефти. В течение пяти лет (1962/63 – 1966/67) поступления от нефти превысили 2,7 млрд. долл. Они увеличились более чем в три раза в последующее пятилетие, когда добыча нефти, в основном в зоне деятельности МНК, значительно возросла [66].

В целом рост поступлений от нефти и появление новой значительной статьи экспорта – газа, проведение новой экономической политики, предусматривавшей расширение промышленного строительства, начало аграрной реформы, нацеленной на ликвидацию полуфеодальных отношений в деревне, установление экономического сотрудничества с социалистическими странами, давшее возможность заложить основы тяжелой индустрии, – все эти сдвиги объективно были в состоянии создать более благоприятные условия для ускорения развития производительных сил. Однако антинародная сущность шахского режима, его стремление ускорить капиталистическое развитие «сверху», подчинив его, прежде всего, интересам шахского двора и ограниченного слоя крупной и бюрократической буржуазии, а также половинчатый характер реформ создавали преграду на пути подлинного обновления иранского общества и сужали возможности благотворного воздействия указанных факторов на социальное развитие страны. Реформы и экономический рост мало содействовали общественному прогрессу в подлинном смысле слова.

Шах неизменно утверждал, что целью «белой революции»

являлась не замена крупных землевладельцев «промышленными феодалами», а уменьшение и даже искоренение социального и политического неравенства и что «участие рабочих в прибылях» позволит создать новые, справедливые отношения между рабочими и предпринимателями.

Рассмотрим оба этих тезиса. Аграрная реформа в социально-экономическом плане была направлена на расширение позиций капиталистического и мелкотоварного укладов за счет сужения сферы деятельности или ликвидации полуфеодального. Однако социальный аспект в аграрной политике правительства был выражен слабо. Преобразования фактически не предусматривали мер, способных содействовать экономическому развитию натуральных хозяйств. Значительное увеличение численности крестьянских хозяйств в ходе реформы не могло устранить социальные противоречия в деревне. Более того, если в дореформенный период в сфере общественных отношений преобладали противоречия полуфеодального характера, то в 60-х годах на первое место выдвигались противоречия капиталистические, хотя старые полностью устранены не были. Интенсивно шел процесс упрочения экономических и социально-политических позиций помещиков капиталистической формации, фермеров и зажиточных крестьян. В послереформенный период часть крестьян-собственников земли, владевших, как правило, участками от одного до пяти гектаров, за некоторым исключением, владели жалкое существование. Еще хуже было материальное положение большинства сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян. Аграрная политика государства мало содействовала улучшению положения бедного и беднейшего крестьянства.

В то же время численный рост администрации (в результате учреждения сельскохозяйственных кооперативов, основная роль которых сводилась к выдаче ссуд земледельцам, национализации лесов, воды и пастбищ, учреждения «корпуса просвещения», «корпуса здравоохранения» и т. д.) вел к усилению влияния бюрократии в общественной жизни деревни. В иранских условиях это послужило средством упрочения позиций государства и обслуживавшей его бюрократической буржуазии.

Что же касалось «участия рабочих в прибылях», то, во-первых, эта акция охватила весьма незначительную часть пролетариата, а во-вторых, на предприятиях, где такая система была введена,

заметного улучшения материального положения рабочих не наблюдалось. В качестве доли от прибылей рабочие получали ежегодно сумму, как правило, не превышавшую месячную зарплату.

Непоследовательность реформаторской политики шахского режима, а главное – отсутствие в ней подлинно демократических начал и целей, проявлялись и в политической сфере. Изменение социального содержания власти, о чем говорилось выше, процесс обуржуазивания носили половинчатый характер, не подрывая основ господства шахского двора и положения имущих классов в целом. Содействуя капиталистической трансформации полуфеодальных помещиков и выдвигая на первый план бюрократическую буржуазию, шахский двор оставлял за собой доминирующую роль в политике. Об этом свидетельствовал, в частности, тот факт, что при перемещении в верхах двор соблюдал принцип преемственности. Несмотря на выход на политическую сцену нового поколения буржуазных политических деятелей, которые, кстати говоря, еще раньше выдвинулись на поприще служения шаху, многие ключевые позиции в высшем эшелоне власти оставались за деятелями, входившими в прошлом в группировку полуфеодальных помещиков. К ним относились, например, такие представители правящей элиты, как министр двора, бывший премьер Асадолла Алам, другой бывший премьер Манучехр Эгбаль, министр информации генерал Хасан Пакраван, министр внутренних дел Джавад Садр, представители кланов Амини, Фарманфармаиан и многие другие. Близкие к шахскому двору аристократы, многие из которых считали обуржуазивание класса крупных землевладельцев необходимым условием своего выживания, сумели сохранить ведущие позиции в сфере политики.

Очевидным примером трансформации в верхах явились сам Мохаммед Реза шах и его близкие родственники. Если в 1953 г. шах еще был первым помещиком, то уже через пять лет стал крупнейшим бизнесменом и капиталистом. Документальным свидетельством подобного «превращения» являются данные специальных докладов посольства Великобритании в Тегеране, касающиеся шаха. Эти документы посвящены деловой деятельности шаха. Они были составлены для Форин офиса в 1956, 1957 и 1958 гг. Копия оригинала последнего из этих докладов, подписанного полномочным послом Роджером Стивном, опубликована А. Эбтехаджем.

В указанном секретном документе кратко охарактеризованы результаты предпринимательской деятельности шаха в области банковского дела, издательского предпринимательства, судостроительства, морского транспорта, оптовой и розничной торговли, строительства промышленных предприятий, гостиничного бизнеса, сельскохозяйственного производства, домостроительства, открытия доходных домов и т. д. [67].

В апреле 1958 года шах своим указом передал львиную долю своих компаний, промышленных предприятий, отелей, морских судов и т. д. в учрежденный им же благотворительный фонд Пехлеви [68]. Такой ловкий ход дал ему возможность сохранить свои частные капиталы под своим контролем (к примеру, капитал банка «Омран» полностью принадлежал шаху). Статус благотворительного фонда освобождал шахские капиталы и имущество от налогообложения. Этот маневр позволил шаху несколько ослабить натиск радикальной оппозиции, постоянно обвинявшей его в алчности и стяжательстве.

В составленном английским посольством документе подчеркивалось, что в качестве собственников принадлежавших иранскому монарху предприятий, капиталов и недвижимости, порою выступали подставные лица – министр двора Хосейн Ала, известный своей близостью к шаху Мейбуд и другие [69].

Активными участниками ограбления общенационального достояния и незаконных поборов с представителей частного капитала явились братья шаха, его сестры, их мужья, «друзья», а также другие приближенные ко двору лица. Особенно в этом плане отличалась родная сестра монарха, Ашраф. Согласно сведениям генерала Фардуста, Ашраф Пехлеви имела тесные контакты с представителем в парламенте южных армян, Феликсом Агаяном, главным наркоторговцем в Иране. Брат Феликса проживал в США и относился к числу его партнеров. На страницах западной прессы неоднократно появлялись сообщения о случаях, когда в багаже прибывшей в Швейцарию иранской принцессы таможенники обнаруживали наркотические средства [70].

В число активных партнеров принцессы входили и другие бизнесмены и политики. Они имели влияние на важный торгово-финансовый центр Тегерана – базар. Особую роль в этом отношении сыграли братья Рашидьян. Их связь с посольством Великобритании была давно известна. Сотрудничество с этим семейством

сложилось во время подготовки и проведения антимосаддыковского переворота. Тогда, по указанию принцессы, Асадолла Рашид-хан подкупил и подготовил большую группу из низов, которые приняли участие в мятеже против правительства Мосаддыка.

Сестры и братья шаха в этот период своим личным примером фактически содействовали росту взяточничества и коррупции среди государственной бюрократии. В этой связи немалый интерес вызывает переписка одного американского политического деятеля с А. Эбтехаджем. Американский друг предлагал не очень волноваться по поводу широко распространенной коррумпированности в высшем эшелоне власти Ирана. Он писал, что коррупция как явление присуща не только развивающимся странам, она продолжает существовать и в экономически развитых государствах. Искоренить ее невозможно. Но следует бороться за то, чтобы коррупция не приобрела чрезмерные масштабы [71].

Несмотря на все охарактеризованные негативные стороны, новая иранская политика, направленная на расширение промышленного строительства, а также аграрная реформа в социально-экономическом плане имели позитивные последствия. Они оказали заметное воздействие на развитие производительных сил. Новый импульс получили процессы капиталистического предпринимательства, особенно в городе, и в этот процесс активно включалась заметная часть имущих слоев.

Но, исходя из этого, представляется неверным рассматривать шахские реформы в качестве «революции сверху». Основной ее политической целью оставалось упрочение тоталитарно-бюрократических черт режима и увековечивание государственной системы, в которой ведущее положение шахского двора еще более укреплялось.

Повышение же темпов экономического роста и улучшение финансового положения государства, характерные для второй половины 60-х – начала 70-х годов, были, прежде всего, результатом преумножения доходов от нефти и развития нефтегазовой и связанных с ней отраслей промышленности Ирана. При этом рост доходов государства был связан, главным образом, с вывозом из страны сырой нефти, что в конечном счете приносило больше прибылей скорее западным монополиям, чем Ирану.

6.9. Нефтяная политика Ирана в контексте изменения геополитической ситуации в зоне Персидского залива

Тринадцать лет – с осени 1960 г., с момента образования ОПЕК, и до конца 1973 г., когда на мировом рынке произошло многократное повышение цен на нефть, – особый этап в истории Ирана. В эти годы масштабы воздействия нефтяной и газовой промышленности на общественно-политическую и экономическую жизнь Ирана значительно выросли. Прежде всего это проявилось в следующих аспектах. Нефтяные интересы во многом стимулировали внешнеполитическую активность Ирана в зоне Персидского залива. В рамках ОПЕК иранское государство совместно с другими нефтедобывающими странами включилось в борьбу за улучшение условий сотрудничества с западными нефтяными монополиями. Нефтегазовая промышленность превратилась в сектор, в рамках которого формировались наиболее эффективные и рентабельные отрасли иранского хозяйства (имеются в виду предприятия химической и нефтехимической промышленности, работающие на нефтепродуктах и особенно на природном газе, электростанции и т. д.). Доля доходов от нефти и газа в государственных поступлениях приобрела чрезвычайно важный характер.

В конце 50-х – начале 60-х годов Персидский залив превратился в главный объект дипломатической деятельности Ирана в регионе. С одной стороны, это было обусловлено расширением добычи нефти в зоне континентального шельфа залива. С другой – реакцией Ирана на происходившие на Арабском Востоке и в зоне залива политические процессы: ослабление влияния Великобритании в зоне залива, рост национально-освободительного движения арабских народов, обострение конкурентной борьбы монополий Запада за доступ к нефтяным источникам в зоне Персидского залива.

Усиление внимания шахского правительства к зоне залива в значительной степени объяснялось стратегическими интересами. Доходы от нефти занимали все более важное место в финансовом обеспечении экономического развития страны и усилении ее военного потенциала. В то же время открытие новых богатых месторождений нефти и газа в континентальном шельфе Персидского залива и в Хузестане еще больше подчеркивало значение юго-западных районов для экономики Ирана и в системе его взаимоотношений с соседними арабскими государствами и с Запа-

дом. Тревогу Тегерана вызывали территориальные притязания радикально настроенных националистов из стран Арабского Востока в отношении остана Хузестан, где значительную часть населения составляли арабы. Эту тревогу подогревали американские друзья шаха, преднамеренно внушая ему страх перед возрастающим влиянием в регионе насеровского Египта. К тому же между Ираном, с одной стороны, и Великобританией и некоторыми подвластными ей княжествам в зоне Персидского залива – с другой издавна существовали территориальные споры. Также оставались неурегулированными отношения по пограничным вопросам между Ираном и Ираком.

В прошлом стремление Ирана укреплять свое положение в зоне Персидского залива встречало, как правило, решительное противодействие Великобритании. Через два года после провозглашения Реза хана шахом, в ноте от 22 ноября 1927 г. иранское правительство официально объявило Англии о своих притязаниях на острова Бахрейн. Эта позиция Ирана была подтверждена в нотах, направленных английскому правительству в августе 1928 г., а также в 40-х и 50-х годах. В иранских нотах утверждалось, что эти острова были насильственно отторгнуты от Ирана. В 1957 г. иранский парламент утвердил законопроект, по которому Бахрейн был формально включен в состав Ирана.

К этому периоду относятся некоторые действия Ирана и арабских государств, направленные на укрепление их суверенитета в зоне Персидского залива. После того как в недрах морского дна были открыты богатые месторождения нефти и газа, правительства Ирана, Саудовской Аравии и Ирака установили (12 апреля 1959 г.) 12-мильную зону своих территориальных вод. США и Англия заявили официальный протест против этого законного акта. 19 июня 1955 г. был принят закон об обеспечении прав Ирана на прилегающую к его территории часть континентального шельфа.

Проблема разграничения континентального шельфа возникла в конце 50-х годов, когда стала возможна разработка нефтяных месторождений в недрах дна Персидского залива. В 1957–1958 гг. смешанные компании, в которых участвовали ИННК и нефтяные монополии США и Италии, начали добычу нефти в континентальном шельфе Ирана. Западные и японские монополии получили нефтяные концессии в шельфе Саудовской Аравии, Кувейта,

Договорного Омана, Бахрейна и Катара. Однако разграничение шельфа Ирана и Ирака официально не было проведено, и это вызывало временами острые противоречия между ними.

В апреле 1963 г. ИННК объявила торги на два участка в северной части Персидского залива. Это явилось основой для официальных протестов со стороны Ирака, Саудовской Аравии и Кувейта, считавших, что действия Ирана нарушали их суверенитет. Для урегулирования проблемы в октябре 1963 г. в Женеве встретились представители четырех государств. Однако никаких согласованных решений по обсуждаемым вопросам принято не было. В ноябре того же года во время встречи между представителями Ирана и Ирака сторонам удалось договориться о «совместной эксплуатации нефти на спорных участках».

В конце 1965 г. было достигнуто соглашение о разграничении шельфа между Ираном и Саудовской Аравией. Одновременно оно устанавливало суверенитет Ирана и Саудовской Аравии соответственно над двумя островами – Фарси и Эль-Арабия. Соглашение было парафировано во время визита короля Фейсала в декабре 1965 г. в Иран, но оно так и не было ратифицировано иранским парламентом и не вступило в силу. Отчасти это объяснялось отрицательной реакцией Ирака и Кувейта на заключение сепаратного соглашения. Однако главной причиной были политические маневры Англии.

К концу 1967 г. Англия должна была эвакуировать свои военные силы из Адена (Южный Йемен) и теперь она опасалась за будущее своих экономических и политических позиций в зоне Персидского залива. Поэтому английские власти добивались установления тесного сотрудничества с иранским режимом. Правящие круги Англии пугали Иран «коммунистической» и «арабской» опасностью.

Еще в сентябре 1965 г. государственный министр по иностранным делам Англии Дж. Томпсон после переговоров с иранскими руководителями заявил, что в зоне Персидского залива и на всем Среднем Востоке Англия и Иран имеют «твердые совместные и сходные интересы» [72]. Впоследствии теме Персидского залива были посвящены новые встречи в Лондоне и Тегеране. Эти контакты завершились подписанием соглашения (август 1966 г.) о покупке Ираном в Англии современного оружия (ракеты, военные корабли и т. д.).

Сессии СЕНТО и другие встречи использовались правящими кругами Англии и США для упрочения отношений с руководством Ирана. В феврале 1967 г. лидер консерваторов Алек Дуглас-Хьюм заявил, что после ухода англичан из Адена, «если Египет захватит Аден, вход в Персидский залив окажется под угрозой, Иран и Саудовская Аравия столкнутся с необходимостью действовать немедленно». «Советский Союз, – сказал он, – видимо, использует создавшуюся обстановку для распространения коммунизма на Ближнем и Среднем Востоке» [73]. Подобные заявления были сделаны также министром обороны США Р. Макнамарой.

После арабо-израильской войны 1967 г. Великобритания активизировала свою дипломатическую деятельность в зоне залива. Дважды (в ноябре 1967 г. и январе 1968 г.) английский министр по иностранным делам Г. Робертс совершал поездки в Тегеран и столицы арабских государств в зоне залива, где вел секретные переговоры. Когда 16 января 1968 г. премьер-министр Вильсон выступил в палате общин с заявлением о плане отвода британских войск к концу 1971 г. «к востоку от Суэца» [74], стало ясным, чего добивалась английская дипломатия. Англия стремилась переложить роль стража интересов Запада в зоне залива на Иран и Саудовскую Аравию.

19 января 1968 г. заместитель государственного секретаря США Ю. Росту публично заявил о намерении Запада создать новый военный блок на Ближнем и Среднем Востоке. Подобная откровенность пришлось не по душе английским политикам. «Своими разговорами о распространении мер безопасности не только на Саудовскую Аравию и Иран, но и на Турцию и Пакистан, – писал лондонский «Экономист», – Юджин Росту подлил масла в огонь в связи с постоянными обвинениями Египтом Америки в тайных намерениях заполнить «вакуум» в зоне залива» [75].

Английские правящие круги не оставили своих планов. Уходя, они стремились остаться. В феврале 1968 г. было провозглашено создание федерации княжеств Персидского залива под эгидой Англии. Из-за разногласий между княжествами и противодействия Ирана она развалилась, не успев по-настоящему сформироваться.

Как Иран, так и арабские государства, однако, выступали за окончательное прекращение военного присутствия Англии в зоне Персидского залива. Опасаясь роста национально-освободитель-

ного движения на Арабском Востоке, особенно возможной конфронтации с Египтом, и желая собственными силами заполнить «вакуум», образовавшийся вследствие ослабления позиций Англии, руководители Ирана и Саудовской Аравии пошли на компромисс (подобная линия поощрялась американской дипломатией): 24 октября 1968 г. Иран и Саудовская Аравия подписали соглашение о демаркации зоны континентального шельфа в Персидском заливе, в основу которого был положен несколько измененный текст соглашения от 13 декабря 1965 г. В сентябре 1969 г. Иран заключил соглашение о демаркации зоны континентального разграничения с Катаром*.

Оберегая свои нефтяные интересы, шахское правительство неизменно отвергало планы присутствия вооруженных сил Англии под каким бы то ни было предлогом в зоне залива после 1971 г. Решение правительства консерваторов, победивших на выборах 1970 г., сохранить военные базы Англии в зоне Персидского залива вызвало недовольство как иранского правительства, так и арабских стран зоны залива. Поэтому английский премьер-министр Э. Хит в марте 1971 г. вынужден был подтвердить, что английские вооруженные силы к концу года покинут зону Персидского залива. Тем не менее английские власти путем различных уловок добивались продолжения своего военного присутствия в зоне залива [76].

Учитывая волю населения Бахрейна и стремясь улучшить отношения с Саудовской Аравией, правительство Ирана согласилось в марте 1970 г. вместе с Англией обратиться к помощи ООН для определения политического статуса Бахрейна. В мае 1970 г. Совет Безопасности ООН поддержал требование народа Бахрейна о предоставлении этой стране статуса суверенного государства [77].

В августе–сентябре 1971 г. Бахрейн и Катар стали независимыми государствами. 2 декабря 1971 г. шесть арабских княжеств бывшего Договорного Омана (Абу-Даби, Дубай, Фуджайра, Умм-эль-Кайвайн и Аджман) объявили о создании нового государства – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). 10 февраля 1972 г. к ОАЭ присоединилось княжество Рас-эль-Хайма. Образование ОАЭ было приурочено к официальному уходу английских воору-

* Позже подобные соглашения были заключены с Бахрейном (июнь 1971 г.), Оманом (июль 1974 г.) и входящим в состав ОАЭ шейхством Дубай (август 1974 г.).

женных сил из зоны Персидского и Оманского заливов. 30 ноября 1971 г. Иран в результате договоренности с Англией осуществил высадку десанта на три небольших острова в Ормузском проливе — абу-Муса, Большой и Малый Томб [78]. Иран претендовал на эти острова еще раньше. Они находились под юрисдикцией эмиратов Шарджа и Рас-эль-Хайма. Иранская акция вызвала протесты арабских государств и временно создала препятствия для установления дипломатических отношений между Ираном и ОАЭ. Лишь 28 октября 1972 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения на уровне посольств.

Иранское правительство стремилось усилить свое политическое и экономическое влияние на небольшие арабские государства в зоне Персидского и Оманского заливов. Наибольшего успеха в проведении подобной политики Иран добился в своих отношениях с Оманом, где в результате дворцового переворота 23 июля 1970 г. к власти пришел султан Кабус ибн Саид. В августе 1972 г. между двумя странами был подписан договор, по которому Иран обязался оказывать Оману военную, политическую и экономическую помощь.

Нефтяные, экономические и, конечно, геополитические интересы толкали иранскую верхушку к расширению сотрудничества с монархическими режимами в зоне Персидского залива. Однако Саудовская Аравия противодействовала осуществлению иранских предложений о создании регионального военного блока, ибо опасались стремления Тегерана обеспечить себе в подобном союзе руководящую роль. Тем не менее в декабре 1972 г. Иран и Саудовская Аравия договорились о создании совместного комитета «по поддержанию стабильности в зоне залива и борьбе с подрывными элементами» [79].

Отношения между Ираном и Ираком носили более сложный характер. После образования Иракской Республики между ними все чаще стали появляться разногласия по некоторым региональным проблемам, обострились территориальные и пограничные споры. Так, в 1961 и 1965 гг. возникли споры в отношении навигации на реке Шатт-эль-Араб. То и дело происходили стычки в нефтеносных зонах Нефтшах и Нефтахане, где граница двух государств оставалась не уточненной. После 1960 г. особую роль во взаимоотношениях Ирана и Ирака играл курдский вопрос. Желая ослабить правительство Ирака, иранское руководство вре-

менами оказывало восставшим иракским курдам военно-материальную помощь. В свою очередь, правительство Ирака пыталось препятствовать нормализации отношений Ирана с некоторыми арабскими государствами. Именно из-за позиции Ирака иранскому правительству долго не удавалось заключить с Кувейтом соглашение о разграничении континентального шельфа.

Все эти обстоятельства, однако, со временем не стали помехой для улучшения отношений между двумя государствами. К сотрудничеству их подталкивали экономические и политические интересы, в частности необходимость координации политики по линии ОПЕК. Заметным событием стала встреча министров иностранных дел двух стран, состоявшаяся 19 декабря 1966 г. Новые усилия для улучшения отношений были предприняты в 1967 г.

Во время официального визита премьер-министра Ирака в Иран в июне 1968 г. было достигнуто соглашение о создании смешанных комиссий для выработки предложений по спорным и нерешенным вопросам (о разграничении континентального шельфа, определения сухопутных границ, навигации по Шатт-эль-Арабу и т. д.).

После июльского переворота 1968 г. в Ираке ирано-иракские переговоры не были прерваны. Однако встречи государственных деятелей обеих стран, происходившие в декабре 1968 г. и в феврале 1969 г., оказались безрезультатными. 19 апреля 1969 г. иранское правительство, воспользовавшись сложной внутривнутриполитической обстановкой в Ираке, в одностороннем порядке объявило об аннулировании договора 1937 г., устанавливавшего южную границу между странами и правила навигации по Шатт-эль-Арабу. Иран де-факто установил свой контроль над частью акватории этой реки.

В декабре 1971 г., после высадки иранских вооруженных сил на трех островах в Ормузском проливе, Ирак разорвал дипломатические отношения с Ираном [80]. Дальнейшее ухудшение отношений привело в апреле 1972 г. к пограничному вооруженному конфликту. Осенью 1973 г., в период новой арабо-израильской войны, по предложению Ирака дипломатические отношения были восстановлены, хотя окончательно напряженность в межгосударственных отношениях была устранена лишь в марте 1975 г.

Таким образом, в 60-х годах Ирану удалось упрочить свои позиции в зоне Персидского залива и стабилизировать, за некоторым

исключением, отношения с соседними арабскими государствами. Вместе с тем политическая ситуация, сложившаяся в зоне Персидского залива в результате вынужденного ухода Англии, усилила стремление шаха расширить свое политическое влияние в регионе путем увеличения военной мощи и экономической экспансии. США и Англия поддерживали желание Ирана приобрести доминирующее положение в зоне залива, так как считали его главным защитником нефтяных и стратегических интересов Запада.

Роль второго защитника была отведена Саудовской Аравии. Но западные нефтяные монополии скорее были против сближения двух ведущих членов ОПЕК в регионе. Их растущая солидарность вызывала у Запада заметное беспокойство.

6.10. Борьба Ирана с западными монополиями за восстановление своих прав

В свою очередь, иранская верхушка стремилась извлечь пользу из противоречий между западными нефтяными корпорациями. Принимая во внимание стремление «независимых» частных и западноевропейских государственных нефтяных компаний получить доступ к источникам нефти в развивающихся странах, правительство продолжало в 60-х годах добиваться более выгодного сотрудничества с иностранными фирмами. Если во второй половине 50-х годов ИННК заключила соглашения, предусматривавшие создание смешанных (ирано-иностраных) нефтяных обществ, то в 60-х годах ей удалось впервые на Ближнем и Среднем Востоке подписать с иностранными нефтяными компаниями контракты о подряде.

Первый такой контракт ИННК заключила в августе 1966 г. с французской государственной компанией ЭРАП. Согласно контракту ЭРАП должна была исполнять роль подрядчика, т. е. вести разведку и добычу нефти для ИННК. По соглашению Иран формально выступил как полноправный хозяин собственной нефти. Тем не менее газета «Монд» в августе 1966 г. подчеркивала, что Франции удалось проникнуть «в сердце американо-английской нефтяной империи».

3 марта 1969 г. ИННК заключила подрядное соглашение о разведке и добыче нефти на юге провинции Фарс (площадь участка 27 260 кв. км) с созданным по инициативе Франции консорциумом западноевропейских нефтяных фирм.

Заключение новых контрактов фактически поставило под

угрозу дальнейшего сотрудничества между Ираном и Международным нефтяным консорциумом. Именно супермонополиям – «семи сестрам» – принадлежало 89% акций в МНК, на долю которых во второй половине 60-х годов приходилось 95% добываемой в Иране нефти [81].

Еще в 1954 г. против соглашения с МНК выступили не только прогрессивные организации, но и многие представители либеральной буржуазии и правые националисты, считавшие, что оно ущемляет интересы Ирана. Однако лишь в конце 50-х годов, когда МНК снизил цены на иранскую нефть, что вызвало значительное уменьшение доходов Ирана, соглашение с МНК впервые подвергли острой критике представители правящей верхушки. Указав, что соглашение дает возможность нефтяным монополиям единолично определять политику цен, сенатор Матин-Дафтари в феврале 1958 г. призвал подписавших это соглашение иранских деятелей приложить «все усилия для того, чтобы восстановить поправленную справедливость» [82].

Понимая, что добиться согласия МНК на проведение двусторонних переговоров по принципиальным вопросам в одиночку – задача почти невыполнимая, иранское правительство активизировало свою деятельность в рамках ОПЕК.

В начале 60-х годов, благодаря общим усилиям членов ОПЕК, был подготовлен проект дополнительного соглашения, предусматривавшего изменение финансовых условий, заключенных в 50-х годах концессионных соглашений, в пользу нефтедобывающих стран. Чтобы воспрепятствовать объединению усилий стран – членов ОПЕК, Международный нефтяной картель добился отдельных переговоров с каждой из них. В 1964 г. подобное соглашение было заключено между МНК и Ираном, одной из наиболее «лояльных» в отношении картеля нефтедобывающих стран. Суть соглашения состояла в том, что отныне прибыли по принципу 50:50 должны были распределяться после выдачи «роялти». Требование о выделении «роялти» в самостоятельный вид платежей нефтедобывающей стране было выдвинуто еще в 1962 г. в резолюции, принятой на IV конференции ОПЕК. Реализация нового соглашения давала возможность Ирану, как было заявлено представителем ИННК в апреле 1969 г., получать не 50%, как раньше, а 56,2% прибылей [83]. Вместе с тем, исходя из той же резолюции IV конференции ОПЕК, представители Ирана

настаивали на ликвидации рыночных скидок, которые предоставлялись нефтедобывающими странами консорциуму. Консорциум согласился лишь на постепенную ликвидацию скидок. Вследствие этого, доля Ирана в прибылях МНК увеличилась не на 15%, как предполагалось, а на 6,25%.

Осенью 1966 г. Иран предъявил МНК новые требования, добиваясь уменьшения концессионной зоны, увеличения добычи нефти и повышения цен. Первый раунд переговоров завершился в конце 1966 г. принятием некоторых требований Ирана. Во-первых, консорциум обязался увеличивать добычу и экспорт нефти ежегодно не менее чем на 12%; во-вторых, к марту 1967 г. он лишился четверти своей концессионной территории (что превышало 64 тыс. кв. км); в-третьих, МНК согласился передавать ИННК в течение 1967–1971 гг. по льготным ценам дополнительно необходимое ей количество нефти для экспорта в европейские социалистические страны [84].

Второй раунд переговоров начался в январе 1968 г. и закончился лишь в марте 1969 г. Одним из основных предметов спора было требование иранского правительства увеличить ежегодную добычу и экспорт нефти на 16,8%, что, по его мнению, должно было обеспечить получение средств, необходимых для экономического развития страны. Выдвигая это требование, Иран исходил из резолюции, принятой ОПЕК в 1965 г. Давняя квота нефтедобычи была основана на оценках роста потребления нефти в мире [85].

Эти переговоры, как и предыдущие, были весьма напряженными. Об этом свидетельствовали, в частности, антииранские статьи, появлявшиеся время от времени в печати США и Англии. Но подрывная деятельность супермонополий этим не ограничивалась. Одна из них, американская «Мобил Ойл», зная о требованиях Ирана относительно выделения консорциумом дополнительного количества нефти ИННК для экспорта в социалистические страны Европы, до завершающего этапа переговоров предложила внешнеторговым организациям Венгрии нефть по сниженным ценам. Правительство Венгрии не скрыло от Ирана этого маневра американской компании. Газета «Кейхан», с удовлетворением отмечавшая это, подчеркивала, что «действия, предпринятые компанией «Мобил Ойл», являются лишь одним из маневров американских нефтяных корпораций, владевших 40% акций Международного нефтяного консорциума [86].

Переговоры завершились компромиссом. По соглашению, заключенному 14 мая 1969 г., Иран в 1969 г. получил от МНК требуемую сумму – 1 012 млн. долл. Доходы от нефти составляли 932 млн. долл., а 80 млн. были предоставлены в виде займа в счет будущих платежей. Относительно объема добычи и экспорта иранской нефти стороны согласились провести новую серию переговоров.

Хотя переговоры были секретными, статьи, появившиеся в английской печати, свидетельствовали о том, что в ходе их обсуждались и другие важные вопросы. Так, в «Файнэншл Таймс» от 6 мая 1969 г. была опубликована беседа Мохаммед-Реза шаха с корреспондентом этой газеты, во время которой глава иранского государства заявил, что в консорциум входят такие компании, основные интересы которых связаны с другими районами. «Мы предлагаем им, – сказал шах, – продать свои акции». Покупателями, по его словам, могли быть фирмы Японии, ФРГ и некоторых других стран. «Экономист» в мае 1969 г. с раздражением отмечал, что такими компаниями, которым шах предлагал уйти из МНК, являются «Бритиш Петролеум» и «Галф Ойл» (первой принадлежало 40% акций консорциума, а второй – 7%). На переговорах также обсуждалось требование Ирана о возвращении ИННК нефтеносного района Марун, входившего в зону деятельности МНК.

В октябре 1969 г. в Лондоне начался новый тур переговоров, во время которых иранская сторона в качестве главного требования выдвинула необходимость роста доходов от нефти в 1970–1971 гг. путем увеличения ее экспорта [87]. Нефтяным концернам-членам МНК пришлось удовлетворить требования иранского правительства.

В 1970 г. переговоры между ИННК и представителями МНК приобрели еще большее значение в связи с опережавшим ростом спроса над предложением на мировом капиталистическом рынке нефти. Успех правительства Ливии, добившегося повышения справочных цен на свою нефть на 30 центов за баррель, оказал сильное воздействие на ход этих переговоров. Ирану и другим странам Персидского залива удалось добиться согласия МНК и других монополий на повышение справочных цен с 14 ноября 1970 г. на 9 центов за баррель экспортируемой тяжелой нефти. Одновременно подоходный налог во всех странах зоны был по-

вышел до 55%. Тем временем члены ОПЕК решили воспользоваться благоприятной конъюнктурой для достижения тех целей, ради которых была создана их организация. XXI сессия ОПЕК (Каракас, декабрь 1970 г.) предъявила нефтяным трестам Запада требование увеличить минимальную ставку подоходного налога на их прибыли до 55%, повысить справочные цены на нефть, на основе которых производились отчисления странам-экспортерам с тем, чтобы они отражали тенденцию к повышению цен, господствовавшую на мировом рынке. Монополиям был предъявлен и ряд других требований, в частности, унификация справочных цен. В результате этих сдвигов, в зоне Персидского залива закончилось господство системы распределения доходов 50:50, установленной в Саудовской Аравии в 1949 г., а в Иране в 1954 г. [88].

В соответствии с принятыми на XXI сессии ОПЕК решениями в январе 1971 г. в Тегеране начались переговоры между представителями шести государств Персидского залива и Международного нефтяного картеля, к которым присоединились представители еще 15 американских, западноевропейских и японских компаний. Во время этих переговоров Иран, Ирак, Саудовская Аравия и другие страны региона потребовали от крупнейших нефтяных компаний развитых капиталистических стран удовлетворения всех требований, изложенных в резолюции XXI сессии ОПЕК. Когда представители нефтяных монополий отвергли эти требования, переговоры были прерваны.

В начале февраля 1971 г. в Тегеране была созвана чрезвычайная XXII сессия ОПЕК. В единодушно принятой ее участниками резолюции говорилось, что страны Персидского залива — члены ОПЕК предпримут с 15 февраля практические шаги для достижения целей, поставленных XXI сессией. В случае если какая-либо нефтяная компания в течение семи дней не согласится с требованиями ОПЕК об отчислении нефтедобывающим странам минимум 55% прибылей от продажи сырой нефти и о повышении справочных цен на нефть правительство страны-экспортера предпримет соответствующие санкции, включая прекращение поставок нефти этой компании [89].

Нефтяные монополии были вынуждены принять все основные требования. 14 февраля 1971 г. в Тегеране было подписано соглашение между нефтяными компаниями и шестью странами Персидского залива (Абу-Даби, Ираном, Ираком, Кувейтом, Сау-

довской Аравией и Катаром) об увеличении на 20–25% справочных цен на нефть (на 30–40 центов за баррель и еще 5 центов за баррель с 1 июня 1971 г.) в портах залива сроком на пять лет с последующим ежегодным повышением их с 1 января каждого года на 5 центов за баррель. Для компенсации возможных последствий инфляционных процессов цены должны были ежегодно повышаться еще на 2,5%. В соответствии с требованиями компаний была также ликвидирована система скидок со справочных цен [90]. В общей сложности в результате тегеранского соглашения цены на нефть в 1971 г. в зоне Персидского залива повысились в среднем на 45–59 центов за баррель.

Это крупное сражение было выиграно странами-членами ОПЕК, в том числе Ираном, благодаря единству их действий и решительности в переговорах с нефтяными монополиями, подерживаемыми империалистическими государствами.

Стремясь к укреплению особых связей с западными державами, шах в 1968–1973 гг. отрицательно относился к приобретению доли участия в основном капитале иностранных компаний-концессионеров, к чему призывал принятый ОПЕКом еще в 1968 г. программный документ – заявление об основных направлениях ее политики. В этом документе указывалось, что главным средством установления контроля над нефтяной промышленностью должно стать приобретение доли участия в концессиях, выданных иностранным компаниям [91]. Мохаммед Реза Пехлеви отказывался от поддержки упомянутой радикальной программы ОПЕК. При этом он демагогически ссылался на то, что нефтяная промышленность Ирана национализирована еще в 1951 г.

В июне 1972 г., однако, выступая на пресс-конференции в Лондоне, шах заявил, что иранское правительство решило продлить срок соглашения с МНК, истекавший в 1979 г., еще на три пятилетия. Ратуя за сохранение «надежных отношений» с МНК, он утверждал, что Иран считает соглашение с консорциумом выгодным для себя и не намерен приобретать долю участия. Он заявил, однако, что иранское правительство будет настаивать лишь на некоторых изменениях в условиях расчета [92].

В октябре 1972 г. четыре арабских государства Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Абу-Даби – к тому времени княжество уже входило в состав ОАЭ, Катар) достигли с западными нефтяными монополиями соглашения об участии в основ-

ном капитале. С января 1973 г. 25% добываемой в каждой стране нефти должно было перейти в собственность национальной компании, а доля участия национальных компаний – возрасти до 30% в 1979 г. и до 51% в 1983 г. Размер компенсации, которую национальным компаниям следовало выплатить иностранным монополиям, составлял значительную сумму. Тем не менее в результате заключения соглашения об участии указанные страны оказались в более выгодном положении, чем Иран.

Шах решил изменить свою политику. В январе 1973 г., в день десятилетия начала «белой революции», он заявил, что в 1979 г. Иран не пролонгирует свое соглашение с МНК. Если члены консорциума, отметил он, не пожелают вложить капиталы, необходимые для того, чтобы повысить добычу нефти в «зоне соглашения» с 5 млн. до 8 млн. баррелей в сутки, Иран сам сделает необходимые капиталовложения и самостоятельно будет сбывать значительное количество нефти [93]. Усиление конкурентной борьбы между «семью сестрами», с одной стороны, и западногерманскими, французскими, японскими и итальянскими компаниями – с другой, а также обострение в 1973 г. энергетического кризиса создавали благоприятные предпосылки для реализации подобного плана.

В новой ситуации, которая сложилась на международном рынке нефти и нефтепродуктов, Мохаммед Реза Пехлеви стал более решительным. Он заявил, что у него имеются неоспоримые доказательства того, что компании МНК нарушали основополагающие принципы соглашения о нефти 1954 г. и не соблюдали должным образом интересы Ирана. Тем не менее он выдвинул компромиссное предложение. Поступил шах таким образом, опасаясь вызвать недовольство правящих кругов США и Англии. Желая скрыть от общественности подлинную причину своих уступок, он сказал: «Мы поступаем так, поскольку принадлежим к числу людей, которые сохраняют верность достигнутым договоренностям». Шах заявил, что если входящие в МНК компании пожелают до истечения срока соглашения 1954 г. продолжать свою производственную и коммерческую деятельность в Иране, то необходимо, чтобы его доходы за баррель были не меньше чем в соседних государствах. А если компании не согласны с этим условием, то необходимо пересмотреть соглашение 1954 г., с тем, чтобы контроль над производством нефти в зоне деятельности консорциума перешел в руки ИННК. По новому соглашению,

которое может быть заключено с МНК, отметил он, входящие в него компании станут на длительный срок главными покупателями иранской нефти, причем нефть будет им поставляться со скидкой как «хорошим клиентам» [94].

Шах добивался значительного роста добычи нефти с целью резкого увеличения финансовых поступлений, необходимых, прежде всего, для реализации его плана превращения Ирана в мощную в военном отношении державу. Однако супермонополии в тот период увеличивали добычу в Саудовской Аравии и не проявляли заинтересованности в росте производства иранской нефти. Тем не менее, желая сохранить свои позиции в Иране и воспрепятствовать установлению прямых коммерческих контактов между ИННК и потребителями иранской нефти в Западной Европе и Японии, МНК положительно отнесся к компромиссному предложению шаха. 23 мая 1973 г. было подписано новое соглашение. Еще раньше, 20 февраля, Иран установил контроль в зоне деятельности входивших в МНК компаний [95].

Следует подчеркнуть, что заметное изменение характера отношений Ирана и МНК было вызвано скорее значительными сдвигами в мире нефтяного бизнеса, чем целенаправленной политикой иранского руководства. Иранское правительство до 1973 г. не прилагало серьезных усилий для расширения производственной базы ИННК в сфере добычи нефти. К началу 70-х годов, как и в начале предыдущего десятилетия, ИННК ежегодно самостоятельно добывала лишь 0,7 млн. т. нефти. Между тем в 1972 г. по объему добычи нефти Иран занимал третье место в капиталистическом мире (в США было произведено 532 млн. т., в Саудовской Аравии – 286 млн., в Иране – 254 млн. т.) [96]. На долю Ирана приходилось около 10% добычи нефти в капиталистическом мире и 27,8% на Ближнем и Среднем Востоке, 21% экспорта сырой нефти в капиталистическом мире и примерно 19% ее добычи среди стран – членов ОПЕК [97].

В то же время иранские власти стремились к расширению производственной и коммерческой деятельности ИННК в других областях, таких как нефтепереработка, производство нефтепродуктов, строительство нефтепроводов. Объяснялось это двумя обстоятельствами. Во-первых, увеличивая переработку нефти, власти хотели обеспечить возрастающие потребности внутреннего рынка в нефтепродуктах. Во-вторых, расширением производства

и экспорта полуфабрикатов и готовых к потреблению нефтепродуктов они намеревались добиться увеличения государственных доходов. Второй цели в принципе иранскому руководству достичь не удалось. Однако в 60–70-х годах производственная мощность нефтеперерабатывающей промышленности значительно возросла. В 1972 г. при содействии голландской фирмы была завершена полная реконструкция Керманшахского НПЗ, в результате чего его производственная мощность увеличилась втрое. В 1968 г. состоялся пуск первой очереди Тегеранского НПЗ по переработке нефти мощностью 1,6 млн. т в год, построенной при участии американских и западногерманских фирм. В 1971 г. этот завод был частично реконструирован. В 1973–1974 гг. были введены в строй нефтеперерабатывающие заводы в Тегеране (вторая очередь) и Ширазе, а во второй половине 70-х годов – в Тебризе и Исфахане. Производственная мощность нефтеперерабатывающей промышленности Ирана к концу 70-х годов (включая Абаданский НПЗ) достигла 49 млн. т в год [98].

Одновременно с увеличением производственной мощности нефтеперерабатывающих заводов расширялась номенклатура выпускаемой ими продукции.

Сооружение новых НПЗ вызвало необходимость строительства нефтепроводов. Для обеспечения сырьем первой очереди Тегеранского НПЗ был сооружен нефтепровод Ахваз – Тегеран протяженностью 760 км. В связи с пуском второй очереди НПЗ в столице был построен нефтепровод юг Ирана – Тегеран. От него ветвь протянулась к Тебризскому НПЗ. Сырая нефть на Ширазский НПЗ стала поступать из Гячсарана по нефтепроводу протяженностью 230 км. В связи с реконструкцией Керманшахского НПЗ был сооружен нефтепровод Нефтшах – Керманшах протяженностью 260 км. Были также построены трубопроводы для транспортировки продукции нефтеперерабатывающих предприятий в различные районы страны [99].

По запасам природного газа Иран занимал второе место в мире [100]. Однако лишь в 1955 г. в Иране началось потребление жидкого газа. Первоначально из Абадана в Тегеран транспортировалось ежегодно лишь 80 т газа. С введением в строй тегеранского НПЗ производство жидкого газа для внутреннего рынка несколько увеличилось. В течение последующих лет производство жидкого газа было налажено также на Керманшахском, Ши-

разском, второй очереди Тегеранского НПЗ. Но подлинное развитие иранская газовая промышленность получила в результате заключения в 1966 г. советско-иранского соглашения об экономическом сотрудничестве.

Появление такого крупного импортера, как СССР, не только впервые позволило Ирану экспортировать большое количество ранее терявшегося попутного газа, но и создало благоприятные условия для газификации крупных городов и промышленных центров, включая Тегеран. В начале 1965 г. была учреждена дочерняя компания ИННК – Иранская национальная газовая компания (ИНГК). Ее первоначальный капитал – 700 млн. риалов – был выделен из фондов ИННК [101].

Строительство трансиранского газопровода началось в 1966 г. Его северный участок, включая отвод на Тегеран, был построен при технико-экономическом содействии Советского Союза. В сооружении южного участка принимали участие западные фирмы. Согласно иранским данным, длина трансиранского газопровода составляла 1106 км, а протяженность газоотводов, по которым доставлялся природный газ в Тегеран, Исфахан, Шираз, Кашан и Кум, – 667 км. В связи со строительством трансиранского газопровода был построен крупный газоперерабатывающий завод (ГПЗ) в Бид-Боланде, вступивший в строй в декабре 1971 г. Поставка газа в СССР началась в октябре 1971 г. [102].

Весной 1972 г. палаты иранского парламента утвердили закон о развитии газовой промышленности, в котором были определены задачи и функции ИНГК. Закон вменял ей в обязанность осуществлять производство попутного газа и сжиженного газа и заниматься их сбытом как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Компании было предоставлено право сотрудничать с государственным и частным секторами. Полностью все отводы трансиранского газопровода вступили в строй в 1975 г.

Осуществлялись меры по освоению газовых месторождений и в других районах страны. В 60-х годах было открыто месторождение природного газа в Хангиране (в 22 км западнее г. Серакса), а в 1973 г. вступил в строй газопровод Хангиран – Мешхед.

В октябре 1972 г. между ИНГК и группой американских, японских и западноевропейских компаний было подписано соглашение об участии в производстве и экспорте сжиженного природного газа (СПГ). Оно предусматривало добычу в районе Кан-

гана ежегодно 8,4–12,4 млрд. куб. м природного газа и экспорт его в сжиженном виде в Японию и США. 50% акций организованной с этой целью «Камингаз» («Канган Ликвифайд Нэчурел Гэс Компани») принадлежало ИНГК, остальные 50% – иностранным компаниям. Общие инвестиции в указанный проект оценивались примерно в 3 млрд. долл.

Если в начале 70-х годов потребление природного газа в Иране составляло 0,34 млрд. куб. м, то в 1975 г. оно достигло 1,9 млрд. куб. м. В 1976 г. ИНГК поставляла на внутренний рынок 5,5 млн. куб. м газа в сутки (около 2 млрд. куб. м в год). Начиная с 1972 г. доля газа в энергетическом балансе страны заметно увеличивалась, в то время как доля нефтепродуктов имела тенденцию к сокращению. С 1962 по 1975 г., например, доля газа в энергетическом балансе возросла с 6,3% до 17%, а доля нефти упала с 84,6% до 68,7%.

Определенное развитие получили самостоятельные внешне-экономические связи ИННК. С середины 60-х годов она стала в заметных количествах экспортировать нефть и нефтепродукты. До этого ИННК вывозила лишь незначительное количество бункерной нефти. В 1965 г. компания подписала контракт о поставках сырой нефти Аргентине.

В связи с этим, как уже было отмечено, по инициативе иранской стороны в дополнительное соглашение, заключенное в декабре 1966 г. между ИННК и МНК, был включен пункт, предусматривавший передачу Ирану консорциумом в течение десяти лет по льготным ценам определенного количества нефти для вывоза. Однако, по условиям соглашения ИННК имела право экспортировать эту нефть только на рынки, с которыми компании консорциума не были связаны. Количество нефти, получаемой ИННК в этих целях, составляло в начале 70-х годов всего 42 тыс. баррелей в сутки [103]. Главным же источником самостоятельно экспортируемой ИННК нефти в рассматриваемый период стали смешанные компании – СИРИП, ИПАК, ЛАПКО («Лаван Петролеум Компани») и ИМИНОКО («Ираниен Марин Интернэшнл Ойл Компани»), приступившие к коммерческой добыче сырой нефти соответственно в 1961, 1968 и 1969 гг. В 1972 г. на долю смешанных компаний приходилось всего 9,3% добываемой в Иране нефти. За исключением поставок небольшого количества авиационного горючего в Афганистан (треть потребностей страны), ИННК на

внешний рынок не вывозила очищенные нефтепродукты.

Первым шагом на пути к распространению промышленной деятельности ИННК за пределы Ирана явилось ее финансовое и техническое участие в возведении НПЗ в Мадрасе (Индия). Доля ИННК в капиталах этого предприятия, вступившего в строй в конце 1969 г., составляла 13%. Индия обязалась ежедневно приобретать у Ирана 50 тыс. баррелей нефти. ИННК в 1971 г. купила 24,5% акций завода химических удобрений, построенного в конце 60-х годов в Мадрасе. ИННК принимала участие также в промышленной деятельности НПЗ, построенного в Солтсберге (ЮАР). Около 70% сырья для этого завода поступало из Ирана. Доля ИННК в капиталах указанного предприятия равнялась 17,5%. В марте 1972 г. ИННК в партнерстве с «Бритиш Ойл» получила концессию на разработку и эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений в Северном море.

При сотрудничестве с МНК в конце 50-х и особенно в 60-х – начале 70-х годов ИННК осуществила реконструкцию старых и строительство новых нефтяных портов в зоне Персидского залива. Для вывоза основной массы сырой нефти на о-ве Харк был сооружен крупнейший в Иране нефтяной порт. Нефть поступала в порт по трубопроводу, проложенному от месторождения Гячсаран. Ежедневно порт мог отгружать 600 тыс. тонн нефти. Был значительно расширен порт Махшехр. Абаданский порт стал служить только для отгрузки нефтепродуктов. В 60-х годах правительство приобрело четыре танкера общей грузоподъемностью 184 тыс. т.

Во второй половине 60-х годов началось сооружение крупных нефтехимических предприятий, в котором активное участие приняли западные фирмы. Первое нефтехимическое предприятие в Иране, сравнительно небольшой завод по производству химических удобрений, было построено при участии французских компаний в 1963 г. близ Шираза, в Марвадште. Однако сооружение подобных предприятий в значительных масштабах началось после 1965 г., когда была создана государственная Национальная иранская нефтехимическая компания (НИНК) – дочерняя компания ИННК. Летом того же года меджлис утвердил закон о развитии нефтехимической промышленности. Устав НИНК, утвержденный осенью 1966 г., оговаривал условия сотрудничества компании с частным иностранным и иранским капиталом в создании нефтехимических объектов. Основным капитал НИНК был выде-

лен из бюджета Иранской национальной нефтяной компании.

Вначале иранское правительство намеревалось развивать нефтехимию с помощью французских фирм, но затем предпочтение было отдано американским компаниям. Осенью 1965 г. НИНК и американская «Эллайд Кемикл Корпорейшн» заключили соглашение о строительстве нефтехимического комплекса в Бендер-Шахпуре. Была образована совместная ирано-американская компания, основной капитал которой был поделен поровну между НИНК и «Эллайд Кемикл». Впоследствии американская доля была полностью приобретена Ираном. Предприятие вступило в строй в ноябре 1970 г. [104].

Вторым по значимости объектом иранской нефтехимии стал комплекс, построенный еще одной смешанной ирано-американской акционерной компанией рядом с Абаданским НПЗ. Соглашение о создании этой компании и о сооружении нефтехимического комплекса было подписано в 1966 г. 74% капитала компании принадлежало НИНК, а 26% – американской фирме «Б. Ф. Гудрич». Комплекс начал выпускать продукцию (поливинилхлорид, моющие средства, каустическую соду) в ноябре 1969 г. В том же году вступил в строй нефтехимический комплекс на о-ве Харк, соглашение о сооружении которого было достигнуто между иранской компанией и американской «Амоко Интернэшнл» (дочерняя компания «Стандарт Ойл оф Индиана») в 1965 г. Созданная для этой цели смешанная компания «Харк Петрокемикл» (50% ее капитала принадлежали НИНК, 50% – «Амоко Интернэшнл») специализировалась на производстве серы и сжиженного газа, а также на очистке легкой нефти. Основная часть продукции предназначалась для экспорта. В 1970 г. в Махшехре вступил в строй завод по производству сжиженного газа, а в 1972 г. в Марвадште было завершено сооружение завода кальцинированной соды. В общей сложности в течение второй половины 60-х и в начале 70-х годов в строительство крупных нефтехимических объектов было вложено более 400 млн. долл. [105].

Введение в строй современных нефтехимических предприятий означало появление новой отрасли иранской промышленности. Комплексы на о-ве Харк и в Абадане представляли собой весьма значительные промышленные предприятия. А комплекс в Бендер-Шахпуре в начале 70-х годов относился к числу крупнейших предприятий подобного типа. Он выпускал в год 522 тыс.

т серы, 429 тыс. т серной кислоты, 339 тыс. т. аммиака, 164 тыс. т мочевины, 147 тыс. т фосфорной кислоты и 121 тыс. т. тройного суперфосфата.

Ввод в строй государственным сектором в сотрудничестве с иностранным капиталом нефтехимических комплексов, выпускавших широкую номенклатуру промежуточных продуктов, стимулировал появление множества средних и мелких предприятий, использовавших эти продукты в качестве сырья. Среди них было немало химических и фармацевтических предприятий, фабрик по производству обуви и посуды. В их создании участвовал иностранный и иранский частный капитал.

Нефтехимические комплексы и связанные с ними промышленные предприятия содействовали увеличению доходов, получаемых от каждой единицы перерабатываемых нефти и газа. Однако к середине 70-х годов иранская нефтехимия была в состоянии использовать сравнительно незначительную часть добываемого в стране натурального газа, представлявшего собой основное сырье, которое использовалось ее предприятиями. В 1974 г. государственные нефтехимические предприятия реализовали продукции (главным образом на внутреннем рынке) на 184 млн. долл. [106].

Анализ связанных с развитием иранской нефтегазовой промышленности перемен позволяет выделить два главных направления ее воздействия на экономическое и социальное развитие Ирана. Первое направление – это производственно-экономическое воздействие. Развитие нефтегазовой промышленности содействовало или прямо вело к росту производственной инфраструктуры, становлению новых отраслей промышленности, расширению внешнеэкономического сотрудничества, развитию внутренним межотраслевым связям, к заметному прогрессу топливно-энергетического хозяйства страны. Одним словом, нефть и газ, используемые в качестве топлива и нефтехимического сырья, стали базой для индустриализации и социального развития Ирана. Для того чтобы дополнить представление о преобладающей роли нефтегазовой промышленности в происходивших в иранской экономике переменмах, целесообразно обратить внимание на увеличение доли углеводородов в энергетическом балансе Ирана. При этом следует иметь в виду, что производство электроэнергии в стране в течение 1963-1977 гг. увеличилось более чем в 4,5 раза.

Самый значительный вклад в прирост валового национального

продукта (ВНП) в годы реализации третьего и четвертого планов развития (1962/63 – 1972/73 гг.) был сделан нефтяным сектором. В 1967/68 г. благодаря быстрому росту нефтяного сектора доля промышленности впервые превзошла долю сельского хозяйства в ВНП. В течение шести предшествующих началу нефтяного бума (1973 г.) лет (1967/68 – 1972/73) ВНП Ирана в среднем ежегодно возрастал на 13%. Доля нефтяного сектора за указанные годы возросла с 13,8 до 19,5% [107].

Второе направление – финансовое воздействие (речь идет о доходах, которые Иран получал от МНК и от смешанных нефтяных компаний; сюда же следует отнести доходы, связанные с экспортом природного газа в Советский Союз). Обычно воздействие доходов от нефти на социально-экономическое развитие Ирана называют также косвенным [108]. По нашему мнению, использование этого определения нельзя считать бесспорным, ибо речь идет о факторе, который способствовал созданию финансовой основы происходивших в экономическом базисе и надстройке перемен; более того, этот фактор явился своего рода стимулятором экономического роста.

Как свидетельствуют данные, за 11 лет (1960–1971 гг.) нефтяные доходы Ирана увеличились в 7,4 раза. В 1972/73 г. из добытой в Иране нефти 90% приходилось на долю компаний МНК, 0,7% – ИННК и 9,3% – на долю четырех смешанных компаний. За указанный год поступления от МНК составили 2257 млн. долл., от смешанных компаний – 140 млн. и от ИННК – 25 млн. долл. [109].

Доходы от нефти играли существенную роль в финансировании валовых внутренних вложений в основной капитал: в 60-х годах они равнялись 30%, а в 70-х годах – 50%. С конца 50-х годов нефтяные поступления оказывали решающее воздействие на формирование доходной части текущего бюджета*. Они превратились во вторую, после косвенных налогов, статью доходов бюджета госаппарата и стали одним из главных источников поступлений в общий государственный бюджет. По подсчетам

* До 1958 г. государственный бюджет Ирана включал текущие расходы и доходы государственного аппарата. Начиная с 1958/59 г. составлялся общий бюджет, состоявший из следующих разделов: доходы бюджета госаппарата, бюджет промышленных и горнорудных обществ, бюджет ИННК, бюджет Плановой организации. С 1964 г. общий бюджет страны состоял из обычного бюджета, бюджета развития и бюджета государственных учреждений.

У. 3. Шарипова, доля доходов от нефти в поступлениях текущего и общего бюджета в 1956/57 – 1971/72 гг. в среднем составляла соответственно 22 и 22–24%. Если нефтяные деньги брать как часть регулярных доходов правительства, то они в 1966/67 г. формировали 50,6% всех бюджетных поступлений [110].

В течение изучаемого периода нефтяные поступления неизменно образовывали главную и самую значительную статью государственных доходов Ирана, причем их объем и доля в государственных доходах, как правило, из года в год увеличивались. Например, в 1962/63 г. они составляли 45,6%, в 1967/68 г. – 50, в 1971/72 г. – 60, а в 1972/73 г. – 59%.

Чрезвычайно велик был вклад доходов от нефти в валютные запасы страны. К 1967/68 г. нефтяные доходы составляли 70% валютных поступлений Ирана, в 1972/73 г. – 76%. Если в 1961/62 г. валютные поступления от нефти составили 291,3 млн. долл., то в 1968/69 г. они равнялись 958,5 млн., а в 1972/73 г. увеличились до 2536 млн. долл.

Как было отмечено в предыдущих главах, идея планов экономического развития и расширения функций государственного сектора в иранском хозяйстве изначально была связана с нефтяными доходами. Самым значительным источником финансирования первого семилетнего плана развития должны были стать, согласно принятому парламентом закону, концессионные отчисления АИНК. Они должны были составить 37,7% всех предусмотренных ассигнований. Возобновление нефтяных поступлений в середине 50-х годов стимулировало разработку второго семилетнего плана развития, единственным внутренним источником финансирования которого были доходы от нефти – на этот раз платежи МНК. В период осуществления указанного плана Плановая организация получила из отчислений МНК 810 млн. долл., однако это составляло лишь 69,3% нефтяных поступлений, которые предполагалось передать в распоряжение организаций. В период реализации третьего плана развития (23 сентября 1962 – 20 марта 1967 г.) было израсходовано примерно 205 млрд. риалов (2 035 млн. долл.), из которых около 75% приходилось на долю нефтяных доходов. Эта сумма составляла примерно 68% всех нефтяных поступлений за указанные годы. За этот период, именно благодаря вкладу нефтегазового сектора, ежегодный прирост ВВП превысил запланированные 6% и дошел до 8%. Зависимость приходной части бюджета Плановой

организации от нефтяных поступлений стала особенно внушительной с середины 60-х годов. В 1965/66 г. Плановая организация получила 75% нефтяных доходов. В последующие годы эта доля ниже 72% не опускалась, а после 1968/69 г. имела тенденцию к повышению. В 1970/71 г. организация получила 79% нефтяных доходов, а в 1972/73 г. – 79,5% [111].

Нефтяные доходы сыграли исключительную роль в период выполнения четвертого плана развития (21 марта 1968 – 20 марта 1973 г.). Этот план занимает особое место в экономической истории Ирана, так как в период его претворения в жизнь страна приступила к созданию базовых основ национальной экономики. На реализацию проектов четвертого плана предполагалось выделить 10,8 млрд. долл., однако Плановая организация получила немногим более 5,1 млрд. долл., что составляло около 80% нефтяных доходов государства за указанный период. Почти половина (48%) всех предусмотренных планом капиталовложений была обеспечена за счет нефтяных доходов. Фактически вклад нефтяного сектора оказался еще более внушительным, если принять во внимание, что кредит, предоставленный Советским Союзом Ирану для оплаты технического содействия в связи со строительством Исфаханского металлургического комбината и других промышленных объектов, оплачивался поставкой в СССР природного газа. В значительной степени поставками сырой нефти оплачивались кредиты, выданные европейскими социалистическими странами Ирану для приобретения, как правило, промышленного оборудования и техники.

Развитие нефтегазовой промышленности и расширение в целом промышленного строительства вели к увеличению занятости, способствовали формированию квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Однако руководители МНК активно внедряли в нефтедобычу и нефтепереработку, а также при погрузке и транспортировке нефтепродуктов научно-технические новшества, добиваясь тем самым сокращения численности иранских рабочих. В то же время численность занятых на предприятиях МНК иностранцев в 1955–1972 гг. почти не уменьшилась.

За тот же период численность рабочих и служащих, занятых на предприятиях и в учреждениях, находящихся в подчинении ИННК (ИНГК, Национальная нефтехимическая компания и т. д.), заметно увеличилась. Тем не менее к началу 70-х годов на всех

предприятиях и в учреждениях нефтегазовой промышленности Ирана (ИННК, включая ее дочерние компании, а также предприятия МНК) было занято меньше рабочих, чем на всех предприятиях нефтяной промышленности Ирана в 1955 г.

Такое положение сложилось вследствие того, что в условиях НТР нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленности перестали относиться к числу трудоемких отраслей производства. В первую очередь это касалось газопереработки и нефтехимии, которые по-настоящему стали развиваться в период НТР.

Приведенные данные свидетельствуют, что на рубеже 60–70-х годов нефтегазовая промышленность приобрела исключительное значение для иранской экономики и политики. Неуклонное увеличение добычи и вывоза иранской нефти иностранными компаниями обуславливалось быстро растущим спросом на нефть и нефтепродукты на мировом капиталистическом рынке. В то же время благодаря совместным действиям в рамках ОПЕК Ирану и другим нефтедобывающим странам удавалось постепенно, шаг за шагом, улучшать условия сотрудничества с иностранными монополиями, добиваясь увеличения своей доли с каждого добываемого в стране барреля нефти. Рост государственных доходов создал основу для успешного решения проблемы накопления, появились благоприятные условия для промышленного строительства и развития производственной инфраструктуры. Увеличение доходов от нефти и активизация промышленно-коммерческой деятельности ИННК содействовали расширению внутреннего рынка и мировых хозяйственных связей Ирана.

Вместе с тем проводимый шахскими властями курс отличался непоследовательностью. Исходя из того, что увеличение добычи нефти иностранными компаниями вело к росту государственных доходов, иранское руководство интенсивно развивало сотрудничество с ними в разведке и производстве нефти и газа. В 1957–1975 гг. ИННК заключила 20 соглашений с 34 иностранными фирмами [112]. Однако в результате быстрого роста добычи иранской нефти членами МНК (в 1972 г. на их долю приходилось 90,5% всей производимой в Иране нефти) и другими компаниями, действовавшими в составе смешанных обществ (9,3% добычи), масштабы эксплуатации природных ресурсов иностранным монополистическим капиталом заметно увеличились. Позиции международных, главным образом американо-английских, корпо-

раций в наиболее важной в финансово-экономическом отношении отрасли иранского хозяйства упрочились. Несмотря на значительное расширение нефтегазового сектора, анклавный характер иранской нефтедобывающей промышленности преодолен не был. Одним словом, благоприятная во всех отношениях конъюнктура должным образом не была использована режимом для установления полного суверенитета над природными ресурсами Ирана. Темпы роста внутреннего потребления нефти заметно отставали от темпов роста ее добычи и экспорта. В течение 1955–1975 гг. внутреннее потребление нефтепродуктов составляло 4–7% производства нефти в стране [113].

Таким образом, несмотря на очевидные положительные перемены, проблема эксплуатации страны нефтяным империализмом сохраняла свою остроту. Иран оставался одним из главных поставщиков сырой нефти в промышленно развитые страны. Вот некоторые подсчеты, сделанные иранскими и иностранными специалистами: если бы 10% произведенных в 70-х годах в Иране нефти и газа были переработаны в промежуточную или конечную продукцию нефтехимии и реализованы, то Иран получил бы в два раза больше доходов, чем от сбыта всей добытой сырой нефти. По другим подсчетам, на каждый доллар, вырученный в начале 70-х годов от сбыта сырой нефти, приходилось 10, 20 и даже больше долларов от экспорта нефтепродуктов и товаров нефтехимии, полученных от такого же количества нефти [114]. Согласно американскому эксперту Р. Стобау, единица сырой нефти и газа стоимостью в один доллар после превращения в продукцию нефтехимии могла бы выручить на внешнем рынке от 5 до 10 долл. [115].

Прозападная направленность иранской внешней политики и все более возрастающая зависимость хозяйства страны от основных центров капиталистического мира препятствовали проведению Тегераном подлинно независимого курса, хотя этого настоятельно требовали интересы социально-экономического развития Ирана.

Результатом прозападной ориентации иранского руководства была слабость нефтегазовой промышленности, практическое отсутствие «обратной связи» [116] между нефтяным сектором и другими отраслями иранской экономики. За исключением труб для строившихся нефтепроводов, иранская промышленность, по существу, никакого оборудования и технических средств для нефтегазового сектора не производила. Запад стремился сохранить

такое положение, чтобы предприятия нефтегазовой промышленности Ирана были не в состоянии функционировать без постоянных связей с транснациональными корпорациями.

Игнорирование интересов Ирана компаниями, входившими в МНК, обнаруживалось и в других сферах их промышленной и коммерческой деятельности. По подсчетам Ф. Фешараки, в 1961–1968 гг. стоимость закупувавшихся МНК за пределами страны товаров увеличилось более чем в 25 раз, в то время как закупки в Иране оставались на одном и том же уровне [117].

В то же время возрастание финансового потенциала страны имело огромное значение для шахского режима. Укрепление государственных финансов было использовано иранской верхушкой не только для развития государственного сектора в промышленности, но и для усиления тоталитарно-бюрократических основ режима. В социально-экономическом плане рост нефтяных доходов и развитие нефтегазовой промышленности принесли выгоды главным образом государству и верхушке иранской буржуазии. Хотя доход на душу населения в 1962–1972 гг. значительно увеличился, это не свидетельствовало о росте благополучия трудящихся классов Ирана, особенно городских низов и абсолютного большинства крестьянства. Разрыв между богатыми и бедными в условиях ускоренного развития все более углублялся. Этот процесс достиг наивысшей точки в период многократного увеличения нефтяных доходов.

6.11. Деятельность Ирана в рамках ОПЕК и новое соглашение с МНК

1973 год занимает исключительное место в истории нефтеэкспортирующих стран, в том числе Ирана. Благодаря изменившимся условиям на мировом нефтяном рынке странам-членам ОПЕК удалось в конце 1973 г. добиться более чем четырехкратного повышения цен на нефть, что, естественно, привело к резкому увеличению их доходов. Многократное повышение мировых цен на нефть имело еще одно важное следствие: начиная с этого времени страны – члены ОПЕК стали играть значительную роль в установлении цен на нефть и нефтепродукты. Основные предпосылки происшедших перемен были тесно связаны с новыми явлениями в мировой экономике и политике. Тем не менее, как будет показано ниже, нефтяная политика иранского государ-

ства оказывала известное влияние на их характер и масштабы.

Знаменателен 1973 год для Ирана и по другой причине. Еще до повышения цен на нефть иранское правительство заключило с МНК новое соглашение, которое официальная пропаганда преподнесла в качестве акта, установившего полный суверенитет над важнейшими природными ресурсами и воплотившего в реальность идею полной национализации нефтяной промышленности. Одновременно дело представлялось так, будто новое соглашение ознаменовало превращение ИННК в международную компанию со всеми звеньями – от разведки и добычи до сбыта нефти и нефтепродуктов на мировом рынке.

Насколько соответствовала действительности подобная интерпретация? Шла ли и в самом деле речь о радикальном прорыве в отношениях Ирана с нефтяными монополиями Запада? Обеспечивало ли новое соглашение национальный суверенитет Ирана над нефтяными богатствами в полном объеме? Какое воздействие оказал нефтяной бум на иранское общество и на политику иранского шаха?

Как было отмечено, в 60–70-х годах иранскому руководству удалось заметно улучшить условия сотрудничества с иностранными нефтяными корпорациями. Это, а также изменения в отношениях других нефтеэкспортирующих стран с крупнейшими монополиями делали все более нетерпимым неравноправный характер отношений, которые с середины 50-х годов существовали у Ирана с МНК, добывавшим и экспортировавшим к началу 70-х годов 90,5% иранской нефти.

Заключенные в конце 60-х и особенно в начале 70-х годов с МНК соглашения привели к значительному увеличению доли Ирана в доходах от экспортируемой консорциумом нефти. Как было сказано выше, эти перемены стали возможны благодаря совместной борьбе членов ОПЕК против нефтяного империализма. Важнейшим в политико-экономическом плане результатом происшедших сдвигов стало то, что нефтеэкспортирующие страны добились получения «основной части прибавочной стоимости, почти всей дифференциальной ренты» [118], ранее присваиваемой монополистическим капиталом Запада. Подобное изменение структуры распределения прибылей в условиях роста добычи привело к значительному увеличению доходов Ирана от нефти. Нефть и газ в тот период стали движущей силой экономического роста в стране.

В то же время шахский режим, боясь лишиться политической поддержки империалистических держав, не принимал решительных мер для освобождения нефтяной промышленности от «опеки» монополий Запада. Соглашение с МНК оставалось в силе. Значительная часть прибавочной стоимости, получаемой в результате эксплуатации иранских нефтяных месторождений и труда иранских рабочих, продолжала присваиваться иностранными компаниями. Иранская нефть, добываемая в концессионной зоне МНК, оставалась источником быстрого обогащения англо-американских корпораций. И лишь в 1972 г., под влиянием изменений, происходивших в отношениях нефтедобывающих арабских стран с иностранными монополиями, шах заговорил о необходимости заключения нового соглашения с МНК. На позицию Ирана в этом вопросе оказало прямое влияние также национализация ряда иностранных компаний в Ливии, Алжире, Ираке и других странах-членах ОПЕК. До некоторой степени иранское руководство подтолкнули к этому шагу, по всей видимости, и входившие в МНК компании, которые не считали для себя выгодным увеличивать в значительных размерах добычу нефти в Иране, чего настойчиво добивались шах и его окружение. В этих условиях шах, как было отмечено, предложил руководству МНК или строго соблюдать «финансовые и экономические интересы Ирана», или же передать нефтедобычу в зоне действия соглашения 1954 г. в руки ИННК, став привилегированным покупателем иранской нефти. Компании предпочли второй путь.

В феврале 1973 г. в Сент-Морице (Швейцария) были согласованы основные принципы нового соглашения между шахом и руководителями МНК [119]. Тем не менее начавшиеся в первых числах марта 1973 г. официальные переговоры между делегацией ИННК, возглавлявшейся Р. Фаллахом, и представителями МНК проходили в напряженной атмосфере, так как компании-участницы консорциума добивались сохранения за собой значительных льгот. Компании требовали также выплаты компенсации с учетом возмещения «будущих доходов» и потерь, вызванных лишением их монопольного права на иранскую нефть в зоне соглашения 1954 г. Переговоры завершились в июле 1973 г. подписанием нового соглашения с МНК. Формально ИННК получила право на самостоятельную эксплуатацию и установление контроля над всеми запасами нефти и газа и имуществом нефтяной

промышленности, находившимися в распоряжении МНК. Последний передал ИННК в безраздельное владение все сооружения в бывшей концессионной зоне: нефтепромыслы, нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, Абаданский НПЗ, нефтеперегонный завод в Месджеде-Сoleyмане, нефтехранилища, портовые сооружения и т. д. Новое соглашение иранские средства массовой информации оценивали как завершающий шаг в установлении полного национального суверенитета Ирана над своими природными ресурсами, как окончательное освобождение иранской нефтяной промышленности от засилья колониализма и империализма [120].

Анализ текста соглашения, однако, свидетельствовал о том, что непоследовательность и уступчивость помешали иранскому правительству превратить нефтяную промышленность в национальное достояние в полном смысле этого слова.

Утверждение иранских средств массовой информации о том, что в соглашении речь идет о продаже нефти и газа входящим в МНК компаниям, даже по чисто юридическим признакам не соответствовало действительности. В соглашении говорилось не о продажных ценах на иранскую нефть, а о системе расчетов, в соответствии с которой компании должны были исчислять нефтяные платежи Ирану. Эта сложная система в принципе была аналогичной той, которая была сформулирована в концессионном соглашении 1954 г. По указанной системе нефтяные платежи компании консорциума Ирану формировались из двух главных элементов: цены товара и подоходного налога «с чистой прибыли». Разумеется, предусмотренная в соглашении 1973 г. система расчетов была разработана с учетом происшедших в начале 70-х годов радикальных перемен в области налогообложения и ценообразования, содействовавших значительному увеличению доходов Ирана, как и других нефтеэкспортирующих стран, в расчете на единицу вывозимой МНК нефти. В то же время сохранение принципов старой системы было призвано содействовать установлению единого уровня доходов нефтеэкспортирующих стран в расчете на единицу вывозимой на внешний рынок нефти. Это становилось очевидным, если принять во внимание, что указанные выше принципы старой системы сохранились также в финансовых отношениях западных монополий с нефтедобывающими арабскими странами в зоне Персидского залива. Пункт 3 ст. 6 соглашения предусматривал, что за каждый баррель добытой

нефти ИННК должна получать не меньше доходов, чем другие экспортеры нефти в районе Персидского залива. Далее, по идее, подобная система расчетов должна была воспрепятствовать отказу от предоставления монополиям скидки со справочных цен на нефть. Однако на практике компании МНК получили скидку с официальной продажной цены в 22 цента с барреля. Вместе с тем они обязались вложить 40% капитала в разработку новых нефтяных месторождений в бывшей зоне соглашения 1954 г. Вложенный с этой целью капитал должен был возмещаться из скидки, о которой говорилось выше [121].

Новое соглашение не ликвидировало полностью преимущественные права МНК на экспорт иранской нефти. Было запланировано, что в течение 20-летнего периода в бывшей концессионной зоне добыча сырой нефти составит 42,5 млрд. баррелей, из которых 29,3 млрд. баррелей будут поставлены Ираном компаниям-участникам МНК. Предполагалось, что 6 млрд. баррелей пойдут на внутреннее потребление, а 7,2 млрд. баррелей ИННК будет экспортировать самостоятельно. Однако, согласно данным Ф. Рухани, в первые годы после заключения соглашения ИННК самостоятельно могла экспортировать ежедневно лишь 200 тыс. т нефти. Большую часть своей доли нефти ИННК сбывала компаниям МНК в Иране [122].

Кроме того, соглашение не предусматривало фактического прекращения деятельности МНК в Иране. МНК как объединение крупнейших нефтяных монополий сохранялся. Взамен бывших «компаний-производителей» консорциум создавал специальную «Компанию услуг», выполнявшую от имени ИННК те же функции, которые прежде входили в компетенцию автономно действовавших компаний – участниц МНК. Разница состояла в том, что она действовала в качестве подрядной организации. Новое соглашение продлевало сроки контроля со стороны англо-американских нефтяных корпораций над добычей и сбытом большей части (около 70%) иранской нефти. Если срок соглашения 1954 г. истек в 1979 г., то действие соглашения 1973 г. должно было закончиться к 1993 г.

Весьма выгодными для нефтяного империализма элементами соглашения 1973 г., направленными на ограничение свободы действия ИННК, явились следующие условия: пункт, предусматривавший сотрудничество с входившими в МНК компаниями в раз-

работке предварительной программы разведки и объема добычи нефти в бывшей зоне концессии 1954 г.; обязательство ИННК передавать МНК информацию о своей производственной и коммерческой деятельности (ст.16, п.1); официальное обязательство ежедневно перерабатывать для МНК (за определенную плату) 300 тыс. баррелей нефти на Абаданском НПЗ (ст.4); сбывать остающийся после удовлетворения внутренних потребностей сжиженный газ лишь компаниям МНК [123].

Позитивным моментом данного соглашения 1973 г. для Ирана было положение о переходе в руки ИННК добычи сырой нефти и ее транспортировки в хранилища в зоне Персидского залива. В распоряжение ИННК переходили все промышленные объекты и вся инфраструктура в зоне бывшей концессии. *Это должно было сделать более независимой политику Ирана в области добычи нефти и ее переработки, расширить возможность интеграции нефтяной промышленности в экономику страны.*

Взятое в целом соглашение 1973 г. предусматривало некоторые, весьма выгодные для Ирана, изменения в структуре его отношений с МНК. Иранская национальная нефтяная компания получала возможность укрепить свою производственную базу и расширить масштабы коммерческой деятельности. Однако и по этому соглашению Иран оставался прежде всего поставщиком сырой нефти компаниям МНК. ИННК, несмотря на чрезвычайное возрастание своего промышленного и особенно финансового потенциала, по-прежнему была привязана к международному нефтяному картелю, что не могло не отражаться на характере ее деятельности на мировом рынке. Международный нефтяной картель в лице консорциума продолжал быть основным поставщиком иранской нефти на внешний рынок. Нефтяные магнаты Запада сохранили за собой рычаги воздействия не только на нефтяную политику Ирана, но и в целом на его экономику и политику. Это подтверждается, в частности, тем, что уже в 1974–1975 гг. произвольное уменьшение входившими в МНК компаниями предусмотренной квоты экспорта иранской нефти привело к образованию огромного дефицита в бюджете Ирана [124].

После заключения соглашения 1973 г. добыча большей части иранской нефти осуществлялась «Компанией услуг». МНК продолжал поставлять добываемую в Иране нефть на свои традиционные рынки в Западной Европе и в других районах земного

шара. Одним словом, соглашение 1973 г. еще не воплотило в жизнь полного суверенитета Ирана над своими природными ресурсами, хотя сложившаяся на мировом нефтяном рынке ситуация и глобальная расстановка политических сил к началу 70-х годов создавали объективные условия для претворения в жизнь указанной идеи. Шах и его окружение, не решившись на открытое и принципиальное противоборство с нефтяным картелем, согласились на полупобеду.

Многократное повышение цен на нефть, происшедшее в конце 1973 г., имело для Ирана огромное значение. Шах и его окружение стремились приписать эти перемены своей целенаправленной деятельности. На деле же они были результатом действия целого ряда процессов глобального характера. Полное и всестороннее рассмотрение этого сложного явления, «нефтяного бума», в нашу задачу не входит. Вместе с тем для раскрытия нашей темы немалый интерес представляет вопрос об основных причинах повышения цен на нефть и о деятельности иранского руководства в данной области.

Прежде всего необходимо отметить, что повышение цен на нефть не было явлением изолированным. В 70-е годы мировые цены на сырье, как известно, резко повысились. Начался невиданный для XX века рост цен на сырье и продовольствие. Эмбарго на экспорт нефти во многие страны Запада, наложенное арабскими государствами в ходе арабо-израильской войны в октябре 1973 г., привело к обострению кризиса на мировом нефтяном рынке. Хотя экономические и политические предпосылки повышения цен созрели давно, эмбарго сыграло роль подлинного катализатора и привело к резким переменам в системе мировых цен на нефть. Скачкообразный, но устойчивый рост цен на нефть, продолжавшийся с конца 1973 г. по осень 1981 г., свидетельствовал о том, что, вопреки утверждениям ряда авторов, повышение цен на нефть не имело спекулятивного характера, а было вызвано объективными экономическими факторами.

Важнейшей причиной резкого повышения в 1973 г. мировых цен был дефицит предложения на нефтяном рынке, вызванный отставанием производства нефти от ее потребления. В 60–70-х годах потребности в нефти ежегодно увеличивались на 7%. Доля нефти в энергетическом балансе почти всех стран неуклонно росла. К началу 70-х годов, например, нефть давала почти поло-

вину энергии, потреблявшейся в развитых капиталистических и развивающихся странах [125]. Другой существенной причиной, обусловившей рост цен на нефть, стало небывалое расширение возможностей использования нефти и газа в качестве основного сырья в химической и нефтехимической промышленности. Кроме того, все более широко использовалась в фармацевтике и некоторых других новых отраслях народного хозяйства.

Еще одним фактором роста цен на нефть была новая политика нефтяных монополий. Эксплуатация новых месторождений за пределами Ближнего и Среднего Востока задерживалась, так как себестоимость добычи там во много раз превышала себестоимость средневосточной нефти. Расходы на разработку альтернативных источников сырья и энергии оставались также чрезвычайно высокими, что делало их нерентабельными. Крупнейшие нефтяные корпорации США и Англии, прежде всего «семь сестер», ради сохранения своих экономических позиций и монопольно высоких прибылей сознательно содействовали повышению цен на нефть. Как отмечает видный специалист по нефти Саркис, США (тесная связь правительства США с пятью крупнейшими американскими нефтяными компаниями общеизвестна) исподволь подталкивали членов ОПЕК на повышение цен на нефть [126]. В основе подобной политики лежали экономические интересы Международного нефтяного картеля: лишь в случае резкого повышения мировых цен добыча нефти на Северном море, на Аляске и в некоторых других районах, включая континентальный шельф, могла стать рентабельной. Иными словами, повышение цен на нефть было, помимо всего, также условием разработки монополистическим капиталом Запада новых месторождений, имеющих для США и НАТО важное стратегическое значение [127].

В целом в политэкономическом смысле рост цен на нефть явился отражением тенденции сокращения огромной диспропорции, образовавшейся между уровнями цен на сырье и промышленные товары. Большое значение имело и то, что страны – члены ОПЕК, принимая во внимание конъюнктуру, резко повысили в конце 1973 г. цены на нефть, изменив в свою пользу соотношение между мировыми ценами на сырую нефть и на промышленные изделия, и производственное оборудование, приобретаемое ими на Западе. *Эре дешевой нефти пришел конец. Это был фактически первый случай, когда координация действий развивающихся*

государств в борьбе за свои экономические интересы привела к результатам, оказавшим сильное воздействие на все капиталистическое хозяйство. Рост цен на нефть, как и энергетический кризис в целом, привели к дальнейшему росту инфляции в капиталистическом мире. Однако усматривать в этом главную причину инфляции, поразившую капиталистический мир в 1973–1974 гг., как это делали многие политики на Западе, было бы заблуждением. Повышение цен на нефть усилило рост инфляции, «но намного меньше, чем это пытаются изобразить представители монополий» [128]. Члены ОПЕК, подобно другим развивающимся странам, заметно пострадали от инфляции. В целом же повышение значения нефти и рост цен на нее способствовали резкому возрастанию финансового потенциала стран – членов ОПЕК, повышению их роли в международной политике.

Роль Ирана как страны, на долю которой в 60–70-х годах приходилось не менее 10% экспорта сырой нефти всего капиталистического мира, в разработке и проведении политики ОПЕК была велика. Хотя иранское руководство в отношениях с западными нефтяными монополиями придерживалось в основном линии взаимных уступок, оно использовало экономическую конъюнктуру для проведения продуманной политики, целью которой было значительное повышение цен на нефть. Это становится очевидным, если вспомнить некоторые факты того времени. В сентябре 1973 г., при активном участии иранских представителей, участники конференции ОПЕК приняли резолюцию, в которой было подчеркнуто, что цены на нефть, установленные на встречах в Тегеране, Триполи и Лагосе в начале 70-х годов, не соответствуют ситуации, сложившейся на мировом рынке, и должны быть пересмотрены. Иран полностью поддержал нефтеэкспортирующие арабские страны Персидского залива, принявшие 17 октября 1973 г. в одностороннем порядке решение сбывать нефть иностранным компаниям по рыночным ценам, согласованным в 1971 г. в Тегеране [129].

До этого момента баррель легкой аравийской нефти на свободном рынке продавался за 3,02 долл., и арабские страны повысили цену до 3,65 долл. В условиях нехватки нефти на мировом рынке ИННК удалось заключить в начале декабря с европейскими, американскими и японскими фирмами ряд контрактов о поставках нефти по ценам 17,34 долл. (легкая нефть) и 16,04 долл. (тяжелая

нефть) за баррель. Во второй половине декабря 1973 г. в Тегеране собрались министры нефтяной промышленности стран-членов ОПЕК, чтобы выработать новый принцип установления цен на нефть. Суть его заключалась в том, что стоимость нефти стали исчислять на основе сопоставления с ценами на другие источники энергии (уголь, синтетическая нефть, атомная энергия и т. д.). Именно в результате такого подсчета справочная цена за баррель легкой иранской нефти в персидском заливе с 1 января 1974 г. была повышена до 11,87 долл. Справочная цена для иранской нефти была установлена от 11,63 до 11,87 долл. за баррель. В результате всех этих изменений с 1 января 1971 г. по январь 1974 г. доходы Ирана с каждого барреля экспортируемой иностранными монополиями нефти выросли более чем в семь раз. Если в январе 1971 г. Иран получал за каждый баррель вывозимой сырой нефти 0,94 долл. (за тяжелую нефть) и 0,98 долл. (за легкую), то в январе 1974 г. они возросли соответственно до 6,98 и 7,13 долл. [130]. Иранские экспортеры сыграли конструктивную роль в разработке нового принципа, и это содействовало росту международного авторитета Тегерана.

Как отмечалось в зарубежной прессе, в частности в американской, шах Мохаммед-Реза намеревался выдать себя за главного инициатора повышения цен на нефть, предпринимал шаги, рассчитанные на привлечение внимания общественности. Зная об уже согласованном в рамках ОПЕК решении повысить цены на нефть, шах заблаговременно, до обнародования решения ОПЕК, сделал публичное заявление о необходимости значительно поднять цены на нефть. Однако просочившиеся на страницы западной прессы сведения не оставляют сомнения в том, что некоторые важные действия иранского руководства в области нефтяной политики заранее согласовывались с США. Во всяком случае, иранские предложения относительно уровня повышения цен на нефть в 1973–1974 гг. были разработаны не без участия американской администрации.

Повышение цен на нефть буквально окрылило иранскую верхушку. Тегеранские газеты не жалели красок для описания того благополучия, которое ожидает иранское общество в результате многократного увеличения доходов от нефти. При этом огромное значение придавалось выделению роли шаха в переменах, предпосылки которых были связаны с политико-экономическими явлениями глобального характера.

В результате изменения цен доходы Ирана от нефти в 1973/74 г. составили 5 млрд. долл., а в 1974/75 г. – 18,6 млрд. В 1973 г. в Иране было добыто 295,8 млн. т нефти, а в 1974 г. – 299,8 млн. т. За один только год доля нефтяных поступлений в государственный доход выросла с 63,1 до 84,3% [131].

6.12. Влияние «нефтяного бума» на иранскую политику и экономику

Возраставшее с каждым годом поступление валюты, так называемых нефтедолларов, оказало огромное воздействие на все стороны хозяйственной и общественно-политической жизни Ирана: изменилась стратегия развития страны; была сформулирована военно-политическая доктрина режима; произошли заметные перемены во внутренней политике; правительство отошло от внешнеполитического курса, провозглашенного в первой половине 60-х годов. Анализ этих и некоторых других изменений позволяет выявить социальную и политическую направленность иранской политики в период, вызванный увеличением нефтяных доходов, финансового благополучия, без чего понять иранскую революцию 1978–1979 гг. невозможно.

В условиях значительного возрастания финансового потенциала шаха и его окружению казалось, что, опираясь на такое могущественное средство, как нефтедоллары, режим сумеет за каких-нибудь 20–25 лет превратить Иран в одну из ведущих держав мира. Несомненно, в связи с чрезвычайным ростом государственных доходов впервые в истории Ирана XX века появились уникальные финансовые и экономические возможности, рациональное использование которых могло создать предпосылки для преодоления социально-экономической и культурной отсталости страны. Однако разработка программы использования государственных доходов полностью находилась под контролем шаха и его близкого окружения, которые при решении важнейших задач экономического и социально-политического характера нередко отдавали предпочтение своим узкоклассовым интересам, противоречившим, как правило, подлинным нуждам иранского общества. Подобная линия временами полностью преобладала, ведя неминуемо к утверждению в иранской политике губительного для общества и в конечном счете для самого режима волюнтаризма.

Среди проблем, с которыми иранскому руководству при-

шлось столкнуться в новой ситуации, первостепенное значение приобрела стратегия абсорбции нефтедолларов, более чем на 35% увеличивших к 1974 г. национальный доход страны. Сложность этой проблемы должным образом не была оценена. Иранская верхушка восприняла колоссальный рост доходов лишь как фактор, обеспечивающий ей на длительный период финансовое благополучие и могущество. Разработанная ею программа освоения нефтедолларов предусматривала во многом бесхозяйственную трату средств. В ней не отдавался приоритет решению наиболее острых социально-экономических проблем страны.

Расходы по пятому экономического плану (1973–1978) были значительно увеличены. Уже летом 1974 г. ассигнования на развитие по линии пятого пятилетнего плана возросли более чем вдвое, достигнув почти 69 млрд. долл. Из этой суммы более 66% должно было обеспечиваться государством. При разработке нового варианта пятилетнего плана и в целом программы освоения нефтедолларов во главу угла была поставлена идея создания престижных дорогостоящих промышленных объектов и приобретения в крупных масштабах современных технологий, способных содействовать поглощению широкого потока нефтедолларов. Планы возведения подобных объектов (атомных электростанций, крупнейшего в мире нефтехимического комбината, металлургических заводов нового типа с еще не до конца испытанной технологией и т. д.) были выдвинуты без учета не только экономических и технологических возможностей Ирана, но и уровня развития его производственной и социальной инфраструктуры. Это уже само по себе обуславливало провал планов, предусматривавших ускоренное превращение Ирана в промышленно развитую державу.

Дело в том, что индустриализация в развивающейся стране, создание современной экономической структуры обязательно предполагает реализацию целого комплекса хозяйственных, социальных, политических и культурных мероприятий, нацеленных на создание необходимых условий для промышленного переворота, без чего создание новых отраслей промышленности, их самообеспечивающий рост и функционирование немислимы. Выдвигая заманчивую идею о превращении Ирана в индустриальную державу, шах практически игнорировал значение научно-технической базы национальных кадров. Важнейшей отличительной чертой, при-

нятой в Иране на вооружение модели модернизации, было ускоренное развитие прежде всего двух ведущих укладов – госкапиталистического и крупного частнокапиталистического.

Экономический строй Ирана в изучаемый период можно образно представить так: рядом с современными высотными зданиями, архитектура и совершенство отделки которых восхищали наблюдателей, ютились ветхие глинобитные дома и лачуги. Иными словами, госсектор и крупный частный промышленный и финансовый капитал противостояли мелкокапиталистическому и мелкотоварному укладам, с которыми соседствовал натуральный уклад. Чем больше форсировали власти рост госсектора и крупного частнопредпринимательского уклада, тем значительнее делались масштабы стагнации низших форм хозяйствования. Попытка создания широкой сети филиалов ТНК и возведение престижных промышленных объектов, способных функционировать лишь в условиях кооперации с крупными зарубежными предприятиями, на деле вели к углублению диспропорциональности в структуре общественного производства и к усилению зависимости экономики страны от западных монополий.

Финансирование развития почти целиком стало опираться на нефтяные доходы. Иранские специалисты из числа апологетов режима, оправдывая рост зависимости экономики от нефти, утверждали, что со временем эта зависимость будет постепенно ослабляться. Однако в обозримой перспективе начало этого обратного процесса не просматривалось.

Все большее усиление зависимости программы развития от нефти имело в социально-экономическом плане по меньшей мере два отрицательных последствия.

Во-первых, еще более увеличился дисбаланс между секторами экономики, между различными укладами, между экономическими районами, между городом и деревней. Результатом этого процесса стало устойчивое сокращение в формировании ВВП доли сельскохозяйственного сектора, где еще к началу 70-х годов была занята большая часть самодельного населения. В конечном счете ускоренное нарушение сложившихся пропорций в новых условиях привело к ухудшению материального положения значительной части населения.

Во-вторых, резкое увеличение денежной массы, по темпам значительно опережавшее производительность труда, а также

многократное увеличение импорта в условиях развития рыночной экономики не могли не вести к удорожанию жизни и к инфляции.

Шахский режим, державший в своих руках контроль над всем механизмом государственной власти, был в состоянии (разумеется, теоретически) несколько ослабить влияние на иранскую экономику негативных явлений, вызванных ростом доходов от нефти. Для этого прежде всего было необходимо значительно сократить добычу нефти, соразмерить объем доходов от ее экспорта с возможностями их эффективной абсорбции экономикой, предотвратить рост «скачка», добиться постепенного выправления создававшихся диспропорций, принять серьезные меры по обузданию инфляции, отказаться от расточительства. Однако иранская верхушка, возглавляемая всесильным шахом, по самой своей социальной природе не могла ничего изменить. Во-первых, сокращение добычи нефти грозило резко ухудшить отношения Ирана с нефтяными монополиями и с Западом в целом, на что шах не желал пойти. Во-вторых, шах и правящие классы Ирана, движимые жадной жаждой быстрого обогащения и желанием превратить Иран в мощную военную державу, не в состоянии были трезво оценить сложившуюся обстановку.

Они считали рост доходов от нефти «манной небесной» и спешили воспользоваться благоприятной ситуацией. В-третьих, беспрецедентное возрастание финансового потенциала страны вызвало бурный рост великодержавных устремлений шаха и иранской бюрократической буржуазии.

В период нефтяного бума антинародные черты режима рельефно проявились в его политике в отношении государственного сектора. По пятому пятилетнему плану значительную часть нефтяных доходов предполагалось направлять на расширение госсектора [132]. План предусматривал увеличение доли нефтегазовой промышленности в ВВП с 19,5% в 1973 г. до 48,7% в 1978 г. Государство выступало в роли крупнейшего предпринимателя. Основные предприятия нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газовой, нефтехимической, металлургической промышленности (новых для иранской экономики отраслей), энергетика, железнодорожный и воздушный транспорт, значительная часть банковского капитала принадлежали государству. Процесс формирования новых отраслевых пропорций в принципе протекал на базе госсектора. На

его долю приходилось две трети капиталовложений в экономику. По обновленному варианту пятого плана большая часть капиталовложений в 1973–1978 гг. приходилась на долю госсектора. К середине 70-х годов около 50% импортных операций совершалось госсектором; во второй половине десятилетия его доля в импорте еще более выросла.

В результате резкого увеличения доходов от нефти экономическое значение и могущество госсектора значительно увеличились, что обусловило расширение его хозяйственных и социально-политических функций, господство госсектора в экономике в еще большей степени стало одной из важнейших особенностей иранского капитализма в период его ускоренного развития. Это прямо вело к сосредоточению экономического могущества и политической власти в руках шаха и его окружения. Иными словами, госсектор явился экономической базой режима, обеспечивавшей сохранение за шахом верховной власти. Однако на этом основании вряд ли можно сделать вывод, который мы встречаем в некоторых послереволюционных изданиях в Иране, о том, будто режим не выражал интересы какой-либо социальной группы. О социальных слоях, взращенных на нефтедолларах и тесно связанных с режимом, мы будем говорить ниже.

Закономерным результатом расширения экономических и социально-политических функций государства (в том числе активного использования его экономической мощи для сглаживания остроты социально-экономических проблем) на рубеже 60–70-х годов стало упрочение позиции бюрократической буржуазии. Этот новый социальный слой формировался из верхушки государственных служащих (министры и их заместители, генеральные директора, руководители государственных компаний, начальники департаментов, губернаторы, руководители государственных банков, высший командный состав вооруженных сил, полиции и жандармерии). Высшее чиновничество рекрутировалось главным образом из среды имущих классов, прежде всего из аристократии. Во главе правительства, вплоть до крушения шахского режима в феврале 1979 г., обычно находились представители аристократических родов. Бюрократическая буржуазия рассматривала государственную службу как источник обогащения и власти, тем более что законом им не запрещалось участие в частном предпринимательстве. Господствующие позиции государства

как в области экономики, так и в политической и социальной сферах делали бюрократическую буржуазию одной из самых влиятельных сил общества [133]. Нефтяной бум привел к еще большему укреплению ее позиций.

Бюрократическая буржуазия была тесно связана с верхушкой промышленно-банковской буржуазии, хотя их интересы не всегда полностью совпадали. Это объяснялось тем, что бюрократическая буржуазия, выражавшая волю шаха и проводившая в жизнь его социально-экономические и политические установки, во имя сохранения авторитарного режима и сглаживания социальных противоречий участвовала в разработке и проведении политики, порою ущемлявшей интересы крупного капитала.

Вместе с тем государственный сектор играл важную роль в развитии частнокапиталистического сектора. Более того, именно благодаря целенаправленной деятельности властей уже в 60-х годах начался процесс формирования новой влиятельной прослойки промышленно-банковской буржуазии. Этот процесс особенно усилился после 1973 г. Бурный рост поступлений от нефти был использован властями, помимо всего, также для укрепления позиций своих сторонников в лице указанной прослойки, посредством перераспределения национального дохода в ее интересах. Подобное перераспределение осуществлялось путем предоставления крупному капиталу огромных, и не только по иранским масштабам, кредитов под невысокие проценты, выгодных государственных заказов, налоговых льгот. Ко второй половине 60-х годов эта новая фракция иранской буржуазии стала значительной силой, сумевшей приступить к созданию промышленных групп монополистического типа [134].

Все это, однако, не означает, что в Иране капитализм насаждался лишь сверху. Развитие капиталистических отношений в Иране имело сравнительно долгую историю. Середина 60-х годов XX века была временем, когда уже шел процесс превращения капитализма в ведущий уклад в масштабах всей страны. Поэтому попытка отнести в принципе верный тезис Р. Н. Андреасяна о появлении в некоторых арабийских монархиях своеобразного государственного феодально-монополистического капитализма к Ирану вызывает возражения [135]. Трудно согласиться и с мнением, согласно которому госсектор Ирана, как и ряда других государств в зоне Персидского залива, можно называть таковым «лишь услов-

но» по той причине, что он формировался «не вследствие обычных процессов концентрации капитала, типичных для развитых капиталистических государств», а создавался «обуржуазивающимися феодално-монархическими режимами» [136]. Во-первых, когда делается попытка определить характер общественного уклада, вряд ли будет верным избрать в качестве единственного критерия его генезис. Во-вторых, в Иране госсектор формировался буржуазно-помещичьим государством как императив, т. е. как необходимое условие развития капиталистических отношений.

Сыграв решающую роль в становлении новой верхушки иранской буржуазии, которую условно можно называть финансово-промышленной олигархией, глава государства в то же время всеми имевшимися в его распоряжении средствами добивался от нее полной покорности. В значительной мере именно вследствие этого у представителей верхушки иранской буржуазии не было серьезных поползновений к политической самостоятельности. Вместе с тем в результате возрастания экономической мощи крупного капитала его политическая роль, особенно в 70-е годы, все более усиливалась. Одна из особенностей происходивших летом 1975 г. парламентских выборов заключалась в том, что в меджлис и сенат были избраны и назначены представители крупного капитала – промышленники и финансисты. «Таймс» отмечала, что каждый из этих бизнесменов возглавляет какую-либо промышленную группу – своеобразное иранское монополистическое объединение [137].

Представители крупного капитала считали своим долгом выразить признательность главе государства за поддержку, которую оказал им госсектор. Тем не менее финансово-промышленная олигархия, взращенная шахом на нефтедолларах, проявляла подчас недовольство некоторыми аспектами социальной и экономической политики государства. Так, сенатор Али Резаи, критически оценивая расширение промышленной деятельности госсектора, упрекал правительство в желании «сочетать капитализм и социализм» [138]. Глава промышленной группы и семейства Ладжеварди-Касем выступил в сенате за экономическую и финансовую политику, благоприятствующую деятельности тех капиталистов, которые в состоянии участвовать в реализации «новых и крупных промышленных объектов». Он резко критиковал правительственные организации за «бюрократизм» при выдаче лицен-

зий на строительство новых промышленных объектов [139]. Верхушка буржуазии требовала также пересмотра некоторых пунктов законов о труде, социальном обеспечении и подоходном налоге. В правительство Дж. Амузегара (август 1977 – август 1978 г.) входил ряд политических деятелей, непосредственно выражавших интересы крупной промышленно-банковской буржуазии, что было признаком усиления ее позиций.

В то же время в условиях шахской диктатуры усиление позиций крупной буржуазии ограничивалось в основном экономической сферой. Порою, как было подчеркнуто, представители крупной буржуазии выражали недовольство социально-политическими аспектами осуществлявшейся государством экономической политики. Подобные заявления делались даже такими близкими шаху деятелями, как Шапур Ансари [140]. Он обращал внимание на то, что достигнутый значительный уровень иранского частного капитала находится в дисбалансе с его сравнительно низким политическим статусом.

В действительности шах и выполнявшие его политические директивы предводители бюрократической буржуазии (члены правительства и т. д.) блокировали почти все политико-экономические инициативы, исходившие от промышленно-финансовой буржуазии.

6.13. Возрождение абсолютной монархии и серия реформ

В политическом плане существенной чертой развития Ирана в период нефтяного бума оказался курс на упрочение личной диктатуры шаха. Весной 1975 г. был осуществлен переход к «однопартийной системе». По инициативе шаха была образована «Партия возрождения иранской нации» («Хезб-е растахиз-е меллат-е Иран»). Основными идейно-политическими принципами партии «Растахиз» были объявлены верность «шахиншахскому строю» (т. е. монархии), конституции (которую шах нарушал) и программе «революции шаха и народа». В программе партии «шахиншахский строй» провозглашался единственной формой правления, соответствующей «национальным чаяниям» иранского народа. Шах был назван «командующим» и «вождем» иранской нации. В официальном издании «Философия иранской революции» роль вождя в общественной жизни была названа «решающей» [141].

В числе важнейших компонентов «революции шаха и народа» были включены национализм, точнее великодержавный персидский шовинизм, пропаганда которого приобрела особенно широкие масштабы в период нефтяного бума.

Шах утверждал, что история иранского государства «в своем величии и самобытности представляет исключение во всеобщей истории» [142]. Он был убежден, что обоснование истинно иранской природы реформ явится важным условием их популярности. «Мы не предложили ее, — писал он о программе «белой революции», — народу в качестве импортного товара. В течение целых тысячелетий мы сами являлись творцами идей, философии и логики. Для нас было бы недостойно рядиться сегодня в чужие одежды» [143].

Проводившаяся в целях манипулирования общественным мнением идейно-политическая кампания была призвана обосновать надклассовый характер шахского режима. И так как в 60-е годы благодаря экономическому подъему материальное и социальное положение значительной части населения, включая трудящиеся классы, несколько улучшилось, пропаганда властей оказывала также известное воздействие на общественную психологию неимущих слоев, прежде всего рабочих и крестьян. У заметной части из них создавалось иллюзорное представление относительно сущности шахского режима и его политических целей.

Между тем протекавшие в стране на рубеже 60–70-х годов общественные процессы отчетливо обнаруживали классовое содержание позитивных перемен. На новой, капиталистической основе обострялись классовые и политические противоречия. Особенно рельефный характер они приобрели после 1973 г., когда капиталистические производственные отношения получили мощный импульс для ускоренного развития как вширь, так и вглубь. Их наиболее отчетливым выражением стали и негативные стороны перемен — жилищный кризис, рост безработицы, резкое увеличение удельного веса традиционных средних слоев, безземельного крестьянства и маргиналов, усиление миграционных процессов, рост инфляции, углубление социальной дифференциации. Эти явления свидетельствовали о том, что проводившаяся режимом политика определенных уступок трудящимся классам, основу которой составляли некоторые пункты программы «революции шаха и народа», не смогла предотвратить рост социальных и поли-

тических противоречий. Более того, в результате социальной политики режима в период резкого увеличения нефтяных доходов они заметно обострились.

Этот вывод, разумеется, не означает, что реформы не сыграли положительной роли в судьбах режима. Как они, так и проводившаяся с середины 60-х годов новая политика в области промышленности, несомненно, содействовали известному развитию производительных сил и улучшению материального положения трудящихся классов. Эти сдвиги и продлили жизнь режиму. Однако уберечь его от нового кризиса они не смогли.

Дело в том, что если в начале 60-х годов власти прежде всего вынуждены были приступить к преодолению наиболее важных препятствий, стоявших на пути развития капитализма в деревне, то к середине 70-х годов иранская верхушка столкнулась с проблемами, порожденными теми специфическими общественно-политическими условиями, в которых протекало ускоренное развитие капиталистических отношений. Реформы были вызваны к жизни необходимостью экономического развития и предотвращения дальнейшего нарастания социальной напряженности. В то же время существенной чертой кризиса 70-х годов явилось то, что ускоренное развитие и рост одних секторов хозяйства и укладов сопровождался спадом, стагнацией других.

В этой связи следовало бы акцентировать внимание на одном важном обстоятельстве: на двойственном характере последствий нефтяного бума. В чисто экономическом аспекте, объективно, аграрные реформы явились необходимым шагом, направленным на смягчение дисбаланса между городом и деревней, промышленным и сельскохозяйственным секторами. Нефтяной бум, вызвавший, прежде всего, чрезвычайное финансовое благополучие государственного сектора, имел и явно негативные последствия. Они, несомненно, были прямо связаны с волюнтаристской политикой режима. Уповав на возраставший поток нефтедолларов, иранское руководство отказалось от продолжения курса на преобразования в иранской деревне. Вместо того чтобы идти путем массированных капиталовложений в реконструкцию сельскохозяйственного сектора, государство предпочло увеличить объем импортируемого продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Аграрная проблема обстоятельно рассмотрена в исследованиях ряда иранистов. Особенно большой интерес в этом отношении

вызывают труды Хома Катузиана, проф. Кейта Мак-Лэчлэка и либерального иранского экономиста Бахрама Техрани [144]. В них указанные негативные стороны аграрной политики эпохи Мохаммед-Реза шаха подвергаются основательному анализу. К тому же в книге Мак-Лэчлэка рассмотрен также экологический аспект проблемы.

Суть дела состоит в том, что шахский режим органически был не в состоянии решить возникшие в этот период проблемы или хотя бы предложить для их смягчения какие-либо новые половинчатые меры. Ибо, помимо всего, новый кризис был порожден также усилившимися антагонистическими противоречиями между политической надстройкой, сохранившей полуфеодалные черты, и капиталистическими производственными отношениями. Широта и размах капиталистических производственных отношений и быстрота, с которой разрушались устои традиционных социальных структур, усиливали драматизм ситуации.

Специфика и сложность общественно-политической жизни Ирана середины 70-х годов проистекали из особенностей общественного и экономического развития страны. Хотя уже с середины 60-х годов социально-экономическое развитие Ирана во многом определялось капиталистическим способом производства, в целом в стране еще полностью не сложилась новая формация. Капиталистический уклад стал ведущим. Но он еще не стал господствующим в масштабах всего иранского хозяйства. Присущие раннему капитализму и даже докапиталистическим формациям традиционные формы и методы хозяйствования сохраняли в Иране еще значительные позиции. Преобладающая часть самостоятельного населения была связана, прежде всего, с переживавшим острый структурный кризис мелкотоварным укладом. Продолжался процесс распада и разложения натурального уклада. Период скачкообразного развития капитализма «сверху» в годы нефтяного бума, когда с головокружительной быстротой обогащалась крупная промышленно-финансовая и бюрократическая буржуазия, стал временем массовой пауперизации огромного числа трудящихся и представителей мелкобуржуазных слоев города и деревни. Углублялись различия в уровнях социального и экономического развития различных провинций. В Систане, например, ежегодный доход на душу населения в начале 70-х годов составлял всего 40 долларов – примерно восьмую часть среднего

подушевого дохода. Крестьяне покидали Систан, и в поисках средств к существованию направлялись в Хорасан и Горган [145]. Экономический застой был характерен и для многих районов Белуджистана, Курдистана, отчасти Йезда и некоторых других провинций. Буржуазные преобразования не только не сглаживали, но нередко увеличивали существовавшие между районами различия, что в принципе обостряло социальную напряженность.

Другая важная особенность иранского общества состояла в том, что ускоренное развитие капиталистических отношений, быстрый экономический рост, особенно в период нефтяного бума, устранив или смягчив одни противоречия, породили или обострили новые проблемы, характерные для капитализма. Не понимая природы этих новых, присущих капиталистическому способу производства негативных явлений, иранская верхушка оказалась бессильной бороться с ними. В более сложных условиях она не смогла верно оценить ситуацию и выработать новый подход к решению возникших проблем. Она избрала прежнюю тактику: с одной стороны, власти провозгласили новую серию реформ, причем куда менее действенных, чем реформы 60-х годов, а с другой – стали продолжать политику репрессий в отношении оппозиционных сил.

Проведение новой программы реформ началось весной 1975 г. почти одновременно с образованием партии «Растахиз». 24 апреля был издан указ о включении реформы «расширение собственности в промышленности» в программу «революции шаха и народа» в качестве ее тринадцатого пункта (или принципа) [146].

То, что первая из новой серии реформ касалась рабочих, не было случайностью. Промышленное строительство конца 60-х – первой половины 70-х годов, а также процесс урбанизации вызвали резкое увеличение численности рабочих, появление новых отрядов пролетариата. К середине 70-х годов в Иране насчитывалось свыше 2,5 млн. рабочих, занятых в промышленности и строительстве. К этому времени иранские рабочие стали играть более значительную роль в общественном производстве и социальной структуре страны, чем в дореформенный период. Несмотря на частичное выполнение провозглашенных в начале 60-х годов реформ и на усиление контроля над деятельностью созданных правительственными органами профсоюзов, к середине 70-х годов было отмечено некоторое возрастание забастовочного движе-

ния рабочих. Это свидетельствовало о росте классового сознания иранского пролетариата и о малой эффективности широко разрекламированной реформы, предусматривавшей участие рабочих в прибылях. Даже по официальным данным, ею была охвачена незначительная часть рабочих [147]. Власти насторожило, что в ходе некоторых забастовок 70-х годов рабочие выдвигали требования не только экономического, но и политического характера.

Поэтому помимо реформ был разработан целый комплекс политических мероприятий. Важное место в нем отводилось деятельности созданной в 1967 г. Организации рабочих Ирана (ОРИ). Первоначально ОРИ объединила три самостоятельные правительственные профсоюзные рабочие организации Тегерана. Через год после учреждения партии «Растахиз» был созван III съезд рабочих Ирана. К тому времени, ввиду роспуска в марте 1975 г. партии «лояльной оппозиции» – «Мардом», примыкавшие к ней профсоюзные организации также прекратили свою деятельность. В результате к съезду был завершен процесс огосударствления всех профсоюзных рабочих организаций Ирана. ОРИ стала единственной организацией рабочих.

Центральное место на съезде заняло обсуждение, точнее восхваление, уже упомянутого тринадцатого пункта шахской программы реформ. Этот пункт имел свою предысторию. Еще в 1972 г. власти заявили о намерении организовать продажу части акций промышленных предприятий рабочим и другим слоям населения. Однако капиталисты встретили этот призыв настороженно, некоторые – даже враждебно. Но обстоятельства, о которых говорилось выше, вынудили правительство вернуться к прежней идее. В 1975 г. этот принцип вошел в программу «революции шаха и народа». Иранские органы массовой информации придавали первостепенное значение пропаганде очередной реформы, выдавая ее за средство, способное содействовать установлению социального равенства. Более того, иранские руководители утверждали, что реализация этого принципа «революции шаха и народа» позволит воспрепятствовать концентрации средств производства в руках представителей частного сектора. Сам монарх называл предстоящую реализацию указанной реформы «воплощением новой теории», по его словам, выгодно отличавшейся от марксистской концепции. «В нашей системе участия, – писал он, – рабочий является собственником и одновременно

работает на себя» [148]. После осуществления реформы, заключил шах, в Иране система эксплуатации человека человеком будет заменена классовым сотрудничеством.

В действительности же реформа не могла способствовать заметным общественным сдвигам в пользу рабочего класса. Реформа предусматривала распродажу поэтапно до октября 1978 г. 49% акций частных и 99% государственных и других крупных производственных предприятий (оплаченный капитал каждого из которых составлял 1–1,5 млн. долл.) промышленным и сельскохозяйственным рабочим, крестьянам и представителям других классов [149]. Она не распространялась на предприятия металлургической, нефтехимической, нефтедобывающей промышленности и других ключевых отраслей государственного сектора.

Прежде всего, в условиях, когда уровень жизни 54% семей, по официальным данным, находился ниже порога бедности (их ежегодные расходы в ценах 1971 г. составляли менее 800 долл. в год) [150], отсутствовала социально-экономическая база для реализации реформы. Чиновники жаловались на отсутствие у рабочих и других неимущих слоев интереса к приобретению акций. А дело заключалось в том, что у них просто не было средств. Чтобы помочь трудящимся приобрести акции промышленных предприятий, были учреждены специальные финансово-административные учреждения, которым вменялось в обязанность приобретать акции у фирм и предприятий, а затем путем предоставления кредита способствовать их продаже рабочим и другим слоям населения с низким доходом. Однако деятельность указанных учреждений также оказалась малоэффективной. И это вполне понятно. Трансплантация порожденных в экономически развитых капиталистических странах реформистских мер в отсталую в целом социально-экономическую структуру Ирана, где уровень доходов абсолютного большинства трудящихся классов оставался сравнительно низким, не могла быть успешной.

Как и следовало ожидать, реформа коснулась весьма незначительного числа трудящихся. И, разумеется, она никаким образом не угрожала позициям крупного капитала. Мало того, несмотря на заявление шаха о недопустимости формирования слоя «промышленных феодалов», вторая половина 70-х годов была отмечена дальнейшим упрочением позиции верхушки буржуазии. То, что шах, провозглашая указанную реформу, исходил из инте-

ресов режима и крупного капитала, фактически признавали даже члены правительства. В этом отношении весьма характерным было высказывание премьер-министра А. А. Ховейды в марте 1976 г. Выступая перед иранскими и американскими промышленниками и финансистами, он подчеркнул, что реформа «расширения собственности в промышленности», никоим образом не сужая возможности частного предпринимательства, в состоянии стимулировать подъем производительности труда и улучшение качества выпускаемой на промышленных предприятиях продукции [151].

Подобная интерпретация сущности реформы ясно показывает, какую экономическую цель преследовали иранские власти. Вместе с тем подчеркивать именно эту сторону реформы Ховейду вынудили следующие обстоятельства. Провозглашение реформы в качестве составной части программы шахской «революции» вызвало недовольство верхушки буржуазии, которая сочла, что ее позиции могут быть при этом поколеблены. Такого же мнения придерживались и представители иностранного частного капитала, действовавшие в Иране. (Недаром буржуазная пресса Запада объясняла причину увеличения объема зарубежных вложений частного иранского капитала главным образом опасениями, вызванными у крупной иранской буржуазии новыми шахскими реформами.) На самом же деле, как было отмечено, осуществление новой реформы не могло нанести даже незначительного ущерба крупному капиталу. Более того, во второй половине 70-х годов государство продолжало оказывать крупным иранским промышленным группам и фирмам большую финансовую помощь, что позволило им значительно увеличить основной капитал.

Одним словом, реформа «расширения собственности в промышленности», которая выдавалась шахом за становой хребет нового курса, явилась еще одним образцом политики манипуляции общественным сознанием и социальной демагогии. Однако подобная политика не могла продолжаться бесконечно. Если в условиях экономического подъема, позитивных сдвигов во внешней политике и борьбы режима «против феодалов» в 60-х годах она сработала, то к середине 70-х годов – в период нарастания социальной напряженности в городе, роста инфляции, ухудшения положения большей части сельского населения – она перестала быть эффективной.

Широкая общественность отнеслась к шахским реформам с

недоверием. Признаки этого прослеживались даже в проводимых под эгидой властей мероприятиях. Об этом, в частности, свидетельствуют работа и итоговые документы III съезда рабочих Ирана. Желая «сохранить лицо», руководители ОРИ вынуждены были отразить в итоговых документах съезда настроения рабочих масс, хотя сформулированы они были мягче и в реформистском духе. Съезд, например, рекомендовал соответствующим правительственным учреждениям и парламенту ускорить подготовку нового закона о труде «для установления более справедливых отношений между трудом и капиталом» [152]. Участники съезда высказались также за безотлагательную подготовку закона о социальном обеспечении безработных. Одна из резолюций призвала к выполнению тринадцатого принципа шахской реформы «расширения собственности в промышленности». Отметив, что «значительная часть доходов рабочих уходит на аренду жилья», съезд рекомендовал принять специальные постановления и законы, обязывающие предпринимателей осуществить строительство сравнительно дешевых домов для рабочих, особенно при вновь создаваемых промышленных предприятиях [153].

Весьма показательным был провал попытки Мохаммед Резы Пехлеви создать массовую партию. Несмотря на все формальные признаки существования партии «Растахиз», она оставалась организацией высокопоставленных чиновников и не пользовалась популярностью среди широкой общественности. Это публично признал даже такой лояльный к шаху политический деятель, как Эбрахим Хадженури. В письме, направленном генеральному секретарю партии «Растахиз» Дж. Амузегару, Хадженури писал, что абсолютное большинство народа до сих пор не уверено в необходимости существования этой партии. Далее он отмечал, что формальное участие многих деятелей в работе партийных центров проистекает «из почитания директив шаха, который призвал весь иранский народ к участию в ее деятельности» [154]. Да и сам Мохаммед Реза Пехлеви (правда несколько позже, в разгар революционных событий летом 1978 г.) заявил, что руководство партии «Растахиз» не сумело выполнить задачу, возложенную на него режимом [155].

В целом не имела успеха попытка использовать партию «Растахиз», ОРИ и другие созданные сверху организации для манипулирования массовым сознанием, для переключения его с

подлинных проблем на мнимые. Это объяснялось в основном тем, что законы общественного развития оказали на иранское общество куда большее воздействие, чем декреты шаха. В результате специфики развития капиталистических производственных отношений в Иране позитивные стороны реформы 60-х годов были исчерпаны. В то же время в конкретных исторических условиях середины 70-х годов, когда ускоренные темпы развития капиталистического уклада и государственного сектора вели к ухудшению материального положения большей части населения, предотвратить нарастание социальных и политических противоречий власти были не в состоянии.

К середине 70-х годов, спустя несколько лет со времени завершения основного этапа аграрных преобразований, стало очевидным, что «белая революция» не смогла внести существенного вклада в решение проблем важнейшей в социальном отношении отрасли иранского хозяйства. И в новых условиях деревня продолжала оставаться одним из главных источников усиления классовых противоречий в иранском обществе. Сельское хозяйство продолжало находиться в целом в состоянии стагнации [156]. Это было связано как с особенностями развития капиталистических отношений в Иране, так и с государственной политикой. Несмотря на широкие обещания, государство не оказывало действенную помощь бедным крестьянским хозяйствам. Созданные при активном участии бюрократии кооперативы превратились в кредитные учреждения, финансирующие главным образом помещиков новой формации и зажиточных крестьян. Малоземельные крестьяне получали через кооперативы лишь незначительную часть необходимых им средств. Поэтому они были вынуждены обращаться за ссудами к местным богачам. В то же время путем предоставления крупных займов через банки и другие финансовые учреждения правительство стимулировало образование крупных механизированных капиталистических хозяйств. Представители агробизнеса, ссылаясь на необходимость роста сельскохозяйственного производства, убеждали правительство сделать ставку именно на такие хозяйства. Один из них, сенатор Мохаммед Али Мехдави, например, указывал на низкую урожайность в мелких хозяйствах северо-западного Хорасана, призывал правительство всемерно поддерживать капиталистические аграрно-промышленные комплексы [157]. Нередко в процессе образования крупных капиталис-

тических хозяйств малоземельных крестьян фактически вынуждали продавать свои участки [158].

Аграрное перенаселение и особенно социальная дифференциация, ускорявшаяся вследствие политики властей, вели к разорению малоземельных хозяйств, в результате чего миграционный процесс, несколько ослабевший в первую фазу проведения аграрных реформ, вновь приобрел значительные размеры. Если в 1966 г. в городах проживало 37,98% (9,8 млн. человек) населения страны (составлявшего тогда 25,8 млн. человек), то к осени 1976 г. городское население достигло 46,72% (15,7 млн. человек) всего населения (33,6 млн. человек) [159]. Иными словами, за 10 лет в основном в результате миграции городское население выросло почти на 6 млн. человек. За тот же период в деревне, где естественный прирост был выше, чем в городе, население увеличилось лишь на 1,8 млн. человек.

Правящие круги оценивали происходившие в деревне процессы как неизбежные. Газета «Кейхан Интернэшнл» в передовой писала по этому поводу: «Хозяйства в 2 га не могут представлять собой достаточно прочную базу для высокопродуктивного сельского хозяйства» [160]. Однако либеральные деятели из среды интеллигенции предупреждали власти об опасных последствиях ускоренной социальной поляризации в деревне [161]. И в самом деле, усиление миграции сельского населения в города, прежде всего в крупные промышленные и торговые центры, вызвало не только численный рост рабочего класса. В результате миграции значительно увеличился удельный вес низших слоев мелкой городской буржуазии и сформировался многочисленный в сравнении с 60-ми годами слой городских пауперов. Вследствие этого социальная напряженность в городе все больше усиливалась.

Далее, несмотря на значительный рост общего числа учащихся, проблема школьного обучения, ликвидации неграмотности и подготовки кадров не только не потеряла остроту, но, наоборот, приобрела еще большую актуальность. В 1976 г., спустя 14 лет с момента начала кампании по борьбе с неграмотностью, свыше 3 млн. детей школьного возраста не были охвачены обучением. Общее число неграмотных составляло 14,2 млн. человек, почти на 2 млн. больше, чем в 1965 г. [162].

В стране не хватало квалифицированных рабочих, инженерно-технических кадров, врачей, учителей и других специалистов.

Вместе с тем многие иранцы, получившие высшее образование за рубежом, отказывались возвращаться на родину (прежде всего по политическим соображениям). Власти стремились устранить эти трудности путем приглашения в Иран иностранных специалистов и квалифицированных рабочих. Однако эти меры лишь отчасти облегчили положение, проблема же оставалась нерешенной. Шах преднамеренно противился расширению системы высшего образования, считая усиление студенчества нежелательным для режима [163].

Судя по имеющимся официальным материалам и выступлениям в печати политических и общественных деятелей, ученых, публицистов, иранская верхушка имела более или менее полное представление о росте недовольства политикой режима. Не случайно после издания указа о включении реформы «расширения собственности в промышленности» в программу «революции шаха и народа» шах предпринял ряд новых шагов. Программу шахской «революции» обогатили еще шесть реформ: установление стабильных розничных цен и борьба со спекуляцией; бесплатное восьмилетнее обучение; предоставление бесплатного питания детям в течение первых двух-трех лет их жизни и оказание бесплатной помощи (медицинской и т. п.) беременным женщинам; охват системой страхования и социального обеспечения всех слоев общества, включая сельских жителей; борьба с коррупцией; установление фиксированной стоимости земли и предотвращение спекуляции земельными участками, особенно в городах [164].

Новые реформы, по идее шаха, должны были смягчить остроту нараставших социальных противоречий и, что было особенно важно для властей, служить подтверждением намерений режима воспрепятствовать усилению социальной дифференциации и добиться улучшения участи бедных слоев населения. Шах и его окружение в своих публичных выступлениях постоянно напоминали о необходимости добиться социального равенства и повышения благосостояния широких масс, чтобы произвести благоприятное впечатление на трудящиеся классы, создать у них иллюзорное представление о намерениях правящей верхушки. Шах утверждал, что нефтяные доходы используются властями для блага всех иранцев, для создания основ передовой экономики, способной обеспечить подлинную независимость страны. «Нынешнее благосостояние, которое зиждется на нефтяных дохо-

дах, не сможет стать постоянным, — писал шах, — ибо эти богом данные богатства предназначены не для расходования на текущие потребности членов общества, а скорее для того, чтобы благодаря им заложить великое здание передовой ... экономики страны...» [165]. Рисуя привлекательную, с его точки зрения, картину социального строя Ирана ближайшего будущего, шах доказывал, что важнейшим средством добиться успеха в строительстве подобного общества является реализация программы «белой революции», прежде всего новой серии реформ.

Включение в программу «революции шаха и народа» новых реформ объяснялось, главным образом, политическими мотивами, стремлением предупредить возможное усиление скрытой оппозиции. Вместе с тем провозглашение указанных реформ было вызвано необходимостью дальнейшего экономического роста и реализации программы индустриализации. Несмотря на отрицательное отношение шаха к развитию высшего образования, острая нужда в научно-технических кадрах и квалифицированных рабочих заставила правящие круги предпринять определенные шаги, чтобы исправить положение. Новые реформы предусматривали введение обязательного всеобщего бесплатного восьмилетнего школьного обучения. Однако для решения этой задачи не было достаточного количества школ, не хватало учительских кадров, не доставало финансовых средств.

Согласно реформе образования, специалисты, получившие бесплатное образование, должны были отработать на местах, куда они будут направлены по распределению, столько лет, сколько они учились в вузах или в других учебных заведениях. Вместе с тем реформа не предусматривала расширение системы высшего образования, не затрагивала вопроса о качестве обучения и поднятии уровня научных исследований в вузах.

Ограниченное число функционирующих государственных больниц и других учреждений здравоохранения, почти полное отсутствие таковых во многих сельских районах, острая нехватка врачей лишали смысла реформу о защите материнства и младенчества. По этим же причинам правительство обладало ограниченным возможностями для реализации реформы, предусматривавшей улучшение социального обеспечения.

Что касается борьбы с коррупцией, то эта реформа была, видимо, продиктована стремлением шаха обелить себя и свое

окружение в глазах общественности. Казнокрадство, коррупция, взяточничество стали неотъемлемой чертой верхушки бюрократической буржуазии, включая высшие чины армии и полиции. Время от времени шах и его окружение вынуждены были принимать какие-то меры в отношении наиболее отъявленных казнокрадов. Иногда шах использовал эти меры, чтобы убрать с политической арены деятелей, в лояльности которых у него возникали сомнения.

Расширение функций государственного сектора и превращение его в самый мощный экономический организм страны, резкое увеличение доходов от нефти, рост объема импорта, особенно военных закупок в развитых капиталистических странах, сопровождались расширением масштабов финансовых злоупотреблений и коррупции. Вместе с тем закон о борьбе с коррупцией был составлен таким образом, чтобы не мог служить основой для организации эффективной борьбы с этим социальным злом, ибо против коррупции и других злоупотреблений финансово-экономического характера должны были бороться сами представители бюрократической буржуазии, в частности действовавшие под руководством шаха «Организация шахиншахской инспекции» и «шахиншахская комиссия», без всякого участия широкой общественности. Реформа обязывала высокопоставленных чиновников извещать власти о размерах капитала и недвижимой собственности своего семейства. В период пребывания представителя семьи на государственной службе его капитал должен был быть обращен в ценные бумаги или вложен в анонимные компании, указанные правительством. Одним словом, капитал высокопоставленного чиновника должен был находиться под контролем правительства. Подобное «ограничение» отнюдь не закрывало путь к коррупции и другим финансовым злоупотреблениям, тем более что многие представители иранской элиты хранили большую часть своих капиталов в зарубежных банках.

Воплощением политического авантюризма и социальной демагогии стала реформа, предусматривавшая принятие мер для стабилизации цен, предотвращения роста инфляции и спекуляции земельными участками в городах. 1974/75 год был для Ирана годом чрезвычайным. Благодаря резкому увеличению доходов от нефти и относительно их росту в других секторах экономики объем ВВП в постоянных ценах вырос почти на 40%. Однако

значительное увеличение денежной массы в условиях усиления диспропорции экономического развития и дисбаланса между различными секторами народного хозяйства, заметное повышение зарплаты и т. д. привели к росту инфляции. Сильное воздействие на рост инфляции в стране оказал и экономический кризис в развитых капиталистических странах, хозяйственные связи с которыми у Ирана после 1973 г. чрезвычайно расширились [166]. В результате цены на внутреннем рынке поднялись за короткое время на 16–30% и более. Несмотря на меры, принятые государством, оптовые и розничные цены продолжали расти. Резко ухудшилось положение социальных групп с низкими доходами. Тем не менее предприниматели, купцы, торговцы, пользуясь нехваткой некоторых видов продовольствия, промышленных товаров, строительных материалов и т. д., продолжали взвинчивать цены.

В этих условиях был издан указ о включении борьбы против инфляции в программу «революции шаха и народа». Была создана специальная организация, призванная следить за уровнем цен и системой ценообразования, с тем чтобы препятствовать злоупотреблениям в области торговли и росту спекуляции. Одновременно власти под эгидой партии «Растахиз», т. е. Представителей бюрократии, создали «штаб-квартиру для борьбы с дороговизной». Главной мерой, осуществлявшейся в рамках кампании по борьбе с дороговизной, стал контроль над розничными ценами на внутреннем рынке. Для практического осуществления такого контроля использовались группы, укомплектованные в основном студентами и учащимися, деятельность которых направлялась представителями бюрократии и руководством партии «Растахиз». Контроль над ценами осуществлялся также местными властями. Основными объектами проверки были торговые учреждения и предприятия сферы обслуживания. За продажу товаров сверх установленной цены и за взимание платы, превышавшей утвержденные цены, торговцы, лавочники, владельцы предприятий сферы обслуживания могли быть по решению суда оштрафованы, сосланы и заключены на различные сроки в тюрьму. Как показала действительность, принятые меры оказались малоэффективными и не смогли остановить инфляцию. Появившиеся в иранской прессе в 1976–1977 гг. материалы свидетельствовали о том, что и эта реформа не привела к сколько-нибудь заметным сдвигам.

Полный развал потерпела реформа, призванная содейство-

вать стабилизации цен на земельные участки в больших городах и пригородных зонах [167]. Шах признавал, что спекуляция земельными участками стала одним из основных средств обогащения «определенного слоя», и утверждал, что стремительный рост цен на землю в городской черте обусловил неукротимое повышение арендной платы за жилье и углубление инфляционного процесса. Он сокрушался, что огромные по иранским масштабам финансовые средства не вкладываются в расширение производства, а используются в целях обогащения путем спекуляции земельными участками [168].

Рассмотрев наиболее характерные черты внутренней политики шаха, мы сможем сделать следующий вывод. Многократное увеличение доходов от нефти значительно расширило возможности индустриализации Ирана. В принципе складывались условия для создания материально-технической базы преодоления экономической отсталости. Однако, выдвинув и обосновав тезис об исключительной роли индустриализации, иранская верхушка в годы нефтяного бума, подчинившись воле Мохаммед-Резы Пехлеви, отдала приоритет его волюнтаристским амбициям. На первый план вышла идея об ускоренном превращении Ирана в державу с модернизированной военной машиной. Реформаторская деятельность утратила свою актуальность.

Краткий обзор характера шахских реформ 70-х годов и обстоятельств, вызвавших их появление, показывают, что они осуществлялись с целью манипулирования общественным мнением в интересах улучшения имиджа шаха. В тоже время следует принимать во внимание, что в указанный период неуклонный рост государственных поступлений от нефти стимулировал деловую активность и оказал существенное воздействие на развитие рыночных отношений.

Финансово-экономическая ситуация в Иране манила к себе деловой мир Запада. Представители крупнейших промышленных, коммерческих и других корпораций устремились в иранскую столицу с тем, чтобы захватить «свою долю» из поступающих в Иран нефтедолларов.

Создалось положение, когда в стране у правительства, которое постоянно прилагало огромные усилия, чтобы сбалансировать свои доходы и расходы, появилась проблема «лишних» средств. При ее разрешении не помогло даже значительное уве-

личение расходной части пятого плана развития. В этих условиях шахскому режиму, в силу его антидемократической сущности, не удалось грамотно, в интересах страны, определить приоритеты по расходованию многомиллиардных долларовых поступлений.

Предложенная шахом политика абсорбции нефтедолларов оказалась полностью связана с его призрачной идеей об ускоренном превращении Ирана в могущественную монархию с современной военной машиной. При этом «шах шахов» намеревался добиться такого прорыва, как мы видим, посредством размещения многомиллиардных заказов в ведущих промышленно развитых странах Запада.

6.14. Модернизация вооруженных сил и изменения во внешнеполитическом курсе Ирана

В период нефтяного бума режим придавал первостепенное значение укреплению своей реальной опоры – вооруженных сил. Курс на интенсивное строительство вооруженных сил стал после 1973 г. одним из важнейших принципов шахской политики. Линия на модернизацию вооруженных сил, в частности на создание современной военной авиации и военно-морского флота, стала проводиться с конца 60-х годов, когда под воздействием факторов политического и экономического характера лейбористское правительство Великобритании было вынуждено принять решение о выводе английских войск из района Персидского залива [169]. Иранское руководство мотивировало курс на усиление своего военного потенциала необходимостью защиты зоны Персидского залива исключительно силами государств района.

Шахское правительство увеличило закупки вооружения и военной техники за рубежом, прежде всего в США, а также в Англии и Франции. В конце 60-х годов президент США Л. Джонсон поддержал идею шаха о создании современных вооруженных сил, обещая от имени американского правительства оказать всемерное содействие его усилиям в этом направлении. В 1972 г. Р. Никсон дал согласие поставлять Ирану из арсенала новейших систем неядерного оружия США все, о чем попросит шах. И в течение 1965–1972 гг. военные закупки Ирана в США превысили 3,6 млрд. долл. [170].

После 1973 г. как в области военных расходов, так и в количестве и характере приобретаемых за рубежом вооружений и

военной техники произошли чрезвычайные сдвиги. Они свидетельствовали о том, что шах намеревался превратить Иран в государство с развитой военной машиной.

Темпы роста военных расходов после 1973 г. были беспрецедентными не только в современной истории Ирана, но и в истории всех развивающихся стран. Если в 1968/69 г. иранское государство выделило на военные нужды 0,54 млрд. долл., а в 1973/74 г. – 1,9 млрд., то в 1974/75 г. военный бюджет увеличился более чем в 2,5 раза и составил 5,52 млрд. долл., а в 1975/76 г. достиг 7,79 млрд. Таким образом, за три года военный бюджет возрос более чем в 4 раза, а в течение восьми лет – в 14,4 раза. В 1977/78 г. военные расходы достигли уровня 10 млрд. долл. и стали главной статьей (около 30%) расходной части общего бюджета [171]. Военные расходы в 1975/76 г. в 10 раз превышали расходы на аналогичные цели Пакистана, который по численности населения в два с лишним раза превосходил Иран.

Закупка вооружений поглощала к середине 70-х годов 5-6 млрд. долл. в год. В течение 1973–1975 гг. заказы Ирана на военные поставки в США превысили 6 млрд. долл. Примерно на такую же сумму были заказаны оружие и военная техника во второй половине 70-х годов в Великобритании, Франции и некоторых других странах [172].

После 1973 г. Иран делал упор на приобретение таких видов и систем оружия и военной техники, которые представляли собой самые современные и совершенные образцы неядерного вооружения. Некоторых видов приобретенной Ираном военной техники не было на вооружении европейских членов НАТО (например, истребителей морской авиации «Томкэт» F-14) [173]. Кроме того, Иран стал приобретать такие виды вооружения и военной техники, которые вдвое увеличивали радиус эффективных действий иранских вооруженных сил и сильно укрепляли их наступательный потенциал. Речь, в частности, идет о сверхсовременных военных самолетах, приобретенных в США, некоторых видах ракетного оружия, авианосных крейсерах, заказанных, чтобы обеспечить присутствие иранского военно-морского флота в Индийском океане.

К концу 1977 г. общее количество приобретенных и заказанных Ираном военных самолетов составляло около 1300. В их число входили истребители-бомбардировщики «Фантом», истребители

F-15 и F-5, истребители «Томкэт» F-14, самолеты-заправщики. Во время своей поездки в ноябре 1977 г. в США шах сделал заявку на 140 истребителей F-16, которые в ВВС США начали поступать только с 1977 г. Было закуплено и заказано свыше 800 новейших военных вертолетов (в основном в США и Италии). Для оснащения сухопутных войск были приобретены и заказаны свыше 2 700 танков, более 3 тыс. бронетранспортеров, самоходных артиллерийских установок и других бронированных машин [174].

Поскольку вооруженные силы Ирана не обладали достаточным количеством специалистов для эксплуатациикупаемых новейших систем вооружения и их технического обслуживания, возникла необходимость в значительном увеличении числа иностранных, в основном американских, военных советников и военно-технических специалистов в Иране. Одновременно возросло число иранских военнослужащих, направляемых на переподготовку в США и другие западные страны.

Особое место в военных приготовлениях Ирана шахское правительство отводило строительству военно-морского флота. [175] К 1975 г. ВМС страны насчитывали свыше 50 боевых кораблей – фрегатов, эсминцев, корветов и т. д. В США было заказано шесть ракетных эсминцев, в Англии – ракетные крейсера, во Франции – шесть ракетных катеров. Иранское правительство планировало также приобретение подводных лодок, включая атомные.

Составной частью военной программы шаха явилось строительство системы военных баз и военно-технических центров разведки в зоне Персидского залива, в том числе на побережье Ормузского пролива. Важное место в военных планах Ирана занимало строительство крупной военно-воздушной базы в Бендер-Аббасе и модернизация военно-морской базы в Хорремшехре. На побережье Оманского залива в Чахбехаре при участии США было начато сооружение крупнейшей в районе Индийского океана комбинированной военно-воздушной и военно-морской базы.

Военная программа Ирана предусматривала также развитие собственной военной промышленности. Основные мероприятия в этой области, однако, касались строительства сборочных и ремонтных заводов. Модернизация имевшихся и создание новых предприятий осуществлялось при участии иностранных фирм, прежде всего американских и английских.

Одновременно с началом реализации программы военных

приготовлений иранское руководство сформулировало собственную военно-политическую доктрину. Важнейшим ее компонентом была идея о необходимости наращивания военных приготовлений, с тем чтобы Иран в 80-е годы стал пятой-шестой державой в мире по уровню военной мощи [176]. Шах и его близкое окружение утверждали, что увеличение военного потенциала вызвано необходимостью сохранить и упрочить национальный суверенитет. В прошлом, говорили они, из-за военной слабости страны иранский суверенитет нарушался; кроме того, возрастание экономического потенциала требует усиления обороноспособности страны. Оправдывая закупки новейших систем вооружений, шах утверждал, что, в связи с колоссальными изменениями в военной технике, линия обороны страны сдвинулась далеко к югу от иранского побережья Персидского залива, в район Индийского океана. Поскольку главные водные артерии, связывающие Иран с мировым капиталистическим хозяйством, пролегли через Персидский залив и северную часть Индийского океана, основной акцент в военном строительстве делался на южные районы, прилегающие к Персидскому и Оманскому заливам.

Военно-политическая доктрина шахского режима была выражением притязаний Ирана на ведущую политическую роль в зоне Персидского залива и северной части Индийского океана. С этой целью иранское руководство, не без подсказки Вашингтона, выдвинуло тезис о необходимости усиления охраны путей вывоза средневосточной нефти в Японию, Западную Европу и США. Беря на себя роль стража морских коммуникаций на весьма отдаленных подступах к Персидскому заливу, Иран добивался активной поддержки своих военных приготовлений ведущими державами Запада и, прежде всего, США и Великобританией. Иранские устремления тесно связывались с задачей сохранения «стабильности» в этом стратегически и экономически важном районе мира. С точки зрения шаха и его заокеанских друзей, главной угрозой «стабильности» считалось национально-освободительное движение, для обозначения которого шах нередко употреблял термин «коммунистический заговор». В то же время шах надеялся, что, став ведущей державой в обширном регионе, Иран станет играть значительную роль в глобальной политике, получив, в частности, возможность войти в близкое политическое и экономическое сотрудничество с развитыми государствами

Запада, потребляющими большую часть нефти, добываемой в зоне Персидского залива.

Основные элементы военной доктрины шаха вытекали из его политических амбиций и цели упрочения режима. Они ясно просматривались в высказываниях шаха относительно конкретных задач военных приготовлений. Во-первых, шах не скрывал, что усиление вооруженных сил связано с необходимостью сохранения существующей в Иране политической системы [177]. Он писал, что военная мощь нужна не только для национальной обороны, что она неизменно была «решающим фактором с точки зрения обеспечения социальных перемен» в борьбе с «феодальными элементами, а также агентами красной реакции и черной реакции» [178]. Во-вторых, шах утверждал, что широкий комплекс мероприятий по усилению военного могущества вызван стремлением иранского руководства с помощью силы сдерживать рост националистического и «коммунистического» движения в зоне Персидского залива и Индийского океана [179].

Одновременно с увеличением военного потенциала в эпоху «Растахиз» (по выражению шаха и его окружения) происходили значительные перемены во внешнеполитическом курсе Ирана. Военная сила и финансовый потенциал приобретали характер активных инструментов внешней политики. В феврале 1973 г. Иран по договоренности с США направил в Оман экспедиционный корпус, сыгравший решающую роль в подавлении антимонархического движения. Оказав военно-политическую помощь курдскому национальному движению в Ираке, возглавлявшемуся Мостафой Барзани, и подтолкнув курдских повстанцев в начале 70-х годов к продолжению кровопролитной войны с регулярной иракской армией, к весне 1975 г. шах пошел на улучшение отношений с иракским руководством, фактически способствовал поражению курдского движения [180]. Вдохновителем этого нового курса в отношении Ирака, как позже стало известно, было правительство США. Военно-политическое давление, сочетавшееся в некоторых случаях с готовностью идти на компромисс, дало возможность шаху во время переговоров с Ираком, касавшихся спорных пограничных вопросов, в принципе добиться принятия выгодных Ирану условий. В 1977 г. Иран одновременно с Саудовской Аравией направил военные материалы Сомали, которое вело войну против Эфиопии. Иран совместно с монополиями и

ведущими державами Запада оказал финансовую помощь правительству Заира во время выступления катангских сепаратистов. После апрельской революции 1978 г. в Афганистане, опасаясь роста советской экспансии в регионе, шах поддерживал распространявшиеся западными СМИ сведения о существовании заговора против территориальной целостности Пакистана. По некоторым сведениям, он даже вынашивал планы вооруженной борьбы против афганских руководителей.

Шахское правительство в тот период прилагало большие усилия, направленные на достижение военно-политической консолидации государств региона, прежде всего стран, расположенных в зоне Персидского залива. В случае официального оформления предложенного шахом в мае 1973 г. пакта государств зоны Персидского залива [181] Иран как самая сильная в военном отношении страна приобрел бы еще больший вес. Одновременно шах добивался активизации деятельности СЕНТО, полагая, что превращение его в военный блок типа НАТО может значительно упрочить военно-политические позиции Ирана в обширном географическом районе. Арабские государства зоны залива с опаской встретили энтузиазм шаха, учитывая, в частности, его тайные политические игры с руководителями государства Израиль.

В 70-х годах Иран значительно расширил свои внешнеэкономические связи, в том числе и с развивающимися государствами. Предоставление крупных кредитов Египту, Индии, Пакистану, Сенегалу, Южной Корее и другим странам имело для Ирана как экономическое, так и политическое значение. В экономическом плане иранское руководство таким образом намеревалось приобрести новые рынки для своей промышленности. Обычно кредиты предоставлялись с товарным наполнением, за их счет осуществлялась поставка Ирану некоторых видов сырья из указанных стран. В плане же политическом подобное использование нефтедолларов во многих случаях, но не всегда означало поддержку прозападных режимов афро-азиатского региона. Используя благоприятную для Ирана конъюнктуру, вызванную энергетическим кризисом, шахское правительство выступило с инициативой учреждения «Азиатского рынка», намереваясь занять в нем авангардную позицию [182].

В середине 60-х годов, когда иранское правительство, руководствуясь национальными интересами, внесло важные коррек-

тивы в свою внешнюю политику, пойдя на установление экономического и научно-технического сотрудничества, в том числе со странами социалистического содружества. Одновременно в некоторых международных вопросах Иран стал отстаивать принципы, соответствующие в той или иной степени потребностям развивающихся государств. Так, в первой половине 70-х годов Иран выступил с требованием индексации цен на нефть в соответствии с ценами на основные виды промышленного оборудования, импортируемые развивающимися государствами из стран Запада. Иран также неизменно поддерживал идею об увязке цен на нефть со стоимостью американского доллара. Правительство Ирана было одним из инициаторов переговоров «Север-Юг» [183], в рамках которых первоначально была сделана попытка разработать общую генеральную линию развивающегося мира, выступающего за перестройку международных экономических отношений на основе равноправия. Иранские государственные деятели в 1975 г. осудили тогдашнего государственного секретаря США Генри Киссинджера и других американских официальных лиц, призывавших «в случае необходимости» направить американские войска в нефтеносные районы Персидского залива. В целом в тот период иранская политика в известной степени содействовала сближению позиций ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки, недовольных экономической политикой развитых капиталистических государств и транснациональных корпораций.

Однако во второй половине 70-х годов Иран стал отходить от прежней линии, его внешнеполитический курс становился все более прозападным. Эта перемена была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, гегемонистские устремления иранского руководства, порожденные экономическими и политическими интересами шахского двора, бюрократической буржуазии и крупного капитала, полностью «вписывались», особенно в отношении Персидского залива и северной части Индийского океана, как было отмечено, в стратегические планы Запада [184]. США и Англия поощряли наращивание Ираном, как и Саудовской Аравией, военного могущества, поддерживали его намерение установить в зоне Персидского залива свое лидерство. Во-вторых, отход Ирана от прежней позиции носил не полностью добровольный характер. Страх перед растущей внутренней оппозицией и национально-освободительным движением на Ближнем и Среднем Востоке

обуславливал уступчивость шахского режима в отношении Запада. Следует также принять во внимание, что усиление зависимости Ирана от экономически развитых стран в отношении поставок вооружений и военной техники значительно уменьшало возможности проведения Ираном подлинно самостоятельной политики.

Усиление прозападной линии в иранской политике четко вырисовывалось и в области мирохозяйственных связей. В первую очередь это относится к нефти. Длительное время, особенно в конце 60-х – начале 70-х годов, Иран играл активную роль в деятельности ОПЕК, ведущей наступление на позиции транснациональных корпораций в нефтяной промышленности развивающихся стран. Иранское требование об увязке уровня цен на нефть с ценами на основные промышленные товары и с курсом американского доллара в начале 70-х годов стало важным элементом политической линии ОПЕК. Именно представителями Ирана были сформулированы принципы политики цен, проводимой ОПЕК [185]. С начала 70-х годов Иран в вопросе о ценах занимал, как правило, среднее положение, не поддерживая ни радикальную линию Алжира и Ирака, ни позицию Саудовской Аравии, выступавшей обычно против повышения цен на нефть и за их замораживание на длительный период. В целом нефтяная политика Ирана способствовала сохранению единства в рамках ОПЕК, в частности в такой трудный для организации период, как 1974–1975 гг., когда из-за экономического кризиса, охватившего капиталистический мир, она подверглась сильному давлению ведущих держав Запада. Тогда ОПЕК не только сумела сохранить стабильный уровень справочных цен на нефть, но и поднять их (осень 1975 г.). Следует заметить, что в тот период в вопросе о ценах на нефть Иран пытался оказывать на руководителей Саудовской Аравии сильное давление. Иранские газеты «Кейхан», «Эттелаат» и некоторые другие органы печати вели прямую атаку на правительство Саудовской Аравии, называя его нефтяную политику «проимпериалистической» [186].

Во второй половине 70-х годов иранская позиция изменилась. Представители Ирана и Саудовской Аравии воспрепятствовали новому повышению цен на нефть, на чем настаивали многие члены ОПЕК. В том, что летом 1976 г. ОПЕК решила не повышать цен на нефть, важную роль сыграла иранская позиция, хотя наиболее активно против повышения цен выступали Саудовская

Аравия и Кувейт. Весьма активно противодействовал Иран повышению цен на нефть также на конференциях ОПЕК в Каракасе (декабрь 1977 г.) и Женеве (июнь 1978 г.). Сближение позиций Ирана и Саудовской Аравии ослабило сплоченность входящих в ОПЕК государств и значительно уменьшило их шансы на успех в противоборстве с Западом.

В период нефтяного бума иранское правительство, по существу, устранилось от переговоров с западными державами по линии «Север-Юг», в которых еще совсем недавно Иран играл конструктивную роль, внося заметный вклад в формирование общей политики развивающихся стран.

Отход от прежних позиций по всем отмеченным выше вопросам был закономерным результатом перемены внешнеполитического курса Ирана, усиления прозападного направления в его политике. И все же происхождение этого сдвига в иранской политике не поддается однозначному объяснению. Если принять во внимание высказывания самих иранских руководителей, то получается, что некоторые новые явления в экономической политике Ирана, ставшие возможными благодаря росту доходов от нефти (прежде всего речь идет о вывозе иранского капитала — приобретение 25% акций металлургического комплекса фирмы «Крупп» в Бохуме, вложение капитала в добычу нефти на английском участке Северного моря и в нефтеперерабатывающие предприятия в Индии, ЮАР, Японии и ряде других стран), создали у шаха и его окружения иллюзорное представление о действительных возможностях Ирана и его месте в капиталистическом мире. Им казалось, что мечта шаха о превращении Ирана в равноправного члена «западного клуба» (выражение Мохаммеда Резы Пехлеви) благодаря повышению цен на нефть начинает сбываться. Поэтому вполне понятно, что, желая укрепить свои позиции в западном сообществе, иранское руководство постепенно отходило от курса, для которого было характерно известное противоборство с Западом. Вместе с тем указанный отход был уступкой и не носил добровольного характера в полном смысле этого слова. Иранское правительство шло на это в немалой степени под давлением, оказываемым на него правящими кругами США.

Осуществив в Иране в послевоенный период, особенно после 1953 г., широкую экономическую и политическую экспансию, США получили возможность оказывать значительное воздействие

на формирование иранской политики. Этим особенно отличалась администрация президента Дж. Картера, воспользовавшаяся заинтересованностью шаха в новейшем американском оружии и военной технике, а также его боязнью изменений в американской политике, связанных, в частности, с возможной поддержкой буржуазной оппозиции в Иране. Хотя США были заинтересованы в военных поставках Ирану не меньше, чем шах, некоторые влиятельные американские политические деятели считали, что следует «притормозить и растянуть во времени процесс наращивания его (Ирана. — С.А.) вооруженных сил, с тем, чтобы дать шаху возможность создать более надежную внутреннюю базу для проведения избранный им политики» [187].

С этой целью (и по некоторым другим соображениям) в конгрессе США были предприняты шаги для временного замораживания экспорта современной военной техники Ирану (и другим государствам Персидского залива). Подобная мера вынудила шаха приложить больше усилий для доказательства своей лояльности в отношении США, ибо он считал любую отсрочку поставки Ирану американского оружия симптомом недоверия к его режиму. Поэтому во время своей поездки в США в ноябре 1977 г. он стал добиваться безоговорочного выполнения военных заказов, сделанных в США. В конце концов Картер пошел навстречу его желаниям, так как «понял, что необходимы особые отношения с шахом Ирана» [188]. По мнению американского руководства, «очень немногие страны были так лояльны (к США. — С.А.), как Иран, и очень немногие руководители так готовы помогать Соединенным Штатам, как шах». Мохаммед Реза Пехлеви был готов оправдать доверие американского президента. Во время беседы с Картером, как впоследствии стало известно, он обещал помешать повышению цен на нефть. И свое обещание он выполнил [189]. Взамен он получил заверение в полной американской поддержке его планов по модернизации армии.

Действенным рычагом американского давления на шаха стал и так называемый вопрос о правах человека, поставленный Картером отчасти в демагогических целях и отчасти во имя победы в идеологической войне против социалистических стран во главу угла американской внешней политики. Первоначально Мохаммед Реза Пехлеви и его окружение восприняли начатую Картером кампанию так, будто новый президент США выступает против

монархических, авторитарных систем правления. Подобная интерпретация, видимо, была отчасти вызвана появлением в 1976–1977 гг. в американской печати серии статей, направленных против иранского режима и лично против шаха. Новый посол США в Иране У. Салливан в июле 1977 г. докладывал в госдепартамент, что «политика Соединенных Штатов в вопросе о правах человека является центральным моментом чуть ли не всех бесед, которые я имел с высокопоставленными иранскими должностными лицами на протяжении первых шести недель моего пребывания в Иране» [190]. Салливан писал, что уже дважды обсуждал этот вопрос с шахом, один раз – с шахиней Фарах, а также с большинством членов иранского правительства.

Как следовало из появившихся в американской печати сообщений о ноябрьских беседах 1977 г. шаха с Картером, вопрос о правах человека был использован президентом как средство давления, призванное вынудить Мохаммеда Реза Пехлеви изменить свое отношение, в частности, к проблеме цен на нефть. Получив обещание способствовать замораживанию цен на нефть, представители американской администрации распространили в печати шахское истолкование причин жестокого преследования инакомыслящих в Иране. Шах будто бы объяснил президенту США, что в Иране репрессиям подвергаются лица, нарушающие иранский закон о запрещении коммунистической партии. «Этот иранский закон, – отметил шах, – аналогичен американским законам, запрещающим участие в деятельности организаций, планирующих насильственное свержение правительства». Американские руководители, которые отнюдь не собирались портить отношения с Ираном, ибо отводили ему новую, более значительную роль в своих стратегических планах в зоне Персидского залива и Индийского океана, были склонны принять шахскую версию.

Во время второй встречи с шахом, состоявшейся в Тегеране 31 декабря 1977 г. – 1 января 1978 г., Картер не только публично заявил, что в Иране отсутствуют нарушения прав человека, но и пустился восхвалять Мохаммеда Резу Пехлеви. «Благодаря замечательному руководству шаха, – заявил американский президент, – Иран является островком стабильности в одном из наиболее беспокойных районов мира... На свете нет такого государственного деятеля, к которому я лично питал бы большую признательность и личную привязанность». Подобные высказывания

«борца за демократию и права человека» в адрес иранского шаха, снискавшего себе во всем мире дурную славу своей репрессивной политикой в отношении недовольных и инакомыслящих, вызвали отрицательную реакцию в печати многих стран.

Американский журналист Скотт Армстронг отмечал, что даже американскому послу в Тегеране У. Салливану столь пылкая речь Картера показалась «чрезмерной». Впрочем, далее Армстронг писал следующее: «Но даже если Картер говорил более пылко, чем хотелось бы Салливану, кто его мог осудить? Шах всего за несколько недель до этого выполнил свое обещание помешать повышению цены на нефть, задуманному организацией стран – экспортеров нефти, и, казалось, был склонен согласиться с США в вопросе об ограничении продажи американского оружия Ирану» [191]. Представляется, что были и другие важные причины, побудившие Картера произнести о шахе слова, полные восхищения. Во-первых, шах охотно брал на себя миссию жандарма в зоне Персидского залива и северной части Индийского океана, которую американская администрация намеревалась на него возложить. Во-вторых, он все активнее выступал в качестве проводника американской политики в регионе. Совершенно не случайной была «предусмотрительность» шаха, который к приезду Картера пригласил в Иран короля Иордании. Президент США обсуждал с Хусейном в Тегеране американские планы восстановления мира на Ближнем Востоке [192].

Как явствует из секретных документов, опубликованных МИД Исламской Республики Иран осенью 1981 г., шахский режим до конца 60-х годов держал руководство Израиля в курсе своей дипломатической деятельности на Арабском Востоке. Особый интерес представляют документы, касающиеся пятидневной встречи министра иностранных дел Ирана А. Халатбари с министром обороны Израиля Ш. Пересом и министром иностранных дел И. Аллоном. Иранский министр информировал израильских государственных деятелей о контактах своего правительства с ООН, обсуждал с ними возможность привлечения короля Хусейна к предстоявшим мирным переговорам Израиля с Египтом [193].

Насколько шах был увлечен ролью проводника американского курса на Ближнем и Среднем Востоке, показывает тот факт, что в сложное для его власти время, когда в Иране явно обозначился опасный рост недовольства его политикой, он лихора-

дочно готовился к визиту Картера, совершая краткосрочные поездки по странам Арабского Востока, чтобы вовлечь их в переговоры Израиля с Египтом.

Таким образом, анализ военной доктрины и внешней политики иранского руководства после 1973 г. показывает, что с ростом поступлений от нефти шах вначале придерживался более или менее самостоятельного курса. В целях преодоления экономической отсталости он пошел на расширение хозяйственного и политического сотрудничества с развивающимися государствами, в том числе и такими, которые ведут борьбу за перестройку международных экономических отношений в интересах собственных народов. Однако ввиду антинародной природы шахского режима это был лишь эпизод, и в иранской политике приоритет получило более активное, по существу, стратегическое сотрудничество с Западом, прежде всего с правящими кругами США. Потворствуя страстному желанию шаха получить самое современное вооружение и военную технику, поддерживая и активно поощряя его гегемонистские устремления, США приобрели эффективный рычаг воздействия на Мохаммед Резу Пехлеви.

Со своей стороны, шах и его окружение считали развитие особых отношений с США большим достижением, так как видели в этом гарантию сохранения и упрочения своего господства. Однако ирония истории заключается в том, что ирано-американское сближение достигло кульминации в дни, которые оказались кануном народной революции в Иране, покончившей с прогнившей иранской монархией – главным американским форпостом на Среднем Востоке.

АНТИМОНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1978–1979 гг. И ОБРАЗОВАНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН. ЭРА ХОМЕЙНИ

Иранская революция 1978–1979 гг. – одно из самых ярких и необычных событий последней четверти XX века. С точки зрения широты участвовавших в ней слоев – это подлинно народная революция; весь ее ход свидетельствует, что когда в движение против господствующего режима вовлечены основные слои народа, предотвратить его крах становится, как правило, невозможно. Ни вооруженная до зубов полумиллионная армия, ни снискавшая печальную известность своей жестокостью политическая полиция – САВАК, ни всемерная поддержка режима Мохаммед-Резы Пехлеви правящими кругами ведущих держав мира и транснациональными корпорациями не смогли остановить могучий поток народного движения. Сметая на пути все преграды, временами нарастая, революционная волна в конечном счете разбила в пух и прах так называемую шахиншахскую политическую систему. Институт монархии на иранской земле, 2500-летие которого в 1971 г. было торжественно отпраздновано с участием руководителей множества государств, прекратил свое существование [1].

Крушение шахского режима вызвало своеобразный шок во всем мире. Это объяснялось целым рядом обстоятельств. В том числе и по той простой причине, что в распространяемых по всему миру сведениях достижения Ирана в различных областях (порой достаточно впечатляющие) преднамеренно преувеличивались, приукрашивались и приобретали далекие от действительности

мифические черты. Даже ученые-марксисты, весьма критически оценивавшие в прошлом политику шахского правительства, в 70-х годах стали относить Иран к числу стран, где, якобы ввиду ряда обстоятельств объективного характера, осуществляется «революция сверху». Так, представитель «новых левых» в Великобритании утверждал, будто в Иране устранены все преграды на пути полнокровного развития капиталистических отношений [2].

Выдающийся знаток иранской истории и политики, профессор Ричард Фрай (США) не преминул охарактеризовать достижения шахского Ирана следующими выражениями: «За последнее десятилетие реформы нынешнего монарха Мохаммед-Резы Пехлеви, названные для удобства(?) – С.А.) «белой революцией», вызвали ракетоподобное развитие экономического благосостояния и прогресс. Таков сегодняшний Иран» [3].

Иранское руководство прилагало немало усилий, чтобы шахский режим удостоивался таких похвал. Правительство финансировало подготовку и издание прошахских книг западных и иранских авторов. Одна крупная рекламная компания из Нью-Йорка подписала с представителями Ирана контракт на сумму 507 тыс. долл., взяв на себя обязательства способствовать созданию позитивного имиджа Ирана и главы иранского государства. Жене сенатора Джавитса, члена комитета по внешним связям, Тегеран ежегодно выплачивал 67,5 тыс. долл. за организацию проиранской информационной кампании. Огромную работу в этой области проводило иранское посольство в Вашингтоне, возглавляемое Ардеширом Захеда [4].

Недоумение, вызванное размахом антишахских выступлений, однако, было результатом не только указанных обстоятельств. В значительной мере оно объяснялось недостаточно глубокой изученностью особенностей финансово-экономического состояния страны, а также той быстротой, с которой финансовое благополучие Ирана обернулось жестоким кризисом. Дело в том, что, когда после происшедших на мировом рынке больших перемен нефтяные поступления страны сразу выросли в четыре раза, шах и его окружение восприняли это однозначно как благо, до конца не оценив сложность проблемы рационального использования потока нефтедолларов. Огромное отрицательное воздействие на ситуацию оказала тесная привязанность иранских финансов к западной экономике. В этот период она стала источником так

называемой импортируемой инфляцией. Последовавшее за неожиданным увеличением доходов значительное их сокращение сразу же образовало большую брешь в правительственном бюджете, став причиной кризиса государственных финансов. Некоторые эксперты на Западе же охарактеризовали новую иранскую ситуацию как серьезную, окрестив ее словами «пузырь лопнул». По их мнению, это означало, что началось развенчание раздутого при помощи Запада мифа о шахском Иране. Исходя из этих обстоятельств и принимая во внимание другие стороны иранской проблемы, можно уверенно говорить, что с точки зрения характера предпосылок революция 1978–1979 гг. развивалась по типу классических социальных революций.

Когда первые прогнозы о вероятности тяжелых последствий иранского кризиса появились на Западе, «друзья» шаха выражали убежденность в том, что он сумеет преодолеть возникшие трудности. В этом отношении примечательна статья известного лорда Чальфонта, опубликованная в газете «Таймс» под заглавием «Почему мы были бы мудрее, если бы мы судили об Иране по его собственным меркам». Автор статьи, слегка пожурив шаха за его проекты по строительству в Иране амбициозных многомиллиардных объектов, призывал ведущие капиталистические державы к всемерной поддержке «царя царей», исходя из интересов самого Запада. Ему казалось, что Иран еще в состоянии пойти на жертву ради своих западных союзников. Лорд особо подчеркивал значение шахского режима для Великобритании. Он писал, что военная мощь Ирана создается за счет вклада Запада, часть которого приходится на долю импорта вооружений и снаряжения из Великобритании; страна шаха остается наиболее надежным союзником Запада на Среднем Востоке, а самое главное – «выживание западного индустриального общества является вопросом, в разрешении которого Иран, подобно Бразилии и Южной Африке, может еще сыграть важную роль». Подлинно откровенное выражение эгоцентризма в духе знаменитого лорда Керзона.

В неожиданном ухудшении платежного баланса страны шах обвинил действовавшие в Иране международные нефтяные монополии. Он считал, что они не выполнили свои обещания относительно объема вывозимой нефти. Но еще больший объем добычи и, соответственно, импорта нефти мог бы в конечном счете лишь увеличить кризис платежного баланса страны. Одновременно он

фактически признал ошибки своего правительства, решив отправить в отставку кабинет А. А. Ховейды. Безрассудное расточительство с самого начала подвергалось обоснованной критике со стороны общественных деятелей различной политической ориентации. Близкий к шаху премьер был неумолим. Он дерзко отвечал: «У нас есть деньги, и мы их тратим. Если кому-нибудь завидно, то пусть закроет свои глаза».

Как раз иранский «вклад» в «выживание» Запада, прежде всего – многомиллиардные заказы на приобретение вооружений и военной техники, и такие же сверхдорогие контракты на возведение атомных электростанций, аэропортов и т. д. – имели перво-степенное значение в том смысле, что финансовое благополучие обернулось жестоким кризисом.

Одной из важнейших особенностей революции 1978–1979 гг. является ведущая роль в ее подготовке и проведении шиитско-имамитских богословов. Американский историк-ирановед Ники Р. Кедди не без оснований подчеркивала, что революция на Западе, особенно на радикальной своей фазе, имела тенденцию к сдвигу влево и в сторону секуляризма, «если даже религиозная идеология в ней доминировала, как это имело место в период английской гражданской войны 1640 г. Эта идеология не носила фундаменталистского характера и не была провозглашена лидерами существующих религиозных учреждений» [5]. Видимо, именно исходя из социального содержания и идеологических лозунгов революций последних столетий, многие исследователи считали иранскую революцию событием парадоксальным. Основанием для этого явилось то, что предводителями революции стали шиитские улемы. Это – во-первых. А во-вторых, верховная власть в новом иранском государстве была учреждена, как уже подчеркивалось, согласно теологическим воззрениям Хомейни о принципе «веляят-е факих»^{*}.

В то же время раскрытие существенных особенностей иранской ситуации, с учетом политических устремлений Мохаммед-Резы Пехлеви и исторического вызова воинствующего шиитского духовенства, позволяет посмотреть на эту проблему по-иному.

^{*} По интерпретации Хомейни до пришествия «имама времени», в Иране, большинство верующего населения которого состоит из последователей имамитского шиизма, верховным руководителем, «вождем» должен быть избран «факих» (законовед), обладающий всеобщим признанием и божественной благодатью. Об этом см. соответствующую часть главы VI данной книги.

В широком историческом плане как иранская монархия – ведущий политический институт страны до победы антишахской революции, так и шиитско-имамитская религиозно-идеологическая система, включая соответствующие ей учреждения, – порождения средних веков, эпохи феодализма. Не случайно, когда благодаря колоссальным валютным поступлениям от нефти Иран буквально вдруг получил финансовое благополучие, Мохаммед-Реза выдвинул как важнейшую задачу – идею о возрождении так называемой «шахиншахской системы» («незам-е шахиншахи»), что в переводе на обычный политический язык означало неограниченную верховную власть «на вечные времена» представителей династии Пехлеви. В созданную монархическую партию «Растахиз» («Возрождение») власти призывали вступать всех лояльных к режиму общественных деятелей. Одновременно, учитывая политические амбиции предводителей шиитско-имамитского духовенства и опыт своего отца, шах в новых условиях добивался понижения политического статуса шиитских богословов. Он также предпринял ряд мер для ослабления религиозного исламского компонента в самосознании, в национальной идентификации («identity») иранцев. Такая идейно-политическая линия имела своей задачей приглушить у иранцев чувство исламской солидарности с арабскими народами. Всем этим целям служили, помимо празднования 2500-летия персидской монархии, введение так называемой «шахиншахской эры» (вместо отмененного солнечного мусульманского летоисчисления), различные международные конференции, посвященные древнеиранским культам, верованиям и т. д.*

Характерно, что с начала 70-х годов во многих периодических изданиях нередко публиковались материалы о деятельности и воззрениях просветителей-западников. В них заметное место также отводилось публикациям переводов произведений авторов Кавказского Азербайджана.

Ориентированные на восхваление древнеперсидских, ранне-средневековых монархий и древнеиранской культуры мероприятия, в организации которых принимали активное участие видные

* На развалинах дворца Ахеменидов в Персеполе под открытым небом для туристов с 1971 г. демонстрировалось светозвуковое представление о деяниях древнеперсидских царей.

специалисты Запада, воспринимались многими иранцами, особенно оппозиционно настроенными религиозно-политическими деятелями, как выражение неумных амбиций шаха.

Что касается реформаторской деятельности шаха, то ее позитивное воздействие на общественное развитие страны оказалось неоднозначным, особенно в сфере социально-политической и культурной. Шах и его ставленники, за некоторым исключением (первый этап аграрной реформы, предоставление женщинам политических прав и т. д.), отказывались от проведения серьезных мер по демократизации общественной жизни. В то же время большие усилия предпринимались с целью манипуляции общественным сознанием посредством пропаганды или же изданием указов о реформах, не имеющих позитивных результатов. Об этом подробно говорилось в предыдущей главе. Такие ключевые для шахской политики понятия, как «революция сверху», «к великой цивилизации», «шахиншахская система», «белая революция без единой капли крови», «революция шаха и народа», в условиях углубления классовой дифференциации все более девальвировались и вызвали скорее отрицательную реакцию широкой общественности. Но 1963-1973 гг. явились временем устойчивого повышения жизненного уровня рабочих, служащих, школьных учителей, водителей, работников транспорта и т. д. Увеличилась численность и намного выросла зарплата рабочих, занятых в строительстве. В годы неизменного роста нефтяных доходов, особенно в начале 70-х, в стране широко развернулось градостроительство. В столице, в Исфахане, Мешхеде, других городах появились целые массивы новостроек. Интенсивно строились дороги, мосты. В некоторых регионах благоустраивались села. Гражданское строительство (морские порты, аэропорты и т. д.) превратилось в один из основных секторов иранского народного хозяйства. В целом повышалось качество жизни.

За этот период в области школьного, специального и высшего образования, а также в системе здравоохранения и в сфере культуры происходили заметные позитивные сдвиги. Многие представители неимущих и малоимущих слоев тогда еще питали надежду на улучшение своего положения.

Поэтому на революционные призывы радикальных религиозно-политических деятелей в начале 60-х годов откликнулись главным образом «люди базара» – мелкие торговцы, ремесленники,

часть рабочих и крестьянства, а также поденщики и пауперы.

Однако к середине 70-х годов внутривнутриполитическая ситуация сильно изменилась. В этот период обрушившийся на государственные финансы кризис вел к ускоренному снижению покупательной способности большинства населения, быстро рос уровень безработицы, возросло количество банкротств. Как было отмечено, верховная власть шаха приобрела абсолютистский характер. В результате даже среди представителей господствующего слоя уменьшилось число полностью лояльных ему лиц.

В свете этих обстоятельств, идея об отсутствии фатальной неизбежности антимонархической революции в Иране, поставленная во главу угла при исследовании событий 1978–1979 гг. и ее так называемых уроков, как было подчеркнуто в предисловии, представляется нам весьма сомнительной. Она алогична и носит антиисторический характер. Без фатальной неизбежности не происходят такие значительные по своим социальным масштабам и последствиям события, каковой была иранская революция. Недавно один западный исследователь назвал книгу, посвященную революции в Иране, «Последняя великая революция» [6].

Существенное значение в связи с этим вопросом имеет и то, что революция 1978–1979 гг. не была явлением изолированным. Вторая половина шестидесятых, и особенно 70-е годы XX столетия, стали временем, когда в мире ислама давал о себе знать кризис как либерально-демократических прозападных, так и просоветски-социалистических идейно-политических течений. В националистических течениях в связи с ухудшением материального положения традиционных мелкобуржуазных слоев и быстрым ростом численности сельских мигрантов, отличающихся глубокой религиозностью, усиливалось содержание исламского компонента. Во все возрастающей степени исламское учение и исламские культурные ценности становились идейным источником для формирования программ ведущих политических течений и движений. Иранская революция стала предвестницей этой эпохи усиления исламских и происламских течений и движений во всем мусульманском мире.

7.1. Предпосылки революции

В 60-х годах Запад в возрастающих масштабах начал поглощать основное природное богатство Ирана – нефть. Желая во что

бы то ни стало сохранить контроль над иранскими нефтяными источниками, западные державы всеми средствами содействовали сохранению шахского режима, рассматривая его в качестве защитника своих интересов, ибо иранская верхушка не шла на радикальное разрешение противоречий между западными монополиями и Ираном, предпочитая путь компромиссов и уступок. Эта тенденция особенно рельефно выделялась на фоне новой ситуации международного сотрудничества. В конце 60-х – начале 70-х годов сложились определенные предпосылки для перестройки существовавшей системы мировых хозяйственных связей на базе равноправия. Одновременно в значительной степени благодаря повышению роли сырья в мировом хозяйстве, а также многократному росту цен на него, особенно на нефть и нефтепродукты, резко поднялось экономическое и политическое значение развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки – основных поставщиков жидкого топлива и газа на мировой капиталистический рынок. Воспользовавшись ростом своих финансовых и экономических возможностей, указанная группа стран включилась в борьбу за перестройку экономических отношений с промышленно развитыми державами Запада.

Эти сдвиги заметно повысили возможности иранских властей в решении основных экономических проблем и в упрочении политической самостоятельности. Понятно, что эти возможности могли быть реализованы лишь в том случае, если бы шахское правительство встало на путь последовательной борьбы за восстановление суверенных прав в сфере внешнеэкономических связей и торгового обмена. Однако антинародная природа иранской верхушки, ее антидемократизм и боязнь лишиться своих привилегий обусловили двойственную, противоречивую линию шахского правительства в отношениях с Западом, что, кстати, было характерно и для политики других стран – членов ОПЕК с правыми режимами. Стремление шаха сочетать борьбу за улучшение условий экономических отношений с Западом с политикой форсированной интеграции в «западное сообщество» и расширением масштабов сотрудничества с США в военной области, как и следовало ожидать, привело Иран к порогу острейшего общественно-политического кризиса.

Связь между многократным увеличением валютных поступлений и усилением антинародной линии во внутренней политике и проимпериалистического курса во внешней политике шаха

была весьма отчетливой. Эту связь следует рассматривать как особое, специфическое явление, сыгравшее важную роль в формировании предпосылок революции. Однако абсолютизировать ее, тем более считать определяющей причиной возникновения революционной ситуации, как пороку пытаются делать отдельные авторы, было бы упрощением. Само по себе резкое увеличение поступлений от нефти не обязательно должно было привести к обострению социальных, политических и экономических проблем. Те, кто видит истоки иранского кризиса конца 70-х годов лишь в росте доходов от нефти, отодвигают на второй план два важнейших момента: малоэффективность программы реформ и противоречивость главных компонентов политического курса режима. Это противоречие выражалось в стремлении добиться форсированного развития госкапитализма и, частично, крупного частного капитала при сохранении таких существенных черт средневековья, как монархический образ правления и преобладание в сфере идеологии монархизма и религиозного учения. Одним словом, раскрытие предпосылок революции 1978–1979 гг. требует учета указанных главных факторов, сделавших ее исторически неизбежной.

В широком историческом плане неразрешимой проблемой для шаха явилось противоречие между его личными политическими амбициями и объективными потребностями дальнейшего развития страны. Увеличение доходов от нефти привело лишь к обострению этого противоречия. В новых условиях он меньше нуждался даже в половинчатых реформах, будучи увлеченным выдвижением идеи о «великой цивилизации», вершиной которой ему представлялось возрождение традиций древнеиранских монархий. Понятно, что воззрения о так называемой «шахиншахской системе» или превращении Ирана в одну из крупнейших военных держав мира явились неадекватными ответами на вопросы, возникшие в иранском обществе на новом этапе развития.

Шах, однако, наивно верил, что нефтедоллары дадут ему возможность без особых усилий смягчить существовавшие социальные противоречия. Обслуживавшие режим средства массовой информации внушали народным массам, что шах выражает общенародные интересы и не связан ни с каким классом.

По мнению шаха, Иран являлся быстро развивающимся обществом, в котором верховная власть выступала в роли защитни-

ка интересов широких масс. Вызывает удивление, что подобные утверждения поддерживались профессиональными исследователями. Канадский востоковед-иранист Р. Луни, полностью одобрявший «шахскую революцию», в конце 70-х годов писал: «Революция шаха интересна именно потому, что он вошел в союз не со средними классами, а с низами. Его стратегия направлена на урезание господства не только аристократии, но и растущего среднего класса. «Белая революция» представляет собой, таким образом, новую попытку <...> проводить сверху реформу, которая, в конце концов, сохранит традиционную модель власти в стране» [7]. Подобных панегириков в академических кругах как на Западе, так и в ряде стран Востока было немало.

Однако, вопреки намерениям шаха, если даже считать их искренними, иранское общество и осуществляемые правящими кругами «деяния» далеко не соответствовали тому, о чем говорилось в книге шаха «К великой цивилизации», выпущенной миллионным тиражом в первые дни 1978 г. По иронии судьбы выход книги совпал с началом революционных выступлений.

В своей книге шах стремился создать у читателя иллюзорное представление о проводимой политике. Действительность же давала возможность широким слоям общества на собственной шкуре испытать все «прелести» этой политики. Ухудшение материального положения народных масс было настолько очевидным, что его не в состоянии были скрыть, как об этом было сказано, составители официальных статистических изданий. Неуклонное повышение стоимости жизни было охарактеризовано К. Хареджу (председателем правления Банка развития) как заметная тенденция экономической жизни 70-х годов [8]. То, что эти негативные явления и общий спад дали о себе знать почти внезапно, значительно усиливало их отрицательное восприятие обществом.

Вот почему очередное шахское сочинение было встречено продемократически настроенными представителями общественности как новая попытка манипулировать сознанием масс в интересах упрочения авторитета правящей верхушки. Шах и его окружение или не осознавали, или игнорировали тот очевидный для многих факт, что в условиях возраставшего социального неравенства и ухудшения материального положения значительной части трудящихся несоответствие между официально провозглашенной политикой и действительным положением вещей становилось

вопиющим. Подобное несоответствие было характерной чертой всего времени правления Мохаммед-Реза Пехлеви. Но особенно значительным этот разрыв стал в период нефтяного бума, когда режим с еще большим рвением проводил внутри страны политику, выражавшую, прежде всего, интересы двора, крупного капитала и бюрократической буржуазии. То же самое происходило во внешней политике: антиимпериалистические лозунги прекрасно уживались с прозападным курсом. С каждым годом Иран все больше становился проводником прозападной политики в регионе.

С одной стороны, увеличение доходов от нефти позволило шахскому режиму заложить основу мощного государственного сектора, увеличить финансовый потенциал, приступить к строительству современных вооруженных сил и осуществить модернизацию нефтегазовой промышленности, экономической инфраструктуры и энергетики. Но с другой стороны, шах и его окружение в условиях значительного увеличения потока нефтедолларов не сумели верно определить политэкономические приоритеты, а социальными и правовыми вопросами по-настоящему не занимались. Что касается проблемы развития среднего класса и интеллигенции, без которой говорить о модернизации общества нельзя, то правящую верхушку это фактически не интересовало.

Шах верил во всемогущество нефтедолларов, в силу полумиллионной армии и тайной полиции САВАК, ему казалось, что отныне он не нуждается в политике лавирования.

В то же время, несмотря на позитивное воздействие роста нефтяных поступлений на развитие целого ряда отраслей иранского хозяйства, положение в аграрном секторе, где была занята большая часть самостоятельного населения, не улучшалось. Низкая урожайность продолжала оставаться бичом большинства хозяйств малоземельных крестьян. Провалилась и попытка улучшить положение в области сельскохозяйственного производства путем привлечения иностранного капитала. Разрыв между сельским хозяйством и другими секторами экономики все более углублялся. Если в 1973 г. доля сельскохозяйственной продукции в ВВП составляла 18,1%, то к 1977 г. она снизилась до 8% [9]. Даже без нефти между 1972 и 1976 гг. доля сельского хозяйства в ВВП упала с 23 до 15%. Импорт продовольственных товаров за тот же период по стоимости возрос с 32 млн. до 1,5–2 млрд. долл. В 1977/78 г. он достиг 2,5 млрд. долл. [10]. Если до начала

аграрных преобразований душевое потребление в деревне по отношению к городу составляло 1:2,1, то в 1974 г. оно составляло 1:4,15, а в 1978 г., по свидетельству профессора Тегеранского университета М. Сетари, даже 1:8 [11]. По другим подсчетам, доход на душу населения в городском секторе более чем в десять раз превышал аналогичный показатель в сельских районах. Материальное положение сельского населения, по официальным данным, ухудшалось. С 1970/71 по 1974/75 г. в среднем ежегодные расходы на душу населения в городах выросли с 31 303 до 36 258 риалов, а в деревне уменьшились с 13 251 до 11 581 риала. В середине 70-х годов только 3% производимой электроэнергии использовалось в сельских районах. В результате вновь усилилась миграция сельского населения в города, особенно в большие. По официальным данным, ежегодно в города мигрировало примерно 280 тыс. человек. Однако некоторые специалисты называют другую цифру – 500 тыс. человек [12].

В результате темпы прироста городского населения увеличивались. В 1966 г. в городах проживал 31% населения страны, в 1977 г. – 47%, а в середине 1978 г. – более 50%. При этом «занятость в сельском хозяйстве снижалась намного быстрее, чем уровень сельских жителей, так как обитатели сельских районов скорее меняли сектор, в котором они были заняты, чем постоянное место пребывания» [13]. В то же время росла численность рабочего класса: к концу 70-х годов рабочие составляли около трети 10-миллионного самодеятельного населения страны. Однако численность промышленного пролетариата не превышала 700 тыс. человек. Большая часть мигрантов из сельских районов включалась в ряды мелкобуржуазных слоев, а чаще – пауперов (их в столице было несколько сот тысяч) [14].

Нефтяной бум обернулся весьма выгодным бизнесом для западных монополий. Иран стал крупнейшим рынком на Ближнем и Среднем Востоке. С 1966 по 1976 гг. импорт по стоимости увеличился более чем в десять раз. Военные расходы съедали 26–28% государственного бюджета. В течение семи лет (1972–1978) в США, которые явились главным поставщиком военной техники и снаряжения Ирану, было выполнено военных заказов на 19,38 млрд. долл. [15]. К осени 1978 г. в стране временно проживало 45 500 американцев, их значительную часть составляли военные специалисты и технические представители фирм, постав-

лявших военную технику и вооружение для иранской армии [16].

Правящие классы Ирана спешили нажиться за счет нефтедолларов. В стране происходил форменный разгул казнокрадства, коррупции и незаконных финансовых операций. Коррупция пронизывала всю политическую систему «до самого ее основания», но никакой серьезной борьбы с ней не велось. И это было понятно. Наиболее крупные финансовые злоупотребления совершались самой шахской семьей, бюрократической буржуазией, армейской верхушкой, представителями новой финансово-промышленной олигархии. Председатель сената Дж. Шариф-Имами за взяточничество был прозван «господином пять процентов». Не отставали от него сестра шаха Ашраф Пехлеви и многие другие видные представители правящего класса. Расточительство и необычайная роскошь стали отличительными чертами жизни иранской верхушки.

В годы «нефтяного бума» резко усилилась позиция одной влиятельной группы иранской элиты времен Мохаммед-Резы Пехлеви – генералитета. Ряд близких шаху генералов фактически выступали в роли лоббистов западных военных корпораций. Один из них, генерал Ф. Джем, был отстранен от поста за то, что настаивал на приобретении большой партии военной техники у некоей иностранной фирмы. При этом он заранее знал, что шах против этой сделки и лоббирует другую фирму. Но Ф. Джем не очень жестоко пострадал. При содействии другого высокопоставленного генерала он получил пост посла в Испании [17].

Наибольшую известность среди генералов в период нового этапа «военного строительства» приобрел генерал Хасан Туфаниян, бывший адъютант шаха. В изучаемый период он как заместитель военного министра и управляющий военной промышленностью занимался размещением иранских военных заказов за рубежом. Широкую огласку в СМИ получило сообщение о его роли в приобретении сверхдорогих самолетов АВАКС в США. После распада монархии в Иране появились издания, в которых опубликованы документальные материалы, касавшиеся его военно-политической и коммерческой деятельности. Особый интерес представляют документы и сведения, где прослеживается его роль в установлении тесных контактов между шахским двором и военно-промышленными кругами США, Израиля и Великобритании. В ходе подобных сделок генерал должен был соблюсти

личные интересы Мохаммед-Резы, конечно, не забывая и свои собственные. И здесь Туфанян проявил свои способности. Он тщательно скрыл от широкой общественности тесные отношения между шахом и военно-политическим руководством государства Израиль, которое он часто посещал [18].

Опасаясь разоблачений и желая сохранить свое богатство в надежных местах, многие представители иранской элиты переводили часть доходов в банки Швейцарии, Англии и США, приобретали дома, земельные участки на юге Франции и в Монако, фермы и виллы в Калифорнии [19].

В результате проводившейся шахским режимом политики период чрезвычайного роста доходов от нефти оказался для иранского общества преддверием невиданного в истории страны социально-политического кризиса. Несмотря на огромный рост государственных доходов, введение в строй большинства крупных промышленных объектов, предусмотренных пятым планом развития (1973–1978), было сорвано. Деятельность Планово-бюджетной организации, призванной наблюдать за выполнением плановых мероприятий и состоянием государственных финансов, в значительной мере оказалась парализованной. В марте 1977 г. инфляция превысила уровень предшествовавшего года на 30%, а цены выросли на 40% [20]. С одной стороны, страна остро ощущала нехватку квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, а с другой – численность незанятых многократно выросла. Словно вмиг строительную промышленность, в которой было занято почти миллион рабочих, поразил крах.

Становился явным провал и малоэффективность многих реформ. Материальное положение значительной части трудовых слоев населения продолжало ухудшаться. Оппозиционно настроенные либеральные деятели обращались к шаху с предложением внести в общественно-политическую жизнь элементы демократизации. Нарастало массовое недовольство правительственной политикой. Все это вынудило правящую верхушку маневрировать. В начале августа 1977 г. правительство А. А. Ховеиды подало в отставку, формирование кабинета было поручено Дж. Амузегару, генеральному секретарю партии «Растахиз» [21]. Но и новому премьер-министру не удалось улучшить экономическое положение, хотя он отсрочил выполнение многих дорогостоящих проектов. Инфляция продолжала расти, цены поднимались.

Правящая верхушка, организуя шумные политические кампании, усиливая промонархическую и великодержавную пропаганду, безуспешно пыталась предотвратить нарастание широкого недовольства. Вместо того чтобы выявить и устранить истинные причины инфляции, власти принимали меры, которые скорее накаляли политическую обстановку, чем содействовали стабилизации экономического положения. Типичным примером была организованная руководством партии «Растахиз» и правительством кампания по борьбе с инфляцией и дороговизной (выше было отмечено, что эта мера была включена в программу «революции шаха и народа»). «Вождь» иранского народа, как официально именовался шах в программе партии «Растахиз», и его окружение предпочли сделать «стрелочниками» тех, кто меньше всего был виноват в ухудшении экономического положения. Они организовали широкое наступление на мелких торговцев, лавочников и ремесленников, объявив их чуть ли не главными виновниками роста дороговизны. Во время этой кампании было репрессировано около 40 тыс. торговцев, лавочников и ремесленников. Часть из них была заключена в тюрьмы, другие оштрафованы и высланы [22].

Шахский режим оказался не в состоянии справиться с экономическими и социальными проблемами и обрушил суровые репрессии против недовольных. Действовавший под личным руководством шаха, САВАК вел тотальную слежку за иранцами как внутри страны, так и за ее пределами. На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, а также в иранских представительствах за границей функционировали специальные отделы, подведомственные САВАК. Военные трибуналы беспощадно карали оппозиционеров. Немало деятелей оппозиции были убиты сотрудниками САВАКа будто бы за сопротивление при аресте. Люди, попавшие в руки САВАК, подвергались самым изощренным пыткам. Однако все эти меры не смогли остановить выступлений против властей. Усиление авторитарных методов правления вызвало возмущение широкой общественности. В июле 1977 г. около 100 представителей творческой интеллигенции опубликовали адресованное правительству воззвание, в котором требовали разрешить им открыть союз писателей. Он был запрещен в 1969 г. А в июле 1977 г. 64 известных юристов выступили за восстановление автономности гражданских судов. В октябре того же года 143 юриста издали манифест о своем намерении

учредить «Союз юристов» с целью изучения вопроса о состоянии прав человека в Иране [23]. В октябре 1977 г. в Тегеране были организованы поэтические чтения, они приобрели характер политической демонстрации против политики террора. В начале ноября такие чтения стали популярными в высших учебных заведениях.

В ноябре 1977 г. открыто оппозиционные выступления, инициаторами которых были представители интеллигенции, стали массовыми. 15 ноября начались волнения в политехническом университете «Арьямехр». На следующий день волнения перекинулись в крупнейший в стране Тегеранский университет. Студенты требовали демократизации общественно-политической жизни и выдворения с университетской территории агентов САВАК. 21 ноября во время стычки между студентами и полицией погибло несколько человек. Студенческие выступления были подавлены полицией и армейскими подразделениями. Многие студенты были арестованы или исключены из университета [24].

7.2. Начало и ход революционных выступлений

4 января 1978 г. руководство партии «Растахиз» созвало в Тегеране чрезвычайный съезд, осудивший антиправительственные выступления студентов и выразивший полную поддержку действиям правительства. Съезд принял специальное решение, которое призывало лишить права получения высшего образования студентов, участвовавших в антиправительственных манифестациях.

Недовольство политикой режима неуклонно росло. 8–9 января в крупном религиозном центре – г. Куме произошли антиправительственные выступления. Прямым поводом для начала массовых оппозиционных выступлений в Куме, переросших в ожесточенные стычки между демонстрантами и правительственными силами, явилось появление на страницах газеты «Эттelaат» провокационной статьи. Она была непосредственно связана с растущей в стране антиправительственной, антишахской деятельностью левых организаций, и особенно шиитского духовенства. Главной мишенью статьи, опубликованной под вымышленной фамилией, был находящийся в изгнании аятолла Хомейни.

Дело в том, что копии текстов публичных выступлений Хомейни в Наджафе уже получили широкое распространение в Иране. В них аятолла беспощадно клеймил шаха и его зарубежных покровителей.

Опубликованная в указанной газете статья была написана простым языком, хотя, как позже стало известно, ее автором был министр пропаганды шахского правительства. Она называлась «Иран: красно-черный империализм». В ней утверждалось, что с началом «революции шаха и народа» реакционные силы «красного» и «черного» империализма приступили к тесному сотрудничеству; и что в стране «красная» и «черная» реакция нашли в лице Рухоллы Хомейни наиболее удобного деятеля «для противодействия иранской революции», т. е. шахской революции сверху.

Неуклюжее провокационное мероприятие шахского правительства сработало с точностью до наоборот. Попытка очернить изгнанного из страны шиитского деятеля вызвала всплеск его популярности. Она содействовала росту оппозиционных настроений среди духовенства в главном религиозном центре Ирана — Куме. Восприняв провокацию шахского руководства как вызов, духовенство и учащиеся религиозных медресе, при поддержке малоимущих слоев города, решились на открытое выступление против властей. В ходе манифестаций не только провозглашались антиправительственные лозунги, но и выдвигалось требование ликвидации шахского режима. Восстание в Куме закончилось кровопролитием, не менее 60 ее участников были убиты карателями, сотни ранены [25].

18–19 февраля 1978 г., в связи с сороковым днем гибели кумских мучеников и в знак солидарности их памяти, вспыхнуло восстание в Тебризе центре Иранского Азербайджана. В нем приняло участие около 100 тыс. человек. Восстание в Тебризе явилось первым крупным отзвуком кумских событий. В то же время оно отличалось своим более значительным масштабом. Зачинателями и движущей силой тебризского восстания стали молодые рабочие, в недавнем прошлом жители окрестных деревень. Приехавшие в город на строительство новых крупных промышленных объектов, они были активными посетителями городских мечетей. В сороковой день кумских событий рабочие направились в мечети. Как и жители многих других городов, они намеревались принять участие в траурных церемониях, посвященных памяти погибших в Куме безвинных манифестантов. Но когда рабочие подошли к мечетям, то увидели запертые двери. Оказалось, что власти наложили запрет на проведение траурных молитв. Эта грубая выходка до глубины души возмутила людей. Все свое

негодование они выплеснули на местные власти, на прошахскую партию «Растахиз». К рабочим присоединились представители неимущих и малоимущих слоев населения, члены подпольных оппозиционных организаций. Начались погромы. Провозглашались антимонархические, антишахские призывы. Часть восставших выступала под руководством оппозиционно настроенных религиозных деятелей, другие выдвигали левые лозунги. Местные полицейские отказались открыть огонь по восставшим. Тогда для подавления этого первого крупного массового выступления против шахского режима власти использовали армейские части, танковые подразделения, боевые вертолеты. Сотни демонстрантов были убиты и ранены [26]. Весной и летом 1978 г. антиправительственные восстания и демонстрации охватили многие города. Особенно значительными были волнения в Мешхеде, а также в Исфахане и некоторых других городах провинции Исфахан.

Особенность городских восстаний, происходивших в течение первой половины 1978 г., заключалась в том, что в них принимали участие пестрые по социальному характеру и идеологической ориентации политические силы, которых объединяло враждебное отношение к шахской диктатуре. Застрельщиками и самыми активными участниками этих выступлений (за исключением тебризского восстания) были «традиционные» средние городские слои (мелкие торговцы, ремесленники, кустари и т. д.) и связанная с ними прослойка рабочих и пауперы – в большинстве своем бывшие крестьяне. Представители «традиционных» средних городских слоев решились на открытое выступление против властей в силу того, что ускоренная модернизация «по шахски» в иранском обществе происходила одновременно с ухудшением их материального и социального положения. Расширение производства обуви, посуды и других товаров массового потребления, появление современных универмагов наносили ущерб экономическим позициям мелких торговцев, хозяев маленьких мастерских, кустарей, ремесленников. Особенно остро ощущая внешние проявления происходивших в стране процессов, не видя глубинных причин изменения условий своего существования, представители «традиционных» средних городских слоев обрушили свой гнев на материальное воплощение вестернизации и американизации. Восставшие учиняли погромы в центрах прошахской партии «Растахиз», ночных клубах, казино,

винных магазинах, дорогих ресторанах; взрывались кинотеатры, где демонстрировались непристойные, по их мнению, фильмы западного производства.

До восстания в Куме основными участниками оппозиционных выступлений были представители интеллигенции (адвокаты, преподаватели вузов, творческие работники, журналисты) и студенты. Они выдвигали требования о соблюдении прав человека, отмены цензуры, ликвидации надзора САВАК в университетских кампусах, предоставления свободы шествий и собраний.

Тегризское восстание заложило основы своеобразной традиции. Через сорок дней после каждого восстания, в знак памяти жертв (мучеников) организовывалось новое антишахское выступление. Главную роль в их подготовке и проведении играли представители шиитского духовенства.

Время от времени городские восстания приобретали все более напряженный характер. В политическом плане, как правило, они проходили более организованно. Озвученные в них лозунги уже имели вполне целенаправленный характер. Давали о себе знать устремления религиозно-политических деятелей, связанных с находившимся в Наджафе аятоллой Хомейни.

4 сентября, в день праздника «фитра» (айд иль-адха), по договоренности с властями в Тегеране прошли мирные демонстрации, организованные оппозицией. Они стали еще одним ее успехом. Впервые исламскому религиозному празднику была придана политическая окраска. По всей стране в них приняли участие свыше 4 миллионов человек. Вполне понятно, что это было сделано по указанию Хомейни. В ходе демонстраций самыми популярными лозунгами стали: «Аллаху акбар, Хомейни рахбар» («Аллах велик – Хомейни вождь»), «Смерть шаху и империалистам», «Мы требуем исламскую республику».

6 сентября Хомейни направил иранцам специальное послание, в котором поблагодарил армию за то, что она не выступала против демонстрантов ни в Тегеране, ни в других городах. Но в то же время он призывал к усилению давления на династию Пехлеви.

С тем чтобы сбить волну оппозиционных выступлений, в июне 1978 г. правительство объявило о введении ряда демократических прав и свобод. Было предусмотрено также право на образование партий, действующих в «рамках закона».

Однако противостояние не ослабевало. 7 сентября в столице около полумиллиона человек направились к зданию меджлиса. Они шли под теми же лозунгами, что и в день праздника «фитры». Многие тысячи демонстрантов были облачены в белые саваны, показывая свою готовность отдать жизнь в борьбе с шахской диктатурой. С этого дня подобные действия, имевшие исламскую окраску, стало широко применяться в выступлениях оппозиции.

Реакция Хомейни, фактически уже дирижировавшего из Наджафа массовыми антишахскими выступлениями, была резкой и четкой. Он оценил демонстрации 4 и 7 сентября как волеизъявление всех иранцев, твердо заявивших, что «шахскому режиму нет места на иранской земле» [27].

Осознав, что его власти угрожает реальная угроза, шах решил действовать решительно и немедленно. Он назначил генерала Голам-Али Овейси военным губернатором Тегерана [28]. 8 сентября с 6 часов утра в столице и еще в одиннадцати крупных городах страны, основных центрах массовых выступлений, было введено военное положение. Именно в этот день армейскими частями было совершено самое жестокое побоище мирных демонстрантов. Это произошло в пятницу, в день общественной молитвы. Рано утром на площади Жале, расположенной в восточной части столицы, собралась большая группа демонстрантов, состоявшая главным образом из мелких торговцев и рабочих базара. К 8 часам утра они были окружены армейскими подразделениями и танками. По демонстрантам без предупреждения был открыт шквальный огонь. В операции принимали участие и военные вертолеты. В южном Тегеране, который считался районом трущоб, жители воздвигали баррикады против солдат. В целях защиты люди пустили в ход бутылки с зажигательной смесью. Но армейские части без промедления воспользовались автоматами и ружьями. В течение 8 сентября правительственными войсками было расстреляно более 4500 демонстрантов. В последующие дни сентября только на кладбище Бехешт-е Захра, расположенном на южной окраине Тегерана, было предано земле 4290 человек [29].

Сентябрьские события оказались переломным периодом в развитии противоборства между властями и оппозиционным движением.

Несмотря на жестокие массовые репрессии, в движение

включались все новые общественные силы. Фактически антиправительственное, антишахское движение стало перерастать в революцию. В условиях расширения социальной базы революционных выступлений многие задавленные режимом оппозиционные группировки и организации, воспользовавшись смятением в правящих кругах, приступили к возобновлению своей политической деятельности.

Наибольшую активность развило шиитское духовенство. В начале сентября оно стало ведущей силой народного движения. Этот сдвиг, происшедший в период, когда антимонархическое движение вступило в критическую фазу, наложил печать как на дальнейший ход революции, так и на ее характер.

Выдвижение оппозиционных религиозных деятелей на роль руководителей народной революции было вызвано следующими обстоятельствами. Как было отмечено, застрельщиками массовых выступлений против шахских властей стали традиционные средние городские слои, связанная с ними прослойка рабочих, пауперы, студенты, учащиеся. А поскольку всем им (за исключением студенчества и учащихся) были недоступны иные идеологические системы, кроме религиозно-националистической, для них оказались весьма притягательными окрашенные в религиозно-националистические тона концепции социальной справедливости, выдвинутые шиитскими деятелями и мелкобуржуазными идеологами.

Следует принять во внимание, что правящие круги Ирана в течение XX в. стремились сохранить влияние ислама на широкие массы как заслон от распространения левых прогрессивных идей. Так поступал Реза хан в период борьбы за власть. Такая же линия была характерна для Мохаммед-Резы Пехлеви. Также широко пропагандировались идеи паниранизма и персидского национализма. В то же время правящий класс препятствовал не только распространению марксистско-ленинских, но и буржуазно-демократических идей. Преследовались и подвергались репрессиям марксистские и все прочие левые партии и группировки. В период зарождения и усиления исламского движения левокоммунистические течения в Иране были задавлены. Самая опытная левая (просоветская) организация, партия Туде, была лишена возможности развернуть свою деятельность и переживала период упадка. К тому же в стране или в эмиграции не было ни одной подлинно демократической функционировавшей иранской орга-

низации. В результате этого в лагере левооппозиционных сил образовался идеологический и политический вакуум, который на рубеже 60–70-х годов стали заполнять религиозные и мелкобуржуазные идейные течения.

Переход большей части шиитского духовенства в оппозицию к режиму объяснялся в основном тем, что оно, подобно традиционным средним городским слоям, в шахской политике модернизации усматривало угрозу своим интересам. Началом открытого противодействия режиму можно назвать конец 50-х годов, когда аятолла Буруджерди, признанный лидер иранских шиитов, высказался против аграрной реформы. В период осуществления программы реформ шах предпринял шаги, направленные на полное подчинение духовенства государственной власти. Еще в 1971 г. «с целью укрепления основ веры» был издан указ об образовании религиозного корпуса, который должен был быть укомплектован из военнообязанных выпускников теологических факультетов. После военной подготовки члены «корпуса» направлялись в армию в качестве проповедников. Одновременно в Организацию по делам вакуфов шах планомерно насаждал своих людей, в основном отставных офицеров, чтобы со временем полностью лишить шиитское духовенство автономной экономической базы.

В условиях гонений на членов левых и продемократических группировок шиитское духовенство, традиционно пользовавшееся значительной автономией и располагавшее легальными организациями, в сравнении с другими оппозиционными силами имело значительное преимущество [30]. Оно воспользовалось нарастанием недовольства и ростом стихийных оппозиционных выступлений народных масс для укрепления своих позиций.

Неуклонный рост влияния религиозных лидеров, несомненно, был связан также с политической слабостью и нерешительностью национальной буржуазии. Та часть национальной буржуазии, которая находилась в оппозиции к режиму, во время политического кризиса начала 60-х годов выдвинула двусмысленный лозунг «Реформе – «да», диктатуре – «нет». Подобная линия была явным признаком отклонения руководства так называемого «Второго национального фронта» от принципиальной позиции доктора Мосаддыка. Одобрение шахских реформ фактически означало признание легитимности шахского режима. Двойственность в линии поведения Аллаяр Салеха и других руководителей

НФ была связана с активностью американских спецслужб. Их тайные встречи с лидерами НФ у последних создали ложные иллюзии относительно намерений США [31]. В 1961 г. в Тегеране ходили слухи, что наряду с Али Амини американцы предлагали кандидатуру Аллаяр Салеха в качестве премьер-министра.

К тому же у руководителей НФ не было четкой политической программы. Лишь после августа 1978 г. они получили возможность возобновить свою деятельность на легальных условиях. Однако войти в число ведущих инициаторов народного движения лидеры НФ не сумели. Они были вынуждены играть роль силы, поддерживавшей исламское радикальное течение.

Росту популярности оппозиционной части духовенства содействовало также формирование в 60–70-х годах нового происламского идейно-политического течения. Его представители искали выход из нарастающего общественно-политического кризиса, обращаясь к ценностям шиитского ислама. Представителей этого течения называют светскими исламистами. Видным идеологом этого течения был доктор Али Шариати (1933–1977). Он отрицательно относился к западному пути развития, обличал негативные стороны культурной экспансии западных стран в Иране. Считая одним из главных отличий развивающихся стран Востока от Запада религиозность широких масс и их привязанность к традиционным ценностям, Шариати выдвигал тезис о необходимости «возвращения к себе». Этот тезис подразумевал активное использование религии и традиционных морально-этических ценностей для формирования идеологии освободительных и социальных течений на мусульманском Востоке. Непременным предварительным условием радикальных перемен в обществе он считал повышение политического сознания масс, отводя в этом ведущую роль «ясновидящему» («интеллектуалу»), – так он называл предполагаемого идейного руководителя массового движения. В своих выступлениях и лекциях Шариати выступал как убежденный противник шахской деспотии, социального угнетения и прозападного, проамериканского течения в иранской общественной мысли, которое обозначил как «неоколониализм». Он в принципе отрицательно оценивал политическую деятельность традиционного иранского духовенства.

В общей сложности после студенческих продемократических волнений конца 1977 – начала 1978 гг. как бы «врасплох» произо-

шли восстания в Куме, а затем в Тебризе. В феврале 1978 г. Иран из «острова спокойствия», по словам президента Дж. Картера, превратился в центр политической напряженности. Характерно, что среди общественно-политических сил, вышедших на политическую арену как главных оппонентов авторитарной шахской власти, оказались религиозно-политические деятели и близкие к ним по своей идеологии традиционные мелкобуржуазные городские слои. Но среди них не оказалось просоветской партии Туде и ее сторонников, которые десятилетиями играли роль главной оппозиционной силы в политике страны. Режиму удалось их почти полностью вытеснить с иранской политической сцены, в том числе и из «подполья». Шах достиг этого отчасти расширением экономического и культурного сотрудничества с Советским Союзом.

Посредством новой философской интерпретации шиитской идеи о мученичестве Шариати пытался содействовать возрождению духа сопротивления шахской диктатуре и иностранному засилью. Он выдвинул тезис об исключительной роли «ясновидящего» («интеллектуала») в политическом просвещении членов шиитской общины, но он отчетливо не очертил конкретной политической цели, ради которой следовало бы «вернуться к своим истокам».

В ходе революции члены и сторонники радикальных молодежных организаций стали популяризировать имя и воззрения Али Шариати, пытаясь противопоставить его имя образу аятоллы Хомейни.

Другой представитель светских исламистов Аболь-Хасан Банисадр уделял особое внимание вопросам экономики, в частности проблеме иранской нефти. Он рассматривал иранскую нефть не только как главный объект вожделений иностранных монополий, но и как инструмент, при помощи которого западные индустриальные державы устанавливали свое господство над экономикой и финансами Ирана, над его армией и политической жизнью, культурой и искусством. Банисадр утверждал, что создаваемая шахским режимом система ведет к более интенсивному выкачиванию иранской нефти и к расширению эксплуатации рабочей силы в интересах иностранных корпораций [32]. Представители Ирана и Саудовской Аравии, говорил он, действуют в ОПЕК в роли агентов США. Главный труд Банисадра – книга «Монотеистическая экономика». В ней он пытался обосновать теорию так

называемой исламской экономики. Издание принесло известность автору, видимо, скорее благодаря своему претенциозному названию. Но дилетантство в рассмотрении сложных современных проблем экономики и финансов, запутанность и противоречивость социально-политических воззрений автора вызвали разочарование у иранских читателей. В то же время критические замечания Банисадра в отношении ряда модернистских направлений западной культуры были восприняты исламистами положительно.

Если события в Куме произошли спонтанно, то после восстания в Тебризе все значительные городские восстания происходили, как правило, организованно. Ведущую роль в их подготовке играли оппозиционные религиозно-политические деятели. Они прилагали большие усилия, чтобы в массовых демонстрациях и шествиях, прежде всего, озвучивались лозунги, составленные хомейнистски настроенными деятелями. События начала сентября 1978 г. стали новой вехой и в том отношении, что непримиримый противник шаха, Хомейни, был провозглашен демонстрантами вождем революции. Это событие оказалось важным достижением радикального крыла исламистского течения. Его лидеры, включая самого Хомейни, после восстания 5 июня (1963 г.) вели пропаганду тезиса о том, что будто имамитский шиизм никогда полностью не признавал легитимность шахской власти. Одним словом, находившийся в Наджафе Хомейни осенью 1978 г. стал широко признанным руководителем разворачивавшейся в Иране антишахской народной революции.

После встречи лидера Национального фронта Карима Санджаби с аятоллой Хомейни во Франции в начале ноября 1978 г. ими было опубликовано совместное заявление о том, что иранский кризис может быть разрешен лишь при условии упразднения власти династии Пехлеви. К тому времени, как было отмечено, аятолла Хомейни уже давно стал непререкаемым авторитетом для всех сил в Иране, боровшихся за свержение шахского режима. Поэтому лидерам Национального фронта, других либеральных и демократических организаций ничего не оставалось, как признать аятоллу Хомейни руководителем революции.

Крушение шахского режима стало возможным лишь благодаря значительному расширению осенью 1978 г. социального диапазона забастовочного движения и, что особенно важно, включению в него рабочих. Немаловажное значение имели забастовки госу-

дарственных служащих, например забастовки почтовых работников в конце сентября 1978 г., служащих государственных и частных банков, чиновников различных министерств. Нарушая нормальное функционирование государственных учреждений и частных предприятий, они содействовали размыванию основ существовавшей политической структуры и вели к росту нестабильности.

На исход противостояния между революционными силами и шахскими властями огромное влияние оказали выступления промышленного пролетариата, прежде всего – рабочих-нефтяников. Первые значительные забастовки промышленных рабочих состоялись в конце сентября – начале октября 1978 г. Правительство пыталось приостановить рост рабочего движения посредством различных уступок, в частности повышением заработной платы рабочим и служащим. Первоначально оно добилось известного успеха, однако уже в конце октября забастовочная борьба рабочих и служащих снова усилилась. Особенно серьезной по своим последствиям была двухнедельная забастовка рабочих-нефтяников, состоявшаяся в ноябре. Эта забастовка, а также всеобщая забастовка нефтяников, которая началась в декабре и продолжалась почти до конца первой декады февраля 1979 г., нанесли ощутимый удар режиму, лишив его главного источника государственных поступлений.

Стачечная борьба рабочих и служащих, развернувшаяся широким фронтом поздней осенью 1978 г., полностью свела на нет усилия сформированного в начале ноября 1978 г. военного правительства генерала Г. Азхари, которое путем суровых репрессий попыталось сбить волну революционных выступлений. Особенность этого этапа стачечного движения заключалась в том, что в требованиях пролетариата на первый план выдвигались вопросы общенационального значения. Так, рабочие-нефтяники под руководством созданных в ходе революции профсоюзов требовали ликвидировать САВАК, привлечь к судебной ответственности его руководителей, призывали немедленно удовлетворить требования студентов и преподавателей Тегеранского университета о демократизации общественно-политической жизни.

В октябре-ноябре 1978 г. забастовки охватили предприятия как государственного, так и частного сектора. Забастовка начиналась одновременно на всех или почти на всех предприятиях какой-либо отрасли или промышленной группы (частной). Напри-

мер, рабочие Бехшахрской промышленной группы, состоявшей из 40 производственных объектов, начали бастовать в один и тот же день. Забастовка нефтяников провинции Хузестан была поддержана рабочими всех объектов нефтяной и газовой промышленности. Поскольку зависимость экономики страны и ее финансов от нефти, как было отмечено, в 70-е годы достигла самого высокого уровня, длительная забастовка нефтяников, в результате которой экспорт нефти и нефтепродуктов из Ирана был почти полностью прекращен, привела к дестабилизации государственных финансов и вызвала спад в экономике. Одновременность и всеобщность забастовок в таких жизненно важных для государственных финансов и экономики секторах, как нефтяная промышленность и транспорт, парализовали экономическую деятельность государства и создали тем самым почти непреодолимые трудности для функционирования правительственных органов.

Общими усилиями традиционных городских слоев, связанных с ними рабочих, городских низов, включая пауперов, промышленного пролетариата, во главе которого шли нефтяники, все попытки военного правительства стабилизировать положение и затормозить развитие революционных событий оказались тщетными. Шах и его окружение по настойчивому совету своих заокеанских покровителей – администрации президента Дж. Картера, а также Д. Рокфеллера и других видных деятелей США – приняли меры, чтобы расколоть оппозицию. Однако измена Бахтияра, одного из руководителей Национального фронта, согласившегося возглавить гражданское правительство, не привела к расколу в оппозиционном движении (за согласие сотрудничать с шахским режимом Бахтияр был исключен из НФ).

В период борьбы с правительством Бахтияра (его поддерживала небольшая группа бывших буржуазных оппозиционеров) нефтяники вновь продемонстрировали высокую политическую сознательность и сплоченность. Продолжая всеобщую забастовку и препятствуя тем самым экспорту нефти, они согласились добывать и перерабатывать нефть в размерах, необходимых для нужд населения страны. Подобные действия иранских рабочих явились одним из важнейших факторов, приведших к крушению шахского режима.

В условиях продолжавшегося распада властных структур и нарастания забастовочного движения большое значение приобре-

тала позиция генералитета. Для консолидации вооруженных сил шах 5 января 1979 г. назначил генерала А. Карабаги начальником генерального штаба. Генерал создал специальный кризисный комитет с целью объединения усилий для предотвращения распада вооруженных сил. К этому времени ежедневно из армии дезертировали 1000–1500 солдат [33]. Брожение и раскол в армии и полиции, несмотря на принятые в дальнейшем меры, приняли еще более значительные масштабы.

16 января 1979 г. Мохаммед-Реза и шахиня Фарах вылетели в Асуан (Египет). 1 февраля из Парижа в Тегеран вернулся аятолла Хомейни. На улицах иранской столицы его приветствовали около трех миллионов иранцев. 5 февраля, ссылаясь на широкую поддержку народа, Хомейни объявил о незаконности правительства Ш. Бахтияра и назначил Мехди Базаргана главой временного революционного правительства.

Тем временем сторонники Хомейни и активисты левых радикалов – «народных моджахидов» и фedaинов приступили к созданию вооруженных отрядов. 9 февраля на территории военно-воздушной базы Довшантапе под Тегераном началась первая вооруженная стычка среди военнослужащих [34]. 10 февраля в столице вооруженные отряды восставших начали наступление на полицейские участки. Во второй половине дня они захватили военный завод по производству автоматического оружия. Вооруженные конфликты между восставшими и сторонниками шаха к утру 11 февраля в Тегеране приобрели ожесточенный характер.

Как раз в это время, по предложению генерала А. Карабаги, в 10 час 30 мин началось заседание Высшего совета вооруженных сил для определения позиций руководства армии к происходившим в столице и в стране событиям. В заседании совета приняли участие, включая А. Карабаги, 27 высших чинов армии – командующих всеми родами войск и других руководителей вооруженных сил Ирана. Присутствовал также генерал Мокаддам, руководитель только что упраздненного, согласно принятого меджлисом закона, САВАКА. В принятом на заседании и вскоре обнародованном заявлении сообщалось, что Высший совет вооруженных сил решил провозгласить свой нейтралитет в политическом споре с тем, чтобы предотвратить дальнейший хаос и кровопролитие. Далее говорилось о полной поддержке армией устремлений «благородного иранского народа». Это заявление способ-

ствовало ускорению процесса распада шахского режима.

Тем не менее в столице подразделения шахской гвардии под командованием генералов, сохранивших верность Мохаммед-Резе Пехлеви, оказали ожесточенное сопротивление отрядам «городских партизан», которые были сформированы из членов «народных моджахидов», «федайнов» и исламистов.

11 февраля, после того как генерал Карабаги в 11.00 часов сообщил по радио о нейтралитете вооруженных сил, подразделения шахской гвардии вернулись в свои казармы. В тот же день восставшими были убиты известные шахские генералы – Бадреи, Джафариян и Беглари.

Согласно полуофициальным сообщениям, в ходе восстания в Тегеране погибло 654 и ранено 2804 человека [35].

В результате вооруженного восстания 10–11 февраля 1979 г. шахский двор и составлявшие его главную опору бюрократическая буржуазия, промышленно-банковская олигархия, верхушка вооруженных сил лишились власти. Она перешла в руки созданного еще ранее по указанию Хомейни Революционного совета. Победа революции привела к упразднению в Иране конституционной монархии и крушению шахского режима.

По социальному содержанию иранскую революцию можно было бы считать мелкобуржуазной. Однако это определение недостаточно полно и точно. В соответствии с устремлениями принимавших в ней участие трудящихся классов, неимущих еще в ходе революционных событий проявились антикапиталистические тенденции. Антимонополистические, антикапиталистические элементы содержались также в лозунгах, выдвинутых религиозными и мелкобуржуазными идеологами. Таким образом, одной из основных особенностей революции стало отрицание общественного развития по западному образцу.

Формально новые иранские руководители после образования ИРИ продолжали выступать против капиталистического пути развития. Более того, в своем «Завещании», написанном в феврале 1983 г., имам Хомейни подчеркивал, что ислам «не приемлет капитализм...», рассматривал этот строй «как противоречащий социальной справедливости». Однако действительное общественное развитие в республике после крушения шахского режима скорее свидетельствует о появлении некоторых специфических черт в иранском капитализме.

Результатом иранской революции 1978–1979 гг., отрицательной с точки зрения перспектив развития левodemократических тенденций, стало то, что после крушения шахского режима и ликвидации монархии верховная власть оказалась в руках возглавляемых аятоллой Хомейни шиитских религиозно-политических деятелей. Господствующие установки в идеологии, политике стали формироваться на базе утопической концепции исламского государства, выдвинутой Хомейни. Хомейнисты, подчеркивая социальный аспект революции, рассматривали его как антагонизм между «обездоленными» и «высокомерными» (или богатыми, к числу которых они относили не только двор и господствующие классы шахских времен, но и великие державы, прежде всего «великого сатану» – США). С другой стороны, они умышленно истолковывали иранские события как религиозные, оценивали их как борьбу за установление в стране справедливой «божественной власти». Подобное толкование стало базой для выдвижения не только утопической концепции исламского общества социальной справедливости, но и для осуществления политики тотальной исламизации и проведения курса на «увековечивание» доминирующей позиции шиитских улемов в управлении страной.

7.3. Становление Исламской Республики Иран

В результате победы революции верховная власть в Иране перешла в руки шиитских религиозно-политических деятелей и связанных с ними буржуазных политиков. В отношении политического и социального устройства иранского государства у новых руководителей отсутствовало единое и четкое мнение. Тем не менее было очевидно, что выдвинутая религиозными деятелями концепция исламского образа правления предполагает значительное усиление позиций шиитского духовенства в политической структуре страны. Кроме того, еще до победы революции стало ясно, что аятолла Хомейни в новом государстве займет чрезвычайно высокое положение.

Многие либерально-буржуазные лидеры были вынуждены принять идею аятоллы Хомейни о замене конституционной монархии республикой мусульманского толка, что дало им возможность войти в состав революционного правительства. Возглавил правительство инженер Мехди Базарган, который был объявлен главой кабинета еще до вооруженного восстания в феврале 1979 г.

Некоторые буржуазные демократы, например, известный юрист Хедаятолла Матин-Дафтари и его единомышленники, отказались пойти по этому пути, став в оппозицию к новой власти. В результате в рядах либеральной буржуазии и буржуазных демократов, входивших в Национальный фронт, Национально-демократический фронт и близкие к ним по духу организации, произошел раскол. Это еще более укрепило позиции сторонников Хомейни. Достичь единства не удалось и в лагере левых сил. Многие левые и левацкие группировки выступили против нового режима. Лишь НПИ и «большинство» организации «Федаян-е халк» с самого начала поддержали новую власть.

Хотя политический спектр после крушения шахского режима стал еще более разнообразным, чем до революции, первоначально основная борьба за преобладание развернулась между теми политическими силами, которые оказались у власти после февральского восстания 1979 г. Уже в первые месяцы в рядах нового политического руководства выделились две группировки, соответствовавшие двум формировавшимся в стране основным идейно-политическим течениям – радикально-мелкобуржуазно-исламскому и либерально-буржуазному.

Вошедшие во временное правительство либеральные политики – М. Базарган, К. Санджаби, А. Амир-Энтезам, Э. Йазди и др. – стремились превратить кабинет в орган власти, способный сформулировать политику нового государства в соответствии с устремлениями класса, интересы которого они выражали. Главные усилия этих деятелей были направлены на то, чтобы притормозить революционный процесс, воспрепятствовать осуществлению радикальных преобразований и содействовать упрочению капиталистических тенденций в социально-экономическом развитии. Разумеется, эти цели могли быть достигнуты лишь в результате отстранения радикальных религиозных деятелей от власти или хотя бы значительного ослабления их позиций. Подобная линия предполагала постепенное восстановление связей с Западом.

Желая сосредоточить реальную власть в своих руках, М. Базарган и другие представители либеральной буржуазии из Временного правительства пытались помешать осуществлению тех мер Революционного совета, революционных комитетов и других организаций, которые были направлены на полное разрушение существовавшей политической структуры. Однако линия либера-

лов была разгадана Хомейни и его последователями из среды мелкобуржуазных деятелей. Началось соперничество между этими двумя группировками.

Хомейни твердо держал руку на пульсе политического становления нового режима. 5 февраля 1979 г. он издал указ, обязывающий М. Базаргана провести референдум по вопросу об образовании в стране исламской республики. Он отверг предложение «большинства» «Народных федаинов» относительно названия, «Народно-демократическая Республика». Он также отрицательно отнесся к названию «Демократическая Исламская Республика». Оно поддерживалось многими общественно-политическими группами, включая учащих некоторых теологических центров. Аятолла вообще избегал использовать понятие «демократия», считая, что оно ассоциируется с Западом. Бюллетень содержал лишь один вопрос: «Согласны ли вы с образованием в Иране Исламской Республики?». Члены и последователи ряда продемократических и левацких организаций бойкотировали референдум. Однако большинство участвовавших в референдуме поддержали идею об образовании в Иране Исламской Республики. 1 апреля было провозглашено днем образования Исламской Республики Иран. Этот день, согласно Хомейни, стал началом «правления» в стране Аллаха.

Разногласия между последователями Хомейни и единомышленниками М. Базаргана, которых в известной степени поддерживал влиятельный религиозный авторитет аятолла К. Шариатмадари, отражали их различное, по существу противоположное, отношение к важнейшей проблеме иранской революции – вопросу о социальной ориентации новой власти и политико-экономической системы Исламской Республики Иран.

Борьба между религиозно-мелкобуржуазными и либерально-буржуазными течениями усилилась в конце октября – начале ноября 1979 г. В первых числах ноября в Алжире состоялась (несанкционированная Хомейни) встреча Мехди Базаргана и министра иностранных дел Э. Йазди с советником президента Дж. Картера – З. Бжезинским. «Она была призвана придать “политике примирения” конкретные черты», т. е. привести для начала к официальным переговорам между двумя сторонами. Когда сведения об этой встрече попали в печать, правительство М. Базаргана было вынуждено подать в отставку (6 ноября 1979 г.). Накануне этого события американское посольство в Тегеране было

захвачено иранскими студентами, объявившими себя «последователями линии имама», т. е. Хомейни.

Вслед за провозглашением Исламской Республики встал вопрос о разработке конституции. Некоторые либеральные деятели предложили взять за основу конституцию 1906-1907 гг., исключив из нее все, что касается монархии, и дополнив положениями об исламской республике. Однако эта идея не получила широкой поддержки.

Вопрос о новой конституции активно обсуждался в органах печати, других средствах массовой информации. Большинство светских и часть религиозных политических деятелей выступали за то, чтобы в разработке и обсуждении текста конституции нового государства приняли участие представители всех основных политических и социальных сил, участвовавших в революции. В связи с этим как представители левых организаций и группировок, так и буржуазные либералы и некоторые видные духовные лица, выражавшие эгалитаристские взгляды городских низов и малоимущих слоев деревни, считали необходимым созыв учредительного собрания, члены которого, избранные демократическим путем, без какой-либо дискриминации были бы уполномочены выработать конституцию ИРИ.

Хомейнистски настроенное крыло духовенства требовало сосредоточения верховной власти в руках богословов. Выражая недовольство оживлением деятельности левых и буржуазных партий и организаций, представители этого крыла открыто призывали к установлению в Иране шиитской теократии. В заявлении, опубликованном на страницах тегеранских газет, выразители интересов указанного крыла требовали, чтобы глава государства и премьер-министр будущего правительства были назначены по выбору Хомейни из числа шиитских богословов.

Для Хомейни и его приверженцев вопросом кардинальной важности стало внесение в конституцию принципа «веляят-е факих», призванного обеспечить верховную власть духовного руководителя, иными словами, Хомейни. Но такую конституцию еще предстояло разработать. Именно этот вопрос предопределил напряженный характер дискуссии вокруг ее проекта.

В первые месяцы после учреждения нового режима хомейнисты открыто не говорили о необходимости обязательной реализации принципа «веляят-е факих». Это и понятно: Хомейни,

«вождь обездоленных», находясь непосредственно у власти (при всей ее юридической и институциональной неоформленности), тогда не смог позволить себе открыто выразить подлинное стремление – создание государства, в котором на вершине пирамиды власти должен находиться мусульманский богослов-правовед. Поэтому Хомейни со своим ближайшим окружением, не реагируя на политические требования представителей тех или иных леводемократических течений, целеустремленно добивался отстранения от участия в разработке конституции всех политических сил, не разделявших полностью его взгляды на политическое устройство ИРИ. Чтобы добиться этой цели, Хомейни и близкие к нему деятели сохраняли конспирацию, отложенную в период революционных событий. Основная часть их деятельности по выработке конституции проходила фактически за кулисами, в тайне от широкой общественности. Подобной заговорщической, по сути дела, политикой они своего достигли: в то время как левые силы, представители либеральной буржуазии и ряд умеренных религиозных деятелей оживленно обсуждали наиболее острые проблемы общественно-политического развития страны, хомейнисты разрабатывали структуру государственного устройства исламской республики. Идею созыва учредительного собрания для разработки, обсуждения и принятия конституции, идею, поддержанную как либералами, так и левыми силами, Хомейни и его окружение отвергли.

Серьезными конкурентами хомейнистов явились буржуазные либералы, которые хотели придать конституции буржуазно-демократический характер и сочетать при этом исламские лозунги с дальнейшим развитием в Иране капиталистического общественного строя.

Стремясь опередить хомейнистов и поставить их перед свершившимся фактом, некоторые буржуазные либералы (из членов правительства Базаргана) самостоятельно разработали проект конституции, не предоставлявший Хомейни и его сторонникам значительных прерогатив. Борьба между либералами и хомейнистами приняла особенно непримиримый характер летом 1979 г., после того как текст конституции был опубликован в печати (17 июня). Фундаменталистски настроенные хомейнисты выразили крайнее недовольство проектом.

Главную роль в политической системе республики в соответ-

ствии с проектом конституции, составленным либеральными деятелями, должен был играть президент, выполняющий функции светского главы государства. О месте духовенства в управлении страной в нем в принципе ничего не говорилось.

Раздел десятый проекта, однако, предоставлял шиитским авторитетам право надзора над законодательной деятельностью парламента (меджлиса). Предусматривалось образование Совета по охране конституции в составе пяти ученых-богословов (шиитов-имамитов, разумеется) и шести шиитских правоведов (они должны быть избраны парламентом поровну из числа профессоров-юристов и из членов Верховного суда). Согласно ст. 144 проекта указанный Совет получал полномочия для пересмотра принятых парламентом законов «по требованию одного из общепризнанных шиитских духовных авторитетов, президента страны, председателя Верховного суда или генерального прокурора при условии, что с момента утверждения закона прошло не более одного месяца». Статья 147 оговаривала, что Совет «осуществляет контроль за проведением президентских выборов и референдумов». В ст. 145 подчеркивалось: «В случае, если Совет находит закон противоречащим конституции, ввиду его явного несоответствия незыблемым принципам шариата или статьям настоящего закона, он возвращает его меджлису для пересмотра с указанием своих доводов и меджлис пересматривает закон, принимая во внимание приведенные доводы».

Первый проект конституции ИРИ не предусматривал официального государственного поста для Хомейни. Что касается шиитских богословов в целом, то прерогативы, предоставляемые им, были шире, чем те, которые предусматривала для шиитских авторитетов первая иранская конституция, принятая в 1906–1907 гг.

Хомейни, конечно, мог бы стать членом Совета по охране конституции. Однако, если принять во внимание то высокое положение, которого он к тому времени достиг, трудно было представить себе, что «имам» согласится войти в Совет или даже его возглавить. Так или иначе, ко времени публикации проект конституции не в полной мере отражал сложившуюся расстановку политических сил.

Чтобы добиться своего, Хомейни дал указание провести выборы в Совет экспертов (Шоура-йе хебреган), который был призван

подменить собой Учредительное собрание. Совет должен был заняться разработкой такого проекта конституции, который соответствовал бы выдвинутой Хомейни концепции «исламского образа правления».

Поскольку хомейнисты намеревались заложить в Иране основы исламского государства, исходящего «от Аллаха», разработать конституцию, подобную политической системе, по их логике, могли лишь знатоки и интерпретаторы исламских законов — факихи. Такая логика объясняла линию исламистов-радикалов. Она была направлена на избрание в Совет экспертов прежде всего служителей культа, разделявших воззрения Хомейни, а также их единомышленников и союзников из числа мелкобуржуазных политиков.

Выборами в Совет экспертов руководили близкие к Хомейни члены Исламского революционного совета. Одни левые или буржуазно-либеральные деятели в таких условиях сами не захотели баллотироваться в члены Совета, кандидатуры других были отвергнуты хомейнистами, не желавшими избрания в Совет даже некоторых членов правительства. В итоге члены Совета экспертов были скорее не избраны, а назначены ведущими исламскими деятелями с согласия Хомейни.

Многие светские партии и политические группировки открыто выразили недовольство политической линией хомейнистов, подчеркнув, что она направлена на пресечение свободы деятельности других общественных сил, активно участвовавших в революции. Они отметили, что такая политика свидетельствует о тенденциях возрождения авторитарной власти. Несколько политических организаций («Революционное движение мусульманского народа Ирана» — ДЖАМА, «Движение борющихся мусульман», «Исламская организация Совета», организация «Моджахиды народа») направили Хомейни открытое письмо. Они выразили свое недовольство в связи с тем, что власти, используя его авторитет и имя, чинят препятствия участию сторонников названных организаций в выборах в орган, который должен утвердить основной закон республики. В письме отмечалось, что представители властей грубо попирали элементарные нормы проведения выборов, прямо и косвенно добивались фальсификации их результатов в своих интересах, фактически лишая кандидатов, выдвинутых революционными (светскими) организациями, возможности быть

избранными в упомянутый орган. Авторы письма утверждали, что большинство избранных в Совет экспертов деятелей не могут быть «выразителями революционного образа мышления молодого поколения и мусульманской интеллигенции».

Наиболее важной частью открытого письма была та, в которой авторы излагали свои мысли относительно ведущих принципов конституции ИРИ. Их предложения состояли в следующем: политика ИРИ должна носить антидеспотический и антиимпериалистический характер; формой правления исламского государства становится система советов; основным мерилем получения прибыли и приобретения собственности делается труд и только труд; земля и ее продукты принадлежат тому, кто на ней трудится; «рабочие и крестьяне Ирана должны быть освобождены от выплаты какого-либо налога и взносов в пользу государства и пользоваться бесплатным страхованием, медицинской помощью, иметь доступ к бесплатному образованию; женщины в политическом и экономическом отношении имеют равные права с мужчинами». В число принципов социальной и политической жизни были включены положения о гарантированной свободе деятельности партий и организаций; свободе печати; предоставлении непарсидским народностям права на автономию в рамках иранского государства; о запрещении пыток; создании «подлинно исламской» антиимпериалистической, антидиктаторской народной армии, использование которой в целях урегулирования внутривнутриполитических разногласий должно быть запрещено. В письме подчеркивалось, что независимая национальная армия ни в коем случае не должна пользоваться услугами советников «из империалистических держав». И наконец, в письме предлагалось слияние полиции и жандармерии в единое формирование, которое будет находиться в подчинении «органов юстиции».

Близкие идеи относительно общественно-политического устройства ИРИ выдвигались и некоторыми другими политическими группировками, в том числе и левыми, не разделявшими воззрений хомейнистов по основополагающим вопросам, и прежде всего о характере верховной власти. В принципе все подобные идеи были направлены на демократизацию общественно-политической жизни страны. Однако беда всех таких программных деклараций заключалась в том, что они не носили целостного, системного характера. К тому же левым, а также либеральным

организациям и группировкам не удавалось вести работу по разъяснению политической важности выдвигаемых ими принципов. Кроме того, в отличие от хомейнистов, у леводемократических организаций не было единства взглядов по основным вопросам социально-политического устройства будущего Ирана.

Большинство левых и сотрудничавших с ними организаций и группировок не признавали Туде (НПИ) в качестве ведущей силы левого течения. Более того, некоторые группировки, особенно левозэкстремистские, прилагали огромные усилия, прежде всего для борьбы с Народной партией Ирана. Каждая партия или организация левого толка основное внимание направляла на сохранение и укрепление собственных позиций. В ответственный момент, когда решался вопрос о характере будущей власти, у левых не оказалось лидера, который пользовался бы авторитетом у широких масс.

Туде и некоторые другие левые организации («большинство» «Федаинов народа» и др.) полностью поддерживали хомейнистов. Такая линия руководства Туде и ее сторонников привела к ослаблению позиций левоисламской молодежной организации «Моджахедин-е халк». Руководитель этой организации, которая ко времени тегеранского восстания имела в своих рядах 15 тысяч боевиков, М. Раджави на страницах газеты «Моджахед» дважды сделал открытый реверанс в адрес Хомейни. Однако на это аятолла не отреагировал. Как повод была использована идеологическая приверженность организации к марксизму. В результате организация моджахидов перешла на сторону основных оппозиционных сил.

В результате всех этих действий хомейнистам удалось обеспечить себе доминирующее положение в расстановке политических сил. Одновременно они сумели почти положить конец существовавшему с момента свержения шаха демократическим свободам. В августе они разгромили штаб-квартиры и закрыли газеты всех организаций и группировок, не разделявших их воззрений на характер и сущность исламского государства. Они открыто заявляли, что главная задача Совета экспертов – выработка окончательного проекта конституции, отвечающей принципам «исламского образа правления».

Тем не менее деятельность Совета экспертов в некоторых случаях сопровождалась острой борьбой представителей буржуазно-либеральных кругов с хомейнистами. К этому следует доба-

вить, что концепция «исламского образа правления» и принцип «веляят-е факих» встретили отрицательное отношение со стороны некоторых великих аятолл, хотя большинство шиитских богословов среднего разряда весьма одобрительно отзывались о включении в конституцию этого принципа.

Среди общепризнанных духовных авторитетов, высказавшихся против введения в конституцию принципа «веляят-е факих» как противоречащего шиитской традиции, был, прежде всего, Сеид Казем Шариатмадари. Он был одним из четырех богословов в Иране, которого верующие удостоили звания «великий аятолла». Он отличался политической умеренностью. Еще в начале выступлений против властей Шариатмадари высказался за реализацию статьи действующего при шахе Основного закона, в которой говорилось об образовании Совета из пятерых шиитских богословов. Совету предоставлялось право контроля утвержденных парламентом законопроектов и постановлений с точки зрения их соответствия шариату и исламским принципам в целом. Шариатмадари подчеркивал, что «улема» (т. е. улемы) выступают против диктаторской власти, а не модернизации. Хотя в 1963 г., когда он поддержал антишахские выступления, аятолла был на короткое время арестован. Однако, когда в январе 1978 г. силы безопасности осуществили налет на возглавляемое им религиозное училище, во время которого были убиты два талиба (один из них был его личным секретарем), Шариатмадари открыто занял антишахскую позицию. Еще более враждебным стало его отношение к шахскому режиму, когда в ноябре 1978 г. к власти пришел военный кабинет. Вместе с двумя другими великими аятоллами Шариатмадари выпустил заявление с призывом к верующим выступить за сокрушение «деспотической проимпериалистической системы» в Иране. После этого его популярность выросла еще больше.

Во время обсуждения на страницах печати принципов основного закона ИРИ вновь раскрылась самая существенная часть разногласий между Хомейни и Шариатмадари. Она касалась вопросов о включении принципа «веляят-е факих» в конституцию и прямого участия исламского духовенства в управлении страной, в государственных делах. 24 мая 1979 г. Шариатмадари заявил, что в исламском учении положение, допускающее прямое включение духовенства в управление государством, отсутствует.

Вместе с тем в двух случаях возможны исключения. Во-первых, в случае, когда парламент утверждает законопроект, не соответствующий шариату или принципам ислама. Во-вторых, когда руководители государства оказываются не в состоянии установить порядок в стране.

В середине июня 1979 г. был опубликован новый проект конституции, в который был включен принцип «веляят-е факих». Одновременно в тексте факихом (духовным вождем) ИРИ объявлялся имам Хомейни. Сообщение об этом восторженно было встречено значительной частью верующих, состоящих из неимущих слоев населения. Они уже полностью доверяли Хомейни. В то же время руководители светских политических организаций, прежде всего – либеральных, усмотрели в этом новшестве попытку заложить основу новой теократической диктатуры. В регионах, населенных курдами, азербайджанскими тюрками, белуджами, туркменами и арабами, где недавно начались выступления за автономию, статьи о верховенстве богослова (факиха) были встречены настороженно.

Появилась явная опасность раскола среди улемов высшего разряда. Шариатмадари не отрицал существования понятия «веляят-е факих» в шиитской догматике. Однако он подчеркнул, что одни богословы интерпретируют его как обязательство факихов по попечительству малолетних сирот и вдов, другие же, подобно Хомейни, пытаются рассматривать в качестве догмы, якобы представляющей праведным факихам широкие политические полномочия по отношению к мусульманской общине. В принципе Шариатмадари однозначно выступил против включения в конституцию ИРИ идеи о верховной власти факиха.

Недовольство, вызванное подготовленным под руководством Монтазери и Бехешти новым проектом конституции, могло вызвать серьезное противостояние в стане исламистов. Особенно если учесть то, что Шариатмадари не был единственным влиятельным богословом, четко выразившим свои сомнения в отношении идеи верховной власти факиха. Но целый ряд аятолл из числа шиитов-имамитов не пожелали высказать своего негативного отношения к интерпретации Хомейни.

От этого отказались также многие богословы, представлявшие суннитские мазхабы (школы). В то же время некоторые суннитские религиозно-политические деятели в Иране открыто заявили о

своим недовольстве в связи с включением принципа «веляят-е факих» (в хомейнистской интерпретации) в конституцию ИРИ.

Не без инициативы Хомейни 19 июня 1979 г. по приглашению великого аятоллы Мохаммед-Резы Гольпаегани в его резиденции в Куме состоялась встреча четырех великих аятолл. Кроме хозяина дома, в ней участвовал Хомейни, Шариатмадари и великий аятолла Шихабалдин ал-Мараши-Наджафи. Все они, кроме звания великий аятолла, являлись марджи 'ал-таклидом («объектом подражания»), имели собственную канцелярию, денежные фонды, содержали учебные заведения, библиотеки и т. д. Число их последователей (мюридов) среди верующих доходило порою до нескольких миллионов. Так, большая часть верующих азербайджанских тюрок, проживающих в основном в северо-западных останях (Азербайджане) и Тегеране, относилась к числу последователей Шариатмадари.

Встреча четырех продолжалась всего один час. Ее результатом стало заявление, в котором декларировалось достигнутое участниками единство взглядов в вопросе защиты и упрочения Исламской Республики Иран. К единству они призывали всех своих последователей.

Несмотря на загадочность, которой была покрыта встреча четырех «великих» аятолл в Куме, очень скоро стало очевидно, что заявление о единстве их взглядов было достигнуто под давлением имама Хомейни. Ко времени этой встречи он и верные ему религиозно-политические деятели почти полностью контролировали ситуацию в Иране. Включенная в проект конституции преамбула и тезисы о характере исламской революции и роли факиха явились попыткой легитимизации завоеванного в ходе революции 1978–1979 гг. (особенно на последней ее фазе) верховенства власти Хомейни и его близкого окружения.

Подчинившись в июне 1979 г. воле имама Хомейни, Шариатмадари, однако, как показали последующие события, не отказались от своих воззрений относительно «веляят-е факих» (т. е. праведного факиха на управление шиитской общиной (страной), унаследованного от двенадцатого имама). Его либерализм, отрицательное отношение в целом к прямому участию улемов в управлении государством, его обида на Хомейни подтолкнули аятоллу на развертывание политической борьбы против сторонников институционализации принципа «веляят-е факих». 5 декабря в Куме

произошла серьезная стычка между последователями Хомейни и сторонниками Шариатмадари. 6 декабря в Тебризе во время демонстрации приверженцы Шариатмадари захватили здание местного радио и телевидения. Вооруженные боевики Республиканской партии мусульманского народа оказали сопротивление местным членам КСИР, когда те попытались выдворить сторонников Шариатмадари из захваченных ими государственных зданий. 12 декабря 1979 г. в Куме он дал интервью, в котором, намекая на упомянутый принцип, заявил, что в иранской политике наблюдается движение от одной монархии к другой [36]. 13 декабря в Тебризе прошел полумиллионный марш протеста. Его участники приняли текст ультиматума, состоящий из десяти пунктов. Выдвигалось требование о том, что назначения на административные и религиозные посты в азербайджанских останах должны быть согласованы правительством с Шариатмадари.

Противостояние между сторонниками двух аятолл несколько ослабло, когда Хомейни пообещал, что в целях усовершенствования текста конституции он посоветуется с Шариатмадари.

Тем не менее вскоре произошло еще одно вооруженное столкновение между стражами революции и боевиками из Партии исламского народа, руководимой приверженцами Шариатмадари. Девять стражей революции были захвачены боевиками в качестве заложников. Шариатмадари потребовал немедленно их освободить. Одновременно он категорически настаивал на ограничении объема прерогатив, предоставленных руководителю страны по конституции ИРИ. 3 января 1980 г. Хомейни выступил против этого предложения.

4 января в Тебризе и Куме между сторонниками двух аятолл после пятничного намаза вновь возник серьезный конфликт. Не менее ста человек были ранены [37].

В дальнейшем, повесив на последователей Шариатмадари ярлык отступников, властям удалось их изолировать. Определяющее значение в подобном развитии конфликта имела широко распространяемая информация о тайных связях лидера Партии исламского народа Мокаддам-Мараги с американцами.

Видимо, все эти неудачи подавляюще подействовали на Шариатмадари. Под влиянием своего зятя он согласился сотрудничать с бывшим министром С. Готбзаде. Антихомейнистский заговор, организованный Готбзаде, был раскрыт, его арестовали и в

ночь на 15 сентября 1982 г. расстреляли. Попытка Шариатмадари облегчить свою вину ссылкой на то, что он не был осведомлен о целях Готбзаде, ему не помогла. Собрание религиозных деятелей, проходящее в медресе Фейзийе в Куме, лишило его всех духовных званий. При этом он был подвергнут публичному унижению.

История противоборства между Хомейни и Шариатмадари имела весьма любопытный теологический аспект. По традиции, в Иране у шиитов-имамитов понятие имам обычно употреблялось в отношении двенадцатого имама Махди, пришествия которого они ждут. Но когда в начале февраля 1979 г. аятолла Хомейни прибыл из Парижа в Тегеран, в одной влиятельной газете он сразу же был назван имамом. И это звание закрепилось за ним.

Если исходить из традиционной шиитской иерархии, то это стало весьма важным новшеством. Дело в том, что в прошлом богословов высшего разряда в Иране называли муджтехидами. Каждый муджтехид имел полную самостоятельность при вынесении своего решения по тем или иным вопросам религиозного или светского содержания. После возвращения Хомейни, когда его стали называть имамом, понятие «муджтехид» («моджтехид») исчезло из лексикона шиитской иерархии. Конечно, это заметили многие шиитские авторитеты, но большинство из них решили не высказываться. Однажды Шариатмадари во время встречи с журналистами заметил, что употребление обращения «имам» в отношении Хомейни неправильно, так как имам для иранцев-шиитов — это Махди (мессия). Но, видимо, Хомейни в данном случае предпочел отмолчаться. В глубине души он соглашался со своими последователями, считая себя выше всех других аятолл, и даже великих.

Следует заметить, что присвоение Хомейни таких званий, как имам и рахбар (вождь, руководитель), и введение в конституцию термина «веляят-е факих» очень сильно беспокоило предводителей суннитских общин. В этом плане особый интерес вызывает отношение к его взглядам о факихе религиозно-политического лидера курдов (суннитов) Шейха Эззадина Хосейни. Шейх Эззадин ссылаясь на историю Ирана, других стран Среднего Востока. Он отмечал, что и в прошлом были прецеденты, когда отдельные правители выдавали свою власть за подлинно исламское правление, исходя из личных интересов. Он говорил: «То, что мы имеем, (в Иране. — С.А.) это не исламское правление, а скорее

диктатура под оболочкой ислама. Они (правительство) пользуются именем ислама для того, чтобы подавлять народ, а народ это не понимает. В суннизме понятия имам и наиб имама как политические лидеры отсутствуют. Роль духовенства должна состоять в религиозной ориентации людей на постижение Аллаха» [38].

Критические высказывания буржуазных либералов на заседаниях Совета экспертов в отношении институционализации принципа «веляят-е факих» были отклонены большинством представителей духовенства. При этом они эффективно использовали такое неординарное событие, как захват студентами американского посольства. В результате не только правительству М. Базаргана пришлось уйти в отставку, но была дискредитирована либеральная буржуазия, представители которой оказались «врагами революции», «пособниками империализма».

После этого Совет экспертов смог быстро завершить свою работу и в середине ноября представить окончательный текст конституции. 2–3 декабря 1979 г. он был поставлен на референдум и утвержден подавляющим большинством голосов.

В целом важнейшие положения конституции о верховной власти соответствовали духу и букве учения Хомейни об «исламском образе правления», разработанного в начале 70-х годов. В проекте конституции органы государственной власти (парламент, правительство) были подчинены духовному вождю – факиху, именуемому также Рахбаром, и Наблюдательному совету из двенадцати богословов и правоведов, причем шесть богословов назначались рахбаром, а шесть правоведов избирались парламентом по представлению Верховного суда. Вместе с тем по конституции учреждался пост президента республики, не предусмотренный в учении Хомейни. Однако это нововведение не противоречило хомейнистской концепции «исламского образа правления».

Таким образом, установление теократии в духе шиитско-имамитского учения (точнее – воззрений Хомейни) и предоставление особых прерогатив шиитским улемам сочетались в конституции с введением республиканской формы правления. Впрочем, чрезвычайно широкие права, предоставленные Руководителю республики (пост которого должен занимать наиболее признанный духовный авторитет) и Наблюдательному совету, значительно сужали власть президента, избранного путем всеобщего голосования, и прерогативы парламента. Тем самым выхолащивались

важные демократические черты республиканского строя.

В преамбуле конституции выдвигается тезис, согласно которому принцип «веляят-е факих» «помог мусульманскому народу Ирана ясно осознать пути продолжения и расширения благородной борьбы за исламские идеалы». Далее утверждается, что «разгневанный народ вполне сознательно и сплоченно развернул широкое, повсеместное, победоносное восстание под решительным и непоколебимым руководством имама Хомейни». Не только приведенная выдержка, но и все содержание преамбулы пронизано мыслью об особой миссии Хомейни в революции. Одновременно путем односторонней и несколько искаженной интерпретации хода революционных событий исламское течение выдается не только за главное, но и за единственное идейно-политическое течение, содействовавшее объединению антишахских, антиамериканских сил. Все это подводит основу под провозглашенный в конституции хомейнистский принцип «веляят-е факих», что нашло выражение в учреждении поста духовного руководителя республики.

Права и обязанности Руководителя Исламской Республики Иран изложены в ст. 5 и разделе 8, состоящем из ст. 107–112. В статьях говорится, что в «эпоху сокрытого имама» руководство мусульманской общиной и ее управление становится обязанностью обладающего высокими человеческими качествами факиха, «которого абсолютное большинство народа... признает и приемлет как своего руководителя». Таковым статья объявляет «великого аятоллу» и «марджа'-е таклида», «вождя революции имама Хомейни». Согласно конституции, руководитель берет «на себя управление делами страны и ответственность, вытекающую из этого» (ст. 107). Руководитель ИРИ, в частности, утверждает в должности факихов – членов Наблюдательного совета, председателя Верховного суда, главнокомандующего КСИР и командующих трех родов войск, подписывает указ о назначении президента «после его избрания народом» (ст. 110). Но на Руководителя республики («Рахбара») распространяется принцип равенства граждан перед законом (ст. 112).

В соответствии с поправкой, внесенной в 1989 г. в статью 112 конституции, Руководитель назначает также постоянных и временных членов Совета по определению интереса строя.

Конституция признает за иранцами многие гражданские пра-

ва. Однако оговорка, в соответствии с которой эти права должны отвечать исламским принципам, означает, что все они сильно урезаются. Провозглашается полное равноправие иранцев различного пола, народностей, религиозных общин и т. д.

Социальное и экономическое устройство общества решается в конституции в рамках мелкобуржуазных концепций, и поэтому она имеет двойственный характер.

С одной стороны, конституция выступает против «любого угнетения и господства», объявляет целью новой власти «ликвидацию всякого угнетения, диктатуры и стремления к монополизации». Основной закон говорит о необходимости «создания основ справедливой экономики в соответствии с исламскими принципами в целях обеспечения благосостояния, искоренения бедности и ликвидации всяких лишений в области питания, жилья, труда, здравоохранения и социального обеспечения» (ст. 3). Декларируется, что экономика республики должна быть нацелена на обеспечение «основных потребностей всех (иранцев. – С.А.) в жилище, питании, одежде, лечении, образовании, а также необходимых средств для создания семьи» (ст. 43). Запрещается «эксплуатация чужого труда» и «деятельность, наносящая ущерб другим лицам, в частности стремление к монополизации, спекуляции, ростовщичеству и другие недозволенные (шариатом. – С.А.) предприятия» (ст. 43, п. 4 и 5). В преамбуле ст. 43 также говорится о том, что экономика ИРИ должна строиться на «обеспечении всех возможностей и условий для труда в целях достижения полной занятости, предоставлении средств труда в распоряжение тех, кто трудоспособен, но не имеет этих средств, путем кооперации, выделения беспроцентных кредитов или любым другим законным путем, который не ведет к сосредоточению и обороту капитала в руках одного человека».

С другой стороны, конституция не очерчивает четких границ права собственности, в частности владения средствами производства, и не дает разъяснений, каким образом будет предотвращено присвоение плодов чужого труда, т. е. эксплуатация человека человеком.

Составители конституции ИРИ, отражая в известной степени антимонополистические и антикапиталистические тенденции иранской революции, из существующих в стране трех секторов экономики – государственного, кооперативного и частного – на

первое место выдвинули государственный. В ст. 44 конституции говорится: «Государственный сектор включает все крупные промышленные предприятия и базовые отрасли промышленности, внешнюю торговлю, крупные горнодобывающие предприятия, банки и систему страхования, энергоснабжение, плотины и крупные ирригационные системы, радио и телевидение, почту, телеграф и телефон, воздушный флот, гражданский морской флот, автомобильные и железные дороги, а также все то, что является общественной собственностью и находится в распоряжении государства».

В конституции большое внимание отведено международным проблемам. Это и понятно. Ее текст разрабатывался и был принят в период, когда антиамериканский и националистический накал выступлений народных масс был очень высок. Ирано-американские отношения вступили в фазу глубокого кризиса. Новые иранские руководители краеугольным камнем своей внутренней и внешней политики сделали тезис: главным внешним врагом ИРИ, одновременно играющим роль вдохновителя антиправительственных заговоров внутри страны, были и остаются правящие круги США. Конституция отвергает «неоколониалистские притязания империалистических держав» в отношении страны. Статья 3 провозглашает одной из основных целей руководства республики «полное искоренение колониализма и предотвращение иностранного проникновения».

Статья 153 запрещает заключение договоров и соглашений, «ведущих к установлению иностранного господства над природными богатствами, экономикой, культурой, армией и другими сферами жизни страны». О «недопущении иностранного экономического господства» говорится также в п. 8 ст. 43. Статья 81 Основного закона запрещает предоставление иностранцам льгот при создании компаний и учреждений в области экономики, а ст. 146 не допускает создание любых иностранных военных баз на территории Ирана «даже в случае их мирного пользования».

Вместе с положениями, направленными на укрепление суверенитета и экономической самостоятельности Ирана, конституция содержит статьи, в которых нашли выражение внешнеполитическая деятельность ИРИ. Провозглашается линия на поддержку освободительного движения народов, страдающих от засилья монополистического капитала Запада. Также выдвигается тезис о

необходимости «экспорта» идей «исламской революции» и содействия оживлению движения исламской солидарности. Статья 3 обязывает государственные органы «проводить внешнюю политику страны в соответствии с исламскими нормами, братскими обязательствами перед всеми мусульманами и при безусловной поддержке обездоленных мира». Развивая данное положение, ст. 11 декларирует: «В соответствии с изречением из Корана: «Поистине эта ваша единая община – единый народ, и поистине Я ваш Господь и Мне поклоняются» – все мусульмане являют собой одну общину, и государство Исламская Республика Иран обязано проводить свой политический курс на основе единения и союза исламских народов, последовательно предпринимать усилия, направленные на достижение политического, экономического и культурного единства исламского мира». В ст. 154 провозглашается, что ИРИ, «полностью воздерживаясь... от любого вмешательства во внутренние дела других народов ... в то же время поддерживает законную борьбу обездоленных против благоденствующих во всех районах мира». Подчеркивается необходимость установления «взаимных миролюбивых отношений со странами, проводящими мирную политику» (ст. 152).

Специальный раздел посвящен экономическому строю и социальной структуре провозглашенного исламского общества. В окончательном тексте конституции эти вопросы разработаны более основательно, хотя некоторые существенные из них сформулированы нечетко. Особенно это касается вопроса об отношении к собственности. Формально конституция отвергает эксплуатацию человека человеком, фактически она подтверждает также незыблемость частной собственности, если она заработана «законным» путем.

После того как в декабре 1979 г. был одобрен и утвержден проект конституции Исламской Республики Иран, сразу же началась кампания по выборам президента. Она протекала в весьма напряженной обстановке. После вынужденного ухода в отставку М. Базаргана и его правительства роль Исламского революционного совета – ИРС (образованного Хомейни еще во Франции в середине января 1979 г.) в определении политического курса стала еще более значительной. Сохраняя за собой функции верховного законодательного органа, ИРС одновременно взял на себя функции исполнительной власти. Взамен Базаргана новый пре-

мьер-министр назначен не был. Но существовали министерства, работавшие под руководством ИРС. Все официальные политические кампании проводились под его руководством. Однако революционные комитеты, различного рода организации и группировки продолжали проявлять большую активность. Главным политическим штабом хомейнистов оставалась Партия исламской республики, действовавшая под руководством аятоллы М. Бехешти. Партия была образована через месяц после победы революции, а ее орган – газета «Джомхури-йе Эслами» (или Ислами) – стала выходить через несколько недель.

Уход Базаргана практически лишил либеральную буржуазию надежды на сколько-нибудь значительное место в органах государственной власти, которые предстояло избрать.

Вместе с тем не запрещалось выдвигать кандидатами на пост президента светских лиц, если они придерживались линии Хомейни. Левым организациям фактически было воспрещено выдвигать кандидатов из своей среды. В итоге к началу официальной кампании по выборам президента почти все организации левого либо либерального толка оказались «вне игры», поскольку их приверженность исламу вызывала сомнения у Хомейни и его близкого окружения.

Когда в последней декаде декабря 1979 г. широко развернулась кампания по выборам президента, ситуация несколько изменилась. Хомейни дал указание, чтобы президентом республики не был избран представитель духовенства. Видимо, это было связано с тем, что он не хотел видеть на этом посту аятоллу М. Бехешти, самого сильного и тщеславного своего соратника. Кроме того ближе к выборам, ПИР столкнулась с непредвиденным обстоятельством. В соответствии с указанием Хомейни кандидатом на пост президента партия выдвинула одного из своих идеологов Джалаледдина Фарси. Он был светским лицом. Но выяснилось, что кандидат по происхождению (по отцовской линии) не иранец, а конституция ИРИ допускала избрание на пост президента республики только лиц иранского происхождения. Тогда группировка Бехешти поспешно выдвинула кандидатуру доктора Хасана Хабиби, деятеля, получившего европейское образование, но не пользовавшегося в стране известностью.

Ощутимое воздействие на политический климат в начале 1980 г. продолжали оказывать студенты-мусульмане, захватившие

американское посольство. Их группу возглавлял молодой аятолла Хоениха, известный своими крайними антизападными настроениями. Под его руководством они осуществляли публикации секретных американских документов, оказавшихся в их руках. В них содержались сведения о контактах отдельных членов правительства Базаргана, других высокопоставленных лиц с американской агентурой и дипломатами США в Иране и за рубежом. Студенты обнаруживали сведения, компрометирующие адмирала Ахмеда Мадани, который в то время исполнял обязанности генерал-губернатора Хузестана и одновременно был командующим ВМС. Адмирал Мадани первоначально был одним из основных кандидатов на пост президента республики. Порочащие материалы были распространены и об одном из сподвижников М. Базаргана — Амир-Энтеземе. Все эти материалы свидетельствовали о том, что с помощью внешне лояльных Хомейни деятелей представители США собирали сведения о расстановке политических сил при новом руководстве Ирана и о политических деятелях, занимавших ключевые позиции при новом режиме. Обнаруженные в американском посольстве документы были активно использованы хомейнистами для изоляции и устранения с политической арены представителей либеральной буржуазии.

Среди официально признанных властями кандидатов в президенты были лица, имевшие давние связи как с либерально-буржуазными кругами, так и с хомейнистами. К ним относились Аболь-Хасан Банисадр и доктор Мохаммед Мокри, первый полномочный посол ИРИ в Советском Союзе.

Аболь-Хасан Банисадр, несмотря на свою молодость, в послереволюционном Иране сразу же вошел в число самых известных политических деятелей. Он познакомился с аятоллой еще в 1972 г. в Наджафе, когда он приезжал туда в связи со смертью отца, аятоллы Насролла Банисадра. Аболь-Хасан в юности принимал участие в июньском антиправительственном восстании 1963 г. в Тегеране. Был арестован и четыре месяца провел в тюрьме. После освобождения выехал в Париж, где поступил в университет, потом защитил диссертацию. В начале октября 1978 г. по прибытии в Париж Хомейни три дня провел в его квартире, затем переехал в предместье французской столицы. В середине января 1979 г., учредив Революционный совет, Хомейни включил Банисадра в его состав. 1 февраля, когда Хомейни вернулся из

Франции в Тегеран, Банисадр был одним из членов его свиты.

В своей предвыборной программе Банисадр выделил четыре неотложные и жизненно важные проблемы. По его мнению, они должны были находиться в центре внимания будущего президента: независимость, единство и территориальная целостность страны; восстановление экономики; «обеспечение реальной безопасности»; «развитие духовности», которую возвратила Ирану революция. Важными положениями программы, тесно увязанными с установлением в стране исламского режима, были предоставление каждому человеку возможности обрести «свое достоинство и гражданские свободы»; принятие мер, положивших бы конец материальным лишениям бедных слоев населения. Любопытно, что в предвыборном заявлении Банисадра не подчеркивалась особая роль шиитского духовенства в победе революции.

Программа Банисадра существенно расходилась с линией хомейнистов, объединенных вокруг аятоллы М. Бехешти накануне исламской революции и в период кампании по выборам президента. Однако, в силу ряда обстоятельств, в частности из-за того, что Банисадр пользовался расположением самого Хомейни, группировка Бехешти не позволила себе развернуть открытую враждебную кампанию против него. Положение сторонников Бехешти осложнялось тем, что Банисадр был устойчивым приверженцем исламского возрождения.

Выборы президента ИРИ проходили в конце января 1980 г. Они окончились решительной победой Банисадра, за него проголосовали 11 млн. человек. Об этом было объявлено 28 января. Кандидат Партии исламской республики (ПИР) доктор Хасан Хабиби получил всего полмиллиона голосов.

Результаты выборов были встречены группировкой Бехешти и всеми клерикалами консервативного толка с нескрываемым раздражением. Временами казалось, что они предпримут какую-нибудь акцию против новоизбранного президента. Все ожидали реакции «имамов». Но Хомейни не разделял их настроения. В это время он находился в одной из небольших тегеранских больниц. Аятолла скрыл от общественности, за кого отдал свой голос. Однако, рано или поздно, Хомейни должен был высказать свое мнение о результатах выборов. И наконец через несколько дней, которые для всей страны прошли в напряженном ожидании, Банисадр был приглашен в больницу (квартал Джамаран), где

находился Хомейни. Президент ИРИ поцеловал руку «имаму» и заверил его, что приложит все силы во имя утверждения в Иране подлинно исламского образа правления. В свою очередь, Хомейни поздравил Банисадра с избранием на столь ответственный пост и пожелал ему успехов. Несмотря на все это, правые клерикальные группировки открыто выразили свое неудовольствие утверждением Банисадра президентом, так как еще до выборов группа ультраправых улемов в открытом письме предложила Хомейни, чтобы президентом республики был избран, по выбору «имам», один из видных представителей шиитского духовенства.

После того как Хомейни утвердил Банисадра, началась кампания по выборам депутатов в однопалатный парламент – Собрание национального совета (Маджлис-е шоура-йе мелли – в обиходе просто меджлис). Число депутатов было определено конституцией – 270 депутатов. Меджлис был правомочен функционировать при наличии не менее двух третей общей численности его членов. На этот раз клерикалы, ведомые Бехешти, решили взять реванш за свое поражение на президентских выборах. В результате их целеустремленной деятельности почти все кандидаты в депутаты, представлявшие левые группировки и демократические круги, были лишены права баллотироваться. Также было дисквалифицировано большинство кандидатов, выражавших интересы буржуазных либералов. Таким образом, хомейнисты-клерикалы, усилив борьбу за власть, взяли курс на превращение меджлиса в свой главный политический оплот.

Выборы в меджлис проводились в два тура. Первый тур начался 14 марта 1980 г. В тот же день стали раздаваться жалобы на то, что в ходе выборов замечены случаи фальсификации. Жалоб было так много, что ИРС 18 марта решил назначить комиссию, которая должна была выяснить истинное положение вещей. Поскольку результаты первого тура не привели к избранию достаточного количества депутатов, 9 мая начался второй тур выборов. Меджлис первого созыва официально приступил к работе лишь 28 мая в составе 217 депутатов. Такое положение объяснялось тем, что в некоторых национальных районах (Курдистан, Хузестан и др.) продолжались антиправительственные выступления, и выборы в парламент там не проводились.

В итоге в парламент были избраны в основном религиозно-политические деятели из числа хомейнистов и близкие к ним по

воззрениям мелкобуржуазные политики. Более половины депутатов составили «чалмоносцы», т. е. официальные служители культа. Лишь немногим представителям либеральной буржуазии и интеллигенции удалось пробиться в меджлис.

Естественно, подобный исход парламентских выборов серьезно осложнил положение Банисадра, который больше тяготел к сотрудничеству с буржуазными либералами, чем с хомейнистами-клерикалами. Хотя отдельные его теоретические положения нашли свое воплощение в конституции ИРИ, правые хомейнисты, особенно Бехешти и его сторонники, относились к Банисадру все с большим предубеждением. В то же время за период становления новой власти Банисадр своей пропагандистской и политической деятельностью оказал весомую услугу исламскому течению. Он стал нужным для хомейнистов человеком.

В начальный период своей карьеры в качестве президента Банисадр сумел добиться значительных политических успехов. По указу Хомейни он был назначен председателем Исламского революционного совета. Он также занял пост главнокомандующего всеми вооруженными силами Ирана.

После парламентских выборов первоочередным вопросом стало формирование правительства. И по этому вопросу группировка Бехешти, располагавшая большинством голосов в меджлисе, решила дать бой Банисадру. Однако и здесь Банисадр заручился благосклонностью имама. Уже в начале мая 1980 г. президент стремился к тому, чтобы будущий кабинет состоял из его избранников. Он получил разрешение у Хомейни на предоставление права ему самому выдвигать кандидата на пост главы правительства. Борьба между президентом и Бехешти продолжала разрастаться, постепенно приобретая все более непримиримый характер. Свои преобладающие позиции в ИРС группировка Бехешти использовала для блокирования усилий президента, направленных на формирование правительства еще до начала работы меджлиса. Последователи Бехешти ссылались на то, что предложение президента будто противоречит конституции.

Как уже отмечалось, меджлис приступил к работе 28 мая. 20 июля ИРС был распущен и его законодательная функция перешла к парламенту. При этом законотворческая деятельность была поставлена под контроль Наблюдательного совета, наделенного, в соответствии с конституцией полномочиями определять согла-

сованность выработанных и принятых меджлисом законопроектов с положениями конституции и нормами ислама и отвергать их в случае несоответствия.

В меджлисе враждебная линия сторонников Бехешти в отношении Банисадра приобрела наиболее рельефные черты. Большое содействие Бехешти оказывал избранный председателем меджлиса Ходжат оль-Ислам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, один из приближенных Хомейни, связанный с консервативными лидерами тегеранского базара. В качестве ответственного за министерство внутренних дел (обязанности которого он исполнял ранее) он употребил все свои силы, чтобы в меджлис были избраны преимущественно представители шиитского духовенства и близкие к ним «светские» исламисты.

Поскольку трения между Банисадром и большинством меджлиса становились все острее и вели к ослаблению авторитета новой власти, Хомейни 10 июня 1980 г. предупредил соперничавшие стороны об опасности, которая грозит новому режиму из-за этих разногласий. «Рост хаоса, – говорил он, – может привести к полному краху исламского правления». Поэтому он призвал покончить с борьбой и приступить «к конструктивному сотрудничеству».

22 июля Банисадр принес присягу, а 26 июля предложил кандидатуру заместителя министра внутренних дел Мостафы Мирсалима в качестве председателя кабинета министров. Группировка Бехешти отвергла это предложение. После вмешательства Хомейни, призвавшего покончить с разногласиями, Банисадр уступил свои позиции и согласился на кандидатуру, выдвинутую ПИР, – Мохаммеда Али Раджаи. Банисадр не одобрял кандидатуру Раджаи, считая, что тот не обладает достаточным интеллектом и политическим опытом, чтобы возглавлять правительство. Особенно беспокоило президента то, что Раджаи фактически являлся избранником группировки Бехешти.

Согласившись утвердить Раджаи на пост главы правительства, Банисадр в то же время попытался помешать формированию кабинета из одних лишь сторонников хомейнистов-клерикалов. Он добивался включения в состав правительства близких к себе деятелей. Однако именно этого и не желала группировка Бехешти – Раджаи. После длившихся более двух недель острых споров все-таки удалось преодолеть тупик и прийти к частному согласию относительно состава кабинета. Но это было весьма

шаткое соглашение. Когда 31 августа Раджаи объявил состав правительства, Банисадр отказался санкционировать назначение некоторых членов кабинета. 10 сентября меджлис утвердил 14 министров, против назначения которых президент не возражал. По регламенту в правительство должен был войти 21 человек.

С момента начала деятельности правительства Раджаи, начался новый этап борьбы за власть. Руководимая Бехешти группировка стала вести линию на достижение полного политического преобладания в высших эшелонах власти.

В сложившейся ситуации Банисадр занялся поисками политических союзников, без которых он был не в состоянии вести эффективную борьбу против группировки Бехешти. Однако расширявшиеся связи с буржуазно-либеральными кругами не могли содействовать укреплению социально-политической опоры президента. Это объяснялось следующими обстоятельствами. В тот период антиамериканские, антизападные настроения в широких массах были очень сильны. Поэтому критические высказывания президента в адрес студентов, продолжавших удерживать американских дипломатов в качестве заложников, его попытка найти политические пути ослабления ирано-американского противостояния, стремление добиться смягчения враждебного курса в отношении представителей крупного иранского капитала и другие шаги, свидетельствовавшие о его умеренности в области внутренних и внешних проблем, воспринимались фундаменталистами как признак отхода от революционного курса. Антисоветские высказывания Банисадра лишь подчеркивали его умеренные, но устойчивые прозападные настроения.

Оценивая политическую линию Банисадра и его сторонников как заговор прозападного толка, руководители просоветски настроенных левых не учли, что уход с политической авансцены Банисадра и других буржуазно-либеральных деятелей неминуемо приведет к упрочению позиций консервативных хомейнистов, возглавляемых Бехешти.

Для пропаганды своих идей и ведения активной полемики со своими политическими противниками президент издавал собственную газету «Исламская революция». Но ему не удалось создать какую-либо организацию из числа своих единомышленников. Одновременно с обострением борьбы за власть между Банисадром и возглавляемой аятоллой Бехешти группой исламистов

начались враждебные действия иракских вооруженных сил против Ирана. В начале сентября 1980 г. вооруженные стычки между двумя странами значительно участились. 17 сентября 1980 г. президент Ирака Саддам Хусейн заявил парламенту об аннулировании договора 1975 г. с Ираном. 22 сентября иракские самолеты нанесли бомбовые удары по 10 военно-воздушным базам Ирана. Для Банисадра, исполнившего обязанности верховного главнокомандующего, это событие не было неожиданным. По некоторым данным у него были сведения о военных приготовлениях Ирака. Он воспринимал войну с Ираком как шанс для упрочения своих политических позиций. Помимо всего, пост главнокомандующего предоставлял ему возможность укрепить свои контакты с Хомейни.

Президент много времени проводил на фронтах, стремясь найти общий язык с офицерами из бывшей шахской армии, и это ему удавалось. В ноябре 1980 г. Банисадр открыто выступил против политического курса Партии исламской революции. Взаимоотношения между последователями Хомейни из числа религиозно-политических деятелей (Бехешти, Хашеми-Рафсанджани и др.) и президентом приобретали все более откровенный характер.

4 декабря Хосейн Хомейни, внук духовного руководителя ИРИ, в своем газетном интервью обвинил сторонников Банисадра в подготовке заговора против Хомейни. В течение последующих двух дней, вопреки призывам Хомейни, Х. Монтазери и других религиозных авторитетов, в десятках городах страны произошли серьезные стычки между враждующими сторонами. Было убито несколько человек. Несмотря на серьезные угрозы Хомейни, вражда не прекращалась.

Во время митинга в Исфахане 12 декабря 1980 г. сторонники президента в знак протеста разорвали портреты аятоллы Хомейни. Последний продолжал свои призывы к сохранению единства. 15 января 1981 г. прозвучало его обращение к своим сторонникам и ко всем иранцам не выступать с лозунгами ни против президента, ни против правительства. В январе под руководством Банисадра было осуществлено первое крупное контрнаступление иранской армии с участием Корпуса стражей. Оно завершилось освобождением Сусангерда.

Что касается самого Хомейни, то он первоначально временно поддерживал Банисадра. Однако, по мере развития противоборства между двумя соперничавшими группировками, он все

больше отдавал предпочтение Бехешти и его сторонникам. Их устойчивый курс, направленный на вытеснение с политической арены всех «неисламских» группировок, импонировал Хомейни.

Религиозно-политические деятели, захватившие после крушения шахского режима важные позиции в новой политической структуре страны (а в некоторых сферах, таких как судопроизводство, господствующее положение), сосредоточили свое внимание на борьбе с теми, кто пытался внедрить в иранскую политическую систему элементы буржуазной демократии. Активное участие этих сил в общественно-политической жизни могло воспрепятствовать монополизации верховной власти шиитскими деятелями и их сторонниками из числа мелкобуржуазных политиков. Поэтому политика Банисадра и его единомышленников, направленная на ликвидацию или ограничение деятельности революционных трибуналов, других учреждений подобного типа, находившихся фактически под полным контролем шиитских богословов, была продолжением линии, которая до начала ноября 1979 г. проводилась правительством Базаргана. В условиях, когда в иранском обществе широкую популярность приобрели не только идеология патриотизма и ирано-мусульманского национализма, но и ксенофобия, вражда ко всему западному, группе Бехешти не составляло особого труда дискредитировать прибывшего из Парижа интеллектуала Банисадра и его окружение, обвинив их в западничестве. В недрах парламента, который был переименован в «Меджлис исламского совета», шла консолидация сторонников М. Бехешти. Депутаты активно использовали обострившийся, в связи с захватом посольства США, кризис в ирано-американских отношениях для усиления нападок против президента и его соратников.

Тем временем Банисадр все отчетливее становился лидером прозападно настроенных либералов. Являясь по своему мировоззрению мелкобуржуазным демократом, Банисадр предпринял шаги для установления союза с прокапиталистическими деятелями. Он встал в оппозицию к группировке хомейнистов и сблизился с деятелями либерального толка – М. Базарганом, С. Готбаде и др. Он выступал за установление контактов с США, призывал «признать собственные ошибки» и освободить американских заложников. Как и Базарган, он пытался внушить Хомейни мысль о том, что «коммунистическая опасность» для ИРИ более значительна, чем западная.

Вместе с тем в последние месяцы своего пребывания на посту президента и главнокомандующего вооруженными силами Банисадр стал блокироваться с левыми группировками, прежде всего – с руководителями молодежной левоисламской организации «Моджахедин-е халк».

Желая завоевать симпатию среди либерально-буржуазных и видных представителей интеллигенции, Банисадр утверждал, что страна вступила в фазу «зарождения тирании».

Банисадра открыто или тайно поддерживали представители крупной торговой буржуазии (Тегеранского базара), группа армейских офицеров, часть либеральной интеллигенции, члены и сторонники ряда продемократических и левозкстремистских националистических организаций. Это давало ему возможность некоторое время противостоять натиску группировки Бехешти. Однако логика словесного диалога вынуждала его раскрывать свои пробуржуазные взгляды. Все более прозрачными становились его соглашательские настроения в отношении США. В результате в конце 1980 – начале 1981 гг. его политические позиции сильно пошатнулись.

К концу января 1981 г. иранская делегация под руководством Бехзада Набави в Алжире достигла соглашения с США относительно освобождения 52 американских заложников. Вашингтон разморозил иранские активы на сумму 12 млрд. долл. Из них огромная часть ушла на выплату по искам 330 американских компаний и частных лиц (4 млрд. долл.). Иран также согласился на возвращение своих долгов различным иностранным банкам на сумму 3,7 млрд. долл. Чистая сумма, которую получило иранское правительство, составила 2,3 млрд. долл. И это заметно укрепило положение группы М. Бехешти – М. Раджаи. После 444 дней плена все 52 американских дипломата и служащие посольства 20 января 1981 г. были освобождены и на борту «Боинга 727» вылетели из Мехабда в Вейсбаден, на американскую военную базу в ФРГ.

Правительство и меджлис это событие оценили как серьезную победу «над большим сатаной». Однако соглашение с США вызвало резкую критику со стороны президента и его сторонников. Хомейни продолжал призывать враждующие стороны к сглаживанию разногласий. Он отдал специальное указание радио и телевидению не поддерживать ни ту, ни другую сторону. Он пытался сохранить нейтралитет.

Ко второй годовщине победы антишахской революции напряженность на внутривнутриполитической арене продолжала нарастать. 11 февраля Хомейни обратился к народу, вновь убеждая представителей духовенства отказаться от вмешательства «во все государственные дела, в которых они некомпетентны». Он говорил, что такое вмешательство может лишить их доверия народа.

Однако в столице не прекращались уличные столкновения.

Новым этапом в обострении конфликта между светскими и клерикальными политиками стали события 5 марта 1981 г. в Тегеране. В этот день продемократические круги решили отметить годовщину со дня рождения Мосаддыка в кампусе Тегеранского университета. Банисадра пригласили выступить с речью, посвященной памяти Мосаддыка. Узнав об этом, Хомейни посоветовал президенту отказаться от этого намерения. Однако Банисадр принял приглашение. Речь его была полна резких выпадов против правительства Раджаи и руководства ПИР. Он обвинил их в попытке «подрыва демократии» и в стремлении к «монополизации власти». Банисадр назвал активистов партии Бехешти «бандитами, действующими посредством силы и предательства». Участники митинга выкрикивали лозунги: «Смерть погромщикам!», «Смерть Бехешти!» и т. д.

По подсчетам прессы, этот митинг собрал около ста тысяч человек. Туда пришли не только сторонники президента и либералов, но и немалое число их противников — членов отрядов «хезболла» (т. е. «партии аллаха»). Этими отрядами руководил аятолла Хади Гаффари. Их набирали из городских низов и обычно они выполняли роль ударной силы в уличных стычках. Во время митинга люди из этих отрядов разрезали кабели громкоговорителей и стали выкрикивать враждебные лозунги в адрес Банисадра. Охрана президента произвела среди них аресты. Когда проверили документы ряда задержанных, оказалось, что их удостоверения личности оформлены при содействии ПИР, КСИР и связанных с ними революционных комитетов.

Уличные столкновения 5 марта привели Хомейни в состояние настоящего шока. Представитель канцелярии сообщил, что следующие десять дней имам никого принимать не будет. Кризис достиг высокой отметки [39].

Соперничество Банисадра с Бехешти развивалось в стиле интриг французского королевского двора в описании романов

А. Дюма. Какой-либо удачный ход президента тут же вызывал продуманный ответный шаг со стороны его противников. Но до поры до времени Банисадр мог рассчитывать и на поддержку Хомейни, который играл роль главного арбитра.

Что касается начавшегося противостояния между Банисадром и руководством ПИР, меджлиса и правительства, то после 10 марта эскалация этого процесса приобрела необратимый характер. В этот день 130 исламских судей опубликовали совместное решение, в котором на Банисадра возложили всю вину за охватившие страну «раскол и хаос» [40]. Президент же продолжал свои резкие выпады в адрес противной стороны, обвиняя ее в незаконных арестах, пытках и казнях, в налетах на центры либеральных организаций.

Хомейни все настойчивей призывал обе стороны к примирению и согласию. Он даже обращался к ним с угрозами. Требовал отказаться от взаимных обвинений хотя бы до окончания войны с Ираком.

Лишь временами конфликт между Банисадром и его могущественными противниками несколько затихал. В один из таких периодов (4 апреля 1981 г.) реактивные самолеты ИРИ под прикрытием сирийских военных самолетов совершили налет на расположенную далеко от линии фронта крупную авиабазу Ал Валид, уничтожив 46 иракских самолетов [41].

Тем временем меджлис принял новые акты, укреплявшие положение правительства Раджаи в структуре государственной власти и общественно-политической жизни страны. Эти меры вели к консолидации сторонников М. Бехешти (ПИР), председателя меджлиса Хашеми-Рафсанджани и правительства. Выступая сообща, эта группировка продолжала свое давление на продемократические силы. Организовывались погромы в редакциях левых и либеральных изданий. Устраивались избиения участников митингов и демонстраций, организуемых оппозицией.

Банисадр, охваченный негодованием, решился на открытое выступление против самого Хомейни. Это был очень опасный шаг. От него сразу же отвернулись религиозные деятели, которые в споре с группировкой Бехешти – Раджаи – Хаменеи ранее поддерживали Банисадра. В этой связи характерно высказывание депутата меджлиса Мохаммеда-Джавада Ходжжати (Кермани), приведенные историком Ш. Бахашом: «Имам и революция замешаны

вместе, выступать против имама – это все равно, что выступать против революции» [42].

Хомейни, который первоначально добивался конструктивного диалога между соперничающими силами, а временами даже содействовал Банисадру, в конце концов полностью встал на сторону его противников.

Такой поворот в позиции Хомейни произошел не без активной деятельности противников президента ИРИ. В архиве американского посольства были обнаружены отчасти зашифрованные документы, касающиеся попыток ЦРУ наладить тайное сотрудничество с Банисадром. Некий Уильям А. Фостер (настоящее имя – Вернон А. Касин) – офицер ЦРУ, работавший на Среднем Востоке не менее двадцати лет, осенью 1978 г. в Париже намеревался от имени одной американской фирмы нанять Банисадра в качестве консультанта по проблемам иранской экономики. Но этот замысел оказался неосуществленным.

В 1979 г. Фостер прибыл в Тегеран. При участии шефа местного иранского отделения ЦРУ он встретился с Банисадром, исполнявшим обязанности члена Революционного совета. Ему было предложено за 1000 долларов в месяц время от времени давать американцам получасовую консультацию о состоянии экономики Ирана.

В документах отсутствуют сведения о получении Банисадром какой-либо суммы в качестве гонорара. Но был обнаружен номер телефона, по которому представители США могли установить связь с Банисадром. Оказалось, что это номер телефона сестры Банисадра, у которой он проживал сразу после возвращения [43]. Указанные сведения явились важнейшими факторами, вызвавшими у Хомейни крайне неприятные чувства в отношении президента.

27 мая аятолла публично выступил с угрозой в адрес Банисадра. Речь шла о суде над президентом. Отвечая ему в своем кратком заявлении, произнесенном на военно-воздушной базе под Ширазом, Банисадр сказал, что ему не к чему опасаться судебного разбирательства. 6 июня по решению Генерального прокурора ИРИ шесть газет либерального направления, в том числе «Энгелаб-е Эслами», издаваемая Банисадром, были закрыты. Его судьба как президента уже была предreshена.

9 июня отряды «хезболла» захватили штаб-квартиру прези-

дента. В тот же день Хомейни сместил Банисадра с поста главнокомандующего вооруженными силами. Еще утром этого дня весь командный состав вооруженных сил выразил свою лояльность Руководителю ИРИ. Позициям Банисадра был нанесен сильнейший удар, т. к. у него были большие надежды на поддержку высших военных чинов бывшей шахской армии.

Казалось бы, партия духовенства одержала полную победу. Но президент не успокоился. 12 июня он обратился к народу с призывом продолжать сопротивление тирании. В некоторых городах страны религиозные предводители запретили проведение пятничной молитвы. Они опасались массовых выступлений в поддержку Банисадра. Тем не менее такие молитвы имели место в Тебризе, Хамадане, Реште и др. местах.

14 июня 1981 г. меджлис приступил к обсуждению вопроса о компетенции Банисадра как президента. В столице царила напряженность. Основные проспекты, перекрестки и площади охранялись воинскими частями, подразделениями КСИР, танками и бронемашинами.

На следующий день, выступая в местной мечети столичного квартала Джамаран, Хомейни неожиданно для многих заявил: «Банисадр может продолжать исполнение своих обязанностей, если он попросит извинение перед народом за подстрекательство к восстанию».

К этому времени президент уже ушел в подполье. В обращении к народу он подчеркнул собственную роль в возрождении армии и отметил, что военный конфликт с Ираком можно было бы разрешить политическим путем, если бы он сам не стал объектом провокации. 15 июня он отправил еще два воззвания, уже непосредственно к Хомейни. Любопытно, что после встречи с Хомейни А. Хашеми-Рафсанджани заявил, что было бы предпочтительно, если бы Банисадр оставался на своем посту. Это же самое вновь подтвердил и Хомейни. Однако известие о сближении Банисадра с М. Раджави, руководителем организации «Моджахиды народа», резко изменило ситуацию. 17 июня А. Хашеми-Рафсанджани заявил, что дебаты по вопросу о компетенции президента будут возобновлены. 20 июня, в субботу, по этому вопросу состоялось голосование в меджлисе. Из 178 присутствовавших на заседании депутатов 177 отдали свои голоса за проект решения, в котором говорилось о некомпетенции президента.

В столице и ряде других городов временами по-прежнему продолжались острые стычки между враждующими группировками. Еще 18 июня руководство моджахидов выпустило специальное заявление, в котором говорилось о начале тотального «революционного сопротивления» против хомейнистов. Председатель меджлиса А. Хахеми-Рафсанджани, член правительства Б. Набави и другие охарактеризовали заявления моджахидов и их союзников, а также сторонников Банисадра как «войну против Аллаха» и как «восстание против исламской революции». Депутат меджлиса Садек Халхали призвал немедленно казнить большую группу из числа арестованных представителей оппозиции. У здания парламента собралась многочисленная толпа, выкрикивавшая: «Смерть Банисадру!». Обращаясь к собравшимся, Хахеми-Рафсанджани сказал: «При вашей помощи одно из самых больших препятствий на пути дальнейшего развития революции отныне устранено».

Одновременно с этими событиями, помимо Тегерана, в Исфахане, Тебризе и других местах происходили ожесточенные столкновения между представителями соперничающих сторон. Были убиты и ранены сотни людей [44]. Эти драматические события ознаменовали собой кардинальное изменение в расстановке внутренних сил. Тем не менее оппозиционные выступления против укрепивших свои позиции властей продолжались.

Организация «Моджахедин-е халк» в 1979 г. имела под своим началом 15 тысяч «городских партизан» (боевиков). Однако ко времени обнаружения своего вызова против властей (18.VI.1981), она представляла собой менее внушительную силу. В новых тяжелых для них условиях моджахиды в силовой борьбе против властей большое значение стали придавать внезапным нападениям на армейские гарнизоны, базы КСИР, а также подготовке террористических актов. Две террористические операции нанесли невосполнимый урон руководству ИРИ.

28 июня 1981г., вечером, в актовом зале одной старой столичной школы шло совещание руководства республики и ПИР. Оно было посвящено рассмотрению комплекса мер по борьбе с вооруженными выступлениями оппозиции. Когда М. Бехешти приступил к своей вступительной речи, прогремел взрыв огромной разрушительной силы. На заседавших обрушился потолок

зала. Семьдесят два участника совещания погибли. Среди них оказались М. Бехешти, четыре министра правительства, десять заместителей министров, двадцать семь депутатов исламского меджлиса [45].

Для аятоллы Хомейни гибель ставшего одним из самых близких его соратников М. Бехешти, других видных деятелей руководства ИРИ оказалась тяжелым ударом. Однако в эти трагические дни он не потерял самообладания и начал давать указания об ужесточении широкомасштабных мер, направленных на подавление деятельности моджахидов и их союзников.

28 июля 1981 г. беспощадно преследуемые властями А. Банисадр и М. Раджави, при содействии офицеров, сохранивших верность бывшему президенту, на военном самолете вылетели в Париж. Ранним утром 29 июля на базу французских ВВС в Эвре приземлился самолет-заправщик иранских вооруженных сил. С его трапа сошли лишенный своих полномочий бывший президент ИРИ Аболь-Хасан Банисадр и руководитель организации моджахидов Масуд Раджави. По их просьбе им было предоставлено политическое убежище во Франции.

Активисты организации «моджахиды народа» начали сближаться с Банисадром в апреле 1980 г. Но сохранялись политико-теоретические разногласия между сторонами. Поэтому было естественно, что созданная в Париже М. Раджави и Банисадром «организация национального сопротивления» тегеранским властям функционировала недолго.

Тем временем продолжалась вооруженная борьба моджахидов и их союзников с исламскими властями. После побега Раджави вооруженными партизанскими операциями руководил Муса Хиябани. Он пользовался большим авторитетом среди моджахидов. Но вопреки его бойким заявлениям (газета «Моджахед», 4.VIII.1981), моджахидам все меньше удавалось осуществлять серьезные вооруженные атаки против правительственных сил.

Еще одна дерзкая террористическая атака была осуществлена моджахидами 30 августа 1981 г. Во время заседания членов Национального совета безопасности в помещении, где оно проходило, взорвалась зажигательная бомба с часовым механизмом. В результате взрыва и пожара погибли президент Мохаммед-Али Раджаи, премьер-министр и генсекретарь Исламской революционной партии Мохаммед-Реза Бахонар, начальник главного

управления национальной полиции полковник Хушанг Дастгерди и ряд руководителей спецслужб [46].

Через неделю взрыв бомбы унес жизни генерального прокурора республики Али Кодосси. Был убит губернатор остана Гилян, а также идеолог ПИР Хасан Аят. Жертвами покушений стали предводители пятничных молитв в Тебризе, Ширазе, Кермане, Керманшахе и Йезде.

Как уже было подчеркнуто, в ответ власти расширили масштабы ранее развернутых жестоких репрессий против всех оппозиционных сил. Одновременно усилилось вооруженное противостояние, по сути гражданская война, в ряде окраинных районов. Особенно это касалось областей, населенными курдами. Здесь курды, ведущие борьбу за самоуправление, получали помощь со стороны курдов Ирака. Оппозиционные группы, вышедшие на тропу войны против властей, в общей сложности представляли значительную силу. Однако среди них не было солидарности. В то же время, хомейнисты, представлявшие интересы новой политической системы, превратились в своего рода монолит. Их поддерживало большинство ополитизированных в ходе антишахской и антизападной революции социальных слоев. На их стороне находились КСИР и армия. Немало бывших младших офицеров шахской армии, сделавших свою карьеру за годы существования ИРИ, стали активными участниками подавления оппозиции.

К этому времени федаины народа («меньшинство»), «Пейкар» и ряд других левых (или левацких) групп тоже ушли в подполье, начав вооруженную борьбу против исламских властей. В Мазендеране действовали партизаны из промаоистской организации «Союз коммунистов» и т. д.

В то же время власти ИРИ продолжали продуманную политику репрессий в отношении всей оппозиции. На самом деле эта политика представляла собой широкомасштабный террор. Члены «революционных трибуналов» выдумали так называемое «исламское правосудие» для обоснования своих крайне жестоких действий. За участие в вооруженных демонстрациях могли быть расстреляны даже двенадцатилетние мальчики. Лавочник Асадолла Ладжеверди, ставший революционным прокурором, по этому поводу говорил: «Возраст значения не имеет». Террор продолжался в течение восемнадцати месяцев. Многие оппозиционные вооруженные группы почти полностью были уничтожены или

распались. Особенно жестокие черты эта политика приобрела после имевших место в последних числах июня и августа 1981 г. террористических актов, проведенных моджахидами и другими оппозиционными силами.

Побег Банисадра и М. Раджави открыл новую страницу в истории ИРИ. Отныне религиозно-политические деятели хомейнистского толка полностью завладели верховной властью в стране. Одновременно ускорила консолидация ведущей части шиитского духовенства в политический слой, выполнявший миссию правящего класса.

Моджахиды и их союзники временами совершали внезапные, неожиданные нападения на базы подразделений «стражей исламской революции», на полицейские участки и т. д. Порою бои, начавшиеся в результате подобных партизанских рейдов, продолжались по 6–8 часов. Но их силы постепенно иссякали. В ходе карательных операций против вооруженной оппозиции разгрому и уничтожению подверглись штаб-квартиры и базы моджахидов, они несли большие потери. Многие из руководителей и активистов были арестованы, расстреляны. Считая дальнейшее тотальное противостояние исламским властям губительным, руководство моджахидов решило перенести свою деятельность в западные провинции, граничащие с Ираком.

В указанных районах продолжались восстания курдов, выступавших за предоставление им автономии в рамках ИРИ.

Но уход с политической сцены М. Бехешти, М. Раджаи, М. Бахонара и других ярких фигур обусловил выход на первый план представителей новой фракции фундаменталистов. Они являлись выходцами из организации «Ходжжати», легальная деятельность которой несколько позже по указанию Хомейни была запрещена.

Члены организации «Ходжжати» представляли интересы ведущих купцов базара. Они выступали против разработки и осуществления системы мер, направленных на социальную поддержку неимущих слоев, а также не одобряли политику конфискаций.

В одной из своих общественных проповедей председатель Верховного суда Абдоль-Карим Мусави-Ардебилли призвал к конфискации огромного массива недостроенных домов в столице, чтобы смягчить проблему жилья для бездомных семейств. Это предложение вызвало резкое недовольство представителей «Ходжжати». Мусави-Ардебилли исходил из того, что ко времени раз-

вала шахской власти одну седьмую часть населения Большого Тегерана составляли бездомные семьи. Члены «Ходжжати» еще больше разгневались, когда Хашеми-Рафсанджани во время пятничной молитвы заявил, что большая часть богатства нации в прошлом состояла из старых земельных пожертвований и распределение доходов от них контролировалось богословами, и предложил навести порядок в этой области.

В Наблюдательном совете активную деятельность развернули улемы, близкие к «Ходжжати» (Ходжжат оль-Ислам Аболь-Касем Хазели и др.). Членам организации удалось занять важные посты в правительстве и других органах власти. В конце 1981 г. в правительстве Мусави четыре министра (Х. Асгароулади, А. Тавакколи, М. Гарзаи и А. Парвареш) были тесно связаны с руководителем «Ходжжати» Шейхом М. Халаби. Все они выступали выразителями интересов богатых купцов, владельцев крупных земельных участков в деревне и городе, зажиточных улемов.

В начале 80-х годов Наблюдательный совет под предлогом несоответствия «принципам ислама» отклонил уже принятые меджлисом законопроекты об аграрной реформе, национализации (огосударствлении) внешней торговли (что, кстати, предусмотрено конституцией) и ряд других актов, так или иначе ущемлявших интересы крупных земельных собственников и торговой буржуазии. Некоторые члены правительства открыто защищали нуворишей (широкая общественность называет их «экономическими террористами»), представлявших собой верхушку торговой буржуазии. Пользуясь нехваткой продовольствия и предметов первой необходимости, они, с целью взвинчивания цен, в широких масштабах занимались укрывательством товаров и спекулятивными операциями. Вследствие целенаправленной деятельности наиболее реакционной группировки в иранском руководстве процесс национализации уже в 1981 г. был приостановлен. В 1982 г. Наметилась тенденция к возвращению части национализированных промышленных предприятий бывшим владельцам. Характерно, что в этот период, точнее в начале 1983 г., началась враждебная кампания в отношении партии Туде и Советского Союза.

Твердые и последовательные хомейнисты тем не менее продолжали выступать за сохранение политической линии, ориентированной на социальную защиту наиболее обездоленных слоев населения. Лидерами этой группировки в начале 80-х годов были

Ходжат оль-Ислам Сейид Али Хаменеи, Ходжат оль-Ислам Али-Акбар Хахеми-Рафсанджани, аятолла Хосейн-Али Монтазери и ряд других хомейнистов. Мелкобуржуазная ограниченность и двойственность их социальной ориентации, привязанность к шиитским догмам хомейнистского толка не позволили им разработать серьезную политическую программу. В то же время нельзя отрицать наличие позитивных элементов в политической линии этой группировки. Борьба за продолжение общественных преобразований в рамках мелкобуржуазных представлений о социальном равенстве, несмотря на всю бесперспективность в широком историческом плане, оказалась способной вести к стабилизации внутривнутриполитического положения. Одновременно в результате социально ориентированных мер и реформ произошли определенные перемены в улучшении материального положения «обездоленных». Одним из основных объектов, вокруг которого шла борьба между группировкой Хаменеи – Рафсанджани и сторонниками крупного капитала, был вопрос об экономическом строе ИРИ, а также о месте и функциях государственного сектора.

По сравнению с шахскими временами уже в первые послереволюционные годы рамки государственного сектора значительно расширились, так как в него были полностью включены: банковская система, гражданский флот, все крупные промышленные предприятия и страховые компании. Помимо этого, конституция объявляла национализацию (огосударствление) внешней торговли.

Укрепление и расширение материальной базы государства осуществлялось путем национализации частных и смешанных банков, страховых компаний, конфискации капитала и недвижимого имущества верхушки буржуазии и шахских приспешников. В результате поле деятельности крупного частного капитала значительно сузилось. Из Ирана был вытеснен иностранный капитал.

Сохранение частной собственности на средства производства (хотя сторонники «исламского» пути общественного развития выступали за ее строгое ограничение) давало частному капиталу, особенно верхушке торговой буржуазии, возможность использовать сложившуюся на внутреннем рынке ситуацию для получения сверхприбылей. Создавались препятствия на пути национализации внешней торговли, хотя она и предусмотрена конституцией ИРИ. Солидаризируясь с группировкой «Ходжатие», муллы из Наблюдательного совета отвергли утвержденный парламентом

закон об огосударствлении внешней торговли на том основании, что он приведет к монополизации внешней торговли в руках государства, и подавит частную инициативу, что, по их мнению, противоречит «исламским принципам». Представители указанной группировки открыто выступали против расширения государственного сектора. Они считали, что мощный государственный сектор обязательно превращает государство в эксплуататора и способствует появлению тоталитарно-бюрократических черт, что ведет к сужению личной свободы граждан, к установлению диктатуры меньшинства над большинством. Отголосок подобных взглядов встречается и в конституции ИРИ, где (в ст. 43, п. 2) говорится о мерах, призванных предотвратить превращение правительства «в единственно крупного работодателя с неограниченными правами».

Характерно, что порою среди хомейнистов возникали противоречия относительно вошедших в конституцию принципов. В этом плане весьма показательны разногласия между Сейидом Али Хаменеи и Ходжжат оль-Исламом Мохаммед-Резой Мехдави-Кяни.

Мехдави-Кяни был выходцем из семьи богатого тегеранского богослова. Учился у Хомейни в Куме. При шахском режиме за свою политическую деятельность три раза сидел в тюрьме. Последний раз довольно долго – с января 1975 г. по ноябрь 1978 г. В сентябре 1981 г. он был утвержден меджлисом премьер-министром нового кабинета. Но после вступления А. Хаменеи на пост президента ИРИ ему пришлось подать в отставку. Причиной послужило его негативное отношение к радикальной позиции президента по таким вопросам, как аграрная реформа, национализация внешней торговли, а также жесткий курс на ликвидацию организации «Моджахедин-е халк».

Расширение государственного сектора, помимо всего, было связано с намерением нового режима лишить правую оппозицию – олигархов шахских времен – ее экономической базы. Имущество богатейших семей страны состояло не только из земельных участков, домов в городе и деревне. Им принадлежало значительное число промышленных предприятий, судов, других транспортных средств. Что касается наличных средств, т. е. капитала, то большая их часть была переведена на счета западноевропейских и американских банков.

Переход под контроль государства весьма существенного по

объему и стоимости недвижимого имущества, включая промышленные объекты и другие материальные ценности, создавал условия для формирования мощного госсектора, способного превратиться в движущую силу иранской экономики. Но в известной степени этому препятствовало многоступенчатое, расплывчатое управление промышленными и производственными предприятиями. Руководство их деятельностью осуществлялось двумя десятками министерств, другими государственными, общественными и смешанными (общественно-государственными) фондами («Созидательный джихад», «Фонд обездоленных» и т. д.). Они выполняли задачи социального обеспечения и поддержки. Помимо этого, известное количество промышленных предприятий находилось в подчинении КСИР, министерства труда и социальных дел, других учреждений. Все это вносило определенную дезорганизацию в экономический уклад страны.

Не менее сложные проблемы пришлось решать в области нефтяной политики, которая в прошлом осуществлялась под личным руководством шаха, через ИННК. Производство нефти и ее экспорт, особенно со времени нефтяного бума, стали факторами, оказывавшими исключительное воздействие на функционирование и состояние иранской экономики. Исходя из этого, руководство ИРИ с первых дней придавало огромное значение разработке своей нефтяной политики.

После двухлетнего периода (1977–1978), в течение которого цена на нефть оставалась почти замороженной, в критические дни революционных событий, ОПЕК повысила цену на нефть (16–17 декабря 1978 г.). Новые решения о повышении базовой цены на нефть, несмотря на противодействие Саудовской Аравии, были приняты ОПЕК в марте и в июне 1979 г. Эти законные меры нефтедобывающих стран вызвали раздражение правящих кругов капиталистических государств. На встрече в Токио (28–29 июня 1979 г.) главы семи ведущих капиталистических держав резко осудили решение ОПЕК [47].

Средства массовой информации США и других стран – потребителей нефти пугали своих читателей, утверждая, что в связи со свержением шахского режима, уменьшится или вовсе прекратится экспорт нефти из Ирана, а это неминуемо приведет к новому скачку цен на нее. Журнал «Ньюсуик» сокрушался по поводу того, что нехватка нефти в результате сокращения ее производ-

ства в Иране «ввергла мир в бешеную борьбу за нефть». Отметив, что в течение первых шести месяцев 1979 г. цена на нефть значительно повысилась, журнал делал из этого мрачные выводы: «мировая экономика находится в расстройстве. Суть проблемы – это нефть». Однако остается фактом, что после сокращения экспорта иранской нефти первыми подняли цену не страны, входящие в ОПЕК, а Англия и Норвегия. Это подтверждает английский специалист в области нефтяной политики Энтони Сэмпсон. Выступая против враждебной кампании в отношении стран, входящих в ОПЕК, он писал: «Возможно, в конечном счете индустриальные нации признают, что подлинный завет, оставленный кризисом 1979 г., это – «мы увидели врага, он – мы сами» [48].

17–20 декабря 1979 г. большинство участников конференции ОПЕК в Каракасе (Венесуэла) высказались за очередное повышение цены на нефть. С 5 февраля 1982 г. правительство Ирана установило цену на экспортируемое жидкое топливо в размере 31–33 долл. за баррель. В 1982 г. средняя базовая цена нефти на мировом рынке (34 долл. за баррель) превышала уровень начала 1973 г. более чем в четырнадцать раз, а уровень, существовавший до победы иранской революции, – в два с половиной раза (в этих подсчетах инфляция не учтена).

В целом рост цен на нефть оказал благоприятное влияние на состояние финансов Исламской Республики Иран. 5 марта 1979 г. ИННК возобновила экспорт нефти. Несмотря на значительное снижение уровня добычи нефти, иранское правительство получало доходы, превышавшие уровень предреволюционных лет. Так, в период с марта 1979 по февраль 1980 г. добыча нефти была сокращена наполовину в сравнении с 1977 г., составив в среднем 3,45 млн. баррелей в сутки, из которых экспортировалось 2,65 млн. баррелей. Вместе с тем за первую половину 1358 иранского года (21 марта – 22 сентября 1979 г.) доходы Ирана от нефти составили около 9 млрд. долл.

В дальнейшем уровень добычи нефти и ее экспорта был значительно снижен. Причинами этого были факторы как технического порядка, так и политического. Значительный ущерб нефтедобывающей промышленности причинила начавшаяся 22 сентября 1980 г. война с Ираком. А сокращение добычи и экспорта нефти нанесло существенный урон экономике и государственным финансам. С 1980 г. ВВП упал на 29%, в 1981 г. – еще на 12%.

Объем экспорта составлял в среднем 700–800 тыс. баррелей в сутки, поступления, как в 1980 г., лишь немногим превышали 11 млрд. долл., что покрывало 60% запланированных на эти годы бюджетом доходов от нефти. Состояние нефтяной промышленности оставалось в центре внимания нового режима.

Председателем правления ИННК после революции был назначен близкий к М. Базаргану либеральный деятель Хасан Назих. Он выступал против отстранения от должности высокопоставленных служащих компании, связанных в прошлом с шахским режимом, отстаивал необходимость сотрудничества ИННК с нефтяными корпорациями Запада. В сентябре 1979 г. рабочие-нефтяники обвинили Назиха в симпатиях к шахским приспешникам и к западным странам. Аятолла Хомейни потребовал, чтобы Назих дал ему объяснения, а прокурор республики направил ему повестку. Назих тут же нелегально выехал в Западную Европу [49].

28 сентября впервые было создано министерство нефти для управления промышленной и коммерческой деятельностью в сфере нефти и газа.

Коренному пересмотру были подвергнуты отношения с иностранными нефтяными компаниями. В мае 1979 г. иранское правительство в одностороннем порядке заявило о приостановлении действия соглашения, заключенного в 1973 г. между ИННК и компаниями, входившими в МНК. Было объявлено, что Компания нефтяных услуг, учрежденная консорциумом для добычи иранской нефти, ликвидируется. Иран потребовал возвращения оборудования и всех материальных средств, переданных ранее ИННК в распоряжение Компании нефтяных услуг. С этого времени добыча, переработка и транспортировка нефти в бывшей зоне соглашения 1954 г. впервые полностью перешли к ИННК.

В сентябре 1980 г. иранские власти учредили специальную компанию (в качестве филиала ИННК), которой вменялось в обязанность с 1981 г. закупать за рубежом необходимые для нефтяной промышленности страны оборудование и технологии. Кстати, до и после заключения соглашения о нефти в 1973 г. эту функцию выполняла «Ираниен Ойл Сервисез», дочерняя компания МНК.

Для урегулирования финансовых вопросов летом 1979 г. в Лондоне начались переговоры между представителями ИННК и МНК. Иностранные компании потребовали от Ирана выплаты

компенсации в размере 350 млн. долл. Эти переговоры окончились безрезультатно.

В марте 1980 г. Революционный совет Ирана принял закон, касавшийся сотрудничества ИННК с иностранными компаниями. Согласно этому закону была создана специальная комиссия, которой вменялось в обязанность изучение всех соглашений, заключенных с иностранными фирмами, с точки зрения их соответствия закону 1951 г. «Об осуществлении национализации нефтяной промышленности Ирана». Комиссия нашла все эти соглашения «противоречащими закону о национализации нефти» и поэтому объявила их потерявшими силу. Министр нефти довел это решение до сведения всех заинтересованных иностранных нефтяных компаний. Вместе с тем он поручил комиссии изучить любые претензии, вытекавшие из расторжения соглашений, и вести дела, по возможности, через международные каналы до окончательного их решения и восстановления законных прав иранского народа. Заключение комиссии было опубликовано в сентябре 1981 г. В нем указывалось, что существовавшие до революции условия сотрудничества ИННК с иностранными нефтяными корпорациями никоим образом не соответствуют принципам национализации иранской нефти и что указанные условия не обеспечивают полный суверенитет Ирана над своими природными богатствами [50]. Таким образом, отныне управление нефтяной промышленностью полностью перешло в руки Ирана.

Данное постановление иранского правительства касалось как компаний, входивших в МНК, так и других иностранных фирм, сотрудничавших с ИННК в иных условиях. Решение о ликвидации смешанных компаний, в которых ИННК осуществляла промышленную и коммерческую деятельность совместно с иностранными контрагентами, было принято еще в конце 1979 г. Управление делами четырех смешанных компаний, которые действовали в зоне континентального шельфа, было передано летом специально созданной Нефтяной компании континентального шельфа Исламской Республики Иран. Летом 1979 г. смешанные компании добывали в сутки 350 тыс. баррелей нефти, однако осенью 1980 г. добыча нефти в бывшей зоне их деятельности была значительно увеличена. ИННК аннулировала также подрядные соглашения, по которым иностранные компании производили поисковые и буровые работы.

Вопреки прогнозам западных экспертов, иранским специалистам удалось без помощи извне наладить добычу и переработку нефти. И все же аннулирование соглашений с иностранными компаниями создало определенные трудности для функционирования нефтяной и газовой промышленности Ирана, так как основная часть оборудования и другой техники, включая запасные части, ввозилась в Иран иностранными, в основном английскими и американскими, компаниями. По сведениям иранских специалистов, для обеспечения нормальной работы нефтепромыслов Ирану необходимо было импортировать 150–200 тыс. наименований запасных частей и компонентов. Иранские же предприятия, в том числе Тебризский машиностроительный завод, были не в состоянии полностью удовлетворить запросы нефтяной промышленности в этой продукции. Кроме того, Иран нуждался в иностранной помощи в таких областях, как разведка нефти, технология разработки нефтяных залежей, вторичные методы добычи.

В новых условиях большое значение для Ирана приобрела проблема рынков сбыта сырой нефти. Эмбарго на экспорт иранской нефти в Израиль и ЮАР, которое было введено еще правительством Ш. Бахтияра до победы революции, и особенно решение новых властей об установлении полного контроля над производством и сбытом нефти и газа были встречены крупнейшими англо-американскими монополиями с нескрываемым раздражением. Тем не менее некоторые из них в первые месяцы после формирования в Тегеране нового правительства продолжали и закупку иранской нефти. В последующем, однако, по мере углубления ирано-американского конфликта коммерческие отношения указанных корпораций с Ираном сузились. Непосредственными покупателями иранской нефти становились ее наиболее крупные потребители, например Япония и ФРГ, которые до революции импортировали нефть из Ирана при посредничестве МНК. Поэтому в целом в результате сокращения связей с англо-американскими монополиями число компаний и государств, которым Иран поставлял нефть, значительно увеличилось. Далее, соглашения о поставках нефти иностранным покупателям заключались, как правило, в отличие от прошлого, на менее длительные сроки. И наконец, министерство нефти Ирана предпочитало реализовывать крупные партии нефти на так называемом свободном рынке путем одноразовых сделок. В условиях повышения цен на нефть

в конце 70-х годов это давало возможность получить больше доходов с единицы экспортируемой нефти. Продажная цена иранской (легкой) нефти с 13,45 долл. за баррель в январе 1979 г. возросла до 31 долл. в феврале 1980 г. [51].

Новая иранская политика в области сбыта нефти вызвала противодействие крупнейших нефтяных монополий и правительств Запада, прежде всего американской администрации. Принимая во внимание, что поступления от экспорта нефти оставались жизненно важной и наиболее значительной статьей государственных доходов страны, монополистические круги США приложили немало усилий для того, чтобы создать серьезные трудности для сбыта иранской нефти. Подобную цель преследовал президент Картер, который, используя как повод вопрос об американских заложниках, 7 апреля 1980 г. объявил о решении порвать дипломатические отношения с Исламской Республикой Иран. Одновременно он ввел против Ирана широкие экономические и политические санкции. Еще раньше Картер наложил запрет на импорт иранской нефти и принял решение о замораживании иранских активов (оценивавшихся в 12 млрд. долл.), хранившихся в американских банках. В апреле 1980 г. он дал указание провести их «ревизию». Политическая линия президента США была направлена на то, чтобы создать видимость правовой базы для конфискации принадлежавшей Ирану собственности в том случае, если иранское правительство откажется рассматривать иски американских монополий. Картеру удалось убедить своих союзников в основных вопросах следовать враждебному курсу в отношении Ирана. Европейское экономическое сообщество последовало примеру США, введя в мае 1980 г. торгово-экономические санкции против Ирана. Но не все члены сообщества наложили запрет на импорт иранской нефти. Цель американского руководства была ясна: посредством жестких санкций, в том числе блокированием иранских валютных запасов в Америке, активно содействовать ухудшению экономического положения в Иране и тем самым, ослабить позиции неугодного Вашингтону правительства, заставить ИРИ смягчить свой курс в отношении Запада, пойти на компромисс.

Однако расчеты вашингтонской администрации не оправдались. Американские санкции в политическом плане оказались на руку иранским лидерам, которым удалось под флагом борьбы про-

тив «сатаны номер один» сплотить вокруг себя большинство населения. Неудачей закончилась и предпринятая американцами в ночь с 24 на 25 апреля 1980 г. военно-диверсионная операция против Ирана с целью освобождения заложников. На основе договоренности, достигнутой между Ираном и США, американские дипломаты-заложники покинули Тегеран лишь в январе 1981 г. Тем не менее США под разными предложениями уклонялись от окончательного решения вопроса, связанного со взаимными финансовыми претензиями. Он был в известной мере урегулирован лишь в 1983 г.

Одним из важнейших факторов экономического характера, позволившим новому иранскому режиму частично нейтрализовать отрицательные в экономическом и финансовом плане последствия американской блокады, были доходы от нефти. (Правда, американская блокада не была снята и после освобождения заложников.) Во-первых, благодаря нефтяным поступлениям Иран сумел обеспечить, разумеется не полностью, необходимый для удовлетворения внутреннего спроса импорт продовольствия, сырья, полуфабрикатов, промышленного оборудования и запасных частей. Во-вторых, являясь главной статьей государственных доходов, нефтяные поступления позволили иранскому руководству повысить заработную плату рабочим, служащим и некоторым другим социальным категориям. В-третьих, нефтяные доходы позволили властям приступить к осуществлению программы благоустройства сельских районов (строительство школ, бань, домов, сооружение оросительных систем и т. д.), расширению старых и возведению новых промышленных предприятий и строительству производственной инфраструктуры.

Ирако-иранская война (1980–1988 гг.) с самого начала оказала негативное воздействие на переживавшую спад иранскую экономику, в частности – на нефтегазовую промышленность. В первые же недели вышли из строя крупнейший нефтеперерабатывающий завод страны в Абадане, нефтехимические и другие крупные индустриальные объекты в Хузестане, порты, нефтепроводы, насосные станции, нефтехранилища. В результате резко упали добыча нефти и производство нефтепродуктов, тогда как чрезвычайно возросшие военные расходы требовали увеличения экспорта нефти. Во второй половине 1982 г., после того как иракские войска были в основном оттеснены за пределы иранской территории, Ирану удалось восстановить довоенный уровень добычи

нефти. За один год ее добыча увеличилась на 45% (с 65 млн. т в 1981 г. до 100 млн. т в 1982 г.). Экспорт нефти в 1982 г. равнялся примерно 75 млн. т. В конце 1983 г. ежедневная добыча нефти в стране составляла 2,3–2,6 млн. баррелей, из них 1,8–2,0 млн. экспортировалось.

Вследствие выхода из строя Абаданского НПЗ нефтеперерабатывающие мощности Ирана (1 млн. баррелей в сутки) сократились на 60%. Однако применяемые властями меры для расширения действовавших предприятий дали возможность увеличить их общую мощность до 600 тыс. баррелей в сутки. Производство нефтепродуктов на нефтеперерабатывающих заводах Тегерана, Исфахана (вступил в строй в сентябре 1980 г.), Тебриза и Шираза оценивалось в 17–19 млн. т. В 1983 г. началась эксплуатация крупного газового месторождения в Серахсе (Северо-Восточный Иран). Хангиранский газоочистительный завод, построенный для переработки серахского газа при участии итальянских специалистов, стал крупнейшим иранским предприятием подобного рода: его мощность составляет 21 млн. куб. м газа в сутки. Основным потребителем этого газа стала электростанция в Нека (Мазендаран).

Нефтегазовая промышленность благодаря переходу занятых в ней рабочих на сторону антимонархических сил стала одним из важнейших факторов, вызвавших крах шахского режима. Лишь после этого события впервые стала возможной ликвидация ее связей с иностранными монополиями, в той или иной степени ущемляющими полный суверенитет Ирана над своими естественными богатствами.

В прошлом, в период борьбы против шахской диктатуры, аятолла Хомейни и его соратники резко осуждали Мохаммед-Резу за его нефтяную политику. Они заявляли, что резкое увеличение добычи нефти и ее экспорта служит интересам ведущих капиталистических стран. Но, когда после революции и начала становления ИРИ экономика и финансы пришли в упадок, новые иранские руководители полностью осознали исключительное значение для страны нефтяного сектора.

Для повышения эффективности работы в этой области активная деятельность была развернута министерством нефти. В годы войны с Ираком (1980–1988) вопросы размещения НПЗ, тепловых электростанций, нефтяных и продуктопроводов, строительство новых портов для экспорта нефти в зоне залива и т. д. занимали

большое место в деятельности этого министерства. После окончания войны усилия правительства, связанные с добычей, переработкой и экспортом углеводородов, были направлены на восстановление и модернизацию этой отрасли хозяйства и приобрели еще более значимый характер. Для нефтяного сектора был разработан и осуществлен ряд проектов. Подробное их рассмотрение было проведено видным экспертом в области иранской экономики и нефти Дж. Амузегаром [52].

Сохранение чрезвычайного значения нефтегазовой отрасли для дальнейшего экономического и социально-политического развития ИРИ подчеркивалось и многими другими авторитетными экспертами. Так опытные прогнозисты Энтони Х. Кордесмен и Ахмед С. Хашеми в обширном исследовании по Ирану (1997 г.) писали: «Успех или неудачи Ирана в поддержании и расширении производства нефти и газа будут главным фактором в формировании его экономического будущего и политической стабильности. Иран остается с экономикой, в которой доминирует нефтяной сектор». [53]

ВОЙНА С ИРАКОМ.

УПРОЧЕНИЕ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА

И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Все усилия США, направленные на то, чтобы предотвратить полное отстранение командного состава шахской армии из вооруженных сил нового государства, потерпели крах. Позже, когда либеральные деятели (М. Базарган и др.) попытались вовлечь некоторых генералов или офицеров высокого ранга шахских времен во вновь создаваемые военные структуры, то эти действия вызвали резкое недовольство младших офицеров. Так, один генерал, назначенный командующим ВВС временным правительством, был вынужден уйти в отставку через три дня. Другой бывший генерал шахской армии, утвержденный на этот же пост премьером М. Базарганом, продержался всего десять дней. Попытка премьера воспользоваться условиями ирано-американского соглашения 1959 г. о военном сотрудничестве для приобретения вооружения, вызвала резко отрицательную реакцию среди религиозно-политических руководителей ИРИ [1].

Лидеры хомейнистов в мае 1979 г. создали Корпус стражей исламской революции (КСИР). Они требовали, чтобы чистка шахской армии касалась подавляющего большинства офицерского состава. В этом вопросе между М. Базарганом и первым командующим Корпуса Абу Шарифом (Аббасом Замани) возник острый конфликт. Премьер безуспешно добивался, чтобы отстранение от армии, т. е. чистка, проводилась только среди генералов [2].

Уже в течение первых нескольких недель после образования ИРИ новые власти казнили и репрессировали сотни генералов и старших офицеров шахской армии. По словам министра обороны

Мостафа-Али Чамрана, к февралю 1980 г. были уволены 7500 военнослужащих из числа командного состава [3].

Напомним, что 4 ноября 1979 г. студенты, которые называли себя «сторонниками линии имама Хомейни», захватили посольство США в Тегеране. Заложниками были взяты все американцы, которые находились в здании. Студенты выдвинули условия: освобождение всех заложников возможно лишь в случае выдачи шаха, находившегося в Америке. Во время этого захвата студенты изъяли большое количество секретных документов. Содержавшаяся в них информация позволила властям ИРИ организовать в СМИ широкую кампанию по разоблачению антиреволюционной деятельности офицерского корпуса армии, сотрудников САВАК, полиции и жандармерии в период 1978–1979 гг. Большое внимание уделялось публикациям документов о тайных связях представителей армейского командования и различных силовых структур с США, Англией, Израилем и другими государствами. Эти продуманные меры вели к дискредитации армии. Ко времени, когда шах покинул Тегеран (16 января 1979 г.), общая численность шахской армии составляла 240 тыс. человек (к началу революции – 435 тысяч) [4].

Резкое сокращение численности армии стало одним из результатов революционных событий. Прислушиваясь к призывам Хомейни и других религиозных авторитетов, многие рядовые покидали свои места расположения и возвращались домой. По дороге дезертиры продавали свое оружие.

Распад шахского режима, развал армии и старой администрации вызвали значительные перемены в провинциях. В ряде оставшихся, особенно отдаленных, населенных неперсидскими народностями и полукочевниками, начавшиеся еще в ходе революции волнения переросли в восстания. Надо отметить, что они отличались и по своему составу участников и по выдвигавшимся требованиям. Так, в Туркменской степи требования туркмен были направлены на возвращение плодородных земель, незаконно отнятых у них во время аграрной реформы. В Белуджистане выступления местного населения были связаны с требованиями предоставления им автономии в рамках иранского государства. В остане Курдистан и других районах иранского Курдистана возобновили свою деятельность курдские политические организации (Курдская демократическая партия, Комале и другие). Они

раньше находились под запретом. Появились новые, руководимые религиозными деятелями политические организации. В условиях, когда верховная власть была сосредоточена в руках шиитских религиозно-политических лидеров, иранские курды, в большинстве исповедывающие суннизм, с оружием в руках выступили за официальное признание их прав на самоуправление.

В результате уже в первые месяцы после провозглашения ИРИ на значительной части страны продолжалось политическое противостояние. В ряде регионов вооруженные столкновения приобрели характер гражданской войны. Главной вооруженной силой, которая играла ведущую роль в подавлении всех этих восстаний, была гвардия нового режима – КСИР. В период становления нового исламского режима в КСИР было принято определенное число «городских партизан». Как уже отмечалось, предложение руководителя организации «Моджахеда народа» М. Раджави о сотрудничестве было отвергнуто Хомейни [5]. Это привело к расколу как в рядах активных участников революционного переворота 11–12 февраля 1979 г., так и среди левых сил, поскольку партия Туде и «большинство фedaинов» безоговорочно признали верховенство Хомейни и его последователей [6].

Послереволюционный политический кризис в Иране и его последствия произвели сильнейший резонанс в Ираке. Эта страна относилась к числу партнеров Ирана по ОПЕК. До антимонархической революции в Ираке 1958 г. две страны были союзницами по Багдадскому пакту. Кроме Ирана, Ирак является единственной страной, где большая часть верующего населения исповедует имамитский шиизм. Шиитское духовенство в политическом плане к середина XX века стало очень деятельным и его значительная часть находилась в оппозиции к правящим страной представителям армии, которые, по традиции, рекрутировались среди суннитов. В Ираке была расположена большая часть наиболее популярных среди шиитов святынь и ряд известных религиозных научно-учебных центров [7]. Там обучались шииты из многих мусульманских стран. Немалую часть видных шиитских богословов в этих центрах составляли выходцы из Ирана.

В 1968 г. в Багдаде к власти пришла партия Баас (Партия арабского социалистического возрождения), и отношения между Ираком и Ираном кардинально изменились в худшую сторону. В течение ряда лет шах активно поддерживал вооруженную борьбу

курдов Ирака (под предводительством известного курдского лидера Мостафы Барзани) против багдадского режима. Однако в 1975 г. он решил отказаться от поддержки иракских курдов.

Мирное соглашение, подписанное между шахом и вице-президентом Ирака Саддамом Хусейном весной 1975 г., привело к урегулированию пограничных споров. 13 июня 1975 г. в Багдаде между правительствами двух стран был подписан Договор о международных границах и добрососедских отношениях. Этот документ содействовал расширению торгово-экономических контактов двух стран.

Указанные сдвиги вместе с предпринятыми Багдадом политическими реформами привели к прекращению курдского восстания в Ираке. Но в середине 70-х годов в Ираке началось нарастание политического антиправительственного движения среди шиитов. Шиитскими религиозными деятелями в 1957–1958 гг. была создана организация «Ал Да'ва ал-исламийя» («Исламский призыв»). В 1974 г. траурная процессия в дни ашгура в шиитских районах на юге страны переросла в демонстрацию политического протеста. В результате этой акции пять предводителей «Да'ва» были арестованы и казнены [8]. В дальнейшем руководство Ирака неоднократно подвергало активистов этой партии и других шиитских организаций суровым репрессиям.

8.1. Ирако-иранская война

После победы иранской антишахской революции один из выдающихся шиитских богословов из Наджафа Мохаммед Багир Садр направил Хомейни поздравление. Указывая на шаха, он отмечал, что на его примере «другие тираны увидели свой день расплаты». В данном случае автор имел в виду багдадских руководителей. В этом сомнений не было.

В вопросе о мерах наказания активистов организации «Да'ва» среди иракских лидеров возникли острые разногласия. По слухам, президент Ирака Ахмед Хасан Бакр был противником применения крайних мер наказания. Он опасался, что такой шаг может вызвать широкие антиправительственные выступления. Но большинство членов Совета революционного командования (СРК) поддержали сторонника более радикальных мер – Саддама Хусейна. 17 июля 1979 г. он стал новым президентом Иракской республики. Бакр ушел в отставку.

Саддам Хусейн немедленно приступил к проведению планомерной кампании репрессий против руководителей и активистов шиитской оппозиции.

Немалый «вклад» в дело ужесточения репрессий иракского правительства в отношении шиитов и разворачивания враждебной кампании против ИРИ внесла откровенная антисаддамская пропаганда самих хомейнистов. Иранские СМИ открыто призывали иракскую армию к свержению власти С. Хусейна, роспуску партии Баас. Они называли аятоллу Садра «иракским Хомейни» и т. д. Репрессии против оппозиционных организаций в Ираке усилились. Тайно были казнены аятолла Садр и его сестра – видный знаток истории шиитского ислама Бинт ал-Худа [9]. В марте 1980 г. иракские власти казнили большую группу (97 человек) членов «Да'ва», состоящую из гражданских лиц и военнослужащих. Еще 8 апреля Хомейни обратился к иракской армии с призывом свергнуть Саддама Хусейна.

В ответ на призывы о свержении Ирак предпринял вооруженное вторжение на территорию Ирана. Иракские войска разбомбили приграничный иранский город Касре-Ширин, а власти депортировали 15 тыс. иракских граждан иранского происхождения. В июне 1980 г. состоялся разрыв дипломатических отношений между двумя странами. Иракский президент аннулировал ирано-иракский договор 1975 г.

Естественно, что при решении вопроса о войне против Исламской Республики Иран Саддам Хусейн и его сторонники из СРК принимали в расчет ее тяжелое внутривосточное положение. Для Ирака же семидесятые годы оказались временем устойчивого финансово-экономического подъема. С 1970 г. по 1978 г. ВВП на душу населения возрос с 630 до 3021 долл. В 1979 г. валютные запасы республики равнялись 38 млрд. долларов. Иракская армия к 1980 г. была самой мощной и оснащенной силой в зоне Персидского залива. Она имела опыт вооруженной борьбы против курдских повстанцев. В то же время бывшая иранская армия в этот период переживала эпоху распада. Корпус стражей был занят подавлением оппозиционных восстаний. Продолжалось противостояние ИРИ с США.

Антииранские настроения иракского руководства не только поддерживались, но и подспудно поощрялись Западом, прежде

всего США, а также Саудовской Аравией и некоторыми другими государствами региона.

Ирак начал военные действия против Ирана внезапно. 22 сентября 1980 г. иракские самолеты разбомбили десять военных авиабаз на территории Ирана [10]. На следующий день бомбовым ударам был подвергнут крупнейший НПЗ (нефтеперерабатывающий завод) в Абадане. В этот же день примерно одна четверть 330-тысячной армии Ирака в разных местах перешла границу расположенного на юго-западе иранского остана Хузестан. Именно здесь находилось большинство нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих и нефтеэкспортирующих центров Ирана. К концу ноября 1980 г. иракские войска оккупировали почти треть территории Хузестана.

Несмотря на сложность внутривнутриполитической обстановки, некоторые иранские руководители восприняли начавшуюся не по их воле войну как благодать. В известной степени они ее спровоцировали. В первую очередь, здесь можно назвать самого вождя иранской революции аятоллу Рухолла Хомейни. Он был глубоко убежден, что начавшаяся война позволит находившимся на духовном и религиозном подъеме иранцам одержать внушительную победу над агрессором и тогда он сможет приступить к осуществлению заветной идеи: экспорту исламской революции за пределы Ирана.

И действительно, в ответ на иракское вторжение, как это справедливо отмечает Дилип Хиро, «Иран испытал большую волну патриотизма». «Грузовые машины, которые были использованы для эвакуации женщин, детей и стариков из городов Хоррамшахр, Абадан и Ахваз, — подчеркивает он, — возвращались обратно с добровольцами со всей страны» [11]. На защиту своей родины встало большое количество иранцев. Иракские власти уверяли своих воинов, что в Хузестане местные арабы будут их встречать как своих освободителей. Однако вооруженные силы Ирана оказали захватчикам энергичное сопротивление, в которое активно включилось немало иранских арабов и даже частично курдских автономистов.

Характерно, что не оправдались надежды и хомейнистов, а также прогнозы политологов-экспертов, которые указывали на большую вероятность массовых выступлений иракских шиитов против режима руководителей партии Баас. Объясняется это не

только тем, что перед началом вторжения в Иран, как было отмечено выше, Саддам Хусейн предпринял жестокие репрессии против воинствующих шиитских организаций и их лидеров. Дело в том, что среди ведущих шиитских богословов и политиков Ирака в отношении религиозно-политических полномочий и обязанностей духовных авторитетов существовали различные суждения. Как было подчеркнуто, концепция Хомейни о роли ведущего и общепризнанного факиха в мусульманской общине (стране) окончательно была сформулирована и провозглашена во время его пребывания в Наджафе. Эта идея была разработана как ответ воззрениям одного из крупнейших шиитских улемов, иранца по происхождению, жившего в Наджафе, аятоллы Аболь-Касема Хои (1899–1992 гг.). В отличие от Хомейни, Хои был противником расширенного толкования прав и полномочий мусульманского законоведа (факиха) и распространения его прерогативы на сферу политической жизни и особенно государственного правления. Хои обладал непререкаемым авторитетом среди значительной части шиитов, проживавших за пределами Ирана: в Ираке, Сирии, Ливане, Индии и Пакистане. Они признавали его «объектом своего подражания» («марджа'е таклид»), высшим духовным вождем. Все эти обстоятельства дают возможность понять, почему довольно большая часть шиитов Ирака в ходе войны между двумя странами отказались активно поддерживать ИРИ [12]. Тем не менее среди иракских шиитских религиозно-политических деятелей были и те, кто воевал на стороне иранцев.

Существенное значение в развязывании ирако-иранской войны имел нефтяной фактор. Согласно Фуаду Мурси, известному исследователю политических проблем средневосточной нефти, эта война в значительной степени стала результатом политики подстрекательства сверхдержав и нефтяных монополий Запада. Если израильско-арабская война 1973 г. содействовала усилению контроля нефтедобывающих стран над своими ресурсами, то, по заключению Ф. Мурси, ирако-иранское столкновение привело к резкому ослаблению позиций стран ОПЕК. Существенно сократились добыча и экспорт нефти из двух стран. Это означало, что фактически Западу удалось усилить свое влияние на мировом рынке нефти [13].

В то же время с началом войны усилились разногласия между членами ОПЕК, особенно в определении квоты объема добы-

ваемой нефти. Это снизило их влияние на ситуацию на мировом рынке нефти, прежде всего – в вопросе ценообразования.

К началу ирако-иранской войны одна шестая часть производимой членами ОПЕК нефти приходилась на долю Ирака и Ирана вместе взятых. Но уже через месяц после начала войны иракское производство упало с 3,4 млн. до 400 тыс. баррелей. За этот же период производство нефти в ИРИ с 1,3 млн. сократилось до 450 тыс. баррелей. Доходы Ирака за 1980–1981 гг. уменьшились с 26,1 млрд. долл. до 16,4 млрд. долл. Валютные поступления ИРИ в 1979 г. составляли 20,5 млрд. долл., в 1980 г. – 13,5 млрд. и в 1981 г. – 9,3 млрд. долл.

Прежде чем охарактеризовать сам ход войны и ее последствия для Ирана, следовало бы обратить внимание на один весьма важный вопрос. Какую же цель преследовали руководители Ирана и Ирака, когда преднамеренно шли к войне? Естественно, каждое из этих государств рассчитывало сокрушить, победить другое. О своих задачах и о возможностях их осуществления они заявляли откровенно. Но при глубоком и трезвом размышлении лидеры обоих государств могли прийти к выводу, что мировое сообщество в лице великих держав никоим образом не позволит одному государству разгромить другое, одержать военную победу в полном смысле этого слова. Ни одна сверхдержава, ни один из двух военных блоков этого не допустили бы. Победа либо одной, либо другой страны могла бы привести к установлению контроля одного из этих двух государств над колоссальными ресурсами нефти и газа в зоне Персидского залива. Уже сам по себе этот факт мог представлять реальную угрозу для позиции сверхдержав Запада на мировом рынке энергоносителей. Тем более что ИРИ провозглашал программный лозунг о своем отрицательном отношении как к Западу (капиталистическому), так и к Востоку (социалистическому), тем самым откровенно претендуя на место сверхдержавы и на роль лидера исламского мира. Опираясь на этот анализ, можно сделать следующее заключение: сверхдержавы позволили воевать Ираку и Ирану между собой, но ни одна сторона не должна была разгромить своего противника. Таков был вердикт наиболее могущественных игроков глобальной геополитики. Кстати, в так называемой доктрине Картера Персидский залив рассматривался в качестве зоны жизненных интересов США и Запада. Это ясно означало, что США не до-

пустят крутого изменения баланса сил в регионе. Однако руководители обоих государств этот расклад мировой политики не учли.

Ответ Ирана на внезапное нападение иракских войск был достаточно быстрым и веским. Вскоре после первого бомбового удара противника на иранские авиабазы 140 военных самолетов (в основном «Фантомов Ф-4») поднялись в воздух и нанесли бомбовые удары по центрам иракской нефтяной и нефтехимической промышленности: по Мосулу, Киркуку и Басре. Опасаясь налетов иранской авиации, Багдад разместил большую часть своих самолетов в соседних арабских странах – Иордании, Саудовской Аравии, Кувейте и др. [14].

Необходимость организовать сопротивление иракским войскам в Хузестане (захват этого остана был главной целью Багдада) вынудило религиозно-политическое руководство ИРИ ограничить широкую кампанию репрессий в отношении высокопоставленных членов бывшей шахской армии, замешанных в подготовке антиправительственного переворота летом 1980 г. Для разрешения данного вопроса много усилий предпринял президент А. Банисадр. В этот период он получил от Хомейни чрезвычайные полномочия главнокомандующего.

Тем не менее, как было показано в предыдущей главе, конфликт группировки, возглавляемой лидером партии исламской революции М. А. Бехешти и премьером М. А. Раджаи с Банисадром и либерально-демократической оппозицией, принес огромные невосполнимые потери обеим сторонам. Главным результатом этой жесткой конфронтации явилось упрочение власти шиитских религиозно-политических деятелей прохомейнистского толка. Либерально-продемократическая оппозиция была отстранена от борьбы за власть.

Пока продолжалась острая внутренняя борьба, война между Ираном и Ираком носила в основном позиционный характер. Но после полного захвата верховной власти религиозно-политическими деятелями для иранского руководства военный конфликт приобрел первостепенное значение.

22 сентября 1981 г., в годовщину начала войны Ирака против ИРИ, иранцы развернули широкое наступление в районе Абадана. Оно было нацелено на снятие осады города. Войска успешно выполнили эту задачу. Освобождение Абадана явилось первой крупной победой иранцев в ходе войны. В ходе операции в плен

были взяты около 2000 иракцев, захвачено два десятка танков противника. Итог второй атаки иранцев 29 ноября – оставленные на поле сражения 100 иракских танков, 70 бронетранспортеров, 70 противовоздушных орудий и т. д. Успешными оказались и военные действия иранцев по освобождению приграничных городов Шуш и Дизфуль. Они продолжались в течение трех дней: 22, 27 и 29 марта 1982 г. Более длительной стала наступательная операция, начатая иранцами в конце апреля того же года. Она завершилась освобождением города Хорремшехра, оккупированного иракцами в самом начале войны. Сражение за Хорремшехр отличалось своей ожесточенностью. Иракским войскам удалось остановить наступление иранцев в районе населенного пункта Саламче, расположенного на территории Ирака, северо-западнее Хорремшехра.

В результате этих действий соединенные иранские войска, состоящие из регулярной армии и КСИР, достигли значительных успехов. К 24 мая Хоррамшахр и его окрестности (всего 3 200 кв. миль) были очищены от иракских войск. 19 тысяч иракцев попали в плен [15]. В качестве трофеев у иранцев оказалось 105 танков, 56 бронетранспортеров, большое число боеприпасов.

Принимая во внимание, что инициатива перешла в руки вооруженных сил ИРИ, 20 июня 1982 г. президент С. Хусейн заявил о полной добровольной эвакуации с иранской территории [16]. 26 октября правительство Иракской Республики сделало официальное сообщение о признании условий двухстороннего договора 1975 г. относительно межгосударственных границ. Но Тегеран отказался приступить к мирным переговорам.

Иранское руководство расценило освобождение Хорремшехра как счастливое предзнаменование. Тем более что к этому времени представителям ИРИ удалось договориться с некоторыми командирами курдских ополченцев (прежде всего из Ирака) о совместных операциях против войск Саддама.

29 июня из Багдада пришло сообщение о полном выводе иракских частей с иранской территории. Эту информацию иранские СМИ называли ложью.

Начиная с весны 1982 г. Хомейни, президент Али Хаменеи, спикер парламента А. Хашеми-Рафсанджани, аятолла Монтазери, организатор наступательных операций полковник Сеид Ширази стали в унисон утверждать, что вскоре полная победа над Садда-

мом Хусейном приведет к созданию исламского государства, объединяющего территории Ирана и Ирака [17].

Молодые иранские муллы вели широкую пропаганду среди неимущих, бедных слоев населения в селах и городах, призывая их войти в число добровольных участников «джихада» («священной войны» в данном случае) против «кофра» («неверия»). Тысячи и тысячи иранцев, поддаваясь этой агитации, записывались в подразделения «Басидж-е мустазафин» («мобилизация обездоленных»), чтобы встать в ряды «шахидов» («мучеников») во имя торжества шиитского ислама. В отряды «Басиджа», по сведениям зарубежных СМИ, рекрутировались все – от подростков до мужчин пожилого возраста.

После начала войны был учрежден специальный «Фонд мученика» («Боняд-е Шахид»). Его цели – организация помощи и поддержки семьям погибших на фронте мучеников. Эффективная помощь также оказывалась семьям бойцов, потерявших свою трудоспособность. Эти меры позволили превратить подразделения «Басидж» в ударные передовые силы при наступательных операциях.

В июле Иран приступил к проведению операции «Рамазан» в районе города Басра. В ней участвовали подразделения КСИР и «Басидж». Цель операции заключалась в расчищении пути для прохода танковых частей при помощи добровольно идущих на смерть бойцов из «Басиджа». По свидетельству экспертов, «Рамазан», по числу участников, явилась одной из самых больших (со времен окончания Второй мировой войны) наземных военных операций. Но иранцам не удалось выполнить поставленную боевую задачу. Сразу после комбинированных воздушных и наземных атак иракское командование немедленно приступило к восстановлению минных преграждений и оборонительных фортификаций, уничтоженных иранцами ценой огромных человеческих потерь.

В конце 1982 г. объединенные вооруженные силы ИРИ провели еще три наступательных операции. В результате вдоль линии фронта, в ее центральной и южной частях, были захвачены три небольших участка иракской территории.

Весной 1983 г. начался, по освещению иранской стороны, третий период войны. Как и все предыдущие военные операции, она имела кодовое название. Это было арабское слово «Вал-

Фаджр» («Фаджр» по-арабски «Заря»). Иранские СМИ придавали этому названию особый религиозно-политический смысл. Утверждалось, что оно связано с предполагаемым освобождением иракских шиитов из-под власти С. Хусейна и партии Баас. Особое ударение делалось и на то, что одновременно будут покорены наиболее почитаемые шиитами города-святыни – Наджаф и Кербела.

Экономический и людской потенциал, а также подъем патристически-религиозных настроений среди широких масс позволили иранскому руководству отправлять на фронт все большее число новобранцев. Тем не менее проведенные в течение 1983 г. три новые крупные наступления против вооруженных сил Ирака оказались малорезультативными. В то же время они стоили Ирану значительных человеческих жертв. По подсчетам специалистов, к концу 1983 г. на фронтах было убито 120 000 иранских и более 60 000 иракских бойцов [18].

Несмотря на подобные потери, в конечном счете в 1984–1987 гг. в так называемой «войне на истощение», когда воевавшие стороны подвергали воздушным налетам экономические центры и гражданские объекты, по мнению военных экспертов, успех оказалась за иранцами.

После перемещения линии фронта на иракскую территорию возросла интенсивность военных действий. На собственной территории иракские войска оказывали противнику ожесточенное сопротивление. В ряде случаев иракская армия смогла осуществить массированные контрнаступления. Тем не менее объединенные иранские силы достигли ряда значительных успехов.

В 1984 г. обе воюющие стороны изменили свою тактику.

В феврале иранские войска развернули наступление и захватили два искусственных острова. Они называются Маджнуном [19]. На островах эксплуатировалось пятьдесят нефтяных скважин, здесь же находится (по подсчетам специалистов) одна шестая часть нефтяных запасов Ирака. В начале марта иракцы начали интенсивное контрнаступление с целью освобождения указанных островов, применив при этом ядовитый газ. В ходе обороны своих позиций «Басидж» и КСИР потеряли убитыми свыше 20 тыс. человек, 30 тыс. человек были ранены.

Весной 1984 г. Ирак нанес воздушные удары по танкерам, находившимся в северной части Персидского залива. Стратегическая задача – подрыв возможности Ирана продолжать экспорт

сырой нефти. Особенно массовой атаке подверглись современные нефтеналивные установки на острове Харк, представляющие собой главный объект по экспорту сырой нефти. С. Хусейн имел также и политические задачи. Ему казалось, что сокращение экспорта нефти вынудит Хомейни пойти на мирные переговоры. В результате налетов иракских ВВС на о. Харк объем погрузки нефти на танкеры уменьшился на 80%. Иранские вооруженные силы тоже атаковали танкеры, прибывавшие в северную часть залива за иракской нефтью. К 1987 г. в зоне Персидского залива нападениям подверглись 314 танкеров под различными флагами. Из них 70% были атакованы Ираком. «Танкерная война» вызвала резкое недовольство Атлантического союза, и прежде всего США. Число военных кораблей в Персидском заливе стремительно увеличилось. Возникла опасность интернационализации войны в заливе. Судя по всему, Багдад этого и добивался. К середине 1984 г. иракские военные самолеты увеличили количество своих налетов на промышленно-экономические центры и города. Иран ответил теми же мерами, уже с участием ракетного оружия. Началась настоящая «война городов».

Усиление воздушных налетов иракской авиации на западные и северо-западные приграничные районы Ирана привело к большим потерям среди мирного населения. Произошли поистине колоссальные разрушения и упадок в сфере экономики [20]. Около миллиона иранцев нашли себе прибежище и укрытие на территории соседней Турции. По некоторым сведениям, четверть из них составляли молодые иранцы призывного возраста, уклонившиеся от военной службы.

В марте 1985 г., когда обе стороны приступили к бомбардировке столиц, начался новый этап в ирако-иранской войне. В феврале 1986 г. иранцы достигли важного успеха. Ими был оккупирован нефтяной порт – остров Фао. Однако с конца 1986 г. вооруженные силы Ирана явно лишились своего преимущества. Это произошло после провала очередной наступательной операции под кодовым названием «Кербела». В феврале 1988 г. иракцы атаковали Тегеран крупными ракетами, иранцы ответили тем же.

К весне 1988 г. развитие военно-политической ситуации как в зоне Персидского залива так и на иракском фронте ничего хорошего не предвещало. Одновременно командование американских вооруженных сил в регионе все чаще демонстрировало свою

готовность проучить иранцев. Такой повод они нашли 14 апреля 1988 г. когда фрегат «Самуэл Б. Робертс» столкнулся с миной. Судно получило повреждение, десять членов команды корабля были ранены. Американские эксперты установили, что мина была иранского производства. Президент Р. Рейган немедленно принял решение о необходимости возмездия.

Это было время когда между иранскими и иракскими вооруженными силами шли ожесточенные бои за остров Фао. Остров-порт, который имел важное стратегическое значение, находился между входом в Шатт-эль-Араб и портовым городом Басра. Он был захвачен иранцами в 1986 г. В апреле президент Саддам Хусейн приказал Седьмой иракской армии при поддержке элитной президентской гвардии провести широкое наступление с целью освобождения острова. 18 апреля после 36 часового блицкрига иракцам удалось овладеть островом [21].

В тот же день американские вооруженные силы нанесли сильный удар по военным и экономическим объектам ИРИ в северной и центральной части Персидского залива.

В этом тщательно спланированном нападении принимали участие американские военные корабли, морские пехотинцы, военно-воздушные силы, в том числе самолет F-14 «Томкэт» с авианосца «Энтерпрайс». Американские морские пехотинцы подожгли, а потом разрушили иранскую нефтяную платформу Сасан. Другая платформа, Сирри, была разрушена артиллерийским огнем из двух американских фрегатов. Были потоплены всего шесть кораблей и быстроходных катеров ИРИ [22]. Иран понес весьма значительный ущерб.

С апреля по июнь 1988 г. почти все оккупированные ранее иранцами территории были освобождены иракцами.

В июне 1988 г. от иранцев были очищены острова Маджнун, болотистые места севернее Басры, а также населенный пункт Саламче.

В этот же период над Персидским заливом ракетой, выпущенной ВМС США, был сбит гражданский аэробус, который принадлежал иранской авиакомпании «Иран Эйр». На его борту находилось 298 человек, среди них 117 женщин и детей.

В результате ряда действий вооруженных сил Ирана в зоне залива возникла вероятность военного конфликта между ИРИ и Саудовской Аравией.

Эти события резко обострили военно-политическую обстановку в регионе.

Хомейни сместил бригадного генерала Сохраби с поста начальника генштаба вооруженных сил. На его место был назначен председатель меджлиса Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани.

К этому времени США стали в военном отношении самым сильным государством в зоне Персидского залива. Здесь у них находилась армада, в которую входили 27 кораблей различного назначения.

Военные неудачи вооруженных сил ИРИ не носили временного характера. Тактика наступления, применяемая иранской стороной, с так называемыми «людскими волнами», которые приводили к огромным жертвам, все больше вызывала недовольство среди простых иранцев. Главными жертвами подобных операций становились недостаточно обученные юноши и даже дети из сельских районов, из бедных семей городских низов. Продолжение использования такой тактики в войне стало подвергаться критике даже среди иранских руководителей. Некоторые реалистически мыслящие иранские лидеры осознавали, что следует отказаться от пропаганды экспорта исламско-шиитской революции в Ирак. К этому времени уже было ясно, что большинство иракских шиитов, состоящих из арабов, не желают поддерживать иранское руководство и идеи Хомейни относительно духовно-политической власти факиха.

Все эти обстоятельства, а также усиление военного присутствия США в зоне Персидского залива и, в частности, нападение американских вооруженных сил на военно-экономические объекты ИРИ в заливе вызывали сильное беспокойство у большей части иранского руководства. Как раз в это время вновь обострилась тяжелая болезнь руководителя ИРИ Хомейни. Некоторые его соратники, еще недавно вместе со всем руководством повторявшие в своих публичных выступлениях лозунг Хомейни о необходимости продолжения войны до сокрушения власти Саддама Хусейна и партии Баас в Ираке, стали опасаться последствий продолжения военных действий против Ирака. Эта война все более приобретала черты характера тотальной войны. Ее последствия грозили стране еще большим разрушением экономики.

16–18 июля, после продолжительной дискуссии между сторонниками продолжения военных действий и теми, кто выступал

за немедленное прекращение огня, члены Высшего Совета Обороны (ВСО) ИРИ единогласно приняли решение обратиться к Хомейни с просьбой принять без предварительных условий резолюцию 598 Совета Безопасности ООН. Эта резолюция касалась условий прекращения огня между Ираном и Ираком. Руководитель ИРИ по радио сообщил народу о своем согласии с решением ВСО.

По этому вопросу 18 июля 1988 г. Генеральный секретарь ООН получил официальное письмо иранского президента. Воспользовавшись некоторым замешательством среди вооруженных сил ИРИ, иракские войска вновь захватили свои территории в курдских районах.

8.2. Иран после Хомейни. Политика экономической либерализации А. Хашеми-Расфанджани

Аятолла Рухолла Хомейни умер 3 июня 1989 года. Еще до его смерти в течение почти целого года в иранском руководстве шла острая, вначале подспудная, политическая полемика между так называемыми «радикалами» и «прагматиками» относительно верховной исполнительной власти и места в ней президента. Группа, возглавляемая С. А. Хаменеи и А. А. Рафсанджани, выступала за отказ от существующей системы, в которой президент не был облечен существенной исполнительной властью. Созданный для разрешения этого вопроса комитет высказался за предложения группы Хамнеи – Рафсанджани. Пост премьер-министра был упразднен. Исполнительная власть президента расширилась. После смерти Р. Хомейни руководителем ИРИ был избран Сейид Али Хаменеи. Новым президентом и главой правительства республики стал Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани.

Несмотря на давление, оказанное на него со стороны исламских радикалов из меджлиса, Рафсанджани отказался включить в состав своего правительства некоторых влиятельных религиозно-политических деятелей. В то же время он пригласил на ключевые посты министра экономики и финансов и управляющего центральным банком соответственно Мохсена Нурбахша и Мохаммеда Адели, получивших на Западе высшее техническое образование.

Хаменеи и Рафсанджани продолжали свое тесное сотрудничество, в частности прилагая большие усилия, чтобы в новых условиях члены меджлиса по возможности не оказались под влиянием исламских радикалов. Прежде всего, благодаря их энергич-

ной совместной деятельности в состоявшихся в апреле и мае 1992 г. двухраундовых выборах в первый постхомейнистский меджлис в большинстве своем были избраны их сторонники. Видные лидеры крайних исламских радикалов, в частности Мехди Карруби, Али-Акбар Мохташеми, Садек Халхали, Мохаммед Хоениха, Фазел Харанди, лишились своих политических позиций. Они не были избраны в меджлис нового созыва. Годы пребывания у власти правительства А. А. Рафсанджани стали временем консолидации нового исламского государства и становления его основных политико-правовых и социально-экономических институтов.

Важнейшим составляющим элементом политики экономической либерализации, осуществляемой правительством президента Хашеми-Рафсанджани, явился сдвиг в сторону свободы рыночных отношений. Этот курс, в частности, включал в себя продажу рабочим и служащим акций ряда находящихся под контролем государства производственных объектов; позитивное отношение к частным иностранным капиталовложениям в иранскую экономику; образование совместных ирано-иностраннх компаний; сотрудничество иранского капитала с многонациональными компаниями; образование свободных торговых зон и т. д.

Также были предприняты меры по активизации деятельности исламизированной кредитно-банковской системы и страховых компаний.

В общей сложности осуществляемые правительством реформы, которые Дж. Амузегар назвал «перестройкой Рафсанджани», сыграли существенную роль в возрождении иранской экономики в послевоенный период.

Правительство добилося успехов по восстановлению сильно пострадавших в период войны с Ираком городов, сел, коммуникаций и промышленных объектов. Заметные достижения наблюдались в области восстановления и развития нефтегазовой промышленности.

Всесторонний анализ перемен в состоянии иранской экономики и финансов за 1979–1993 гг., включающий период реформ правительства Хашеми-Рафсанджани, дан в фундаментальном труде Дж. Амузегара «Иранская экономика в период Исламской республики» (1997 г.) [23]. Результаты его исследований свидетельствуют, что избранная в конце 80-х годов иранским руководством прагматическая, смешанно-рыночная модель развития фактически явилась в значительной степени отходом от первоначаль-

ных наметок по «исламской экономике». При этом как главе правительства, так и поддерживавшему его новому руководителю (Сейид Али Хаменеи) для перехода к указанной модели (кстати, включавшую возрождение разработки пятилетнего плана развития) пришлось выдержать серьезное противостояние со стороны консервативного крыла религиозно-политической элиты.

Любопытно, что, признавая позитивные результаты новой экономической политики Хашеми-Рафсанджани, Дж. Амузегар выдвигает тезис относительно не потерпевшего изменений (после революции) статуса экономики и ее основополагающих принципов. Думается, что в этих утверждениях в известной степени дает о себе знать субъективизм автора. Называемые им «удивительными» аспекты иранской экономики, по нашему мнению, прямо связаны с тем влиянием, которое оказывает на хозяйственную и политическую жизнь Ирана поступления от экспорта продуктов нефтегазовой промышленности. Тем не менее упомянутые тезисы представляют собой научный интерес, поскольку в них содержится ряд серьезных объективных обобщений и замечаний относительно результата политики руководителей ИРИ в период президентства Расфанджани. Дж. Амузегар пишет:

«Из всех ожидавшихся последствий революции 1979 г. в Иране существенно не изменившийся статус экономики страны остается главной загадкой. Исламская революция – эпохальное событие, которое справедливо ставится в один ряд с революциями в России и на Кубе, как одно из величайших национальных потрясений столетия, удивительнейшим образом, в отличие от первых двух, оставило основные характеристики унаследованной экономики неизменными. В то время как в структуре политической власти произошли кардинальные и далеко идущие изменения, основополагающие принципы экономики не претерпели каких-либо существенных изменений. Эта последовательность на фоне общих изменений выделяется как один из наиболее удивительных аспектов Исламской Республики.

С момента падения монархии в феврале 1979 г. Иран во многих отношениях претерпел значительные изменения. В сфере политики возникла многополярная система принятия государственных решений и тем самым политика правительства стала подвергаться эффективному контролю и определяться балансом интересов. Руководители страны, президент, меджлис, Наблюда-

тельный совет, Совет экспертов, Совет по определению политической целесообразности принимаемых решений и другие средоточия власти (а именно – великие аятоллы, пресса, руководители пятничных молитв) – все оказывают влияние на судьбу нации. Хотя, участвуя во власти, они не являются полностью независимыми друг от друга и далеко не факт, что они получают мандат доверия народа, все эти центры власти часто могут проваливать конкретные решения или, наоборот, содействовать в продвижении других. Хотя режим Пехлеви никогда не являлся в чистом виде режимом правления одного человека (а именно это – общепринятый факт), сменившая его властная структура оказалась еще более политически децентрализованной.

В плане структурной организации было создано несколько революционных органов (нахад-е энгелаби), которые дублировали функции обычных правительственных структур, унаследованных от прежнего режима. Так, например, наряду с регулярными вооруженными силами были сформированы Сепак-е Пасдаран (Корпус стражей исламской революции) и Басиж (армия добровольцев, состоящая из молодежи и пожилых людей из нижних социальных слоев населения). До 1990 г. наряду с подразделениями полиции и жандармерии обеспечением закона и порядка занимались и районные комитеты. В 1990 г. все три структуры были объединены. Организация «Созидательный Джихад» как агентство по развитию следует за планово-бюджетной организацией и является конкурентом министерству сельского хозяйства. Нескольким получастным организациям и фондам была поставлена задача дублировать функции государственных учреждений и предоставлять соответствующие услуги. Через эти параллельные структуры режиму удалось обеспечить проведение своей линии в соответствующих учреждениях и организациях, не рискуя вызвать опасную политическую нестабильность или экономический хаос путем полной замены унаследованных госучреждений и организаций.

Административная политика Исламской Республики характеризуется, в основном, тоталитарным подходом (в противовес авторитарному характеру шахского режима). Этот тоталитаризм очевиден и проявляется в повсеместной исламизации всех важнейших экономических центров страны. Каждая государственная или полугосударственная экономическая организация обязана иметь в своем руководящем органе представителя духовенства; в

каждом министерстве, агентстве или бюро есть исламский комитет; все основные профсоюзы руководятся советом исламских рабочих. Присутствие этих исламских «комиссаров» в структурах важных экономических организаций превратило государственную бюрократию в раздробленные, полунезависимые центры власти, не имевшие возможность координировать свою деятельность. В условиях, когда религиозные представители или управляющие выступают от имени разных источников религиозной власти, решения или распоряжения, принимающиеся каким-либо органом (будь то даже суд), часто игнорируются, затягиваются или вовсе отменяются другими органами. Из-за «распыленности» руководства результат любого шага или действия в экономике никогда нельзя предсказать до окончания его осуществления. Присущая подобной системе неопределенность продолжает оставаться одним из сдерживающих факторов развития и недостатков режима.

Вопреки вышеприведенным политическим, административным и структурным изменениям, а также несмотря на попытки Исламской Республики представить свое руководство иранской экономикой как истинно «исламское» – и диаметрально противоположное периоду шахского правления, – похоже, что сохраняющаяся в значительной степени последовательность в сфере экономики стала скорее правилом, чем исключением... В течение 14 лет после революции иранская экономика управлялась не столько в соответствии с исламскими идеалами и понятиями, сколько во многом особым импровизированным и зачастую противоречивым способом. В то время как лозунги уличных демонстрантов продолжали выдерживаться в происламских и антизападных тонах, основной «путеводной звездой» экономики страны была смесь капитализма, социализма, популизма и прагматизма, покрытая сверху налетом ислама, – т. е. была создана экономическая система, не отличавшаяся значительно от системы, существовавшей во время шахского правления, за исключением ее внешних проявлений. И, не принимая во внимание некоторые косметические, поверхностные изменения в номенклатуре, экономическая реальность одержала верх над революционными лозунгами» [24].

Дж. Амузегар пишет о своем желании не преувеличивать или не подчеркивать «значительную меру последовательности в экономике» двух режимов. Тем не менее в дальнейших рассужде-

ниях ему не удалось последовать этому принципу. Особенно это бросается в глаза, когда автор сравнивает некоторые пункты так называемого второго издания шахских реформ с конкретными реформами руководства ИРИ. В условиях нараставшего социально-экономического кризиса главной целью шахских реформ стало манипулирование общественным мнением в пользу пропаганды «шахской революции». Фактом остается то, что эти новые пункты реформ не сыграли никакой роли ни в повышении популярности «шахиншахской системы», ни в ослаблении надвигавшегося оппозиционного движения, ни в обуздании возникшего неожиданно финансового кризиса.

Естественно, от Дж. Амузегара трудно было ожидать строгой научной объективности в оценке провала шахских реформ. В годы нефтяного бума он явился одним из архитекторов экономической и финансовой политики шахского режима и в формировании политики абсорбции потока нефтедолларов. Как было сказано выше, она оказалась для Ирана губительной.

Его брат, Джемшид Амузегар, возглавил не только правительственный кабинет, но и промонархическую партию бюрократической буржуазии «Растахиз» («Возрождение»). Это было время, когда иранское общество неумолимо двигалось в сторону антимонархического восстания. В январе 1978 г. состоялся шумный съезд партии «Растахиз», осудивший антиправительственные выступления иранских студентов и требовавший их исключения из ВУЗов. Съезд стал одним из тех событий, которые способствовали углублению антимонархических настроений в иранском обществе.

Разумеется, эти факты никоим образом не лишают права автора анализировать достижения и промахи экономической политики новых иранских руководителей. В упомянутой монографии и некоторых других исследованиях Дж. Амузегара встречается ряд весьма объективных и ценных критических замечаний в отношении экономической политики руководства ИРИ. Но дело в том, что некоторые проблемы иранского общества были унаследованы от шахского периода. Противопоставив исламский образ правления и хозяйствования как шахскому, так и западному, и социалистическому, новые иранские лидеры приступили к поискам новых форм организации учреждений, в частности банков, производственных предприятий, институтов социальной помощи, профсоюзных организаций и т. д.

Одной из таких сфер, где поиски привели к заметным новшествам, явилось образование больших конгломератов из различного рода производственных, строительных, коммерческих и иных предприятий. Подобные учреждения, которые появились сразу после образования Исламской Республики, называются по-персидски «бонядом» («боняд» – фонд). Каждый из таких фондов имеет специальное назначение и свою сферу деятельности. Так, один наиболее значительный из них – «Фонд обездоленных и инвалидов» («Боняд-е мостафазан ва джанбазан») – был создан в марте 1979 г. Он был основан на базе конфискованных предприятий, других форм недвижимого имущества, ценностей и т. д. Все они принадлежали шаху, членам его рода и высокопоставленным чиновникам. К середине 80-х годов «боняд» полностью или частично владел 64 мелкими и большими рудниками; 5000 мелкими производственными предприятиями; 20 тыс. единиц недвижимого имущества (дома, поместья, сады и т. д.); 150 промышленными предприятиями (металлообработка, производство текстильных, пластиковых, химических и металлических изделий, выпуск строительных материалов, доки и т. д.); 140 строительными компаниями; 250 коммерческими и ремесленными объектами и многим другим. Второй по величине фонд «Боняд-е шахид» («Фонд мученика») к началу 90-х годов владел 150 компаниями в области сельскохозяйственного производства и строительства.

Упомянутые фонды представляли собой полуобщественные организации, находившиеся под прямым управлением или контролем религиозно-политических деятелей. Сфера их общественно-хозяйственной деятельности была очень широка – от издания газет до строительства домов для бездомных семей. К началу 90-х годов их совокупный бюджет равнялся приблизительно половине общенационального бюджета правительства.

8.3. Начало диалога «двух цивилизаций»

Общественно-политическое развитие ИРИ продолжало удивлять своими непредсказуемыми поворотами. Когда весной 1997 г. в стране началась кампания по выборам президента, то многим политическим наблюдателям казалось, что на этот пост будет избран председатель меджлиса, исламист правого толка А. А. Натек-Нури. Согласно конституции Рафсанджани не имел права баллотироваться на третий срок. А. Натек-Нури официально был

приглашен в Российскую Федерацию, где ему были оказаны почести, как подобает будущему президенту Исламской Республики. Однако уже первые подсчеты голосов показали, что спикер меджлиса не станет президентом.

Это событие вызвало большой резонанс как в Иране, так и за его пределами. Во-первых, было очевидным, что президентские выборы прошли при соблюдении демократических норм, без вмешательства властей. Во-вторых, стало ясно, что в настроениях иранских избирателей произошел существенный сдвиг в пользу демократизации.

Новым президентом Исламской Республики Иран с большим преимуществом был избран Мохаммед Хатами. Родился в 1943 г. Он – представитель духовенства, сын аятоллы из Йезда. Длительное время (1982–1992) возглавлял министерство культуры и исламской ориентации. Однако его политическая позиция и воззрения носили явные продемократические и либеральные черты. В своих предвыборных выступлениях он обещал, в случае избрания на пост президента, добиться построения «гражданского общества» в рамках существующего в Иране строя, способствовать развитию демократии и свободы. Он ввел в политический лексикон понятие «исламская демократия», назвав ее одной из главных целей революции 1978–1979 гг.

Устремления М. Хатами и его соратников, направленные на демократизацию иранской прессы и соблюдение свободы слова, вызвали враждебную реакцию исламистов-радикалов. Тем не менее сторонники президента в феврале 1999 г. победили на выборах в местные советы.

Вслед за этой победой последовали серьезные стычки между сторонниками реформ и исламскими радикалами. Еще более острые столкновения произошли в июле 1999 г. в Тегеране и в более десяти городах страны. Тогда студенты организовали демонстрации протеста в связи с закрытием популярной газеты «Салам». Эта газета, способствовавшая победе Хатами, проводила линию на расширение социально-политической базы реформистского течения.

Острая реакция студентов на борьбу в верхах между либералами и исламскими консерваторами вполне детерминирована. В стране ныне около 60% населения составляет молодежь. Из них свыше 1,2 млн. – студенты. Большая часть студентов родилась уже после крушения шахского режима. Их называют «детьми

революции». Но обычно демографический взрыв имеет и негативную сторону. Для заметной части иранской молодежи наиболее острыми проблемами остаются трудоустройство и жилье. Значительная часть студенчества не разделяет острую ксенофобию старшего поколения. Они симпатизируют исламским лидерам либерального толка, которых обычно называют реформаторами. Образованная молодежь выступает за расширение культурных и политических связей с зарубежными странами, включая США. По данным, распространенным некоторыми международными (западными) организациями, иранская молодежь занимает первое место среди молодых людей, покидающих свою страну в поисках работы. Они едут в промышленно развитые страны, включая азиатские (Япония, Южная Корея и др.).

Новые идеи, привнесенные в иранскую политику президентом М. Хатами, особенно его мысли о сочетаемости исламских ценностей с демократическими принципами Запада, пользуются большой популярностью у значительной части молодежи, а также среди иранских женщин. Именно благодаря их поддержке парламентские выборы 2000 г. (февраль и май) стали новым этапом роста прореформаторского движения и завершились убедительной победой сторонников президента.

В то же время исламисты-консерваторы (их также можно называть исламскими радикалами), сторонники усиления верховной власти духовного вождя (факих), отрицательно относились к новым либеральным политическим веяниям. Они решительно выступают против демократических перемен во внешней и внутренней политике Исламской Республики. Имея своих представителей почти во всех государственных учреждениях и располагая значительными средствами, исламские радикалы игнорировали новый курс президента республики и продолжали свои интриги против либералов. В результате их усилий накануне второго тура выборов в меджлис, состоявшихся в мае 2000 г., были закрыты 16 газет демократического толка, произведены аресты ряда сторонников президента и т. д. Характерно, что руководитель ИРИ С. А. Хаменеи и бывший президент А. А. Рафсанджани обвинили издателей закрытых газет в пособничестве США.

Консерваторы продолжали свое жесткое противостояние в отношении носителей новой либеральной тенденции в иранской политике. Уже после завершения выборов они предприняли уси-

лия, чтобы не допустить утверждения мандатов большой группы либералов, избранных в меджлис. Лишь вмешательство руководителя ИРИ Сейид Али Хаменеи свело на нет интриги консерваторов. После его одобрительных высказываний в адрес избранных в меджлис сторонников реформ их мандаты были утверждены. Но и после этого события конфронтация не ослабла.

Президент и его сторонники возлагают большую надежду на получившую широкую популярность идею о диалоге цивилизаций. Они полагают, что существующие между исламским миром и Западом идейно-политические разногласия можно попытаться разрешить посредством диалога. Впервые эта идея была выдвинута М. Хатами. Она нашла широкую поддержку у главы католической церкви папы Иоанна II и ряда авторитетных международных организаций. 2000 год был объявлен годом диалога между представителями цивилизаций.

Представляется, что идея о диалоге цивилизаций одновременно означает диалог между последователями двух крупнейших мировых религий – христианства и ислама. В то же время эта идея направлена против так называемого прогноза «столкновения цивилизаций», которое будто ожидает мир после окончания холодной войны. Как подчеркивал помощник президента Б. Клинтона по вопросам национальной безопасности Энтони Лейк, «американские претензии к Исламской Республике Иран не следовало бы истолковывать как «столкновение цивилизаций» или противодействие Ирану как теократическому государству. Вашингтон не берет в расчет «исламский» характер Исламской Республики Иран» [25]. Однако США, начиная с первых дней образования ИРИ, применяли целый ряд утвержденных Конгрессом санкций, препятствующих нормализации отношений между двумя государствами. Как известно, эти меры не одобряются союзниками США. В 1995 и 1996 гг. через Конгресс прошли новые законодательные акты, призывающие к полному запрету торговли между Ираном и США. Также был утвержден закон о санкциях ко всем американским и зарубежным компаниям и гражданам, инвестировавшим в течение одного года свыше 40 млн. долларов в развитие нефтяных ресурсов Ирана.

Администрация президента Клинтона считала, что нормализации отношений с Ираном препятствуют некоторые действия и политика тегеранского правительства. К их числу относятся

следующие: согласно Вашингтону Иран предпринимает меры с целью создания атомного и других видов «неконвенционного» оружия (не оговоренного соглашениями о нераспространении вооружений), систем доставки ракет дальнего действия; Иран остается спонсором международного терроризма; выступает против арабо-израильского мирного процесса; добивается низвержения дружественных США режимов на Среднем Востоке и частично в Африке, угрожает небольшим арабским шейхствам в зоне Персидского залива; подвергает жестоким преследованиям своих граждан, особенно женщин и представителей религиозных меньшинств, и т. д.

По мнению некоторых экспертов, руководство США не смогло предоставить убедительных доказательств для подтверждения всех своих обвинений, выдвигаемых в адрес иранского правительства. При этом данное мнение разделяется многими представителями европейских научно-политических центров.

Если обратить внимание на существо вопроса, то курс «двойного сдерживания» в отношении Ирана и Ирака вызван, прежде всего, антиамериканской политикой этих государств. Проводимая обоими государствами линия направлена на ослабление позиций США в зоне Персидского залива. К тому же после войны 1991 г. в зоне залива ИРИ приступил к крупномасштабным закупкам вооружений и стал фактически претендовать на роль сверхдержавы в регионе. Если программа военного строительства Тегерана будет включать в себя дальнейшее развитие ракетного и других видов и систем «неконвенционного» оружия, то это может привести к заметным переменам в геополитической ситуации на Среднем Востоке.

В то же время, как показывают специальные исследования, результаты одного из которых прилагаются (см. приложение 1), США своими санкциями не сумели оказать существенного негативного воздействия на доходы Ирана от экспорта нефти и нефтепродуктов.

В отличие от американцев, большинство ведущих промышленных держав, особенно с начала нового столетия, приступили к увеличению объемов своих торговых контактов и финансово-экономического сотрудничества с Ираном. Результатом официальных визитов президента М. Хатами в западноевропейские страны стало достижение договоренностей о значительном расширении

экономического сотрудничества с Ираном.

В обширном прогнозе, составленном в 1993 г. видным американским экспертом в области международных проблем Среднего Востока Грэмом Фуллером, срок продолжительности существования режима Саддама Хусейна был обозначен 2002 г. [26]

Что касается ИРИ, то политико-экономическое давление Вашингтона в отношении ее фундаменталистского руководства временами будто смягчается. Но такие шаги наблюдаются скорее всего в области дипломатической риторики.

Еще одной важнейшей преградой на пути восстановления ирано-американских отношений помимо позиции правого фундаменталистского крыла исламских лидеров ИРИ является политика руководителей государства Израиль. Сионистские предводители не без оснований считают ИРИ главным своим противником в регионе наряду с Ираком и всеми возможными средствами препятствуют смягчению напряженности американо-иранских отношений.

8.4 Ирано-российские отношения

Как и можно было бы предположить, значительное сужение, а в некоторых сферах – полное сокращение технико-экономического сотрудничества и торгового обмена между ИРИ и США оказали сильное влияние на изменение политики Тегерана в отношении Российской Федерации. Такой исторический перелом произошел в начале 90-х годов.

В то же время первоначально, после образования ИРИ, взаимоотношения двух стран пережили немало драматических эпизодов.

Поскольку народная антимонархическая революция в Иране имела как антизападную, так и антисоциалистическую направленность, руководству КПСС не удалось адекватно оценить природу и значение этого события. Иранская революция просто не вписывалась в теоретические построения советских идеологов-партократов. Им казалось, что строительство современного государства, покоящегося на исламских ценностях, невозможно. Исходя из этого, в предстоявшей борьбе за верховную власть преувеличивались возможности партии Туде, коммунистической партии. Находившиеся в длительной эмиграции активисты НПИ, при поддержке КПСС, были направлены в Тегеран. Накануне, в

конце февраля 1979 г., в Восточном Берлине состоялось заседание 16-го пленума Центрального комитета НПИ, на котором было принято решение о полной поддержке партией идеи образования Исламской Республики в Иране. Одновременно были выдвинуты скороспелые теоретические тезисы, обосновывавшие сочетаемость марксизма-ленинизма с революционными исламскими воззрениями.

В результате крушения шахского режима НПИ получила возможность вернуться в Иран. Вместо генерального секретаря партии Искандари был избран более молодой Нураддин Киянури. После поражения движения за национализацию нефтяной промышленности в 1953 г., за свою линию против Мосаддыка, НПИ не пользовалась популярностью. Но из эмиграции партия вернулась в Тегеран с окрепшими, образованными кадрами, в которых так остро нуждались левые молодежные организации, уже имевшие опыт подпольной борьбы с шахским режимом. Члены этих организаций обладали тесными связями с такими известными исламскими лидерами, как аятолла Махмуд Талегани и др. Профессионализм, опыт, контакты, с одной стороны, а с другой – моральная и материальная поддержка советского руководства дали возможность Туде за короткое время в некоторой степени заполнить существовавший на иранской сцене политический вакуум в лагере левых. Особенно сильно возросло влияние партии благодаря примыкавшей к ней части левых молодежных организаций.

Эти обстоятельства стали сильно беспокоить как религиозно-политических деятелей, так и сотрудничавших с ними буржуазных либералов: Мехди Базаргана, Банисадра и др. Но неожиданно произошло событие, вследствие которого раскрылась тайная лицемерная игра советских партократов и руководства Туде. Это было предательство офицера КГБ Владимира Кузичкина, бежавшего в Англию при помощи английской разведки и ЦРУ.

Ухудшение отношения властей к Туде произошло еще до побега бывшего советского разведчика. Летом 1981 г. был закрыт официальный орган партии, в 1982 г. был приостановлен выпуск других партийных изданий. Официальные лица стали открыто критиковать Туде и ее союзников. А. А. Рафсанджани, спикер меджлиса, в одном из своих публичных выступлений сказал, что Туде и организация «Федаины народа» («большинство») «поощряются

из-за рубежа» и что «они на деле выражают помыслы русских». Назначенный в 1981 г. министром иностранных дел Али-Акбар Велаяти подверг резкой критике руководителей Туде, сравнивая их с лидерами народно-демократической партии Афганистана. Тем временем Туде продолжала свое сотрудничество с Исламской республиканской партией, и в частности в ее острой борьбе против левой молодежной организации «Моджахеды народа».

В этих условиях «разоблачение» В. Кузичкина нанесло сильный урон позициям Народной партии Ирана и сотрудничавших с ней левых групп. Он передал английским спецслужбам разнообразные вещественные материалы и секретную информацию, подтверждавшие систематические связи и консультации руководителей НПИ с советскими представителями. Среди них содержались сведения о 400 советских агентах.

Все сведения, полученные от бывшего советского офицера, англичане тут же передали представителям тегеранского правительства. Совершенное предательство было одним из самых гнусных в истории разведки, так как в результате переданной информации были арестованы, казнены и подверглись тяжелым моральным и физическим истязаниям огромное число политических деятелей. Их тайные связи с Советским Союзом еще не означали, что они предали интересы своего народа.

В феврале 1983 г. был арестован Н. Киянури. В тюрьмы были заключены члены центрального комитета партии и другие ответственные работники. Всего тюремному заключению подверглись более тысячи человек. В апреле 1983 г. 18 советских дипломатов были выдворены из Ирана в связи с судебным делом партии Туде.

По сведениям коммунистической прессы Индии и других стран, брошенные в тюрьмы члены Туде и организации «Федаины народа» подвергались физическим и психическим воздействиям.

Во всяком случае, в феврале 1983 г. и позже многие видные деятели партии во время интервью по телевидению сознавались в шпионаже в пользу СССР и измене родине. Н. Киянури заявил, что члены партии, проникая в различные государственные организации, имели конечной целью содействие ниспровержению руководства ИРИ. В своих выступлениях по телевидению он призывал молодежь остерегаться левых течений, так как они «являются источником предательства».

Один из видных членов руководства Туде, главный идеолог

партии, автор ряда работ по теории Эхсан Табари, находясь в заключении, написал исследование, где отвергались основы марксистской философии.

Через определенное время после указанной кампании НПИ и связанные с ней организации, по существу, прекратили свою деятельность в Иране. В некоторых изданиях, где в той или иной степени затрагиваются вопросы о саморазоблачительных телевизионных «шоу» бывших активистов НПИ, их выступления характеризуются как пример самооговора. В аннотации к книге А. Васильева «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму» сказано, что предпринята «честная и непредвзятая переоценка целей, методов и средств политики Москвы, ее реальных достижений, провалов и просчетов» [27] на Среднем Востоке. В книге речь идет о внешней политике руководства КПСС. Немало страниц посвящено последнему этапу истории Народной партии. Но по какой-то неясной причине автор умалчивает о случае предательства В. Кузичкина, хотя саморазоблачения Н. Киянури и других бывших лидеров НПИ называет самооговором.

Это понятие встречается и в других изданиях (мемуарах и т. д.), в которых описываются те же эпизоды. И почти во всех случаях слово «самооговор» ведет к искажению действительности. Ведь то, что названо самооговором, на деле было признанием, раскрытием тайных незаконных взаимоотношений между ответственными деятелями НПИ и сотрудниками советских учреждений. Последние же в данном случае действовали по прямому указанию международного отдела ЦК КПСС.

Жестокое подавление коммунистического и всего левого течения в Иране сопровождалось усилением антисоветизма. На этот процесс заметное воздействие оказывало присутствие советских оккупационных войск в Афганистане, а также изменения политики Москвы по отношению к Ираку. В начале ирако-иранской войны Советский союз приостановил поставки Ираку оружия и военной техники. В первые месяцы 1982 г. они возобновились.

Исламская Республика Иран, приступив к антикоммунистическим репрессиям, не пошла на значительное сокращение своих контактов с Москвой. Более того, вскоре Тегеран проявил явное желание развивать дипломатические связи с СССР. Свидетельством этого явились визиты двух заместителей министра ино-

странных дел Ирана – Х. Каземпура-Ардебили (апрель 1985 г.) и Ларнджани (август 1986 г.). В ходе этих встреч большое внимание уделялось как двухсторонним отношениям, так и вопросам ирано-иракской войны. В частности, обсуждались меры по прекращению огня, предпринятые Советом Безопасности ООН. Внешнеполитический курс нового советского руководителя М. Горбачева, его стремление к улучшению отношений с США способствовали активизации роли Советского правительства в разработке резолюции Совета Безопасности относительно прекращения огня на ирано-иракском фронте. В этом контексте существенное позитивное значение имели визиты министра иностранных дел Али-Акбара Велаяти в Москву в феврале 1987 г., а также поездка первого заместителя МИД СССР Юлия Воронцова в августе того же года в Тегеран. Эти визиты привели к заметным сдвигам в развитии двухсторонних отношений. В Москве возобновила свою работу советско-иранская торговая палата. В Тегеране были подписаны соглашения о взаимовыгодных проектах сотрудничества.

Новым этапом в развитии межгосударственных отношений стал официальный визит в Москву в 1989 г. Али-Акбара Рафсанджани, председателя иранского парламента и исполняющего обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами. М. Горбачев и А. Рафсанджани подписали Декларацию о принципах отношений и дружественного сотрудничества между СССР и Исламской Республикой Иран. Новым моментом, озвученным в тексте Декларации, было заявление о согласии Советского Союза «сотрудничать с иранской стороной в деле укрепления ее обороноспособности». Также была намечена долгосрочная экономическая программа.

Стабильными и более масштабными стали технико-экономические контакты ИРИ с Россией после распада СССР. Заметный толчок этому дало подтверждение правительством Российской Федерации своей готовности оказать Ирану всемерное содействие в упрочении его обороноспособности и восстановлении военного потенциала.

Этот вопрос, впервые ставший предметом переговоров во время визита Рафсанджани в СССР в 1989 г., имел для Ирана чрезвычайное значение. В результате ожесточенных военных действий на последнем этапе войны с Ираком сухопутные силы

ИРИ лишились довольно существенной части вооружения и боевых самолетов западного производства. От 40 до 60 процентов тяжелого вооружения сухопутных сил вышли из строя. Принимая во внимание, что США и их союзники осуществляли враждебный курс в отношении ИРИ, тегеранские власти вынуждены были обратиться к России за поддержкой в усилении своей обороноспособности.

Уже в конце 80-х – начале 90-х годов Россия продала Ирану солидную партию вооружения, включающую истребители-бомбардировщики Су-24, МиГ-29, танки Т-72 и другие виды новейшей военной техники. Кроме того, в Иран были направлены «неконвенционные» виды оружия. В 1987-1990 гг. военной техники и оружия было продано на сумму 2,5 млрд. долларов, в 1991–1994 гг. – на 1,2 млрд. долларов. Правительство России, поставляя Ирану новейшее вооружение и военную технику, исходило из финансовых соображений. Разумеется, при этом имелись в виду и политические интересы. Положительно отзываясь о том, что РФ становится главным поставщиком оружия Исламской Республике, один известный журналист писал, что будто «добрососедские отношения с Ираном гарантируют безопасность южной границы СНГ».

Важное место в ирано-российских отношениях с начала 90-х годов стало занимать сотрудничество в области мирного атома. Первое соглашение с Ираном в этом направлении было подписано в 1992 г. В начале 1995 г. Иран подписал контракт на сумму почти 1 млрд. долл. на строительство российской стороной атомной электростанции в районе города Бушира.

В правительственных кругах США сообщение о поставках Ирану ядерных реакторов и одной подводной лодки вызвало отрицательный резонанс. Директор ЦРУ, глава военного департамента, другие официальные лица США обвинили иранское руководство в попытках получить доступ к созданию ядерного оружия. Они утверждали, что сотрудничество в области мирного атома может прямо содействовать приближению иранских специалистов к реализации программы по созданию атомного оружия.

Несмотря на давление США и Израиля, 6 марта 1998 г. сессия российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству завершилась подписанием в Тегеране нового

соглашения по строительству третьего и четвертого блоков АЭС в Бушире.

Сотрудничество России с ИРИ в области атомной энергетики соответствует условиям Договора о нераспространении ядерного оружия. Это признали эксперты из компетентных международных центров. Указывая на недовольство США и Израиля сотрудничеством России с Ираном, еще весной 1998 г. представитель МИД РФ сделал официальное заявление о том, что сам Израиль, «являющийся «пороговым» государством (то есть способным создать ядерное оружие или уже располагающим им), должен быть подвергнут международной проверке».

Интенсивная кампания администрации Б. Клинтона и израильского правительства, нацеленная на то, чтобы подтолкнуть Россию к свертыванию своих совместных с Ираном проектов в области атомной энергетики, кажется, полностью провалилась.

Важное место в ирано-российских отношениях занимают региональные вопросы. Среди них – проблема Каспия, совместные действия по установлению мира в Таджикской Республике и т. д. Распад СССР и образование независимых государств в бывшем Туркестане и на Южном Кавказе было воспринято ИРИ с немалым энтузиазмом. Иранские религиозно-политические лидеры оптимистически отнеслись к кардинальным политическим переменам на территории бывшего Советского Союза.

Иранское руководство стало придавать большое значение возрождению религиозности в традиционных районах, когда-то входивших в мир ислама. Надо отметить, что еще Хомейни и его соратники первоначально возлагали большие надежды на экспорт исламской революции. В то же время они скоро осознали, что концепция о массовом возвращении в лоно ислама большинства населения бывших составных частей мусульманского мира не имеет под собой реальной почвы, во всяком случае, на данном историческом этапе. Тем не менее новая общественно-политическая и правовая ситуация, сложившаяся в посткоммунистическую эпоху во вновь образованных независимых государствах и автономных республиках России, вызвала возрождение мусульманских общин и быстрый рост религиозности среди населения.

В новых внутривнутриполитических условиях Россия и другие страны СНГ открыли свободный доступ иностранным научным, культурным и образовательным (включая религиозные) учрежде-

ниям. Этой возможностью активно воспользовались иранские власти. В Российской Федерации открываются иранские культурные центры, персидские школы, книжные магазины. Иранские культурные центры, при которых созданы специальные библиотеки, выпускают на русском языке журналы, книги, альбомы, организуют проведение научно-популярных и просветительских мероприятий, обмен студентами и т. д.

Власти Ирана при содействии с правительством Российской Федерации и международных организаций остановили пламя гражданской войны в Таджикистане, продолжают предпринимать меры по восстановлению мира в этой стране, способствуют процессу становления и упрочения ее государственной власти.

Особое место во внешней политике Ирана занимает проблема Каспийского региона. Выделение Каспия в качестве целостного геополитического региона было обусловлено рядом факторов политического и экономического характера. Среди них наиболее важными являются изменения политической географии: число прибрежных государств увеличилось с двух до пяти. При этом данный процесс происходил в условиях, когда и на Южном и на Северном Кавказе не спадала политическая напряженность. Одновременно за последние десятилетия здесь, на Каспии и в окружающих его регионах, под водой и на суше были открыты крупные нефтяные и газовые месторождения.

Эти реалии актуализировали значение Каспия не только в международной жизни, но в политике ИРИ. Первоначально иранское правительство проявляло склонность к согласованию своей политики с некоторыми из непосредственных соседей. Но после дипломатических маневров оно сочло целесообразным сближение с позицией России.

В целом в результате открытия значительных энергетических ресурсов и произошедших политических перемен Каспийский регион оказался в фокусе интересов ведущих держав мира. Это объясняется ростом значения нефти и газа в мировом масштабе. Однако новая ситуация в регионе имеет свою специфику, и это содействует сохранению известных политических трений среди прикаспийских государств.

Дело в том, что для эксплуатации нефтегазовых ресурсов Каспия и их транспортировки к мировым рынкам необходимы огромные, в современных условиях многомиллиардные капита-

ловложения, не говоря уже о новейшей передовой технологии. Все это вызывает необходимость привлечения к разработке нефтегазовых ресурсов региона крупнейших транснациональных компаний. Поскольку прибрежные государства не в состоянии реализовать дорогостоящие проекты по добыче, переработке и экспорту нефти и газа, им приходится идти на близкое сотрудничество с ведущими западными компаниями.

Сложившаяся ситуация вокруг Каспия вызывает у иранских руководителей неоднозначную реакцию. Иранские представители заявляют, что при осуществлении проектов в области строительства нефте- и газопроводов надо прежде всего исходить из экономических соображений. При этом не совсем ясно, на основе каких критериев политические интересы противопоставляются экономическим, и наоборот. Здесь отметим, что Иран не имеет четкой позиции в отношении проектируемого нефтепровода Баку – Джейхан (Турция), но категорически выступает против строительства транскаспийской нефтяной или газовой магистрали.

Представляется вполне разумной и оправданной позиция Ирана, в которой на первое место выдвигается необходимость при разработке нефтегазовых месторождений реализации научно-технических проектов, позволяющих предотвратить разрушения экологической системы этого уникального закрытого водного бассейна. Это предложение согласуется с позицией Российской Федерации и других государств региона.

Участникам первого саммита прибрежных каспийских стран в 2003 г. не удалось принять согласованный документ о статусе Каспия прежде всего из-за жесткой позиции представителей ИРИ, и частично Туркмении. Порою кажется, что иранская дипломатия преднамеренно уклоняется признавать те новые политические реалии региона, без учета которых разрешить проблемы делимитации Каспийского моря невозможно. С этой проблемой неразрывно связана возможность урегулирования других вопросов, касающихся экологии, биоресурсов, минеральных ресурсов, судоходства и др.

Нет сомнения в том, что своевременное заключение договора по правовому режиму Каспийского моря может служить интересам всех пяти прикаспийских государств.

На обложке книги «По дорогам Персии», содержащей путевые записи российского военного водителя, которая была издана в Москве в 1926 г., помещен рисунок погонщика (чарвадара) рядом с нагруженным верблюдом. Еще в начале XX века караваны верблюдов, как правило, являлись традиционным и обычным средством осуществления внешней и внутренней торговли Ирана. В стране отсутствовали стальные магистрали, за исключением двух небольших по длине железнодорожных веток, построенных в годы Первой мировой войны русскими и англичанами.

В течение последних шестидесяти с лишним лет в области развития транспорта и связи в Иране произошли огромные перемены. Нефтегазовые трубопроводы, железные дороги, водные и воздушные линии, новейшие средства связи соединяют Иран почти со всеми регионами и странами мира. Они стали неотъемлемым атрибутом быта современного иранца.

Караваны верблюдов, ведомые чарвадарами, давно завершили свой путь по пыльным дорогам страны. Если на обложке данной монографии захотелось бы поместить символ Ирана наших дней, то трудно представить себе, какая именно потребовалась иллюстрация. Скорее всего, это могло быть изображение нефтяных платформ на морском шельфе Персидского залива с возвышающимися ажурными стальными вышками и установками, или же построенные в столице в стиле модерн нарядные высокие дома, либо какое-нибудь современное промышленное сооружение.

Несомненно, первостепенное значение в ускорении экономического и социально-политического развития страны заняла разработка нефтяных ресурсов. Дешевая нефть из Ирана и других стран Среднего Востока сыграла чрезвычайно важную роль в восстановлении и ускорении развития промышленных стран Западной Европы, особенно после Второй мировой войны. Благодаря чрезвычайному расширению сферы применения нефти и газа не только как горючего, но и как важнейшего промышленного

сырья (нефтехимия, фармацевтика) в ценах на мировом рынке нефти произошла подлинная революция. Это вызвало резкий рост валютных поступлений в нефтедобывающие государства. Однако реакция шахского режима на открывавшиеся перед иранским обществом перспективы оказалась в конечном счете далеко не адекватной. Правда, иранская верхушка еще до нефтяного бума приступила к так называемой «белой революции» (позже названной «революцией шаха и народа»). Более рациональной была программа промышленного развития Ирана. Но в целом главным ответом финансовому благополучию, выпавшему на долю шахского режима, стала сформулированная шахом идея о «великой цивилизации». Она нашла свое отражение в книге монарха «К великой цивилизации». В ней главной доктриной иранского государства в новых условиях провозглашалась так называемая «шахиншахская система» («Незам-е шахиншахи»). Акцент ставился на возрождении шахиншахства по типу великих доисламских персидских империй Ахеменидов и Сасанидов. Но, конечно, речь шла о могущественном современном государстве по всем своим военно-экономическим показателям. Выход в свет массового тиража книги шаха по времени почти совпал с началом самого мощного в иранской истории оппозиционного народного движения, которое переросло в антимонархическую революцию 1978–1979 гг.

Еще в ходе шахских преобразований во многих странах нашлись не только публицисты, но и профессиональные исследователи, пытавшиеся подвести солидную научную базу под половинчатые реформы шаха. Их даже называли «революцией сверху». Некоторые авторы считали монархизм («шахпарастии» – «шахотребие») чуть ли не природным качеством иранцев. История иранского общества, включая революцию 1978–1979 гг., которая покончила с монархией в стране, полностью отвергла подобные суждения.

История взаимоотношений народов Ирана со своими шахами с конца XIX до последней четверти XX столетия отличается враждебностью и неблагополучием. При этом история свидетельствует, что иранское шахство смогло значительно продлить свое существование благодаря прямой силовой поддержке колониальных и империалистических держав.

Личные судьбы иранских монархов весьма красноречиво свидетельствуют об отсутствии почитания их среди большинства

населения страны. Насер ад-Дин шах Каджар был убит последователем видного мусульманского мыслителя и сторонника реформ Сейид Джамал ад-Дина Асадабади (Афгани) в день пятидесятилетия своего шахства – 1 мая 1896 г. Убийцу звали Мирза Мохаммед-Реза Кермани. Он был торговцем. Это было уже второе покушение на шаха. Первую попытку совершил последователь бабизма за его жестокое подавление бабидских восстаний.

Сын и преемник погибшего шаха, Мозаффар ад-Дин, больной и слабовольный человек, веря в отрицательные результаты книжного гадания, несколько раз откладывал свой переезд из Тебриза в столицу. Но после переезда в Тегеран и восшествия на трон его плохие предчувствия оправдались. Дело в том, что, вопреки своему желанию, он был вынужден подписать указы о введении в стране конституции и учреждении парламента (меджлиса).

После смерти Мозаффара ад-Дина в 1908 г. трон унаследовал его сын – Мохаммед-Али шах Каджар. Он оказался стойким противником введения конституции и учреждения парламента. За организацию контрреволюционного переворота – разгон меджлиса и убийство ряда видных конституционалистов – он был смещен с престола и изгнан из страны в 1909 г. Летом 1911 г. он вместе со своим братом прибыл из России в Астрабад и поднял мятеж против правительства с целью реставрации своей верховной власти. При этом он пользовался поддержкой обитавших в провинции полукочевых племен. Мятеж был подавлен правительственными силами.

Любопытно было поведение бывшего шаха, когда ему вновь пришлось испытать унижение. После того как вооруженные отряды Мохаммед-Али в Астрабаде и выступившие в его поддержку мятежники из других регионов страны были разгромлены, российский консул в Астрабаде передал Мохаммед-Али следующее послание министра иностранных дел царского правительства С. Д. Сазонова. В нем говорилось: «Иранское правительство соглашается восстановить установленную в 1909 г. Мохаммед-Али пенсию и объявить амнистию его приверженцам, если он распустит свои вооруженные отряды и сам покинет территорию Ирана». Но бывший шах стал предпринимать самые унижительные меры, чтобы хотя бы номинально вернуть себе трон. Он предлагал российскому правительству подписать документ, согласно которому весь Иран передавался бы под единоличный протекторат импера-

тора России. Но российский министр иностранных дел отказался обсуждать этот вопрос и поручил консулу в Астрабаде объявить бывшему шаху, что «решение императорского правительства бесповоротно». Тем не менее Мохаммед-Али стал просить увеличения размера пенсии, но ничего не добился. 12 марта 1912 г. на российской канонерской лодке он со своими приближенными навсегда покинул пределы Ирана.

Его сын Ахмед в несовершеннолетнем возрасте стал шахом под опекой регента. Но после коронации, будучи полноправным монархом, в силу своей слабой воли и бесхарактерности, так и не сумел обрести истинную власть и авторитет. Во время его правления Иран переживал хронический экономический и политический кризис. Золотые монеты, отчеканенные в честь его восшествия на престол, наверное, были самыми легкими по весу и самыми мелкими по размеру в истории Каджаров.

В связи с заключением в конце июля 1919 г. англо-иранского соглашения Ахмед-шах удостоили чести получения у представителей английского правительства ежемесячной субсидии в размере 15 тыс. туманов на время властвования правительства Восуг од-Доуле. Об унижительном для царствующей династии характере соглашения говорит содержание документа, который хранится в архиве Британского Форин-офиса. От имени правительства Великобритании в документе сказано: «Его Величество Султан Ахмед-шах и его преемники будут пользоваться дружественной поддержкой правительства Его Величества (речь идет о правительстве Великобритании. – С.А.) до тех пор, пока они будут действовать в соответствии с нашей политикой и согласно нашим советам». Английские военные власти во время переворота 1921 г. запретили полковнику Реза-хану предпринимать какие-либо действия против Ахмед-шаха, но в 1925 г. Лондон не стал защищать его интересы. Он был низложен, а Каджары лишены верховной власти. Еще раньше, в 1923 г., Ахмед-шах был изгнан из Ирана. Главной причиной этих акций стала его недееспособность.

Основателем новой, последней, шахской династии в Иране, стал полковник Реза. Необходимо подчеркнуть противоречивость этой выдающейся личности.

Он стал кандидатом на верховную власть после того, как благодаря тайной поддержке оккупационных властей Великобритании возглавил в феврале 1921 г. военный переворот в Тегеране.

Реза хан (с 1925 г. – Реза шах) оказался весьма удачной политической фигурой как с точки зрения интересов Англии, так и со стороны господствующего в Иране консервативного класса. Ему удалось восстановить центральную власть, усмирить сепаратистски настроенные полукочевые племена, подавить продемократические выступления. Новое государство начало принимать меры по модернизации общественного устройства, заложило основы промышленного развития. Была построена трансиранская железная дорога, создана новая светская система народного образования, проведена военная реформа и т. д.

Реза шах предпринимал шаги, чтобы сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках. От своих постов были отстранены его бывшие соратники: Теймурташ, Фируз Мирза, Форуги и другие. Во время его правления меджлис практически был лишен законодательной инициативы, других полномочий, представленных Конституцией.

Новые политические тенденции, наметившиеся в иранском обществе, совпали с периодом обострения психологического кризиса Реза шаха. Он страдал комплексом неполноценности из-за своего происхождения, недостатка образования. Открылись новые подробности о его тайных связях с англичанами, при помощи которых началось восхождение к власти. В двадцатые годы солидная французская газета опубликовала материалы, где содержались достоверные сведения относительно родословной Реза шаха. В частности сообщалось, что он – выходец из семьи военнослужащего низкого звания и в юности служил армейским кономом. Эта публикация вывела шаха из равновесия, он был настолько разгневан, что не долго думая дал указание о немедленном расторжении дипломатических отношений между Ираном и Францией.

У шаха были некоторые основания подозревать Фирза Мирзу в этой акции. Он добился его ареста и обвинил последнего в получении взятки. Через некоторое время Фируз Мирза по тайному указанию шаха был умерщвлен.

Такая же участь постигла и другого его соратника – Теймурташа.

Судя по всему, на психическое состояние Реза шаха повлияли некоторые другие его «тайны». Как известно, для обоснования своей легитимности он избрал себе фамилию Пехлеви, тем самым

претендуя на какую-то связь с эпохой Сасанидов. Поэтому он тщательно скрывал, что был сыном бедного тюрка Дадаш-бека, профессионального военнослужащего.

Все эти шахские «тайны» получили огласку в иранском обществе в конце 30-х годов, когда социально-экономическое состояние страны заметно ухудшилось. Более того, многочисленные неслухи распространялись иностранными радиостанциями.

Фашистская Германия и Англия уже вступили в открытый военный конфликт, а Реза-шах никак не мог определить свою политическую ориентацию. В передачах на Иран радио Берлина обвиняло шаха в том, что главой Ирана он стал благодаря англичанам. А персидская служба Би-Би-Си передавала в эфир компроматы, касавшиеся личных дел Реза шаха.

Эти данные были составлены сотрудниками английской дипломатической миссии. Например, иранцам сообщалось, что на банковских счетах шаха хранятся 6 млн. ф. ст., в то время как бюджет правительства имел огромный дефицит. За время своего правления шах незаконными путями стал обладателем двух тысяч иранских деревень.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз и первые успехи вермахта на Восточном фронте вызвали сильное воодушевление у правящих слоев Ирана. В результате переживавший политический кризис шахский режим, стал буквально заложником геостратегического положения Ирана.

Когда Реза шах отказался немедленно выполнить ультимативные требования Великобритании и Советского Союза о высылке всех немцев из Ирана, то его судьба (как главы государства) была обречена. Решение об изгнании из Ирана и его низложении с престола, конечно, было принято Великобританией и поддержано СССР и США. Ничуть не искажая действительность, иранцы говорили: «Реза хана на трон посадили англичане, они же его скинули».

Самой счастливой и одновременно самой трагичной была личная судьба второго шаха династии Пехлеви – Мохаммеда-Резы. Он стал четвертым шахом, изгнанным из Ирана. Он сам назвал это ссылкой. После вынужденного отъезда 16 января 1979 г. из своей страны «шах шахов» находился «в бегах». 16–22 января был «в отпуске» в Асуане (Египет). С 22 января по 15 февраля в качестве гостя короля Хасана II отдыхал в Маракеше и Рабате. Более двух

месяцев проживал на острове Парадайз на Багамах, затем – в Куарнаваке (Мексика). Проходил курс лечения в Нью-Йорк Сити, побывал на военно-воздушной базе США в Лекленде (штат Техас), на острове Контрадор (Панама). 23 марта 1980 г., по приглашению президента Египта А. Садата, вылетел в Каир, где 27 июля 1980 г. он скончался от рака. Там же он и был похоронен.

Отъезд шаха из Ирана до сих пор остается историческим фактом, который интерпретируется различным образом. В последней книге шаха, изданной под названием «Ответ истории», Мохаммед-Реза Пехлеви приводит слова бывшего командующего ВВС генерала Бадреи, сказанные им перед исламским судом в Тегеране: «Генерал Хайзер выкинул шаха из Ирана как дохлую мышь». Некоторые авторы задаются вопросом, если эти слова казненного хомейнистами генерала верны, то в чем же причина того, что американцы изменили своему слову и не поддержали своего друга шаха «до конца»? При этом общеизвестно, что все американские администрации и представители академических кругов давали весьма высокую оценку деятельности шаха как руководителя Ирана и международного деятеля. По этой теме написано немало, но наиболее обобщенный анализ содержится в мемуарах Г. Киссинджера. Важно то, что его книга вышла в свет в 1979 г., уже после падения шаха. Автор пишет: «Под руководством шаха материковый мост между Азией и Европой, так часто составляющий стержень мировой истории, несмотря на любые испытания, стал проамериканским и прозападным. Среди стран региона, помимо Израиля, лишь Иран сделал дружбу с Соединенными Штатами отправной точкой своей политики». И далее: «Шах поглощал энергию радикальных арабских соседей, предотвращал их угрозу умеренным режимам Саудовской Аравии, Иордании и стран зоны Персидского залива. Он снабжал горючим наш военный флот без вопроса... Он никогда не пользовался контролем нефти для оказания политического давления. Он ни разу не присоединился к какому-либо нефтяному эмбарго в отношении Запада или Израиля. Иран при управлении шаха, одним словом, был одним из лучших, одним из самых значительных и самых верных друзей Америки во всем мире».

Бывший госсекретарь подчеркивает, что восемь последних президентов США, обе ведущие партии справедливо «провозглашали шаха другом нашей страны и опорой стабильности в бес-

покойном и жизненно важном регионе мира». По мнению бывшего госсекретаря США, шах «был «прогрессивным» в том смысле, что добивался индустриализации своего общества. Одна из главных причин его провала фактически состояла в том, что, проводя модернизацию слишком быстро, он в достаточной степени не приспособил политические учреждения страны к осуществленным им экономическим и социальным переменам». [1]

Столь высокая оценка деятельности шаха соответствовала действительности. Недаром даже в период революции 1978–1979 гг. оппозиционеры называли его «американским шахом Ирана». Дружба шаха с американской элитой опиралась на твердую историческую почву.

Начало этим взаимоотношениям было положено в 1947 г. Тогда разразился ирано-советский кризис, вызванный притязаниями СССР на иранскую нефть и установление просоветского режима на территории Южного Азербайджана. Лишь активная и твердая позиция США позволила шаху отстоять интересы своей страны.

После ослабления влияния Москвы на Иран позиции шаха значительно упрочились.

Второй значительный вклад в становление диктатуры шаха американцы внесли в 1953 г. В Тегеране они организовали правительственный переворот, в результате которого был свергнут законный премьер, доктор М. Моссадик, а бежавший в Италию шах по возвращении в Тегеран только упрочил свою, почти утраченную верховную власть.

Новая оценка роли США в событиях 1953 г. в Тегеране была высказана в марте 2000 г. госсекретарем Мадлен Олбрайт. Это напоминало робкую попытку самооправдания за действия американской администрации. Она сказала: «Администрация Эйзенхауэра верила, что ее действия оправдываются стратегическими соображениями. Но переворот стал очевидной задержкой политического развития Ирана». Если это какое-то запоздалое извинение, то оно носит весьма половинчатый характер. Куда более четкое осуждение звучат в словах журналиста Джеймса Райза: «Переворот явился поворотным пунктом в современной истории Ирана и до сих пор остается устойчивым раздражителем в отношениях между Тегераном и Вашингтоном. Переворот упрочил власть шаха, который после него правил своей железной рукой еще четверть века в тесном контакте с Соединенными Штатами».

Недаром последний период в истории шахского режима индийский политолог Дилип Хиро назвал «эрой США», имея в виду то, что главную внешнюю поддержку иранский шах получал от Вашингтона.

В то же время, несмотря на значительный прорыв в экономике и социальном развитии, главной опорой режима шаха оставалась армия и другие силовые структуры.

Когда в 1978 г. начались оппозиционные антиправительственные выступления в Иране, шах вновь стал рассчитывать на своих заокеанских друзей.

По этой причине, когда оппозиционные выступления, порою затухая, временами усиливаясь, начали приобретать для режима все более угрожающий характер, эксперты заговорили о значении армии. Высказывалось мнение, что 400-тысячная армия не позволит оппозиции свергнуть шаха. Учитывалось, что режим пользуется поддержкой всех ведущих государств мира.

Роль армии в иранском кризисе приняли во внимание и американские руководители. Краткий визит президента США Дж. Картера с супругой в Тегеран в последний день 1977 г. уже был знаковым жестом в поддержку шаха. Когда начались антимонархические и навешанные антивестернизмом городские восстания, американские власти приступили к разработке и осуществлению целой серии пропагандистских, дипломатических и других мер в поддержку шахского режима.

В критические для революции дни – начале 1979 г. (4 января) – без согласования с шахом в Тегеран прибыл американский генерал Роберт Хайзер, занимавший высокое положение в штаб-квартире НАТО в Европе. Кроме военной функции, генерал, разумеется, имел чисто политические задачи. Они были прямо связаны с иранской армией. Судя по имеющимся данным, генералу и его команде надлежало выяснить политические позиции иранского генералитета и совместно с послом США У. Салливаном принять окончательное решение относительно необходимой стратегической линии, которой следует придерживаться.

Анализ существующих данных дает возможность утверждать, что американцы не поддерживали идею проведения тотальных репрессивных актов с участием армии в подавлении революции. Они исходили из ситуации, которая складывалась в стране на данном этапе.

Образно говоря, революция в Иране все больше напоминала стремительный горный поток, уносящий с собой встречающиеся на его пути препятствия. Это был распад, крах существовавшей системы. По мнению американцев, попытка использовать армию могла лишь повысить вероятность прихода к власти коммунистов и их союзников. Для США важнейшей проблемой стали не шах и его режим, а сохранение своих позиций в этой, чрезвычайно важной в политико-стратегическом плане стране.

В данных условиях после приезда генерала Р. Хайзера было принято решение, что шах покинет страну. Американцы поставили цель: прежде всего добиться выживания генералитета иранской армии. Им казалось, что если шах уедет из страны, то можно будет вести линию на достижение мирного исхода революции. Предполагалось, что переговоры с лидерами революции должны вести члены генералитета. Поэтому в начале 1979 г. представители президента США в Париже выясняли планы Хомейни, касавшиеся иранской нефти и его позиции по отношению к коммунистам. А в Тегеране генерал Р. Хайзер и американский посол У. Салливан настойчиво подталкивали военных руководителей Ирана к установлению согласия с лидерами революционного движения.

Однако время было упущено. Уже стремительно происходил распад шахской политической системы. Тем не менее американцы все еще не теряли надежду на достижение компромисса. Пять представителей иранского генералитета, Р. Хайзер и его помощники, собрались на совет, но выработать единого мнения по поводу конфликта между противоборствующими силами тогда им не удалось. Некоторое время спустя состоялось еще одно заседание, на этот раз названное Верховным советом вооруженных сил Ирана, более представительное по количеству и составу участников. В нем приняли участие 27 человек. Сторонником и в какой-то мере инициатором созыва этого совещания был и премьер-министр Шапур Бахтияр.

Все участники заседания единогласно выступили за политику нейтралитета. В принятом заключении говорилось: «В связи с нынешним развитием событий в стране Верховный Совет вооруженных сил сегодня, в 10 час. 30 мин., встретился и принял решение о провозглашении нейтралитета в отношении политического диспута, чтобы по возможности предотвратить дальнейший хаос и кровопролитие. В связи с этим всем подразделениям армии

было приказано вернуться в свои казармы. Иранская армия всегда будет поддерживать благородный иранский народ и будет поддерживать все его устремления...» Это обращение было принято 11 февраля, то есть в кульминационный момент, когда в Тегеране пала шахская диктатура и победила народная революция.

Ход вооруженного восстания в Тегеране (11–12 февраля) показал, что провалилась попытка США добиться выживания командного состава армии. И в связи с переходом власти в руки революционных сил ксенофобия, особенно антиамериканские настроения среди революционных масс, приобрели более широкие масштабы. Оставшиеся в стране иностранцы, прежде всего американцы и европейцы, опасались появляться в людных местах столицы.

К этому времени целый ряд представителей крупного частного иранского капитала и даже бюрократической буржуазии успели бежать за границу. Из дня в день росли антиамериканские настроения, усиливалось негативное отношение к иностранцам не только среди простых жителей страны. Среди господствующих слоев, включая традиционную аристократию, были деятели, которые, находясь под впечатлением нового текущего момента, вдруг словно прозрели и осознали, что их страна целое столетие подвергалась засилью великих держав.

Эти настроения нашли свое яркое, эмоциональное выражение в книге Сетаре Фарманфармаян. Она дочь каджарского принца Абдольхосейна Фарманфарма и сестра Фируз Мирзы. Училась в американской школе в Тегеране, позже в Соединенных Штатах, где некоторое время вела научную работу. Затем вернулась в Иран и во время революции 1978–1979 гг. жила в Тегеране. Преподавала социологию в колледже. Ее ученики обвинили Сетаре в сотрудничестве с иностранцами. При поддержке аятоллы Талегана получила разрешение на эмиграцию и выехала в США. В своих мемуарах, написанных на английском языке, кстати, неоднократно переизданных, она пишет: «С самого начала XX столетия каждый раз, когда мы приближались к тому, чтобы обрести осознание национальной идеи, динамизм, иностранные державы неизменно предпринимали меры, чтобы воспрепятствовать нам. Когда мы приняли конституцию, русские начали инициировать гражданскую войну, а британцы посадили нам на шею Реза-шаха. Когда его не стало, нашу страну оккупировали чужеземные армии. Когда эта оккупация прекратилась, Советы захватили Азербейджан».

байджан. В свою очередь, Америка, которую многие из нас любили и которой верили, заняла место англичан. Неудивительно, что мы стали с подозрением относиться ко всем и ко всему. В результате, чужестранцы стали считать иранцев «параноиками», ведь подчас мы видели в каждой бутылке яд и за каждым кустарником иностранного шпиона и предателя. Снова и снова рассыпались в ничто наши мечты быть хозяевами своей судьбы».

* * *

Иранская народная антишахская революция явилась результатом отчуждения, происшедшего между большинством иранцев и правящим шахским режимом. Пришедшим к власти религиозно-политическим деятелям удалось успешно реализовать целый ряд политических задач революции. Потерпел крушение шахский режим. Были лишены власти правящий имущий класс (аристократия) и возвращенная на нефтедолларах бюрократическая буржуазия, включая примыкавшие к ней новую олигархию и генералитет. Иран стал суверенным государством в полном смысле слова. Был положен конец засилью ведущих западных держав и многонациональных корпораций.

В то же время, институционализация субъективных идей Хомейни относительно абсолютной власти шиитского факиха, наделенного божественной благодатью, не привела к разрешению объективных задач и целей революции в области демократизации, социальной справедливости и установления гражданских свобод в обществе. Для обеспечения своего доминирующего положения хомейнисты разработали и внедрили в политическую систему ИРИ, помимо поста факиха (Руководителя), ряд других институтов теократического характера. В результате одна диктатура – монархическая, уступила место другой – теократической.

Важным шагом на пути упрочения исламского характера законодательной власти стало образование так называемого «Совета экспертов», стоящего по статусу над парламентом – «Собранием исламского совета» («Маджлес-е шура-йе эслами»). В него избираются одни шиитские улемы. Они, как правило, занимают консервативное крыло в политическом спектре республики. При жизни Хомейни разногласия, возникавшие между членами «Совета экспертов» и парламентом, разрешались самим руководителем, т. е. Хомейни.

Подобную практику многие руководители ИРИ считали вполне законной. Так, в декабре 1988 г. президент С. А. Хаменеи в одной из пятничных молитв заявил, что «вали-йе факих» по своему статусу стоит над основным законом – Конституцией. А. А. Хашеми-Рафсанджани признавал, что с позволения имама Хомейни неоднократно игнорировались положения Конституции ИРИ.

С целью предотвращения возникновения серьезных разногласий между парламентом и «Советом экспертов» еще при жизни Хомейни в феврале 1988 г. был учрежден специальный примирительный комитет. Одновременно в том же году, в апреле, Хомейни учредил «Собрание по определению интересов общественной системы». Уже после смерти имама Хомейни, осенью 1989 г. по указу нового духовного руководителя ИРИ С. А. Хаменеи в собрание вошли 18 постоянных членов. Членами собрания стали известные религиозно-политические и общественные деятели, в том числе аятолла М. Р. Мехдави-Кяни, Тавассоли, Хасан Санеи, Мир Хосейн Мусави, Ахмед Хомейни и др.

Это собрание внесло заметный вклад в разрешение ряда важных вопросов, касавшихся осуществляемых правительством президента А. А. Хашеми-Рафсанджани экономической либерализации, направленной, прежде всего, на развитие рыночных отношений и расширение сферы деятельности частного капитала. В частности, была осуществлена приватизация большого числа государственных предприятий. В связи с завершением войны с Ираком были предприняты значительные усилия по восстановлению пострадавших от военных действий промышленных объектов, городов и сел, особенно в зоне Персидского залива и расположенных к юго-западу останях.

Отказ от соблюдения некоторых крайних тенденций «исламской линии» в области экономической деятельности, принятие и осуществление планов хозяйственного развития и другие меры содействовали экономическому и общественному подъему. Однако они не сопровождались либерализацией в сфере культуры и политической жизни. Тем не менее правительство А. А. Хашеми-Рафсанджани сделало в 1997 г. значительный шаг в сторону демократии, обеспечив в существовавших в Иране условиях свободу выборов нового президента. Результаты выборов оказались неожиданными для правого крыла правящих сил. Большая часть молодых людей и особенно женщин в майских президентских

выборах отдали свои голоса за Мохаммеда Хатами, известного как сторонника либерализации исламского режима в Иране.

Со времени когда новый президент приступил к исполнению своих обязанностей в области политической либерализации в ИРИ серьезных перемен еще не произошло. Но в политической атмосфере страны все более ощущалось дуновение нового ветра – исламского либерализма. Весной 1999 г., выступая на пятничной молитве в столице, аятолла Кашани, намереваясь выдать желаемое за действительное, заявил, что религиозно-политическое руководство продолжает оставаться единым, как и во времена Хомейни. Однако возраставшие разногласия между левой и правой группировками в верхах становились все более очевидными.

Верность этого тезиса была подтверждена тем, что за последние годы открытой критике все чаще подвергалась главная доктрина хомейнизма – «веляят-е факих». При этом среди тех, кто выступал с подобными взглядами, встречаются имена деятелей, сыгравших видную роль в упрочении позиций покойного имама Хомейни. При их участии была подготовлена и утверждена Конституция ИРИ. Это аятолла Мехдави-Кяни, аятолла Х. Монтазери, публицист и философ А. Соруш и другие.

Подобная эволюция в воззрениях бывших соратников имама Хомейни не случайна. Некоторые существенные элементы шиитско-исламского радикализма, содействовавшие в период революции сплочению большей части оппозиции на борьбу против шахской диктатуры, ныне служат интересам лишь консервативного крыла исламистов. По этой причине либеральное крыло исламистов, возглавляемое президентом М. Хатами, прилагает усилия в той или иной мере поддерживать устремления демократически настроенных сил иранского общества. Благодаря этим усилиям, современный персидский язык обогатился таким понятием, как «мардомсалари» – «господство народа» – слово, равнозначное «демокраси» («демократия»), вызывавшее у покойного имама алергию из-за своего западного происхождения.

Следует заметить, что в стране сегодня все больше дает о себе знать рост продемократических настроений и среди определенной части шиитско-исламского духовенства. Некоторые «независимые» религиозные деятели фактически выступают за восстановление преднамеренно упраздненного в ходе революции самостоятельного статуса и звания моджтехидов. Моджтехиды

фактически исполняли обязанности руководителей, входящих в шиитскую общину субобшин. В период революции 1978–1979 гг. эти субобщины распались, перестали активно функционировать их духовные предводители-моджтехиды. Так, до революции в Исфахане и его окрестностях верующие мусульмане разделялись на четыре группы: последователи (мукаллиды) моджтехидов аятолы Хои, аятоллы Хакима, аятоллы Монтазери и бехаиты.

Современная политическая ситуация, которая сложилась после 1997 г., предвещает новые значительные коллизии в политической, религиозно-идеологической и культурной жизни Исламской Республики Иран в наступившем XXI столетии. Началу раскола в иранском обществе положили события конца 90-х годов, когда после победы Мохаммеда Хатами на президентских выборах весной 1997 г. обнаружились серьезные разногласия в ветвях верховной власти. Еще в своих предвыборных выступлениях М. Хатами обещал добиваться построения «гражданского общества» в рамках существующего исламского строя, обеспечить развитие демократии и свободы слова. Став президентом, Хатами содействовал демократизации и свободного самовыражения в иранской прессе. Он ввел в политический лексикон понятие «исламская демократия», назвав ее одной из главных целей исламской революции.

Сторонники Хатами победили в феврале 1999 г. на выборах в местные советы. Вслед за этой победой последовали серьезные стычки между сторонниками реформ и исламистами. Еще более острые столкновения произошли в июле того же года в Тегеране и в более десяти городах страны. Тогда студенты, сторонники реформ, организовали демонстрации протеста в связи с закрытием популярной газеты «Салам», способствовавшей расширению политической базы реформистского течения и победе Хатами в президентских выборах 1997 г.

Согласно некоторым зарубежным источникам острая реакция студентов на борьбу в верхах власти не случайна. В стране ныне около 60% населения составляет молодежь. Ее большая часть те, кого называют «детьми революции». Они родились после крушения шахского режима. Численность студентов – 1,2 млн. человек. Наиболее острыми проблемами для молодежи остаются трудоустройство и жилье. Большая часть молодежи симпатизирует исламским лидерам либерального толка и выступает за расширение

культурных связей с западными странами.

Президент Хатами и его соратники-реформаторы пользуются большим авторитетом у студентов. Значительной частью социальной опоры президента являются женщины. Новые идеи, привнесенные в иранскую политику президентом Хатами, особенно его мысли о необходимости разрешения существующих между Западом и Ираном (и исламским миром) кардинальных разногласий посредством диалога, поддерживаются также большим числом представителей нынешней иранской бюрократии, интеллигенции и частного капитала.

В то же время исламисты-консерваторы, сторонники упрочения верховной власти духовного вождя, отрицательно относятся к свежим политическим веяниям. Консерваторы решительно выступают против перемен во внешней и внутренней политике Исламской Республики Иран. Они утверждают, что страна оказалась в изоляции в результате экономических и политических санкций со стороны американского руководства, а также настойчиво проводимой им в отношении ИРИ политики «двойного сдерживания».

Новые парламентские выборы (февраль – май 2000 г.) стали этапом в развитии разногласий между продемократически-реформаторски настроенными силами и стойкими консерваторами. Они завершились убедительной победой сторонников первых. Ряд важных моментов, в частности закрытие 16 либеральных газет и др., показывает, что вероятность столкновения между противоборствующими течениями довольно высокая. Газеты эти были закрыты накануне второго тура выборов в меджлис. Тем не менее из 66 мест в парламенте 45 оказались у сторонников реформ.

На современное внутривнутриполитическое положение заметное воздействие оказывают также проблемы, унаследованные от шахского времени. В арсенале нового исламского режима отсутствует конструктивный подход к их смягчению или разрешению. Использование же насильственных методов для урегулирования этих задач в новых условиях оказывается малоэффективным.

Отметим, в частности, вопрос о неперсидских народах, добивающихся признания за ними равноправного статуса. Препятствием на пути разрешения этого вопроса является то, что руководители страны до конца не сумели избавиться от пережитков политики персидского шовинизма, проводившейся в эру Пехлеви.

Хотя, как упоминалось выше, аятолла Хомейни резко обличал антинародную сущность паниранистической политики Мохаммед Резы Пехлеви.

Отказ признать национальную идентичность и права крупных этнических общностей в известных случаях может дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране. Недаром опытный американский политик и теоретик международных отношений Збигнев Бжезинский, указывая на «уязвимость» ИРИ с точки зрения вероятности «межэтнических конфликтов», делает вывод: «За исключением курдов и азербайджанцев, в настоящее время другие народности не представляют опасности для национальной целостности Ирана, в частности учитывая высокую степень национального и имперского самосознания персов. Однако такая ситуация могла бы быстро измениться, особенно в случае нового кризиса в политической жизни Ирана». [2]

За последние годы в некоторых областях иранские власти сделали определенные шаги в сторону признания национальных или этнических прав неперсидских народностей. Однако в целом национально-демократические устремления азербайджанских тюрок и курдов Ирана игнорируются.

Стремление ряда шиитских авторитетов охарактеризовать националистическое течение на мусульманском Востоке интригами западных держав носит абсурдный характер. Эта концепция лишена научной основы. Тем более что в соседних с ИРИ странах признание курдов самобытной этно-национальной общностью является общепризнанным фактом.

Что касается «национализма», то известно, что в эру классического ислама в халифате зародилось культурно-политическое течение «шу'убийе». Его идеологами явились мусульмане-аджеми, т. е. «неарабы», выступающие за равноправие всех мусульман. При этом большую часть шу'убитов составляли исламизированные персы (иранцы).

Наиболее важной проблемой, препятствующей ИРИ продолжать свое стабильное политическое и экономическое развитие, по всей видимости, может стать несочетаемость теократических и светских (республиканских) институтов ее политической системы. Поскольку теократические институты, по статусу доминирующие над республиканскими, укомплектованы религиозными авторитетами, то все попытки президента, направленные на проведение

реформ, на повышение роли и значения светских учреждений, соответствующих требованиям современной цивилизации, встречают ожесточенное сопротивление и в конечном счете рушатся.

Важнейшим политическим инструментом для консерваторов при этом служит судебная власть. За годы существования ИРИ она полностью исламизирована. Научные разработки свидетельствуют, что в эпоху Сефевидов, когда имамитский шиизм был провозглашен государственной верой Ирана, продолжали функционировать светские суды.

Поправки, внесенные в 1989 г. в текст конституции ИРИ, устанавливают, что высшим органом судебной власти в стране являются ее Председатель, назначаемый на пять лет Руководителем страны (статья 157). Председатель судебной власти назначает Председателя Верховного суда, формирует его состав, утверждает Генерального прокурора республики и предлагает президенту кандидатуру на пост министра юстиции.

Разрешение нынешнего кризиса – противостояние между консервативной частью нынешней политической элиты и продемократически настроенными силами – мирными средствами, прежде всего взаимными уступками, представляется пока маловероятным. Но если лидеры соперничающих сторон придут к согласию относительно радикальной конституционной реформы, касающейся расширения властных полномочий президента и демократизации судебной власти, путь к взаимопониманию будет открыт.

Введение

1. Об этом обстоятельно говорится в книге Мохаммеда Резы Пехлеви «К великой цивилизации». См.: главу VI данной работы.
2. Поскольку одной из наиболее отчетливых проявлений революции 1978–1979 гг. явился антиамериканизм, то рассмотрение вопросов о вероятных перспективах выживания Исламской Республики Иран и ее политики в отношении к западным державам уделялось большое внимание не только со стороны администрации США, но и академических кругов. В этом плане известный интерес вызывают записи научной конференции, организованной по инициативе проф. Никки Р. Кедди в Международном центре в США. См.: «The Iranian Revolution and the Islamic Republic». Proceedings of a Conference (May 21–22, 1982). Editor Nikki R. Keddie. Erik Hoogland. Printed in the US by the Middle East Institute. 1982.
3. Помимо «Societas Iranologica Europaea», который систематически проводит международные (европейские) конференции по иранским исследованиям, подобные научные форумы осуществляются в рамках отдельных стран. Так, в 2002 г. в Великобритании состоялась специальная встреча иранистов. Она была посвящена проблемам изучения истории и культуры Ирана в вузах Великобритании и подготовке иранистов.
4. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. В предисловии этой коллективной работы ответственный редактор (А. З. Арабаджян) утверждает, что «каждая конкретная революция не является фатально неизбежной» (с. 5). К этому вопросу автор вновь возвращается в заключении: «Равным образом, – пишет он, – революция не была и фатально неизбежной, хотя и оказалась закономерным результатом тех условий, в которых протекал процесс развития капитализма в этой стране...» (с. 450–451). Сомнительными представляются также тезисы автора о шахских реформах. Он пишет: «С точки зрения обеспечения условий, необходимых для ... долгого существования дома Пехлеви, ... революция 1978–1979 гг., несомненно, означала полный провал «белой революции» (т. е. реформ. – С.А.). Однако рассмотренный с широкой исторической точки зрения революционный взрыв 1978–1979 гг. отнюдь не означал провала «белой революции» (с. 450). Шахские реформы, включая самую значительную из них, носили половинчатый характер. А как известно из истории, подобные реформы оказывались не в

состоянии предотвратить революцию. Часто они скорее содействовали формированию революционной ситуации. Что касается ускорения капиталистических отношений в Иране, то оно, главным образом, было вызвано многократным увеличением поступлений от нефти. Характерно, что затронутые здесь вопросы в основной части книги не рассмотрены.

К числу крупных недостатков, допущенных в книге «Иранская революция <...> Причины и Уроки», относится также и тезис о пассивном отношении крестьянства к антишахской революции. Во-первых, как свидетельствуют авторы предварительных аналитических записок (дипломаты и сотрудники спецслужб), самыми активными участниками уже первых городских восстаний в Куме, Тебризе и т. д. явились низшие слои больших городов. Главным образом это были молодые люди, прибывшие в город из деревень в поисках работы. Во-вторых, крестьянское движение в полном смысле этого понятия развернулось в Иране (Туркменсахре, Курдистане и т. д.) на последнем этапе и продолжалось после побега шаха и прихода к власти хомейнистов.

5. Halliday F. Iran: Dictatorship and Development. Penguin Books. 1979, p. 8.
6. Алиев С.М. Современное исламское возрождение и его особенности (на примере Афганистана, Ирана и Турции). В кн. Ислам и политика. М., 2001, с. 7.

Общие сведения об Иране

1. Iran. Statistical center digest 1378 (1999). Tehran, 2001; Cp. Iran Almanac. Fifth Edition. Tehran, 1966, p. 120. Здесь указана протяженность границ Ирана с Ираком – 1155 км, с Турцией – 410 км, с Пакистаном – 905 км., с Афганистаном – 855 км; см. также: Iran: Dilemmas of Dyal Containment (Anthony H. Cordesman and Ahmed S. Hashim). 1997, Westview Press. Boulder, Colorado and Oxford (UK), pp. 126–127. Здесь протяженность границ ИРИ с Ираком – 1448 км, с Турцией – 499 км, с Арменией – 35 км, с Азербайджаном – 432+179 км?, с Туркменистаном – 992 км, с Афганистаном – 936 км, с Пакистаном – 909 км. 740 км – по береговой линии Каспийского моря?
2. История Древнего мира. Древний Восток. А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. Минск, Харвест. 1999, с. 668; Roberts J.M. Shorter History of the World. Oxford. Helicon. 1996, pp. 97, 99.
3. А. И. Колесников. Денежное хозяйство в Иране в VII веке. Восточная литература. РАН. М., 1998, с. 61.
4. Данное положение отчасти является исправленным и дополненным вариантом утверждения Л. Н. Гумилева. См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Изд. 2-е. Ленинград, 1989, с. 152.

5. Особый интерес вызывает история арабов-шинтов, мигрировавших в район нынешнего иранского города Кум. См.: Drechlser Andreas – Die Geschichte der Stadt Qom im Mittelalter (650–1350)... Berlin, 1999.
6. Frye Richard N. The Golden Age of Persia. The Arabs in the East. (In: Chapter 11. Turkish Ascendancy, pp. 213–230). N.Y. 1975.
7. См.: Aliev, Saleh Muhammedoglu. Azerbaycan Turklerinin Menseine dair uc ana Gorusun Elestirisi (XII. Turk tarih kongresi. 11 cilt, Ankara, 1991, pp. 293–308.
8. Согласно видному турецкому ученому, профессору Ф. Сумеру, распространение шиизма при шахе Исмаиле I (1501–1524) осуществлялось насильственными средствами. Это утверждение нам представляется неверным, поскольку образование государства Сефевидов произошло в результате массового религиозно-политического движения, развернувшегося под флагом имамитского шиизма. Sumer Faruk. Safevi Devletinin kurulusu ve gelismesinde Anadolu Turklerinin Rolu. Ankara, 1976, p. 69.
9. Iran Today, p. 24.
10. Izady Mehrdad. The Kurds: a Concise Handbook. «Taylor and Francis». Washington, 1992, p. 119.
11. The Economist. L., December, 2000, №51, p. 60.
12. Mc Dowall David. A Modern History of the Kurds. «I.B. Tauris». London. New York. 1996, pp. 445–449.
13. Izady Mehrdad. Op. cit, pp. 78–79.
14. Iran at Clance. Printing and Publishing Organization Ministry of Culture and Islamic Guidance. Tehran, 1998, p. 16.
15. Данные, касающиеся современного состояния экономики, взяты из официальных иранских изданий и из книги Дж. Амузегара: Amuzegar Jahangir. Iran Economy under Islamic Republic. «I.B. Tauris». London, New York, 1993.

Глава I

1. Каджары мигрировали в Иран и Азербайджан из Сирии и Анатолии в XV в. Faruk Summer. Oguzlar (Turkmenler). Istanbul, 1992, p. 131–132, 355.
2. Алиев С.М. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир шаха. Иран. Москва, 1980, с. 27–66. Многие плодородные «коронные земли» («халисе»), захваченные или приобретенные основателем каджарского государства находились к северу от Тегерана, в Мазердаране. Город был торговым центром и расположен недалеко от дороги, соединявшей север страны с Центральным Ираном.
3. Faruk Consolidated Treaty Series, ed. C.Party, N.–Y. 1969, IV, pp. 455–447.

4. По договору о Союзе Франция обязывалась «принудить Россию эвакуироваться из Грузии и других закавказских областей». Шах должен был «порвать с Англией все политические и торговые отношения, объявить ей войну» и «пропустить через иранскую территорию французскую армию в случае, если она будет направлена в Индию». Новая история Ирана. Хрестоматия. М., изд. «Наука», 1988, с. 69.
5. Там же, с. 71.
6. Edward Ingram. Britain's Persian Connection, 1798–1829. Prelude to the Great Game in Asia. Clarendon Press. Oxford, 1992, pp. 119–121.
7. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 72.
8. Большое внимание этой проблеме уделено в монографии Бала-яна Б.П. «Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.». Ере-ван, 1967, с. 11–130.
9. Это произошло во время похода Мухаммед Хасан-хана, отца ос-нователя династии Каджаров, в Карабах и Гянджу весной 1758 г. Среди примкнувших к нему в указанной провинции был и влия-тельный род Каджаров Зияд оглы, а также правители Карабаха и Гянджи. A. Lambton. Qajar Persia. Eleven studies. London, Tauris and Co. Ltd., 1987, p. 8.
10. Генерал А.П. Ермолов давал высокую оценку реорганизациям Аб-бас Мирзы, осуществляемым при помощи англичан: «Регулярные войска, – писал он, – устроятся на хорошем основании. Артилле-рия в отличном порядке <...>, учреждаются крепости по образцу европейских. Извлекаются руды, и уже медь, свинец и железо в большом количестве». Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. Москва, «Высшая школа», 1991, с. 295.
11. Там же, с. 430.
12. Там же, с. 10.
13. Там же, с. 18.
14. См.: ПСЗ.? Собрание II, т. III, СПб, 1830, с. 125. Статья 8 Трактата.
15. Утверждение о том, что «новый англо-иранский договор был под-писан в Тегеране 25 ноября 1814 г. на основе предварительного ан-гло-иранского договора 1809 г.», является неверным (см.: История Ирана. Изд. МГУ, 1977, с. 229). Эта же ошибка вошла и в изда-ние записок русского посланника Симонича.
16. C.U. Aitchison. A Collection of treaties, engagements and sanads rela-ting to India and Calcutta, 1933, vol. XIII, pp. 60–63; Хрестоматия по истории международных отношений, выпуск II, Африка и Перед-няя Азия, «Высшая школа», М., 1972. Русский перевод документа, с. 7–74.
17. Ingram. Op. cit., p. 192.
18. Ibid, p. 172.

19. Так, исследование Б. П. Балаяна по данному периоду отличается богатством использованных документальных материалов. Однако крайняя тенденциозность и субъективизм автора часто мешают ему объективно оценивать исторические события и явления. Нередко в его работе встречаются заключения и утверждения, далекие от исторической действительности или свидетельствующие о плохом знании литературы по исследуемой теме. Так, касаясь вопроса о политическом статусе Южного Кавказа, автор пишет: «Закавказье никогда не принадлежало Ирану, а было лишь захвачено иранскими войсками» (см.: Балаян Б.П. Указ. соч., с. 13). Не говоря о богатой исторической литературе по данному вопросу, отметим, что за год до издания работы Балаяна, в 1966 г. появилась монография О. П. Марковой, где говорится: «10 (21) марта 1735 г. между Россией и Ираном был заключен Гянджинский договор «вечного союза...» Уступая категорическому требованию Тахмасп Кули-хана (в феврале 1736 г. на курултае в Мугани провозглашен шахом Ирана под именем Надир-шах Афшар. – С.М.) князь С. Д. Голицын вынужден был включить в Гянджинский договор признание власти Ирана над Дагестаном». (Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 122). В 1744 г. в Восточной Грузии воцарились Багратионы кахетские: Надир-шах назначил Теймураза царем Картли, а Ираклия – царем Кахетии (там же, с. 125). Таким образом, в империю Надир-шаха Афшара входили не только Южный, но и часть Большого Кавказа.
20. Балаян Б.П. Указ. Соч., с. 19.
21. Ingram. Op. cit., p. 20. Эдвард Инграм, выражая имперские интересы Великобритании прошлого, с чувством сожаления пишет: «Призыв Британии помочь совместно управлять делами каджарского государства Россией было отвергнуто». Ibid. Автор явно имеет в виду попытку Британии установления англо-российского протектората над Ираном. Позже, в 1888 г., министр иностранных дел Англии выдвигал предложение о разделе Ирана на зоны влияния между Британией и Россией. Как известно, похожая идея была реализована в англо-российском соглашении 1907 г.
22. Ingram. Op. cit., p. 288–289.
23. См.: Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М., 1959.
24. Makhzan ol-Vagaye. Journal de l'Ambassade de Farrokh khan... Par Hoseyn ibn Abdollah Sarabi. Edite par Karim Esfahanian. Tehran. 1344/1965. p. 219–225. Издатели данного источника высоко отзываются о вышеназванной книге советского историка П. П. Бушева, называя ее «наиболее полным и глубоким» сочинением по данной теме (там же, с. 433).

25. Б. Маннанов. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX веков. Ташкент, 1964, с. 55-63. Полный текст конвенции 1881 г. см.: «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сееников. Под редакцией Г.И. Карпова и др. Ашхабад, 1946, с. 189–192.
26. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960, с. 62.
27. Указ. Соч., с. 131–168.
28. В результате подписанного соглашения, по настоянию английских арбитров, 4159 кв. миль Систана было объявлено территорией Афганистана, а 2848 кв. миль – территорией Ирана. Иранский шах отказывался признавать подобное разграничение. Но во время пребывания в 1873 г. в Лондоне, под сильным нажимом английских властей, он вынужден был пойти на уступки и принять эти условия. Необходимость подобного разграничения территории Систана английские и афганские представители обосновывали тем, что именно эта часть провинции в годы правления Ахмед шаха Дуррани входила в состав его империи. Mojtabeh-Zadeh P. The Eastern boundaries of Iran. Edited by Keith Mc Lachlan, UCL Press, 1994, 128–139; Dr. Reza Reiss Toussi. The strategy of Burned Lands. Tarikh-e mo'aser-e Iran. Vol. 1, no 2, Summer 1997, p. 47–79; Wright Denis. The English Amongst the Persians, London, Heineman, 1977, p. 145.
29. Mojtabeh-Zadeh. Op. cit., p. 128–139.
30. Ibid, p. 135–137.
31. Dr. Toussi Reza Re'iss. The Strategy of Burned Lands: Seistan at its Last Agony. Tarikh-e Mo'aser-e Iran, vol. 1, no 4, Winter 1998, p. 19-68.
32. Mojtabeh-Zadeh. Op. cit., p. 136–137.
33. Lambton. Op. cit., p. 20.
34. The boundaries of Modern Iran. L., 1994, p. 90–92.
35. Данное выражение введено в историю международных отношений английскими авторами. См.: Ingram. Op. cit., p. XIII.
36. Schofield P. Interpreting a vague river boundary delimitation: the 1847 Erzerum treaty and the Shatt al-arab before 1913. In: The boundaries of modern Iran, p. 79-92.
37. В 80-е годы XVIII в. руководителями внешней политики Российской империи была выдвинута задача завоевания Кавказа и обоснования на Каспии. При этом она трактовалась прежде всего как мессианская идея освобождения христианских народов – грузин и армян – от господства Османской Турции и Каджарского шахства. Предполагалось объединение грузинских владений под протекторатом России и восстановление «армянского царства». Сразу после полного покорения всего Кавказа на территории Северного Азербайджана российские власти учредили Армянскую область. В результате изменения государственно-административной политики

вскоре она была упразднена. Такая перемена была связана с тем, что, вопреки предположениям, большинство населения края состояло из мусульман, главным образом из тюрков. После этого задача создания в Кавказском Азербайджане нового армянского владения под властью России «с древним названием Албания» была предана забвению. Полностью изменилась политика и в отношении политического обустройства Грузии. Кавказ стал наместничеством и впоследствии был разделен на пять областей, семь губерний и два округа.

38. Вхождение северной части Азербайджана в состав Российской империи оказало неоднозначное воздействие на этно-национальное развитие единого народа – тюрков Кавказа и Ирана.
39. Во-первых, политическое разделение единого народа привело к ослаблению политико-экономических и культурных позиций азербайджанских тюрков в шахстве Каджаров, хотя они были основателями данного государства. Азербайджанские тюрки до 1828 г. как по численности, так и по своим политико-экономическим позициям в Каджарском шахстве являлись преобладающей народностью. Даже к последней четверти XIX в. абсолютное большинство населения крупнейшего города страны – Тебриза (200 тыс. человек) и столицы Каджаров – Тегерана (65 тыс. человек) составляли тюрки. Однако после отхода Северного Азербайджана к России тюрки перестали быть таковыми и их место постепенно заняли персы. Во-вторых, из-за своей приверженности к мусульманской вере в условиях России азербайджанские тюрки по своему политико-правовому статусу стали «инородцами» и были оттеснены царизмом на более низкое положение. Они утратили неизменно растущую позицию в восточной части Кавказа. Указанные обстоятельства не могли не оказать негативного воздействия на исторические судьбы азербайджанских тюрков. Будучи единой этнической общностью и обладая общим этногенезом, единством языка, культуры и общим историческим прошлым, после российско-иранских войн XVIII–XIX вв. они разделились на кавказских и (азербайджанских) иранских тюрков.
40. После русско-иранских и русско-турецкой войн река Аракс и ее притоки оказались главными ориентирами, по которым царская Россия добилась обустройства своих государственных границ на Южном Кавказе.
41. Эти обстоятельства, имеющие историко-объективный характер и связанные с целенаправленной колониальной политикой царской России, не дают, однако, оснований для модернизации истории прошлого. Добиваясь заключения с Ираном и Османской Турцией договоров, позволивших им обосновать свое господство на Боль-

- шом Кавказе, политики из Санкт-Петербурга или Великобритании вряд ли преследовали цель «разделения азербайджанского народа». Кстати, что касается идеи возрождения государственности христианских народов, то она, как показал ход истории, главным образом служила интересам растущей Российской империи. В то же время вхождение этих народов в состав царской России имело, несомненно, для них значительные позитивные последствия.
42. Guity Nashat. *The Origins of Modern Reform in Iran, 1870–80*. Urbana, Chicago, London, pp. 43–113, 161.
 43. Реза-Коли хан Хедаят. *Тарих-е роузат ал-сафа-йе Насири*, Тегеран, 1962, т. IX, с. 4.
 44. Nashat. *Op. cit.*, p. 73.
 45. Иванов М.С. Антифеодальные восстания в Иране в середине. XIV в. М., 1982.
 46. Issawi Ch. *The Economic History of Iran, 1800–1914*. Chicago and London, 1971; Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991.
 47. Англичане установили добрые отношения с Ага Мохаммед ханом, будущим основателем государства Каджаров в Иране, еще в 1793 г., когда тот направился в поход против Лютф-Али хана Зенда в Шираз. Для войны с последним зендским правителем Ага Мухаммед хан получил подкрепление от Ост-Индской компании караван с оружием, доставленным на 60 верблюдах и 40 мулах. ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. 36–611, л. 191. Цитировано по книге: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
 48. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 129.
 49. Теймури Э. *Аср-е бихабари йа тарих-е эмтиязат дар Иран*, Тегеран, 1953, с. 150.
 50. Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М., 1956, с. 20.
 51. Robbins K.G. Public Opinion, the Press and Pressure Groups. In: *British Foreign Policy under Sir Edward Grey*. Cambridge, 1977, p. 87.
 52. История Ирана, с. 258.
 53. Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study on Imperialism*. New Haven, 1968, p. 355.
 54. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). Ленинград, 1975, с. 14.
 55. См.: 48, с. 14–18.
 56. См.: 48, с. 18. Впоследствии, особенно после 1906 г., Учетно-ссудный банк по характеру своей деятельности приблизился к обычным коммерческим банкам. Этот вопрос рассматривается в последних частях работы Б. В. Ананьича.

57. Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения. Ташкент, 1975, с. 24.
58. Хома Натег. Базерганан дар дадосетад ба банк-е шахи ва режи-йе Танбаку. (Бар пайе-йе аршив-е Амин ал-Зарб), Парис, 1992, с. 86-89. A. K. S. Lambton. The Tobacco Regie: prelude to revolution, *Studia Islamica*, XXII (1965), p. 19-57, XXIII (1966), p. 71-90. Ламбтон пишет, что будто «монополия на продажу персидского табака и контроль над его производством», т. е. концессия, была выдана 8 марта 1890 г., а информация о ней была получена в Лондоне 21 марта 1890 г. Но, согласно данным Х. Натег, концессия была подписана 20 марта 1890 г. A. Lambton, *Qajar Persia*, p. 224; Х. Натег, указ. соч., с. 88.
59. Hatami, Muhacir Iran matbuati imperializm va mustamlacilikla mubarizada. Baki, 1964, p. 78. «Ахтар», Стамбул, 20 января 1891 г.
60. Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891-92 гг.
61. Nateg Noma, указ. соч., с. 210-214. В тот период в Стамбуле и его окрестностях проживало примерно 16 тыс. иранских мигрантов. Из них около тысячи составляли купцы, остальные были мелкими торговцами, ремесленниками и рабочими. Большинство из них обитали в караван-сараях «Хан-е валиде». Фарахани Мирза Хосейн. Сафарнаме, Тегеран, 1965, с. 150.
62. Кермани Назим оль-Ислам, видный иранский историк начала XX в., утверждал, что фетва на самом деле была издана Мирзой Хасаном Аштияни, но была распространена от имени наиболее авторитетного муджтахида, проживающего в Самарре (Ирак). Кермани. Тарих-е бидарие-йе ираниан. Тегеран. 1953, с. 12.
63. Строева Л.В. Указ. соч.
64. См.: 57.
65. Натег Хома. Указ. соч., с. 155-162; Строева Л.В. Указ. соч.
66. Мирза Реза Кермани был мелким торговцем. Сохранились его письма, дающие возможность расширить представление о его общественно-политических воззрениях. См.: Натег Хома. Карнаме ва замане-йе Мирза Реза Кермани. Кельн, 1984.
67. Lambton. Op. cit., p. 275.
68. Натег Хома. Указ. соч., с. 65-67, 75; Алиев С.М. Нефть и общественно-экономическое развитие Ирана в XX веке. М., 1985, с. 8-9.
69. Алиев С.М. Нефть..., с. 9.
70. См.: «Из концессионного соглашения между персидским правительством и У. Ноксом д'Арси от 29 мая 1901 г.». Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 134-136.
71. Алиев С.М. Нефть..., с. 10.

72. Sampson A. The Seven sisters. The Great Oil Companies and the World they Shaped. N.-Y., 1975, p. 53–54.
73. Алиев С.М. Нефть..., с. 10.
74. Кашфи М. Сейр-е тахаввол-е санат-е нафт дар Иран ва хавар-е мийан-е. Техран, 1981, с. 15–16.
75. Косоговский В.А. Из тегеранского дневника. М., 19.. г., с. 135.
76. Garthwaite Gene R. The Bakhtiari Khans, the Government of Iran and the British. 1846–1915 – «GJ ES», 1972, № 1, p.32; см. там же, он же. «Khans and shahs». Cambridge, 1983.
77. Ильхан – верховный хан племенного объединения бахтиар.
78. Ильбеги – второй по рангу хан племенного объединения бахтиарских племен.
79. Garthwaite. The Bakhtiari Khans, p. 33–34.
80. «Рахнома-йе кетаб», 1976, т. 19, № 3–6, p.327.
81. Ahmad I. Anglo-Iranian Relations. 1905–1919. Aligarh, 1974, p. 285.
82. Касрави А. Тарих-е пансадсале-йе Хузестан. Техран, 1951, с. 252.
83. См.: 76, с. 257. Ф. Каземзаде относит это событие к весне 1897 г., что является ошибкой. (Kazem-zadeh F. Russian and Britain in Persia, p. 428). Согласно автору «Путешествие в Хузестан», Мазаль был убит 12 июня 1896 г. Реза-хан. Сафарнаме-йе Хузестан. Техран, 1976, с. 109, 202.
84. Garthwaite. The Bakhtiari Khans, p. 36.
85. Bullard R. Britain and the Middle East. L., 1951, p. 123. Ahmad I. Op. cit., p. 284.
86. Churchill W. The World Crisis. 1911–1914. N.-Y., 1923, p. 140.
87. Эти сведения взяты в основном из вводной части книги Назим оль-Ислама Кермани «История пробуждения иранцев». Первое неполное издание книги появилось в ходе революции 1905–1911 гг. Кермани. Тарих-е бидари-йе ираниан. Техран. 1953.
88. Давуди Мехди. Айн ад-доуле ва режим-е машруте. Техран, 1962, с. 100.
89. Бест (баст). Данное понятие восходит к персидскому глаголу «бас-тан»: «связать», «привязать», «закрыть» и т. д. «Бест» означает укрыться от преследователей в священном месте. Например, в мечети, в святой гробнице, шахском дворце и даже в его конюшне, в резиденции сановников или религиозных авторитетов. Слово «бест» также означает акцию политического протеста: человек, обвиняемый за определенный проступок, как правило, в знак отрицания своей вины привязывал себя цепями к двери или ограде святыни, мечети. В начале XX в., в ходе конституционной революции 1905–1911 гг., правом «беста» пользовалась большая группа людей, выдвигавших правительству те или иные политические требования. В случае несогласия властей выполнить их требования

- прибегнувшие к «бесту» отказывались возвращаться к своей обычной деятельности.
90. Участие в «бесте» видных религиозных авторитетов, купцов и т. д. могло привести к политическому кризису, как, например, это произошло в годы конституционной революции.
 91. Это событие по-персидски было названо «мохаджерат-е сагир», т. е. «малой миграцией». Ее инициаторами явились два муджтехида – Табатабаи и Бехбехани. Участники «беста» вернулись в Тегеран 12 января 1906 г. Назим оль-Кермани. Тарих-е бидари-йе Ираниан. Техран, 1953, с. 301.
 92. Впоследствии, в ходе тебризского восстания, Мирза Хасан перешел на сторону шахистов и был изгнан моджахидами из Тебриза. Вернулся в город после подавления восстания. Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М., 1957, с. 175.
 93. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 167. Статья 26 Основного закона гласила: «Для постройки железных дорог или шоссе на государственные средства либо на средства товариществ и компаний, своих или иностранных, требуется одобрение меджлиса». Там же.
 94. Шапшал С.М. Впоследствии известный ученый-тюрколог и религиозный деятель (в области веры караймов). Шапшал Сергей (Сергей Сюрейя) Маркович (8.V.1873–18.XI.1961) родился в г. Бахчисарае (Крым). Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. В январе 1901 г. был командирован в Иран для изучения азербайджанского и персидского языков.
 95. По предложению правительства Ирана стал преподавать русский язык и общеобразовательные предметы в училище «Лукмание» в Тебризе. Одновременно давал уроки наследному принцу Мохаммед Али Мирзе Каджару, будущему шаху.
 96. В. Ф. Минорский, в начале своей дипломатической карьеры, 15 января 1905 г., в письме своему учителю, известному востоковеду А.Е. Крымскому, давал воспитателю наследника шахского престола С. Шапшалу отрицательную характеристику. В этом письме, в частности, он писал: «Если Валиахд (наследник престола. – С.А.) взойдет на престол, русские увидят, какое культурное *влияние* на него оказал его воспитатель, лишь сидящий в передней на пятках (корточках. – С.А.), обдeldывающий свои денежные делишки (он официально из разных мест получил до 10 000 рублей) и предоставляющий *благонамеренные* сведения. А дела идут отвратительно, по-моему...».
 97. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное. Подготовил Кононов М. 1989, сс. 252–253; Н.А. Кузнецова. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам. В кн.: Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984, с. 136.

98. История Ирана, 1977, с. 273.
99. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 201–203.
100. Lambton. *Eleven Studies*. p. 327.
101. История Ирана. 1977, с. 278.
102. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 222.
103. Кесрави Ахмед. Тарих-е машруте-йе Иран. Техран. Т. 3, с. 109–111, 113, 117–119.; Иванов М.С. Иранская революция, с. 279.; Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 225–226. В тексте перевода из труда Кесрави допущены ошибки. Так, Малек оль-Мотекаллимин назван редактором газеты «Сур-е Эсрафил», Мирза Джехангир-хан – редактором газеты «Рух оль-Куддус» и т. д. На самом деле, Малек оль-Мотекаллемин был известным революционным проповедником (оратором), а Джехангир-хан-издателем прогрессивной газеты «Сур-е Эсрафил». Газету «Рух оль-Кодс» (а не «Рух оль Куддус») издавал Сольтан оль Улема Хорасани.
104. Сборник дипломатических документов. СПб., вып. 1, с. 290–291.
105. Алиев С.М. К вопросу о связях Бакинского и Тифлиского комитетов РСДРП с иранскими революционерами в 1903-1911 гг. В кн.: Славные страницы борьбы и побед. Баку, 1965, с. 206-207.; Див Салар Али. Йададаштх-йе тарихи радже'бе фатх-е Техран. Техран.
106. Большую роль в привлечении бахтиарских племен в антишахское выступление сыграли руководители конституционного движения города Исфахана. В конце 1908 г. они обратились к смещенному шахом хану Самсам ос-Салтане с предложением о совместном походе против Мохаммед-Али шаха. Поход бахтиарских племен и их союзников в Тегеран с целью свержения шаха возглавил брат Самсама – Сардар Асад. Идея организации этого похода была одобрена английскими властями. Англичане и их ставленники оказали бахтиарским предводителям серьезную помощь деньгами и оружием. См.: Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 237–238.
107. В большинстве русскоязычных изданий по истории революции (включая документальные источники) он ошибочно называется Азад (вместо Азуд) оль-Мольком.
108. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. V, СПб, 1912. Обзор событий в Тегеране с 23 по 31 июля 1910 гг., с. 48–52.
109. Там же. Во времена упомянутого события в парке Атабаке военным министром был Ахмед Кавам. Он же был автором принятого мджлисом Закона о насильственном разоружении муджахидов. Агели Багер. Мирза Ахмед хан Кавам ос-Салтане дар доверане Каджарийе ва Пахлави. Техран, 1998, Чап-е доввом, с. 62-63. Согласно Б. Агели из числа моджахидов 18 человек было убито и 40 получили ранения.

110. Зендеги-йе туфани. Хатерат-е Сейид Хасан-е Таги заде. Бекушеш-е Ирадж Афшар. Техран, 1372/1993, с. ?.
111. Shuster M. The Strangling of Persia. N.-Y., 1912.
112. МОЭИ. Том XIX., ч. 1, док. 9.
113. 30 июля 1911 г. (3 шабаан 1329 г.л.х.) иранский меджлис принял постановление о смертной казни бывшего шаха и двух его активных сторонников, участников заговора с целью реставрации верховной власти Мохаммед Али Каджара. В первой статье говорилось: «Поскольку Мохаммед Али Мирза, низложенный с престола, является преступником и уничтожение его необходимо, за умерщвление или его захват правительству разрешается выплатить 100 000 туманов тому, кто это сделает, или его наследникам». Во второй статье постановления оговаривалась сумма денежного вознаграждения тем, кто уничтожит или захватит (арестует) принца Салар од-Доуле и Шоа ос-Салтане. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 273–274.
114. Сборник дипломатических документов, вып. VII, с. 266–267. Нота завершалась следующими предупреждениями: «К изложенному должен добавить, что императорское правительство будет ожидать удовлетворения упомянутых выше требований не более 48 часов, в течение коих русский отряд будет задержан в Реште. Если по истечении этого срока ответа не последует или будет неблагоприятный ответ, отряд будет двинут дальше, что, конечно, повлечет за собою, между прочим, и увеличение той суммы, которую персидскому правительству придется нам уплатить».
115. Российский посланник в Тегеране Поклевский-Козелл в своей телеграмме об этих событиях от 18 ноября (1 декабря) 1911 г. Нератову подчеркивал, что Ала од-Доуле состоял с ним в «личной большой дружбе». МОЭИ. Серия 2, т. XIX, ч. 1, док. 134, с. 119.
116. МОЭИ, сер. 2, т. XIX, ч. 1, док. 264, с. 242–243.
117. МОЭИ, сер. 2, т. XIX, ч. 1, док. 175, с. 162. Сборник дипломатических документов., выпуск VII, с. 350, 362–364, 399.
118. Abrahamian. Op. cit., p. 107–108.
119. Сборник дипломатических документов, выпуск VII, с. 406–407, 395; Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов, с. 497.
120. 28 февраля 1912 г. бывший шах Мохаммед Али Каджар прибыл в Баку на русском военном корабле. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 290.
121. «Впрочем, русский военный агент подполковник Скурат считал, что убитых и раненых в бою больше, чем это указывал князь Дабжи. Скурат указывает также, что настоящие сторонники реставрации дрались особенно упорно и понесли половину всех потерь». Матвеев А.М. Роль английской провокации в мешхедских событиях

- начала 1912 года. Труды Среднеазиатского университета, выпуск 1. VII, 1954, с. 144. В цитируемой статье, как и во многих других публикациях Матвеева А.М., использован большой круг документальных материалов. Однако автор в оценке деятельности английского генконсула в Мешхеде Перси Сайкса слишком субъективен. Так, утверждая, что П. Сайкс в годы революции 1905–1911 гг. в Иране «широко практиковал провокацию и другие виды подрывной деятельности как против иранского народа, так и против соперницы Англии в Иране – России. Бомбардировка мечети имама Резы в марте 1912 г. была, как мы постараемся показать ниже, венцом (?! – С.М.) его деятельности на этом поприще». Указ. соч., с. 150. В то же время автор в первой части статьи приводит следующие слова того же П. Сайкса о бомбардировке мечети имама Резы: «Это оскорбление дорого стоило России, так как персы возненавидели их и будут ненавидеть. Эта ненависть перешла на нас как на их союзников». (перевод А.М. Матвеева. – С.А.). Матвеев А.М. Указ. соч., с. 137. Явное несоответствие между утверждением Матвеева, называющего бомбардировку мечети «венцом провокационной деятельности Сайкса», и одновременно цитирующего слова того же автора относительно роста ненависти иранцев к англичанам после указанного инцидента.
122. Persy Sykes. Persia. Oxford. 1922, p. 153.
 123. Мансуре-йе Эттехадийе (Незам-е Мафи). Ахзаб-е сийаси дар маджлес-е севвом (1333-1334). Тегеран, 1992, с. 35.
 124. Военно-исторический архив. М., Фонд 132000, опись 1, дело 14, л. 117, 130.
 125. Касрави Ахмед. Тарих-е хиджадхале-йе Азәрбайджан. Тегеран, 1353 /1974, с. 552–556.
 126. Об этом Тоунлей сообщал Грею 17 января 1913 г. Мансуре-йе Эттехадийе. Указ. соч., с. 49, 59.
 127. Бадалян Х.А. Турецко-германская экспансия в Закавказье (1914–1918). Ереван, 1980, с. 19.
 128. Hopkirk Peter. On Secret Service East of Constantinople. Oxford University Press. Oxford. N.-Y., 1994. См.: часть первая «Drang nach Osten», р. 7–101.
 129. Мансуре-йе Эттехадийе. Указ соч., с. 98–176.
 130. Указ Ахмед-шаха и другие документы, касающиеся первого периода мировой войны, были опубликованы в «Кегаб-е сабз» («Зеленой книге»), подготовленной к печати Реза-Коли Незам-е Мафи в Тегеране. Мансуре-йе Эттехадийе. Указ. соч., с. 10.
 131. Образование жандармерии в Иране началось летом 1911 г. Для ее создания в качестве советников были приглашены шведские офицеры. При этом было принято во внимание, что Швеция в Иране не

- имела никаких интересов. В тот период между Ираном и Швецией еще не были установлены дипломатические отношения. Поэтому шведские офицеры приглашались на службу в Иране при посредничестве французской дипломатической миссии. Первый шведский офицер прибыл в Тегеран в конце августа 1911 г. Для упрочения позиций офицерского корпуса жандармерии в ее командный состав была переведена группа опытных офицеров из персидской казачьей бригады. 'Агели. Мирза Ахмед хан Кавам. Указ. соч., с. 67.
132. В конце 1908 г. Самед-хан Шоджа ад-Доуле был направлен шахом в Мерагу для организации вооруженной борьбы против восставшего Тебриза. В 1908–1909 гг., а также осенью 1911 г., отряды ополчения, состоящие из полукочевников, в частности представителей курдских племен из района Мераги, под командованием Самед-хана Шоджа ад-Доуле играли активную роль в осаждении революционного Тебриза. Иванов М.С. Указ. соч., с. 335, 336, 482, 497.
 133. Мансуре-йе Эттехадийе. Указ. соч., с. 120.
 134. Jack M. The Purchase of the British government's share in the British Petroleum Company, 1912–1914. «Past and Present». Vol. 39, 1968, April, p. 162.
 135. МОЭИ, серия III, т. VII, с. 130.
 136. Коростовец – Сазонову. От 26/13 января 1915 г. МОЭИ, серия III, т. VII, ч. 1, с. 116.
 137. Коростовец-Сазонову. От 8 апреля/26 марта 1915 г. МОЭИ, серия III, т. VII, ч. 2, с. 112.
 138. См.: там же, ч. 1, с. 456.
 139. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1978, с. 393.
 140. Там же.
 141. Мансуре-йе Эттехади-йе. Указ. соч., с. 142–160.
 142. МОЭИ, серия III, т. VII, ч. 1, с. 335.
 143. Из проекта тайного ирано-германского договора от 10 ноября 1915 г. Перевод из книги Gehrke U. Persien in der Deutschen Orient Politik, während der Ersten Weltkriege. Stuttgart, 1961, т. 2. Новая история Ирана. Хрестоматия, с. 304–306.
 144. Тенгистанцами называли племена, обитавшие на прибрежных равнинах в районе Бушира. Севернее от них находились территории, контролируемые федерацией бахтиарских племен.
 145. Вильгельм Васмус до войны дважды занимал пост германского консула в Бушире (1909–1910 гг. и 1913–1914 гг.). См.: Hopkirk. Op. cit., pp. 63, 171–172, 111–113, 173–175, 210–211. МОЭИ, серия 3, т. VII, ч. 2, с. 399. Примеч.
 146. См.: 133, т. VIII, ч. 2, док. 446, с. 12.
 147. См.: 133, с. 12, 103.

148. См.: 133, т. IX, с. 394–396; 694–696; 794–800.
149. МОЭИ, серия III, т. VIII, ч. 1, с. 121; ч. 2, с. 75.
150. Garthwaite Gene. The Bakhtiyari Khans, p. 41.
151. См.: 138.
152. См.: 138, с. 42.
153. Niedermayer Oskar von. Unter der Glutsonne Irans. Hamburg. 1925; Hopkirk P.Op. cit., p. 99–101; 113–123; 134–148.
154. См.: 141, с. 218–219.
155. См.: 141, с. 210.
156. См.: 141, с. 220.
157. Мамедоглы Салех. Об одной идее автономии Азербайджана. (1917 г.). Журнал «Хазар», Баку, № 4, 1990, с. 89.
158. См.: 145, с. 89–90.
159. См.: 145, с. 90.
160. См.: 145, с. 91–92.
161. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957, с. 35.
162. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946, с. 64–65; Aliiev Saleh. Iran: influence of the October Revolution ideas. In: The October Socialist Revolution and Middle East. Lahore, 1987, p. 62–63.
163. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1918. Suppl. 1, vol. 1, Wash., 1933, p. 906.
164. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие..., с. 27.
165. Там же.
166. Ahmad I. Op. cit., p. 31.
167. Op. cit.
168. Documents on British Foreign Policy. Vol. IV, p. 1121–1122.
169. Op. cit. First Series. Vol. XIII. Document № 710.
170. См.: 157, с. 1120.
171. См.: 149, с. 178.
172. Там же.
173. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие..., с. 30.
174. Documents on British Foreign Policy. Vol. IV, p. 1181, 1259.
175. Op. cit., vol. XIII, p. 484.
176. Алиев С.М. Нефть..., с. 32.
177. Documents on British Foreign Policy. Vol. IV. № 406, № 407.
178. Гардинг – Норману. Телеграмма от 7 июля 1920. In: Documents on British Foreign Policy. Vol. XIII, p. 561.
179. Ibid., p. 659.
180. Элвелл-Саттон. Указ. соч., с. 45.
181. Тахаккоке-хакемийат-е мелли бар нефт. Техран, 1973.

Глава II

1. По иранским данным, при активном участии христианских религиозных миссий, айсорскими вооруженными отрядами в Урмии и его окрестностях было убито около 6100 азербайджанских тюрок. Azeri Ali. *Azadistan, devleti ve seyh Muhammed Hiyabani* (1918–1920). Ankara, 1994 p. 126; Это событие было связано с обострением межнациональных отношений в регионе. В конце Первой мировой войны г. Урмия и его окрестности были охвачены острыми вооруженными конфликтами, участниками которых были ассирийцы, курды, азербайджанцы, подразделения «персидской» казачьей дивизии и др. Основной причиной этих столкновений явилось подстрекательство со стороны английских и, частично, русских военных властей. Англичане пытались реализовать свой план относительно создания здесь ассирийского мини-государства. Однако после вероломного убийства, организованного курдским предводителем Симко, несторианского религиозного и политического лидера Мар Шимона и его соратников в марте 1918 г. и последующего за этим массового избиения ассирийцев мусульманскими ополченцами (курдов и азербайджанских тюрок) идея создания государства ассирийцев оказалась похороненной. Эти акты явились началом национальной трагедии для иранских и турецких ассирийцев. Большинство из них или были убиты, или покинули свои родные места. Mc Dowall. A. *Modern History of the Kurds*. I.B. Tauris, London – New-York, 1996, pp. 380–181, 422, 153, 216; Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И.И. Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. М., 1968; Wigram A. *The Cradle of Mankind*. London. 1929.
2. Военно-исторический архив, фонд 2100, опись 1, дело 428, лист 45.
3. Там же, лист 47.
4. Documents on British Foreign Policy. Op. cit., vol. IV, p. 1122.
5. Moon Parker Thomas. *Imperialism and World Politics*. New-York, Macmillan Co. 1926, p. 285.
6. В ее числе было немало выходцев из среды «традиционной интеллигенции», т. е. мусульманского духовенства.
7. «Комитет возмездия» был создан двумя офицерами, уволенными из «персидской» казачьей дивизии по политическим мотивам. Их звали Ибрахим Моншизаде и Асадолла Абулфатхзаде. Оба они были из мохаджерского рода. Мохаджерами называли тюрок Северного (Кавказского) Азербайджана, мигрировавших в Иран. В группу входил известный впоследствии террорист Эсханулла-хан, активный участник дженгелийского движения в Гиляне. Подробнее см.: 'Агели Багер. Носрет од-Доуле Фируз. Техран, 1373/1994, сс. 39–46.
8. Azeri Ali. Указ. соч., p.18.

9. Там же, с. 31.
10. Там же, с. 33.
11. Там же, с. 19.
12. Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan. 1905-1920. The Shaping of National identity in a Muslim community. Cambridge University Press. Cambridge, 1985, p. 187.
13. Azeri Ali. Указ. соч., сс. 172-193.
14. Swietochowski Tadeusz. Op. cit., p. 187.
15. Azeri Ali. Указ. соч., с. 176.
16. Там же, сс. 239-240.
17. Там же, сс. 186-187.
18. Swietochowski Tadeusz. Op. cit., p. 187.
19. Fatemi S.F. Diplomatic History of Persia. 1917-1923. New-York, 1952, p. 250.
20. Swietochowski Tadeusz. Op. cit., 187.
21. См.: «The Story of Simqu». In: Mc'Dowall. Op. cit., 214-222.
22. Фахраи Ибрахим. Сардар-е джангал. Техран, 1344/1965, с. 28.
23. Там же, сс. 46-50.
24. Норкirk P. Op. cit., p. 336
25. Фахраи И. Указ. соч., сс. 178-179.
26. Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920-1921 гг. М., 1999, с. 27.
27. Там же, с. 48.
28. Там же.
29. Генис В.Л. Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской советской республики. См.: «Вопросы истории». М., 1999, № 1, с. 64.
30. Там же, сс. 65-66; Персиц М.А. Указ. соч., сс. 90-95.
31. Документы внешней политики СССР. М., 1953, т. II, сс. 542-543.
32. Данная операция имела своей целью преследование остатков воинских частей мусаватистского правительства.
33. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., РОССПЭН. 1996, с. 130.
34. Там же, с. 129.
35. Генис В.Л. Указ. соч., с. 70.
36. Абих Р. Национальное и революционное движение в Персии в 1919-1920 г.г. «Новый Восток». 1930, № 29, сс. 101-102.
37. II конгресс Коммунистического интернационала. Стенографический отчет. II. 1921, с. 143.
38. Персиц М.А. Указ. соч., с. 116.
39. Там же, с. 117.
40. Там же.
41. Фахраи И. Указ соч., с. 280.

42. Все это произошло в сентябре-ноябре 1920 г. Персиц М.А. Указ. соч., с. 133.
43. Большевистское руководство. Переписка, с. 158.
44. Там же, с. 160.
45. Там же.
46. Там же, с. 167.
47. Персиц М.А. Указ соч., с. 145.
48. Фахраи И. Указ. соч., с. 320.
49. Никки Р. Кедди. Каджарский Иран и восхождение Реза хана. 1896-1925., Costa Mesa, 1996, с. 76.
50. Большевистское руководство. Переписка, с. 222.
51. Немало весьма положительных отзывов о Кучек-хане, как о человеке и политическом деятеле встречается не только в советской и иранской историографии, но и в английской литературе. Так, «...английский генерал Денстервиль, которому пришлось вести военные действия против дженгелийцев, также отдавал должное нравственным качествам «персидского Гарибальди», называя его «истым патриотом» и «честным и добросовестным идеалистом». Генис В.Л. Указ. соч., с. 65.
52. «...Сталин в письме от 28 декабря выступил в защиту доброго имени Кучек хана, обвинив советского посланника Ротштейна в содействии его убийству...» (Персиц М.А. Указ. соч., с. 150, сноска). Кстати, Ротштейн в своих разногласиях с Орджоникидзе, Наримановым и др. пытался опираться на поддержку ЦК РКП(б). Так, он «летом 1921 г. поставил перед ЦК вопрос о подчинении «бакинцев». Большевистское руководство. Переписка, с. 222.
53. Там же.
54. Текст договора см.: Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. МИД СССР. М., 1946, сс. 74–82.
55. Подобные утверждения имеются не только в советских работах, изданных в 20 – 30-х годах, но и в книге туркменского ученого, доктора исторических наук Хаммада Атаева «Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX века» (Ашхабад, 1962). Так, давая общую оценку мятежа Мохаммед-Таги хана, он пишет: «Движение Мохаммед Таги хана носило ярко выраженный национально-освободительный характер. Основная его цель – борьба против внутреннего реакционного режима, за претворение в жизнь конституции, изгнание англичан из Ирана и за завоевание экономической и политической независимости» (Атаев Х. Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX века. Ашхабад, 1962, с. 93.). Однако дело в том, что для подтверждения своих слов Х. Атаев не приводит документальных и достоверных данных.

56. Генис В.Л. Попытки советизации Хорасана в 1920 году. «Вопросы истории». 1996, № 5–6.
57. 'Агели Багер. Мирза Ахмед хан Кавам ос-Салтане дар доуран-е Гаджар ва Пахлави. Чап-е доввом. Техран, 1377/1998, сс. 81-83; 92–94.
58. Там же, с. 93–98.
59. Там же, сс. 99–108.
60. Там же, сс. 109–112; Энгелаб-е Хорасан. Маджмуэ-йе аснад ва мадарек. Бе-кушеш-е Каве Байат. Техран, 1370/1991, с. 265.
61. Энгелаб-е Хорасан, сс. 96–97.
62. Там же, сс. 149; 171.
63. 'Агели Багер. Указ. соч., сс. 167–169.
64. Энгелаб-е Хорасан., с. 222; Наджафколи Песян, Хосров Мо'тазед, указ. соч., с. 313.
65. Documents on British Foreign Policy, vol. XIII, № 668, p.713.
66. Там же, № 667, с. 710.
67. Мирошников Л.И. Английская экспансия в Иране (1914–1920 гг.). М., 1961, с. 190.
68. Documents on British Foreign Policy, vol. XIII, p. 623.
69. Ibid., № 599.
70. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие..., с. 40.
71. Позже эти оценки были повторены в монографии Агаева С.Л., изданной в 1971 г. под названием «Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941». М.
72. Авторы книги «Появление и падение монархии Пехлеви», изданной после революции 1978–1979 гг., рассматривают оценку С. Л. Агаева как стремление угодить Мохаммеду Резе Пехлеви в эпоху значительного улучшения советско-иранских отношений. Моасисе-йе мотаал'ат-е ва пезухашха-йе сийаси. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави. Техран, 1369/1991, с. 89.
73. История Ирана. М., 1977, с. 313.; Из ответа Керзона Норману становится очевидным, что идея переворота в Тегеране была выдвинута посланником совместно с генералом Айронсайдом. Documents on British Foreign Policy, First Series, vol. XIII, № 573. Curzon to Norman. October 9, 1920.
74. Ironside Edmond (Major Gen.), High Road to Command, the Diaries of Maj. Gen. E. Ironside: 1920-1922. Edited by Lord Ironside, London, Leo Cooper, 1972, p. 251.
75. «Йагма». 1977, № 347 (5), с. 283.
76. 'Агели Багер. Носрат од-Доуле Фируз., Техран, 1373/1984, с. 129.
77. Documents on British Foreign Policy, vol. XII, № 573.
78. Ironside. Op. cit., pp. 177–178.
79. Ibid.
80. Ibid., p. 161.

81. Zargar, Ali-Asghar. *Anglo-Iranian Relations: 1925–1941. These presented at the University of Geneva...* These № 373, Geneva, 1984, p. 56.
82. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави., 1959, с. 133.
83. Там же, с. 151. Цитированное признание Ардеширджи представляет большой интерес, поскольку в нем, в качестве главных организаторов февральского переворота 1921 г., названы английский военный министр и вице-король Индии, а не Форин офис.
84. Характерно, что в записях Ардеширджи, где излагаются его политические взгляды на будущее Ирана, рельефно обнаруживает себя неприязнь в отношении мусульманского духовенства. Представляется, что он был одним из тех, кто внушал Реза шаху не только негативную позицию к мусульманским богословам, но и, в известной степени к исламу в целом. См.: персидский перевод текста политического завещания Ардеширджи, составленного в ноябре 1931 г. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави, сс. 146–159.
85. Хакимуллахи-Фаридани. Асар-е сийаси-йе кудета ва зендегани-йе агайе Сейид Зийа ад-Дин Табатабайи. Тегеран, 1322/1943, сс. 66–69.
86. Farman Farmaian. S. *Witch Munkher. D. Daughter of Persia. Woman's Journey from Her Father's Harem Through the Islam Revolution.* Berkshire. «Bantam Press», 1998, pp. 73–74, 76–77. Книга впервые была издана в 1992 г. С 1993 по 1998 годы переиздавалась 8 раз.; Фарманфармаиан Манучехр. Аз Тегеран та Каракас. Нафт ва сийасат дар Иран. Тегеран, 1373/1994, сс. 17–18.
87. 'Агели Багер. Носрет од-Доуле Фируз., сс. 128–129.
88. Хакимуллахи-Фаридани. Указ. соч., с. 29.
89. Тексты выступлений Сеида Зии включены в книгу А. Джанзаде. Мосаддык. Тегеран, 1979.
90. Хакимуллахи-Фаридани. Указ. соч., с. 56.
91. Documents on British Foreign Policy, vol. XIII, № 681, p. 713.
92. Доулетабади. Хайат-е Йахйа. IV. Тегеран, 1957, сс. 150–152.
93. Алиев С.М. Иран. Экономическая мысль. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1975, с. 66–69.
94. Всемирная история. Т. 8. М., 1961, с. 460.
95. Documents on British Foreign Policy, vol. XIII, № 681, p. 729.
96. Ibid., p. 683.
97. Ibid., p. 731.
98. Согласно доктору 'Агели Багеру, во время объединения всех вооруженных сил (унификации) в единую армию в ней состояло около 30 тысяч рядовых солдат и офицеров. См.: Сокращенные материалы Первого международного семинара, посвященного перевороту 3 эсфанда 1299 г. Тегеран, 2000, (на перс. яз.), сс. 35–38.

99. Van Bruiness Martin. Kurdistan uzerine yazilar. Istanbul, 1995, p. 239; H. Arfa. The Kurds. An Historical and Political Study. Oxford Univ. Press. 1966, p. 63.
100. Знаменитые шиитские муджтехиды г. Наджафа (Ирак) Ага Мирза Хосейн Найини и Ага Мирза Абольшасан Эсфахани (Исфахани) отказались поддерживать шейха Хазалья. Его также не поддерживали Ильхан кашкайских племен, значительная часть полукочевых обществ Бахтияр и т. д. Касрави. Тарих-е пансасале-йе Хузестан, 1339/1950, с. 298.
101. Сафарнаме-йе Хузестан. Техран, 1976, сс. 8–9.
102. Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World| The Cairo Conference of 1921. Baltimor and London. 1970, pp. 141–141.
103. Сафарнаме-йе Хузестан, сс. 8–9; 91.
104. Там же, с. 116.
105. Там же, с. 6.
106. Хазаль был умерщвлен по указанию Реза шаха 27 июля 1936 г. «Растахиз». 8.XI.1977.
107. Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949, с. 70.
108. Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., сс. 80–81.
109. Макки Хосейн. Тарих-е бистсале-йе Иран. Т. II. Техран, 1358/1979–80, сс. 343–344.
110. Zargar A. Op. cit., pp. 106–107.

Глава III

1. Пехлеви – так назывался официальный язык иранского государства Сасанидов в III–VII вв., а также иранская письменность, основанная на арамейской.
2. Documents on British Foreign Policy. Vol. II., pp. 817, 840.
3. Ibid.
4. Documents on British Foreign Policy, vol. VI, № 326, p. 596.
5. Ibid.
6. Фатех М. Тарих-е панджахсале-йе Иран, с. 286.
7. Documents on British Foreign Policy, vol. VII, pp. 709, 750.
8. Меморандум иранского правительства от 18 января 1933 г. См. сборник: Тахаккок-е хакемийат-е мелли бар нафт. Техран, 1976, с. 131.
9. Documents on British Foreign Policy, vol. VII, p. 708.
10. Абдуллаев З.З. Формирование рабочего класса Ирана. Баку, 1968, сс. 44, 95, 106–107, 112–113.
11. «The Times». 08.05.1929. Абдуллаев. Указ. соч., с. 144–145.
12. Documents on British Foreign Policy, vol. VII, p. 772.
13. Beck P.J. The Anglo-Persian Oil Dispute. 1932–1933. – «Journal of Contemporary History». 1974. Vol. 9, № 4, p. 125.
14. Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть, с. 98.

15. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в., с. 56.
16. «Этгелаат». 01.06.1976.
17. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави, джелд-е доввом. Техран. 1374/1995, с. 23–28.
18. Там же.; 'Агели Багер. Теймурташ дар сахне-йе сийасат-е Иран. Техран. 1993.
19. Documents of British Foreign Policy. 1919–1939. Series Ia., vol. VII. German, Austrian and Middle Eastern Questions. 1929–1930. L., 1975, p. 727.
20. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави, с. 27; Наджафколи Песйан, Хосров Мо'тазед. Аз Савадкх та Жоханнесбург (Реза хан). Техран, Чап-е доввом. 1378/1999, с. 447–564.
21. Башкиров А.В. Аграрное законодательство в Иране (1925–1941). Ученые записки Института востоковедения (АН СССР). Т. 8. Иранск. сб. М., 1953, сс. 41–47.
22. Abrahamian Ervand. Iran Between Two Revolutions. Princeton, New Jersey, 1982, pp. 122–123.
23. Ibid., p. 123.
24. Floor Willem. Industrialization in Iran. 1900–1941. Centre for Middle Eastern and Islamic Studies University of Durham, England. 1984, p. 36.
25. Арабаджян А.З. «Социально-экономические корни монархии Реза шаха и реакционная сущность ее экономической политики». Кандидатская диссертация по экономике. Центральная библиотека РФ.
26. Floor W. Op. cit., pp. 20–44.
27. Мансури Фируз. Эсте'мар-е Британйа ва мас'але-йе Арвандруд. Техран, 1376/1997.
28. Наджджар М.А. Ат-тарих ас-сийаси ли мушкулат ал-худуд аш-шаркий йа ли-л-ватаи ал-'араби фи Шатт ал-'Араб. Басра. 1974.
29. Iraq a country study. Washington, 1990, p. 70.
30. Beck P. Op. cit., p. 129.
31. Ibid., p. 130.
32. Тахаккоке хакемийат-е мелли бар нафт, с. 108.
33. Beck P. Op. cit., p. 133; Walter F. P. A History of the League of Nations. L., 1960, p. 572.
34. Тахаккок-е хакемийат-е мелли бар нафт, сс. 110–111.
35. Beck P. Op. cit., p. 132.
36. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке, с. 60.
37. Тахаккок-е хакемийат-е мелли бар нафт, с. 11. Французский текст ноты датирован 12 декабря 1932 г.
38. Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть.
39. Beck V. Op. cit., p. 139.

40. Тахаккок-е хакемийат-е мелли бар нафт, сс. 14–15, 25, 129–134.
41. Beck P. Op. cit., p. 142.
42. Ibid.
43. Алиев С.М. Указ. соч., с. 64.
44. Текст соглашения см.: Кашфи М. Сейр-е тахаввол-е санат-е нафт дар Иран, сс. 44–45.
45. Элвелл-Саттон. Указ. соч., сс. 127–128.
46. Beck P. Op. cit., p. 147.
47. Иран. Очерки новейшей истории, с. 105.
48. Глуходед В.С. Проблемы экономического развития Ирана. 20-30-е годы. М., 1960, с. 103.
49. Там же, с. 198.
50. Fesharaki F. Development of the Iranian Oil Industry, pp. 32–35.
51. Н. Песйан, Х. Мо'тазед. Указ. соч., с. 258.
52. Там же, с. 263.
53. Там же, сс. 260–266.
54. Речь идет о родах Айрумлу, Нахичеван, Песян и др., переселившихся в Северный Иран из Кавказского Азербайджана. Многие представители указанных родов сделали карьеру, поступив на службу в «Персидскую казачью дивизию».
55. Там же, с. 265.
56. Там же. «Двадцать пятая глава. Бегство Айрома, правой руки Реза шаха», сс. 589–603.
57. Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., с. 127.
58. Абдуллаев З.З. Формирование рабочего класса Ирана, с. 65.
59. Активными пропагандистами подобных идей были издатель журнала «Айанде» доктор Махмуд Афшар, историк и публицист Аббас Экбал, публицист и историк Ахмед Кесрави, Малек ош-Шоара Бахар, Н. Хаилари. Их взгляды разделяли некоторые левые интеллектуалы, в частности, известный иранский коммунист Таги Эрани.
60. Реформа одежды, особенно введение головного убора «Пехлеви», вызвали реакцию по всей стране. Георгий Агабеков, рассказывая о содержании перехваченных советской разведкой в Иране докладов английских консулов посланнику в Тегеране (1927 г.), в частности, пишет: «Английские консулы в Исфагане, Ширазе и Кермане подробно писали о настроениях населения, возбужденного декретом «о шапках Пехлеви». Г. Агабеков. Секретный террор. Записки разведчика. М., «Современник», 1996, с. 220.
61. Накануне Первой мировой войны функционировавший в Бушире германский разведчик (он же торговец-импортер) В. Васмус развернул широкую деятельность по поставке стрелкового оружия антианглийски настроенным племенам Хузестана и Фарса. См.: Sykes Christopher. Wassmuss. «The German Lawrence». 1936.

62. После крушения шахского режима и образования Исламской Республики Иран при поддержке новых властей было подготовлено и издано большое количество статей и монографий, посвященных истории племен и племенных объединений Ирана. В них впервые нашли свое освещение политика Реза шаха и Мохаммед Реза шаха в отношении полукочевых обществ. Особое внимание уделено восстаниям племен, их общественному строю и культуре.
63. О нем, его взаимоотношениях с династией Пехлеви и с Мохаммед Резой Пехлеви см.: Фардуст Х. Указ. соч., сс. 254–259.
64. История Ирана, изд. МГУ, 1977, с. 347.
65. А. Башкиров. Экспансия английских империалистов в Иране (1941–1953 гг.). М., 1954, с. 44.
66. История Ирана, с. 347.
67. Там же.
68. Letter to F O by Nancy Lambton, Tehran, 19-th May 1940. In: Bullard Reader. Letters from Tehran: a British Ambassador in World War II Persia. I.B. Tauris and Co. Ltd. London – New-York, 1991, p. 31.
69. Ibid.
70. Ibid.
71. Ibid.
72. О нем см.: Hopkirk P. Op. cit., pp. 99, 101, 113, 122, 220, 233, и т. д.
73. Мо'тазед Х. Реза шах: Согут ва пас аз Согут. Чап-е доввом. 1376/1999, сс. 28-29, 33-34, 44–45.
74. Там же, сс. 10–11, 62-63, 97, 156.
75. Там же, сс. 11, 81-85, 95, 283, 346.
76. Фардуст Х. Указ. соч., сс. 89 – 90.
77. Согласно Фардусту Х., Реза шах прекрасно знал, что некоторые предводители его армии тесно связаны с англичанами. И он понимал, что иранские войска не в состоянии оказать сопротивление армиям трех могущественных стран. Шах объяснял наследнику престола Мохаммеду Реза: «У меня все кончено, даю указание о сопротивлении с тем, чтобы не говорили: шах разрешил иностранным войскам войти в Иран. Подобное сопротивление, чем бы ни завершилось, оно для меня, для истории моей жизни станет вкладом положительным». Генерал Фардуст считал, что приказ относительно сопротивления войскам союзников в некотором смысле содействовал сохранению верховной власти за династией Пехлеви. Он писал: «Быть может, это был совет, который ему был дан англичанами в последний момент». Имеется в виду время вступления союзных войск в Иран. Фардуст Х. Указ. соч., сс. 87–94.

Глава IV

1. Палюкайтис И.И. Экономическое развитие Ирана. М., 1965, сс. 13–15.
2. Захеда Али. Лозум-е програм-е санати. Тегран. 1963.
3. Issawi Ch., Yeganeh M. The Economics of Middle Eastern Oil. N.-Y., 1962, p. 212.
4. Grunwald K., Ronall A.J.O. Industrialization in the Middle East. N.-Y., 1960, p. 212.
5. В начале 50-х годов площадь обрабатываемых земель составляла 16,7 млн. га, из которых 12 млн. га находились под паром.
6. Шамиде А.И. Рабочее и профсоюзное движение в Иране после Второй мировой войны. 1946–1953 г.г. Баку, 1965, с. 108.
7. 'Агели Багер. Указ. соч., с. 339.
8. Характерно, что вице-президент «Оверсиз Консалтантс Инкорпорейд» после многомесячного пребывания в Иране в конце декабря 1950 г. покинул Тегран. Тогда он заявил, что из-за политического вмешательства иранской стороны «план с самого начала был обречен на провал».
9. Avery P. Modern Iran. London, 1965, p. 409.
10. См.: Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960, сс. 217–224.
11. Parliamentary Debates. Fifth Series. House of Commons. Vol. 508, p. 611.
12. Эллингтон проходил военную службу в Индии и отличился при подавлении стачек рабочих. В 1929 г. получил высокий пост в управлении АИНК, а с 1937 г. стал одним из ее директоров.
13. Бушехри Н. Фелат-е гарре ва джазайер-е халидж-е Фарс. Асрар-е сийаси-йе нафт-е Иран. Тегран. 1956, сс. 1–17.
14. Loughurst H. Adventure in Oil. The Story of British Petroleum. L., 1959, p. 135.
15. Интересы Ирана были настолько ущемлены, что Антони Иден обратил внимание на этот факт английских властей. Он посетил Иран в 1948 г. In: The Memoirs of Antony Eden. Full Circle. Boston, 1960, pp. 214–215.
16. Shwadran B. The Middle East. Oil and the great Powers, p. 159.
17. Русский текст меморандума иранского правительства руководству АИНК см.: Элвелл-Саттон Л., указ. соч., сс. 209–214.
18. Там же, с. 111.
19. Samida A.I. Iranda fahle va hemkarlar herekati (1941–1946). Baki, 1961, pp. 148–149.
20. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952, с. 383.
21. Подробнее об этом см.: Hasanli Camil. Guney Azarbaycan. Tehran–Baki–Moskva arasinda (1939–1945). Baki, 1998, pp. 16–118.
22. Там же, сс. 119–131.

23. Farmanfarmanian Manucher. From Tehran to Caracas. Petroleum and Politics in Iran. Tehran, 1994 (in farsi), pp. 461–465.
24. Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., с. 140.
25. Хасанли Дж. Указ. соч., с. 87.
26. Д-р Артур Мильспо возглавлял американскую финансовую миссию с конца января 1943 г. по 8 января 1945 г. В тот день иранский парламент принял закон о лишении Мильспо чрезвычайных полномочий. В конце февраля Мильспо покинул Тегеран.
27. Фарманфарманиан М. Указ соч., сс. 454–460.
28. В апреле 1944 г. в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция. Одним из основных обсуждаемых пунктов повестки дня касался вопроса установления принципа равных возможностей в деле приобретения концессий. Разумеется, этот вопрос имел прямое отношение к иранской нефти.
29. Выпад Кавтарадзе вызвал резкую реакцию со стороны Сеид Зии. В газете «Раад» от 20.XII.1944 г. он опубликовал специальное заявление, в котором категорически отвергал слова Кавтарадзе об ошибке иранского меджлиса, одновременно характеризуя Саеда как достойного политического деятеля, посмевшего не уступить давлению Москвы. См.: Хасанли Дж. 1998, сс. 144–145.
30. По мнению Ф. 'Азими, Саед подал прошение об отставке главным образом под давлением советского правительства. Азими Ф. Указ. соч., с. 149. Это суждение было бы точнее, если к словосочетанию «советское давление» отнести также антиправительственную деятельность руководства партии Туде и примыкавших к ней организаций и газет.
31. Текст закона см.: Аснад-е нафт, указ. издание, с. 38.
32. Хасанли Дж. 1998, сс. 184–185.
33. В частности, Х. Хасанов писал: «Освобождение Азербайджана и образование там демократического государства, или присоединение этой страны к Советскому Азербайджану, должно быть осуществлено в результате народного восстания. В этом случае союзники останутся перед свершившимся фактом» (с. 148). Х. Хасанов в заключительной части своей справки подчеркивал: «В настоящий момент самыми популярными лозунгами в Южном Азербайджане являются освобождение азербайджанцев от гнета персов, образование демократического государства и разрешение земельного вопроса» (с. 149).
34. В 1920–1921 гг. Сеид Дж. Пишевари опубликовал на страницах газеты «Хакикат» («Правда») большое количество статей, которые вошли в книгу, изданную в 1995 г. в Тегеране азербайджанским историком Рахимом Раисния. Указанные статьи в основном посвящены историко-политическим проблемам Ирана. Ахарин Сангар-е

азади. Маджму-е магалат-е Мир Джафар-е Пишеавари... бе куш-шеш-е Рахим Раисния. Тегран, 1377/1998, 507 с.

35. Это знакомство состоялось в последний период дженгелийского движения, когда была образована компартия Ирана. Немало документов, касающихся подпольной политической деятельности Пишеавари, включены в сборник «Коммунистическая деятельность в эпоху Реза шаха (1300–1310/1921–1931 г.г.)», изданной Каве Баятом в 1991 г. в Тегеране (на персидском языке). См.: сс. 67; 10; 111–127; 129–141; 143–171.
36. Историческая литература, освещающая события 1941–1947 гг. в Иранском Азербайджане и Северном (Иранском) Курдистане, до недавнего времени отличалась своей односторонностью и ограниченностью использованных первоисточников. В интерпретации ключевых вопросов этого периода нередко допускалась преднамеренная необъективность. Лишь с конца 80-х годов прошлого века появились работы, подготовленные с привлечением документов из секретных архивных фондов Великобритании, Ирана, Советского Союза, Франции и США.
37. По истории Ирана 1939–1945 гг. было издано большое количество документов. В монографии Ф. Азими, посвященной истории иранских правительств с 1941 по 1953 гг., широко использованы архивные материалы западных стран, и прежде всего Великобритании. Автор привлекает записи отчетов, донесений, дипломатическую переписку о ходе переговоров, другие документальные материалы. Таким образом он раскрывает многие страницы близкого сотрудничества правых политических лидеров с представителями США, Англии и других западных держав.

Л'Эстранг Фасит Л. (L'Estrange Fawcett L.) в монографии «Иран в холодной войне: Азербайджанский кризис 1946 г.» рассматривает поставленную проблему в аспекте международных отношений. В центре ее внимания – раскрытие предпосылок и особенностей азербайджанского кризиса. Автор пытается обосновать тезис о том, что к концу победоносной войны растущие амбиции Советского Союза стали одной из причин начавшейся «холодной войны» между Востоком и Западом. Сочувствие автора на стороне шахского Ирана. Однако она положительно оценивает общественные реформы азербайджанских демократов.

Объемное издание под названием «Азербайджанские распри» («Гаи'ле-йе Азербайджан»). Оно вышло в свет в Тегеране в 1990 г. Составитель – доктор Баяни Ханбаба.

Главной особенностью данного издания является то, что оно представляет собой не монографию, не исследование, а скорее сборник документов. Одни из них – копии с оригиналов, другие –

переводы с английского языка. Перу самого Баяни Х. Принадлежит лишь незначительная часть книги. Видимо, поэтому он назвал себя «составителем». Но он – автор названий двадцати глав. Баяни – сторонник шахского режима. К учатникам и руководителям движения азербайджанских тюрок и курдов относится враждебно.

В то же время многие вошедшие в сборник документы имеют исключительную ценность для истории азербайджанских событий 1945–1946 гг. Книга Атабека Тураджа, посвященная истории автономного правительства в Иранском Азербайджане (1945–1946 гг.) впервые вышла в свет в 1993 г. В 2000 г. издательством I.B.Tauris (Лондон–Нью-Йорк) было выпущено новое издание книги под другим названием «Azerbaijan – ethnicity and the struggle for power in Iran».

Наибольшую ценность и интерес представляют те части книги, в которых рассматривается возрождение движения за автономию в Иранском Азербайджане, формирование Азербайджанской демократической партии и образование национального правительства.

Большое внимание в книге уделено характеристике вождей и активистов движения за автономию как среди тюрок, так и курдов (включая армян, ассирийцев). Согласно автору, Мир Джафар Пишевари был подлинным лидером движения за автономию. Он считал, что в иранских условиях путь к демократическим преобразованиям лежит через национальные движения.

Дж. Хасанли по данной теме опубликовал две книги – «Южный Азербайджан: между Тегераном, Баку и Москвой (1939–1945 гг.)» и «Место, где началась холодная война – Южный Азербайджан (1945–1946 гг.)». Обе они изданы на азербайджанском языке. Первая книга производит довольно отрицательное впечатление. В ней содержится немало частных сведений, не имеющих исторического значения, мало использован оригинальный иранский материал. Порою до неузнаваемости искажены имена иранских деятелей.

Во второй книге, однако автор раскрывает экспансионистские черты советской политики в отношении шахского Ирана. В своих оценках политики бывших союзников автор объективен. Так, он разоблачает набогословные дела американского консула Росту, который путем дезинформации пытался дискредитировать видных руководителей Демократической партии Азербайджана. Москва отказалась поддержать важную инициативу бакинского руководства: приглашать в промышленные центры Советского Азербайджана на временную работу безработных из Иранского Азербайджана.

Приведенные во второй книге Дж. Хасанли данные дополняют и подтверждают ранее выдвинутые в российской историографии положения об усилении к концу Отечественной войны 1941–

- 1945 гг. авантюристического направления в политике И. Сталина и его соратников. Сталин намеревался превратить Северо-Западный Иран в «зону влияния СССР».
38. Об этих фактах говорится в работах Дж. Хасанли.
 39. 'Агели Б. Мирза Ахмед хан Кавам ос-Салтане. ...Чап-е доввом. Техран, 1377/1998, с. 428.
 40. Там же, с. 383.
 41. Текст соглашения см: Баяни Х. Указ соч., сс. 554–557.
 42. Мозаффар Фируз был сыном каджарского принца Носрет од-Доуле. О последнем см.: Главы I и II настоящего издания. М. Фируз неприязненно относился к членам династии Пехлеви. Среди иранских буржуазных деятелей своего времени он отличался приверженностью демократическим принципам.
 43. Rubin B. Op. cit., p. 36.
 44. «Araz». Oktyabr-Dekabr, 1996, Sweden, № 1, pp.31–32. Впервые указанное письмо было опубликовано в США в мае 1996 г. Хасанли Дж. Soyug muharibanin baslandigi yer. Guney Azarbaycan. 1945–1946. Baki, 1999, с.338.
 45. Хасанли Дж., 1999, с. 226.
 46. Rubin B. Op. cit., p. 36.
 47. Eagleton W. The Kurdish Republic of 1946. L., 1963, p. 134.
 48. Mc Dowall D. Op. cit., pp. 231–236, 241, 56.
 49. Ibid., p. 246.
 50. Элвелл-Саттон Л., указ. соч., с. 151.
 51. 'Агели Б. Кавам ос-Салтане., с. 529.
 52. Рухани Ф. Указ. соч., с. 71.
 53. Отчет специальной нефтяной комиссии меджлиса от 10 декабря 1950 г. – «Кетаб-е сийах-е нафт», с. 268.
 54. Русский текст меморандума без преамбулы см.: Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., сс. 209–214.
 55. Рухани Ф. Указ. соч., с. 73.
 56. Мозакерат-е маджлис-е доуре-йе панздаххом. Т. II. Техран, 1949, с. 3929.
 57. Там же, сс. 3931–3933. Законопроект был подписан также Х. Макки, А. Хаеризаде и А. Азадом.
 58. In: Taheri Amir. Holy Terror. The inside Story of Islamic terrorism. L., 1987, p. 57. Автор пишет, что Насер Фахраран, покушавшийся на шаха, был убит сразу же после выстрела в Мохаммед Реза шаха. Власти, распространяя ложную информацию о его связях с партией Туде, использовали ее как повод для запрещения деятельности партии иранских коммунистов.
 59. Лесани А. Тала-йе сийах йа бала-йе Иран. Техран, 1950, с. 10.
 60. Фатех М. Панджах-сале-йе нафт-е Иран, с. 211.

61. Полный текст см.: Аснад-е нафт, сс. 28–31; Correspondence between His Majesty's Government in the UK and the Persian Government, and Related Documents Concerning the Oil Industry in Persia. L., 1951, pp. 19–22; Рухани Ф., указ соч., с. 80.
62. Джарйан-е мозакерат-е нафт дар маджлес-е панздаххон. Т. 1. Техран, 1949, с. 24.
63. Abrahamian Ervand. Iran between Two Revolutions. Princeton Univ. Press, 1982, pp. 88–92; 230, 234, 238, 269, 277–278, 280, 300, 333, 459, 461. Kauz R. Politische Parteien und Bevölkerung in Iran: Die Hezb-e Demokrat-e Iran und ihr Führer Qavamo s-Saltana. Klaus schwarz verlag. Berlin, 1995, ss. 176–177; 183; 195; 201–204; 214–216; 242. Азими Ф. Указ соч., сс. 203, 419, 428, 432, 461. Ахзаб-е сийаси-йе Иран. Бахш-е аввал. Джелд-е доввом Маджму'у-йе лане-йе джасуси-йе Америка. Техран, 1366/1987, сс. 20–25, 79–80, 91, 104–112 и т. д.
64. Мозакерат-е маджлес-е доура-йе панздаххон, с. 4822.
65. Касеми А. Тарихче-йе джабхе-йе мелли. Техран, 1979, сс. 1–10.
66. См. воспоминания Ш. Амиралаи, включенные в кн.: Афрасийаби Б. Мосаддек ва тарих. Техран, 1981, сс. 219–230.
67. Значительные материалы о биографии, общественно-политической деятельности и политических воззрениях содержит его книга воспоминаний. Мосаддек М. Хатерат ва та'аламат. Чап-е ноххон. Техран, 1378/1999; см. также Katouzian Noma. Musaddiq... U.K., Tauris, 1990.
68. Малеки А. Тарих-е мохтасар-е джабхе-йе мелли. Техран, 1953, сс. 2–5.
69. Джанзаде А. Мосаддек, сс. 116–117.
70. Башкиров А.В. Экспансия английских и американских империалистов в Иране, с. 186.
71. Алиев С.М. Нефть..., с. 85.
72. Иран. Очерки новейшей истории, с. 185.
73. 'Азими Ф. Указ. соч., с. 307.
74. Там же, с. 309.
75. Там же, с. 332.
76. Рухани Ф. Тарих-е меллишодан-е санат-е нафт-е Иран, с.87.
77. «Кетаб-е сийах-е нафт», с. 468.
78. Там же, с. 43.
79. Там же, сс. 408, 414, 433, 450–451.
80. «Салнам-йе Парс», Тегеран, 1330/1951, с. 136.
81. «Кейхан», 09.01.1951.
82. Bullard R. Britain and the Middle East, p. 153.
83. «Этгелат», 27. 01.1951.
84. «Бахтар-е эмруз», 26.01.1951; 27.01.1951; 15.02.1951.
85. Алиев С.М. Нефть..., с. 89.

86. Убийцу Х. Размары звали Халилом Тахмасеби. По профессии он был плотником. Меджлис присвоил ему почетные звания Национального героя и Воин ислама. Он был освобожден и вернулся к своей мирной деятельности, но после промонархического переворота в августе 1953 г. его арестовали и казнили. Taheri Amir. Op. cit, p. 58.
87. Из-за трудных условий жизни в этих местах рабочие получали дотацию в размере 20–40% заработной платы.
88. «Эттелат», 13.04.1951; 15.04.1951.
89. Шамиде А.И. Указ. соч., с. 136.
90. За утверждение М. Мосаддыка главой правительственного кабинета на заседании меджлиса из 102 присутствовавших проголосовали 99 депутатов. В сенате из 51 присутствовавших 48 человек проголосовали за его кандидатуру. («Бахтар-е эмруз», 17 ордибехешт 1330; 19 ордибехешт 1330). 'Азими Ф. Указ. соч., сс. 350–351.

Глава V

1. Русский перевод текста закона см.: Элвелл Саттон Л. Указ. соч., сс. 270–271.
2. В смешанную комиссию вошли: от сената – М. Баят, М. Сорури, Р. Шафак, д-р А. Матин-Дафтари и А. Наджм; от меджлиса – д-р А. Шаеган, Аллаяр Салех, д-р А. Мо'азземи и Х. Макки. Правительство было представлено К. Хасибн. Четверо из них являлись членами Национального фронта. Аснад-е нафт. Техран, 1330/ 1951, с. 254.
3. Свой первый отчет смешанная комиссия представила меджлису 1 августа 1951 г. Текст см.: Аснад-е нафт, сс. 354–364.
4. Указанная политическая кампания проводилась по специальному указанию британского премьер-министра К. Эттли. Шах, однако, отказался поддерживать англичан в данном вопросе. Позже, в беседе с одним иранским политическим деятелем, шах сказал, что англичане прекрасно знают о презрительном отношении иранцев к Сеиду Зие. «Они добивались моей поддержки его кандидатуры на пост премьера с тем, чтобы я тоже стал презренным. И тогда они могли бы прикончить и меня». 'Азими Ф. Указ. соч., с. 363, сноска 75.
5. «Эттелеат». 18.X.1951; Аснад-е нафт, с. 91.; см. также: Послание Мосаддыка к иранским студентам, обучающимся за рубежом от 12 июня 1951 г. Аснад-е нафт, сс. 124–126.
6. Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., с. 339.
7. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с. 92.
8. Притт Д.Н. Очерки внешней и внутренней политики лейбористов. М., 1958, с. 250; Палм Датт. Англия, нефть и освобождение Ближнего Востока. – «Проблемы мира и социализма». 1959, № 10, с. 42.

9. Correspondence between His Majesty's Government in the UK and the Persian Government. L., 1951, pp. 34–36.
10. 21 мая 1951 г. Мосаддык от имени правительства направил США ноту протеста, в которой оценивал заявление американского правительства от 18 мая как вмешательство во внутренние дела Ирана. 23 мая госсекретарь США Дин Ачесон заверил иранское правительство в дружественных намерениях США. United States. Department of States. Background Iran Point of World Interest. Wash., 1959, p. 7; Аснад-е нафт, сс. 95–96.
11. Международный картель был создан в 1926 г. В него входили крупнейшие нефтяные компании западного мира: «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Сокони Вакуум Ойл», «Стандард Ойл Калифорния», «Тексас Ойл», «Галф Корпорейшн» (США); АИНК (Великобритания) и англо-голландская компания «Роял Датч Шелл». К объединению примыкала французская государственная компания.
12. Stobaugh R. B. The Evolution of Iranian Oil Policy. In: Iran under Pahlavis. 1925-1975. Stanford, 1978, p. 210.
13. «The New-York Times», 01.VI.1951.
14. Ghosh S. K. The Anglo-Persian Oil Dispute. Calcutta. 1960, p. 121.
15. «Этталаат», 03.I.1952.
16. Иран стал первой страной, получившей помощь по 4-му пункту. В 1951 г. такая помощь составила всего 1 млн. ам. долл., но в 1952–1953 гг. она достигла 23 млн. ам. долл.
17. «Кейхан», 19.I.1952.
18. Сам Мосаддык, как видно из его воспоминаний, не верил в коммунистическую угрозу для своего правительства и всему режиму. В то же время ради сохранения существовавших отношений с США, и возлагая некоторые надежды на их улучшение, он порой повторял антикоммунистические пропагандистские тезисы.
19. Алиев С.М. Нефть..., с. 104.
20. 'Азими Ф. Указ. соч., с. 380 и сноска 161.
21. Там же, с. 361.
22. Активное вмешательство в качестве сотрудницы Форин офиса во внутривнутриполитическую борьбу в Иране, причем на стороне шахской реакции, не мешало Э. Ламбтон внести значительный вклад в развитие иранистики. Она – автор ряда фундаментальных трудов по общественно-политической истории Ирана. Э. Ламбтон – профессор Лондонского университета, член английской Академии. См.: научная биография и список трудов Э. Ламбтон. BSOAS, XLIX (1986).
23. Об этом пишет один из активных участников движения за национализацию нефтяной промышленности. Его воспоминания включены в кн.: Афрасияби Б. Мосаддек ва тарих. Техран, 1364/1985, сс. 257–401.

24. Там же.
25. 'Азими. Указ. соч., с. 380.
26. Там же, с. 433.
27. См. об этом главу IV.
28. Akhawi Shahrokh Religion and Politics in Contemporary Iran: Clergy-States Relationships in the Pahlavi Period Albany. N.-Y. Sunny Press, 1980, pp. 68-71.
29. Фатфури М.Х. в резюме к защищенной в Мадисонском университете (штат Висконсин, США) докторской диссертации утверждает, что «многие иранские улемы были встревожены альянсом Мосаддыка с партией Туде». (The Middle East. Abstracts and Index. Vol. 2, № 4. Pittsburgh. 1979, p. 8.). Именно этим он объясняет отход Кашани от Мосаддыка и возглавляемого им движения. С утверждениями Фатфури трудно согласиться. С самого начала большинство шиитского духовенства было отрицательно настроено в отношении Мосаддыка. В тот период отношения между правительством Мосаддыка и партией Туде были очень сложные. Ни один серьезный исследователь никогда не поддерживал идею об «альянсе» между Мосаддыком и Туде. Эта идея была выдвинута американско-английскими СМИ. Цель – с ее помощью добиться консолидации правых сил и вынудить Мосаддыка отступить от занятых им принципиальных позиций в конфликте с АИНК и правительством Великобритании.
30. 'Азими Ф. Указ. соч., с. 381.
31. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, сс. 11–12. Хотя эти «обвинения» И. Сталина, видимо, были выдвинуты в отношении западноевропейской буржуазии, руководство партии Туде, с легкой руки ЦК КПСС, активно применяло их в отношении НФ и Мосаддыка. Соответствующие мысли встречаются также в работе либерального иранского историка 'Азими Ф. Там же.
32. Рухани Ф. Указ. соч., с. 282.
33. «Эттелаат». 05.VII. 1952.
34. «Эттелаат». 19.VII. 1952.
35. Mohammad Reza Shah Pahlavi. Mission for my Country. L., 1969, p. 94.
36. Джанзаде А. Указ. соч., сс. 160–161.
37. Алиев С.М. Указ. соч., с. 113.
38. Grunwald K., Ronall A.J.O. Industrialization in the Middle East, p. 222.
39. Сеидов Р. А. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950–1953 гг.). Баку, 1963; Алиабади М. Эслахат-е арзи дар Иран. Техран, 1961, с. 6.
40. Рухани Ф. Указ. соч., с. 395.
41. «Кейхан», 30.VIII. 1952.
42. Алиев С.М. Указ. соч., сс. 116–117.

43. О'Коннор Х. Империя нефти. М., 1968; Корпорации-миллиардеры. М., 1954.
44. Engler R. The Politics of Oil. Chicago, p.205.
45. Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть., с. 387.
46. 'Азими Ф. Указ. соч., с. 406.
47. Там же, с. 407.
48. «Эттелаат», 28.XII.1952.
49. «Эттелаат», 13.X.1952.
50. Малеки Х. Хатерат-е сийаси., с. 94.
51. «Эттелаат», 05.XII.1952.
52. Нехзат-е мелли-йе Иран. Кашани ва Мосаддек. Техран, 1979, с. 58.
53. Афрасияби Б. Указ. соч., сс. 267-268.
54. 'Азими Ф. Указ. соч., с. 408.
55. Джон Фостер Даллес, новый госсекретарь США, приступил к исполнению своих обязанностей в марте 1953 г. Он был напрямую связан с нефтяными корпорациями США через адвокатскую контору «Салливен энд Кромвелл». Эта контора давала юридические советы и АИНК.
56. Parliamentary debates. Fifth series. House of Commons. Vol. 512, p. 2073.
57. «Кейхан», 29.III.1953.
58. «Кейхан», 28.V.1953.
59. «The New-York Times», 10.VII.1953.
60. Мосаддек Мохаммад. Хатерат ва Та'ламат. Чап-е ноххом. Техран, 1379/2000, сс. 213-216, 262-265; «Кейхан», 02.III.1953.
61. В нашей монографии «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в.» (1985 г.) в отношении вопроса об отъезде шаха допущена ошибка. Там говорится: «Мосаддык предложил шаху временно покинуть Иран. Шах формально дал согласие на отъезд». Указ. соч., с. 125.
62. Дахнави М. Маджму'еи аз мактубат, сохранираниха, пайамха ва фетва Аятулла Кашани, джелд-е се. Техран, 1361/1982, сс. 261-266.
63. Алиев С.М. Указ. соч., с. 125.
64. Там же.
65. Там же, с. 127.
66. «Бахтар-е эмруз», 27.VII.1953.
67. Афрасияби Б. Указ. соч., с. 281.
68. «Шахбаз», 9.VIII.1953.
69. «Эттелаат», 18.VIII.1976.
70. Roosevelt, Kermit. Countercoup: the Struggle for Control of Iran. New-York. Mc Craw-Hill. 1979, p. 168.

71. Саадабад – лесопарк на севере, где расположен большой комплекс летних дворцов и других зданий времен Реза шаха и Мохаммед-Реза Пехлеви. В настоящее время – музей.
72. Афрасияби Б. Указ. соч., с. 351.
73. «Ханданиха», 1955, № 97, с. 11.
74. Профессор Р. Н. Кедди, кстати, считает, что К. Рузвельт преднамеренно занизил сумму, истраченную правительством США (через ЦРУ) на организацию переворота против правительства Мосаддыка. Она пишет, что согласно известным ей данным американское правительство истратило несколько миллионов долларов на организацию и проведение переворота. Keddie N.R. *Roots of Revolution: an Interpretative History of Modern Iran. With a Section by Y. Richard.* New Haven.
75. Перевод текста из книги Engler R. «The Politics of Oil» дается по работе: Алиев С.М. Антимпериалистическое и демократическое движение. 1949–1953 гг. – «Иран. Очерки новейшей истории», 1976, сс. 247–248.
76. Элвелл-Саттон Л. Указ. соч., с. 384.
77. Мосаддек М. Указ. соч., сс. 211, 260.

Глава VI

1. В 1954 г. США предоставили иранскому правительству еще 85 млн. долл., в 1955 г. – 76 млн. долл., а в 1956 г. – 73 млн. долл.
2. О'Коннор Х. Империя нефти, с. 466; Элвелл-Саттон Л., указ. соч., с. 405.
3. Хосровпанах М.-Х., чап-е доввом, Тегеран, 1378/1999, сс. 111–168. Автор основательно и объективно излагает ход драматических событий августа 1953 г., завершившихся свержением правительства Мосаддыка. В центре его внимания – раскрытие роли членов офицерской организации партии иранских коммунистов Туде в августовских событиях. Приведенные Хосровпахом фактические данные и свидетельства участников завершающего этапа вооруженной борьбы сторонников шаха и правительства Мосаддыка представляют большую историческую ценность. Следует заметить, что, согласно автору, даже будучи под арестом, д-р Мосаддык отказался дать согласие офицерам-тудеистам на организацию его побега и ряда близких соратников. Он объяснил это тем, что из-за некоторых несовместимых с патриотизмом политических акций руководства партии Туде он им не доверяет. Это свидетельство принадлежит майору иранской армии Мехди Хомаюни. Его неопубликованные воспоминания в качестве приложения вошли в книгу Хосровпах М.-Х. См. указ. соч., сс. 241–271.

4. Фатеми сразу после переворота скрывался, но вскоре был арестован. Еще до этого шах в беседе с К. Рузвельтом сказал ему, что Фатеми будет казнен, а Мосаддык и генерал Рияхи будут осуждены на тюремное заключение. Гнев шаха на Фатеми объяснялся его резкими антишахскими выступлениями. Он призывал к свержению династии Пехлеви (см. главу V). Фатеми был осужден и расстрелян. Мосаддек. Указ. соч., с. 396.
5. Алиев С.М. Нефть и., с. 140.
6. Engler R. Op. cit., p. 69.
7. Арабаджян А.З. Международный нефтяной консорциум и экономика Ирана. – «НАА», 1962, №2, сс. 62–63.
8. Rubin B. Op. cit., p. 94.
9. Тезис о пособничестве Мосаддыка проникновению в Иран коммунизма широко использовался западной и прошахской прессой для дискредитации премьера и его сторонников.
10. The Memoirs of Abolhassan Ebtehaj. (in Farsi), London, 1991, vol. 2, Photocopy of the Annual Review for 1995. British Embassy. Tehran, p. 744.
11. Ibid., pp. 744–754.
12. Афрасияби Бахрам, указ. соч., с. 37.; Утверждение Амира Тахери о том, что Хосейн Ала накануне отъезда в Багдад был серьезно ранен, не соответствуют действительности. На самом деле, когда 17 ноября 1955 г. в мечете Шах во время траурной церемонии член организации «Федаян-е эслам» Мозаффар Зулькадр открыл огонь по Х. Ала, он промахнулся. Во время второй попытки пистолет дал осечку. Тогда террорист подбежал к премьеру и ударил его прикладом по голове. Но на следующий день Х. Ала уже вылетел в Багдад. Taheri Amir. Holy Terror. London, 1987, p. 161; Афрасияби Б. Указ. соч., сс. 80–81.
13. Mohammed Reza Shah Pahlavi, Mission for my Country, p. 125.
14. Речь идет о возвращении Ирану его золотых запасов.
15. Rubin B. Op. cit., pp. 100–101.
16. Iraq. A Country Study. Washington. Department of the Army, 1990. p. 49.
17. Iranian Contemporary History, Tehran, Summer. 1998, vol. 2, № 6, pp. 139–140; 144, 146.
18. Ibid., p. 148.
19. Iraq. A Country Study, pp. 51–52.
20. Iranian Contemporary History. 1998, vol. 2, № 6, p.p. 175–187.
21. Ibid., pp. 187–195.
22. Hiro Dilip. Iran under the Ayatollahs. London. 1985, pp. 301–302. Согласно Д. Хиро, «к весне 1959 г. Америка проникла во все аспекты иранской жизни, за исключением религиозной. Посольство

- Соединенных Штатов в Тегеране стало таким же центром силы, как и дворец шаха». Там же, с. 302.
23. Афрасияби Б. Иран ва Тарих. Техран. 1364/1985, сс. 43–50.
 24. Фардуст Х. (1917–1987) в годы, предшествующие революции 1978–1979 гг., возглавлял «шахскую инспекцию».
 25. Rubin B. Op. cit., pp. 177–181.
 26. Ibid., pp. 108–109.
 27. The New-York Times. 2.01.1958. The Memoirs of Abolhassan Ebtehaj. (in Farsi), London, 1991, vol. 2, Photocopy of the Annual Review for 1995. British Embassy. Tehran, p. 744.
 28. Ibid, pp. 744–754.
 29. См.: Архивная копия документа «The Internal Situation in Iran. Tehran, July 18, 1957». Автор – английский посол Роджер Стивенс. «The Memoirs of A. Ebtehaj», vol. 2, pp. 779–780.
 30. Во время захвата здания американского посольства «студентами – сторонниками имама Хомейни» значительная часть этих документов оказалась в руках представителей нового режима. Многие из них были опубликованы. Ознакомление с указанными публикациями дает возможность выдвинуть следующее предположение. Посредством личного общения представители США, скорее всего, намеревались выявить политические воззрения иранских деятелей. При этом первостепенное значение придавалось их отношению к СССР и коммунистической идеологии. Шаху такие контакты американцев были выгодны, поскольку они регулярно делились с ним результатами своей разведывательной деятельности.
 31. Шариф-Имами (Эмами) Джафар родился 8.IX.1910 г. в Тегеране, в семье религиозного деятеля, связанного с каджарским двором. Высшее образование получил в Западной Европе (Германия, Швеция). Был назначен шахом исполнительным директором благотворительного фонда Пехлеви. В 1954 г. стал председателем сената. Являлся сторонником частного предпринимательства и выступал за улучшение отношений с СССР, Пакистаном, Турцией и Ираком. Один из видных деятелей масонской ложи в Иране. Memoirs of Jafar Sharif-Emami. Editor: Habib Ladjevardi. Iranian oral History Project Center. Harvard University, 1999. Зохур ва согути салтанат-е Пахлави, джелд-е доввом, Техран, 1374/1995, сс. 399–422.
 32. Алиев С.М. Указ. соч., с. 159.
 33. Согласно Х. Катузиану, во время поездки в США шаху удалось достичь почти полного взаимопонимания с президентом Дж. Кеннеди. Малеки Х. Хатерат-е сийаси. Ба мокаддаме-йе Хомаюн Катузиан, с. 146; Ramazani P.K. Iran's Foreign Policy. 1941–1973. Charlottesville. 1975, p. 360.

34. «Растахиз», 22.X.1977; см. также: Zonis M. The Political Elite of Iran. Princeton. 1971, p. 49.
35. Хасан Арсанджани родился в 1922 г. Высшее образование и степень доктора политических наук получил во Франции. Юрист и издатель либеральной газеты «Дарйа». В начале 40-х годов симпатизировал партии Туде, но вскоре примкнул к сторонникам Ахмед Кавама.
36. Зохур ва согут-е солтанат-е Пахлави. Джелд-е доввом, сс. 306–307.
37. Там же, сс. 310–327.
38. Там же.
39. Хатерат-е Абдолхасан-е Эбтехадж. Джелд-е доввом, сс. 525–526.
40. Chubin S., Zabih S. Foreign Relations of Iran. A Developing State in a Zone of Great Power Conflict. Berkley – Los Angeles. London, 1974, p. 102.
41. Афрасияби Бахрам. Указ. соч., сс. 298–303.
42. Мохаммед-Али Катузиан реформаторскую политику шаха Мохаммед Резы Пехлеви охарактеризовал «псевдомодернизмом» в книге «Политэкономия современного Ирана» и в ряде своих статей.
43. Higo Dilip. Ibid., p. 47.
44. Афрасияби Б. Указ. соч., 408.
45. Зохур ва согут-е солтанат-е Пахлави, джелд-е доввом, с. 255–365.
46. Iran Almanac and book of facts. Fifth Edition, Tehran, 1966, pp. 237–239.
47. Там же.
48. Текст листовки см.: Афрасияби Б. Иран ва тарих., сс. 460–461.
49. Так, С. Л. Агаев, говоря об отмене иранским руководством капитуляционного режима, не обращает внимания на то, что в тексте соглашения Ирана с АИНК за английской компанией сохранились некоторые права и привилегии, которые следует рассматривать только как остаток капитуляционного режима. Они были упразднены лишь в 1951 г. в связи с национализацией АИНК (Внешняя политика Ирана в 1920–1941 гг. Автореферат. Баку, 1970, с. 25.).
50. Афрасияби Б. Иран ва тарих, сс. 454–455.
51. См.: Joyce N. Wiley. The Islamic Movement of Iraqi Shi'as. Boulder & London. Colorado. 1992.
52. Рухани Сейид Хамид. Нехзат-е Хомейни, джелд-е доввом, Техран, 1364/1985, с. 151.
53. Там же, сс. 156–164.
54. Там же, с. 494.
55. Хомейни. Хокумат-е эслами. Наджаф, 1971, с. 27.
56. Там же.
57. О жизни и деятельности А. Хон см.: Islam Ansiklopedisi. Istanbul, 1998, том 18, pp. 309–311; Oxford Encyc. Of Modern Islamic World, New-York, 1995, II, 423; Joyce N. Wiley. Ibid., pp. 48, 57, 66, 82.

- Незадолго до своей смерти, в начале 1991 г., А. Хои был заключен режимом Саддама в тюрьму. Helda Graham. «Apocalypse in Iraq means it's now or never». «Observer», 24.3.1991.
58. Taheri Amir. The Spirit of Allah. Khomeini and the Islamic Revolution, p. 162.
 59. Идеи Хомейни относительно регентства имамитского факиха получили поддержку среди сторонников таких влиятельных шиитских политических организаций, как ad-Da'ava (Ирак) и Амал (Ливан). Там же.
 60. В теологическом плане к тезису Хомейни о властных полномочиях шиитского факиха близки воззрения Казема Решти (1790/1791–1843), преемника и основателя шиитского течения шейхизма Ахмеда Ахсаи. В отличие от своего предшественника, Казым Решти выдвинул идею о необходимости признания «четвертой опоры» (основы). Согласно ему, таковым является «наиб» – «заместитель» «сокрытого» имама, власть. Четвертым он назван по той причине, что в иерархии мусульманских святых – Аллаха, его пророка Мухаммеда и «сокрытого имама» («имама времени») – «наиб», т. е. заместитель имама Махди, занимает четвертое место. Наibu имама, по учению Решти, известны все истины, и всем шиитам следует признать его абсолютную власть.
 61. Призыв о необходимости «возвращения к себе», «возвращения к истокам», «к истинному шиизму» Шариати, острая критика «западничества» («гарбзадаги») Дж. Ал-Ахмеда в значительной степени оказались созвучны с идеологией хомейнизма.
 62. Представляется, что серьезные критические замечания, касающиеся деятельности лидеров и сторонников Национального фронта в этот период, справедливы и обоснованы. См.: Катузиан Х. М. А. Экте-сад-е сияси-йе Иран. Чап-е панджом. 1374/1995, сс. 271–272.
 63. Правда. 16.IX.1962. См. также текст ноты министра иностранных дел Ирана А.Арама в посольство Советского Союза в Тегеране от 15 декабря 1962 г. Tarikh-e mo'aser-e Iran. 1998, vol. 2, № 6, p. 206.
 64. Issawi Ch. Iran's Economic Upsurge. «Middle East Journal», 1967, № 4, pp. 447–461.
 65. Singh K.R. Iran: Quest for Security. New Delhi, 1980, p. 87.
 66. Алиев С.М. Иран. В кн.: Современная Азия. Справочник. М., 1977, с. 394.
 67. Хатерат-е Аболхасан Эбтехадж, джелд-е доввом, сс. 783–788.
 68. По неподтвержденным сведениям, свыше 10% ежегодных доходов от вошедших в Фонд Пехлеви предприятий переводились на личные банковские счета Мохаммед Реза Пехлеви.
 69. Хатерат-е Аболхасан Эбтехадж, джелд-е доввом, с. 785.
 70. Хатерат-е Артешбод Фардуст, сс. 38, 262–264, 297, 497.

71. Хатерат-е Абдолхасан Эбтехадж, джелд-е доввом, с. 507.
72. «Orient». Opladen. 1967, № 2, p. 66.
73. Там же.
74. «The Times». 17.01.1968.
75. «The Economist», 10-16. II. 1968, p. 25.
76. Singh K.R. Op. cit., pp. 132-135.
77. «Равабет-е хареджи-йе Иран дар сал-е 1348», сс. 63-69.
78. Медведко Л.И. К востоку и западу от Суэца. М., 1980, с. 196.
79. «Kayhan International», 28.XII.1972.
80. «Kayhan International» (Weekly), 18.XII.1971.
81. Bank Markazi Iran Annual Report. 1968, p. 27.
82. Цит. по: Арабаджян А.З. Международный нефтяной консорциум и экономика Ирана, с. 62.
83. Stobaugh R.B. Op. cit., p. 129.
84. Эттелаат. 13.XII.1966.
85. Кейхан. 7.III.1968.
86. Там же.
87. Кейхан. 8.X.1968.
88. Рухани Ф. Санат-е нафт-е Иран, с. 299; Комлев Л.И. В борьбе с нефтяными спрутами, с. 67.
89. Международная жизнь. 1971, № 5, с. 123.
90. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 299-300.
91. Комлев Л.И. Указ. соч., с. 92.
92. Пензин Д. Нефть и независимость. «Международная жизнь», 1972, № 9, с. 53.
93. Кейхан. 30.1.1973.
94. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 374-376; Stobaugh R.B. Op. cit., p. 243.
95. Keyhan International. 24.V.1973.
96. Fesharaki F. Op. cit., p. 135.
97. Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесад... Техран, 1977, с. 67.
98. Turner L., Bedore J. Middle East Industrialization. N.-Y. 1979, p. 28.
99. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 479-480.
100. БИКИ, 29.VI.1976.
101. Рухани Ф. Указ. соч., с. 247.
102. Ильин Г.Н. Природный и попутный газ Ирана. – Иран. Сб. статей. М., 1976, с. 21.
103. Рухани Ф. Указ. соч., с. 468.
104. Mostofi B. The Status and Future Prospect of Petrochemical Industries in Iran. Tehran, 1974.
105. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 226-235.
106. Stobaugh R.B. Op. cit., p. 224.
107. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 326-327.

108. Amuzegar J., Ali Fekrat M. Iran. Economic Development under Dualistic Conditions. Chicago, 1971, pp. 15–16.
109. Современный Иран. М., 1979, с. 518.
110. Шарипов У.З. Бюджет и бюджетная система Ирана, с. 80.
111. «Маджалле-йе Банк-е маркази-йе Иран», сентябрь – декабрь, 1973.
112. Stobaugh R.B., p. 218.
113. Там же, p. 220.
114. Iran Almanac. 1973, Tehran. 1973, p. 252.
115. Stobaugh R.B. Op. cit., p. 249.
116. Amuzegar J., Ali Fekrat. Op. cit., pp. 29–75.
117. Fesharaki F. Op. cit., p. 144.
118. Андреасян Р.Н. Нефть и антиимпериалистическая борьба. – Коммунист, 1974, № 5, с. 108.
119. Текст см.: Рухани Ф. Указ. соч., сс. 381–382.
120. Кейхан. 24.1.1973; Кейхан. 24.VI.1973.
121. Middle East and North Africa. London. 1979, p. 95.
122. Рухани Ф. Указ. соч., сс. 395–399.
123. Текст соглашения см.: Техран экономист. 28.VII.1973; 4.VIII.1973.
124. The Economist. 28.VII.1973.
125. Iran. A Country Study, p. 439. Appendix «B», p. 440.
126. Ibid., p. 338.
127. Комлев Л.И. В борьбе с нефтяными спрутами, сс. 30–31.
128. Андреасян Р.Н., Казюков А.Д. ОПЕК в мире нефти. М., 1978, с. 123.
129. Рухани Ф. Указ. соч., с. 302.
130. Подсчеты сделаны на основании данных, приведенных в справочнике: The Middle East and North Africa. L., 1974/75.
131. Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е эктесадӣ дар сал-е 2535, сс. 67, 68, 130.
132. A Summary of Iran's Fifth National Development Plan (1973–1978). Tehran, 1975.
133. The Gulf. A Survey by «Economist», 17-23.M.1975., p. 43.
134. Там же; Иран: проблемы экономического и социального развития. М., 1980. (См. статью Алиева С.М.); Iran: une Première République, pp. 202–203; Halidday F. Iran: Dictatorship and Development. L., 1979, pp. 149–153.
135. Медведко Л.И. Указ. соч., с. 310.
136. Там же.
137. The Times. 10.V.1975.
138. Васильев А. Трудный перевал. М., 1977, с. 235.
139. The Times. 10.V.1975.
140. Ансари Хушанг (родился в 1928 г.). Из богатой купеческой семьи Ахваза. Высшее образование получил в Англии. Повышал квалификацию и вел исследования в США и Японии. В середине 60-х

- годов стал одним из руководителей Торгово-промышленной палаты Тегерана. Позже был назначен послом в Пакистане. В 1966 г. назначен министром информации, затем возглавлял министерство экономики и финансов. В 1975 г. он стал одним из руководителей прошахской партии «Растахиз». В ходе революции бежал на Запад, по сведениям иранских газет, прихватив с собой около десяти миллионов казенных денег (долларов, конечно).
141. Фалсафа-йе энгелаб-е Иран. Техран, 1976, с. 10.
 142. Мохаммед Реза Пахлави. Энгелаб-е сафид. Техран. 1966, с. 22.
 143. Пехлеви М.Р. Белая революция. Париж, 1967, с. 17.
 144. Homa Katouzian. The Agrarian Question in Iran. In *Agrarian Reform in Contemporary Developing Countries*. Edited by Ajit Kumar Grose. London and Canberra. New-York, 1983. Printed and bound in Great Britain. Pp. 309-357; Tehrani Bahram. Etude sur la Situation Economique de L'Iran (1975-1986), (in Farsi), «Khavaran», Paris, т. 1 (1365/1986), т. 2 (1365/1986); *Neglected Garden: The Politics and Ecology of Agriculture in Iran*. London, I.B.Tauris & Co Ltd., 1988.
 145. Современный Иран. 1975, с. 184.
 146. Закон о реформе был принят палатами парламента 24 июля 1975 г.
 147. Сам шах писал, что к 1976 г. в соответствии с этой реформой 530 тыс. рабочих получили 12 млрд. риалов. Мохаммед Реза Пехлеви. Бе су-йе тамаддон-е бозорг. Техран, 1978, с. 123.
 148. Там же, с. 131.
 149. Текст закона см.: Kayhan International. 14.V.1975.
 150. Amuzegar J. Iran: an Economic Profile. Wash., 1977, p.255.
 151. Keyhan International. 15.III.1976.
 152. Эттелаат. 1.V.1976.
 153. Там же.
 154. Растахиз. 5.IV.1977.
 155. Keyhan International. 15.VI.1978.
 156. Looney R.E. Iran at the End of the Century: a Hegelian Forecast. Toronto. 1977, pp.14-15; Hooglund E.J. Land and Revolution in Iran. 1960-1980. ...1982, pp.139-152.
 157. «Эттелаат. 19.VI.1976.
 158. Были случаи, когда крестьян фактически вынуждали продавать свои земельные участки, оказавшиеся в зоне строительства промышленных предприятий, плотин и других объектов. Katouzian M. Oil Versus Agriculture: a Case of Dual Resource Depletion in Iran. - *Journal of Peasant Studies*. London. 1978, vol. 5, № 3, p.361.
 159. Гозареш-е натайедж-е саршомари-йе оуми-йе нофус ва маскан-е абанмах-е, 2535. Техран. 1977, сс. 5-7.
 160. Kayhan International. 11.I.1976.
 161. Эттелаат. 10.VI.1976.

162. Эттелаат. 1.V.1976.
163. Zonis M. Op. cit., pp.36–37.
164. Эттелаат. 10, 15, 24 и 29.XII.1976.
165. Пахлави Мохаммед Реза. Бе су-йе тамаддон-е бозорг., с. 286.
166. Происходящие в иранских финансах явления (процессы) представляют явный пример такого политэкономического явления как импортируемая инфляция.
167. Мохаммед Реза Пахлави. Бе-су-йе тамаддон-е бозорг., с. 169.
168. Там же, с. 270.
169. The Times. 17.1.1968.
170. U.S. News and World Report. 15.X.1973; Washington Post. 11.VIII.1974.
171. Кейхан М. Бudge-йе сал-е, 1357 – Донйа. 1978, №12; International Herald Tribune. 16.XI.1978.
172. Business Week. 17.XI.1975.
173. Time. 7.VII.1975.
174. Там же; Singh K.R. Op. cit., pp.289–296.
175. Там же, сс. 302–320.
176. Der Spiegel. 7.1.1974.
177. Мохаммед Реза Пахлави. Бе су-йе тамаддон-е бозорг, с. 246.
178. Там же.
179. Там же.
180. Прерванные в 1971 г. дипломатические отношения между Ираном и Ираком были восстановлены в октябре 1973 г., после новой арабо-израильской войны. См.: Keyhan International. 9.X.1973.
181. Keyhan International. 15.1.1975.
182. Keyhan International. 28.V.1978.
183. Keyhan International. 13.X.1975; 24.XII.1975.
184. The Economist. 17-23.V.1975, p.11.
185. Примаков А.Е. Персидский залив: нефть и монополии. М., с. 81.
186. Кейхан. 15.V.1976.
187. Washington Post. 25, 26, 27, 28, 29, 30.X.1980.
188. Там же.
189. Там же.
190. Там же.
191. Там же.
192. Там же.
193. Daily News. Tehran. 9.IX.1981.

Глава VII

1. Дилип Хиро пишет: «Поскольку в Иране с 641 по 1501 годы национального династического правления не было, шахское утверждение о 2500-летнем продолжении иранской монархии было ложным». Hiro Dilip. Op. cit., p. 376. Данное утверждение Дилипа Хиро,

талантливому публицисту, написавшего весьма содержательное произведение об иранской революции 1978–1979 гг., страдает некоторыми неточностями. Но указывать на них в данном случае нет необходимости. Но заметим, что тезис о том, что первой крупной державой, образованной иранскими народами на Среднем Востоке, стала империя Ахеменидов, тоже был неверным. Именно на этом утверждении базировалось празднование 2500-летнего юбилея. Такая трактовка объяснялась желанием связать историю иранского государства с историей персидской народности и персидской нации. На деле, если быть верным исторической действительности, первым крупным государством, созданным иранцами в упомянутом регионе, было Мидийское царство. По всей видимости, в его образовании активное участие принимали древние предки курдов, талышей, азербайджанцев, дейлемцев и других народностей.

2. Halliday F. Iran: Dictatorship and Development. «Penguin». L., 1979, p. 38.
3. F.Richard N. The Golden Age of Persia. The Arabs in the East. Barnes and Noble. New-York. 1975., p. 4.
4. Захеди Ардешир, сын генерала Ф. Захеди, бывший зять шаха. С февраля 1973 г. до конца 1978 г. возглавлял иранское посольство в Вашингтоне.
5. Nikki R. Keddie. Roots of Revolution: An Interpretive History of Modern Iran. New Haven, L., 1981, p. 18.
6. Wright Robin. The last Great Revolution. London, 2001.
7. Looney R.F. Iran at the End of Century, p. 116. Цитата дается в переводе А. А. Алиева.
8. Keyhan International. 10.06.1976.
9. Katouzian M. Oil Versus Agriculture, p. 357 (In: Journal of Peasant Studies, April, 1978).
10. Salmanzadeh C. Agricultural change and Rural Society in Southern Iran. Kent, 1980, p. 267.
11. Эттелаат. 10.VI.1976.
12. Iran. A Country Study, p. 76; Hooglund E.J. Land and Revolution in Iran, p. 94, 139–145.
13. Salmanzadeh C. Op. cit., p. 266.
14. Kazemi F. Poverty and Revolution in Iran: the Migrant Poor, Urban Marginality and Politics. N.Y. 1980, p. 3.
15. Washington Post. 12.XI.1978.
16. Iranian economic trends. A Report prepared by the American Embassy in Tehran. June, 1979. Documents from the U.S. Espionage Den (63), Tehran, 1987, p. 105.
17. Фардуст Х. Указ. соч., сс. 244–248.

18. Tabarra'ian S. General Toufanian: A Review of his Part in Second Pahlavis Rull; Iranian Contemporary History. Vol. 1. № 3. Fall 1997, p. 119-182 (In Farsi); Табарра'иан С. Сараб-е Йек женерал. Техран, 1377/1998.
19. Foreign Affairs, 1979, №1; Halliday F. Op. cit., p. 165.
20. New Zuricher Zeitung. 30-31.VII.1978.
21. Keyhan International. 07.VIII.1977.
22. Iran: une Première 'Republique. sous la directon Mortèza Kotobi. Paris. 1983, p. 208.
23. Keddie N.R. Roots of Revolution, p. 233.
24. L'Humanite. 20.06.1978; Morning Star. 15.IX.1978.
25. Fischer M.M. Iran. From Religious Dispute to Revolution, p. 29; Афрасияби Б. Указ. соч., с. 503-506; Эттелаат. 07.I.1978; Кейхан. 10.I.1978.
26. Афрасияби Б. Указ. соч., с. 521-524.
27. The Down of the Islamic Revolution. Vol. 1, p. 263.
28. За свою жестокость в отношении участников июньского восстания 1963 г. генерал Ойвеси получил прозвище «палач Тегерана». 3 января 1979 г. Овейси вылетел в США. Позже он обосновался в Париже. В начале февраля 1984 г. бывший генерал и его брат были убиты неизвестными на улице Пасси французской столицы. Известия. 08.02.1984.
29. Hiro D. Op. cit., p. 77.
30. В середине 70-х годов в стране функционировало свыше 100 тысяч мечетей. В Куме, Мешхеде, Исфахане, Тебризе, Ширазе, Йезде религиозные училища (медресе) посещали более десяти тысяч талибов. В 1965 г. в Тегеране при поддержке филантропов-исламистов открылись специальные центры (хосейни-йе иршад), в которых с лекциями выступали известные идеологи и ученые в области имамитского шиизма. Husain Asaf. Islamic Iran. Revolution and Counter-revolution. New-York, 1985, p. 54-85.
31. Мохаммед-Али Хомаюн Катузян. Указ.соч., с. 259, 271-272; Ахзаб-е сияси дар Иран. Аснад-е лане-йе джасуси-йе Америка. Бахш-е аввал. Техран. 1987, с. 222-80, 110-138, 243-252 и т. д.
32. Viell P., Bani Sardar A.-H. Petrole et violence. Paris, Anthropos, 1974, p. 348.
33. Sepehr Zabih. The Iranian Military in Revolution. Routledge, London and New York. 1988, p. 38.
34. Стычка была вызвана отказом младших офицеров и вольнонаемников выполнить приказ начальства вооружать самолеты бомбами. Эти бомбы предназначались для сбрасывания в места скопления вооруженных отрядов оппозиции.

35. Admiral Collins F.C. *Anatomi Revolt*. In: Document from the U.S. Espionage Den (63). Tehran, 1366/1987, p. 79; Cm.: Merip Reports, March-April, 1981, p. 13.
36. Hiro D. Op. cit., p. 139.
37. Ibid, p. 141.
38. Entessar. *Kurdish Ethnonationalism*. Boulder, Colorado. 1992.
39. Hiro D. Op. cit., p. 175.
40. *Guardian*. 10.III.1981; 11.III.1981.
41. *New York Times*. 05.IV.1981.
42. Bakhsh Shaul. *The Reign of the Ayatollahs. Iran and the Islamic Revolution*. London, 1986, p. 160–161; Данеш М. Три года антиимпериалистической революции в Иране. За рубежом. 22–28.I.1982.
43. Hiro D. Op. cit., p. 179–180.
44. *Sunday Times*. 21.VI.1981.
45. Hiro D. Op. cit., p. 188.
46. *New York Times*. 06.IX.1981; *The Dawn of the Islamic Revolution*, vol. 1, p. 247.
47. Смыслов Д. Нефтяные деньги... «МЭМО», 1980, № 1, с. 44–58.
48. *Newsweek*. 30.07.1979.
49. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие.., с. 261.
50. *Daily News*. 09.IX.1981.
51. OPEC. *Annual Statistical Bulletin*. Vienna. 1980, p 126.
52. In: *Hydrocarbons, oil, gas and petrochemicals*. (In: Amuzegar J. *Iran's Economy under the Islamic Republic*. I. A. Tauris, London, 1997, p. 229–265).

Глава VIII

1. Hiro D. Op. cit., p. 130–131.
2. Bakhsh Saul. Op. cit., p. 109–110, 244.
3. *Daily Telegraph*, 11.II.1980. Более подробно о чистке в шахской армии см.: Zabih S. Op. cit. Chapter G. «Purge and Punishment», p. 115–135, 244.
4. Справ.: Hiro D. Op. cit., p. 94.
5. Bakhsh Saul. Op. cit.
6. Bakhsh Shaul. Op. cit., p. 62; 68; 115–116; 134–135; 238; 248.
7. Гробницы Али ибн Абу Талиба, его сына Хосейна и четырех других шиитских имамов находятся в святых городах Ирака – Наджафе, Кербеле, Казимия и Самарра. Эти места часто называют по-арабски, «Атабат 'алият» («Высокие гробницы») или просто «'атабат» («гробницы»).
8. Wiley N. Joyce. *The Islamic Movement of Iraqi Shi'as*. Boulder. London. 1992, p. 31–71.
9. Ibid. p. 116.

10. Ibid. p. 55.
11. Налет на авиабазы Мехрабад, Довшантепе (окраины Тегерана), Ахваз, Дезфуль, Урмия, Хамадан, Селандеж и Абадан совершили подразделения самолетов МиГ-23С и МиГ-21С. Ущерб, нанесенный иранским ВВС, был незначительным, поскольку самолеты находились в специально укрепленных ангарах.
12. Hiro D. Op. cit., p. 168.
13. Rose G. Velayet-e Faqih and the Recovery of Islamic Identity in the Thought of Ayatollah Khomeini. In: Religion and Politics in Iran shi'ism: from Quietism to Revolution. London, 198, p. 177; Hui Ebul Kasim (1899-1992) In: «Islam Ansiklopedisi». Cilet 18. Istambul, 1998, p. 309-311.
14. Текст статьи Ф. Мурси находится в личном архиве автора.
15. New York Times. 3.X.1980.
16. У Д. Хиро численность попавших в плен иракцев – 17 500 человек. Hiro D. Op. cit., p. 210.
17. С. Хусейн заявил, что в случае положительного ответа иранского руководства эвакуация иракских вооруженных сил может завершиться к 30 июня.
18. Iraq. A country study, p. 235.
19. Ibid, p. 237.
20. Ibid.
21. Tangling with Tehran. Time, May, 2, 1998, с. 22-23.
22. Ibid.
23. Amuzegar Jahangir. Irans Economy under the Islamic Rebuplic.
24. Ibid, p. 320-231.
25. Anthony H. Cordesman and Ahmed S. Hashim. Op. cit., p. 3.
26. Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993, с. 2.

Заключение

1. Henry Kissinger. White House Years. Boston-Toronto, 1979, Ch. XXIX.
2. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998, с.162.

Экономика и будущее Ирана как нефтяной державы. Нефть, газ и двойное сдерживание*

Успехи или неудачи Ирана в поддержании и расширении производства нефти и газа будут главным фактором в формировании его экономического будущего и политической стабильности. Иран остается с экономикой, в которой доминирует нефтяной сектор. Для полного восстановления и развития существующих производственных мощностей с целью выполнения амбициозных задач в будущем Иран нуждается в массированных внешних инвестициях в развитие своих нефтяных и газовых месторождений, трубопроводов, предприятий по очистке и переработке и других, связанных с нефтяной сферой производств. Этим объясняется, почему в ноябре 1995 г. Иран провел у себя конференцию с целью привлечения подобных инвестиций. Иран представил 11 новых проектов по развитию нефтяной отрасли на общую сумму около 6 миллиардов долларов, и, несмотря на американское давление и угрозы США о введении санкций против третьих стран, ему удалось привлечь внимание примерно 40 европейских и азиатских фирм.

Пока же у Ирана есть слабые перспективы привлечения необходимых ему инвестиций в полном объеме. Даже японские компании, продемонстрировавшие серьезный интерес к иранскому нефтяному рынку, пока воздерживаются от первоначального финансирования (проектов) или других сделок. Этот подход часто является результатом давления со стороны США и их угроз введения санкций против зарубежных компаний. Тем не менее большинство проблем Ирана скорее созданы им самим, чем стали результатом американских санкций или политики сдерживания. Благополучная внутренняя экономика Ирана создает проблемы в финансировании некоторых сфер деятельности, которые правительство хотело бы финансировать с привлечением внутренних средств, и Ирану не удастся привлечь инвестиции по нескольким причинам.

Ирану следует предоставлять более убедительные доказательства того, что его политика не вызовет новых кризисов и конфликтов и что его внутренняя политика не приведет к национализации или навязанным изменениям в условиях соглашений. Иран должен уметь более эффективно справляться со своими долгами и выплатами и без постоянных ненужных усилий уметь находить компромиссы в реструктуриро-

* Из книги Anthony H. Cordesman and Ahmed S. Hashim «Iran: Dilemmas of Dual Containment». Colorado-Oxford. 1997, с. 100-102; 113-115. Сокращенный перевод И. Алиева.

вании сроков и объемов выплат. Ему следует предлагать внешним инвесторам значительно более привлекательные условия, такие как, например, его новые программы «скупки корпорациями собственных акций». Ему следует упростить многие проекты или предусмотреть их поэтапную реализацию с тем, чтобы сократить объемы инвестиционных затрат и продемонстрировать реальные возможности их реализации.

Пока Иран наглядно не продемонстрирует улучшения в своем подходе к определению предлагаемых им финансовых условий, похоже, он будет уязвим от американских санкций и финансового давления. Хотя многие потенциальные неамериканские инвесторы в настоящее время озабочены, по всей вероятности, больше ошибочным подходом Ирана к определению финансовых условий и методам ведения им переговоров, чем американскими санкциями, даже сравнительно незначительного давления на зарубежные компании и страны может быть достаточно для того, чтобы заставить их переориентировать инвестиционные потоки в менее рискованные предприятия. Японские и французские фирмы, а также такие ведущие западные фирмы, как Роял Датч Шелл Групп, уже дали понять об этом.

В то же время следует подчеркнуть, что правительство США в формировании своей политики по отношению к Ирану, похоже, не обращает должного внимания на потенциальную цену этого аспекта «двойного сдерживания». Любая попытка США оказать давление на Иран порождает несколько важных проблем, которые, в свою очередь, увеличивают структурные проблемы иранской экономики:

- Если Иран в действительности предложит новые льготы и инвестиционные условия, то он введет гораздо более draconianские санкции по сравнению с действующими ныне американскими. Но если он не пойдет на подобные изменения, то негативное воздействие американских санкций, очевидно, будет ограниченным.
- Иран, несмотря на существующие в его нефтяном секторе проблемы, вероятно, сможет и в дальнейшем поддерживать усилия в сфере обороны, продолжать реализацию программ по разработке оружия массового поражения.
- Трудно представить, как усиление экономических санкций может помочь Западу избежать увеличения количества его проблем во взаимоотношениях с Ираном и активизации деятельности радикальных движений. Санкции дают Ирану новые основания возложить на США и другие зарубежные державы вину за его неудачи в развитии нефтяного и газового сектора.
- Ослабление иранского нефтяного и газового сектора вряд ли способствует тому, чтобы сейчас или в будущем поведение Ирана стало более умеренным. Если планы Ирана по расширению его экспорта провалятся и он будет вынужден изыскивать возможности максимизации цен на нефть и газ, для него будет

все более соблазнительным запугивать и угрожать своим соседям, получая тем самым доходы за их счет. В действительности Иран будет скорее более прагматичен во взаимоотношениях со своими соседями по региону Персидского залива, если его доходы от нефти и газа будут увеличиваться.

- Ослабление иранского нефтяного и газового сектора сделает более логичной деятельность Ирана по развитию ядерной энергетики, что неизбежно облегчит его проблемы, связанные с вопросом распространения ядерных вооружений.

Если говорить в более широком смысле, то Соединенным Штатам не удалось урегулировать конфликтную ситуацию между своей политической сдерживания и своей же энергетической политикой. Экспертные прогнозы в США говорят о перспективах устойчивого повышения уровня добычи нефти и газа в Иране, но Иран не сможет легко выдержать нагрузки, связанные с расширением своего производства. Эти вопросы приобретают особую важность, поскольку политика США негативно воздействует на способность и других «стран-парней», таких как Ирак и Ливия, в будущем достичь планируемого уровня производства.

Экономические параметры сдерживания невозможно отделить от политических и военных параметров. Конечно, определяющие американскую политику лица могут сколько угодно заявлять, что экономическое давление будет иметь хотя бы какое-то сдерживающее влияние на усиление иранской военной мощи и тем самым понизит потенциальную цену экономической нестабильности с точки зрения мировых расценок на нефть, внутренней экономической нестабильности и реваншизма в ответ на политику Соединенных Штатов. Тем не менее, фактом является то, что в политике двойного сдерживания заложены мощные негативные факторы и экономические санкции, нацеленные на всю иранскую экономику, и они представляют собой тупой инструмент, который в конечном счете может принести больше вреда, чем пользы.

Для снижения уязвимости от возможных нападений на свои объекты по добыче, переработке и транспортировке нефти и нефтепродуктов Иран также имеет большие стратегические запасы нефти. В настоящее время Иран ведет строительство хранилища в Харге общей вместимостью в 15,5 млн. баррелей и уже имеет хранилища и необходимую инфраструктуру в Роттердаме, Гавре и в Греции. В июле 1995 г. также достигнуто соглашение с Южной Африкой об аренде емкостей вместимостью в 15 млн. баррелей в хранилище общей вместимостью в 45 млн. баррелей, расположенном в бухте Салдахна около Кейптауна.

У Ирана есть танкерный флот, включающий, по крайней мере, 2 супертанкера водоизмещением свыше 400 тыс. тонн нефти (ULCC), 10 танкеров водоизмещением 160 тыс. тонн и более (VLCC) и 10 танкеров по перевозке продуктов нефтепереработки. В 1996 г. Иран получит еще два

VLCC, а в 1997 г. – еще три VLCC. Он планирует заказать еще 16 транспортных судов, но пока у него нет для этого достаточно средств. Однако Иран дополнительно использует чартерные рейсы для ликвидации негативных последствий в результате потери транспортных возможностей американских нефтяных компаний.

Хотя Иран и изменил свою рыночную политику в отношении нефтеэкспорта и пострадал от американских санкций, Япония стабильно продолжает оставаться крупнейшим покупателем иранской сырой нефти. В настоящее время Иран ведет экспортную реализацию своей сырой нефти в основном по контрактам, заключаемым на квартал, а не на основе гибких оперативных соглашений и договоренностей, что преобладало в этой сфере в начале 90-х годов. В процессе этих изменений NIOC ввела как ограничения в плане пункта назначения доставки, предотвращая тем самым возможность покупателя перепродавать иранскую сырую нефть, так и исключила из списка партнеров несколько крупных западных торговых компаний, в том числе Glencore и Philbro.

Роль американских компаний в распределении иранской нефти также со временем изменилась. В 1991 г. компании США приобрели примерно 6,8% сырой нефти Ирана, в 1992 г. – 19,2%, в 1993 г. – 23,2%, в 1994 г. – 23,3%, хотя прямой импорт США иранской нефти прекратился в 1993 г., а с 1987 г. был гораздо ниже 100 баррелей в день. В первом квартале 1995 г. Иран отправлял на экспорт приблизительно 2,6 млн. баррелей сырой нефти в день. Эта иранская нефть закупалась компаниями или филиалами, расположенными в Европе (35%), Азии (32%), США (23%), Южной Африке (10%), Бразилии (0,02%). Основные американские компании, которые имели оговоренные по срокам контракты на приобретение иранской сырой нефти, включали EXXON (250–300 тыс. баррелей в день); Coastal (130 тыс.), Vay Oil (70 тыс.), Caltex (60 тыс.) и Mobil (40–50 тыс.).

Новые санкции, введенные США в 1995 г., заставили расположенные в США компании прекратить продажу иранской нефти на зарубежных рынках. Тем не менее принуждение американских компаний расторгнуть контракты имело сравнительно небольшое негативное влияние на иранский экспорт, поскольку американские санкции уже поставили барьер на импорт иранской нефти в США, и основной объем иранской сырой нефти был предназначен для очистки и переработки в Европе и Азии. К моменту введения американских санкций уже существовало 44 других покупателя иранской сырой нефти, и европейские и азиатские фирмы вскоре смогли заменить американские компании. Более того, Иран зафрахтовал 28 танкеров ULCC и VLCC для хранения избыточного количества нефтепродуктов и их транспортировки.

Если посмотреть на существовавшие уровни экспорта нефти до и после введения санкций, то в сентябре 1995 г. Иран экспортировал 2,445 млн. баррелей в день, а в октябре – 2,745 млн. В августе Иран всего

добывал 3,7 млн. баррелей в день, в сентябре – 3,495 млн, в октябре – 3,795 млн. Для поддержания этого уровня экспорта Иран должен был пойти на некоторые уступки в ценах, но с момента введения новых американских санкций ему удалось расширить свои европейские рынки, и в октябре 1995 г. объемы его экспорта в Азию достигли 839 тыс. баррелей в день – цифра несколько выше, чем цифра его экспорта в 812 тыс. баррелей в день в 1984 г., когда принадлежавшие США нефтяные компании все еще играли важную роль в транспортировке и распределении нефти. Иран также планировал, что объемы его среднего ежемесячного экспорта с 2,54 млн. Баррелей в день возрастут в 1995 г. до 2,82 млн.

Нет доказательств того, что американская политика сдерживания оказала существенное негативное воздействие на доходы Ирана от экспорта, которые были подвержены лишь естественным колебаниям из-за изменений в мировых ценах на нефть. В 1994/95 гг. общая стоимость совокупного иранского экспорта нефти и газа составили 14,6 млрд. долл., а в 1995/96 гг. – 14,8 млрд. долл. Правда предполагается, что в 1996/97 гг. эта цифра уменьшится до 14,5 млрд., однако это может произойти в силу более слабого нефтяного рынка, а не в результате влияния санкций. Международное агентство по энергетике (IEA) и независимые эксперты прогнозируют в дальнейшем рост общей стоимости совокупного иранского экспорта нефти и газа до 15,0 млрд. долл. в 1997/98 гг., 15,2 млрд. в 1998/99 гг. и 15,5 млрд. в 1999/2000 гг. – что почти равняется уровню годовых доходов с учетом прогнозов на мировые цены, сделанных IEA перед тем, как Соединенные Штаты запретили расположенным в США нефтяным компаниям заниматься распределением иранской нефти.

Примеры ведения Ираном торговли отражают рост объемов экспорта нескольким ключевым партнерам и попытку снизить объемы импорта. В первой половине 1995 г. стоимость американского экспорта в Иран равнялась лишь 267 млн. долл., а как только были введены новые американские санкции, экспорт и вовсе был прекращен. За первые три квартала 1995 г. японский экспорт в Иран составил 496 млн. долл. (падение на 46% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, хотя иранский экспорт в Японию составил 2,1 млрд. долл. – падение только на 3%). Хотя и нельзя проводить прямые сравнения по странам с точки зрения показателей за те же самые периоды времени, все же следует отметить, что итальянский экспорт в Иран снизился на 47%, а импорт вырос на 40%. Для Германии оба этих показателя снизились соответственно на 17% и 8%, французский экспорт в Иран понизился на 17%, а импорт возрос на 5%. Для Великобритании оба показателя соответственно выросли на 5% (вследствие продажи Великобритании нефтяного оборудования, в предоставлении которого Ирану отказали Соединенные Штаты) и на 10%. В целом ОАЭ не предоставляют сведений о торговле с Ираном, однако известно, что в первом квартале 1995 г. экспорт из Дубаи в Иран составил 478 млн. долл., а импорт

– 118 млн. долл. В предыдущий период экспорт из Дубай сократился на 25% вследствие принятия Ираном жестких мер против контрабанды и использования твердой валюты.

Как результат, этот аспект политики двойного сдерживания США оказывается для Ирана скорее раздражителем, нежели чем-то более серьезным. В действительности осуществление этой политики скорее бьет по нефтяным доходам американских компаний, чем по доходам Ирана от нефтяного экспорта.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Что пошло не так в Иране?

*Стэнли Т. Эскудеро**

В течение всего послевоенного периода, в особенности после 1953 г., США поддерживали крайне близкие отношения с шахом Ирана и его режимом. Мы сыграли важную роль в смещении левого националиста премьер-министра Мосаддыка и возвращении шаха из его короткого изгнания в Европе. Мы потратили несколько миллиардов долларов на разнообразные проекты помощи, многие из которых были правильно задуманы и высоко оценены. Основываясь на наших близких интересах с точки зрения региональной безопасности и покупательной способности Ирана, мы помогли Ирану стать одной из доминирующих стран Персидского залива. У нас в Иране были тысячи военных и гражданских советников и инженеров. Мы поддерживали сильного монарха, достаточно проницательного, чтобы видеть необходимость государственного развития, и, очевидно, достаточно смелого, чтобы брать на себя лидерство в общегосударственных экономических и социальных реформах, которые привели бы Иран в 20 век.

Тем не менее когда я вернулся в Тегеран в ноябре 1978 г. после трех с половиной лет отсутствия, шах держался у власти из последних сил. Американские чиновники ездили в бронированных автомобилях с вооруженной охраной, защищавшей их не от террористов, а от толпы обычных иранцев. Посольство и другие американские учреждения охраняли грузовики иранских солдат, вооруженных автоматами. Все равно и на посольство, и на наше консульство в Тебризе были совершены нападения, а территория последнего – оккупирована. Позже и само посольство было ненадолго захвачено. Мощные антиамериканские настроения пронизали практически все слои иранского общества. Многие соображения, на которых основывалась наша политика, обернулись

* Stanley T. Escudero. What Went Wrong in Iran. Confidential documents from the US Espionage Den (63). Тегеран, 1987, сс. 70-73. Перевод с английского И. Алиева.

против нас. Ситуация стала намного хуже после отъезда шаха в середине января. Угроза еще большего разгула анархии стала реальной.

Очевидно, что за некоторое время до падения шаха наша политика по отношению к Ирану, которая неплохо нам служила более 30 лет, стала неадекватной и во многих случаях противоречащей нашим интересам. Естественно в связи с этим задать вопрос: что пошло не так? Почему мы, со всей мощью нашего присутствия в Иране, не предвидели этих проблем?

Полный анализ событий и факторов, которые привели к падению диктатуры шаха, долго еще будет предметом для ученых споров. В любом случае, он лежит далеко за рамками этой статьи. Тем не менее очевидно, что этот провал был результатом настоящей внутренней революции, а не мятежа, организованного извне.

Если несколько упростить суть дела, можно сказать, что основной шахской системы управления были твердая власть, базировавшаяся на безжалостной машине служб безопасности, и финансовые возможности смягчать недовольство населения, оплачивая программы развития, выдавая прямые субсидии и кооптируя тех, кто в противном случае составил бы оппозицию режиму. Годы репрессий, коррупции, бездарного руководства, лести, пустых обещаний и просто общей неэффективности ослабили оба этих столпа режима и сделали многих иранцев, всегда циничных и недоверчивых к своему правительству, неспособными видеть многие значительные и ценные достижения имперского правления. Быстрая модернизация и растущие возможности образования тоже подготовили провал Пехлеви.

Два события, на мой взгляд, нанесли последний удар. Первое, и самое важное, — лично принятое шахом в 1974 г. решение использовать сильно возросшие доходы Ирана от продажи нефти для ускорения развития страны. При этом шах отдавал себе отчет в том, что производство может не вырасти достаточно быстро, чтобы удовлетворить возросший спрос, и, таким образом, будет спровоцирована инфляция. Когда это решение было принято, в Иране уже действовала инфляция в десятки процентов. Стране недоставало технической инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы и управленческих кадров для того, чтобы переварить перемены, даже наполовину столь грандиозные. К этим недостаткам прибавлялась приверженность шаха к своим раздутым и бесполезным вооруженным силам. Как следствие, практически везде программа развития провалилась, а инфляция восторжествовала. Сейчас ее уровень более 50%. По мере того как ухудшались экономические условия, разрыв между доходами разных социальных групп становился все более очевиден. Недовольство населения росло, а способность правящего режима использовать финансовые ресурсы для поддержания власти ослабевала.

Вторым событием было начало проведения администрацией Картера политики прав человека. Многие иранцы упорно верят, что иностран-

цы управляют политикой их страны начиная с конца 19 века: вначале русские и британцы, а потом, с 1953 года, американцы. Некоторые оппозиционеры истолковали политику прав человека как отход США от шаха и, как следствие, ослабление его власти. Они почувствовали себя сильнее и активизировались. В это же время шах, стремясь создать политический климат, который обеспечил бы плавный переход власти его сыну, а, может быть, также под давлением политики прав человека начал делать шаги к либерализации иранской политической жизни.

Вообще у иранцев специфический взгляд на власть: они считают ее препятствием на пути своих личных достижений и стараются обходить ее, когда только можно. Как только им это удастся, они теряют всякое уважение к власти; только ту власть, которую нельзя обойти, нехотя уважают.

Абсолютная власть шаха установила четкие границы дозволенного несогласия. Его шаги к либерализации и наши заявления по поводу прав человека размыли эти границы, не установив новых. Не желая верить, что власть может ослабить контроль по причине иной, чем собственная слабость, иранский народ начал раздвигать рамки во всех направлениях, пытаясь нащупать новые границы индивидуального политического поведения. На сегодняшний день они их до сих пор не нашли, поскольку шах не смог или не захотел предпринять жесткие меры, которые могли бы восстановить его положение, а новому правительству еще предстоит выработать инструменты власти, навыки руководства и добиться единства страны.

В подходящий момент изгнанный исламский лидер, аятолла Рухолла Хомейни, активизировал оппозицию и стал символом и центром народной ярости. Так же, как и для всех других успешных революционных народных движений в современной истории Ирана, исламское движение сыграло роль крыши, под которой смогли объединиться разнородные оппозиционные элементы, и дало революции бесценную возможность привлечь в свои ряды огромное число людей.

Одна и та же революционная коалиция привела, прямо или косвенно, к смерти одного шаха, изгнанию другого и временному изгнанию третьего на протяжении последних 83 лет. Теперь она же свергла последнего, может быть, шаха. Из всех шахов, которые правили Ираном со времени основания каджарской династии в 1796 году, только один вззошел на трон в результате спокойной передачи власти. Если вспомнить об исторических прецедентах, угроза, которую представляла иранская революция для Мохаммеда Резы Пехлеви, не должна была бы оказаться неожиданной. Однако оказалась.

Проще говоря, я думаю, что мы не были готовы к падению режима Пехлеви просто потому, что мы не хотели видеть правды.

Было бы преувеличением, но не слишком сильным, сказать, что сразу после 1953 года шах был американской марионеткой. Однако с

течением времени он становился все более уверенным в себе, более независимым, и мы все больше сотрудничали с ним почти на равных правах. По мере развития этих более здоровых отношений, тем не менее укоренялось и фундаментальное заблуждение американской политики — уверенность, что интересы политики США в Иране совпадают с интересами режима Пехлеви. Примерно в 1968 году, насколько я смог определить по старым документам, негласной политикой Госдепартамента и Посольства (возможно, и администрации, хотя младший офицер никогда не сможет это точно установить) стало ограничение количества отчетов, где критиковался шах. Те же ограничения действовали во время моей собственной работы в Тегеране в 1971—1975 гг. Когда я поднял этот вопрос, мне было разъяснено, что критическая информация может попасть в результате утечки к врагам шаха в Вашингтоне и быть ими использована. В конкретном случае, когда мне было приказано не сообщать о временной женитьбе шаха на молодой иранке, меня заверили, что этот случай полностью освещен в официально-неформальных письмах. Не совсем очевидный выбор средства информирования разведывательной организации о возможно значимом событии.

Осуществляя эту, по сути, нечестную политику в течение последнего десятилетия, Департамент сам себе отказывал в информации, которая могла бы дать США возможность лучше подготовиться к последним событиям в Иране.

Эта ошибка была осложнена тем, что связи посольства сводились к людям, чье общение с нами не огорчало шаха. Контакты с лидерами старой оппозиции и с исламистами были запрещены. Вместо этого посольство ограничивало свой круг общения все теми же людьми, с кем оно контактировало на протяжении последних 25 лет. В целом эти люди поддерживали шаха. Их богатство, власть, влияние и, до известной степени, физическое здоровье зависели от их умения удерживать благосклонность монарха. Но, глядя на Иран через глаза этой ограниченной группы людей, мы смотрели на страну через монаршую же призму. Неудивительно, что основная часть информации, поступавшей из этих источников, содержала положительные оценки шаха и его программ.

Даже если бы мы стремились передавать взгляды всех элементов иранского общества, нам бы помешал недостаток офицеров, которые хорошо говорили бы на фарси. Контакты с исламскими лидерами и лидерами базара практически невозможны без беглого владения языком; то же касается многих преподавателей и студентов. Путешественник в провинции пребывает в полном неведении, если он не может говорить на языке народа.

Советским специалистам давали пять лет на изучение Востока, прежде чем посылать их в Иран; когда они приезжали, они действительно хорошо могли говорить, писать и читать на фарси. Было не нереа-

листично пытаться осуществить что-то подобное, но нашим офицерам в лучшем случае удавалось поучиться фарси 10 месяцев. До того, как окунуться в тегеранский мир, где многие говорят по-английски, им надо было бы затвердить те азы, которые они выучили в США, полугодовой или годичной стажировкой в провинциальном иранском университете, например в Университете Фирдоуси в Мешхеде, где есть прекрасная программа по обучению фарси. Не у всех офицеров может получиться пройти такой более длительный языковой курс, однако это должно быть непреложным требованием к сотрудникам политических служб.

Глядя назад, становится ясно, что мы усиливали свою предрасположенность к сохранению невежества во многих аспектах жизни в Иране, естественным образом предпочитая легкий путь. У нас не было другого выбора, как работать с абсолютным монархом в Иране; в любом случае, он давал нам то, что мы хотели. Так зачем искать еще чего-то? В нынешнем мире любая политика, которая работает 25 лет, хорошая политика.

Позор в том, что мы совсем не были поставлены перед дилеммой, единственной альтернативой успеху в которой было поддержать неудачника. Мы вполне могли бы иметь более широкие контакты с минимальным вредом для наших отношений с шахом. Когда мы в конце концов сообщили ему о нашем решении установить контакты с оппозицией, он просто подозрительно поворчал.

Менее нерешительный подход к информированию не только мог бы дать нам возможность спасти шаха. Что случилось с ним, все равно случилось бы – рано или поздно, с этим ли шахом или с его сыном; к тому времени, когда мы знали бы о грядущей революции, могло бы быть уже слишком поздно пытаться ее остановить. Но если исходить из того, что наше правительство было готово действовать на основании той информации, которая противоречила бы принятой политике, более широкие контакты и точные отчеты, даже если бы они причинили некоторый ущерб отношениям между США и правительством Ирана, могли бы дать нам возможность предвидеть многое из того, что произошло, и минимизировать вред, нанесенный нашей позиции в Иране. На сегодняшний день, поскольку речь идет о нынешнем правительстве и народе Ирана, эта позиция полностью разрушена и может быть частично восстановлена лишь ценой больших усилий.

Мы делали такие же ошибки в послевоенном Китае и во Вьетнаме и будем продолжать их делать до тех пор, пока мы будем путать интересы правительства-клиента с нашими собственными. Однажды мы просто обязаны будем понять, что задача политических отчетов – предоставлять информацию и серьезный анализ для того, чтобы помогать принимать политические решения, а не для того, чтобы поддерживать существующую политику. В конце концов, эта политика может быть неверной.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 1

Валовый национальный продукт и доход на душу населения

Календарь ИРИ*	Годы	Население ¹	Чистый национальный доход					
			Номинальный ²	На душу населения ³	Реальный ⁴	На душу населения ⁵	Частное потребление ⁶	На душу населения ⁷
1356	1977/78	34,7	4695	135	10 143	292	5323	153
1357	1978/79	36	4360	121	8 653	240	5430	151
1358	1979/80	37,9	5538	126	9 538	251	5615	148
1359	1980/81	39,6	5632	142	8 232	208	5360	135
1360	1981/82	41,2	6883	167	8 035	195	5533	134
1361	1982/83	42,8	9 107	213	9 107	213	5943	139
1362	1983/84	44,4	11 449	258	10 220	230	6804	153
1363	1984/85	46,2	12 507	271	10 155	220	7170	155
1364	1985/86	47,8	14 048	294	11 593	242	7306	153
1365	1986/87	49,4	15 195	307	9 829	199	6634	134
1366	1987/88	51	17 680	347	9 891	194	6307	124
1367	1988/89	52,7	18 347	348	7 944	151	6172	117
1368	1989/90	54,5	22 860	419	8 226	151	6327	116
1369	1990/91	56,4	30 049	533	9 400	167	7563	134
1370	1991/92	58,2	39 430	677	10 568	181	8108	139

Источник: Амузегар Джахангир. Экономика Ирана при Исламской Республике. Лондон-Нью-Йорк, Дж. Б. Таурис и Ко. Лтд. с. 402.

* Официальный календарь, действующий в Иране – календарь «солнечной хиджры, введен указом парламента в 1925 г. Простой год (год имеет 365 дней или 366 в високосном году) начинается в день весеннего равноденствия, когда солнце вступает в созвездие Овна. Чаще всего этот день приходится на 21 марта, а в отдельные годы – на 20 или 22 марта. Последний год 1382 иранского года (29 эсфанда) соответствует 19 февраля 2004 г.

¹ В млн. жителей.

² В млрд. иранских риалов по современным рыночным ценам

³ В тыс. иранских риалов по современным ценам

⁴ В млрд. иранских риалов по постоянным ценам 1982/83 гг.

⁵ В тыс. иранских риалов по постоянным ценам 1982/83 гг.

⁶ В млрд. иранских риалов по постоянным ценам 1982/83 гг.

⁷ В тыс. иранских риалов по постоянным ценам 1982/83 гг.

1862, 1865, 1868, 1872	Иран предоставил английским государственным и акционерным компаниям концессии на строительство телеграфных линий в стране.
1872, июль	Шах выдал английскому подданному барону Ю. Рейтеру монопольное право на строительство железных дорог, трамвайных линий, на эксплуатацию нефти и других ископаемых (за исключением золота и серебра), на разработку лесных массивов, сооружение каналов и т. д.
1873	Насер ад-Дин шах аннулировал выданную Рейтеру концессию.
1879	Российские офицеры приступили к организации Персидской казачьей бригады.
1888	Английская фирма «Братья Линч» получила от шахского правительства концессию на организацию судоходства по реке Карун.
1888, декабрь	Русскоподданному Лианозову предоставлена концессия на эксплуатацию рыбных промыслов в иранских водах Каспийского моря от Астары до Артека, а также в иранских реках, впадающих в Каспийское море.
1889	Шах выдал Ю. Рейтеру сроком на 60 лет концессию на учреждение имперского Шахиншахского банка Персии. Банк получил монопольное право на выпуск впервые в Иране бумажных денег.
1890, 21 апреля	Русский капиталист А. С. Поляков получил от шаха сроком на 75 лет концессию на учреждение банка под названием «Учетно-ссудный банк Персии».
1890, 9 ноября	Шах выдал А. С. Полякову концессию на организацию страхового и транспортного дела.
1891, март	Подписан договор о предоставлении табачной концессии английской монопольной компании «Тальбот». Отменена шахом в 1892 г. в результате широкого протеста со стороны производителей и торговцев табаком, поддержанных шиитским духовенством.
1892	Шахское правительство получило крупный заем у английского Шахиншахского банка под залог от таможенных доходов Южного Ирана.
1896, 1 мая	Убийство Насер ад-Дин шаха Мирза Резой Кермани, близким последователем основателя панисламизма Дж. Афгани.
1900, 1902	Получение Ираном крупных займов у России.
1901, май	Шах предоставил английскому подданному д'Арсн концессию на разработку нефтяных месторождений в Иране, за исключением пяти северных провинций.

1905, май	Либеральные деятели образовали организацию «Анджомен-е махфи» («Тайное общество»). Ее члены выступали за политические преобразования буржуазного типа.
1905, 12–14 декабря	Начало конституционного движения в Иране.
1906, 5 августа	Указ Мозаффар ад-Дин шаха о введении конституции.
1906, сентябрь	Массовое народное движение в Тебризе. Создание местного энджумена и вооруженных моджахидских организаций.
1906, 7 октября	Открытие заседания национального меджлиса (парламента) первого созыва.
1907, 18 (31) августа	Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане, Тибете.
1907, 3–7 октября	Принятие меджлисом и утверждение шахом «Дополнений» к Основному закону (Конституции).
1908, 26 мая	Начало промышленной добычи нефти в Иране (Масджед-е Солейман).
1908, 23 июня	Контрреволюционный переворот, осуществленный под предводительством Мохаммед Али шаха. Разгром и роспуск меджлиса, религиозных энджуменов, закрытие газет.
1908, июнь	Тебризское восстание, возглавляемое Саттар ханом, Багир ханом и руководством тебризского энджумена.
1909, 8 февраля	Восстание в Реште с участием конституционалистов и социал-демократов из Кавказа.
1909, 12 (25) апреля	Вторжение российских войск в Тебриз, подавление восстания.
1909, 13 апреля	Учреждена Англо-Персидская нефтяная компания.
1909, апрель–июль	Поход гилянских феодалов и отрядов бахтиарских всадников на Тегеран.
1909, июль	Взятие Тегерана и низложение Мохаммед Али шаха. Создание либерального правительства из деятелей, прибывших из Гиляна и из числа бахтиарских ханов.
1910, 4 июля	Разоружение тегеранской полицией, под предводительством Ефрем хана, феодалов Саттар хана.
1911, май	Прибытие из США финансовой миссии Моргана Шустера.
1911, июнь	Меджлис предоставил американскому эксперту неограниченные права для реорганизации финансово-налогового ведомства страны.
1911, осень	Правительственные силы разгромили восстание сторонников экс-шаха Мохаммед-Али.
1911, 18 ноября	Иранский меджлис после выступлений Хиябани и ряда других депутатов отклонил ультиматум России относительно М. Шустера.
1911, 29 ноября	Ультиматум правительства царской России (поддержанный Англией) с требованием отставки М. Шустера. Отказ иранского меджлиса принять российский ультиматум.
1911, 7–8 декабря	Российские войска расширили свое присутствие в северных провинциях Ирана.

1911, 8 декабря	Регент Насер оль-Мольк издал указ о роспуске меджлиса. Одновременно он сообщил о принятии Ираном всех трех основных пунктов российского ультиматума. Правительство наложило запрет на издание первой персидской лево-демократической газеты «Иран-е нов» («Новый Иран»). Ее руководителю Эмину (Амину) Расулзаде было предписано немедленно покинуть пределы Ирана.
1912, 1 января	Публичная казнь в Тебризе российскими военными властями видных руководителей тебризского восстания: Сиккат оль-Ислама, шейх Салима и др.
1912, 26 февраля	Бывший шах Мохаммед Али покинул иранскую территорию.
1912, февраль – март	Мешедский кризис. Карательная операция отряда царских войск против мятежников – участников «беста» во дворе гробницы – мечети имама Резы.
1914, 20 июля	Коронация Ахмед шаха Каджара.
1914, 1 ноября	Указ Ахмед шаха о нейтралитете Ирана в европейской войне (Первой мировой войне).
1915	Отправление в Северный Иран российского экспедиционного корпуса под командованием генерала Баратова. Антианглийские выступления в Южном и Центральном Иране. Активисты Демократической партии Ирана образовали в Куме Комитет национальной защиты.
1915, март	Пересмотр англо-русского соглашения 1907 г., касавшегося Персии, в смысле признания ранее обозначенной «нейтральной сферы» как сферы английской.
1915, 27 мая	Нота премьер-министра Эйн од-Доуле правительствам России и Англии с требованием о выводе российских частей с иранской территории.
1915, ноябрь	Иранский премьер Мостоуфи предложил германскому посланнику Рейсу заключить договор о союзе между двумя странами.
1915, 10 ноября	Антианглийское восстание в Ширазе, организованное «Комитетом защиты независимости Ирана».
1916, март	Образование английским командованием наемных полицейских частей под названием «Южноперсидские стрелки» («SPR»).
1917, март	Образование националистического «Комитета возмездия».
1918, март	Вступление в Иран из Месопотамии англо-индийских частей под командованием генерала Денстервилля.
1918, 30 июля	Официальная декларация правительства Самсам ос-Салтане (Наджаф-Кули хана Бахтияра) об аннулировании капитуляционного режима и всех неравноправных договоров, заключенных Ираном с зарубежными государствами.
1918, 30 июля – 8 августа	Формирование правительства Восуг од-Доуле.
1919, 9 августа	Подписано англо-иранское соглашение.

1919, 21 ноября	Принятие Ирана в Лигу наций.
1920, 6 апреля	Антиправительственное восстание демократов в Азербайджане (Иранском) под руководством Шейх Мохаммеда Хиябани.
1920, 20 мая	Отставка правительства, возглавляемого Восуг од-Доуле.
1920, 20 мая	Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Ираном.
1920, 5 июня	Провозглашение Гилянской Советской Республики.
1920, 14 августа	Подавление восстания азербайджанских демократов правительственными войсками при участии частей Персидской казачьей дивизии Тебриза (убийство Хиябани 15 августа).
1921, 21 февраля	Правительственный переворот.
1921, 22 февраля	Приход к власти правительственного кабинета, возглавляемого Сейид Зия ад-Дином Табатабани.
1921, 26 февраля	Подписание советско-иранского договора в Москве.
1921, 27 марта	Иранское правительство аннулировало англо-иранское соглашение 1919 г.
1921, 24 апреля	Назначение Реза хана военным министром.
1921, 25 мая	Указом шаха Сейид Зия смещен с поста главы правительственного кабинета.
1921, 22 июня	Начало работы меджлиса четвертого созыва.
1921, август	Антиправительственное восстание в Хорасане под руководством полковника Мохаммед Таги хана (был убит 4 октября того же года).
1921, сентябрь	Распад единого фронта в Гиляне, расправа сторонников Кучек хана над руководителем Иранской компартии Хейдар ханом Аму-оглы.
1921, октябрь	Подавление дженгелийского движения. Смерть Мирзы Кучек хана.
1921, декабрь	Восстание жандармов Иранского Азербайджана под предводительством А. Лахути и его подавление.
1922–1928	Военные походы правительственных сил против полукочевых племен и обществ Лорестана, Азербайджана, Курдистана. Их разоружение и насильственный перевод на оседлость.
1922–1927	Первая миссия А. Мильspo (США) с целью формирования финансово-налоговой системы Ирана
1923	Англо-иранский конфликт вокруг Бахрейнских островов.
1923, 9 октября	Арест и ссылка Ахмед Кавама в Европу, обвиненного Реза ханом в заговоре против правительства.
1923, 22 октября	Отставка правительственного кабинета Мошир од-Доуле.
1923, 27 октября	Формирование правительства Реза хана.
1924, февраль	Кампания за образование республики, инициированная сторонниками Реза хана.
1924, март	Выступление шиитских богословов против идеи об образовании республики.
1924, 7 апреля	Демонстративная отставка Реза хана и его отъезд в Рудхан.

1924, 11 апреля	Возвращение Реза хана и представление состава своего правительства меджлису.
1924, 3 июля	Убийство популярного поэта, журналиста и политика Мирзаде Эшки, противника Реза хана.
1924, ноябрь – декабрь	Мятеж шейха Хазала и примкнувших к нему части бахтиарских племен. Подавление мятежа в результате похода, возглавляемого Реза ханом.
1925, 14 февраля	Меджлис назначил Реза хана главнокомандующим вооруженными силами Ирана.
1925, 23–27 октября	Выступления за низложение династии Каджаров и избрание Реза хана новым шахом.
1925, 31 октября	Меджлис утвердил подготовленный Давером и Теймурташем законопроект о низложении династии Каджаров и назначил Реза хана временным верховным правителем страны.
1925, 6 декабря	Созыв Учредительного собрания.
1925, 12 декабря	Провозглашение Учредительным собранием о низложении Каджаров и назначение Реза хана шахом Ирана. Были изменены статьи 36, 37 и 38 Конституции.
1925, 20 декабря	Образование правительственного кабинета, возглавляемого М. Форуги.
1926, 15 апреля	Коронация Реза шаха, принявшего династическую фамилию Пехлеви.
1926, 9 июня	Отставка кабинета М. Форуги и формирование правительства Мостоуфи.
1926, июнь–июль	Мятежи на военных базах Салмаса (Азербайджан), Мирав-тепе, восстания в Боджнурде, Даргезе, Ширване и Кучане (Хорасан). Карательный поход армейских частей под командованием шаха в Хорасан.
1926, 23 декабря	Открытие Ипотечного банка, первого иранского банка.
1927, 17 февраля	Начало реформы судебной системы.
1927, июнь	Меджлис утвердил законопроект о ежегодной отправке за счет правительства 100 абитуриентов на учебу за границу.
1927, 1 октября	Подписание советско-иранского договора о гарантии и нейтралитете.
1927, 16 октября	Начало строительства трансиранской железной дороги. Пуск ее в эксплуатацию 25 августа 1938 г.
1928, 14 февраля	Казнь полковника Ахмед хана Пуладина, обвиненного в попытке организации насильственного свержения Реза шаха.
1928, 10 мая	Ликвидация режима капитуляций и установление автономного таможенного тарифа.
1928, 8 сентября	Открытие «Банк-е мелли» («Национального банка»)
1929, май	Привлечение к судебной ответственности губернатора Фарса Сарим од-Доуле, крупного помещика и политического деятеля Кавам оль-Молька и ряда других представителей феодальной аристократии, обвиняемых в попытке организации заговора против центральной власти.
1929, 11 августа	Официальное признание Ираном Иракского королевства.

1930, 28 июля	Передача права эмиссии банкнот Национальному банку Ирана (раньше этим правом пользовался английский Шахиншахский банк).
1930	Открытие Тегеранского государственного университета.
1931, 25 февраля	Принятие закона о монополии внешней торговли.
1931, май	Принятие «антикоммунистического» закона.
1932, 27 ноября	Отмена нефтяной концессии д'Арс.
1933, 29 апреля	Заключение нового концессионного соглашения между АИНК и иранским правительством.
1937, 8 января	Декрет о снятии хиджаба (чадры), реформа одежды.
1937, январь	Самоубийство министра финансов Давера.
1937, 8 июля	Отречение «пакта Саадабад» между Ираном, Турцией, Ираком и Афганистаном.
1939, 3 сентября	Заявление правительства о нейтралитете Ирана в мировой войне.
1941, 25 августа	Вторжение войск союзников на территорию Ирана: английских войск — на юго-запад (Абадан, Хорремшахр, Керманшах), советских — на север (Азербайджан, Гилян).
1941, 16 сентября	Отречение Реза шаха от престола в пользу своего сына Мохаммед-Резы, ставшим новым шахом Ирана.
1941, 27 сентября	Отъезд бывшего шаха из страны.
1942, 29 января	Подписан договор о союзе между СССР, Англией и Ираном. Он предоставлял право союзникам содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы до истечения шести месяцев после окончания войны с Германией.
1942,	Вступление в Иран американских войск.
1943, январь	Приезд д-ра А. Мильspo, приглашенного иранским правительством, для реорганизации финансово-налоговой системы страны.
1943, 9 сентября	Иран формально объявил войну Германии.
1943, сентябрь	Возвращение в Тегеран из Палестины Сейид Зии ад-Дина Табатабан.
1943, 1 декабря	Конференция руководителей трех союзных держав (СССР, США и Англии) в Тегеране. Принятие «Декларации трех держав об Иране».
1944, 6 февраля	Открытие меджлиса четвертого созыва, в состав которого вошли д-р М. Мосаддык, шесть членов партии Туде и лидер партии «Воля народа» Сейид Зия.
1944, август	Первый съезд Народной партии Ирана.
1945, 3 сентября	Образование Азербайджанской Демократической партии в Тебризе.
1945, 12 сентября	Декларация Кази Мохаммеда об образовании Курдской республики в северном Иранском Курдистане.
1945, 25–28 сентября	Первый съезд Курдской Демократической партии в Мехабаде.

1945, 12 декабря	Открытие Национального меджлиса Иранского Азербайджана в Тебризе и формирование автономного национального правительства.
1946, январь – февраль	Обращение иранского правительства в Совет Безопасности с жалобой на Советское правительство. Советское руководство обвинялось в нарушении условий тегеранской декларации (1943 г.) СССР, США и Англии об Иране.
1946, 28 января	Формирование правительства Ахмеда Кавама.
1946, 19 февраля	Поездка иранской правительственной делегации во главе с А. Кавамом в Советский Союз.
1946, 4 апреля	Советско-иранское коммюнике о предстоящем подписании в Тегеране соглашения относительно создания советско-иранского нефтяного общества. Одновременно были согласованы сроки полного вывода советских войск с территории иранского Азербайджана. (Из других мест дислокации советские войска были выведены к 9 мая 1946 г.)
1946, 4 апреля	Подписание в Тегеране советско-иранского соглашения о «северной нефти».
1946, 14 апреля	Заключение советско-иранского соглашения о создании смешанного акционерного общества относительно «Северной иранской нефти».
1946, 13 июня	Заключение соглашения центрального правительства с представителями автономного правительства Иранского Азербайджана.
1946, 30 июня	А. Кавам образовал «Демократическую партию Иран».
1946, 1 августа	Реорганизация Кавамом возглавляемого им кабинета. В правительство вошли члены партии Туде (Йазди, Кашаварз, И. Эскандари) и Аллаяр Салех (из «Партии Иран»).
1946, 24 сентября	Антиправительственное выступление кашкайских племен против введения в состав кабинета членов партии Туде.
1946, 17 октября	Соглашение правительства с руководителями «движения юга», состоящих из предводителей полукочевых племен. Новая реорганизация правительственного кабинета. Вывод из его состава членов партии Туде.
1946, 11–13 декабря	Вторжение правительственных войск в Иранский Азербайджан и Северный Курдистан. Кровавая расправа и разгром национально-демократического движения.
1947, 31 марта	Арест и казнь предводителей курдского национально-демократического движения: Казим Мохаммеда, Садр Казим и Сейфа Казим.
1947, 16 июля	Начало деятельности меджлиса XV созыва. Большинство его членов оказались сторонниками Ахмед Кавама и шахского двора.
1947, 22 октября	Меджлис принял решение об аннулировании советско-иранского соглашения о «северной нефти» от 4 апреля 1946 г.
1948, 23–26 апреля	II съезд Народной партии Ирана.
1948, 9 декабря	Отставка правительства Ахмеда Кавама.

1949, 4 февраля	Покушение на жизнь шаха в Тегеранском университете Насера Фахрараи, корреспондента происламской газеты.
1949, 5 февраля	Объявление военного положения в Тегеране. Запрет на выпуск всех газет, за исключением «Эттелаат» и «Кейхан».
1949, 21 апреля	Ссылка аятоллы А. Кашани за пределы страны. Правительство и меджлис запретили деятельность НПИ (Туде).
1949, 17 июля	Третье собрание учредителей с целью пересмотра статей 48 и 49 Конституции. Образование Второй верховной палаты парламента – сената. Предоставление шаху права роспуска палат парламента.
1949, октябрь	В меджлис представлен проект «Дополнительного соглашения» с АИНК.
1949, 13 октября	Создание оппозиционной организации Национальный фронт, куда вошли 20 общественно-политических деятелей во главе с д-ром М. Мосаддыком.
1949, 3 ноября	М. Мосаддык и его близкие соратники избраны в меджлис.
1950, 23 мая	Убит министр двора Хажир. Убийца – член организации «Федаян-е ислам» («Поборники ислама»).
1950, 4 ноября	В Вашингтоне подписано соглашение о военном сотрудничестве между Ираном и США.
1950, 5 декабря	Подписано торговое соглашение с СССР.
Конiec 1950 – начало 1951	Побег из тюрьмы «Каср» десяти видных деятелей партии Туде.
1951, 6 марта	Массовое движение за национализацию против АИНК.
1951, 15 марта	Убийство премьер-министра, генерала Хадж Али Размары членом организации «Федаян-е ислам» Халилом Тахмасеби.
1951, 27 апреля	Меджлис XVI созыва принял решение о национализации нефтяной промышленности Ирана.
1951, 28 апреля	Отставка правительства Хосейна Ала.
1951, 29 апреля	Меджлис единогласно одобрил Закон об осуществлении национализации нефтяной промышленности.
1951, 25 мая	Лидер НФ доктор М. Мосаддык назначен премьер-министром.
1951, 15 июля	Жалоба Великобритании в Международный суд в Гааге на действия Ирана.
1951, 19 июля	Приезд в Иран А. Гарримана – личного представителя президента США Г. Трумэна. Кровавая расправа над демонстрантами, выступавшими против этого визита. Гарриман покинул Тегеран, не достигнув каких-либо результатов.
1951, октябрь	М. Мосаддык отстранил от занимаемой должности начальника тегеранской полиции генерала Багаи, ставленника шаха. Правительство объявило его виновником событий 15 июля.
	Увольнение английских специалистов из нефтяных промышленных объектов Ирана. Обсуждение вопроса об иранской нефти в Совете Безопасности ООН.

1951	Заккрытие консульств Англии и отделений культурного совета Британии в Иране.
1952, 16 июля	Отставка правительства Мосаддыка из-за отказа шаха и меджлиса предоставить ему чрезвычайные права на срок 6 месяцев и права занять пост военного министра.
1952, 17 июля	Шах назначил Кавама главой правительственного кабинета.
1952, 22 июля	Восстание тридцатого тира. Смещение Кавама с поста главы правительства.
1952, 23 июля	М. Мосаддык назначен премьером. В новом кабинете он также занял пост главы военного министерства, переименованного в Министерство обороны. Предоставление правительству Мосаддыка чрезвычайных прав на срок 6 месяцев.
1952, 6 августа	Аятолла Кашани избран председателем меджлиса.
1952, 22 октября	Разрыв дипломатических отношений Ирана с Великобританией.
1953, 28 февраля	Неудавшееся покушение на жизнь Мосаддыка после его встречи с шахом.
1953, 20 апреля	Похищение и убийство начальника главного управления полиции генерала М. Афшартуса, сторонника М. Мосаддыка.
1953, 16 августа	Отъезд шаха и шахини Сорей в Италию.
1953, 19 августа	Реакционный переворот, осуществленный генералом Захеди при поддержке ЦРУ США и американского правительства. Насильственное смещение Мосаддыка.
1953, 22 августа	Возвращение шаха в Иран.
1953, ноябрь	Суд над Мосаддыком и генералом Рияхи.
1953, декабрь	Восстановление дипломатических отношений Ирана с Англией.
1954, 19 сентября	Иранское правительство подписало соглашение с Международным нефтяным консорциумом об условиях и сроках передачи ему в эксплуатацию южно-иранских нефтяных месторождений.
1954, 19 октября, 30 октября, 8 ноября	Расстреляны группы офицеров – членов партии Туде.
1954, 10 ноября	Казнен Х. Фатеми, министр иностранных дел в правительстве Мосаддыка.
1954, 2 декабря	Заключение соглашения по пограничным и финансовым вопросам между Ираном и СССР.
1955, 23 октября	Вступление Ирана в Багдадский пакт.
1956, 25 июня – 13 июля	Визит шаха Мохаммед-Реза Пехлеви в СССР.
1957, 31 июля	Принят Закон о нефти.
1959, 5 марта	Заключено соглашение о военном сотрудничестве между Ираном и США.
1960, март	Меджлис и сенат утвердили закон об аграрной реформе.
1960, сентябрь	При активном участии Ирана создана организация нефтетэкспортирующих стран – ОПЕК.
1961, 9 мая	Вынужденная отмена шахом результатов фальсифицированных выборов в меджлис XX созыва.

1961, 18 мая	Митинг, организованный НФ на площади Джаилилие.
1962, 9 января	Требования о безотлагательных выборах в парламент
1962, 15 сентября	Принятие нового закона об аграрной реформе.
	Нота иранского правительства правительству СССР с заверениями о непредоставлении иностранным государствам права иметь ракетные базы на территории Ирана.
1963, 21 января	Демонстрации студентов Тегеранского университета с требованием об отставке правительства А. Амини.
1963, 23 января	Арест предводителей НФ – Садики, Санджаби, Азера, Хасиби, Зиракзаде, Ш. Амиралаи.
1963, 26 января	Всеобщий референдум по шести принципам программы «революции шаха и народа».
1963, 3 марта	Указ шаха о предоставлении женщинам равноправия на выборах в меджлис.
1963, 22 марта	Атака сил безопасности режима в медресе Фейзийе (г. Кум) и гибель двух талибов.
1963, 1, 2 июня	Массовые антиправительственные демонстрации в дни «тасуа» и «ашура» в Тегеране под предводительством оппозиционных представителей духовенства.
1963, в ночь на 5 июня	Аресты аятоллы Хомейни (в Куме), аятоллы Куми (в Мешхеде), аятоллы Махаллати (в Ширазе) и т. д.
1963, 5 июня	Восстание «15-го хордада» (5 июня). Антиправительственные выступления в Куме, Тегеране, Верамине, Ширазе, Мешхеде, Исфахане. В их подавлении использовались мобильные подразделения армии.
1964, 10 марта	Отставка правительства А. Алама. Новым премьером назначен Хасан-Али Мансур.
1964, 6 апреля	Освобождение аятоллы Хомейни и его возвращение в Кум.
1964, 26 октября	Резкое антишахское выступление аятоллы Хомейни. Он арестован и отправлен в ссылку в Турцию (г. Бурса).
1965, 21 января	Х. Мансур убит Мохаммедом Бохарай, членом подпольной исламской организации.
1965, 10 апреля	Неудавшееся покушение на жизнь шаха в Мраморном дворце.
1966, 13 января	Подписано ирано-советское соглашение о строительстве металлургического завода в Исфахане, машиностроительного завода в Араке и трансиранского газопровода.
1971, 8 февраля	Ополченцы народных феодалов («Федаян-е халг») атаковали жандармский пост Сиях-кель (Гилян).
1971, август	Официальный визит принцессы Ашраф Пехлеви в КНР. Установление дипломатических отношений между Ираном и КНР.
1971, октябрь	Официальные мероприятия в связи с празднованием 2500-летия персидской монархии. Присутствовали руководители 69 стран.
1971, 1 декабря	Иранские войска заняли острова Абу Муса, Томбе-Бозорг и Томбе-Кучек в Персидском заливе.

1972, январь	Учреждение «Комитета против терроризма», САВАКа и полиции. Посылка иранских войск для поддержания монархического режима в Омане.
1975, март	Роспуск всех политических партий.
1975, 8 марта	Создание единой промонархической партии «Возрождение Ирана» («Растахиз-е Иран») под руководством А. А. Хомейни.
1977, июль – октябрь	Выступления представителей интеллигенции (юристов, журналистов, писателей) за введение гражданских свобод и либерализацию политической системы страны.
1977, август	Отставка правительства А. А. Хомейни. Формирование нового кабинета шах поручил генеральному секретарю партии «Растахиз» Дж. Амузегару.
1977, 15 ноября	Антиправительственные волнения среди студентов политехнического университета «Арьямехр».
1977, 21 ноября	Жестокое подавление в Тегеране антиправительственной демонстрации студентов полицией и армейскими подразделениями.
1978, 8–9 января	Антиправительственная демонстрация в Куме, переросшая в восстание.
1978, 18–19 февраля	Восстание в Тебризе.
1978, весна–лето	Антимонархические восстания и демонстрации во многих городах страны. Особенно значительные масштабы они приняли в Мешхеде, Исфахане и его пригородах.
1978, август	Пожар в кинотеатре «Рекс» в Абадане. Заживо сгорело 477 человек.
1978, август	Дж. Амузегар смещен с поста премьер-министра. Главой нового правительства стал Джафар Шариф-Эмами.
1978, 4 сентября	Мирные демонстрации в день праздника фитра по всей стране под лозунгами «Аллах велик!», «Хомейни – вождь» и т. д.
1978, 7 сентября	Массовая антишахская демонстрация в Тегеране. Многие из участников были облачены в белые саваны.
1978, 8 сентября	Кровавая бойня над демонстрантами на площади Жале в Тегеране. Расстреляно свыше 4500 мирных жителей.
1978, сентябрь	Отставка правительства Дж. Шарифа-Эмами. Новым премьером назначен генерал Голам-Реза Азхари.
1978, начало ноября	Встреча лидера Национального Фронта К. Санджаби с аятоллой Хомейни под Парижем.
1978, ноябрь	Шах выступил с «посланием» к народу, обещая исправить «ошибки прошлого». Арест 132 представителей правящего класса, включая А. А. Хомейни, бывшего главу САВАКа генерала Н. Насири и др.
1978, 30 ноября	Президент Картер выразил свое полное доверие шаху и заявил, что США не будут вмешиваться во внутренние дела Ирана.

1978, 29 декабря	Из-за забастовки нефтяников, производство нефти упало до 300 тыс. баррелей в день. Внутреннее потребление нефти в этот период составило 900 тыс. б/д.
1978, 30 декабря	Руководство Национального Фронта исключило Шапура Бахтияра из своих рядов из-за его согласия сформировать правительственный кабинет под руководством шаха.
1978, 31 декабря	Генерал Азхари ушел в отставку с поста премьера.
1979, 3 января	Меджлис утвердил назначение Ш. Бахтияра в качестве главы правительства.
1979, 5 января	Шах назначил генерала А. Карабаги начальником генерального штаба.
1979, 16 января	Мохаммед-Реза Пехлеви и шахиня Фарах вылетели в Асуан.
1979, 1 февраля	В Тегеран из Парижа прилетел аятолла Хомейни, получивший у восставших иранцев звание имам.
1979, 9 февраля	Стычка среди военнослужащих на территории военно-воздушной базы Давштантебе.
1979, 10–11 февраля	В результате вооруженного восстания шахский режим и составлявшие его главную опору политические силы лишились власти. Она фактически перешла в руки созданного ранее Революционного совета.
1979, 11 февраля	Высший военный совет вооруженных сил Ирана провозгласил свой нейтралитет с тем, чтобы предотвратить дальнейший хаос и кровопролитие.
1979, 5 марта	Иран возобновил экспорт нефти.
1979, 1 апреля	Провозглашение образования в Иране нового государства – Исламской Республики Иран.
1979, 28 сентября	Образование Министерства нефти.
1979, декабрь	Утвержден проект Конституции ИРИ.
1980, январь	Выборы президента ИРИ. Избран А. Банисадр.
1980, 7 апреля	Президент США Дж. Картер объявил о своем решении расторгнуть дипломатические отношения с Ираном.
1980, 22 сентября	Нападение вооруженных сил Ирака на Иран. Начало ирако-иранской войны.
1981, июнь	Смещение Банисадра с поста президента ИРИ.
1988, август	Завершение ирако-иранской войны на базе резолюции 598 ООН (1987).
1989, 3 июня	Скончался руководитель ИРИ Рухолла Хомейни.
1989, июнь	Совет экспертов избрал руководителем ИРИ Сеид Али Хаменеи. Президентом и главой правительства избран Али-Акбар Хахеми Рафсанджани. Вторично избран президентом в 1993 г.
1997, май	Президентом ИРИ избран Мохаммед Хатами, сторонник либерализации общественно-политической системы ИРИ.

Западноевропейские издания

1. Abrahammyan Ervand. Iran between Two Revolutions. Princeton. Princeton university Press, 1982.
2. Abdulghani J.M. Iraq and Iran: The years of Crisis. Baltimore. The Johns Hopkins U. Press, 1984.
3. Aghely Bagher. Nosratoddoleh Firooz. Namak Publishing (in Farsi), Tehran, 1994, p. 380.
4. Amanat Abbas. Pivot of the Universe. Nazir al-Din Shah Qajar and the Iranian Monarchy, 1831–1896. University of California Press, Berkeley. 1997, (XIX. 536 p.).
5. Amuzegar Jahangir. Iran's Economy under the Islamic Republic. I.B.Tauris and Co Ltd London. New York, 1997.
6. Atabaki Touraj. Azerbaijan: Ethnicity and the Struggle for Power in Iran. London. New York, 2000. I.B. Tauris Publishers.
7. Bakhash Shaul. The Reign of the Ayatollahs. Iran and Islamic Revolution. Counterpoint. London. I.B. Tauris and Co Ltd. 1985, 290 p.
8. Bakhash Shaul. Monarchy, Bureaucracy and Reform under the Qajars. 1858–1896. London. Ithaca Press, 1978.
9. Balli Raffet. Kurt Dosyasi. Cem Yayinevi, Istanbul, 1992.
10. Bast Oliver. Les Allemands en Perse pendant la Premiere Guerre Mondiale. Diffusion Peeters. Paris, 1997, 208 p.
11. Bullard Reader. Letters from Tehran: A British Ambassador in World War II Persia. Edited by E.C.Hodgkin. London. New York. I.B. Tauris and Co Ltd. 1991, 301 p.
12. Cordesman H. Anthony and Hashim S. Ahmed Iran. Dilemmas of Dual Containment. CSIS Middle East Dynamic Net Assessment. Boulder (Colorado). West view Press, 1997, XII, 364 p.
13. Digard Jean-Pierre, Hourcade Bernard, Richard Yann. L'Iran au XX siecle. Paris, Fayard, 1996.
14. Drechsler Andreas. Die Geschichte der Stadt Qom un Mittelalter (650–1350): politische und wirtschaftliche Aspekte. Klaus Schwarz Verlag. Berlin, 1999, 378 p.
15. Ebtehaj. The Memoirs of Abdolhassan Ebtehaj. London. I–II. 1991.
16. Entessar Nader. Kurdish Ethnonationalism. Boulder and London, 1992, 208 p.
17. Farman Farmaian Sattareh with Munker Dona. Daughter of Persia. A Woman's Journey from Her Father's Harem Through the Islamic Revolution. Corgi Books, London, 1998, 542 p.
18. Farouk-Sluglett, Marion and Sluglelett Peter. Iraq Since 1958. London. I.B. Tauris, 1987.
19. Floor Willem. Industrialization in Iran. 1900–1914. Durham, 1984.

20. Floor Willem. *Safavid Government Institutions*. Mazda Publishers, Inc. Costa Mesa, California, 2001, 311 p.
21. Floor Willem. *The Persian Textile Industry in Historical Perspective, 1500–1925*. Paris, L'Harmattan, 400 p.
22. Fragner G. Bert. Von den staats-theologen zum theologenstaat: Religiöse Führung und historischer wandel im schi'itischen Persien. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 75 (1983), s. 73–99.
23. Fuller E. *Graham Iraq in the Next Decade: Will Iraq Survive until 2002?* Santa Monica. Published 1993 by RAND.
24. Hiro Dilip. *Iran under the Ayatollahs*. Routledge and Kegan Paul. London, Boston and Henley, 1985.
25. Hopkirk Peter. *On Secret Service East of Constantinople. The Plot to Bring Down the British Empire*. Oxford Univ. Press. Oxford – New York, 1994.
26. Ingram Edward. *Britain's Persian Connection, 1798 – 1829. Prelude to the Great Game in Asia*. Oxford, Clarendon Press, 1992.
27. *Iran after the Revolution: Crisis of an Islamic State*. Edited by Saeed Rahnama and Sohrab Behdad. London. New York. I.B. Tauris, 1995, 291 p.
28. *Iraq a Country Study*. Edited by Helen Chapin Metz. Washington. 1990, 302 p.
29. Izady R. Mehrdad. *The Kurds: a Consive Handbook*. Taylor and Francis, Inc. Washington, 1992, 269 p.
30. Jafri S.H.M. *The Origins and Early Development of Shi'a Islam*. Qum. 1978, 332 p.
31. Katouzian Homa. *Musaddiq and the Struggle for Power in Iran*. I.B. Tauris U.K., 1990.
32. Kautz Ralph. *Politische Parteien und Bevölkerung in Iran: Die Hezb-e Demokrat-e Iran und ihr Führer Qavam Saltana*. Berlin, Klaus Schwarz Verlag. 1995, 332 s.
33. Keddie R. Nikki. *Qajar Iran and the Rise of Reza Khan. 1796–1925*. Mazda Publishers. Including «Theatrical Buildings and Performance in Tehran», 1999, 134 p.
34. Keddie N.R. *Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891–1892*. London, 1966.
35. Keddie N.R. *Roots of Revolution: An Interpretive History of Modern Iran*. New Haven: Yale University Press, 1981.
36. Keddie N.R. and Hooglund Eric (eds.). *The Iranian Revolution and the Islamic Republic (Revised edition)*. New York: Syracuse University Press, 1986, 377 p.
37. Lambton A.K.S. *Landlord and Peasant in Persia*. Oxford, 1954.
38. Lambton A.K.S. *The Persian Land Reform*. Oxford Univ. Press. Oxford, 1977.
39. Lambton A.K.S. *Qajar Persia Eleven Studies*. London. I.B. Tauris and Co Ltd., 341 p.
40. *La Perse et la Grande Guerre, Etudes reunies et presentees par Oliver*

- Bast. Ins. Francais de Recherche en Iran. Teheran, 2002, 462 p.
41. Mc Dowal David. *A Modern History of the Kurds*. I.B. Tauris. London–New York, 1996, 472 p.
 42. Mc Lachlan K. *The Neglected Garden: The Politics and Ecology of Agriculture in Iran*. I.B. Tauris and Co Lo. London, 1988.
 43. *Memoirs of Jafar Sharif-Emami. Prime Minister of Iran (1960–1961 and 1978)*. Editor Habib Ladjevardi. (In Farsi). Tehran, 1999.
 44. Migeod Heinz-Georg. *Die Persische Gesellschaft unter Nasir ud-din Sah (1848 – 1896)*. Berlin. Klaus Schwarz Verlag, 1990.
 45. Moin Bager. *Khomeini: Life of the Ayatollah*. I.B. Tauris. London, 1999, 360 p.
 46. Nashat Guity. *The Origins of Modern Reform in Iran. 1870–80*. Urbana, Chicago, London, 1982, 222 p.
 47. Nategh Homa. *Les Commerçants Les Banque imperiale et la Regie des Tabacs (D'Apres L'archive D'Amin-oz-zarb)*. Abnousse. Paris. Edition Khavaran, 1371/1992, 378 p.
 48. Olson Robert. *The Emergence of Kurdish Nationalism. 1880 – 1925*. University of Texas Press, Austin, 1989.
 49. Papoli-Yazdi, Mohammad-Hossein. *Le Nomadisme dans le Nord du Khorassan*. Inst. Francais de Recherche en Iran. Tehran, 1991, 434 p.
 50. *Qajar Iran. Political, social and cultural change. 1800 – 1925*. Edited by E.Bosworth and C. Hillenbrand. Edinburgh. Univ. Press, 1983, 414 p.
 51. Rahnema A. and Nomani F. *The Secular Miracle: Religion, Politics and Economic Policy in Iran*. London. Zed Books, 1990.
 52. Richard Yann. *Der verborgene Imam. Die Geschichte des Schiismus in Iran*. Verlag Klaus Wagenbach. Berlin, 1983, 159 p.
 53. Rubin Barry. *Paved with good intentions. The American Experience and Iran*. New York. Penguin books, 1987.
 54. Shakeri D. *Historical Documents: The Workers', Social-democratic and Communist Moment in Iran – 19*. Tehran, 1985, 192 p.
 55. Taheri Amir. *The Spirit of Allah. Khomeini and the Islamic Revolution*. London, 1987.
 56. Tehrani Bahram (Farbod). *Etude sur la situation economique de L'Iran (1975–1985)*. Khavaran. Paris. I–II, 1986, 582 p.
 57. *The Boundaries of Modern Iran*. Edited by Mc Lachlan Keith. London. UCL Press, 1994, IX, 150 p.
 58. Wiley N. Joyce. *The Islamic Movement of Iraqi Shi'as*. Boulder and London, 1992, 193 p.
 59. Zabih Sepehr. *The Iranian military in Revolution and War*. Rout ledge. London and New York, 1988.
 60. Zargar Ali-Asgar. *Anglo-Iranian Relations: 1925–1941*. (These presentee a L'Universite de Geneve...). Geneve, 1984.

61. 'Агели Багер. Носрет од-Доуле Фируз. Техран, 1373/1994.
62. 'Агели Багер. Мирза Ахмед хан Кавам ос-Салтане дар доуран-е Гаджар ва Пахлави. Чап-е доввом. Техран, 1377/1998.
63. 'Агели Багер. Теймурташ дар сахне-йе сийасат-е Иран. Техран, 1993.
64. Адамият Ф. Фекразадӣ ва мокаддаме-йе нехзат-е машрутият. Техран, 1340/1961, 339 с.
65. 'Азими Фахр ад-Дин. Бохран-е демукраси дар Иран. 1320 – 1332 (перевод с английского оригинала). Техран, 1374/1995.
66. Аснад-е нафт. Техран, 1330/1951.
67. Афрасийаби Бахрам. Иран ва Тарих. Техран, 1364/1985.
68. Афрасийаби Б. Мосаддек ва тарих. Техран, 1981.
69. Ахарин Сангар-е азади. Магалат-е Мир Джафар-е Пишевари... бе кушеш-е Рахим Раисния. Техран, 1377/1998.
70. Ахзаб-е сийаси дар Иран. Аснад-е лане-йе джасуси-йе Америка. Бахш-е аввал. Техран, 1361/1987.
71. Ахмади Хамид. Коумийят ва коумгарайи дар Иран... Техран, 1378/1999.
72. Бушехри Н. Фелат-е гарре ва джазайер-е халидж-е Фарс. Асрар-е сийаси-йе нафт-е Иран. Техран, 1956.
73. Виджузи, Мохаммед-Багер. Энгелаб-е Азарбайджан ва балва-йе Табриз. Табриз, 1908.
74. Га'иле-йе Азарбайджан. Та'лиф-е: Ханбаба Баяни. «Заряб». Техран, 1375/1996.
75. Давуди Мехди. Айн ад-доуле ва режим-е машруте. Техран, 1962.
76. Дахнави М. Маджму'еи аз мактубат, сохранираниха, пайамха ва фетва Аятулла Кашани, джелд-е се. Техран, 1361/1982.
77. Джанзаде А. Мосаддек. *(Нет полных выходных)*
78. Джустархайи аз тарих-е мо'асер-е Иран. Зохур ва согут-е салтанат-е Пахлави. Техран, 1374/1995.
79. Зендеги-йе туфани. Хатерат-е Сейид Хасан-е Таги заде. Бекушеш-е Ирадж Афшар. Техран, 1372/1993.
80. Захеди Али. Лозум-е програм-е саиати. Техран, 1963.
81. Зохур ва согуте салтанат-е Пахлави, джелд-е доввом. Техран, 1374/1995.
82. Касеми А. Тарихче-йе джабхе-йе мелли. Техран, 1979.
83. Касрави А. Тарих-е пансадсале-йе Хузестан. Техран, 1951.
84. Касрави Ахмад. Тарих-е машруте-йе Иран. Техран. Т. I–III, 1968.
85. Касрави Ахмад. Тарих-е хиждахсале-йе Азарбайджан. Техран, 1353/1974.
86. Катузиан-Хомаюн Мохаммад Али. Мосаддек ва мобарезе барайе годрат дар Иран. Тарджоме-йе Тахери. Техран, 1372/1993.
87. Катузиан Хома. Эктесад-е сияси-йе Иран. Чап-е панджом. Техран, 1374/1995.

88. Кашфи М. Сейр-е тахаввол-е санат-е нафт дар Иран ва хавар-е мийан-е. Техран, 1981.
89. Кермани, Назим оль Ислам. Тарих-е бидарие-йе ираниан. Техран, 1953.
90. Лесани А. Тала-йе сийах йа бала-йе Иран. Техран, 1950.
91. Макки Хосейн. Тарих-бистсале-йе Иран. Т. II. Техран, 1358/1979–80.
92. Малек А. Тарих-е мохтасар-е джабхе-йе мелли. Техран, 1953.
93. Мансури Фируз. Эсте'мар-е Британйа ва мас'але-йе Арвандруд. Техран, 1376/1997.
94. Мансуре-йе Эттеҳадийе (Незам-е Мафи). Ахзаб-е сийаси дар маджлес-е севвом (1333–1334). Техран, 1992.
95. Малек Сасани, Ахмад хан. Сийасатгаран-е доуре-йе Гаджар. Техран, 1379/2000.
96. Мосаддек М. Хатерат ва та'аламат. Чап-е ноххом. Техран, 1378/1999.
97. Мо'тазед Х. Реза шах: Соғут ва пас аз Соғут. Чап-е доввом. Техран, 1376/1999.
98. Мохаммед Амин Расулзаде. Гозарешхай-и аз энгелаб-е машрутийат-е Иран. Тардҷуме-йе Раҳим Раиснийа. Техран, 1377/1998, 360 с.
99. Нафт. Аснад. Техран, 1330/1951.
100. Нехзат-е мелли-йе Иран. Кашани ва Мосаддек. Техран, 1979.
101. Пахлави Мохаммед Реза. Бе су-йе тамаддон-е бозорг. Техран, 1978.
102. Реза-хан. Сафарнаме-йе Хузестан. Техран, 1976
103. Реза Коли хан Хедайат, Тарих-е роузат ал-сафа-йе Насири, Техран, 1962, т. IX.
104. Рухани Сейид Хамид. Нехзат-е Хомейни, джелд-е доввом, Техран, 1364/1985.
105. Рухани Фуад. Сан'ат-е нафт-е Иран: 20 сал пас аз мелли шодан. Техран, 2536.
106. Рухани Фуад. Тарих-е мелли шодан-е сан'ат нафт-е Иран. Техран, 1352/1973.
107. Табарра'иан С. Сараб-е Йек женерал. Техран, 1377/1998.
108. Тагави-Мокаддам, Сейид Мостафа. Тарих-е сияси Кухгилуйе. Техран, 1377/1998.
109. Tarikh-e mo'aser-e Iran (in Farsi). Vol. 1. №3. Fall 1997, Tehran.
110. Теймури Э. Аср-е бихабари йа тарих-е эмтйазаат дар Иран, Техран, 1953.
111. Фа'алийатха-йе комунисти дар доуре-йе Реза шах (1300–1310). Бе кушеш-е: Баят Каве. Техран, 1370/1991.
112. Фарахани Мирза Хосейн. Сафарнаме, Техран, 1965.
113. Фардуст Хосейн. Хатерат. Зоҳур ва соғут-е солтанат-е Пахлави. Джелд-е аввал. Техран, 1379/2000.
114. Фарманфармаиан Манучехр. Аз Техран та Каракас. Нафт ва сийасат дар Иран. Техран, 1373/1994.
115. Фатех М. Панджах-сале-йе нафт-е Иран. Техран, 1954.
116. Фахраи Ибраҳим. Сардар-е джангал. Техран, 1344/1965.

117. Хакимуллахи-Фаридани. Асрар-е сийаси-йе кудета ва зандегани-йе агайе Сейид Зийа ад-Дин Табатабайи. Техран, 1322/1943.
118. Ал-Хатаб ибн ал-Наджафи. Таких ал-Харакатал ал-Исламиа ал-му'асира фи ал'Ирак. Бейрут, Дар ал-Макласи, 1982.
119. ал-Хафаджи Исам. Ал-Давла ва ал-татаввур ал-Расмали фи ал'Ирак. 1968–1979. Кахира, 1989.
120. Хосровпанах, Мохаммад Хосейн. Сазман-е афсаран-е хезб-е Туде-йе Иран: 1324–1333. Техран, 1378/1999.
121. Энгелаб-е Хорасан. Маджмуз-йе аснад ва мадарек. Бе-кушеш-е Каве Байат. Техран, 1370/1991.

Издания на русском языке

122. Абдуллаев З.З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку, 1963.
123. Агабеков, Георгий. Секретный террор. Записки разведчика. М., 1996.
124. Алиев Ариф. Иран vs Ирак: история и современность. М., 2002.
125. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.
126. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее стратегические императивы. М., 1998.
127. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. РОССПЭН. М., 1996.
128. Васильев Алексей. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., «Наука», 1993.
129. История Ирана. Отв. редактор проф. Иванов М.С. М., Издательство МГУ, 1997.
130. Куликан Уильям. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. М., 2002.
131. Ланов А. По персидским дорогам. М., ОГИЗ «Молодая гвардия», 1934.
132. Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века. М., 1974.
133. Талипов Н.А. Общественная мысль в Иране в XIX – начале XX вв. М., 1988.

Тюркские издания

134. Azeri Ali. Azadistan devleti ve seyh Muhammed Hiyabani (1918–1920). Ankara, 1994.
135. Nasibzada Nasib. Iranda Azarbaycan masalosi (XX asrin 60 – 70-ci illari). Baki, 1997.
136. Nasibzada N. Bolumnus Azazbaycan, butov Azazbaycan. Baki, 1997.
137. Hasanli Дж. Soyug muharibanin baslandigi yer. Guney Azarbaycan. 1945–1946. Baki, 1999.
138. Hasanov Nariman. Oyanmis. Tabriz va Sattarhan. Baki, 1986.
139. Hatami Muhacir. Iran matbuati imperiaлизм va mustamlkacilikla mubarizada. Baki, 1964.
140. Samida A.I. Iranda fahle va hamkarlar harakati (1941–1946). Baki, 1961.

- Аббас Великий 161
 Аббас Мирза (Каджар) 30–32, 34, 40, 41, 239, 555
 Аббас Салар-Лешгар 142
 Аббас Экбал 575
 Аббас Эслами 245
 Абдоль-Карим, Мусави-Ардебилли 486
 Абдулла, регент 308
 Абдулла, шейх 208
 Абдуллаев З. З. 176, 191
 Абдулнасер Гамал 328
 Аболькасем Фирдоуси 194
 Абу ал-Касим (имам Махди) 336, 337, 339, 463, 591
 Абу Шариф (Аббас Замани) 499
 Абуков Б. Л. 121–123
 Абулфатхзаде Асадолла 568
 Ага Абольхасан Эсфахани 162, 573
 Агабеков Г. 170, 575
 Агаев Б. 120, 121, 123
 Агаев С. Л. 140, 148, 571, 590
 Агазаде 69
 Агаян, Феликс 347
 'Агели Багер 12, 563, 572
 Азад А. 237, 284, 581
 Азер 619
 'Азими Ф. 227, 244, 259, 260, 263, 286, 578, 579, 585
 'Азуд оль-Мольк 65, 563
 Азхари Г. 446, 620, 621
 Айром Мохаммед Хосейн хан 189, 190
 Айронсайд Э. 138, 141–146, 154, 571
 Айронсайд, лорд 141
 Айрумлу Теймур, 190
 Акбер мирза, Сарим од-Доуле 97
 'Ала од-Доуле 68, 564
 Ала, Хосейн 181, 248, 249, 251, 280, 282, 305, 306, 314, 347, 588, 617
 'Алам А. 317, 318, 325, 326, 333, 619
 'Алам, Амир Асадолла 195, 323, 326, 328, 330, 331, 333, 343, 346
 Ал-Ахмед, Джалап 591
 Александр I 31, 35
 Александр Македонский 21
 Али Абу Талиб халифа, имам 23, 336
 Алиев А. А. 596
 Алиев Азиз 210
 Алиев И. 600, 605
 Аллен Дж. 225
 Аллон И. 419
 Алтан Ф. 38
 Амин од-Доуле 124
 Амин ол-Зарб 49
 Амин ос-Солтан (Атабек-е Азам) 47, 51, 61
 Амина ал-Садр, Бинт ал-Худа 503
 Амини Аболькасем 237, 277
 Амини Али 300, 320–325, 326, 342, 443, 619
 Амиралаи Ш. 261, 619
 Амир Аббас Ховейда 342
 Амир Незам Мирза Таги хан 40
 Амир Тахери 235, 588
 Амир Энтезам 451, 470
 Амир Эршад 114
 Амиртахмасеби (Абдолла хан) 148
 'Амузегар, Джамишид 519
 Амузегар, Джахангир 12, 392, 400, 434, 498, 515, 516, 518, 519, 620
 'Амуоглы Хейдар хан 125, 126, 613
 Ананьич Б. В. 46, 559
 Андреасян Р. Н. 390
 Ансари Хушанг 593
 Ансари, Шапур 392
 Арабаджян А. З. 552
 Арам А. 591
 Арбаб Кейхосров, Шахрох 199
 Ардашир Папак 21
 Ардеширджи 145, 146, 572
 Армиейдж-Смит, Сидней 99, 101–103, 166
 Армстронг С. 419
 Арнольд Вильсон 54
 Арсанджани, Хасан 322, 324, 590
 д'Арси, Уильям Нокс 51, 52, 98, 166, 171, 179, 180, 183, 184

Асадабади (Афгани) Сейид Джамал
ад-Дин 49, 58, 59, 63, 536, 610
Асадолла Рашидян 274, 348
Асгароулади Х. 487
Атабеги Турадж 215, 580
Атаев Х. 570
Афшар Реза 115
Афшартус Махмуд 282, 618
Ахави 277
Ахгер, братья 275
Ахмед Ахсан 591
Ахмед хан Пуладин 614
Ахмед С. Хашеми 498
Ахмед Хомейни 546
Ахундзаде (Ахундов), Мирза Фатх-
али 42
Ачесон Д., 279, 584
Аштиани, Мирза Хасан 49, 560
Аят Хасан 485

Багаи, генерал 617
Багаи, Мозаффар 237, 239, 240, 241,
263, 276, 283
Багир хан 66, 611
Багиров, Мир Джафар 211, 215, 216,
217, 219, 225, 226
Багратион Ираклий 556
Багратион Теймураз 556
Бадрен 449, 540
Базарган, Мехди 332, 340, 448, 450–
452, 454, 464, 468–470, 477, 492,
499, 526
Бакр, Ахмед Хасан 502
Балаян Б. П. 556
Банани Б. 176
Банисадр, Аболь-Хасан 444, 445,
470–484, 486, 507, 526, 621
Банисадр, Насролла 470
Баратов 87, 107, 115, 612
Барзани, Молла Мостафа 230, 309,
412, 502
Барк П. Л. 78
Батлер Р. 279
Батманкылыч 237
Бахадур Дженг 84
Бахаш Ш. 480
Бахонар, Мохаммед-Реза 484, 486
Бахрам Шахрох 199

Бахрами, Фараджулла 162
Бахтияр, Теймур 313
Бахтияр, Шапур 277, 447, 448, 494,
543, 621
Башкиров А. 196, 241
Баяни Ханбаба 579, 580
Баят, Каве 12, 190
Баят, Мортеза-Коли 213
Баят М., племянник Мосаддыка 277,
583
Беглари 449
Бенеш Э. 182
Бенкендорф 67
Берия Л. 211, 212, 215, 217
Бехбехани, Абдолла 59, 64, 562
Бехбехани, Мир Сейд Али 245
Бехбехани, Сейид Мохаммед Реза
259, 281, 284, 286, 290
Бехешти М. 460, 469, 471–480, 483,
484, 486, 507
Бжезинский З. 452, 550
Бонапарт Наполеон 29, 31
Боруджерди, Мохаммед-Хосейн 262,
339, 442
Бохаран, Мохаммед 619
Бравин К. 94
Буллард сэр Ридер 197
Бухарин Н. 125
Бушев П. П. 556
Буюцов Г. 49

Варасте М. 232, 233
Васильев А. 528
Васмус В. 83, 566, 575
Велаяти, Али Акбар 527, 529
Вильгельм II 74
Вильсон Арнольд 95
Вильсон Вудро 103
Вильсон Гарольд 352
Вильсон Ч. 285
Вольф, Генри Друммонд 44, 47, 50
Воронцов Ю. 529
Воронцов-Дашков 75
Восуг, генерал 277
Восуг од-Доуле 68, 96–101, 103, 105,
111–113, 124, 133, 154, 220, 537,
612, 613

Гарави 239
Гардан, генерал 30
Гардинг А. 51, 54
Гарзан М. 487
Гарриман А. 255, 279, 320, 617
Гасанов, Гасан 215
Гаффари, Хади 479
Гендерсон, Лой 272, 285, 286, 300
Гитлер Адольф 196, 198
Глуходед В. С. 187
Гоби 205, 232
Голицын С. Д. 556
Гольпаегани, Мохаммед-Реза, аятолла 461
Гольшайн А. 234, 235, 236
Горбачев М. С. 529
Готбзаде С. 462, 463, 477
Гоулдсмит 38
Гринуэй 77, 99
Грубе Э. К. 51
Грэй Э. 74, 79
Грэм Фуллер 525
Грюнвальд К. 176
Гувер-младший, Герберт 299
Гумилев Л. Н. 553
Гурьев Д. А. 33
Гэсс Н. 169, 232, 234

Дабижа 70, 564
Давафуруш Хадж Али 69
Давер, Али Акбер 181, 182, 614, 615
Давидяни, Ефрем хан 66, 72, 110, 611
Дадаш-бек 539
Даллес А. 285, 295
Даллес Джон Ф. 279, 285, 301, 586
Данешпур 234
Дастгерди, Хушанг 485
Дафтари, Мохаммед 277, 293
Демин А. И. 185
Деникин А. 117
Денстервиль 93, 115, 570, 612
Дерахшеш М. 300
Диванбеги 300
Диксон У. 138
Джавад Садр 346
Джавитс 422
Джазаери Ш. 234

Джамал-заде 149
Джафариян 449
Джахансуз Мохсен 198, 199
Джеймс Ризен 295
Джем Ф. 433
Джахангир хан, Мирза 63, 563
Дилип Хиро 504
Дональд Уильбер 295, 296
Дост-Мохаммед хан 36
Доулетабади Яхья 148
Дуглас-Хьюм Алек 352
Дуррани, Ахмед шах 557
Дюма А. 480

Екатерина II 33
Ермолов А. П. 31, 32, 555

Занд, Карим-хан 29
Заргар А. 162
Захеди, Ардешир Ф. 281, 287, 305, 422, 596
Захеди, Фазлулла 160, 275, 282, 283, 287, 288, 292, 296, 298–300, 304, 305, 596, 618
Зейнер Рабин 260
Зиновьев 125
Зиракзаде 288, 619
Зия оль-Хокама 69
Зохра Шаджан 173

Иванов В. 133
Иванов М. С. 45, 62, 141
Иден А. 273, 279, 577
Изз од-Доуле 72, 73
Иззави Ш. 176
Имам-джоме 98
Иманпур 287
Инграм Э. 35, 556
Иоанн II папа 523
Искандари Ирадж 526
Искандари (Эскандари) Аббас 234, 235, 616
Исмаил I 23, 554
Иссаи Ч. 344
Иштиак Ахмад 55

Йазди Э. 451, 452, 616

Кабус ибн Саид 354
Кавам од-Доуле 162
Кавам оль-Молюк Ширази 83, 138, 614
Кавам ос-Салтане (Кавам), Ахмед 12, 133–135, 149, 154, 204, 218, 220–228, 231, 232, 240, 266–268, 305, 322, 563, 590, 613, 616, 618
Кавтаралде С. 213, 578
Каджар, Ага Мохаммед хан 29, 559
Каджар, Ахмед шах 65, 76, 81, 96–98, 111, 134, 137, 138, 146, 147, 150, 154, 156, 159, 162, 220, 537, 565, 612
Каджар, Мозаффар ад-Дин шах 50, 59, 60, 183, 295, 536, 611
Каджар, Мохаммед шах 36
Каджар, Мохаммед Али шах 54, 60, 62, 64, 65, 67, 70, 110, 536, 537, 562–564, 611, 612
Каджар, Насер ад-Дин шах 36, 41, 44, 46, 47, 49, 536, 610
Каджар, Фатали шах 31, 34
Казем хан 147
Казем Решти 591
Каземзаде Ф. 561
Каземпур-Ардебилли Х. 529
Казн Мохаммед 229, 230, 615, 616
Калаков, Габайдулла Ишмуратоглы 132
Калали, Амир Теймур 239
Камбахш 216
Каменев 125
Камран мирза 82
Камран Мирза, правитель Герата 36
Канарис 196
Канатабади 283
Канниц, граф 74
Карабаги А. 448, 449, 621
Карахан Л. 120, 131, 173
Карим хан Рашти 220
Карруби М. 515
Картер Дж. 417–420, 444, 447, 452, 495, 506, 542, 606, 620, 621
Касим, Абдулкарим 309
Касман 114
Катузиан, Мохаммед-Али 12, 327, 590
Катузиан Х. 395, 589

Кашаварз 616
Кашани А. 241, 242, 246, 247, 255, 261–263, 265, 268, 276–278, 281, 283, 284, 299, 547, 585, 617, 618
Каштарити 20
Кедди Р. Никки 14, 126, 424, 552, 587
Кейхан М. 234
Кеннеди Дж. 319–321, 324–326, 589
Керзон, лорд 56, 95–100, 102–104, 107, 108, 137, 142, 143, 147, 148, 150, 158, 178, 423, 571
Кермани Мохаммед-Джавад Ходжжати 237, 480
Кермани, Мохаммед Реза 49, 536, 560, 610
Кермани Назим оль-Ислам 560, 561
Кесрави, Ахмед 127, 563, 575
Кешаварз Ф. 243
Киаксар 20
Киров С. 128
Киссинджер Г. 414, 540
Китабчи-хан, Антуан 50, 51
Кияни 290
Киянури Н. 526–528
Клайв Р. 167
Клинтон Б. 523, 531
Кодосси Али 485
Кожанов 121
Кокс Перси 56, 78, 84, 95, 98, 136, 137, 147, 148, 156
Коростовец 78, 79
Котт Э. 50, 51
Крымский А. Е. 562
Кузичкин В. 526–528
Куми 332, 619
Куруш 20
Кучек хан, Юнус 114–116, 119–127, 570, 613
Кэдмен Дж. 167, 168, 170, 171, 179, 182, 183
Кэртис А. 253

Ладжеварди-Касем 391
Ладжеверди, Асадолла 485
Ламбтон Э. 47, 50, 62, 197, 260, 560, 584
Лариджани 529
Лахути А. 613

Лекофр 68
Ленин В. И. 117, 119, 125, 128, 129,
226
Лесани 300
Лианозов Г. С. 610
Лонгригг С. X. 187
Лорейн 158
Луни Р. 430
ЛГ'Эстранг Фасит Л. 579
Лютф-Али хан Зенд 559
Ляхов В. П. 63

Мадани, Ахмед 470
Мазаль, шейх 55, 56, 561
Макги, Джордж 253
Мак-Дауолл Д. 24
Макдональд Джон 35
Мак-Лэчлэк, Кейт 395
Мак-Магон 38
Макки, Хосейн 237, 239, 241, 242,
245, 263, 277, 283, 299, 581, 583
Маклин 38
Макнамара Р. 352
Малек оль-Мотекаллимин 63, 563
Малек ош-Шоара Бахар 575
Малеки, Ахмед 239
Малеки, Халил 276, 283
Маленков Г. 215
Маллесон 93
Малькольм Джон 30, 31
Мальком хан 42-43
Мансур, Али 197, 200, 242
Мансур, Хасанали 331, 332, 333,
334, 340-342, 619
Мар Шимон 568
Мараши-Наджафи Ш. 461
Мариотт А. 51
Маркова О. П. 556
Марлинг Ч. 96
Масуд Ансари 310
Матвеев А. М. 565
Матин-Дафтар А. 150, 200, 357, 583
Матин-Дафтар, Хедаятолла 451
Махаллати 619
Махмуд Афшар 575
Мдивани Б. 123, 124
Мейбуд 347
Мейер А. 321

Мехдави Мохаммед Али 401
Мехдави-Кяни, М. Р. 489, 546, 547
Мехди Хомаюни 587
Мехди-Коли хан Хедаят 171
Мехрдад Р. Изади 24
Миддлтон Джордж 272
Микоян А. 123, 124, 128
Мильспо А. 156, 212, 240, 305, 578,
613, 615
Милоков П. Н. 88
Минорский В. Ф. 88, 90, 91, 562
Мир Хосейн Мусави 546
Мир-Ашрафи 325
Мирза Таги хан Рифат 110, 114
Мирза Хосейн хан 43
Мирзаде Эшки 614
Мирсалим М. 474
Мо'азземи А. 583
Модаррес, Сейид Хасан 162, 163,
193, 330
Мозаффар Зулъкадр 588
Мозаффарзаде, Мир Салех 120-122
Моин от-Тоджджар 98
Мокаддам, Алови 290, 448
Мокаддам-Мараги 462
Мокри Мохаммед 470
Молотов В. 215, 217, 220, 222
Монтазери, Хосейн-Али 460, 476,
488, 508, 547, 548
Моншизаде Ибрахим 568
Мосаддык, Мохаммед 12, 214, 231,
238-242, 244-246, 248-270, 272-
304, 306, 348, 442, 479, 526, 541,
583-588, 605, 615, 617, 618
Мосташар од-Доуле, Мирза Юсеф 43
Мостоуфи оль-Мамалек 66, 67, 81,
93, 155, 612, 614
Мохаммед хан 69
Мохаммед Адели 514
Мохаммед Мирза 36
Мохаммед Таги хан 133, 134, 135,
570, 613
Мохаммед Хасан мирза 163
Мохаммед Юсиф 36
Мохбер ос-Салтане 113, 167
Мохташеми А. А. 515
Мошавер оль-Мамалек 128

Мошир од-Доуле 58, 59, 101, 113,
138, 139, 613

Мун П. Т. 107

Мурси Ф. 505

Мусави 487

Муссолини Б. 175

Мухаммед, пророк 336, 337, 591

Мухаммед Хасан-хан 555

Набави Бехзад 478, 483

Наджжар Мустафа Абд аль-Кадер
178

Наджм А. 232, 234, 583

Надир шах Афшар (Тахмасп Кули-
хан) 32, 36, 40, 132, 556

Назих Хасан 492

Найини, Мирза Мохаммед Хосейн
162, 338, 573

Нанишвили 122

Нариман, Махмуд 234, 241, 245

Нариманов Н. 128, 570

Насер оль-Мольк 69, 71, 612

Насири Н. 288, 292, 620

Натег Х. 11–12, 47, 49, 560

Натек-Нури А. А. 520

Наус 59, 61

Нашат Г. 41

Незам ос-Салтане 84

Незам-е Мафи, Реза-Коли 565

Нератов 564

Нидермайер Оскар фон 85, 86, 87

Никсон Р. 408

Норман Г. 101, 136–139, 142, 143,
148, 150, 151, 571

Норман Дарбишир 295

Носрет од-Доуле, Фируз мирза 12,
97–100, 105, 142, 147, 154, 162,
538, 544, 581

Нольде, барон 90

Ноубари, Мирза Исмаил 110

Нозль 116

Нурбахш М. 514

Нури Амиди 239

Нури Саид 308

Овейси, Голам-Али 440, 597

Олбрайт, Мадлен 541

Орджоникидзе С. 120, 121, 124, 126,
128, 570

Пакраван, Хасан 334, 346

Пальмерстон 36

Парвареш А. 487

Пейдж Говард 299

Перес Ш. 419

Перрон Э. 263

Персиани 90

Песня Наджафкули 190

Петр I 32

Пехлеви, Али Реза 287

Пехлеви, Ашраф 282, 286, 347, 433,
619

Пехлеви, Мохаммед Реза шах 9, 10,
141, 145, 185, 190, 195, 201, 203,
219, 263, 278, 280, 281, 286, 288,
289, 296, 297, 310, 312, 320, 325,
346, 359, 361, 362, 384, 395, 400,
407, 416–418, 420–422, 424, 425,
431, 433, 434, 441, 448, 449, 497,
539, 540, 550, 552, 571, 576, 581,
590, 591, 607, 615, 618, 621

Пехлеви, Реза шах (Реза хан) 10, 17,
127, 128, 141–147, 149–167, 171–
177, 182, 183, 185–187, 189–202,
209, 216–217, 220, 229, 239, 244,
278, 288, 289, 298, 350, 441, 537–
539, 544, 572, 573, 576, 613–615

Пехлеви, Тадж оль-Мольк 190

Пехлеви, Фарах 418, 448, 621

Пирния, Хасан 205, 232

Питер Авери 205

Питер Бек 183, 185

Пишевари, Сеид Джафар (Джавад-
заде) 120, 121, 216, 217, 219, 223,
226, 227, 228, 578–580

Поклевский-Козелл 564

Поляков А. С. 46, 610

Потемкин Г. 33

Прим 61

Пылаев 122

Раджави М. 458, 484, 486, 501

Раджан, Мохаммед Али 474, 475,
478–480, 484, 507

Размара, Хаджали (Али) 228, 241,
242, 243, 244, 245, 247, 248, 255,
583, 617

Раисния Рахим 12, 578

Райз Дж. 541

Раскольников Ф. 117–121, 123

Расулзаде, Мохаммед-Амин 67, 612

Рашидян, братья 276, 281

Редько 70

Резаи Али 391

Рейган Р. 512

Рейнольдс Джордж Бернард 52, 53

Рейс 74, 81, 612

Рейтер Юлиус 44, 45, 50, 610

Рияхи, Таги 288, 290, 292, 293, 295,
299, 588, 618

Роббинз К. Дж. 45

Робертс Г. 352

Рокфеллер Д. 447

Роналл Дж. О. 176

Ростоу Ю. 321, 352, 580

Ротштейн Ф. 125, 127, 128, 570

Рубин Б. 225, 228, 312

Рузвельт, Кермит 285–290, 293, 294,
296, 587, 588

Рухани, Фуад 244, 268, 272, 379

Садат А. 540

Садик 619

Садр Каз 230, 616

Садр, Мохаммед Багир 502, 503

Садых оль-Мольк 69

Сасд Мараген, Мохаммед 212, 213,
233–237, 242, 578

Сазонов С. Д. 78, 536

Сайкс Перси 71, 86, 565

Саймон, Джон 181

Салар од-Доуле 564

Салех Аллвар 239, 242, 245, 319,
442, 443, 583, 616

Салим 69, 612

Салливан У. 418, 419, 542, 543

Самсам ос-Салтане 53, 54, 65, 67,
69, 72, 73, 84, 94–97, 563, 612

Санджаби, Карим 239, 445, 451, 619,
620

Сардар Асад 54, 65, 84, 563

Сардар Джанг 84, 85

Сардар Зафар 83

Сардар Моаззез 135

Сардар Мохи 65

Сардар Мохташем (Голам Хосейн
хан) 85

Сардар Хомаюн, Вали 142

Сарим од-Доуле 614

Саттар-хан 64, 66, 69, 611

Сафави Навваб 260

Сейид Абдулла 259

Сейид Мохаммед-Таги 247, 262

Сейид Ширази 508

Сейф Азад 198

Сейф Каз 616

Семенов В. 310

Сепакдар 65–67, 82, 124

Сепакдар (Азам) Фатхолла хан 102,
139, 140, 142, 144, 148

Сепаксалар, Мирза Хосейн хан 40, 41

Сетари М. 432

Сиккат оль-Ислам 69, 612

Симко Исмаил Ага 114, 154, 155,
159, 568

Симонич 555

Сингх К. Р. 344

Скурят 564

Смит 143, 144

Солейман Мирза 67, 84, 116, 160

Сольтан оль Улема Хорасани 563

Сорей, шахиня 618

Сорури М. 583

Соруш А. 547

Соулет од-Доуле 138

Сохраби 513

Спринг-Райс Сесил 54

Сталин И. В. 125, 211, 214, 216,
219–227, 264, 292, 570, 581, 585

Старосельский 116, 138, 139, 142

Стивн Роджер 346

Стобау Р. 374

Страктона, лорд 52

Стюарт 290, 294

Субхи М. 117

Султан оль-Улема 63

Султанзаде А. 117, 123, 125

Сумер Ф. 554

Сэмпсон Э. 491

Сэмюэл Гое 178

Табари, Эхсан 528
 Табатабаи, Сейид Зия (ад-Дин) 59,
 64, 134, 139, 140, 142, 146–151,
 153, 220, 239, 251, 259–261, 339,
 562, 572, 578, 583, 613, 615
 Тавакколи А. 487
 Тавассоли 546
 Тагизаде, Сейид Хасан 67, 171, 182
 Талегани, Махмуд 286, 319, 332,
 340, 526, 544
 Тальбот М. Дж. 47, 50
 Теймури, Ибрахим 44
 Теймурташ А. 12, 139, 165–173, 178,
 179, 186, 538, 614
 Терещенко М. И. 88, 90
 Техрани, Бахрам 395
 Томпсон Дж. 351
 Торнберг М. 253
 Тоунлей 73, 78, 79, 81
 Троцкий Л. 117, 119, 120, 125, 133
 Трубецкой В. В. 185
 Трумэн Г. 226, 252, 255, 257, 272,
 273, 279, 617
 Туфанян Х. 433, 434

 Узли Г. 31, 35

 Фагфури М. Х. 585
 Фазл Харанди 515
 Фазлолла, шейх 61
 Фаллах Р. 277, 377
 Фардуст, Хосейн 200, 312, 325, 347,
 576
 Фарманфарма А. 82, 142, 544
 Фарманфармаиан С. 544
 Фаррох хан 37
 Фарси, Джалаледдин 469
 Фатеми, Хосейн 241, 261, 288, 300,
 588, 618
 Фатх Али-шах 36, 239
 Фахрараи Насер 581, 617
 Фейсал 156
 Фейсал II 308
 Фешараки Ф. 375
 Фируз Мансури 177
 Фируз Мирза 104
 Фируз, Мозаффар 222, 223, 581

Фирузабади 162
 Фишер Джон 52, 77
 Флоор В. 176
 Форути, Мохаммед-Али 179, 182,
 538, 614
 Форухар Д. 246
 Фостер А. (Вернон А. Касин) 481
 Фрай Ричард 422
 Фрезер У. 56, 234, 235, 236
 Фрунзе М. 117

 Хабибулла 86
 Хадженури Эбрахим 304, 400
 Хаеризаде А. 234, 237, 240, 241, 242–
 284, 304, 581
 Хажир, Абдольхосейн 232–234, 239,
 241, 617
 Хазаль 55, 56, 80, 85, 138, 155–160,
 164, 298, 573, 614
 Хайзер Р. 540, 542, 543
 Хаким (Ал-Хаким), аятолла Мохсин
 335, 548
 Хакими, Ибрагим (Эбрахим) 232,
 234
 Хакимуллахи-Фаридани 147, 148
 Хакшенас 288
 Халаби М. 487
 Халатбари А. 419
 Халеси А. 150
 Халил Тахмасеби 583
 Халу-Курбан 126
 Халхали, Садек 483, 515
 Хаменеи, Сейид Али 480, 488, 489,
 508, 514, 516, 522, 523, 546, 621
 Ханлари Н. 575
 Хареджу К. 430
 Харири, Кербелаи Али 110
 Хасан II 539
 Хасан, ал-Аскари (имам) 336
 Хасан Ильяни 121, 122
 Хасан Мирза 60, 562
 Хасан Мохаммед 147
 Хасан Санеи 546
 Хасан Хабиби 469, 471
 Хасанли Дж. 218, 227, 580, 581
 Хасанов Х. 578
 Хасиби К. 583, 619

Хатами, Мохаммед 521–524, 547–549, 621

Хашеми-Рафсанджани Али Акбар 474, 476, 480, 482, 483, 487, 488, 508, 513–516, 520, 522, 526, 529, 546, 546, 621

Хеджази 276

Хекмат, Али Аскер 310

Хенгинг В. О. 198

Хиро Дилип 333, 542, 588, 595, 599

Хит Э. 353

Хиябани, Мохаммед, шейх 109–114, 126–127, 613

Хиябани, Муса 484

ХовеЙда А. А. 342, 399, 424, 434, 620

Ходжжат оль-Ислам Аболь-Касем Хазели 487

Ходоу (Худаверди хан) 132, 133, 135

Хоениха, Мохаммед 470, 515

Хои. Абу ал-Касим 335, 338, 505, 548, 590, 591

Хомейни Мостафа 334, 338

Хомейни Рухолла 9, 11, 15, 16, 328–330, 332–339, 421, 424, 436, 437, 439, 440, 444, 445, 448–456, 458–465, 468–474, 476–482, 484, 486, 489, 492, 497, 500–505, 507, 508, 511, 513, 514, 531, 543, 545–547, 550, 589, 591, 607, 619–621

Хомейни Хосейн 476

Хосров Мо'тазед 12, 198

Хосровпанах М.-Х. 587

Хоулдик 38

Хоштария А. 211

Хрущев Н. С. 307, 309, 310

Хумен А. 243

Хусейн, король 308, 419

Хусейн Саддам 476, 502, 503, 505, 508–513, 525, 591, 599

Цугмайер 87

Чальфонт, лорд 423

Чамран, Мостафа-Али 500

Чемберлен О. 160, 165

Черчилль У. 57, 77, 156, 201, 272, 273, 286

Чилингарьян Т. 122

Чичерин Г. 118, 124, 127, 128, 131

Шаеган А. 241, 242, 290, 583

Шапур II 21

Шапурджи 325

Шапшал С. М. 60, 562

Шариатзаде 237

Шариати Али 443, 444, 591

Шариатмадари, Сеид Казем, аятолла 452, 459–463

Шарипов У. З. 371

Шариф-Имами (Эмами) Дж. 318, 319, 320, 433, 589, 620

Шафак Резазаде 231, 583

Шахаб ос-Салтане 53, 54

Шахруди, Сеид Махмуд 335

Шварцкопф Норман 228, 287

Шейбани Казем 245

Шейх Эззадин Хосейни 463

Шейхольислами Дж. 141, 142

Шеперд Фрэнсис 247

Ширази Хаджи Мирза Мохаммед Хасан 48, 339

Шоа ос-Салтане 68, 82, 564

Шоджа од-Доуле Самед хан 76, 110, 566

Шоукет оль-Мольк, Амир Ибрахим 135, 195

Шредер 87

Шустер М. 67, 68, 70, 75, 109, 110, 611

Шюнеман 91

Эбтехадж А. 317, 325, 326, 346, 348

Эгбаль Манучехр 238, 314–318, 324, 346

Эйзенхауэр Д. 279, 286, 287, 298, 307, 541

Эйн од-Доуле 59, 64, 80, 111, 612

Эйн ос-Салтане 73

Элвелл-Саттон Л. 102, 160, 185, 211, 291

Элкингтон 577

Эмами Джамал 234, 244, 251, 259

Энглер Роберт 294

Энгтезам Насролла 181

Энтони Лейк 523

Энтони Х. Кордесмен 498
Эрани, Таги 575
Эскудеро, Стэнли Т. 605
Эсмейс 142, 143, 144
Эсфендияр хан 53

Эттехадийе Мансуре 12
Эттли К. 255, 583
Эхсанулла хан 121, 124, 126, 568
Ятсевич Г. 325, 326

Абадан 28, 56, 168, 169, 191, 208, 248–250, 267, 300, 364, 368, 380, 496, 504, 507, 599

Абадан о-в, 78

Абу-Дабби 353, 360, 361

Абу-Муса, о-в 177

Абхазия 31

Австро-Венгрия 82

Агаджари 26, 208, 248, 249

Аден 351, 352

Адждаман 353

Азалистан 111–113

Азербайджан 21, 23–26, 29–32, 34, 46, 48, 51, 60, 61, 64, 67, 69, 76, 77, 80, 90, 91, 97, 100, 109–114, 118, 119, 126–128, 136, 147, 154, 163, 190, 209–211, 214–224, 227, 228, 231, 259, 268, 271, 303, 338, 425, 437, 461, 541, 553, 554, 557, 558, 567, 568, 575, 578–580

Азербайджанская Республика 19, 104, 112, 118, 119, 124, 126–128, 218, 226, 228

Азербайджанская ССР 100, 112, 118

Аламут 72, 73

Алжир 91, 377, 415, 452, 478

Англия 30, 33–37, 39, 40, 42–44, 46, 51, 56, 58, 62, 66–69, 72, 74–77, 79, 80, 82–85, 88, 89, 94, 95, 98, 103, 107, 136, 138, 147, 155, 156, 158–160, 164, 165, 168, 171, 173, 178, 181, 182, 186, 192, 200, 201, 203, 219, 226, 243, 244, 247, 253–257, 259, 269, 270, 272–274, 279, 286, 291, 294, 295, 297, 298, 302, 311, 317, 332, 350–354, 356, 358, 362, 382, 408, 410, 414, 434, 491, 500, 526, 538, 539, 555, 556, 565, 579, 593

Анкара 28, 334

Арабистан 53, 156, 158, 159, 165, 298

Аракс, река 307, 558

Ардебиль 25, 114, 119, 124

Армения 19, 125, 553

Армянская Республика 104

Астара 19, 47, 118, 119

Астрабад 46, 51, 67, 70, 115, 211, 536, 537

Асуан 448, 539

Атрек, река 37, 307

Афганистан 19, 21, 22, 25, 30, 34, 37, 38, 62, 69, 81, 86, 137, 366, 413, 527, 528, 553, 557

Ахал-Теке 37

Ахваз, 25–27, 37, 53, 54, 169, 189, 249, 250, 267, 364, 504, 593, 599

Ахмедбад 239

Ашур-Ада, о-ва 129

Багдад 280, 288, 296, 306, 308, 309, 334, 501, 502, 507, 509, 511, 588

Багерабад 329

Багешах 63

Баку 28, 32, 87, 112, 115, 117, 120, 122–125, 210, 211, 214, 216, 217, 227, 533, 564

Барир, вершина, 19

Басра 78, 156, 159, 161, 169, 507, 509, 512

Бахрейн 350, 351, 353

Бахрейнские о-ва 177, 178

Бахтиярия 53–55, 85, 155

Белуджистан 25, 29, 38, 86, 96, 194, 287, 396, 500

Бельгия 50

Бендер-Аббас 19, 28, 62, 410

Бендер-Махшахр 28

Бендер-Машур 248, 249

Бендер-Торюмен 28

Бендер-Хомейни 28

Бендер-Шахпур 368

Берлин 81, 87, 149, 199, 526, 539

Биби Хакиме 26

Бид-Боланд 365

Бирджанд 24, 62

Боруджерд 63

Бразилия 423, 603

Бушир (Бушер), 25, 28, 37, 64, 69, 78, 82, 90, 176, 275, 530, 531, 566, 575

Вашингтон 212, 254, 257, 272, 285,
296, 305–307, 310, 411, 423, 478, 495,
523–525, 541, 542, 578, 596, 608

Великобритания 34, 37, 39, 45, 47, 50,
51, 54, 56, 57, 62, 64, 66, 69–73, 77–
80, 83–85, 93, 96–99, 103–106, 116,
127, 130, 136, 137, 140, 145, 147,
150–158, 160, 164, 165, 168, 171, 173,
177–181, 183, 186, 193, 198, 200, 201,
203, 209, 210, 225, 231, 232, 234, 246,
247, 252, 253, 255, 256, 259, 260, 265,
266, 272, 273, 276, 279, 282, 288, 293,
297, 299, 303, 304, 306, 308, 312, 314,
325, 332, 346, 347, 349, 350, 352, 408,
409, 411, 422, 423, 433, 537, 539, 552,
556, 559, 579, 584, 585, 604

Венгрия 270, 358

Венесуэла 491

Верамин 329

Газик 62

Геватер, залив 19, 38

Герат 36, 37

Германия, 62, 66, 67, 74–77, 80–82, 85,
171, 190, 192, 195, 196, 198, 199, 201,
261, 324, 539, 589, 604

Гилан 14, 24, 51, 65, 69, 113–116, 120,
121, 123–128, 136, 139, 147, 150, 163,
211, 214, 288, 485, 568

Горган, река 92

Горган 47, 145, 396

Горганская низменность, 19

Греция 226, 602

Грузинская Республика, 104

Грузия 29–31, 125, 555, 556, 558

Гянджа 32, 90, 555

Гячсаран 26, 364, 367

Демавенд, вершина 19

Джультфа 129

Дизфуль 168, 508

Дилман 159

Договорный Оман 351, 353, 354, 412

Дубай 353, 604, 605

Египет 22, 89, 180, 226, 304, 320, 350,
352, 353, 413, 419, 420, 448, 539, 540

Женева 181, 351, 416

Зенджан 25, 116

Зульфугар 62

Израиль 311, 329, 332, 333, 413, 419,
420, 433, 434, 494, 500, 525, 530, 531,
540

Индия 22, 29, 30, 34, 37, 38, 40, 45, 53,
56, 74, 79, 81, 86, 89, 95, 117, 132,
145, 146, 169, 178, 180, 196, 198, 206,
367, 413, 416, 505, 527, 572, 577

Индийский океан 410–412, 414, 418,
419

Ирак 10, 22, 96, 137, 155, 156, 161, 162,
177, 178, 225, 261, 304, 308, 309, 313,
320, 334, 335, 338–340, 350, 351, 354,
355, 360, 377, 412, 415, 476, 480, 482,
485, 486, 491, 497, 501–511, 513–515,
524, 525, 528, 529, 546, 553, 560, 573,
589, 591, 595, 598, 602

Иракская Республика 19, 39, 308, 309,
335, 354, 502, 508

Исфахан 27, 28, 53, 62, 64, 82–84, 86,
137, 138, 168, 249, 250, 267, 289, 364,
365, 426, 438, 476, 483, 497, 548, 563,
597

Италия 171, 273, 274, 288, 350, 410,
541

Йезд 62, 137, 396, 485, 521, 597

Кавказ 17, 21, 22, 29–35, 46, 74, 90,
103, 104, 107, 110, 112, 113, 124–126,
128, 136, 152, 199, 531, 532, 556–559

Казвин 65, 68, 72, 73, 82, 107, 115, 116,
118, 129, 144, 148, 214

Каземейне 161

Каинат 38, 135

Каир 540

Карабах 31, 32, 555

Каракас 360, 416, 491

Карачи 285

Карс 110

Карун, река 55

Касре-Ширин 62, 503

Катар 351, 353, 361

Кашан 84, 329, 365

Киржук 507
Кевир-Хуриан 211
Кербела 64, 156, 334, 510, 598
Керендж 81, 177
Керман 21, 29, 62, 83, 137, 287, 485, 575
Керманшах 24, 52, 84, 85, 116, 188, 267, 302, 364, 485
Конго 91
Куба 91, 516
Кувейт 350, 351, 355, 360, 361, 416, 507
Кум 59, 84, 161, 261, 327–330, 332, 334, 365, 436, 437, 439, 444, 445, 461–463, 489, 553, 554, 597
Курдистан 24, 26, 92, 107, 158, 159, 194, 209, 216, 224, 229–231, 243, 303, 396, 472, 500, 553, 579

Лаван, о-в 28
Ливан 261, 308, 340, 505
Ливия 359, 377, 602
Лондон 17, 35, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 67, 73, 95, 98–102, 104, 136, 141, 146, 164, 165, 167, 168, 170, 178, 180, 183, 200, 205, 236, 248, 253, 255, 269, 285, 299, 305, 351, 359, 361, 492, 537, 557, 560
Лурестан 26, 53, 84, 155, 158

Мадрас 367
Мазендеран 25, 29, 51, 115, 124, 211, 485
Марага 64, 76
Маракеш 539
Марокко 89
Марун 26, 359
Махшехр 367, 368
Мексика 540
Мексиканский залив 188
Мерва 29, 37
Мервский оазис 37
Месджед-Солейман 52, 53, 191, 248, 378
Межабад 92, 217, 227, 229, 478
Мешхед 28, 29, 64, 69, 70, 110, 134, 314, 329, 332, 365, 426, 438, 565, 597, 609

Мобарак 27
Монако 434
Москва 28, 73, 86, 100, 101, 116, 118, 120, 124–126, 128, 132, 133, 140, 171, 173, 200, 210–212, 215, 217, 218, 220–222, 224, 227, 243, 255, 307, 309, 310, 343, 528, 529, 534, 541, 578, 580
Мосул 507

Наджаф 161, 334–336, 338, 436, 439, 440, 445, 470, 502, 505, 510, 573, 598
Наргин, о-в 87
Нефтсефид 248, 249
Нефтхане 167, 354
Нефтшах 186, 189, 302, 354, 364
Норвегия 491

ОАЭ 353, 354, 361, 604
Оманский залив 19, 354, 410, 411
Ормузский пролив 354, 355, 410
Османская Турция 32, 39, 74, 76, 80, 82, 85, 85, 86, 90, 110, 164, 557, 558
Остадсара 115

Пакистан 19, 25, 287, 304, 352, 409, 413, 505, 553, 580, 594
Париж 37, 47, 49, 50, 103, 156, 170, 305, 448, 463, 470, 477, 481, 484, 543, 597
Парс 21, 26
Персидский залив 19, 26, 28, 30, 34, 36, 39, 42, 45, 53, 55, 56, 78, 80, 95, 96, 164, 165, 173, 176–178, 180, 192, 201, 208, 249, 302, 303, 308, 349–356, 359–361, 367, 378–380, 383, 390, 408, 410–414, 417–419, 503, 506, 510–513, 524, 534, 540, 546, 602, 605
Персия 21, 33, 34, 45, 46, 62, 73, 78, 79, 86, 88–93, 96–98, 107, 116, 117, 119, 121–123, 125, 127, 129, 130, 201, 534
Петербург 35, 46, 64, 68, 73, 82, 172, 190, 559
Петровск 110
Петроград 87–89, 91, 94
Полторацк (Ашхабад) 133
Прикаспийская низменность 19
Рабат 539

Рас-эль-Хайма 353, 354

Рей 271

Решт 64, 65, 68, 69, 115, 118, 120, 121,
123, 124, 154, 176, 267, 482, 564

Рим 295, 296

Российская Федерация 13, 27, 34, 35,
72, 100, 116, 118, 126, 521, 525, 529,
532, 533

Россия 16, 17, 30–35, 37, 39, 40, 42–44,
46, 47, 50, 51, 58, 60, 62, 64, 66, 67,
69–83, 85–94, 96, 100, 103, 107–109,
111–113, 116, 117, 124, 125, 130, 131,
151, 190, 197, 211, 212, 226, 516, 528,
529–532, 536, 537, 555–558, 565

Румыния 188, 343

Саадабад 288, 587

Саккыз 155

Самарра 161, 334, 560, 598

Сарчешме 27

Саудовская Аравия 29, 247, 350–354,
356, 360, 361, 363, 412, 414–416, 444,
490, 504, 507, 512, 540

Северное море 367, 372, 387, 416

Сеистан 29

Семнан 211, 213

Сент-Мориц 377

Серахс 28, 37, 38, 365, 497

Систан 25, 37, 38, 86, 135, 395, 396,
557

Советский Союз 13, 17, 32, 132, 140,
171, 180, 188, 198–200, 209–213, 217,
218, 221, 224, 226, 227, 243, 268, 270,
274, 280, 309, 310, 304, 307, 314, 332,
343, 344, 352, 365, 370, 372, 444, 470,
487, 527, 529, 531, 539, 579, 591

Соудж-Булаг 92, 229

Софьян-Урмийское озеро 129, 130

СССР 13, 14, 17, 165, 174, 180, 195, 200,
201, 209–211, 213, 215, 216, 218–221,
224, 225, 229–231, 243, 270, 304, 307,
309, 343, 344, 365, 372, 527–529, 531,
539, 541, 589

Стамбул 48, 80, 111, 560

Сулеймание 39, 91, 92

США 10–12, 14, 26, 66, 67, 95, 98, 103,
104, 145, 200, 202, 203, 209, 210, 219,
225, 226, 231, 240, 243, 248, 252–258,

265, 266, 272–274, 276, 277, 279, 282,
285–287, 289–291, 293–306, 310,
312–314, 316–318, 320, 321, 323–326,
329, 332, 333, 342, 344, 347, 350, 352,
356, 358, 362, 363, 366, 382, 384,
408–412, 414, 416–420, 422, 428,
432–434, 443, 444, 447, 450, 467, 470,
477, 478, 481, 490, 495, 496, 499, 500,
503, 504, 506, 511–513, 522–525,
529–531, 539–544, 552, 579, 581,
584–587, 589, 593, 597, 600–605,
607–609

Табриз 27, 60, 64, 66–69, 109–111, 113,
114, 127, 129, 176, 210, 217, 219,
222–224, 227, 228, 249, 250, 267, 329,
364, 437, 439, 444, 445, 462, 482, 483,
485, 497, 536, 553, 558, 562, 566, 597,
605

Тегеран 10, 17, 20, 25, 28–30, 35–38,
44–49, 51, 53, 54, 58–60, 63, 65, 67–
70, 72–74, 78, 79, 81, 84–88, 92–104,
108, 109, 111, 115, 118, 124–126, 129,
133, 136–140, 142, 144, 145, 147, 148,
150, 153, 155, 162, 166, 168–170, 172,
173, 176, 178, 179, 182, 183, 189, 191,
192, 196–199, 213, 216, 219–223, 225,
227, 228, 232, 234, 235, 238, 239, 241,
242, 246, 249–251, 253–256, 259–261,
263, 267, 271, 276, 289, 284–287, 290,
293, 295, 296, 304, 305, 307, 309, 310,
313, 318, 329, 346, 347, 350–352, 354,
360, 364, 365, 374, 383, 384, 397, 418,
419, 422, 436, 439, 440, 443, 446, 448,
449, 452, 461, 463, 470, 471, 479, 481,
483, 487, 494, 496, 497, 500, 508, 511,
521, 524–526, 528–530, 536, 537, 540,
541–544, 548, 554, 555, 558, 562–564,
568, 571, 575, 577–580, 589, 591, 594,
597, 599, 605, 608

Техас 540

Томб Малый и Большой, о-ва 177, 354

Турецкая Республика 19

Туркестан 37, 70, 86, 103, 104, 106,
115, 117, 132, 133, 136, 531

Турция 24, 33, 75, 91, 115, 117, 125,
200, 304, 311, 320, 352, 511, 533, 553,
589

Умм-эль-Кайвайн 353

Урмия, озеро 20, 48, 130

Урмия 107, 568, 599

Фао 78, 511, 512

Фарс 12, 25, 26, 83, 138, 193, 194, 239, 271, 356

Фарси, о-в 351

Франция 30, 35, 39, 80, 89, 95, 98, 159, 171, 239, 242, 270, 274, 324, 356, 408–410, 434, 445, 468, 471, 484, 538, 555, 579, 590

ФРГ 270, 359, 478, 494

Фуджайра 353

Хаджиабед 211

Хамадан 24, 63, 87, 129, 482, 599

Хангиран 365

Харк, о-в 28, 36, 37, 367, 368, 511

Хафтгель 186

Хирманд, река 38

Хорасан 12, 21, 24–26, 37, 38, 51, 64, 70, 86, 93, 131–136, 145, 159, 172, 193, 211, 271, 396, 401, 570, 571

Хормозган 25

Хорремшехр 28, 55, 191, 410, 508

Хосейн-Коли, залив 19

Хузестан 21, 25, 53–55, 156–160, 164–166, 168–170, 173, 191, 193, 204, 206,

208, 246, 248, 249, 267, 298, 349, 350, 447, 470, 472, 496, 504, 507, 575

Хуриан 211

Чехословакия 182, 270, 343

Чикишляр 46

Шарджа 354

Шатт-эль-Араб (Арванруд), река 19, 39, 78, 177, 178, 354, 355, 512

Шахин-кале 155

Швейцария 170, 212, 239, 286, 312, 347, 377, 434

Шiraz 28, 69, 83, 86, 364, 365, 367, 481, 485, 497, 559, 575, 597

Ширван 132

Шул 275

Шурагельский округ 31

Экбатаны 20

Эль-Арабия, о-в 351

Эльбрус 19

Энзели 68, 69, 101, 115, 117–123, 129, 130, 176

ЮАР 367, 416, 494

Южная Корея 413, 522

Южный Йемен 351

Япония 273, 274, 359, 363, 366, 411, 416, 494, 522, 593, 603, 604

IRAN IN THE 20th CENTURY

(Summary)

As a result of the revolution of 1978–1979 one the most ancient monarchies in the world crashed in Iran. Just before this happened the dictatorial regime of the late Shah Mohammed Reza Pahlavi was formally at the height of its power. The result of the revolution, the forming of a new state in Iran – the Islamic Republic – was no less unexpected. The Shi'a authority ayatollah Khomeini became its leader. Khomeini's theocratic concept about Velayat-e Faqih (the regency of the most authoritative Shi'a 'Faqih', law-maker) served as the basis for the top power in the Republic.

The removal of limitations and prohibitions that existed under Shah offered scientists and journalists an opportunity to start the study of various formerly secret documents from both state and private archives. These documents revealed the hidden side of the Pahlavi family's activities, as well as of other members of the ruling class. Moved by the desire to expose the anti-populist, dictatorial and pro-Western nature of the former regime the new Iranian power in every way supported the publication of materials found in official archives (state, SAVAK, police, gendarmerie). Of these, the secret documents from the US embassy in Tehran had exceptional significance for the study of the history of Iran.

The peaceful disintegration of the Soviet Union strongly enhanced the documental base of Iranian history of the 20th century. The removal of official barriers, the elimination of restrictions formerly applied to the study of some subjects, the change of status of official archives, the appearance of private publishing houses and, on the whole, the process of general democratisation stimulated the creation of freer and more objective historical writings in Russia and, to a certain extent, in other newly formed states. These processes had direct influence upon the Iranian historiography.

This can be explained in the first place by the fact that from the first days of Bolsheviks in Russia, with Lenin at the lead, Iran had an important place in the foreign policy of the new state. Moreover, due to a number of reasons of historic and political nature at times Iran

became the object of pressure and territorial claims for the Soviet leaders.

These factors and the new developments made an interpretation of the history of Iran in the last century possible and, indeed, imperative in order to bring it closer to the historic reality.

A new interpretation is a more than complex task for an historian. Only using new reliable evidence coming into circulation he/she can afford attempting a new explanation of significant issues related to the history of a given country and/or society. Naturally, the new interpretation should also be based upon a critical examination of distortions that may have become part of the historical tradition. In certain cases we deal with obvious falsification that aims to misrepresent the nature of phenomena, events, actions etc. However sometimes the wrong construal of a document or an event results from the sheer lack of information at the researcher's disposal. In general, in some cases the history is re-written or re-interpreted because of objective circumstances, in some – at the order of the authorities in order to legitimise the power or popularise it.

The book consists of the following main chapters:

Introduction. The general information about the Islamic Republic of Iran.

Chapter 1. Iran at the end of 19 – first quarter of the 20th century.

Chapter 2. The crisis of the Qajar power. The coup-d'etat of 21 February, 1921 and its consequences (1920–1925).

Chapter 3. Reza Shah's dictatorship (1925–1941).

Chapter 4. The new centres of power and the intensification of the socio-political struggle. Rivalry between the Allies (1941–1949).

Chapter 5. The movement for the nationalisation of oil industry. Dr Mosaddeq's role.

Chapter 6. The rule of Mohammed-Reza Shah Pahlavi.

Chapter 7. The antimonarchic revolution of 1978–1979 and the creation of the Islamic Republic of Iran. The Khomeini era.

Chapter 8. The war with Iraq. The consolidation of the Islamic regime and the new issues.

Conclusion.

Научное и учебное издание

Алиев Салех Мамедоглы
История Ирана – XX век

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Компьютерный набор *Н.В. Соколова*
Оригинал-макет *Г.В. Миронова*
Корректоры *М.Я. Колесник, Л.В. Хохлова*
Эмблема серии *А.Е. Жуков*

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г. («Крафт+»)
ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г. (ИВ РАН)

Сдано в набор 25.05.03. Подписано к печати 15.02.04.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 42.
Уч.-изд. л. 40,4. Тираж 1000 экз. Зак. № 65

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю.В. Чудодеев*

Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

альбомы, иллюстрированные издания,

словари, энциклопедии,

учебно-познавательную литературу,

прозу и поэзию

издательства:

**Республика, Аграф, Аспект-пресс, Логос,
Тропа троянова, Голос, Сибирский хронограф,
Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Крафт+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru.

www.podlipki.ru/~kraft

Серия «Мир ислама»
(совместно с ИВ РАН):

- Ислам и политика
- Иран: ислам и власть
- Мусульманские страны у границ СНГ
- В.Э. Шагаль. Арабский мир: пути познания
- О.В. Плешов. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане
- Ислам на современном Востоке

Книги серии посвящены анализу политических, социальных и культурных процессов, протекающих в странах Ближнего и Среднего Востока, исповедующих ислам.

Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. – 2-е изд. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003. – 256 с.

В книге рассказывается об истории становления и формирования движения «Талибан», о тех внешних силах, которые способствовали его появлению в 1994 г. на военно-политической арене Афганистана; исследуются причины, приведшие к падению режима талибов в конце 2001 г. В книге анализируются различные аспекты внутренней и внешней политики Исламского Эмирата Афганистан, созданного талибами на подконтрольной им территории.

Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. – М., Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2003. – 272 с.

Книга посвящена актуальному социально-политическому явлению нашего времени – терроризму. Ни одно государство не застраховано от террористов, действия которых приобретают международный характер. В основу книги легли материалы научной конференции «Терроризм – угроза человечеству в XXI веке и ситуация на Востоке», состоявшейся в Москве в марте 2002 г. в Институте востоковедения.

Эти и многие другие книги Вы можете заказать
наложенным платежом по адресу:
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14